

**ЗАПИСКИ
РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ИОРДАНА**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

Составитель, автор вступительной статьи и примечаний

Н.С. Беляев

Научный редактор

Г.В. Бахарева

Рецензент

Е.А. Плюснина

Иордан Ф.И.

И 756 Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н.С. Беляев; науч. ред. Г.В. Бахарева; БАН. – СПб.: БАН, 2012. – 383 с.

ISBN 5-336-00142-6

Книга включает воспоминания Федора Ивановича Иордана (1800-1883), известного русского гравера, профессора и ректора Императорской Академии художеств. Благодаря его уникальным запискам современные читатели могут получить представление о целом периоде развития отечественной художественной школы первой половины XIX века.

Издание предназначено для историков искусства, литературоведов, специалистов в области книжной графики, культурологов, студентов гуманитарных вузов и всех, интересующихся развитием русского искусства первой половины XIX века.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отдел Библиотеки Российской академии наук при Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН помимо традиционной библиотечно-библиографической деятельности ведет активную научную работу, направленную на раскрытие своих уникальных фондов. Одним из направлений этой работы является комментированная публикация редких и ценных изданий, делающая более доступным их использование специалистами, а также обеспечивающая сохранность оригиналов. Комментарий к переизданию вводит в научный оборот сведения об авторе, истории создания и бытования первоисточника. К подготовке научного комментария привлекаются архивные документы, журнальные публикации, опубликованная переписка, что, в совокупности, расширяет представления о переиздаваемом памятнике.

Настоящее издание представляет публикацию «Записок ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана»¹. Выбор его для публикации определен рядом причин. Во-первых, в библиотеке Пушкинского Дома почти с самого момента ее основания был организован и до сего времени пополняется самостоятельно выделенный фонд литературы по изобразительному искусству и архитектуре, в составе которого немало ценных книг, ставших библиографической редкостью, в том числе и это издание. Дело в том, что «Записки...» – интересный образец мемуарной литературы, освещающей развитие отечественного изобразительного искусства первой половины XIX в., а мемуарная литература по этому периоду не столь обширна, как этого бы хотелось. Привлекательна личность автора «Записок» – на протяжении более семидесяти лет теснейшим образом связанный с Академией художеств, Ф.И. Иордан занял видное место в русской гравюре и академическом изобразительном искусстве в целом, был лично знаком со многими художниками, писателями и другими выдающимися современниками. Общеизвестно, что «Записки...» Ф.И. Иордана давно стали «искусство-

¹ Далее – «Записки...».

ведческой классикой» – кладезем, из которого черпает уникальные сведения не одно поколение исследователей XIX–XXI вв.: историки искусства, литературоведы, культурологи и др. Фрагменты «Записок...» активно использовались в дореволюционный, советский и постсоветский периоды в качестве иллюстраций жизненного и творческого пути многих его современников. Воспоминания И.Ф. Иордана представляют большую ценность еще и потому, что содержат материал о русских пенсионерах Академии художеств – художниках и архитекторах, совершенствовавших свой талант в странах Европы. Другого опубликованного источника, собравшего подобные сведения, к сожалению, не существует.

Между тем до сих пор эта работа не была издана с научной вступительной статьей и с подробными комментариями. Предпринятые ранее попытки ее публикации относятся к 1890–1910-м гг.: первая – в журнале «Русская старина» в 1891 году², вторая – несколько улучшенная (со вступлением и именным указателем) – была подготовлена С.П. Виноградовым в 1918 году³. Наверное, бессмысленно говорить о том, что обе они представляют библиографическую редкость и доступны специалистам лишь в читальных залах центральных библиотек страны. Последнее издание 1918 года из фондов библиотеки ИРЛИ РАН и явилось основой для настоящей публикации записок Ф.И. Иордана⁴.

Личность Федора Ивановича Иордана (1800–1883), видного русского гравера, широко известна в области истории искусства XIX столетия. Созданные им гравюры на религиозные темы, иллюстрации к произведениям художественной литературы, а также портреты русских писателей – Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского и др. хорошо знакомы не только специалистам-искусствоведам. Дореволюционные исследователи не раз обращались к его художественному наследию, посвящали Иордану отдельные статьи. Среди

них следует назвать публикации историков искусства П.Н. Петрова⁵ и Н.П. Собко⁶, особенно ценна работа последнего, так как она основана на архивных источниках. В советский период интерес к творчеству Иордана несколько угас (если не считать второго издания «Записок...» в 1918 году и статьи в словаре «Художники народов СССР»⁷). На настоящий момент нет не только отдельной монографии, но даже подробной научной статьи, посвященной жизни и творчеству художника.

Цель настоящей публикации представить заинтересованной аудитории не только комментированные воспоминания Иордана, но и архивные, и ранее изданные материалы, способствующие лучшему восприятию «Записок...». Среди архивных источников центральное место принадлежит заграничным рапортам Иордана (1829–1838 гг.), частично опубликованным в 1884 году Н.П. Собко⁹. Впервые вводится в научный оборот также ряд других ценных документов. Примечательно, что если «Записки...» были созданы Ф.И. Иорданом на закате жизни в 1875–1882 гг. с учетом уже переосмысленного опыта, то его официальная зарубежная переписка с Академией художеств знакомит нас с молодым одаренным гравером, целенаправленно идущим к совершенствованию своего таланта, со свежим взглядом на развитие европейского искусства, трезво оценивающим его достоинства и недостатки.

Воспоминания Иордана состоят из трех частей – детство и учеба в Академии художеств, пребывание за границей в качестве пенсионера ИАХ (Франция, Англия, Италия) и, наконец, возвращение в Россию в

⁵ Петров П.Н. Федор Иванович Иордан и полувековой юбилей художественной его деятельности (4 ноября 1874 года) // Отчет Императорской Академии художеств, с 4 ноября 1873 г. по 4-е ноября 1874 г. – СПб., 1875. – С. 71–79.

⁶ Собко Н.П. Жизнь и произведения Ф.И. Иордана // Вестн. изящн. искусств. – 1884. – Вып. 1. – С. 65–85; Вып. 3. – С. 208–227; Вып. 4. – С. 264–280.

⁷ Иордан Федор Иванович // Художники народов СССР : биобиблиогр. слов. : в 6 т. / [Рос. акад. художеств, НИИ теории и истории изобраз. искусств]. – М., 1983. – Т. 4, кн. 1. – С. 537–539.

⁸ О творчестве Ф.И. Иордана в контексте развития русской академической граверной школы см. : Русакова А.А. Граверный класс Академии художеств в первой половине XIX века // Вопросы художественного образования : тематич. сб. науч. тр. / ЛИЖСА АХ СССР. – Л., 1973. – Т. 7 : Материалы по истории русской и советской художественной школы (перв. половина XIX в.). – С. 49–70. Русакова А.А. Граверный класс Академии художеств во второй половине XIX века // Вопросы художественного образования : тематич. сб. науч. тр. / ЛИЖСА АХ СССР. – Л., 1974. – Т. 9 : Материалы по истории русской и советской художественной школы (втор. половина XIX в.). – С. 66–72.

⁹ Собко Н.П. Жизнь и произведения Ф.И. Иордана // Вестн. изящн. искусств. – 1884. – Вып. 1. – С. 65–85; Вып. 3. – С. 208–227; Вып. 4. – С. 264–280.

1850-е гг., следовательно, общий хронологический охват «Записок...» составляет более полувека. В них ощущается не только стремление художника к описанию всего того, чему он был свидетелем, но и присутствует психологический анализ как самого себя и своих поступков, так и лиц, его окружавших. В мемуарах Иордана совершенно не ощущается эгоистическое отношение к окружающей действительности, столь часто свойственное людям творческих профессий: значительное место в «Записках...» занимают не личные переживания Иордана, «муки творчества», а впечатления от встреч и общения с граверами, живописцами, скульпторами, архитекторами, литераторами, а также знатными особами и самыми простыми людьми в разных странах. При этом особо ценно то, что сведения о многих упомянутых Иорданом лицах можно найти только в его мемуарах, а краткие описания творчества отдельных художников могли бы в какой-то степени составить малую историю русского искусства первой половины XIX века. Разумеется, нельзя отвергать того факта, что в «Записках...» присутствует порою субъективный подход к отображению отдельных лиц и событий. Некоторые из его современников, с кем ему, вероятно, приходилось общаться или о ком Иордан мог многое рассказать, совершенно не упоминаются, как, скажем, известный русский гравер академик А.Г. Ухтомский, стоявший в одном ряду с Н.И. Уткиным и С.Ф. Галактионовым, другие, например, живописцы А.Т. Марков и П.М. Шамшин у автора записок вызвали явно недоброжелательное отношение. Однако вряд ли можно найти мемуары, лишенные этих недостатков.

Не вдаваясь во все подробности воспоминаний Ф.И. Иордана, необходимо кратко остановиться на основных наиболее ярких и значительных моментах, описываемых в них. Безмятежные детские годы, проведенные с родителями в его родном Павловске, занимают всего несколько страниц, далее Иордан повествует о своем поступлении в Академию художеств и учебе в ней, рассказывает как о личностях отдельных преподавателей, так и анализирует в целом педагогическую систему, царившую тогда в стенах столь славного учебного заведения. Во второй половине 1820-х гг. он делает первые успехи в своем искусстве: создает гравюры «Меркурий усыпляет Аргуса» (с картины П.И. Соколова), «Умиряющий Авель» (с картины А.П. Лосенко), «Собачья дружба» по басне И.А. Крылова (с рисунка И.А. Иванова), титульный лист к поэтическому сборнику П.А. Межакова¹⁰ (с рисунка И.А. Иванова), сотрудничает с

¹⁰ Межаков П.А. Стихотворения Павла Межакова. – СПб.: Тип. Мед. деп. МВД, 1828. – [6], 202; 1 л. фронт. (грав. тит. л.).

периодическими изданиями «Русская Талия» и «Букет... для любителей и любителей театра».

Столь плодотворные результаты не могли не привлечь внимание академического начальства, а также порадовать его учителя по граверному классу профессора Н.И. Уткина, по инициативе которого он в 1829 году и был отправлен в Париж для совершенствования своего таланта. Там ему предстояло познакомиться не только с ранее неизвестными техниками гравирования, но и ощутить совершенно иную обстановку учебного процесса, коренным образом отличную от той, к которой он привык в классах Академии в Петербурге. Свобода творчества и демократическая атмосфера в мастерской французского гравера И.Т. Ришомма явно способствовали большему пониманию изучаемого предмета, нежели строгая и сухая академическая система обучения. К тому же посещение музеев, знакомство с ведущими граверами того времени обогащали творческий багаж Иордана новыми полезными сведениями. События французской революции 1830 года заставили его покинуть Францию и поселиться в Лондоне, где он поступил в класс известного английского гравера А. Раймбаха. Это позволило Иордану познакомиться с достижениями английской граверной школы, выучить язык страны, в которой предстояло прожить четыре года. Прирожденное трудолюбие и большой интерес к выбранной профессии стали здесь определяющими. Пребывая за границей, Иордан не забывал о своих родных, в частности заботился о своей сестре, оказавшейся после смерти матери в очень стесненном положении. Об этом факте он не пишет в своих воспоминаниях, но сохранились документы, его подтверждающие: «Пенсионер Императорской Академии художеств [...] Иордан, находящийся в Лондоне, прислал ко мне письмо, в коем просит испросить позволения выдавать по сто рублей из получаемого им пенсиону каждую треть года сестре своей, девице Анне Ивановне Иордан, которую сумму есть ли угодно будет разрешить и под мою расписку выдавать мне для передачи родной сестре г-на Иордана, то покорнейше прошу не оставить меня уведомлением. Николай Уткин, профессор Академии художеств, 22 января 1832 года»¹¹.

В 1830–1834 гг. Иордан изучает разные техники гравирования, применявшиеся тогда в Европе, что позволяет ему делать собственные опыты, о которых он сообщает в Академию художеств. В 1833–1834 гг. он создает гравюры «Перуджино и Рафаэль» (с фрагмента фрески Рафаэля «Афинская школа»), «Святое семейство» (с картины Рафаэля «Мадонна

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 28-и. Л. 74.

Лоретская») и «Богоматерь, оплакивающую умершего Спасителя» (с картины Чигиоли). Таким образом, к 1835 году ученический период в творческой биографии Иордана заканчивается, и теперь он начинает осознавать, что готов приступить к большой работе, оригинал для которой лучше всего найти в Италии – в Мекке мирового искусства. Благодаря Президенту Академии художеств А.Н. Оленину Иордан получает возможность уехать в Рим для создания рисунков к своим будущим гравюрам, однако настоятельный совет К.П. Брюллова остановить выбор на шедевре Рафаэля «Преображение Господне» стал для него решающим. Именно эта гравюра определила дальнейшую творческую судьбу Иордана почти на пятнадцать лет. Жизнь в Риме в качестве пенсионера Академии художеств открыла ему возможность общения с русскими и зарубежными граверами, живописцами, скульпторами, архитекторами, простое перечисление имен которых может занять целую страницу. Иордан интересуется всем: галереями, архитектурными памятниками, театром, политикой, местными обычаями и нравами, даже на короткое время становится солдатом национальной гвардии. Существенное место в «Записках...» итальянского периода отведено общению Иордана с Н.В. Гоголем. В его воспоминаниях великий писатель показан живым человеком, имеющим свои достоинства и недостатки, здесь явно отсутствует пиетет перед гением русской литературы. Иордан говорит о нем просто как о своем римском знакомом. Нужно отдать должное и Н.В. Гоголю, который с уважением относился к творчеству гравера и даже упомянул его в своем завещании. Об этом же свидетельствуют письма Н.В. Гоголя к художнику А.А. Иванову: «Поклонитесь от меня Иордану и скажите ему также, чтобы он никак не унывал духом, а работал бы бодро свое дело. Его будущее положение может быть так хорошо, как он и не воображает и не думает»¹². «Федору Ивановичу передайте также поклон, если он не позабыл меня посреди упоений от лицезрения того предмета, ради которого был надолго позабыт гравчик¹³, и который, как я слышал, находится теперь в Риме»¹⁴. Небезынтересно, что именно в Италии Иордан встречает лиц, тем или иным образом связанных с литературой, наиболее ярко он описывает салон княгини Зинаиды Волконской в палаццо Поли и судьбу петербургской писательницы и издателя княгини Софии Голицыной.

¹² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – Л. ; М., 1952. – Т. 11. – С. 349-350. Письмо от 20.10.1841 г.

¹³ Гравчик – инструмент гравера, возможно, имеется в виду грабштихель.

¹⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – Л. ; М., 1952. – Т. 13. – С. 288. Письмо от 22.04.1847 г.

Академия художеств всегда благосклонно относилась к творческим успехам Иордана: при выпуске из нее он получил малую золотую медаль и аттестат 1-й степени, в 1834 году за гравюру «Святое семейство» (с картины Рафаэля) всемирно известнее пожалован императором Николаем I бриллиантовым перстнем, в 1844 году удостоен звания академика, а в 1850 году ему было присвоено звание профессора. В начале 1850-х гг. он живет в России, затем в 1853 году вновь уезжает в Италию и поселяется во Флоренции. В 1855 году Иордан окончательно возвращается на родину, где совмещает несколько должностей в Академии художеств: с 1856 года заведует гравировальным классом, с 1871 года – ректор живописного и скульптурного отделений, с 1875 года – заведующий мозаичным отделением. Одновременно с 1860 года назначается хранителем эстампов и рисунков Эрмитажа.

Постепенно налаживается и его семейная жизнь: в 1855 году Иордан женится на Варваре Александровне Пушиной, которая становится не только его верной спутницей на протяжении почти тридцати лет, но и вдохновительницей воспоминаний, которые читатель сейчас имеет возможность держать в своих руках. «Написание этих записок вызвано у Федора Ивановича, как он сам о том свидетельствует, нежно любимой им супругой Варварою Александровною, которая в течение более, нежели четверти века (1856¹⁵–1883 гг.) была истинным его ангелом-хранителем. Варваре Александровне “Русская старина” обязана тем, что может поделиться с своими читателями любопытными записками Федора Ивановича Иордана – этого истинно славного отечественного художника»¹⁶. Знаменитый художник Александр Иванов в послании к брату от 21 июня 1858 года писал: «Вчера были вечером у Плетнева, что женат на родной сестре жены Иордана. Обе эти женщины прелестные, но Иордан постоянный шутник, и потом жена безграничными ласками мешает его делам, несмотря на искреннюю любовь обоих»¹⁷.

Несмотря на свою преподавательскую и административную деятельность Иордан по-прежнему много и плодотворно работает как гравер: так, в 1867 году он заканчивает гравюру с картины А.Е. Егорова «Истязание Спасителя», на создание которой потратил почти 17 лет. Этому знаменитому полотну Егорова еще в 1814 году поэт К.Н. Батюшков по-

¹⁵ На самом деле бракосочетание произошло в 1855 году.

¹⁶ Иордан Ф.И. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордан : [предисл.] // Русская старина. – 1891. – Т. 69. – С. 602.

¹⁷ Александр Андреевич Иванов : его жизнь и переписка / изд. М. Боткин. – СПб., 1880. – С. 347.

святил несколько страниц в своей «Прогулке в Академию художеств»¹⁸, где есть такие строки: «<...> я с большим удовольствием смотрел на картину г. Егорова и сказал мысленно: “Вот художник, который приносит честь Академии и которым мы, русские, можем справедливо гордиться”»¹⁹. Вице-президент Академии художеств Г.Г. Гагарин в письме к министру императорского двора В.Ф. Адлербергу относительно гравюры «Истязание спасителя» отмечал следующее: «... работа профессора Иордана, за которой он провел лучшие годы своей жизни, заслуживает во всех отношениях особенного внимания, как по исполнению техническому, так в особенности со стороны художественной. Профессор Иордан единственный художник-гравёр, воспитанный в духе классицизма, и, что нет в виду ему преемника между нашими талантами; гравировальное искусство вытесняется фотографией; казалось бы, необходимо для продолжения этого искусства поощрять тех, которые посвятили ему всю свою жизнь и достигли в нем возможных совершенств»²⁰. В конце 1850-начале 1880-х гг. Ф.И. Иордан создает целую галерею гравированных портретов русских писателей и деятелей искусства. Таким образом, к концу его жизни он исполнил более 70 гравюр. Большинство гравировальных досок было приобретено Академией художеств еще при его жизни.

К завершению своей служебной карьеры Иордан обладал чином тайного советника, являлся кавалером орденов Св. Владимира, Св. Анны, Св. Станислава, в честь его 50-летнего юбилея служения отечественному искусству была выбита памятная медаль – один экземпляр из золота (для юбиляра) и 100 экземпляров из бронзы. Вся биография Иордана – это яркий пример того, чего может достичь одаренный и трудолюбивый художник, верный поставленной им цели, несмотря ни на какие сложные жизненные обстоятельства. Известный живописец М.В. Нестеров, вспоминая о Ф.И. Иордане, написал следующие строки: «В 70-х годах, после Федора Антоновича Бруни, творца “Медного змия”, ректором Петербургской Академии художеств преемственно стал знаменитый гравёр, автор гравюры с рафаэлевского “Преображения”, профессор, тайный советник Федор Иванович Иордан, современник Пушкина, Александра Иванова, Карла Брюллова, Глинки, Гоголя, Айвазовского... Он знал их лично, как и многих других славных своих современников. Фе-

дор Иванович оставил нам свои «Записки», простодушные, рисующие эпоху, события, прожитые за его долгую жизнь. Во время моего короткого пребывания в Академии Федор Иванович заканчивал свое ректорство, свое земное бытие. Он был уже весьма преклонных лет, так лет за восемьдесят. Благодушного старика мы все любили»²¹.

Как совершенно верно отметила известный искусствовед А.А. Русакова: «Иордан – фигура очень характерная и в русской гравюре, и в академическом искусстве вообще. На протяжении более семидесяти лет он был теснейшим образом связан с Академией художеств <...> История жизни и творчества Иордана подробно освещена им самим в его “Записках”. Со страниц этой в высшей степени интересной и достоверной книги встает образ художника трудолюбивого, педантичного, добросовестного и упорного в достижении своих целей»²².

Текст «Записок...», как уже было указано, воспроизводится практически без изменений по изданию 1918 года, с общепринятой современной орфографией и пунктуацией. Правописание ряда слов, характерных для словаря мемуариста, жившего в XIX веке, оставлено в авторской интерпретации, вместе с тем, имена собственные приведены к единообразию, встречающиеся в них ошибки исправлены. Комментарии к «Запискам...» составлены на упомянутых лиц, географические названия²³, произведения искусства и архитектуры, исторические события и т. д. Завершает издание именной указатель. Все это позволяет лучше воспринять воспоминания Ф.И. Иордана.

Н.С. Беляев

¹⁸ Батюшков К.Н. Прогулка в Академию художеств. Письмо старого московского жителя к приятелю, в деревню его Н. // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. – М., 1977. – С. 83–86.

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д.28-и. Л. 38. – Документ датирован 28.12.1868 г.

²¹ Нестеров М.В. Давние дни : встречи и воспоминания. – М., 1959. – С. 263.

²² Русакова А.А. Гравёрный класс Академии художеств в первой половине XIX века // Вопросы художественного образования : тематич. сб. науч. тр. / ЛИЖСА. – Л., 1973. – Т. 7 : Материалы по истории русской и советской художественной школы (перв. половина XIX в.). – С. 67.

²³ Отсутствуют комментарии на широко известные географические названия.

По просьбе милой моей жены Вари²⁴ эта книжонка составляет эскиз моей трудолюбивой жизни, в которой, за старостью моих лет, многое забыто и пропущено.

1875 г. Федор Иордан

I.

(Писано февраля 1875 г.).

1800 год. По просьбе милой жены моей Варвары Александровны, урожденной девицы Пущиной, которая не раз слышала мои рассказы о моей молодости (и просила) записать их, для чего она купила даже сию тетрадь, – снисходя на ее просьбу, на семидесятипятилетнем моем возрасте начну припоминать самый мой ранний возраст.

Родился²⁵ я в городе Павловске, 13 августа 1800 года от бедных родителей. Отец мой, Иван Федорович²⁶, родом был из Брауншвейга²⁷, по мастерству придворный обойный мастер; мать моя, урожденная Мертенс²⁸, дочь придворного столяра, вступила в брак, будучи вдовою учителя первого кадетского корпуса²⁹ Мало, и, имея двух сыновей, она вышла

²⁴ Иордан (урожденная Пушина) Варвара Александровна (1833–1916), супруга Ф.И. Иордана.

²⁵ Крестными родителями Ф.И. Иордана являлись императрица Мария Федоровна и принц Фридрих Людвиг Мекленбург-Шверинский, в честь которого он и был назван Фридрихом, затем получил русифицированное имя Федор.

²⁶ Иордан Иван Федорович (17[6]?–1808), придворный обойщик, отец Ф.И. Иордана.

²⁷ Брауншвейг – город в земле Нижняя Саксония в Германии, основан в XI в.

²⁸ Иордан Катарина Регина (17[6]?–1829 или 1830), урожденная Мертенс, по первому мужу Мало, мать Ф.И. Иордана.

²⁹ Сухопутный шляхетский кадетский корпус основан в 1731 году, в 1800–1882 гг. носил название Первого Санкт-Петербургского кадетского корпуса, в середине XVIII столетия при нем существовало Общество любителей российской словесности, выпускниками корпуса были писатели М.М. Херасков, А.П. Сумароков, В.А. Озеров и др.

замуж за И.Ф. Иордана, от которого имела семь человек детей, и я в числе их был третий. Матушка вторично овдовела, когда мне был восьмой год.

1808 год. Оставшись в крайней бедности при большом семействе, первое образование получил я в г. Павловске, в тамошней народной школе у г. Беляева³⁰, где учение состояло, большей частью, из учения чтению, правописанию на одном русском языке и затем (ученики занимались) игрою в снежки.

В это время город Павловск находился в патриархальном состоянии. Он был в виде большой деревни или немецкого городка; все здания были казенные, деревянные, все одной архитектуры, и все это заселено было немецкими мастеровыми, которых Павел I³¹ выписал из Германии при постройке города Павловска, кроме их – чиновниками и придворными служителями.

В Павловске в отличном парке красовался дворец архитектуры г. Камерона³², затем – православная церковь с отличным иконостасом живописца Кадеса³³, лютеранская церковь с пастором Зейдером³⁴, которому в царствование Павла I, имея у себя запрещенную книгу, присуждено было варварское наказание: три удара кнутом, и, наконец, в Павловске имела крепость. Все эти здания были каменные и существуют по сей день. Чиновный народ был в высшем уважении, и между ними главную роль играл Р.И. Крузе – советник правления. При встрече с ним и перед его домом народ, особенно нижние чины, проходя, снимали шляпы. Немцы же мастеровые все жили между собою и имели тот обычай: по утрам делать визит своим знакомым, а хозяева потчевали их водочкою, и если

³⁰ Вероятно, имеется в виду Павловское уездное училище, открытое в 1799 году.

³¹ Павел I (1754–1801), российский император.

³² Дворец в Павловске был возведен Ч. Камероном в 1782–1786 гг.

³³ Церковь Святой Марии Магдалины была построена по проекту архитектора Дж. Кваренги в 1781–1784 гг. на средства императрицы Марии Федоровны. Иконы для иконостаса были созданы Джузеппе Кадесом (1750–1799), итальянским живописцем и скульптором.

³⁴ Зейдер Федор (Фридрих Самуил) Николаевич (1766 или 1771–1834), лютеранский пастор, обладал обширной библиотекой, в которой в 1800 г. были обнаружены запрещенный цензурой сочинения иностранных писателей и философов. За это Ф. Зейдер был лишен сана священника, бит кнутом и отправлен на каторгу в Нерчинск. В 1802 году по приказу Александра I был помилован и вновь стал священником в приходе г. Гатчины; оставил свои воспоминания, см.: Обвинение и ссылка пастора Зейдера // Рус. старина. – 1878. – Т. 21. – С. 461–490; Страдания пастора Зейдера // Рус. старина. – 1878. – Т. 22. – 117–156, 1 л. порт.; Пастор Зейдер, 1800 г.: заметка // Рус. старина. – 1879. – Т. 24. – С. 148–149; Пастор Зейдер: документы, относящиеся к его казни и ссылке, 1800 г. // Рус. старина. – 1882. – Т. 23. – С. 206–211.

кто явится к своему приятелю после сделанных шести визитов, то он едва говорит и вашу седьмую все-таки выпьет. Это бывало весьма часто с моим дядею Асмусом, который нам делал, как бедным, всегда последний визит, и матушка всегда сердилась, что у него едва поворачивался язык и нельзя было понять его разговора. Вообще, эти поселенцы-немцы любили русскую водку, в числе их и мой покойный отец.

Самые зазорные между ними были столяр Блюмерт и булочник Рей. Они отличались в лютеранской церкви своими голосами: один – сильного альты, а Рей – сугубым басом.

Между православным духовенством русские и немцы любили протоиерея отца Димитрия. Он служил внятным голосом басом, только трепещущим от сильного употребления алкоголя. Бывало, наступят торжественные праздники Рождества и Пасхи, все жители с удовольствием принимают его с крестом и святою водою, и все подносят ему заздравную и праздничную рюмочку, так что к вечеру святой отец с дьячком лежат где-нибудь в яме на снегу или в грязи; утром же идет всеобщая молва, что духовные люди вчерашний вечер валялись там-то. Из любви к нему никто его не осуждал, находили, что так следовало и должно быть. И пастор, в свою очередь, имея под своим ведением две церкви и в Гатчине, и в Павловске, живя в Гатчине, он через четырнадцать дней приезжал в Павловск и здесь, по приезде, он обходил своих лютеран, выжидая всюду стакан пунша; к вечеру он также был готов.

Это было 25 декабря 1808 года, сколько могу припомнить, среди вечернего разгара игры в снежки, моя матушка выбегает на двор и зовет меня к умирающему отцу, который, кажется, страдал водяною.

1809 год. И как теперь припоминаю, мы, дети, стояли на коленях у кровати; отец нас благословил, и затем припоминаю черный лакированный гроб с железными головками ангельчиков на крыше.

При нашей бедности кормление детей было: кислое молоко и гречневая крутая каша.

Затем начались хлопоты размещать нас сирот. Старшую сестру³⁵ отдали в Мариинский институт³⁶, старшего же брата Александра³⁷ обу-

³⁵ Иордан Анна Ивановна (между 1797 и 1799–1855), по мужу Савельева, сестра Ф.И. Иордана.

³⁶ Мариинский институт – специальное женское учебное заведение, открытое в 1797 году по инициативе императрицы Марии Федоровны для девочек из семей недворянского происхождения – мещан, священников, купцов, преимущество для поступления отдавалось детям-сиротам 10–12-летнего возраста.

³⁷ Иордан Александр Иванович (179[6]–1844), Санкт-Петербургский купец 3-ей гильдии, ювелир. В 1844 году был заподозрен в приобретении украденных золотых и серебряных вещей для переплавки и дальнейшей продажи, во время учиненного в

часть золотых дел мастерству, а я на следующий 1809 год, по повелению императрицы Марии Федоровны³⁸, отдан был в Академию художеств.

II.

Не могу забыть того дня, когда я впервые расстался с нежно любящею матерью и приехал 6-го января утром рано в Петербург. По случаю праздника Богоявления всюду стояли войска; припоминается тот труд и крик на моего возчика, который с своею кибиткою должен был пробираться в Малую Миллионную, где жил мой дядя – брат моей маменьки И.И. Мертенс, где по приезде его жена и отвезла меня в Академию. Здесь живо припоминаю себе огромный рекреационный зал, полон стоячей пылью от шума и гама вновь принятых учеников. И чтоб малютку новичка развлечь от грустной разлуки с родителями, нам давали листы бумаги и заставляли делать петушков и хлопушек. Среди нас расхаживал и веселил детей незабвенный в будущем времени гувернер и учитель, ученик старшего возраста – Александр Савельевич Кондратьев³⁹. Этот А.С. Кондратьев был самая интересная личность во все долговременное мое пребывание в Академии. Без всяких данных по наукам и художеству он был лучший учитель русского языка и арифметики. Как гувернер он был строг, и все любили его. Он составлял главное звено между учителями и гувернерами, все старались ему угождать, и его рекомендательное слово имело всегда желанный успех. И этот-то гувернер был среди нас, играл с нами, бегал и заставлял на время забыть нас, мальчуганов, о временной потере родителей. И когда эта беготня кончилась, а с ней и день, и

его квартире обыска 24 ноября покончил жизнь самоубийством. Об отношении с братом Ф.И. Иордан пишет довольно мало, вероятно, столь трагичная история была тому виной. См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1844 г. Д. 687.

³⁸ Мария Федоровна (1759–1828), российская императрица, супруга Павла I.

³⁹ Кондратьев Александр Савельевич (1788–1833), преподаватель арифметики и геометрии. Совет ИАХ неоднократно отмечал успехи учеников, достигнутые благодаря его педагогической системе. В определении Совета ИАХ от 10.12.1810 г. указано, что успешную сдачу экзамена по математике среди учеников 1-ого и 2-ого возрастов «<...> особливо отнести должно к методу г-на Кондратьева, за что ему от всего Совета свидетельствована была общая признательность, тем с большим удовольствием, что сей г-н Кондратьев есть сам еще ученик 4-ого класса, столь успешный в математике и по склонности своей сам приготовил себя к учительской должности, в которой столько отличается, и которую занимает уже третий год, в рассуждении каковых способностей г. Кондратьева и успехов его учеников [его Кондратьева] выпустить из учеников с аттестатом 1-й степени и определить в учителя на приличное жалование за [прохождение] в учительской должности более двух лет, выдать ему награждение двести рублей <...>». РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2135а. Л. 1.

нас привели в спальню, тут я почувствовал всю разлуку и, закрывшись одеялом, долго и горько плакал. Мало-помалу я начал свыкаться с своею участью и с первого же времени начал шалить и лениться и быть в числе слабых учеников. Матушка приезжала в город и навещала меня раз или два в год, наделяя из крайне скудного кошелька двугривенным.

В числе моих товарищей были впоследствии знаменитые братья Брюлло, Карл⁴⁰ и Александр⁴¹, старший же брат их, Федор⁴², был девятью годами их старше и был уже в четвертом возрасте, т.е. на выпуске из Академии, и он был крайне привязан к своим братьям. Все рекреационные часы он проводил с ними. Впоследствии эти младшие братья превзошли его и талантом, и средствами, но мало было в них видно благодарности.

Между нашими гувернерами и учителями, кроме их слабых знаний, отличались странностями: Сер. И. Шишмарев⁴³, с розовым лицом и с большим наростом на носу, ходил в парике и имел шляпу, которая покрывала у него только маковку головы, с малою камышевою палкою в руке, которою он бил мальчугана как-то неожиданно, скрывая ее за спиною; учил он первоначальной грамоте русского языка и вызывал к себе во время классов для чтения; мы не столько смотрели на строки, сколько на движение его камышовки и готовились прежде, чем следовало, защищать себя локтем от ее удара.

За ним шел злой немец Галиндо⁴⁴ – учитель немецкого языка и гувер-

⁴⁰ Брюлло Карл Павлович (1799–1852), живописец, профессор ИАХ.

⁴¹ Брюлло Александр Павлович (1798–1877), архитектор, профессор ИАХ. В 1822 году одновременно с К.А. Брюлловым был отправлен за границу.

⁴² Брюлло Федор Павлович (1793 или 1795–1869), живописец, профессор, принимал участие в оформлении Исаакиевского собора.

⁴³ Шишмарев Сергей Иванович (1755–после 1817), живописец, надворный советник, с 1773 года преподавал в ИАХ, учитель русского и французского чтения, гувернер, затем с 1774 года – учитель в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, с 1797 по 1817 гг. – вновь на должности учителя в ИАХ.

⁴⁴ Галиндо Карл Осипович (Иосифович) (176[6]–1820), коллежский секретарь, преподаватель немецкого языка, гувернер. Из материалов архивного дела известно, что Карл Галиндо был испанским дворянином, уроженцем города Сарагоса в Арагоне, приехав в Россию, с 1786 по 1790 и 1797 гг. являлся учителем немецкого и французского языка в Гимназии Императорской Академии наук. В его аттестате, выданном из Академии наук 26 февраля 1790 года, написано: «<...> находился при гимназии оной Академии <...> и обучил по-немецки и французски, в звании своем рачителен, поведения честного, и при наставлении молодых людей умел возбуждать в них охоту к изучению <...>». РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2531. Л. 3. Совет ИАХ также положительно отзывался о нем: «<...> покойный гувернер Галиндо находился при Академии в сей должности около 19 лет и обязанность свою исполнял с должным старанием <...>». РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3030. Л. 3. 01.07.1820 г.

нер. Он кормил нас сильными оплеухами и любил сечь учеников ради развлечения и некоторого удовольствия. Он был малого роста и с выпуклыми зрачками. Как немец я сидел у него в классах вторым; прослушивая учеников чтение, он сидел ко мне задом. В зимнее время однажды, имея перед собой двойной шандал с сальными свечами, развлекая свою лень, я любил делать данное мною название «жаркое», т.е. взяв щипцы, которые были весьма часто полны выгоревшей свечки от частого снятия со свечи, клал в нее куски оплывшего сала и, смешав все это со слюною, жарил это на свечке. Начиналось кипение и треск, затем сильный смрад, и в это-то время мой Галиндо оборачивается, от злости дает (мне) оплеуху и шлет за розгами, и мне за эту глупость согревают з...

После Галиндо следует учитель французского языка М.И. Тверской⁴⁵, редкий пример лени. Во время рекреации и ученья он все что-то пел про себя невнятно. Мы ничему не учились. Страсть его была собирать валяющееся железо; каждое отделение учеников держало наготове фунтик всякой железной дряни: это он знал, и когда ему передавали втихомолку, что собрано довольно, он тотчас пугал нас, что в следующий раз он будет нас экзаменовывать. И так как Тверской ничему не учил, значит, мы ничего и не знали и боялись его тяжелых пощечин. Когда же являлся избранный один из наших товарищей и подносил ему фунтик с гвоздями, пуговицами и всякою металлическою дрянью, учитель серьезно принимал, и назначенный день экзамена проходил у него гулянием по коридору, и всегда он что-то подпевал про себя, держа руки на спине.

Учитель русской словесности Ег. Мат. Предтеченский⁴⁶ был оригинал, сухой, молчаливый, одетый оригинально: голова покрыта высокою стоячею фуражкою, серый был на нем капот в виде пальто, а не шинель, с стоячим зеленым воротником, который он никогда не снимал, так что он, казалось, прирос к нему. В пальцах держал он всегда щепотку таба-

⁴⁵ Тверской Михаил Иванович (1769–1831), окончил ИАХ с аттестатом бухгалтера, титулярный советник, учитель чистописания и французского языка, гувернер. Отличался грубым нравом и «неблагопристойным» поведением, в графе личного дела, где давалась краткая характеристика служебных способностей чиновника указано вместо «достоин и способен», только одно слово «достоин». РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 380. Л. 114.

⁴⁶ Предтеченский Егор Матвеевич (ок. 1775–1824), титулярный советник преподаватель российской словесности, с 1792 по 1810 гг. учитель математики, географии, истории и немецкого языка в 1-м Морском корпусе в Петербурге, в 1810 году принят в ИАХ на должность гувернера, учителя математики и российской словесности, получал неоднократно благодарности от Совета ИАХ за обучение воспитанников (1814, 1816 гг.).

ку и удрученный какою-то заветною мыслию, по временам, он осторожно прикладывал щепотку к носу и, как говорится, на долгих втягивал в нос.

Все время моего ученья в Академии Предтеченский ничего не делал, все время не оставляя своего серого капота и зеленой стоячей фуражки; у него была засевши какая-то мысль, которая с ним и осталась неразгаданною, нас же ничему не учил и, Боже избави, кому приходилось провиниться и быть им наказану, засекал ученика до полусмерти; руку имел железную и носил на себе отпечаток тупоумия и с ним гордости.

Одним словом, в наше время в Академии художеств совершенный был недостаток в должных учителях, и оно происходило от скудости содержания и от примерного своеволия учеников. Казалось, что порядочные люди страшились поступать в Академию. Драки и пьянства были в ней деяния обыкновенные.

Старший класс объявлял войну младшим, и мы, низшие классы, с ужасом шли за нуждою, проходя по нескончаемым с едва мерцающим от тусклого огня коридорам, в которых старшие ловили мальчиков и били без всякой причины. Равномерно гувернеры и учителя наказывали детей без всякой вины, пользуясь только своим правом наказывать. К тому могу привести следующий пример: однажды, оставаясь на праздниках в академии, я сделал, как мальчишка, из свернутого куска бумаги вид сигары и курил, или ленился в классах, имея товарищем доброго ученика Душинского⁴⁷, мы для развлечения, держа ноги в ящиках стола и скинув башмаки, щекотали известное число один у другого подошву ноги. Пришла моя очередь, и я заметил, что достиг от щекотанья своей цели, и он от щекотанья едва удерживался, как вдруг не удержавшись...

Это произвело на весь класс сильный эффект: сделалась тишина, все товарищи обратились к нам, я же с Душинским углубились совершенно в книги, как самые прилежные. Как скоро эта минута общего удивления, а затем смеха прошла, учитель спрашивает: кто это сделал? Узнает причину, и за эти оба совершенно невинные случаи приходилось ложиться на скамью и получать телесное наказание.

Даже учителя по специальной части художества, рисования и те были все оригиналы, начиная с самого старшего Дмитрия Мироныча Ушакова⁴⁸, в высшей степени бедняка; некогда один из лучших учеников ака-

⁴⁷ Душинский Яков Игнатьевич (1800–1845), живописец, работал в качестве реставратора в Императорском Эрмитаже.

⁴⁸ Ушаков Дмитрий Миронович (1741–1816), живописец, коллежский ассессор, преподаватель рисования и арифметики в ИАХ (1784–1816) гг., один из первых учащихся ИАХ, поступивших в нее еще из Московского университета.

демии, первого выпуска после ее основания, он являлся к нам в классы из Гавани в изорванной плисовой шубе, в малиновом сюртуке самого грубого сукна, с сайкою в кармане, которую потом делил ученикам для стирки красного карандаша. В зимнее время он (бывало) явится за час до классов и, сидя на последних пустых скамейках, от скуки приуснет и захрапит, мы же шалуны начинаем повторять его храпенье, делается шум, и он, проснувшись, с гневом смотрит на нас, повторяя затверженное им слово... Он был очень стар, и об его искусстве как лучшего исторического живописца не было и помину.

За ним следовал Николай Никитич Фоняев⁴⁹, сердитый, с сильным басом от неумеренного употребления алкоголя. Дерзкий на руку, в которой он держал ключ, и часто, бывало, им ранил он ученика от неудовольствия; к тому еще имел выбитый глаз, отчего и был одноглазый.

Как художник и учитель Фоняев был совершенная ничтожность; ученики ничего не делали, боялись только его ужасного голоса, ключа и его нетрезвости, в каковом положении он буйствовал, ходя по коридорам, устрашая каждого своим бычачьим голосом и изрыгая непечатные ругательства. Он управлял также клиросом певчих, и дискантам, и альтам малюткам дорого доставалось за их ошибки в пении, одним словом, это был ужас Академии и, наконец, был выключен из службы.

Затем в старших классах были гг. Потапов⁵⁰, Ротчев⁵¹ и Воинов⁵², из коих первый Ив. Пот. Потапов был хороший художник, учитель и как человек был примерная личность, к тому еще был мягок и очень набожен. Высокого роста, деятельный учитель был всеми уважаем.

Ив. Ив. Ротчев был щеголь между бедняками нашими рисовальными учителями; малого роста, с красным лицом, благородными манерами и (был известен) как хороший художник. Его картины имеются в академии.

Что касается до Мих. Федор. Воинова, также малого роста, то это был человек крайне опрятный, также с красным потелым лицом; он имел странную методу учить: в кармане имел всегда булку и из ее мякиша

⁴⁹ Фоняев Николай Никитич (1758–1826), скульптор, титулярный советник, преподаватель рисовального и скульптурного класса Академии художеств (1779–1817) гг.

⁵⁰ Имеется в виду Чернов Иван Потапович (1768–1817), живописец, академик и преподаватель ИАХ с 1803 г.

⁵¹ Ротчев Иван Иванович (1783–1817), живописец, коллежский секретарь, учитель рисования.

⁵² Воинов Михаил Федорович (1759–1826), живописец, титулярный советник, академик ИАХ, ученик Д. Левицкого, определен в Государственную Адмиралтейств-коллегию рисовальным мастером (1812 г.).

делал себе отличную стирку и ею у всех учеников на их рисунках только и делал, что протирали светики и для этого советовал каждому держать под пылью свои рисунки, и тогда он был счастлив, протирая ему светики до того, что рисунок будет казаться нарисованным с металлического оригинала. Впрочем, он был хороший рисовальщик, в Риме много рисовал с антик и имел их большую коллекцию; рисунки эти были им отлично сохранены, и он давал их иной раз ученикам как оригиналы для копирования с них. Все это достойное для сбережения и для пользы учеников (собрание рисунков) с его смертью исчезло, что очень жаль. У него была поговорка: «смотри, дам печушку».

Все трое последние учителя: Потапов, Ротчев и Войнов были достойные художники, но ученики по малолетству, следственно, и глупости своей их не ценили.

Над всеми учителями и гувернерами был наш достопочтенный инспектор Кирилл Иванович Головачевский⁵³, бывший товарищ Лосенко⁵⁴, Левицкого⁵⁵ и других, которые, будучи сначала придворными певчими в царствование императрицы Елизаветы Петровны⁵⁶, еще до основания Академии художеств были уже художниками, и он имел звание академика по портретной живописи. Все его манеры и одежда принадлежали к первому времени основания академии. В одежде и белье он был очень опрятен: носил нижнее платье с пряжками, как и башмаки, на плечах летом и зимою имел красный плащ, что и делало его личность торжественною: нам же, шалунам ученикам, этот плащ был сигналом, и мы его замечали издали и убегали на свои места. Он был крайне учтив и ласков, и мы его любили, только надоедал нам своей исправностью. Бывало, все классы обходит утром и вечером, кроме того утром, несмотря, что наш час вставанья был в пять часов утра довольно ранний, что и давали знать чрез большой звонок, с которым дежурный служитель прозвонит по всем коридорам, – наш старичок инспектор (ему было 75 лет) взойдет в спальню еще в 4 1/2 часа, и только что звонок прозвонил, он отправляется будить (воспитанников), дергая за одеяло в ногах.

⁵³ Головачевский Кирилл Иванович (1735–1823), живописец, коллежский советник, библиотекарь Академии художеств (1765–1772), казначей, инспектор (1771–1773, 1783–1823 гг.). Известен своим добросердечным отношением к воспитанникам ИАХ, которое было запечатлено в его портрете художником А.Г. Венециановым (1811 г., ГРМ).

⁵⁴ Лосенко Антон Павлович (1737–1773), живописец, профессор, один из основоположников русской академической художественной школы.

⁵⁵ Левицкий Дмитрий Григорьевич (ок. 1735–1822), живописец, преподавал в ИАХ по классу портретной живописи.

⁵⁶ Елизавета Петровна (1709–1761/1762), российская императрица.

Вначале хотя ученик и вскочит в просонках, но увидав, что Головачевский удаляется, вновь свернется в кружок и заснет, и когда ему придется вновь его будить, тогда он употреблял слово: «шалопай», говоря: «Эй, шалопай, вставай!». Искусством, кажется, со дня выпуска из академии он не занимался.

Его подинспекторами были также весьма ограниченные личности: И.Ф. Воинов⁵⁷ и М-г Невиль⁵⁸ – француз, эмигрант первой французской революции; проживши в академии с лишком сорок лет, мало мог говорить по-русски. Не могу забыть тот случай, который из меня сделал француза совершенно неожиданно: мне однажды утром пришлось сказать Невиллю по-французски: *Bonjour!* С тех пор он не называл меня иначе как: *M-r le français!* и дарил во время обеда косточкою с мозгом, что и служило у учеников отличительным знаком благоволения начальника к ученику. Г-н же Воинов было сухое создание, холодное, молчаливое, и мы прозвали его сучком.

Так шли мои первые девять лет в лености и шалости, что очень беспокоило мою добрую родительницу, приезжавшую из Павловска навещать меня раз в год, и при спросе у гувернера на счет моего ученья и поведения она получала всегда неодобрительные отзывы: «Мог бы учиться, да ленится». Тут старушка, вздохнув благословляла меня, вручала мне двугривенный, что и было моею родительскою наградою в продолжение целого года; однажды в год она прощалась со мною. Не раз приходилось мне завидовать моим товарищам, которых родители посещали, а по субботам брали домой, я же оставался не только в обыкновенные праздники, но даже в высокоторжественные дни Рождества Христова или в дни св. Пасхи, оставался в числе круглых сирот или сыновей отдаленных родителей, и это число доходило до трех или четырех учеников вместо семидесяти двух учеников полного комплекта нашего возраста. Среди этого одиночества приходилось ради скуки свертывать бумагу в виде сигары и, дурачась, курить, что потом передавалось обыкновенно Александру С. Кондартьеву, а у него вся расправа состояла из розог, и бывало высекут, сам не знаешь за что.

И так как это повторялось почти каждый день, то, будучи наказан, делаешься как будто застрахованным на несколько дней от этого наказа-

⁵⁷ Воинов Иван Федорович (1765–1829?), живописец, художник-миниатюрист, надворный советник, помощник инспектора ИАХ, эконо и казначей ИАХ (1814–1817), прослужил в ИАХ с 1785 по 1817 гг.

⁵⁸ Невиль (Neuville Dussardde) Денис (1742 или 1743–1824), надворный советник, принят в ИАХ гувернером (в 1779 году), инспекторский помощник (с 1783 года), преподаватель истории искусств.

ния⁵⁹. Бывало даже случалось и по два раза в день, что и показывало, как будто нашим учителям и гувернерам нравились наши открытые з...ы. Наши служители, некоторые из них также были замечательны: первым стоит Матвей Пилязов, сильно плешистый, крайне оборотливый. Он рекомендовал себя родителям, получал от них по временам награды, дарил избранных им (учеников) из засаленного своего кармана, полный кусков говядины, «деревянных» пирогов и ржаного хлеба, рано разбуженным ученикам, кого куском вареного мяса, пирогом или хлебом.

Мы толпились около него как голодные агнцы, с нетерпением ожидая его взгляда, и затем, кто как дарил его, так шла и награда. Как скоро останутся одни бедняки, он разом захлопывает свою дарохранительницу и с гуляющими своими во все стороны длинными фалдами, потирая нос, спешит исполнять свои обязанности служителя. Между служителями бывали и силачи и тяжелые на руку, горе тому, чья настала участь быть наказану Анисимом. Бывало явится Анисим, высокий, сутуловатый, рябой, с тяжелою походкою, говорящий малороссийским выговором и то про себя, того бедняка он так согреет, что до заживы мягкой его части потребуется много времени, в еженедельной нашей по субботам бане, как часто красовались их части тела, недавно наказанные.

День наш начинался с пяти часов утра, когда мы вставали; до шести часов утра мылись; в шесть часов шли на молитву, где сначала пели: «Царю небесный», затем читалась утренняя молитва, вновь пели какую-либо из молитв, и затем читалась одна глава из Евангелия, которое лежало на аналое, имея в изголовье крест с отлично написанным К. Брюлловым распятием; затем вызывали по списку ученика, который делил по росту, начиная с малого роста, и им доставались всегда горбушки хлеба, чему ученики большого роста всегда завидовали. У первых двух возрастов были гувернеры, у старших же двух возрастов были подинспектора. Малые возрасты шли в рекреационный зал, старшие имели также свой зал.

В семь часов утра шел звонок, и все четыре возраста отправлялись в

⁵⁹ О системе применения телесных наказаний в Академии художеств в 1823 году А.Н. Оленин писал следующее: «Телесное отеческое наказание, т.е. несколько лозанов или ударов розгами, как детей, а не батогами или палками, как солдат, заведено в Академии по необходимости с давних уже времен. Даже при покойном Иване Ивановиче Бецком сие домашнее наказание было в употреблении и производилось непосредственными начальниками воспитанников и учеников с дозволения главного начальства без всякого письменного определения. [Ныне же] внесено о том в журнал временного Правления Академии для того, чтобы более подействовать на умы молодых людей не током страхом физической боли, но и стыдом быть подверженным наказанию по приговору главного их начальства». – РГИА. Ф. 789. Оп. 20 (Оленин). Д. 31. 1823 г. Л. 9.

научные классы до девяти часов, после чего старшие два возраста отправлялись в специально художественные классы, младшие же два возраста – в классы рисования, которые и продолжались до одиннадцати часов; затем в 11 1/2 час. был обед; после обеда прогулка продолжалась до первого часа, после чего в младших были вторично учебные классы, а у старших двух возрастов – занятия в специально художественных классах; затем два часа отдыха по раздаче младшим классам по куску белого хлеба, как то было утром; в пять часов вечера рисовальные классы для всех четырех возрастов до семи часов, после чего ужин и в девять часов шли по своим спальням, где и спали до пяти часов утра.

Так шли мои дни, месяцы в продолжение пятнадцати лет ученической моей жизни в Академии. Одежда учеников первых двух малолетних возрастов состояла из куртки с суконными пуговицами и штанов синего цвета, у старших же платье того же цвета из фрака, коротких штанов, белыми чулками и с пряжками на башмаках, со светлыми пуговицами с изображением на них лиры. И все это сукно самого низкого сорта. Пища же наша, оставляя в покое все супы зеленого вида, мясо и пироги всех сортов, благословляли все ученики размазную-кашу, которою кормили нас в продолжение шести вечеров в неделю, кроме воскресенья, когда вместо каши получали холодные пироги, остатки от обеда, отвратительного вкуса.

При этой обстановке я убил в лености и в шалостях целых девять лет, вместо шести, ибо за малостью роста меня оставили и продержали два трехлетия.

Но, когда я вступил в третий возраст и был восемнадцати лет, Богу угодно было сделать во мне перерождение, чему была следующая причина: во время акта награды учеников за программы золотыми медалями раздавались в Академии самым торжественным образом при звуке труб и литавров; (эта церемония) имела на меня сильное влияние, и я с раскаянием и в слезах сказал, спрашивая себя: отчего получают эти ученики себе награды, отчего же не могу я получить? Кажется, я тот же ученик и меня так же учат, и я одарен теми же органами зрения и ума, и если останусь все тем же учеником, то буду последним учеником.

В то же время дал я себе обет оставить общество праздных друзей и обречь себя единственно труду и не терять ни минуты времени сделаться прилежным учеником и всеми силами стараться возвратить потерянные годы. Обещался, как можно усерднее молиться Богу и умолять Его дать мне силы выдержать мое перерождение и исполнить свое обещание.

Товарищи мои, следуя старым своим привычкам, зовут бывало меня представлять тени и другого рода развлечения, только видят меня мои товарищи, особенно шалуны, молчаливым и во всех классах крайне при-

мерным, вскоре поняли меня и начали оставлять меня в покое. Вместо пяти часов утра вставал я в четыре часа, доставал эстампы, с них рисовал, готовил уроки, молился очень долгое время и усердно, испрашивая себе помощь свыше. Немедленно начал чувствовать в себе спокойствие совести и душевно радовался и благодарил Бога, что прилежание не оставляло меня, и товарищи поняли мое серьезное направление к труду и хорошему поведению.

При переводе в третий возраст, когда следовало готовить себя к избранию какой-либо отрасли из художеств, третьему возрасту (доводилось) прождать несколько недель, пока назначен был день, что соберутся все профессора принять из нас новых учеников. Этот желанный день настал. В три часа после обеда собрались все профессора, нас выставили в порядке и начали спрашивать каждого, какому искусству желает себя посвятить. Все ученики с успехом в рисовании шли в живописцы, ленивые и слабые шли в архитекторы; что касается до меня, я не знал на что решиться, ибо был крайне слаб и в науках, и в рисовании, но, завидев между профессорами вполне благообразного, благородного профессора Николая Ивановича Уткина⁶⁰, решился я поступить в граверы и не ошибся. Этот редкий художник и человек принял меня с отеческою ласкою, дал нам родительские наставления быть прилежными и вести себя, как следует. Эта родительская любовь его ко мне длилась, можно сказать, с 1818-го по 1863 год – год смерти этой вполне святой души. Значит целых сорок пять лет.

III.

Со вступлением в президенты нашей Академии А.Н. Оленина⁶¹ в ней все изменилось, всем прежним беспорядкам и вольности настал конец. Он дал место инспектора злему и глупому человеку, академику по ландшафтной части Т.А. Васильеву⁶², оставив при нем всеми любимого старичка, прежнего нашего инспектора К.И. Головачевского.

⁶⁰ Уткин Николай Иванович (1780–1863), гравер, профессор ИАХ, руководитель граверного класса ИАХ, хранитель кабинета эстампов Академии художеств.

⁶¹ Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), президент Императорской Академии художеств (1817–1843), о его деятельности более подробно см.: Оленин А.Н. Избранные труды по истории и деятельности Императорской Академии Художеств. – СПб., 2010; Белютин Э.М. Русская художественная школа первой половины XIX века / Э.М. Белютин, Н.М. Молева. – М., 1963; Файбисович В.М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. – СПб., 2006.

⁶² Васильев Тимофей Алексеевич (1783–1838), живописец-пейзажист, участник войны 1812 года, преподаватель рисования в школе гоф-интендантской канторы,

С поступлением А.Н. Оленина вся Академия как будто в испуге проснулась. Его деятельность, можно сказать, примерная, с страхом увидела бедственное положение Академии: здание было в полном упадке, ученики брошены в нищету; худая одежда, пища, ученье, на все следовало обратить внимание, что и было им сделано. Здание Академии замостили со всех сторон мостовую и вместо оштукатуренной с одной только лицевой стороны с Невы, она была оштукатурена со всех трех остальных сторон: черепичная крыша была покрыта железом. Все внутреннее хозяйство с этим деятельным президентом пришло в порядок; новый же инспектор Т.А. Васильев безумною своею строгостью усмирив вольный дух учеников двух старших возрастов, из коих четвертый возраст, будучи на выпуске, некоторых из них ставил на колена во время утренней молитвы в виду малых возрастов, что производило на нас неописанный страх, так как мы считали их неприкосновенными.

Чтобы поправить финансы Академии, вместо приема новых воспитанников он разделил младший возраст, сделав из одного два возраста, тем уменьшил число учеников; каникулы продлил вместо одного месяца на четыре, чем и поправил несколько наши финансы; над безобразными служителями нашими от пьянства он поставил над ними варвара полицмейстера из отставных аракчеевского полка Ив. Андр. Жукова⁶³, который наказывал их немилосердно воловьёю сухою жилою, которая служила ему вместо трости, и все ею варварские наказания отзывались у них в груди, и все наши несчастные служители вследствие этого ти-

инспектор ИАХ. Из биографии: после окончания ИАХ стал пенсионером при русском посольстве в Китае, затем для «снятия видов» был отправлен в Колывановские заводы через Алтайский хребет, после возвращения определен комиссионером при покупке разных материалов для Академии наук. В августе 1812 года вступил во Владимирское ополчение ротным командиром, с 3 октября 1814 года находился в должности инспектора ИАХ. События ученического бунта конца июня 1823 года поставили крест на его карьере. В связи с этим 7 июля 1823 года А.Н. Оленин писал министру духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицыну о Т.А. Васильеве: «<...> возложенную на него должность он исполнял всегда с отличным усердием и неутомимостью, прилагая все возможное старание к содержанию питомцев Академии в надлежащем порядке и повиновении, что сопряжено было с немалым трудом, особенно при вступлении его в должность инспектора, ибо Ваше Сиятельство сами изволите знать, в каком расстройстве найдена мною сия часть воспитания в Академии художеств». (РГИА. Ф. 789. Оп. 20 (Оленин). Д. 31. Л. 11.). 24 июля 1823 года Т.А. Васильев был уволен из ИАХ.

⁶³ Имеется в виду Жуков Николай Андреевич (1777 или 1778–1827), военную службу начал рядовым Семеновского полка в 1799 г., а закончил в 1816 г. в чине штабс-капитана и кавалера ордена Анны III степени, полицмейстер, или смотритель за чистотой ИАХ (1815–1827).

ранства имели чахлый вид. Одним словом, академия страшилась двух людей: инспектора Васильева и полицмейстера Жукова.

Строгости нового президента и инспектора сделали сильный переворот в занятиях и поведении учеников академии. Академия, которою прежде все гнушались, преобразовалась в благоустроенное заведение, даже учителя и профессора, хотя вне воли должны были покориться новым правилам; прежде ученики могли у них заниматься, теперь же строго исполнялось приказание, чтобы ученики занимались в классе только в назначенные для того часы.

Все эти приказания от имени президента лились рекою, вначале не было дня, чтобы нас не поставили в порядок для выслушания какой-нибудь бумаги с новыми приказаниями. Президент давал собою пример, приезжал на церковные службы, в столовой при учениках вкушал их пищу и в совете всегда присутствовал.

Когда я поступил в ученики к Уткину, он занял нас копированием с эстампов пером, затем начали тянуть штрихи на медной доске, затем гравировали части тела, целую, полфигуры, наконец, делали копию с портрета лучшего гравера Филиппа Шампеня⁶⁴.

При любви к своему профессору и при крайнем старании я делал успехи в рисовании и гравировании. Когда я поступил в третий возраст, я рисовал с оригинальных фигур, чрез год я был уже в гипсо-фигурном классе. Моими товарищами по исторической гравюре были: г. Олещинский⁶⁵, поляк, впоследствии известный гравер, поселившийся после нашего выпуска из академии в 1824 году, при получении второй золотой медали в Париже, где и живет до сего дня (1875 г.) в своей маститой старости и, оставя гравюру, занимается живописью на тарелках для какого-то польского господина. Кроме него моими товарищами были ученики Степанов⁶⁶ и Сбруев⁶⁷; по ландшафтной же гравюре находились у

⁶⁴ Портрет известного французского живописца Филиппа де Шампеня награвировал Ж. Эделинк, именно эту гравюру часто использовал Н.И. Уткин в качестве учебного пособия.

⁶⁵ Олещинский Антон Яковлевич (1794-1878), гравер, воспитанник Академии художеств по классу Н.И. Уткина, член Флорентийской академии. В 1821 году выполнил копию с гравюры Ж. Эделинка «Портрет Ф. де Шампеня», а в 1824 году за портрет А.Ф. Кокоринова с оригинала Д.Г. Левицкого получил большую золотую медаль и возможность стать пенсионером ИАХ.

⁶⁶ Скорее всего, имеется в виду Степанов Иван Матвеевич (1800–после 1851), учащийся ИАХ (1809–1824), ученик Н. Уткина, выпущен с аттестатом 2-й степени, затем преподавал рисование в Московском коммерческом училище.

⁶⁷ Имеется в виду Збруев Алексей Алексеевич (1799–1832), гравер, ученик Н.И. Уткина (1819–1829), преподаватель рисования.

отличного профессора С.Ф. Галактионова⁶⁸, но несносного человека и завидовавшего славе Н.И. Уткина, что и показывало его грубость и недостаточное его образование. Галактионов имел учениками: Мельникова⁶⁹, Брейтгорна⁷⁰ и Аберду⁷¹ – калмыцкой породы, который и в лености подражал своей нации.

Давно не имел граверный класс столько учеников, и из всех их Богу угодно было дать мне так счастливо кончить мой курс занятий, чему была причина усердная ежедневная молитва и примерное, можно сказать, убийственное старание. Ни будничные дни, ни же праздничные я не терял, можно сказать, ни одной минуты в праздности. Товарищи же мои: Олещинский был вполне образованный, уж в летах художник, удивлял всех своею работою пером, которою работою он украшал разные государственные бумаги Царства Польского, что и было причиною, что он был принят в академию в граверный класс и тотчас показал удивительный талант чистотою в гравировании, но ему трудно было успевать в рисунке; не будучи первой молодости, имея приятную наружность и учтив в высшей степени, мы подозревали его в иезуитизме. Сделанная им на меди копия с известной гравюры Эделинка – портрет Филиппа Шампаньи, он на третьем экзамене получил первую серебряную медаль, и отпечатанный с нее экземпляр оттиска хранится в Эрмитаже в собрании гравюр. На вторую золотую медаль он отлично выгравировал портрет строителя академии Кокоринова с картины Левицкого.

Другой мой товарищ Степанов – было грубое создание из театральной отрасли – сын придворного музыканта на флейте, сестра⁷² же его была в замужестве за известным актером Брянским⁷³, мало имел склонности к гравированию, но отличался на нашем академическом театре;

⁶⁸ Галактионов Степан Филиппович (1779–1854), гравер, живописец, профессор ИАХ.

⁶⁹ Мельников Александр Киприянович (1803–после 1855), гравер, ученик Н.И. Уткина (1819-1824), иллюстратор книг, работал в качестве гравера в Академии наук.

⁷⁰ Брейтгорн Александр Федорович (1800–после 1851), гравер, ученик Н.И. Уткина (1819–1824), иллюстратор книг.

⁷¹ Аберда (Айбердов или Эберда) Николай Николаевич (ок. 1800 или 1807 – ок. 1850), гравер, обучался в классе Н.И. Уткина, преподаватель рисования в гатчинском сиротском и женском институтах, в Новгородском кадетском корпусе.

⁷² Брянская (урожденная Степанова) Анна Матвеевна (1797–1878), актриса, супруга Я.Г. Брянского.

⁷³ Брянский Яков Григорьевич (наст. фам. Григорьев) (1790–1853), известный русский актер, режиссер, переводчик, преподаватель Петербургского театрального училища.

по выпуске из Академии сделался отчаянным игроком и, испытав счастье и несчастье, кончил жизнь свою самоубийством.

Из ландшафтных гравиров более своих сотоварищей имел дарование ученик Мельников, но поступил ранее выпуска своего из академии в единственное в наши годы для гравиров убежище – в депо карт, где и дослужился до пенсионера, дельного же по гравированию ничего не произвел.

Ученик Брейтгорн был один из лучших моих товарищей и друзей трудного нашего искусства; мы были с ним неразлучны. Все наши часы занятий шли ровно: сколько занимался один, столько занимался другой.

Гравируя наши программы на вторые золотые медали, как-то мне пришлось гравировать с картины Соколова «Меркурий усыпляет Аргуса»⁷⁴, а ему с картины Дитриха «Тивольский водопад»⁷⁵; мы страшились их не окончить, а потому в летние длинные дни мы вставали по утрам в два часа и работали до семи часов вечера, что и было вредно для здоровья, и мы начали страдать грудью, лежа на ней до двенадцати часов, и начали думать как бы ее укрепить. Брейтгорн начал хвалить мне дегтярную воду; не имея денег купить ее в аптеке, он обещал достать нам у себя дома.

Настало воскресенье, и его отпустили домой. С нетерпением я ждал девяти часов вечера, когда и увидел я его возвратившимся из дома, спешу узнать о результате наших (поисков) дегтярной воды и слышу, что от него сильно несет дегтем, зову его в пустой угол нашего рекреационного зала, узнаю причину, что он купил полфунта чистого дегтя, который находился у него в горшочке, и как скоро он вынул его из-под фалды, то я ужаснулся сильному запаху; боясь, чтобы нас не поймали в подобной покупке, мы тотчас спрятали горшочек в холодную печку и, взявши друг друга под ручку, начали ходить, следуя за другими гуляющими и разговаривая, держали между собою совет, как деготь употреблять. Не думая долго, порешили: по случаю его пользы и сильной вони, которая может нам изменить, нам следует эту же ночь приступить к делу. Как скоро все товарищи заснули, мы отправились в стороне стоящую умывальную, раскрыли горшочек и столовою ложкою каждый из нас принял вовнутрь хорошую порцию этого дегтя и в конце, ради экономии, еще облили

⁷⁴ В 1824 г. Ф.И. Иордан за гравюру, выполненную с картины П.И. Соколова «Меркурий усыпляет Аргуса» получил малую золотую медаль.

⁷⁵ В 1824 г. А.Ф. Брейтгорн за гравюру, выполненную с картины Х. Дитриха, был удостоен малой золотой медали.

ложку, не предполагая ожидающих нас ужасных последствий, которые и явились по истечении часа. То я, то он бежим в умывальную, чувствуя сильную рвоту: деготь совершенно заклеил горло, и при всем мучении мы не можем освободиться от него. Желая избавиться от его противного вкуса, полоскал рот золою, но мало помогало.

К утру я едва встал, мой же соучастник Брейтгорн должен был отправиться в лазарет, где посредством лекарства он очистил желудок; затем выкинули деготь, и о нем не было более речи, но работали без усталости, как сказано, с двух часов утра до семи вечера, и так как мой товарищ был ленивее, то я заставлял его вставать, обливая или спрыскивая его голову холодной водою.

В зимнее время старшие классы на праздниках Рождества имели особенное помещение, которое было предназначено для театральных представлений⁷⁶, и когда очередь дошла до нашего четвертого старшего возраста, то товарищи пригласили и меня играть роли отцов, которые, судя по аплодисментам, которыми зрители награждали меня, должно быть я порядочно играл.

Признаюсь, мне было очень обидно, мои товарищи актеры возвращались вечером в академию с запасом для себя должных костюмов, я же, не имея никого в Петербурге ни родных, даже знакомых, мне приходилось во время представления иметь костюм, взятый у кого-нибудь из служащих гораздо выше или ниже меня, так что приходилось мне иметь верхнее платье, которое покрывало пятки ног или было так узко, что едва мог дышать. Кроме того, лицо мое служило для каждого или давалась свобода каждому чертить на нем или углем, или запустить руку в трубу и, вымазав там ладонь сажею, растирая ею лицо мое, говорить: «Ты молод, тебе следует иметь морщины», что и рисовали углем мои товарищи, а ладонь их в саже служила затиранием подбородка, который должен был казаться бритым. Любовников играл у нас товарищ Иосиф Скотти⁷⁷, и он был всегда под хмельком.

⁷⁶ О необходимости создания театра при Академии художеств известно из орде-ра И.И. Бецкого от 1764 года: «для отвращения мыслей ученических во время праздное от скуки причиняющей утрюмость и для недопущения их до самых недозволяемых шалостей: по желанию их дозволить играть комедии и трагедии при Академии художеств; чего ради небольшой театр приказать сделать <...>». (Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. Ч. 1. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1864. – С. 81–82). Театр просуществовал до конца 1790-х гг., затем в течение более 20 лет представления с участием академистов не устраивались, вновь был открыт только в 1819 году по инициативе инспектора Т.А. Васильева (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2992. Л. 1.).

⁷⁷ Скотти Иосиф Петрович (1801–1857), архитектор, обучался в ИАХ (1813–1824).

Несмотря на аплодисменты, мне было всегда скучно на другой день, мне было как-то совестно разыгрывать накануне отца с вечными хлопотами выдавать дочерей замуж, и эти роли отцов были моим уделом во всех пьесах, иггранных в Академии. Кроме того эти представления невольно заставляли меня терять много времени разучиванием ролей и на репетиции. Свое здоровье, особенно глаза, я старался сберечь ради того, чтобы возмездить потерянные мною девять лет первых двух возрастов, и поэтому я дал себе обет не есть говядины, предполагая, что мясо горячит зрение, и свою порцию отдавал товарищу моему, сидящему возле меня в столовой, А. Лялину⁷⁸; за ужином я грешил, как и другие ученики, в получении к гречневой каше-размазне двойную порцию топленого масла, которое обносили в судке, и для успеха в оном мы делали в ложке двойное дно из мятого мякиша, прилепливали его с задней стороны ложки с отверстием в конце, куда входило масло, чрез что получали двойную порцию масла. Гречневая каша составляла особенную прелесть учеников и к ней готовились для получения с особенною отвагою: руки завертывали в салфетки, чтобы их не обжечь, ибо только что служитель приносил ее в огромном оловянном блюде, и из боязни, чтобы ученики не обожгли ему руки, он не ставил, а бросал сверху блюдо, и тут разом начиналась война: каждый хлопотал поболее нахватать каши на свою тарелку.

Ее приносили всегда два раза: первый прием был самый ужасный, ибо на первом была пенка, ею-то и старались ученики запастись, повторение же этого блюда шло скромнее, ибо тут была одна только каша без пенки. Как скоро каждый из нас запаса своею порцією, начиналось очищение ее от мышачьей дерзости, которые, наевшись крупы, тут же делали свои ис-ния, и этот-то черный бисер мы старались очищать, составляя из них порядочные коллекции.

Как скоро наш ужин кончался, по звонку мы вставали, каждый у своего места, начиналась молитва и затем пение также молитвы и всегда почти одной и той же, именно: «Благословите Господи вся дела Его на всяком месте владычества Его». Эту молитву мы очень любили по ее краткости, ибо все с нетерпением ожидали скорее быть в спальне, имея после каши животы полные и требующие их облегчения. И только что вступали в покои ночного отдыха, как все пускались взапуски бежать в (кабинет).

Десятки стояли около счастливых сидельцев, освобождавших свои желудки от плохой пищи и каши, упрашивали счастливых, освобож-

⁷⁸ Лялин Александр Павлович (1802-1862), скульптор, профессор медальерного класса ИАХ, старший медальер Санкт-Петербургского Монетного двора.

дать поскорее свои места, что и показывает, как легка была наша пища и как юношеский желудок был полон огня, что переваривал, можно сказать, самую скудную и весьма часто тяжелую пищу, какова была гречневая каша, которая и была единственная питательница наших дней в Академии.

Для летних прогулок и игр мы имели большой двор; по правую его сторону стояла наша баня с фасадом храма Весты, круглая с острою крышею, покрытою черепицею, где из 40° жара мы выбегали с шайками за водою в предбанник, у которого со всех сторон были открыты двери во двор и где зимою был сильный мороз, а мы преспокойно из адского жара внезапно выскакивали на 20° мороз, и Бог хранил нас, хотя многие за подобный порядок поплатились жизнью.

Играми любимыми были: игра в лапту, большой мяч с надутым пузырем служил большим любопытством для окружающих, ибо его подбивали правою ногою, и кому выше придется подбить его, заслуживал одобрение присутствующих мальчуганов; затем шла запрещенная игра в городки, при которой часто подбивали глаза. У старшего же возраста была также запрещенная игра в свайку, которая (состояла из бросания) огромного гвоздя с огромною тяжелою головкою на землю в кольцо размера острой части гвоздя; следовало иметь сноровку попасть в это кольцо. Эта игра была самая грубая и неопрятная, после нее руки дрожали и были всегда неопрятны, имея дело выкапыванием этого гвоздя или свайку, глубоко засевшую в землю.

Между моими первыми товарищами выказывали с малолетства необыкновенный талант в рисунке и в композиции два брата Карл и Александр Брюлло.

Когда же мне пришлось остаться вторично в 1-м возрасте, то во всем, как в поведении, в науках и художестве, был (особенно хорош) красивый и самый скромный мальчик А.В. Нотбек⁷⁹. В полном смысле слова он был первым во всем и рекреационные часы употреблял на игру на флейте, на которой он отлично играл; в своей юности перечитал он всех немецких авторов и многих знал наизусть.

Случилось у нас плачевное происшествие: во время начатия художественных классов двое учеников бегут в свои классы, один скульптор Глинский, другой по той же части. Надобно сказать, что возле скульптурного класса находился граверный класс.

⁷⁹ Нотбек Александр (Иоганн-Вильгельм) Васильевич (1802-1866), живописец, академик ИАХ, преподаватель в Санкт-Петербургской рисовальной школе.

У скульпторов инструменты делаются (обыкновенно) из пальмового дерева, у граверов же инструменты стальные. Один из них Горский берет скульптурный инструмент, Глинский же бежит в граверный, и по глупости своих лет начинают фехтоваться, держа в руках свои взятые инструменты, и в бою Глинский ударяет в бок Горского шарбором (в виде кинжала). Несчастный невинным образом начинает уверять своего товарища, что он проколол ему мундир; открыв мундир, находит проколотым жилет, наконец, рубаху, является кровь, оба бегут в лазарет, раненый на первой ступени лестницы падает, его переносят в лазарет, где изойдя кровью, умирает чрез несколько дней. Глинского исключают из Академии с обязательством на несколько недель ходить в церковь в виде покаяния⁸⁰.

Затем было крупное происшествие: А.Н. Оленин, поступив в 1818 году в президенты Академии художеств, поместил, как я уже сказал прежде, к инспектору К.И. Головачевскому академика по пейзажной живописи Тимоф. Алекс. Васильева. Он глупою и вместе ужасною строгостью изменил весь ход воспитания; ученики его боялись и вместе презирали, зная, что он живет незаконно с женщиною и за картами просиживает целые ночи. Все меры были приняты учениками, как говорится, поймать его в чем-либо, и этот случай представился им в одно воскресенье, когда классов не имеется и ученики бродят до обедни по коридорам. Некоторые из них вдруг слышат шум и крик на лестнице женщины, которая неистово, стоя на верхней ступеньке, кого-то ругает, затем слышан умоляющий голос нашего инспектора, просившего ее воздержаться.

Как только пришла эта весть ученикам, все бросились к месту брани и начали ее хвалить, прибавляя от себя, что он мерзавец и что мы не считаем более его своим инспектором; вследствие этого наш инспектор не показывался долгое время.

Настал день Петра и Павла⁸¹, день начала каникул; после обедни нам дают знать, что наш возраст, как старший, оштрафован, и каникул не будет. Один ученик, именно Алексеев⁸², случайно подвыпил, о чем служитель тотчас дал знать инспектору, инспектор же, желая отомстить

⁸⁰ События, описываемые Ф.И. Иорданом, относятся к ноябрю 1825 года. Действительно, между учениками Ардалионом Глинским и Владимиром Гурским возникла ссора, в ходе которой А. Глинский нанес удар шропером (гравировальным инструментом) В. Гурскому, от которого вскоре он и скончался. — Более подробно см. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 463. Л. 13–15.

⁸¹ День Петра и Павла отмечается 29 июня по новому календарному стилю.

⁸² Скорее всего, имеется в виду Алексеев Григорий (1803–?), живописец.

ученикам, не показывавшийся даже более шести недель, вдруг является и находит Алексеева не в порядке, велит взять его в карцер, где снимают с него мундир и надевают больничное платье. Я же, ничего не зная, поработал до семи часов вечера; когда настало время ужина и все ученики собрались в рекреационный зал, тут увидел я, к удивлению, давно невиданного инспектора, спокойно гуляющего среди зала и толкующего с дежурным гувернером Предтеченским; ученики же, сплотившись густою массою, ходят вокруг их; как вдруг послышался из массы гуляющих учеников сильный голос: «Пьяница, картежник, б...!», все это повторялось криком всех учеников. Признаюсь, не зная в чем дело, я испугался. Инспектор, видя, что дело плохо, помаленьку приблизился к выходной двери и разом исчез; тогда эта масса учеников бросилась освобождать Алексеева, схватила лазаретного смотрителя Шелковникова⁸³, требуя от него мундира Алексеева, на что он, дрожа, тотчас согласился, отыскиали несколько зерен жженого кофея, дали ему есть, чтобы избавить рот от запаха вина, и с торжеством повели к ужину, где я удивился малому числу учеников за ужином, что и разъяснилось тем, что они бросились искать инспектора, желая выбросить его из окна, но он спрятался в гардеробной под старым платьем.

Раз взбунтовавшись, молодежь начала по всей дороге по коридорам выбивать стекла в окнах. К девяти часам вечера нас привели в спальню, в двенадцать же часов ночи я услышал шаги нашего гувернера с конференц-секретарем Ермолаевым⁸⁴, толкующих едва слышным голосом об ужасе подобного происшествия, и Боже избави, если государь это узнает. После этого происшествия мы остались прозябать в нашей Академии, несмотря на чудные дни июля месяца, я же работал, да работал. Я усердно молился ежедневно по утрам и вечерам, читая каждый день по две, по три главы из Библии, таким образом я прочел весь Новый и Ветхий Завет два раза, может быть, и три раза, и моя трудная программа

⁸³ Шелковников Иван Афанасьевич (1779– после 1827), скульптор, учитель чистописания (1819–1827) и смотритель лазарета (1821–1827). В ИАХ он обучался медальерному и чеканному делу, с 1800– по 1812 гг. находился в качестве переводчика при российском Генеральном консуле в Персии, за перевод персидского словаря на русский язык пожалован чином титулярного советника, затем был прикреплен к Церемониальному департаменту, где участвовал, в т.ч. в похоронах М.И. Кутузова в 1813 году, после чего в 1814 году был прикомандирован к персидскому посольству, где и служил до поступления в ИАХ.

⁸⁴ Ермолаев Александр Иванович (1779–1828), воспитанник ИАХ, живописец, нумизмат, хранитель Депо манускриптов Публичной библиотеки. С 1817 г. член Правления ИАХ, затем ее конференц-секретарь (1818–1828).

«Меркурий, усыпляющий Аргуса» при усердной молитве помаленьку подвигалась вперед.

Ученики, наблудив, с поникшими головами гуляли на нашем дворе, до игр не являлось у них охоты, все чувствовали и старались предугадать, что их ожидает. Любимый нами учитель и гравер Кондратьев, друг инспектора, уговаривал учеников принести покаяние и просить прощения, когда настанет для этого день, и этот день не дал себя долго ждать, именно: нам объявляют, что сегодня вечером соберется весь совет и присутствовать будет сам президент. Вечер был восхитительный. По наущению г. Кондратьева мы должны были поступить следующим образом: как скоро президент начнет говорить, всем следует встать на колени.

Нас вводят после ужина в конференц-зал; весь совет сидит на своих местах; президент встал и только что начал говорить, мы все, как по сигналу, падаем на колена; президент (А.Н. Оленин) поражен этим поступком сердечного покаяния; слово у него замирает на устах и он почти в слезах благодарит и обещается быть нашим заступником у государя.

– «Встаньте, мои дети, я вас прощаю, одного прошу, явитесь ко мне, кто чувствует себя в этом (деле) виновным».

Все посматривают друг на друга, все чувствуют себя виновными и один другому советует: «Иди».

Наконец после долгой нерешительности вышли: Н. Тверской⁸⁵, Слезенцов⁸⁶, Каракалпак⁸⁷ – совершенно невинные, более как бы высказаться, чем обвинить себя.

– «Этого довольно, сказал президент, – теперь последует малое наказание, а завтра вас отпустят на каникулы», что и было сделано.

Все виновные с удовольствием стояли у скамейки и, зная сколько кому было предписано ударов розгами, друг у друга их считали.

Тут в первый раз высекли нашего уважаемого товарища Нотбека. Он был призван к Оленину и президент просил его уговорить своих товарищей, чтобы они начали повиноваться инспектору; Нотбек наотрез отвечал, что ему следует отказать (т.е. уволить инспектора), что президенту

⁸⁵ Тверской Николай Михайлович (1804–1848), живописец, автор полотен на исторические и религиозные темы.

⁸⁶ Слезенцов Иван (180?– после 1825), художник, занимался промышленной графикой.

⁸⁷ Каракалпак (Каракалпак) Владимир (Гавриил) Григорьевич (?–?), художник, воспитанник ИАХ (1813–1823), в 1823 г. за участие в академическом бунте исключен из ИАХ, впоследствии преподаватель рисования в московском кадетском корпусе, учитель П.А. Федотова.

очень не понравилось, и он безвинного Нотбека включил в число виновных, за что и пришлось обвиненному получить розги. После этих тревог и неприятностей я уехал к матери на остальные дни каникул.

По возвращении узнаю, что за бывшее шуточное признание наших товарищей себя виновными в бунте, они – Тверской, Слезенцов и Каракалпак – дорого заплатились: их исключили из Академии с тем, чтобы никуда не принимать; инспектора равномерно исключили⁸⁸, и в Академии оказалось междуцарствие; управлял всем А.А. Михайлов⁸⁹, пока после моего выпуска поступил в Академию, наконец, красивый и весьма образованный капитан гвардии Андрей Иванович Крутов⁹⁰. Он всех забрал в руки, вся экономия была в его руках; нажил хорошее состояние и служил до 1851 г., когда уничтожилась совсем эта должность.

⁸⁸ В делах президента А.Н. Оленина, хранящихся в РГИА, присутствуют документы, раскрывающие это событие, произошедшее 28 июня 1823 года. Среди виновных значатся ученики 3-его и 4-ого возрастов – Николаевский, Бельский, Белеман, Селиванов, Данилов, Шашин, Делюсто, Слезенцов, Косолапов, Каракалпак, Нотбек, Белоусов, Грязнов, Быков, Тверской – все они получили «отеческое наказание» по 50 и 70 «позанов» в зависимости от вины каждого. «Сверх того из учеников 4-ого возраста Слезенцова, Косолапова, Шашина и Делюсто, как наиболее замеченных в буйстве выслать из Академии без всякого награждения со свидетельствами, удостоверяющими в том, что они исключены из оной по неимению качеств, какие требуются от воспитанников Императорской Академии художеств. При сем объявить им, что им воспрещается навсегда вход в Академию под опасением быть доставленными в Управу благочиния». – РГИА. Ф. 789. Оп. 20 (Оленин). 1823 г. Д. 31. Л. 4. Столь суровое наказание для воспитанников и увольнение инспектора ИАХ Т.А. Васильева было связано еще и с тем, что об этом деле было доложено министру духовных дел и народного просвещения, а затем стало известно императору, который и повлиял на такое решение.

⁸⁹ Михайлов (Михайлов 2-й) Андрей Алексеевич (1773–1849), архитектор, профессор, в 1823 году назначен ректором ИАХ.

⁹⁰ Крутов Андрей Иванович (1794–1861), коллежский советник, инспектор Воспитательного училища при Академии художеств, почетный вольный общник ИАХ (1832). Первоначально на это место предполагалось пригласить В.И. Григоровича, однако тот по финансовым соображениям вынужден был отказаться, затем, впрочем, он занял место конференц-секретаря ИАХ. Из биографии А.И. Крутова известно, что он был капитаном Лейб-гвардии Павловского полка, участником Отечественной войны 1812 года (в сражении под Смоленском был ранен и попал в плен) и заграничных походов 1813–1814 гг. Получил неплохое общее и военное образование, владел немецким и французским языками. Определен инспектором 12 ноября 1825 года, неоднократно был поощряем начальством «за оказанные по воспитании питомцев Императорской Академии художеств услуги». Имел собственный «благоприобретенный» каменный дом на Васильевском острове в Петербурге. Уволен из Академии художеств 22 декабря 1851 года в связи с сокращением штатной должности инспектора. – См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 97-к.

Тимофей же Алексеевич Васильев страдал в крайней бедности до конца своих дней и всему этому был обязан своей незаконной жене: она неосторожно с ним ссорою дала знать его достоинства ненавидевшим его ученикам, вследствие чего кончилось к нему всякое уважение и повинование.

IV.

Время шло своим порядком и к 16-му сентябрю 1824 г. я окончил по силе возможности свою программу, получил из рук министра народного просвещения вторую золотую медаль со шпагой и две серебряные медали первого и второго достоинства при звуке труб и литавров. День был серый, дождливый и на сердце чрезвычайно скучный. Меня тяготила мысль о крайней бедности моей матушки; от Академии я оторван; где моя пища, одежда и кров? С выпуском из Академии для меня все (было) кончено.

Когда это торжество кончилось и члены начали расходиться, я встретил моего президента, он поздравил меня и обрадовал своим словом: «Иордан, ты остаешься с нами!». Тут я не знал, как благодарить Бога, зная, что это есть будущая моя жизнь в Академии как пенсионера. Пенсионерская жизнь в наше время была самая блаженная: давался кабинет, белье, стол и 25 рублей на вицмундир. Пенсионер был сам себе хозяин, вставал, когда хотел, работал по своему желанию и имел право заняться программой на первую золотую медаль, что я и сделал, выбрав себе картину Лосенко, которую при окончании гравюры наименовали «Умиравший Авель»⁹¹.

Как скоро кончилось торжество и (после того как я) был обрадован словами президента, отправился я к старшему моему брату Александру, который занимался золотых дел мастерством; желалось мне достать от него хотя малую помощь, ибо казенная одежда была с стоячим воротником, груба и цвета почти голубого, вместо синего, галстук с пряжкой на затылке, серая шинелишка не терпела тепла, половина же сентября давала себя чувствовать. После долгих разговоров о моей бедности, говоря, не знаю, чем могу тебе помочь, он уделил мне свой старый шейный платок, видя, что мой нашийник трет мне скулы и, кажется, давит меня. И сколько расточил я ему благодарностей! Вечером возвратился я опять на свой ученический ночлег, мне стало грустно, думая: «все мои товарищи разошлись, все нашли у своих родителей приют, все через час после выпуска

⁹¹ В 1827 году Ф.И. Иордан получил большую золотую медаль за гравюру с картины А.П. Лосенко «Умиравший Авель».

были щегольски одеты, все родственники и друзья пришли разделить радость со своими детьми, окончившими свое воспитание, многие из них даже без всяких наград, я же с медалями, с особенною похвалою от министра⁹², когда он вручал мне мою золотую медаль и шпагу, сказав: «О вас я имею самый лестный отзыв!». И что же, никого я не увидал, никто не порадовался со мною, никто не помог мне в моей бедности, и со слезами предался я сну, будучи уже (лицом) 14-го класса; затем вскоре перевели меня в пенсионерскую и поместили в моем кабинете другого пенсионера Ф.Г. Солнцева⁹³, другие же пенсионеры из моего возраста остались: А.В. Нотбек, А.Т. Марков⁹⁴, И.П. Скотти – архитектор. Тут же мы нашли других жильцов, прежде нас там помещенных: медальера Добрынина⁹⁵ и пенсионера персидского шаха Аббас-мирзы⁹⁶ Магомета Джафара⁹⁷, отличный мусульманин, который от крайней набожности и имевшейся (вскоре) в то время войны русских с Персией был крайне опечален, особенно успехами русских, а потому вскоре умер от чахотки.

К несчастью, мой товарищ А.В. Нотбек, будучи прилежным учеником, в пенсионерской свел знакомство и дружбу с самым ничтожным мастеровым, человеком необразованным и грубым, г. Добрыниным, который выучил и пристрастил его к игре в горку⁹⁸, и она шла у них ежедневно с утра до вечера; к ним присоединялся весьма часто и А.Т. Марков, и я с прискорбием замечал и предчувствовал, что Нотбек, так много обещавший, упадет в своем искусстве, что затем и случилось. Я же не переставал, сделавшись свободным художником, продолжать со старанием свои занятия.

Первую работу, которую я получил, был портрет известной в то время танцовщицы Истоминой при «Альманахе русской Талии»⁹⁹, изданном Ф.В. Булгариным¹⁰⁰. Интересен был случай сего заказа.

⁹² Имеется в виду Шишков Александр Семенович (1754–1841), государственный деятель, адмирал, литератор, министр народного просвещения (1824–1828).

⁹³ Солнцев Федор Григорьевич (1801–1892), живописец, акварелист, археолог, педагог, автор известного альбома «Древности Российского государства» (М., 1849).

⁹⁴ Марков Алексей Тарасович (1802–1878), живописец, академик ИАХ, педагог, пенсионер ИАХ (1834–1841).

⁹⁵ Добрынин Василий Яковлевич (1780– не ранее 1844), медальерный мастер на Санкт-Петербургском Монетном дворе.

⁹⁶ Джафар Магомет (Мохаммед) (? – после 1826), живописец, пенсионер персидского шаха Аббас-мирзы, прибыл в Россию в начале 1820-х гг., обучался у А.Г. Варнека (с 1822 г.).

⁹⁸ Горка – карточная игра, предполагающая от 2 до 5 участников.

⁹⁹ В 1825 году для альманаха «Русская Талия» Ф.И. Иордан создал гравюру с изображением известной русской балерины А.И. Истоминой в роли Флоры из балета «Зефир и Флора» К.А. Кавоса.

¹⁰⁰ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859), русский писатель, журналист,

Я был у моего профессора Уткина; является дородный господин, показывает ему портрет, нарисованный очень хорошо свинцовым карандашом, и желает, чтобы Уткин отрекомендовал ему гравера. Он показывает ему на меня; Булгарин рад, устанавливает цену 300, дает 50 рублей задатка с тем, чтобы к 20-му декабрю портрет был бы непременно окончен.

Не работавши никогда к сроку, это случилось в половине октября месяца, (я был очень озабочен этим заказом, тем более что) дни (были уже) темные и самые короткие; Уткин ободряет меня, и я решаюсь.

Боже мой, когда я увидел 50 р. асс. и что я хозяин их, не знал я как высказать благодарность своему профессору; сестрица же его Марина Ивановна¹⁰¹ тотчас начала утешать меня словами: «Что теперь можно будет вам экипироваться и что завтра же пойдем в Гостиный двор покупать сукно».

Всякий может себе представить мою радость, что и я оденусь как другие и могу являться в общество. Между тем непривычная мелкая работа портрета меня сильно мучила, без отдыха я работал, можно сказать день и ночь, сильно утрудил свои глаза и кончил к должному сроку.

Получив вдруг 250 р. асс., первую моею обязанностью было исполнить свое обещание: купить моей матушке на капот шелковой материи, которою все ее знакомые и родные щеголяли в скромном тогда Павловске. И сколько было радостей старушке и как она в нем щеголяла! Запасся я также шинелью, на которой в те времена была мода иметь на одном воротнике несколько фальшивых, и эту-то шинель, желая украсить воротник мехом, раз, случайно, идя мимо Апраксина ряда¹⁰², вижу, за мною следит мужик с подозрительным лицом и тихим голосом твердит мне: «Не желаете ли купить бобра», - показывая с робостью из-под фалды какой-то черный мех.

Зная славу Апраксина двора, куда собирается люд подозрительного поведения, не зная никакого толка в мехах, но, услыша слово бобер, я

возымел тысячу желаний узнать цену и сделаться его собственником. Мужик, увидав во мне свою добычу, преследует меня, так что я решился спросить у него цену. Тихим и едва внятным голосом шепчет он мне в ухо: двадцать пять рублей.

Вижу, цена невелика, предлагаю ему из боязни, не ворованный ли он, десять рублей.

После моей цены он уже не шел, а бежал за мною со словами: «Как можно иметь бобра за 10 рублей, он подходит совершенно к вашему воротнику!» начинает сбавлять цену, а это страшит меня, не имею ли я дело с мошенником, осматриваюсь во все стороны, не следит ли за нами полиция и, видя сильную грязь под ногами и мелкий дождь, хлопотал, как бы отстать от него. Вдруг слышу: «Извольте, барин!». Я отыскиваю в Гостином дворе темный закоулок, где в виде какой-то тайны вынимает он осторожно из-под фалды своего бобра, я же, оглядываясь во все стороны и не видя для себя чего-либо подозрительного, прячу мою покупку под шинель, а там под мышку и, вручив ему красненькую, не переставая оглядываться, боясь покупки краденной вещи и перешед Исаакиевский тогда мост¹⁰³, чувствую, что мне легче на душе, особенно при виде нашей академии, и говорю себе: «Вот и моя шинель украсится бобровым воротником!». Тут нашел я своих товарищей и никому не сказал слова о моем бобре. Выкушав два стакана шалфея с хлебом (в то время горячий шалфей с патокою был общий напиток для бедняка, начинающего жить, как говорится, своим домом, ибо академический завтрак состоял во все мои 15 лет: кусок хлеба утром с водою, после же обеда с квасом), посылаю нашего служителя Исаию, горького пьяницу, за портным, которому при его появлении, скрывая цену, просил пришить бобра к моей шинели.

Получив мою шинель с бобром, я воспользовался первым воскресеньем посетить моего товарища и друга, зная, что там в этот день бывают гости. Несмотря, что шел дождь, и зная что дорогому бобру нечего бояться воды, отправляюсь пешком, на извозчиков не решался еще тратить деньги; одевшись как можно опрятнее с чистым бельем и щегольскими воротничками. Довольно измокшим вхожу в дом, звоню в колокольчик дверей, отворяют, с радостью встречают меня (в доме имелись две взрослые невесты), восхищаются новым бобром, я же с какою-то самоуверенностью и шиком сбрасываю ее с плеч, как вдруг слышу хохот, «Что с вами стало, Ф.И.? Боже мой, взгляните в зеркало!»...

издатель «Северной пчелы» и «Сына отечества». В 1825 г. выпустил в Петербурге литературно-театральный альманах «Русская Талия», где были представлены фрагменты драматических произведений, статьи о театре и об актерах. В число авторов входили П.А. Катенин, А.А. Шаховской, А.А. Жандр, там же впервые был напечатан отрывок из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» – единственная прижизненная публикация знаменитого русского писателя.

¹⁰¹ Уткина Марина Ивановна (?– ок. 1850), сестра Н.И. Уткина.

¹⁰² Апраксин рынок (Апраксин двор) – комплекс торговых помещений, находившихся на Садовой улице (д. 28–30) в Петербурге на участке, изначально принадлежавшем с 1739 года графу Ф.А. Апраксину.

¹⁰³ Исаакиевский мост – первый наплавной мост в С.-Петербурге, он был сооружен в 1727 г., соединял Сенатскую площадь и Университетскую набережную, в 1819–1821 гг. перестроен, в 1916 г. сгорел при пожаре.

Невдалеке стояло старое зеркало, и о ужас, что вижу: от половины носа вся остальная часть лица, воротнички и манишка на груди все выкрашено рыжим цветом, я испугался самого себя. Одни хохотали, другие сожалели, друг же мой хозяин взял меня за ширмы, снял с меня весь верхний аппарат белья, принесли воду, я омыл лицо, он же переменял мне белье; затем пошли рассматривать моего десятирублевого бобра и нашли с улыбкою на лице, что мой бобр ничто иное как крашеная кошка, в чем я и уверился на другой день, увидав, что вместо черного мой бобер стал почти красный.

Это был первый опыт собственной покупки, что впоследствии делал я только в сообществе сестрицы моего профессора – престарелой девицы Марины Ивановны.

Выгравированный, хотя совершенно неоконченный, портрет Истоминой мне дал другую работу для издателя Сленина¹⁰⁴, который издал тогда басни Крылова, именно «Собачья дружба»¹⁰⁵.

Время награвирования обеих этих гравюр было ознаменовано для Петербурга замечательными несчастными происшествиями. В 1824 году, гравирюя портрет Истоминой и желая получить оттиск, отправился я в академию наук к известному в то время печатнику Сыченеву. Вышед из академии и дойдя до кадетского корпуса при сильном бурном ветре, увидел я, что из водосточных труб (из-под земли) бьют фонтаны, и по первой линии образовался длинный ручей, который я не решился переступить, и воротился домой; после чего разыгралась сильная буря. Нева изменила свое течение; к 3 час. после обеда я отправился с семейством Уткина на академическую крышу; ужас представлялся глазам: барки с сеном и другие суда не плыли, а летели против течения, ни дорог, ни набережных не было видно, и только дома торчали из серой бушующей стихии. После трех часов вода начала убывать, и этот ужасный день 7-е ноября 1824-го остался памятен для многих пострадавших семейств.

Вставши рано утром 8-го ноября, я посетил Андреевский бульвар¹⁰⁶; по обе его стороны видны были следы этого несчастного наводнения: на бульваре лежали всякого рода обломки среди кучи дров; все окна

¹⁰⁴ Сленин Иван Васильевич (1789–1836), русский книгопродавец и издатель, публиковал произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Н.М. Карамзина, выпускал альманах К.Ф. Рыльева и А.А. Бестужева «Полярная звезда». При магазине И. Сленина существовал литературный салон, который посещали А. Пушкин, А. Бестужев, К. Рылеев.

¹⁰⁵ «Собачья дружба» – гравюра Ф.И. Иордана, выполненная им для издания: Крылов И.А. Басни. – испр., доп. – СПб.: И. Сленин, 1825. – [4], 312 с.

¹⁰⁶ Андреевский бульвар – проходит между 6 и 7 линиями Васильевского Острова.

подвалов, частью нижних этажей выбиты; тут стояли дрожки, всякого рода перебитая домашняя утварь; на Смоленском или у Смоленского кладбища¹⁰⁷ стояла на улице лодка; в лодке в виде уснувшей старушки в чепчике в сидячем положении была булочница того места, в коленях ее спрятана была голова дочери. Она одною ногою уперлась на колено матери своей, другая же нога была вверх, что и показывало, что она бросилась из окна к матери и тут же захлебнулась и от сильного холода окоченела.

Много было рассказано в то время бедственных эпизодов этого страшного дня.

Второе происшествие было в 1825 году при гравировании мною «Собачьей дружбы», а именно: отправляясь с оттиском к книгопродавцу Сленину и идя по льду по Неве, почти на середине ее встречаю я старушку, которая с ужасом повторяет: «Ах, Боже мой, Боже мой!», что и удивило меня, я спрашиваю: что случилось?

– «Ах, батюшка, идите на площадь, там увидите все ужасы. Я спешу перейти Неву и вижу, вся площадь полна народом, слышу шум и крики; иду к монументу Петра I, нахожу его обставленным солдатами, которые по временам, держа ружье у ноги, в шинелях кричат: “Да здравствует конституция!”. Этому слову нас никогда не учили и не толковали, я спросил у одного, что значит конституция. Он преспокойно отвечает: “Что это жена великого князя Константина Павловича и вел. кн. Константин находится уже на Пулковской горе”».

День был холодный, и солдаты, чтобы согреться, прыгали и били себе ладоши. При огромной массе народа по всей площади носился какой-то гул; вся полицейская сила исчезла, ни карет, ни дрожек не было видно.

Тут я встретил и моего профессора Н.И. Уткина с сестрицею, и мы не могли придумать, что это значит и к чему ведут эти ужасы. Все стороны площади, можно сказать, были залиты народом вплоть до забора строящегося собора Исаакия; весь забор был покрыт сплошною массою рабочих, и все люди, большею частью из черни и мастеровых.

Вдруг мы видим карету, которая прямо въезжает в середину к монументу, где стояло несколько офицеров в шинелях и руки в рукавах. Это было священство. Не прошло несколько минут, началась ружейная перестрелка, и видим, карета уезжает, и дьякон стоит на запятках.

Говор был в народе, что это приезжал митрополит; затем вновь показалось волнение в народе, послышался выстрел, за ним все солдаты сделали по выстрелу; весь народ наклонился, боясь получить пулю в лоб.

¹⁰⁷ Имеется в виду Смоленское поле и Смоленское кладбище на Васильевском Острове в Петербурге.

Оказалось, что выстрел был сделан в военного губернатора Милорадовича¹⁰⁸, и тотчас разнесся слух, что он убит.

Тут увидел я нашего нового царя Николая Павловича¹⁰⁹, идущим по Адмиралтейскому бульвару, и трое мужиков преспокойно стояли в шапках. Он им пригрозил, показывая им на их шапки, которые бы им следовало снять.

Увидав издали, что начинают являться войска со стороны собора, затем по линии Адмиралтейского бульвара, прежде конно-гвардейский полк, а за ними встала артиллерия, и все это было, чтобы атаковать взбунтовавших солдат; я начал подвигаться к Сенату. Тут издали по Английской набережной я вижу, едет артиллерия и, не будучи в состоянии пробраться на площадь, она сделала два, три залпа холостыми зарядами.

Боже мой, не будь крепок лед на Неве, могло случиться бедна несчастий, ибо при первом залпе из пушки народ бросился массами на Неву, многие из набережной бросались на лед. Будь лед слаб, вся эта масса народа нашла бы себе преждевременную смерть в холодных водах Невы. В числе народа бросился и я на Неву, профессора потерял еще на площади. Прибежав в Академию, я и другие товарищи достали себе ключ от зал по третьей линии и поместились по разным окнам. Через темноту смотря на площадь, видим, она совершенно очистилась от народа. Видно было с четырех сторон площади как мелькали кивера и оружие, казалось скачущим что-то такое то с одной, то с другой стороны площади, как вдруг осветило и за ним залп. Через два окна ударило что-то в стекло, оно задребезжало, и пуля ударила в противоположную стену, делая рикошет от одной стороны к другой.

Мы все от испуга вскрикнули и упали под окна, защищая себя стеною, и уже не вставали. Затем второе освещение и сильный удар. Видя, что пальба окончилась, мы привстали и увидали по Неве бегущих солдат, которых помаленьку переловили, даже взято было несколько солдат и в нашей академии. Тем и окончился незабвенный день 14-го декабря, именуемый «заговор декабристов».

Последствием этого ужасного и вместе необдуманного заговора было несчастье почти во всех аристократических и ученых семействах, которые оплакивали кто своего сына, кто племянника, замешанного в сем несчастном заговоре. Какой-то общий траур пал на жителей Петербур-

¹⁰⁸ Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), граф, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года, военный губернатор Петербурга (1818–1825), был смертельно ранен П.Г. Каховским на Сенатской площади во время декабрьского восстания.

¹⁰⁹ Николай I Павлович (1796–1855), российский император.

га; всюду царствовала какая-то смертная тишина и общее горе. На всех площадях образовались бивуаки казаков, гревшихся около костров. Часто попадались кареты, окруженные конницею, скачущие галопом, имея в экипаже жертву заговора.

Все замолкло. Не успели наводохищаться изданием «Полярной Звезды»¹¹⁰, каковой альманах мало кем-либо не был прочитан, имя Бестужева¹¹¹ делалось известным каждому, так и «Думы» Рылеева¹¹² заставляли восхищаться и думать каждого, и вдруг слышим, что и эти две замечательные умные личности сидят в крепости.

На другой день все почти посетили площадь Исаакиевскую; она была полна гуляющих, и все с грустными лицами смотрели на истреленный фасад Сената; с грустью смотрели на даль Галерной улицы, куда бросился взбунтовавшийся московской полк, и по нем дали залп картечью, из коих каждая пуля делала жертву смерти по узкости улицы. Тут пало много несчастных обманутых солдат, ибо они думали, по наущению главных заговорщиков, что все полки к ним пристанут.

Мне самому пришлось слышать от солдат на площади, которые были обмануты при виде появившейся конногвардии, которая ехала для их атаки, они же предполагали, что идут к ним присоединиться. Народ, гуляя на площади, увидел на крайнем фонаре к Английской набережной, как будто виднелось на нем оторванное ухо, многие любопытствовали и я с ними, но ничего не мог видеть.

Говорят, что всех убитых побросали того же вечера в прорубь Невы, вследствие чего на окраинах проруби на другое утро видны были целые стаи ворон, с криком выжидающих для себя пищи от брошенных туда тел. Многие, пожимая плечами, говорили: «Какое печальное восшествие на престол, чем-то оно кончится!».

V.

Несмотря на несчастья наводнения 1824 г. и смуту 14-го декабря 1825 г., я продолжал свою работу на первую золотую медаль, которую

¹¹⁰ «Полярная звезда» – литературный альманах, издаваемый в 1823–1825 гг. А.А. Бестужевым-Марлинским и К.Ф. Рылеевым, публиковавший на своих страницах произведения А. Пушкина, И. Крылова, А. Дельвига, А. Грибоедова. Альманах был пронизан либеральными настроениями декабристского движения.

¹¹¹ Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797–1837), декабрист, русский писатель, публицист, критик.

¹¹² Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), русский поэт, декабрист, автор стихотворного цикла «Думы» (1821–1823), написанного на темы из российской истории.

гравюру и кончил к 1827-му году и получил желаемую награду, оставаясь жить в академии как пенсионер и выжидая время быть посланным в чужие края. Наш трудолюбивый президент А.Н. Оленин, любивший искусство как настоящий художник, не любил чужие края, и я был в отчаянии, что мне не придется в них побывать и поучиться, тем более что, встретившись однажды со мною, он открыто сказал мне: «У меня имеется для тебя много работы».

Предчувствуя из этих слов, что мне не быть в чужих краях как пенсионер Академии художеств, т.е. быть посланным на казенный счет, я решил-ся из заработанных денег составить себе из экономии малые средства и ехать на свой счет за границу. Имел работу для Аладьи́на, его альманаха «Северные Цветы», портрет известного трагика Каратыгина¹¹³, затем явилась работа, хотя неинтересная по искусству, но выгодная для моей цели собрать деньги для путешествия – то была работа для Академии наук, профессора Френа¹¹⁴, гравирование восточных монет, к которым я так привык, что, несмотря на их ветхость, умел угадывать их слова; моей способности г. Френ не раз удивлялся. Эта работа¹¹⁵ при неусыпном старании позволяла мне делать малый запас для будущего путешествия.

Наконец настал неожиданно мой счастливый для меня 1829 год и второй день Пасхи. Продолжая заниматься моими восточными монетами, совершенно упавши духом, так как дорогое время молодости уходило и тратилось на ничтожную работу, я на второй день Пасхи иду с поздравлением к моему дорогому профессору Н.И. Уткину.

Он встречает меня с распростертыми руками и, расцеловав по обычаю праздника, говорит:

– «Теперь позвольте еще раз вас расцеловать и поздравить с радостным решением Совета, вчерашнего нашего вечернего заседания, в котором решено этим летом послать вас в Париж как пенсионера, на казенный счет, на три года».

От радости у меня замер голос, я не знал, что говорить, и, наконец, весь в слезах, начал его благодарить и целовать. Достойный мой про-

¹¹³ Аладьи́н Егор Васильевич (1796–1860), русский писатель, издатель. В 1828 г. выпустил альманах «Букет или Карманная книжка для любителей и любительниц театра на 1829 г.», где и была помещена гравюра Ф.И. Иордана – портрет актера В.А. Каратыгина с рисунка М.И. Терехова. Альманах «Северные цветы» Ф.И. Иорданом указан ошибочно.

¹¹⁴ Френ Христиан Данилович (1782–1851), русский востоковед, нумизмат, академик Императорской Академии наук, основатель Азиатского музея АН.

¹¹⁵ Ф.И. Иорданом было выполнено 17 таблиц для издания: *Fraehn Ch.M. De il' chanorum' sen Chulaguidarum numis commentationes duae.* – SPb., 1834.

фессор сам чуть не плакал, видя мою сердечную радость, и я едва внятным от преисполнявшей меня радости голосом просил рассказать, как могла столь неожиданно решиться моя участь. Он в кратких словах рассказал следующее: «Вчерашнего дня, несмотря на первый день Пасхи, Совету были разосланы повестки к шести часам всем быть в зале Совета. По случаю великого дня Пасхи и разговенья все члены были в веселом настроении духа, равно и президент, который объявил Совету, что вчерашнего дня, т.е. в страстную субботу, государь оказал Академии свое царское внимание и милость, подарив нам копии с фресок Рафаэля, находящихся в Ватикане под Санцио Рафаэля труды пенсионеров Бруни¹¹⁶ и Басина¹¹⁷, и что следует немедленно составить благодарственный адрес, на что все с удовольствием и согласились».

– «Видя, – продолжал свой рассказ г. Уткин, – на всех лицах радость и удовольствие, я вспомнил о вас, сказав себе: вот минута, которую я могу воспользоваться для вашего дела, и попросил г. конференц-секретаря¹¹⁸ позвонить; когда тот позвонил, все обратили на меня внимание, я же, встав, начинаю говорить: мой ученик Ф.И. Иордан, известный своим поведением и старанием, имея все медали, имеет право быть посланным в чужие края, то и прошу г. президента и Совет решить его дело и тем уважить мою просьбу».

«Президент был вначале удивлен неожиданным предложением; Совет же немедленно порешил, что Иордан этой милости достоин и имеет на то полное право, тогда и президент присоединился к их мнению. Приказано составить протокол и внести его в журнал правления, что и было исполнено, значит, это факт совершившийся. Поезжайте к президенту благодарить и готовьтесь этим летом к отъезду, конечно, в Париж».

Поблагодарив вновь (Уткина), того же утра я отправился к президенту, жившему тогда на Гагаринской набережной, в доме Гагарина¹¹⁹, и когда я начал благодарить его (А.Н. Оленина), то он заметил:

¹¹⁶ Бруни Федор Антонович (1799–1875), живописец, профессор ИАХ, ректор живописи и ваяния ИАХ, хранитель картинной галереи Императорского Эрмитажа, в 1827 году выполнил копии с фресок Рафаэля «Изгнание Илиодора из Иерусалимского храма» и «Галатея».

¹¹⁷ Басин Петр Васильевич (1793–1877), живописец, профессор ИАХ. Во время своего пребывания в Италии (1819–1830) в качестве пенсионера создал ряд копий с фресок Рафаэля.

¹¹⁸ Григорович Василий Иванович (1787–1865), историк искусства, конференц-секретарь ИАХ (1829–1859), издатель «Журнала изящных искусств».

¹¹⁹ Ныне Кутузовская набережная, А.Н. Оленин проживал в доме № 10 (особняк Е.П. Пашковой) с 1827 по 1830 гг. В доме П.Г. Гагарина (Миллионная ул., д. 11) А.Н. Оленин жил с 1830 по 1831 гг.

«Не следует оставаться (за границей), что большею частью делают наши художники; мы не намерены заселять своими художниками чужие края».

Затем я пошел сообщить друзьям об ожидавшей меня счастливой будущности.

Из всех моих друзей самыми искренними было семейство Горяиновых, принадлежавшее к купеческому сословию; оно состояло из престарелого отца, трех сыновей и трех дочерей, из коих одна была мила собой, простосердечна и с розовым румянцем весенней девственности. Ее звали Мариєю Михайловною, и я был, как говорится, исподтишка влюблен, но не успел еще уехать в Париж, как она была выдана замуж за достаточного человека, П.А. Безценного¹²⁰. Доброта этого семейства жила в моей памяти во все долгое время моего отсутствия из отечества. Кроме того, мне был близок дом моего сотоварища Брейтгорна, которого участь была самая горькая: потеряв отца, ему пришлось пеших и содержать мать свою, трех сестер и малолетнего брата. Одна из его сестер¹²¹ была в замужестве за моим братом Александром. Те времена были самые счастливые; все было молодо, все цвело, никакая грусть не врезывалось глубоко в сердце; если когда-нибудь и были неприятности, то молодые годы скоро давали случаи их забывать.

Так и пять лет моего пенсионерства, кроме труда и развлечений, оставили по себе самое приятное воспоминание. Не должен умолчать (только для немногих) о случае потери моей невинности...

Я посещал, когда мог, душевно уважаемую мною матушку; она мало разделяла мою радость по случаю поездки за границу, предчувствуя и, что наше расставание может быть последним, так как она была в преклонных годах и, кроме того, страдала от паралича, постигшего ее при взятии французами Москвы в 1812 году; паралич несколько раз повторялся, и силы ее ослабевали. Вид моей матушки наводил на меня грусть; но быть за границею веселило меня и не рождало во мне сомнения, что моя разлука с нею может быть вечною, что действительно случилось два года спустя. С матушкою была почти неразлучна моя младшая сестрица Анна, воспитанная в Мариинском институте; она была ангел душою для родных и друзей, особенно для меня. Будучи оба воспитаны в казенных заведениях, мы имели совершенно одинаковые взгляды на жизнь: натерпевшись всего, и худого, и хорошего, которое всюду встре-

чается при воспитании в закрытых заведениях, мы были всем довольны, что радовало нашу бедную родительницу; мы веселили ее своими рассказами о похождениях нашего детства, о наших шалостях и неповиновении гувернерам и гувернанткам, и она от души смеялась, угощая нас скромным обедом и с отличными сливками кофеем.

Все жители Павловска имели своих коров, все пили кофе, ибо Павловск почти весь был заселен немцами, а немец и в особенности немка без кофе и хороших сливок едва ли могут существовать.

Приближался июль месяц; следовало начать думать об отъезде; я начал хлопотать о приискании себе капитана корабля, начал посещать биржу, где обыкновенно собираются капитаны для получения фрахта и, наконец, нашел одного, который обещал в конце июля получить фрахт и отправиться в Штетин¹²². Делаю с ним условие иметь место для сна на диване, завтрак, обед и стакан портвейна ежедневно при обязательстве, с его стороны, доставить меня в Штетин. Временем своего отъезда он измучил меня; наконец, после тщетного ожидания, он назначил наш отъезд окончательно через три дня и просил ожидать его в Кронштадте. Эти три дня я употребил на поездку с братом Александром в Павловск, где дорогая матушка встретила меня со слезами.

У нас была нанята карета в четверку лошадей. День был воскресный и мы все пошли в лютеранскую церковь, где пастор Зейдель после проповеди просил помолиться за отъезжающего в дальний путь, который оставлял престарелую мать, просил помолиться о его благополучном путешествии и о его родительнице, чтобы Господь помог ей вновь увидеть его. Моя старушка горько плакала; многие из присутствующих по окончании службы со мною прощались, а затем утешали мою маменьку, которую трудно было, впрочем, утешить. Она только и повторяла: «— Я рада счастью Феи, но более мне его не видать».

Возвратившись домой, я старался развеселить ее, изыскивал все в своей голове, что могло ее утешить, повторял несколько раз, что три года скоро пройдут. Она на минуту успокоится, затем вновь начинает задумываться.

К обеду столь торжественного дня — сын едет в Париж! — сын бедного мастерового едет в Париж! — и вместе с тем для дня разлуки, может быть вечной, кухарка Настасья изготовила к двум блюдам: суп и вареное мясо, — еще блины. При блинах матушка развеселилась; затем явил-

¹²⁰ Безценный Павел Алексеевич (?–1851), предприниматель.

¹²¹ Иордан (урожденная Брейтгорн) Юлия Федоровна (?–1852), супруга А.И. Иордана.

¹²² Штетин (польск. Щецин) — в то время город в Пруссии, ныне столица Западно-Поморского воеводства Польши, обладает одним из самых больших портов на Балтийском море.

ся кофе с чудными сливками; собрана была из нашего малого сада смородина и малина, натолкли несколько кусков сахара в виде роскоши, — она никогда не могла себе позволить по бедности своей; сжимая крепкою руку и умильно смотря на меня, маменька жалким голосом говорила: «Больше не увидимся».

Как ни было грустно, но время становилось поздним, я с братом собрался в путь и, получив матушкин поцелуй и благословение, выбежал из комнаты и сел в карету весь в слезах; карета так сильно повернулась во дворе, что чуть не испортила ворот; заворачивая в другую улицу, я увидел, оглянувшись, что старушка все еще стояла за воротами с платком в руках.

Вопреки желанию, наконец, я облегчил свои чувства; простился я затем с моим профессором Уткиным, который дал мне письмо в Кронштадт к своему знакомому, простился и с моим братом, который проводил меня до парохода.

Приехав в Кронштадт и отыскав знакомого г. Уткина, вручил ему рекомендательное письмо; был принят самым радушным образом, и очень сожалею, что не могу припомнить фамилию этих добрейших людей, бездетных. Я прожил у них до восьми дней, справляясь в гавани ежедневно о прибытии моего корабля; трем обещанным дням конца не было, наконец, через восемь дней капитан прибыл.

VI.

Поблагодарив моих добрых знакомых, я отправился вечером на корабль, где встретил еще двух пассажиров: одного баварца и какого-то тщедушного молодого немца; ознакомившись с каютою и моим диваном, я отлично поужинал со стаканом портвейна и ел с аппетитом. Вскоре мы улеглись спать, каждый на свои места; я был между ними аристократ и первое лицо. Капитан более хлопотал обо мне, нежели о них, предполагая, что с меня он взял двойную или тройную плату. Мои спутники спали на полу, другого места не было, кроме как за занавесью, где помещалась отличная постель самого капитана. Ночью послышался на палубе шум, вытягивали якорь, и мы тронулись в путь. Утром я позавтракал с аппетитом, но не прошло и часа, как я начал чувствовать все признаки морской болезни, и весь мой аппетитный ужин и утренний завтрак сделались добычею моря или Финского залива; после чего все условия, заключенные мною с капитаном, обратились в его пользу, ибо, перекусив в течение целого дня кое-что, я боялся воспользоваться обедом, ужином или завтраком, так как, не успев их покончить, я бежал уже на палубу и там, среди страданий, вновь возвращал все, как и в первое утро, водам Финского залива.

Несколько дней мы плыли на нашем купеческом корабле по Финскому заливу; но когда мы вступили в пределы моря, то нас стало качать приметно сильнее. Никто из нас, кроме самого капитана, не пользовался удовольствиями нашего морского путешествия. С отличным аппетитом он истреблял за троих обед, ужин и завтрак, спал непробудным сном с девяти часов вечера до восьми утра, имея отличные пуховики и подушки, — роскошь, которую скрывала от нас его занавесь.

Каждое утро являлся к завтраку старик лоцман (штурман) и доносил капитану: какова погода, сколько узлов делает судно и где мы находимся.

Один день во время нашего путешествия был (особенно) восхитителен: небо было без облачка и солнце жгло нас. Судно едва подвигалось вперед, паруса, не надуваемые ветром, так сказать, колыхались, и сотни дельфинов играли в море около судна, некоторые из них даже выскакивали на поверхность воды. Зрелище было великолепное, и мы тихо скользили по морю, как по стеклу; мы все находились целый день на палубе, восхищались всем окружающим, точно сновидением, и, наконец, совершенно счастливые и усталые от восхищения, спокойно предались сну, несмотря на то, что матросы говорили, что очаровательная тишина моря есть зловеший предвестник бури, тем более, что и капитан не разделял нашего удовольствия при виде этого очаровательного дня, и я заметил, что он, посматривая на висячие без действия паруса, насвистывал, засунув руки в боковые карманы, точно призывая к нам ветер. Что нам предсказывали, то и случилось.

К завтраку, по обыкновению, явился наш старик лоцман, и капитан за свою занавесью спрашивает: «Какова погода?» — «Виднеются лебеди», был ответ. Любопытство требовало истолкования этих загадочных слов. Я по лесенке поднимаюсь на палубу и вижу совершенно противоположное вчерашнему дню. Небо приняло пасмурный, железоподобный вид, по нем несутся в виде изорванных туч облака, на море зыбь, а вдали являются и исчезают белою пеною покрытые волны, в виде белых лебедей, к тому же дует довольно холодный ветер. Спускаюсь с палубы в каюту и рассказываю виденное; капитан с ироническою улыбкою замечает на это: «Вчера вы восхищались тишиной дня, сегодня потанцуем с боку на бок».

Так и случилось. Ветер становился сильнее; к четверем часам после обеда явилась, во всем ужасе, буря. Море казалось кипящим от волн, которые вздымались подобно громадным скалам, и на них несло наше судно, казавшееся при этой ужасной обстановке ничтожною щепкою. Я ужаснулся, когда невдалеке от нашего судна увидел другое, несшееся со всею силою; его подбрасывало как будто на гору, затем оно исчезало

точно в пропасть. Мы могли стоять только на верхушке лестницы, на палубе ветер сшибал с ног, шел сильный дождь и к вечеру стало очень свежо. Наше судно везло большое количество бочек с поташом, которые не знаю почему с грохотом ударялись в ту сторону, куда клонило судно. На нас напал страх. Мы старались узнать причину этого ужасного шума; только и капитан, и матросы были молчаливы и не отвечали на вопросы. Буря становилась каждый час страшнее. Капитан надеялся, что в восемь часов вечера будет перемена, и точно перемена была, только к худшему. На лице капитана явилось отчаяние. Он переоделся простым матросом и стал у руля; неожиданно он начал молиться вслух, читая «Отче наш». Вокруг нас зги не видать, ветер воет клопоча, корабль трещит, бочки с шумом бьют внутренность его то в одну, то в другую сторону. Мы в страхе стоим и смотрим друг другу в лицо; от ужаса и отчаяния не можем вымолвить ни одного слова. Спасения нет. Безграничное пространство воздуха и воды не дают ни малейшей надежды к спасению, мы ее видим только в молитве и надеемся, авось, Бог спасет нас.

В положенный час капитан явился весь мокрый и усталый в каюту и, несмотря на ужасы бури, он отлично поужинал за нас троих и порядком выпил: и нашего простячка, и портвейна. Мальчуган, прислуживавший ему, с печальным лицом убирая посуду и ложки, получил для нас зловеющий приказ: «Посуду не мыть, может быть она не будет нам нужна». Мальчишка заплакал, а мы перепугались, и между нами начались как будто предсмертные разговоры.

– Вот, господа, жизнь моряка, – говорит капитан. – С малых лет я трудился в морской службе, экономией скопил столько, что выстроил новое судно. Второй год оно у меня в деле; меня ожидает невеста, и вот в один или два часа я могу все потерять.

Наш спутник, старик-баварец, прерывая его, говорит.

– Я, – отец шестерых детей, ружейный мастер, выдумал новое оружие, решил ехать в Россию, чтобы продать свое изобретение. После многих трудностей у меня пожелали купить его с тем условием, чтобы я показал секрет изобретения; я отказался, боясь, что коль скоро открою его, они могут сказать, что он им не нужен и затем сами сделают по показанному им секрету. Теперь я возвращаюсь бедняком, издержав собственную копейку, не нажив хотя малого состояния, на которое я рассчитывал.

Тощий, исхудалый, малого роста немец, перестрадавший от морской болезни, молчал. Он был похож боле на мертвеца, нежели на живого человека. Я также молчал. Они знали, что я художник и обеспечен в издержках правительством.

В то время, когда шли эти прискорбные разговоры, в каюте без умолку трещало во всех концах, и становилось страшнее, чем на палубе; мы поднялись все на палубу; шум моря, сильный дождь и ветер более не страшили нас; мы как будто сроднились со всеми ужасами. Нос корабля спустился почти в море; несколько боковых перил от палубы оторвало волнами; собака, бывшая спутница матросов, опустив хвост, с поникшею головою искала между наших ног себе спасения. Матросы с угрюмыми лицами сидели там и сям и не отвечали на наши вопросы. Я заметил, что матросов на судне как будто не стало; затем вижу, они выходят на палубу по одиночке, в опрятном виде. На них чистые рубашки, они выбриты и вообще как будто собрались в гости; мало-помалу они все явились в опрятном виде, тогда как прежде они были грязны, в грязном белье и неумытыми лицами. Вдруг мы слышим крик и узнаем, что наш лоцман, видя или предчувствуя, что судно не будет спасено от этой ужасной бури, точно помешался, начал молиться и посылать благословение своим детям, крича во все горло, что мы погибаем! Капитан в отчаянии, велит увести его в каюту, жалуясь нам на него, что он, вместо пользы в столь трудное время, бросает самое важное место и приходит в отчаяние, тогда как ему приходилось уже видеть во время его долголетней службы, может быть, бури и посильнее нашей.

Капитан бросает управление рулем, занимает место лоцмана у компаса, не переставая ругать его по временам, и обещает по возвращении на родину выгнать его из службы. Между тем вокруг свирепствовала буря и мы, уставши стоять на палубе и продрогши, спустились в каюту и я было прилег на свой диван, как вдруг слышим треск стекол в нашем маленьком окне, затем стекла падают на пол и огромная струя воды врывается в нашу каюту.

Мы в ужасе соскакиваем со своих мест в кромешной темноте, так как вода загасила нашу свечу; схватываемся друга за друга, кричим: «Прощайте!», – предполагая, что тонем и нет спасения. В это время второпях спускается к нам капитан и, вбегая в каюту, кричит: «Это ничего не значит, волну перебросило через судно!» Просит выливать воду чем можем. Тут спустились к нам и матросы с ведрами и начали выливать воду.

Как скоро зажгли свечу, которая затухла было от этой массы воды, нахлынувшей в нашу каюту, мы все были бледны как смерть и радовались, что мы еще живы.

К утру и весь последующий день буря мало-помалу стихла, и я узнал причину опрятности, которую я заметил в матросах накануне.

Нам сказали, что матросы во время неминуемой опасности готовятся как будто к смерти и желают лечь в глубину морскую в том виде, как

если бы им случилось лечь в могилу на суше, когда родные обыкновенно хоронят покойника в опрятном виде; на море им самим приходится о себе подумать, поэтому они бреют себе бороду, моются и одевают чистую сорочку. Бывает ли этот обычай на всех судах и у всех матросов – не знаю, но то, что было у нас, мне очень понравилось.

Как ни бушевало море, но нам стало повеселее, видя, что капитан успокоился. Через два дня море успокоилось; ветер дул попутный; наконец, обрадовал нас шедший к нам навстречу катер с лоцманом из Свиномюнда¹²³ с предложением втянуть наше судно в ту же ночь в порт. Долго устанавливали они между собою цену и толковали о нашей буре, осматривая сильные повреждения, причиненные ею нашему судну. Лоцман сообщил, что буря была так сильна, что несколько судов погибло в эти два дня. Наш капитан поил его русскою водкою и на закуску дал нашей икры с хлебом. В цене они не сошлись, лоцман отчалил, и нам пришлось лавировать два дня в виду города Свиномюнде, пока на третий день, среди шума и крика, нас втянули вечером в порт, и мы все обрадовались, увидав землю после восемнадцати дней морского путешествия, во время которого, кроме необъятного пространства воды и неба, мы ничего не видели.

Вдруг показался берег, окаймленный домами; в окнах виден был свет; до нас доносился шум экипажей и всюду виднелся спящий народ. Радость нашу трудно описать, особенно мне, не выдавшему до тех пор ничего, кроме Павловска и Царского Села. Так как наше судно стояло спокойно, без качки, то капитан предложил нам хороший ужин, просил пораньше лечь спать, ибо завтра утром придут таможенные чиновники осматривать наш багаж.

Мы послушались капитана. Вставши рано, побрились, помылись, причесались и едва успели одеть чистое белье, видим, являются к нам несколько личностей, предводимых каким-то старичком с предобрими манерами. Он приветствовал нас с счастливым приездом, слегка и весьма осторожно осмотрел наши чемоданы и попросил нас последовать за ними, говоря: «Мы скоро вас отпустим». Он ввел в дом, в сильно накуренную комнату, где за столом сидело несколько человек с длинными чубуками во рту; они тотчас предложили нам взять трубки, которых в углу стояло порядочное количество, рассмотрели и засвидетельствовали наши виды и затем распростились с нами весьма учтиво; мы же пошли гулять по улицам малого городка Свиномюнде.

¹²³ Свиномюнде – город в провинции Померания в Пруссии, ныне относится к Западно-Поморскому воеводству в Польше, порт на Балтийском море.

Несмотря на ничтожность этого городка, меня все в нем поражало. Кроме домов и костюмов, мне казалось, что даже деревья и самое небо иные, нежели у нас; я зашел в малую кофейню, отыскал незавидный трактир, где закусил, ибо после восемнадцатидневного морского путешествия, которое своею морскою болезнью совершенно очищает желудок, я почувствовал себя вполне здоровым и с отличным аппетитом, почему скромный обед в Свиномюнде показался мне изысканным, и я истребил порядочную порцию. За обедом явился ко мне какой-то человек и предложил мне место в своей крытой большой лодке, говоря: «С вашим судном потребуется гораздо более времени до Штетина, нежели на моей лодке. Мы поедем сегодня вечером и завтра к утру вы будете в Штетине», – на что я и согласился.

В лодке нашел я других пассажиров, веселых молодых людей; большую часть дороги они пели симпатичные немецкие песни, были веселы и разговорчивы. Наконец, мы уснули и на другой день прибыли в Штетин, где понравились мне дома набережной и отличная гавань со множеством купеческих кораблей. Пробыв здесь день, я отправился с лонкушером (т.е. на долгих) в Берлин, где также пробыл малое время. Посетил затем Дрезден, где встретил земляка, русского, фамилии его не помню, и он показал мне восхитительные окрестности города; я отдал письмо Н.И. Уткина г. Френцелю¹²⁴, граверу и смотрителю Дрезденской богатой картинной галереи; отсюда я уже отправился в Париж чрез Франкфурт-на-Майне.

VI.

Приехав на французскую границу в Саарбрюккен¹²⁵, я увидел новую касту людей – французских жандармов, богато и чисто одетых, из коих один что-то у меня спросил; я не мог его понять, соседи же мои мне с улыбкою ответили: «Он спрашивает ваш паспорт». Передав ему свой паспорт, я был крайне изумлен, что подинспектор нашей Академии француз Неваль называл (меня) французом, здесь же я не мог понять самого простого вопроса и решил, что я полный неуч во французском языке и что придется мне много терять времени на его изучение.

¹²⁴ Френцель Джон Готфрид Абрахам (1782-1855), гравер, историк искусства, смотритель Дрезденской галереи.

¹²⁵ Саарбрюккен – город, принадлежавший в разное время Франции и Германии, ныне столица земли Саар в ФРГ.

Проезжая мимо Шампани¹²⁶, дилижанс остановился и нам из кабачка вынесли предрянного шампанского вина по случаю принятого здесь обычая – волею-неволею поить своим знаменитым вином. Наконец настал вечер и было довольно поздно, когда мы въехали в предместье Парижа.

Все мне казалось бедно и печально. Грязные заборы и улицы грязны; даже въехав в самый город, от позднего ли часа или от тусклости фонарей и общей грязи, Париж после нашего чисто плотного Петербурга мне крайне не понравился; взяв номер недалеко от конторы дилижансов, в улице Du Mail, я потребовал что-нибудь перекусить, но, не будучи знаком, как я уже сказал, с французским языком, не мог много требовать или вести разговор; придя в свой номер, я удивился алькову и круглым головным подушкам, кое-как улегся и долго думал, как придется ко всему новому привыкать, и, рассуждая и думая, преспокойно уснул. Утром встал и начал бродить по улицам. Меня удивила в то время нечистота парижских улиц: водосточных труб еще не было и посреди улицы протекал ручей грязной, вонючей воды; около домов валялась всякая нечистота; очистки зелени, тут были и капустные листья, гнилая морковь и скорлупа от яиц; повсюду сырость, тротуаров же и помину не было.

Поворачивая в новую улицу, я замечал ее название и чем дальше шел, всюду представлялись мне неопрятные дома с грязными улицами. Ноги уставали, шагая по грязи с одного круглого камня на другой, такой же формы. Голод заставил меня подумать о завтраке; войдя в первый кофейный дом, вижу бездну молодых людей, болтающих с веселыми лицами, другая же половина занята газетами, а половой благообразной наружности, с чисто выбритым лицом, в белом переднике держал в каждой руке по огромному кофейнику, из коих в одном было кофе, а в другом молоко, и с большою ловкостью на порядочной высоте вливал в стакан сначала кофе, а затем молоко; отличный белый хлеб находился уже на подносе, на котором лежала также порядочная порция колотого сахара, из коего половина идет для услащения кофейя, а другая кладется в пустой стакан и наливается холодною водою, в которой сахар распускается; после питья кофейю его запивают подслащенной водою. Это я заметил, как общий закон при кофепитии.

Увидав, как другие пьют и заказывают свой кофе «café au lait, s'il vous plaît»¹²⁷, и я заказал половому и позавтракал отлично; платить же пришлось даме, сидящей на возвышенном месте, кокетливо одетой и занимающейся чем-то, имея перед собою целую батарею блюдец с

¹²⁶ Шампань – историческая область на северо-востоке Франции.

¹²⁷ Кофе с молоком, пожалуйста (фр.).

колотым сахаром; для каждой порции кофе половой приходит к ней за порцией сахара, и эти-то порции дама считает и знает, сколько порций кофе выпито. К этой-то даме я подошел и, не зная счета на французском языке, дал ей крупную серебряную монету, и она дала мне сдачи, причем я видел, что другие, уплатив за кофе, клали в вазу мелкую монету в пользу прислуги.

Таким образом я жил в своем отеле около восьми дней, не зная, где найду посланника и как отдам письмо к профессору Ал. Тардьё¹²⁸, к которому имел письмо от нашего президента А.Н. Оленина и другие письма от моего профессора Н.И. Уткина к граверу Денуайе¹²⁹ и знаменитому живописцу Жерару¹³⁰.

Из этого трудного положения вывел меня портной, живший в нашем же доме. Мне понадобился сюртук и я решился зайти к нему. Видя, что я иностранец, русский, и не знаю их языка, он с редкою добротою, свойственною этому удивительному народу, начал объяснять, что я, как художник, живу в дорогом отеле, что художники живут в Латинском квартале по ту сторону Сены и что он готов сегодня же после обеда идти со мною и приискать мне квартиру; снял с меня мерку, а после обеда я зашел к нему в магазин.

Он бросил свою работу, дал жене какие-то поручения и мы вышли. Дорогою он толковал мне очень много о Париже, к несчастью, я мало что мог понять. Тут увидал я реку Сену, с грязною желтоватою от песка водою, бездну на ней купален и довольно длинный каменный мост; перейдя его, мы вошли в улицу Дофина и на углу улицы Медицинской школы он нанял мне отличную комнату с альковым, с двумя окнами на улицу за 30 фр. в месяц; затем просил хозяина завтра же дать мне слугу, чтобы проводить меня в Елисейские поля, к русскому послу Поццо-ди-Борго¹³¹, и вообще просил его взять меня под свое попечение как иностранца, особенно русского. Затем я возвратился с ним в мой отель, он помог уложить мои вещи в чемодан, помог расплатиться с хозяином отеля, нанял носильщика снести мои вещи и чемодан, объяснил, что мне

¹²⁸ Тардьё Пьер-Александр (1756–1844), гравер, профессор, имел много учеников, его искусство отличалось первоклассной передачей живописного полотна в гравюре, в 1829 г. изъявил желание стать почетным вольным общником ИАХ.

¹²⁹ Денуайе Огюст Гаспар Луи (1779–1857), барон, известный французский гравер, член Парижской Академии художеств.

¹³⁰ Имеется в виду Жерар Франсуа Паскаль Симон (1770–1837), барон, французский художник, историк, автор картин на исторические темы.

¹³¹ Поццо ди Борго Карл (Карл-Андрей) Осипович (1764–1842), граф, русский дипломат, генерал от инфантерии, посол России во Франции (1814–1835).

следует ему заплатить, и к вечеру я был уже в Латинском квартале и в самой шумной улице.

Помаленьку я начал понимать французский язык, ибо француз горлив и радуется иностранцу, говорящему на его языке, и с удовольствием помогает ему в изучении его.

На другой день я отправился в наше посольство, где меня принял сам посол, граф Поццо-ди-Борго, и разговорился со мною об упадке французской скульптуры, ставя в пример статуи, которые только что были окончены и поставлены на мосту Людовика XV: все они были высечены из белого мрамора в своих костюмах и некоторые поражали своею трагическою позою, как, например, великий Конде, работы лучшего в то время скульптора Давида¹³². Граф был очень ласков, будучи по происхождению француз, а обходительность составляет, как известно, отличительную черту этого великого народа, который всюду поражает своим приятным и ласковым обхождением. Затем мне следовало явиться к профессору гравирования г. Тардьё, жившему поблизости от моей новой квартиры, к которому я имел письма от президента А.Н. Оленина и от Н.И. Уткина и к которому мне следовало поступить в ученики.

Отыскав квартиру Тардьё и явившись к нему, я вручил ему письма. Пока он читал, я мог рассмотреть его. Это был маленький старичок, худенький, подозрительный, ибо читая письмо он поглядывал на меня, я же обрадовался, увидав у него на стене, среди эстампов, на лучшем месте, гравюру моего земляка Берсенева с Тициана «Искушение Спасителя»¹³³, гравированную для коллекции дюка Орлеанского и которая составляет лучшее украшение этого богатого издания.

Мой старичок это заметил и говорит мне: «Ага, вы увидели и узнали своего земляка. Да, это был талантливый молодой человек, только любил гулять в Пале-Рояле, от этого рано и умер». Потом он начал толковать о будущих моих занятиях, заявил мне, что к себе не может поместить меня, так как у него молодая жена и это возбудит толки, «Но я вам приищу квартиру в нашем доме», — сказал он, — «и займу вас копированием с лучшей академической премии наших гравёров нынешнего года». Это меня озадачило, ибо я думал, что приехал в Париж с первою золотою медалью не для начала ученья, а чтобы продолжать свои занятия

гравированием с какой-нибудь знаменитой картины. Он начал говорить даже о будущей своей награде, говоря, что Бервик получил за Н. Уткина бриллиантовый перстень.

По слабому знанию французского языка я мало что мог понять, но наше академическое учение, как ни было слабо, но очень помогло мне потом на практике. Старичок пригласил меня на другой день обедать, и тут я увидел его премилую молодую жену, только она, зная, вероятно, ревнивый характер мужа и слыша мой несносный французский выговор, мало говорила со мною. Тут сидела и его дочь, маленького роста, о которой он мне потом сказал, что она умом слаба.

По окончании обеда профессор проводил меня до моего дома и видно было, что он радовался будущей своей добыче и чести, которая была ему оказана нашею академиею, поручившею ему своего пенсионера. Продолжая разговаривать, он сказал, что учеников не имеет, поэтому я буду заниматься возле него в его мастерской, и что он нашел мне квартиру в его доме в аттике, т.е. в шестом этаже, куда я и перебрался на следующий день, подымаясь в свое помещение по нескончаемым лестницам, я едва переводил дух, пока, наконец, вошел в маленькую комнату, где моя голова касалась потолка; плата за нее была 70 фр. в год.

Швейцар или портъё, который есть главная личность каждого дома во Франции, — народ самый честный и верный; он утешал меня, что квартира спокойная и что его жена будет мне прислуживать за два франка в месяц. Я молчал и удивлялся, осматривая мое новое жилище, и с шумной улицы Дофина попал в будку, где кроме безмолвных черепитчатых крыш и неба, ничего не видать; но как новичок, притом не знавший французского языка, я безмолвствовал и удивлялся, думая: «Вот тебе и Париж, и мой неусыпный труд дома, чтобы попасть в чужие края, чтобы жить между небом и крышами!». Затем купили мне простой стол, деревянную кровать и два соломенных стула, принесли кувшин воды для мытья, стакан и графин.

Добрый старик швейцар с улыбкою передал мне ключ от комнаты с номером, сказав, что при уходе со двора ключ оставляется в швейцарской и что следует заметить номер на ключе, и: «Когда по возвращении домой вы спросите номер, его вам тотчас вручат»; как припомню, мой номер был 72-й.

Довольно скучным отправился я к г. Тардьё и сказал ему, что переехал, — это было в пятницу; в субботу же, на другой день, он обещался идти со мною в картинную галерею Лувра. Выйдя от него, я начал отыскивать моего товарища Антона Яковлевича Олещинского; адрес его был у меня, но мне хотелось прежде представиться послу и вручить письма

¹³² П.Ж. Давид создал мраморную статую Л. де Конде в 1816–1827 гг.

¹³³ Берсенов Иван Архипович (1762–1789), воспитанник ИАХ, гравёр. Будучи пенсионером в Париже в 1788–89 гг., выгравировал под руководством Ш.К. Бервика (1756–1822, французского гравёра, учителя Н.И. Уткина) эстамп «Искушение Христа» с оригинала Тициана для издания «Орлеанская галерея».

г. Тардье, а тот не дал мне времени одуматься, тотчас схватил меня как бедную муху, попавшую в паутину и затем в лапы паука.

С трудом отыскал я, наконец, моего сотоварища; он с распростертыми объятиями принял меня, пошли разговоры на русском языке, и я до слез был обрадован, чувствуя себя как бы в России, с которой я расстался вот уже три месяца. Пошли разговоры о старой счастливой жизни, дошли, наконец, и до профессора, к которому я желал поступить. Я рассказал, что недавно был принят в нашу академию почетным членом г. - Тардье, к которому меня отрекомендовали Оленин и Уткин, и что я был уже у Тардье; тут я рассказал мое посещение к нему, что он желает начать свое обучение меня довольно обидным для меня образом и уже поместил меня в своем доме, так сказать, в светелке.

Со смехом начинает Олещинский описывать мне достоинства Тардье, что он гравер отжившей уже старой школы, без учеников, и что мне следует поступить к лучшему нынешнему граверу Ришомму¹³⁴. «Его ученики теперь считаются лучшими граверами и получают римские золотые медали; вам следует тотчас от Тардье отказаться, – продолжал г. Олещинский, – одного боюсь, найдете ли вы у Ришомма место в его мастерской, она мала и у него шесть учеников».

Наговорившись, он проводил меня до дома и, поднимаясь в мою светелку, дойдя только до половины лестницы, запыхался и не мог идти далее. Простившись, я обещался быть у него рано утром, что и сделал.

Тогда же мы пошли к г. Ришомму; г. Олещинский отрекомендовал меня и просил его принять меня в свои ученики. Ришомм был рад, но боялся, что не найдется места, и так как его мастерская была возле его комнаты, то мы и вошли в нее, и он указал мне место довольно дальше от окна; я увидел, что на два окна у него работает шесть учеников; Ришомм согласился меня взять с платою по 25 франков в месяц.

Теперь предстоял мне ужас, как высказать г. Тардье перемену моих мыслей, что я перехожу к г. Ришомму, но Олещинский советовал быть смелым и сразу сказать, что я желаю поступить в мастерскую, где имеются ученики, чтобы с усовершенствованием в гравировании вместе выучить и французский язык.

В 11 час. утра я был у г. Тардье, и мы отправились, по сделанному условию, в Лувр. Он был очень весел и не ожидал приближающейся неприятности, которая его постигла, именно, когда мы были на Pont Neuf¹³⁵; тогда я начал описывать ему мои затруднения в незнании языка,

¹³⁴ Ришомм Иозеф Теодор (1785–1849), французский гравер, автор работ на библейские и мифологические сюжеты, педагог.

¹³⁵ Pont-Neuf – мост в Париже.

и что мне было бы гораздо приятнее находиться в мастерской с молодыми людьми, в обществе которых я могу скорее познакомиться со страшною и обычаями здешних художников. Мой старичок совершенно изменился.

– «Как, вы желаете поступить в студию к другому профессору?».

– «Да», – решился я ответить ему.

– «К кому же?»

– «К г. Ришомму», – был мой ответ.

– «Да, он хорош, только я не веду с ним дружбы, так делайте, как желаете».

Всю дорогу и в Лувре, несмотря на то, что я восхищался этим редким собранием самых замечательных картин, он оставался молчаливым. По выходе из Лувра я с ним расстался.

Я желал всеми мерами усовершенствоваться в моем искусстве, ознакомиться со страшною и изучить французский народ, что было бы очень трудно, если бы я водворился у г. Тардье в полном одиночестве, где знакомился бы только с небом и крышами домов.

Разыскав, как я уже сказал, моего сотоварища по Академии г. Олещинского, который жил в Париже более пяти лет, я продолжал с ним видаться. Я расстался с ним в Академии в 1824 г., с тех пор он сделался совершенно парижанином и был знаком со всеми тайнами Парижа; его-то дружба очень скоро познакомила меня с этим шумным городом.

В своей мастерской г. Ришомм занял меня копиею с своего рисунка двух голов в натуральную величину, портретов Рафаэля и Перуджино¹³⁶, и просил сделать их в уменьшенном виде; по окончании же голов начать гравировать, говоря, что теперь зима, а потому в Лувре для занятий, т.е. для рисования, время почти невозможное, почему и советовал в ожидании весенней погоды начать их гравировать.

Я согласился и начал гравировать.

Теперь скажу два слова о мастерской. Это была маленькая комната, и в этой-то комнате нас, учеников, помещалось со мною семь человек.

У окон висели спущенные шторы из коленкора, засаленные, грязные, не мытые, я думаю, лет пять. Весь пол был покрыт на четверть аршина шелухою от жареных каштанов, ибо завтрак учеников состоял большею частью из большого куска белого хлеба и порядочного количества жареных каштанов; у других же учеников – из куска колбасы и чего-либо съедомого, что сопровождалось всегда истреблением огромного куска

¹³⁶ В 1833 г. Ф.И. Иордан выгравировал портреты Рафаэля и Перуджино по рисунку И.Т. Ришомма (фрагмент фрески Рафаэля «Афинская школа»).

белого хлеба, который в Париже превосходного достоинства; все остатки, как-то, шелуха от каштанов, бумаги от сосисок, валялись у того стула, на котором кто сидел и завтракал, и этот, удрученный всякою нечистотой, пол в продолжение целого года при мне ни разу не выметался.

Вся учащаяся молодежь были добрые и веселые товарищи; между ними находился пенсионер из Берлина г. Людеритц, отличавшийся от всех достойным своим талантом и образованием. Их болтовня скоро ознакомила меня с французским языком.

От их шума и ходьбы в столь узкой комнате по временам приходилось сердиться; добрый Людеритц¹³⁷ познакомил меня с характером французов, которым нужно узнать слабую струну каждого новичка, что именно его обижает; узнав ее, они радуются и не перестают вас мучить каким-нибудь словом, за которое вы сердитесь или которое вас смешит. Так случилось и со мною. Они начали звать меня «казак», что показалось мне странным и неуместным; это они заметили и с чисто-детскою радостью ежечасно начали звать меня «казак».

Совет Людеритца мне помог, и я начал вместе с ними смеяться. Видя мое равнодушие к слову «казак» или Иордан, они оставили меня в покое. Тут попался им другой товарищ, самый простосердечный молодой француз; к несчастью, он ничего не работал и затем вскоре при мне умер. Он был крайне доверчив и верил каждому слову, что и было французам по душе. Его товарищи, видя мерзкую осеннюю погоду, ветер, дождь и холод, и заметив, что он, любя праздность, приходил довольно поздно в мастерскую, сговаривались, как бы его обмануть.

Случалось, что когда он входил, то другой, такой же лентяй, исчезал, затем, явившись обратно, подходил прямо к легковерному и шепотом, на ухо, передавал ему, что он видел его милую (*bonne amie*) в саду, она гуляет около фонтана с нерешительным видом, как будто кого-то ожидает. Тот изменяется в лице, в нем рождается ревность, он тотчас оставляет мастерскую и через часа полтора возвращается раздосадованный, весь промокший и иззябший; к нему усердно все подходят, узнают причину его неудовольствия и начинают утешать; узнав же, что он с час ходил около фонтана, не встретив никого, пока весь не промок и не прозяб, радуются, говоря, что она, верно, сидит дома, а та, верно, была другая. Между тем, его товарищи, скрываясь за работами, от души над ним смеются.

Другая шутка была посерьезнее. Имея подобного простосердечного молодого человека, зная его доверчивость и вместе гордость (молодой

¹³⁷ Людеритц Густав (1803–1884), немецкий гравер, пенсионер Берлинской академии художеств, ученик И.Т. Ришомма.

человек также был гравер и также лентяй), товарищам хотелось позавтракать на его счет; думали, думали и выдумали следующую проделку: между нашими товарищами был один примерный лентяй, но человек очень серьезный; его-то подговорили сказать, что он дал тому пощечину в вечерних классах. Явившись в мастерскую, все в один голос твердят ему: «Как, тебе дали оплеуху, какой неслыханный срам, какая обида товарищам!». Он удивляется подобной неожиданной новости. Все в один голос ему твердят: «Ах, какой срам, спроси объяснения у виновника этого слуха». Он спрашивает и тот прехладнокровно отвечает: «Разве вы не помните, как я вам дал пощечину в таком-то месте». Тот остолбенел, а товарищи говорят ему в глаза:

– «Боже, какая обида, какой стыд, какой позор всем нам, твоим товарищам!»

Наконец, г. Ле¹³⁸ с гордостью решает смыть это пятно и требовать удовлетворения. Его противник соглашается, и тотчас решено быть дуэли на пистолетах через две недели. Пистолеты были обещаны, и место дуэли назначено за Люксембургским садом. Несчастный, смущенный юноша, отнюдь не предполагавший, что тут кроется невинная шутка, эти две недели ходил как потерянный, исхудал, и дома в нем замечали перемену и не знали, чему приписать ее. Наконец, настал этот знаменательный день. На дворе было холодно, темно, и шел дождь; в 8 часов утра все собрались в мастерскую, куда принесли, наконец, два старых заржавленных пистолета. Все, закутавшись в свои плащи и пальто, последовали к назначенному месту, боялись одного, чтобы профессор не зашел в класс и, не заставши никого, мог заподозрить какое-нибудь неожиданное происшествие; боялись также, чтобы не повстречаться с ним (с г. Ришоммом) на улице. Но ничего подобного, к счастью, не случилось.

Прозябнув и измокнув до костей, пришли мы на избранное роковое место, занялись пистолетами и, стараясь, прежде всего, отвлечь внимание нашего героя, стали заряжать их, так как заряд был пустой, без пули; затем отсчитали шаги и доверчивому пришлось первому стрелять. Он очень старательно, наметив как можно вернее, целил в грудь своего противника, выстрелил, а тот стоит неподвижно, стрелявший же сделался бледен как полотно.

Противник ему говорит: «Теперь моя очередь стрелять», и, видя, что он положил руку с пистолетом к груди, противник кричит ему: «Долой

¹³⁸ Вероятно, Леу Пьер Франсуа (1803–1892), французский гравер, ученик Ж.Т. Ришомма.

руку от груди, мне твоя грудь нужна!». Тот спустил руку. Противник, наметив дуло ему в грудь, вдруг поднимает пистолет вверх и стреляет на воздух, говоря: «Дарую тебе жизнь». Тот, не подозревая, что все это была дурная шутка, бежит к нему, обнимает, целует и благодарит его за благородный поступок, а другие ему шепчут: «Теперь надобно дать завтрак». Он с радостью согласился. Явилось хорошее вино, устрицы, сыр и т.п. Завтрак был оживлен весельем и разговорами; деньгами он запасся, и шутник говорил бедному доверчивому юноше: «Твоя пуля чуть не попала мне в голову, она просвистала мимо ушей моих». Он всему верил и, когда несколько лет спустя ему твердили, что то была шутка и что его товарищам хотелось позавтракать на его счет, он не верил и говорил всем, что выдержал дуэль и был счастлив, что остался жив благодаря великодушию своего противника, с которым после вечной ссоры был в неразлучной дружбе.

Был у нас третий сотоварищ, талантливый г. Ланглуа¹³⁹ – предобрый молодой француз, исхудалый. Он во время работы рассказывал нам иной раз о предыдущей ночи, как он пробирался к своей возлюбленной и, часто рискуя быть застигнутым ее родителями, которые спали возле своей молодой дочери, он счастливо проводил почти все ночи с нею, не будучи никогда ими застигнут. Он с особенным французским сладострастием толковал о своих приключениях, говоря: «Вчера ночью старик долго кашлял», или: «мать пугала нас своими разговорами во сне, мы же не переставали быть счастливыми в объятиях друг друга». Эти свидания совершались, главным образом, с помощью дочери. Как скоро старики засыпали, она отворяла дверь, зная время, когда ее возлюбленный придет, что и повторялось раза два, три в неделю, по обоюдному их согласию.

Иной раз, видя, что Ланглуа присмирел, зайдешь, бывало, к его работе, и, о ужас!.. Мой друг Людеритц часто замечал, что французы талантливые, умные и добрые народ, но большие и непростительные с...!

Людеритцу, как пруссаку, которых французы терпеть не могли, товарищи делали всякие колкости на счет наполеоновской войны с Россией в 1812, 1813 и 1814 годах, когда русские оказывали всюду снисхождение Франции, Пруссия же, напротив, их обижала и даже хотела низвергнуть Вандомскую колонну¹⁴⁰; но характер Людеритца был так скромен (что он отмалчивался), а его образование ставило их весьма часто в тупик, так как они были большие невежды во всем, что выходило из пределов Франции.

¹³⁹ Ланглуа Люсьен (1803–1845), французский гравер.

¹⁴⁰ Вандомская колонна была поставлена в честь побед Наполеона архитектором Ж.Б. Лепером и Ж. Гондузом в 1806–1810 гг.

Затем явился к нам пожилой человек м-г Воин, неумолкаемый болтун и патриот-самохвал, чем и смешил всех, даже французов. Товарищи узнали, что в его доме и семействе имеется сестра, ради которой отец запретил ему приносить рисунки с обнаженной грудью... Вследствие сего, рисуя с натуры, он оставлял причинное место пустым, чрез что рисунок с натуры казался смешным, и это веселило не только нас, но и самого профессора. Воин носил толстое желтого цвета пальто, ибо зима 1829 года была холодная. Шинелей у учеников я не видал, и по окончании занятий они, обыкновенно, пешком шли по домам, особенно м-г Воин. Перед окончанием классов, по сделанному уговору, иной раз кто-нибудь становился возле Воина, смотрел его работу, заинтересовывал его разговором, а другие в то же время, исподтишка, рисовали на толстом сюртуке его, на спине, что-то непозволительное с крыльями и круглою головою. Когда чертеж бывал кончен, прекращался и разговор, и м-г Воин, простившись с нами, чувствуя холод, бежал опростелью домой.

Как только что он уходил, начинался общий хохот при мысли о том, что станет с ним, когда его сестра или отец увидят на его спине подобного петуха. На другой день, придя в мастерскую, он ругал своих товарищей наповал, рассказывая, как его сестра-девица с ужасом увидела это срамное изображение. Всем подобным проделкам был затейником всегда Ланглуа, вполне добрый и умный малый.

Был между нами вздорный, вечно недовольный и завистливый м-г Geil¹⁴¹, всеми нелюбимый, старавшийся заслужить особенное внимание г. Ришомма, но он его не жаловал. По окончании своего ученья он вскоре умер.

Как ни старался я сойтись со своими новыми товарищами и друзьями, но видел с их стороны какую-то холодность и недоверчивость, о чем я и заметил моему другу Олещинскому. Тот мне сообщил, что во Франции в мастерских профессоров имеется обычай, что всякий вновь поступающий ученик обязан угостить своих товарищей. Я был без денег и ожидал своей пенсии. Как скоро она пришла, я назначил им день и при самых скромных издержках они позавтракали устрицами с вином, сыром и кофеем. По окончании моего угощения они объявили мне, что я теперь вполне их сотоварищ. Меня удивило, что такая безделица, которую по незнанию я мог забыть, могла лишить дружбы столь приятных, детски-простодушных людей, каких я увидел в французах.

Занятия мои, несмотря на шум и болтовню в мастерской, возбуждавшую часто во мне досаду, шли своим порядком. Рисунок, в уменьшен-

¹⁴¹ Жей Амадей Феликс Бартелеми (1802–1843), французский гравер.

ном виде портрет Рафаэля с Перуджино, я кончил, и г. Ришомм остался доволен: тогда я обзавелся медною доскою и начал гравировать.

Метода профессоров-французов прескучная. Они вам говорят: «Делайте по своим чувствам», а когда кончишь работу, делают такие затруднения, что от их толков и поправок в расположении штрихов выходит, наконец, чисто механическая работа; насчет этого, в бытность мою в Лондоне, у Раймбаха об этой странности французской школы много было толков и критики.

Г. Ришомм отличался в этом. Чистота его работы и правильность его штрихов были изумительны. Мне же его метода была досадна, зная, что я столько уже работал и вступил в мастерскую скорее для советов, но отнюдь не для рабской подражательности своему профессору. На себе я угадал причину тактики моего профессора Уткина; он в свое время как пенсионер должен был также поступить к французу, ученому наставнику, и несмотря на приказания нашего Совета, пробыл несколько недель в мастерской у Бервика и, видя, что с ним поступают как с простым учеником, и, не желая видеть все шалости молодых французов, он удалялся в свою комнату и спускался раз в неделю к Бервику, работая совершенно другим манером в сравнении с профессором.

У Ришомма было иначе: он, бывало, измучает вас в пустом деле расположения штрихов, что видел я как над собою, так и над г. Людеритцом. Кроме дневных занятий у Ришомма, я вступил по приезду в частную академию рисования, которую содержал прекрасной наружности и стана m-r Boudin, бывший прежде сам натурщиком, и мне приходилось с него рисовать.

Каждый понедельник ученики Ришомма обязаны были показывать ему рисунки прошедшей недели; для сего протягивалась веревка, на ней висели рисунки, и он каждому делал свои замечания. В рисовальных классах был следующий порядок: плата в месяц была пять франков; три недели стояла мужская модель, четвертая неделя была женская. Каждую неделю, в субботу, когда рисунки были кончены, m-r Boudin спрашивал рисовальщиков, кого желают они иметь моделью на будущую неделю, и после многих споров решали. Собравшись в понедельник вечером, один из рисовальщиков по очереди ставит модель при запертых дверях, между тем другие рисовальщики находятся в особой комнате. Как скоро поставлена модель, двери отворяются и все идут занимать свои места.хлопоты были, когда наступала четвертая неделя для женской модели: тут всякий из рисовальщиков рекомендовал свою; оканчивалось одною, которая уже всем известна.

Таким образом, мне пришлось рисовать с очень хорошей женской

модели, хорошо сложенной, но некрасивой собою; она носила название «Tête du cheval», и точно – длинная ее голова походила на лошадиную.

Не могу забыть случая, когда к нам явилась молодая девушка с матерью, желая позировать на следующую неделю. Мать просила, чтобы молодежь держала себя благопристойно, так как ее дочь никогда нагою не позировала. У французов, как я заметил, если решился дело делать, так делай. Г-н Boudin объяснил ей:

– «Если вы желаете работать и деньги получать, то надобно позировать; я могу только предупредить молодых людей быть сдержанными, но приказывать не могу».

Французы тряслись, можно сказать, от восхищения, когда Boudin просил девушку раздеться и показаться. Она долго мешкала и не решалась; а хозяин класса понуждал ее, говоря: «Не заставляйте молодых людей терять время». Помаленьку она начала снимать с себя платье. Молодежь, смотря на нее, дрожала от восхищения. Наконец, дошло до сорочки, тут она должна была встать и сбросить ее с себя, чтобы можно было видеть ее телосложение. Долго она не решалась, наконец, разом спустила и, повернувшись задом и передом, тотчас бросилась накидывать и одевать свое белье. Молодежь в один голос закричала: «Une semaine, une semaine!»¹⁴². В следующий понедельник она явилась. Французы все вне себя. Повторилась та же история, как в субботу вечером. Ей дали скромную позу. От непривычки позировать, когда следует стоять в одной позе целый час, с нею сделалось дурно, что дало еще случай восхищаться. Затем вся неделя прошла почти потерянною: французы с нею болтали, она не обращала внимания на то, что другие просят, чтобы она позировала, как следует, но затем стала с каждым вечером смелее и нахальнее, даже, когда в следующий понедельник стояла мужская модель, она явилась, не стыдясь ее наготы, и села возле французов, шумела и смеялась. M-r Boudin был принужден удалить ее из классов. Затем слышали, что она совершенно растерялась в своем поведении, что очень легко бывает с девушкою, которая решится быть моделью. За неделю она страшилась показать свою наготу, но, показавши, чрез неделю делается проституткою.

Любопытно было видеть в этой частной вечерней академии рисования между художниками большую часть мастеровых. Раз возле меня сидел печник, весьма чисто одетый, с хорошими манерами, и, когда я его спросил: «Неужели вы имеете время заниматься рисованием?», – он отвечал, – «Что все почти мастеровые в Париже занимаются рисовани-

¹⁴² Через неделю (фр.).

ем, большею частью только зимою, летом же мы заняты своим мастерством, и рисунок нам очень полезен, он развивает нам вкус, наше дело от этого выигрывает, и по этой причине французов-мастеровых предпочитают мастеровым других стран».

Впоследствии я увидел, что это замечание было совершенно справедливо. Все мосты и углы улиц Парижа переполнены продавцами всякого рода безделушек, которые все сделаны со вкусом: будь это ящичек или копеечная галантерейная вещица, рассматриваешь их с удовольствием и всякий раз вещичка, вовсе ненужная, манит вас приобрести ее по причине ее вкуса и дешевизны. Эта дешевизна бывает часто хуже дороговизны, так эти вещички хрупки; прежде чем с ними придешь домой, они уже сломались. И много терял я времени на эти покупки и прогулки по вечерам по улицам Парижа; всего чаще заходил в Пале-Рояль, чтобы видеть гулявших тесною массою французов и людей всех стран света.

Между гулявшими и среди богатства магазинов меня поражала одна личность с благородными чертами лица и гордою походкою, но весь в лохмотьях; его шаги были едва слышны, ибо сапоги не имели подошвы, по крайней мере бока их были изорваны. Публика относилась к нему с каким-то почтением, никто из встречавшихся даже не улыбался. Он ни с кем не разговаривал, ни с кем не раскланивался и представлял собою какую-то тайну. Одни говорили мне, что это был игрок, потерявший все свое состояние в рулетку, и что он гулял в это время в Пале-Рояле, желая показать до какой бедности может довести позорная игра в рулетку; вследствие чего он поставил обетом в лучшую пору дня показывать избранной публике несчастное свое положение. Милостыни он не просил; из дырьев его сюртука выглядывала чистая сорочка. Он завтракал и обедал в ресторанах очень прилично, что и давало повод к другому предположению. Многие говорили, что он сделал спекуляцию из своего капитала, отдав его на известные годы с получением на прожитие больших процентов; по прошествии же известных лет капитал остается собственностью банкира. В расчетах жизни своей он ошибся; на старости же лет, после расточительной жизни, потеряв свой капитал, он стал бедняком, даже нищим. Эти рассказы передаю, как слышал, за истину их не ручаюсь.

Обедал я в обществе Людеритца, его брата и других иностранцев на улице St. Honoré, у м-м Chaillot, близ улицы l'Arbre Sec; прислуживала нам m-lle Justine, которая звала нас по номеру салфетки; г. Людеритц зван был № 16, а я № 28-й, что часто смешило нас. За 25 су мы имели суп, три блюда, десерт, 1/4 бут. вина, а хлеба – сколько душе угодно. Все кушанья были вкусны, и на вид мясное было очень обманчиво. Спро-

сишь, бывало, бифштекс с щавелем, приносят чудный кусок, думаешь большой, перевернешь и видишь снизу впадину, наверху же выпуклость, и найдешь, что это не бифштекс, а тоненькая пластинка жареного мяса. Бывало их закажешь по три, один за другим, а все голоден; утоляешь свой аппетит белым хлебом, коего достоинство выше похвалы. Странное действие имел на меня французский обед: встаешь из-за стола и кажется, что сыт, но, пройдя сто шагов, чувствуешь совершившееся уже пищеварение, ищешь для сего имеющиеся возле ресторанов роскошные закрытые кабинеты; у каждого из них, в преддверии, сидит почтенная дама, которая, зная вашу неотъемлемую нужду, идет с ключом в комнату, где все чисто, и утешает вас словами: «Все необходимое вы здесь найдете!» Выходя, вы ей платите три су, она же продолжает шить воротники или нарукавники; выйдя из этого тайного кабинета, вновь чувствуешь голод, ибо обед был так обманчив, что, хотя он состоял из нескольких блюд с гарниром, близкий голод следит за вами, и шатаешься по грязным улицам Парижа, так как водосточных труб тогда еще не было. Бывало, воротиться домой весь в грязи и не знаешь, где и как могло это случиться. Причина же та, что, гуляя по улицам, любопытствуешь интересными выставками магазинов, от них же не遠деке собраны кучи всякой нечистоты, и в них-то и попадает ваша нога. Кроме того, на улицах идут разные представления фокусников и других развлечений для народа, где всякий среди смеха жертвует своею мелкою монетою. Бывало, видишь массу народа, на тумбочке стоит человек, болтающий без всякой цели и без усталости какой-нибудь вздор и, наболтавшись вдоволь, с простосердечием объявляет, что болтовня есть его мастерство, что ею он содержит себя, что он с утра ничего не ел и просит у каждого хотя малосильной помощи, и добрые французы и иностранцы бросают ему мелкую монету. Поблагодарив, он отправляется в другую улицу, там вновь повторяет то же самое и тем поддерживает свое существование.

Иной раз видишь, лежит человек среди улицы и вокруг него собралась бездна любопытствующих, все спрашивают: «Что такое случилось?», – отвечают, что с ним сделался припадок. Тотчас ищут доктора, в Париже их на каждом шагу довольно; доктор немедленно является, осматривает больного, требует стакан холодной воды, затем больной что-то шепчет доктору на ухо. Доктор снимает свою шляпу, кладет в нее мелкую монету и говорит присутствующим:

– «Господа, больной с утра ничего не ел, дайте бедному посильную помощь», и летят в шляпу доктора со всех сторон пятаки, копейки, которые он и отдает мнимобольному. Затем «больной» отправляется в другую улицу и повторяет тот же фокус.

Бывало, видишь издали человека с огромным чубом волос и, подойдя, находишь экипаж, обставленный весь помадными банками, а продавец ораторствует, что его помада имеет удивительное достоинство, что у него в одну ночь выросли подобные волосы, и народ с какою-то наивною добротою с улыбкою, покупает у него. Сидим, бывало, в мастерской, слышим отчаянное, но самоуверенное пение во дворе какого-нибудь певца или отчаянную шарманку. Наши товарищи французы первые дают повод оказать им помощь, для чего они делают из бумаги фунтик, в который и собирается с каждого мелкая монета, затем фунтик свертывается и бросается вниз с осторожностью; делая это, они не судят, а философствуют, что всякий труд, всякая бедность требуют помощи.

Конечно, для сего нужен Париж, где француз своему труду и своей изобретательности находит поощрение от тысячи богатых иностранцев, из коих все проживают в нем большею частью для своего удовольствия. И эти иностранные богатства наполняют все атомы Парижа; эта-то доброта, веселость и труд француза привлекают народ со всех стран света, и нет образованного человека, который не свез бы свою малую лепту в Париж, где днем он восхищается богатыми собраниями, замечает и учится и, пробыв весь день в труде, вечером развлекает себя сценами на улицах или каламбурами веселого француза; этих иностранцев не считать во Франции, как и повсюду, исключая России и Англии (эти страны к иностранцам вообще хладнокровны), в Англии по их богатству и гордости национального характера, в России потому, что каждого иностранца считают спекулятором, который на свои 100 руб. приехал нажить 1000 р., а может и более. Зато в Париже иностранец, чем более тратит, тем более его величают, и вот слабоумный, особенно непрактичный человек, окруженный милым женским полом и словоохотливыми французами, которые весьма часто превозносят глупого гостя до небес, с восторженною от мнимых похвал головою, выбрасывает из кармана последнюю копейку, что и случилось мне видеть в лице приехавшего в мое время в Париж нашего богача Яковлева¹⁴³. Его приезд был ожидаем в Париже и газеты говорили, что едет в Париж князь Яковлев. Он приехал и поместился, как следует, а когда он отказал явившейся бездне разной прислуги, а взял только тех, которые ему были необходимы, то его начали звать графом; но, видя, что и графское звание не льстит богачу делать писание издержек (выставлять большие счета), его начали звать своим именем Ми-сир Яковлев.

¹⁴³ Яковлев Иван Алексеевич (1767–1846), капитан Лейб-гвардии Измайловского полка, состоятельный помещик, отец А.И. Герцена, в 1801–1811-е гг. путешествовал по Европе.

VIII.

Любопытно мне было видеть, можно сказать в последний раз, французского короля Карла X-го¹⁴⁴. Я имел счастье увидеть его в 1830 году во время процессии Corpus Domini¹⁴⁵. Он мне показался худеньким старичком, с длинным носом Бурбонов, в синем мундире и со свечкою в руках. День был палящий, солнце жгло и блестящие его лучи едва позволяли смотреть на предметы открытым глазом.

Итак, весна была в полной силе. Я решился начать рисунок в картинной галерее Лувра; для сего г. Ришомм просил меня сделать несколько набросков тех картин, которые мне понравятся. Хотя я их сделал, но, наконец, сам решил остановиться на картине Рафаэля «Лореттская Божья Матерь с просыпающимся младенцем»¹⁴⁶. Ришомм похвалил мой выбор, и я употребил на этот рисунок от начала до полного окончания его около двух месяцев. Когда я рисовал с картины, многие из посетителей и художников делали мне свои замечания, что это не есть оригинал Рафаэля. Впоследствии, когда мне пришлось быть в Лорето и увидеть предполагаемый оригинал, то мне показалось гораздо правдоподобнее, что парижская картина есть произведение Рафаэля, нежели та, которая находится в Лорето, тем более, что в обеих картинах имеются изменения.

Время, проведенное в Лувре за рисованием с Рафаэля, было для меня самое полезное и приятное; я мог ознакомиться с богатством оригиналов великих мастеровых Италии, Голландии, Германии и Франции, которые представлены здесь в лучших образцах своих работ.

Множество художников, можно сказать, всех стран заняты изучением этих редких оригиналов. Избранная публика, гости и художники по временам развлекают вас и своими умными замечаниями радуют и рожают в вас более любви к занятиям, которые без постороннего взгляда и суждения весьма часто охлаждают чувства художника.

Пользовался я весьма часто советами нашего соотечественника, известного в Париже и любимого ученика Жерара г. Штейнбена (впоследствии барон, – живописец). Он с малых лет поселился в Париже и там

¹⁴⁴ Карл X (1757–1836), французский король (1824–1830).

¹⁴⁵ Corpus Domini – католический праздник, связанный с Пасхой.

¹⁴⁶ «Мадонна ди Лорето» (1509–1510) – одна из наиболее копируемых работ Рафаэля, известно около 120 копий. Получила свое название от картины, находившейся в базилике Della Santa Casa в Лорето в Италии, которая считалась оригиналом Рафаэля. Сейчас подлинником предполагают одноименную картину, которая находится в музее Конде в Шантильи во Франции, ранее ее автором был назван Ф. Пенни. Картина «Мадонна ди Лорето» в Лорето ныне утрачена.

приобрел своим трудолюбием и талантом уважение французских художников и совершенно сроднился с Францией. Он мне дал верное понятие о Париже, говоря, что истые ученые и художники, живущие в Латинском квартале, едва когда-либо перешагивают Pont-Neuf, ибо за этим мостом начинается веселый Париж, который мало известен труженикам Латинского квартала. В этом квартале живут все профессора, тут все их огромные мастерские с учениками, которые съезжаются со всех стран света и дают или приносят им, профессорам, большие средства за их преподавание; каждый ученик платит по 300 франков, и у иных профессоров их имеется свыше ста.

С каждою мастерскою связано много историй, разных шуток, как, например: ученики, видя полицию, гуляющую поблизости их, начинают кричать, отчаянно звать на помощь. Полиция входит в мастерскую, находит что-то покрытое полотном с красными пятнами, из-под полотна торчат волосы, осторожно приближается полиция к этому предмету, осторожно вскрывает его и находит, к общему смеху учеников, лежащий манекен или куклу в рост человека, которая служит художникам для набрасывания драпировок.

В мое время император Николай Павлович не любил чужих краев, особенно Франции, поэтому русские художники все жили и занимались в Италии. В Париже, кроме Олещинского, я встретил Алекс. Андреевича Тона¹⁴⁷; он занимался изучением литографии, получая от правительства хорошее содержание, и жил сибаритом в хорошей части города около Вандомской площади, занимался с какою-то деликатностью и в манерах имел какую-то женственность, вечно вздыхал и вечно был болен. В мое время он готовился к отъезду. Его изучение литографии ни к чему не послужило. Правительство даром передавало ему много денег без всякой кому-либо от сего пользы. Возвратившись домой, Тон, прежде всего опять занялся архитектурой, которой обучался, будучи учеником Академии, и занял, благодаря сильной протекции своего брата Константина Андреевича Тона¹⁴⁸, место профессора, ничего не делал и отличался изысканием у себя всех родов болезни, которые, наконец, и покончили с ним и свели его в гроб.

Мне нравились добрые качества французов, их откровенность в советах. Они советовали избегать их игорных домов, игры в рулетку и не иметь сообщения с публичными женщинами, но завестись милым дру-

гом (*bonne amie*). Что касается игорных домов, то я, имея во главе друга моего Людеритца, в компании с другими иностранцами, с которыми мы обедали вместе почти ежедневно, согласились составить кассу, в которую каждый дал бы по пяти франков. Нас собралось до шести человек и мы отправились в одно воскресенье в игорный дом в Пале-Рояль. Игорные дома отличались тем, что на входных дверях виден был номер, как будто, в красном фонарике, и их было, кажется, числом три. Мы вошли, как мне помнится, в двери № 105. Войдя в коридор, приходилось подниматься по двум лестницам во второй этаж; тут учтиво снимали с вас верхнее платье; вы входили и видели две комнаты, довольно тускло освещенные. В обеих комнатах красовались длинные столы, покрытые зеленым сукном, и на сукне разные подразделения с надписью, как-то: чет, нечет, белый, красный и т.д. Столы были окружены сидевшими и стоявшими за ними игроками. Никто из них внимания не обращал на вновь пришедших, все были заняты тем, когда упадет вертящийся шарик в маленькое углубление, или лузу; когда шарик зацеплялся в одно из углублений, тогда банкомет объявлял и номер и цвет того углубления и тотчас лопаточкою на длинной ручке забирал деньги потерявших и платил выигравшим, сосчитав прежде их ставку.

Тут один из нашей компании, которому были вручены наши тридцать франков, начал ставить и играть. Не прошло и десяти минут, как наши тридцать франков были проиграны. Мертвая тишина царствует в сей юдоли редкой радости и неисчислимых несчастий. Прохаживаясь то в одну, то в другую комнату, я смотрел и думал: «Вот здесь находится видимая скала стольких несчастий, где столько состояний, столько надежд семейного счастья разбилось об утесы этой скалы, и все, все эти бедствия исчезли бы, если бы жадность и порок французского правительства могли бы запретить существование подобных трущоб, делающих позор просвещенной нации!».

Вечная благодарность достанется на долю французского короля Людовика Филиппа¹⁴⁹, который нашел средства заменить в государственном бюджете шесть миллионов франков, которые платились игорными домами, и тем дал спокойствие семейным людям во Франции и главам семейств иностранных гостей, которые вместо радости с плачем возвращались к семейному очагу.

Что же касается совета достать себе милого друга в городе Париже... (то среди этой нации, преданной любви), в подобном сообществе про-

¹⁴⁷ Тон Александр Андреевич (1790–1858), архитектор, литограф, профессор.

¹⁴⁸ Тон Константин Андреевич (1794–1881), архитектор, профессор, ректор архитектуры ИАХ.

¹⁴⁹ Луи-Филипп (1773–1850), герцог Орлеанский, французский король (1830–1848).

дажной любви я не мог оставаться хладнокровным; даже мой друг Олещинский начал мне замечать и твердить, что без «милого дружка» в Париже совестно жить. Издержки же на «милого друга», по его словам, самые ничтожные: ей нужно покупать по временам перчатки и башмаки, в которых по воскресеньям вы делаете ей удовольствие с нею погулять; вечером же ведете ее потанцевать и платите за вход в известные в Париже, за бульварами, танцевальные классы, называемые «à la Chingastes», где находите полный разгул молодежи, работавшей всю неделю; в воскресенье же вечером отправляются с своими «милыми друзьями» в танцкласс и там танцуют до упада, до самого раннего утра. Тут и студент-юрист, и сапожник, и художник, богач и бедный, все равны, и, Боже избави, если бы кто-нибудь стал претендовать на свое происхождение или на свое родство. Здесь все равны, как я сказал, так как все носят человеческий вид. Тут вы должны угостить своего «друга» кофеем или пивом. Вот и все ваши с ней издержки. Она же, ваш друг, хлопочет о вашем здоровье, вас обшивает и сама себя содержит и кормит: только воскресным днем следует ей жертвовать. В итоге часто выходит, что молодежь, привыкши к ним, к прискорбию своих родителей на них женится, что случилось впоследствии и с моим другом Олещинским; будучи вполне образованным человеком и имея хорошее знакомство, он сочетался из того же источника с самою простою необразованною француженкою, что было видно с первых же слов, и, любя деньги, она сама носила дрова и колола их.

Рассуждал я об этом теплом деле с Олещинским, так как предполагал долго жить в Париже, и он обещался познакомить меня с одною m-elle Rosalie; посещая его как новичок Парижа я зашел к нему в одно воскресенье и вижу у него статную высокого роста m-elle Rosalie и, по дурной своей привычке, хотел помять у ней верхнюю часть руки; она испугалась и просила ее не трогать.

И точно, не следовало трогать, ибо рука казалась кругленькая и мясистая, но, тронув, почувствовал под материею что-то хрупкое; оказалось, что рука была подправлена писчею бумагою, и на тронутом месте оказалась сильная впадина, которую она, пожав, и выдвинула вперед. Рука вновь приняла свой кругленький прежний вид. Знала она цель моего прихода и желание познакомиться, а потому m-elle Rosalie (она лицом была очень невзрачна) порешила со мною того же вечера иметь rendezvous¹⁵⁰ на моей квартире.

Далее Федор Иванович с его добродушным юмором рассказывает о случае,

¹⁵⁰ свидание (фр.).

ознаменовавшем это единственное для него rendez-vous, и заканчивает свой веселый, во вкусе Поль де-Кока¹⁵¹, рассказ словами:

..... Тем и кончилась моя любовь в Париже.

Окончив свой рисунок в Лувре, я приступил к гравированию, но механическая школа г. Ришомма, который из свободного художества делал гравирование мастерством, к которому я не мог привыкнуть, шум и болтовня не переставали злить меня; насчет этого г. Ришомм, видя мое неудовольствие, заметил мне, что его «земляки — молодые люди без этого не могут жить и, когда пройдет их учение, они делаются самыми прилежными тружениками, и что вы не найдете ни одной мастерской, где бы ученики не шумели и не резвились, ибо мы говорим, что молодым дважды не быть».

Около этого времени мы потеряли одного товарища, которого молодой доктор, друг его, как-то залечил. Нас пригласили на похороны; мы отправились в церковь, и, когда у гроба началась панихида, его товарищи, особенно Ланглуа, смеялись почти вслух над священниками; как вдруг неожиданно старший священник, обернувшись к ним, учтивым тоном говорит: «Господа, если вы не уважаете святость церкви Господней, то уважьте память покойного вашего сотоварища, которому вы пришли отдать последний долг».

Эти слова поразили их, как громом; куда девались смешки и веселость, они стояли и поглядывали друг на друга. Затем мы пошли за гробом и бросили последнюю дань смертному — горсть земли, с мыслию: «почий до общего утра».

Дорогою я замечал, что г. Ришомм, несмотря на примерное свое старание (к работе), присоединился к нам и проводил своего ученика до самой могилы. Он, г. Ришомм, не переставал толковать с презрением и насмешками насчет глупого правления Карла X-го. Кроме того, я замечал, что наши товарищи французы за работою тихо напевали какую-то песнь, и уже после узнал, что это была знаменитая республиканская песнь «Марсельеза». Напевая, они сдерживались, боясь, что ее услышит г. Ришомм. Она была строго запрещена.

Я забыл сказать о моем главном знакомце, 70-летнем старике г. Лорье. Он был близкий родственник нашего известного профессора гравирования Клаубера¹⁵². Сестра г. Лорье была женою Клаубера, и мой про-

¹⁵¹ Кок Поль Шарль де (1793–1871), французский писатель, автор комических произведений, относящихся к «фривольной» литературе.

¹⁵² Клаубер (Клаобер) Игнатий-Себастьян (Игнатий Севастьянович) (1753–1817), немецкий гравёр, руководитель гравировального класса ИАХ (1796–1817), член Королевской академии живописи и скульптуры в Париже, хранитель кабинета гравюр Эрмитажа.

фессор Уткин, уезжая в Париж, имел письмо к г. Лорье и заслужил вполне его дружбу. У старичка Лорье была премилая старушка жена, которая отзывалась об Уткине, как о своем сыне. Муж был некогда слабый, беспаланный гравер, жена же его занималась раскрашиванием дешевых гравюр. У старика были кое-какие деньги; жена своим трудом также приобретала. Их беседа была весьма любопытна, так как г. Лорье был живым свидетелем всех ужасов первой республики, видал Робеспьера, Дантона и других фанатиков кровавого деспотизма под названием равенства, свободы и братства. Его рассказы как очевидца производили на меня ужас. Он пророчествовал, что дело Бурбонов будет иметь плохой исход, что затем и осуществилось.

IX.

Работая в мастерской, ученики в последнее время собирались, бывало, в кучи, работа оставалась праздною, и шли толки о политике. Я был еще слаб во французском языке, но Людеритц мне объяснил, что французы возбуждены против короля и духовенства.

В это время отправилась экспедиция против алжирского бея и совершилось неприятное происшествие. Бурбоны были врагами дюка Орлеанского, который желал показать примирение старшей и младшей линии царствующей отрасли Бурбонов. Дюк Орлеанский задал Карлу X-му большое торжество в своем дворце, в Пале-Рояле. Пале-Рояль был полон народа; во дворце вместе с королем была приглашена вся французская аристократия. Всюду иллюминация, шумная музыка, толкотня народа; тысячи стульев были заняты любопытствующими, но в народе жило подозрение, что готовится что-то недоброе.

Как ни восхищался я этою богатою живою декорациею, но старался пораньше уйти. На другой день разнесся слух, что из свободных стульев сделали костер, и злоумышленники подожгли его, что вызвало суматоху, и многие потерпели от оной. Все это было сделано (для того, дабы) показать неуважение к королю и дать ему почувствовать, что его присутствие есть несчастье, а не радость для Франции, и что к его личности нет сочувствия. Над этим происшествием пришлось призадуматься народу. Недолго это продолжалось, как пришла радостная весть, что генерал Мармон¹⁵³ взял Алжир, и французы ободрились, услыхав о новой победе и приобретении богатой страны. Тут пошли толки, что эта побе-

¹⁵³ Мармон Огюст Виес де (1774–1852), маршал Франции (1809). Вторжение французской армии в Алжир произошло в 1830 году, а в 1834 году Алжир стал частью французского государства.

да примирит Карла X-го с народом. Даже сам старик Лорье сказал, что эта победа заставит полюбить Бурбонов.

Всюду раздается колокольный звон, церковь Notre-Dame¹⁵⁴ богато украшается и сочиняется музыка для торжественного молебствия. Для этого торжества назначается воскресный день. При отличной погоде в виду праздничного дня, весь Париж был на ногах, и все спешило занять места: видеть поезд короля в церковь Notre-Dame. На другой день пробегают молва, что архиепископ, говоривший речь, обратился к королю: «Ваше величество, вы сделали великое дело, Алжир покорен, теперь вашему величеству предстоит совершить еще другое дело». Все слушатели стали в тупик, что это означает и в чем состоит это другое дело.

Париж зашевелился; в мастерскую являлись молодые люди, о чем-то толковали и уходили; Ришомм также с нами беседовал и все про политику, в которой, по трудности языка и разных терминов о какой-то карте (La charte¹⁵⁵), я ничего не понимал и продолжал работать.

Наступает среда, кажется, 26-го или 27-го июля 1830 г. Тут вижу общую суматоху на улицах и, придя в мастерскую, вижу, что та же суматоха продолжается и здесь. Одни приходят, другие уходят, все толкуют с озабоченными лицами, слышится часто имя Тьера¹⁵⁶. Не понимаю, что это значит; добрый Людеритц объяснил мне: «Вчера в Сен-Клу подписан указ о том, что вопреки данной (Людовиком XVIII¹⁵⁷) конституции, в которой сказано, что печать свободна, король новым указом ее уничтожает, т.е. свободу печати, вследствие чего хозяева закрыли все типографии; в них работников бездна и всем им отказано. Все они сделались теперь гуляющим народом, без газет же, из коих ни одна не вышла, французы не могут жить. Вчера было послано к королю в Сен-Клу, чтобы отменить этот указ, пагубный для всей Франции; министр Тьер не отвечает за последствия. Король, окруженный своими приверженцами-министрами, во главе коих тогда стоял Полиньяк¹⁵⁸, и слышать не хочет, и что произойдут непременно неприятности». Это были слова друга моего Людеритца.

¹⁵⁴ Собор Нотр-Дам является одним из самых известных памятников готической архитектуры XII–XIII вв. Европе.

¹⁵⁵ Хартия (фр.).

¹⁵⁶ Тьер Адольф (1797–1877), французский премьер-министр, первый президент французской третьей республики, член Французской академии.

¹⁵⁷ Людовик XVIII (1755–1824), французский король (1814–1824).

¹⁵⁸ Полиньяк Огюст Жюль Арман (1780–1847), французский премьер-министр. Один из виновников июльской революции 1830 года во Франции. За антидемократическую позицию был арестован и приговорен к пожизненному заключению, в 1836 году помилован.

Проработав до четырех часов, я отправился к обеду в Rue Honoré. Идя дорогою, вижу все окна полны лицами женского пола, как будто ждут какой-нибудь процессии, вхожу в мой трактир, вижу нашу прислужницу m-lle Justine и, кроме меня, ни одной души; спрашиваю у нее: «Что все это значит? Всюду народ в окнах, а здесь никого нет?». Она с озабоченным испуганным лицом говорит: «У нас будет революция. Вот что сделал король! Идите к Пале-Роялю, там увидите!».

Отобедал я один, в то время, как бывало, в этот час всегда все столы были полны, теперь же все пусто. Мне следовало идти к А.А. Тону, он уезжал на следующий день в Россию. К нему идти необходимо было мимо Пале-Рояля, тем более, что слова m-lle Justine меня подстрекали увидеть Пале-Рояль. Подходя к нему, я увидел огромную массу народа, заслонявшую проход по улице; мальчишки видны были выше всех, они стояли на бочках. Между тем, по обеим сторонам все окна были полны лицами женского пола. Пожелал я узнать причину скопления этой массы народа у Пале-Рояля; мне говорят, что на площадях у Пале-Рояля стоит взвод жандармов. Их французы недолюбливали. Окольными улицами я пришел к А.А. Тону; нахожу его также в страхе. Он говорит, что поблизости от его квартиры имеется военное министерство, что ночью перебили в нем стекла.

Поговорив, мы пошли вместе по Итальянскому бульвару, взглянуть, что там происходит. Видим: все магазины заперты, народ стоит кучами; в числе их самые почтенные граждане; все стоят с недоумевающими лицами, большею частью спокойными, как будто предчувствующими что-то недоброе. Простой же народ, радостно что-то толкующий, также стоял массами, размахивая руками. Скучные мы шли оба, и мой спутник, зная, что я мало знаком с Парижем и что время опасное, советовал мне идти домой. Не прощаясь, я обещался быть у него утром, проститься и дать несколько писем домой и в Академию. Я направился к Pont-Neuf, в мой Латинский квартал, где я уже несколько времени поместился в Rue du Cloître St.-Benoît; там жила моя почтенная чета Lorieux. Идя по Pont-Neuf, слышу по набережной нашего квартала барабанный бой и при спуске с моста встретил входивший на Pont-Neuf армейский полк, называемый у французов la Ligne¹⁵⁹. Солдаты шли с геройским видом, мальчишки толпились около них впереди, крича: «Какие молодцы, вы верно не будете стрелять в народ?». Солдаты идут своим порядком, а народ, качая головами, думает: «Боже мой, революция!».

¹⁵⁹ La ligne – линейные войска, пехота.

Приближаясь к дому, в моей малой улице вижу все окна униженными головами женщин, которые с болезненным и вопросительным взглядом смотрели вниз на проходящих; как вдруг послышался ружейный залп. Бедные женщины, стоявшие в окнах, перепугались; может быть, это были жены жандармов или они вообще оставались дома без мужей; все в один почти голос с плачем закричали: «Боже мой, вот уже начали стрелять, ах, Боже мой!». В то же время бежала по улице разная чернь; мастеровые, имея что-то в руках, ломали замки у фонарей, фонарь летел вниз и его со злостью растаптывали. Этой участи подверглась сперва одна часть фонарей, наконец, были все уничтожены, ибо революционеры хотели, чтобы Париж и его улицы оставались темными, из боязни, что король может среди ночи ввести войско для своей защиты.

Я возвратился домой, зашел к Лорье и рассказал все виденное и слышанное; он же с грустью качал головою, говоря, что «это худо, очень худо».

На другой день довольно рано, в 7 часов утра, зашел я в мастерскую и спросил у консьержа или привратника: «Г. Ришомм пришел?». Он отвечает, что нет еще. Это меня удивило, ибо Ришомм был всегда первый в мастерской. Погода стояла удивительная и весьма жаркая и я, обещав накануне А.А. Тону придти проститься с ним, отправился от Quai des Grands Augustins, где была наша мастерская, к Pont-Neuf. Вижу едет человек двенадцать конных жандармов. Должно быть, это был обзор или объезд. Они уже стали спускаться с моста, как вдали, с другой стороны Сены показался бегущий, врассыпную всякого рода народ, некоторые были даже на костылях; раздаются выстрелы, вновь вижу летят фонари, как это было в нашей улице вчерашний вечер, и вся эта толпа на мосту стремилась догнать ехавший объезд. Жандармы, не теряя присутствия духа и бодрости, прищипорили лошадей, помаленьку въехали в ворота префектуры и скрылись. Я не посмел идти далее к Тону, воротился домой, зашел к г. Лорье и вновь рассказал ему, что мне случилось увидеть. «Бурбоны не могут спокойно сидеть на троне», – говорила старушка, – «Попы их погубят». Старик был грустен, старушка же продолжала работать, раскрашивая свои литографии. Вдруг она говорит: «Что это значит, начали уже звонить к обедне?» – и остановилась. Не прошло и десяти минут, как слышим глухой, но сильный звон колокола; удары были неровные, лучше сказать, звонили как попало. Старик испугался, у старушки выпала кисть из рук и они, знакомые с ужасами первой революции, в один почти голос сказали мне: «Voilà le tocsin (набат), nous sommes en revolution!»¹⁶⁰. Признаюсь, и меня передернуло. «Теперь начнется

¹⁶⁰ «Вот набат, у нас революция!» (фр.).

война, кто кого пересилит: король и его войско или революция и народ? Если король одержит верх, то все придет в порядок; если же народ – то одному Богу известно, что с нами будет».

– «Надобно», – сказала m-me Lourieux, – «Обзавестись хлебом, сыром, вином и еще чем-нибудь», что и купил нам наш консьерж. На улицах началась беготня мастерового люда с криком: «à l'Hotel de ville!» – это место было всегда сборищем всех революционеров, когда они слышали ее tocsin.

Большой же колокол, под названием «Бурдом», звонит только при особенных случаях, как-то: когда город находится в опасности или в день смерти короля, т.е. при выдающихся из ряда событий. Он не звонил, а ревел своим ужасным гулом, и все бежавшее на улицах кричало: «à l'Hotel de ville! в l'Hotel de ville!». С час спустя началась вдали перестрелка; сперва раздался один сильный выстрел, затем вразнь множество мелких выстрелов, немного спустя вновь сильный густой выстрел, за ним в беспорядке мелкие, и это продолжалось с 11 ½ час. дня до 7 час. вечера без умолка или промежутков. В доме у нас все было назаперти. По временам мы слышали стук у ворот, нас брал страх, слышим затем разговор с нашим консьержем, сбегали вниз и старались узнать причину стука, и оказывалось, что приходил кто-нибудь или жилец возвратился домой. Обедали куском хлеба с сыром и старались узнать, что происходит в городе, выйти же я оберегался, а главное боялся.

После семи часов вечера слышим крики и шум и смотрим, спрятавшись за окнами. Сражавшиеся возвращались домой. Это был почти все простой мастеровой народ, они устали, пот лил с них градом, они точно вышли все из ванны, все были без галстука, жилетов, а день был несносно жаркий. Многие несли в виде трофеев кто пуговицу, кто солдатскую эполету, крича: «Это я сорвал с убитого мною швейцарца!». Затем слышались дребезжащие звуки гитары. Наигрывающий кричит: «Эта гитара принцессы Берри¹⁶¹». Эта принцесса или герцогиня до революции была первою меценаткою художников и изящных искусств. Ее имя изучил я прежде других, и все труженики восхищались ее любовью к искусствам и щедростью по отношению к художникам.

Что же касается швейцарского войска в Париже, то у короля X-го было его до 20-ти тысяч наемного. Эти швейцарцы были верные и отличные солдаты, получали хорошее содержание, но французы, видя в них народ, продающий себя и свое отечество за известную сумму денег,

¹⁶¹ Мария Каролина Бурбон-Сицилийская, герцогиня Беррийская (1798–1870), супруга французского принца Шарля-Фердинанда, герцога Беррийского.

и к тому же войско, которое французским правительством предпочиталось французскому, презирали их и ненавидели.

На ночь вышел приказ, чтобы свечи были поставлены на окнах. Мы тотчас все изготовили, всю ночь не спали, боясь общего грабежа; свои малые десятки франков я спрятал по всем углам моей комнаты.

На второй день мы встали, уставши от страха и бессонницы. С 10 час. утра началось повторение вчерашнего дня. Тот же потрясающий гул колокола «Бурдом» созывал народ на площадь Ратуши. Вновь спешат вчерашние революционеры с дубинами на плечах и с криком: «К ратуше! к ратуше!». Вновь начинается перестрелка и длится весь день под палящим солнцем. Второй день был для нас менее ужасен, чем вчерашний, мы как будто попривыкли. В улице царила смертная тишина; в окнах ни души, все попряталось. Колокол «Бурдом» и пушечная пальба, слышанные нами на второй день, нас не пугали. Ко всем этим ужасам мы как будто попривыкли. Настает вечер, тот же шум возвращавшихся домой революционеров; все они большею частью полупьяные, ибо жажда, возбуждаемая палящею жарою, может быть утолена только вином. Все возвращавшиеся имели крайне усталый вид; многие из них украшены были трофеями убитых солдат, оставшихся верными своему королю: у кого каска на голове, у кого изорванный солдатский мундир. О своих трофеях они с криком давали знать, что все это взято с убитых швейцарцев. Ночь прошла покойно: в ворота не стучали, и я, как мог, приуснул.

Настал третий день (суббота). Утром слышится вновь сильная пальба и перестрелка.

К 12 часам все смолкло. На улице виден народ, слышен спокойный говор, появились лица в окнах, и наш консьерж входит к нам и объявляет, что все кончено, либералы одержали верх! Мои старики все еще недоумевали, чем все это кончится. «Фабриканты и хозяева магазинов долго еще не примутся торговать, как следует. Что станет с монархистами, королем и его министрами, чем станет кормить новое правительство народ, который сражался за новый порядок, остался победителем, а его хозяева, может быть, будут банкротами».

Так толковали мои хозяева, имея небольшой капитал, отданный на проценты, боясь на старости лет остаться ни с чем.

Так как было скучно слышать все эти печальные предсказания, то я, просидев дома день и ночь в продолжение почти трех дней и видя, что на улице появилась жизнь, простился со старичками и обещался принести, разумеется, печальные вести этих пагубных трех дней.

Прежде всего зашел в кофейную. Она была полна молодежи, которая вслух и с восторгом рассказывала о своей победе, о потере некоторых

друзей и с неистовством, ругая, произносила имя короля Карла X-го, проклинала его министерство, особенно Полиньяка, предсказывая им уголовный суд, как изменникам отечества и виновникам пролитой крови.

Из кафе я направился по Quai Voltaire к Pont des arts. Тут я вижу насколько все дома пострадали, особенно l'Institut de France¹⁶², коего фасад весь был испещрен картечью. Ему досталось от швейцарцев, которые заняли Лувр, имея при себе пушки.

Народ с набережной «Quai Voltaire» беспокоил швейцарцев своим огнем, а они сильно отстреливались. Здесь много пало народа с обеих сторон. У швейцарцев в Лувре, против Pont des arts, на балконе дворца поставлена была пушка. Лувр был сильно защищаем со всех сторон швейцарцами, вследствие чего его можно было взять только со стороны Pont des arts; осаждавший народ только что дойдет до середины моста, как с балкона Лувра пушечный выстрел не позволяет ему идти далее. Народ отступал, пока, наконец, один ученик политехнической школы с обнаженной в руке шпагой бодро взялся вести народ по мосту; новый выстрел с балкона Лувра ранил его опасно, но его поддерживали под руки, и он вел народ все вперед и вперед. И тем кончилось дело. Швейцарцы сдались, и народ бросился во дворец, здесь все переломал и, бесчинствуя, добрался, наконец, до королевского погреба с редкими винами.

Тут многие сильно перепились; раненого же ученика политехнической школы, дорогою умершего от раны, народ принес в тронную залу, труп его посадили на трон Карла X-го, прикрыли крепом и в таком виде пригласили его родителей с ним проститься. Этот трогательный эпизод передал мне наш фельдгерь Вильде, который по службе был в Париже; он был при взятии Лувра, видел эту трогательную сцену и в погребке Карла X-го пил отличное его вино, которым многие перепились и отошли в вечность.

Швейцарцев отправили в виде военнопленных в их казармы и, боясь мести народа, их казармы охранялись народною военною силою.

Прекрасные стекла были все перебиты пулями, и древняя церковь возле Лувра «St. Germain l'Auxerrois»¹⁶³ сильно пострадала. Улицы вокруг Лувра были изрыты и наставлено много баррикад, у коих в одном конце делалось отверстие для прохода публики.

¹⁶² Институт Франции – главное государственное научное учреждение, объединившее ряд академий – Французскую академию, Французскую академию надписей и изящной словесности, Французскую академию наук и др.

¹⁶³ Церковь St Germain l'Auxerrois – построена в XII в., затем перестраивалась. Изначально была дворцовой церковью Лувра, резиденции французских королей.

Насмотревшись в этой части города, я отправился к Пале-Роялю, где началась, тому три дня, революция, и увидел тут также сильные повреждения: чудные огромные зеркальные стекла, которые в то время были довольно редкостью, все были испещрены пулями; будка же часового пронизана была пулями в таком количестве, что ее стенки имели вид кружев.

На улице St. Honore, на которой стоит Пале-Рояль, дома большею частью пострадали, и во всех окнах часть стекол была перебита.

Идя далее, я попал на Итальянский бульвар, где по обеим сторонам тянулись высокие деревья; они лежали теперь на земле срубленными, чтобы помешать кавалерии и артиллерии попасть в город и защитить павшего Карла X-го. По всему бульвару при входе в улицу возведены были баррикады, и у каждой баррикады стоял часовой, импровизированный из мужика или мастерового; в руке у него было ружье, а в шапке, фуражке или шляпе воткнута веточка зелени. Все, кого я ни видал дежурными, имели вид изнуренный и сильно загорелый. Идя по улицам, я встречал такую толпу народа, что, казалось, все жители Парижа, просидев дома взаперти три дня, как будто стремились перехватить свежего воздуха. Многих встречал я с озабоченным лицом, как будто искали кого-то; многие, прождав три дня своих детей и не видя их возвратившимися, с каким-то трепетом, встретив на улице знакомых, спрашивали кто про сына, кто про мужа или дядю. Признаюсь, было чему беспокоиться после столь ужасной трехдневной битвы.

Продолжая свою грустную прогулку среди баррикад и перебитых стекол, я дошел до набережной реки Сены к мосту St. Michel. На мосту стоит в одном легком нижнем платье часовой с веткою, в изорванной шляпе и с ружьем. Мне слышится сильный запах мертвечины и я учтиво спрашиваю его: «Что это за неприятный запах?». Он мне довольно сильным голосом отвечает:

«Идите к госпиталю Hôtel Dieu, там увидите, как и сколько перебито швейцарцами французского народа».

День был безоблачный и жара душила человека; встречавшихся я всех видел с платками в руках, ежеминутно отиравших пот. Между тем, чем дальше иду, тем более чувствую невыносимый запах. Подходя к собору «Notre Dame», вижу, за ним стоит знаменитое здание больницы под названием «Hôtel Dieu». Тут обоняю невыносимый – не запах, а смрад, захватывающий дыхание. Приближаясь к набережной реки Сены, вижу огромную барку, покрытую соломою, наполненную голыми трупами, которые виднелись из-под соломы, и человека, ходящего поверх соломы и чем-то spryskivayushchego трупы. Между тем из больницы идут

гуськом носильщики и держат каждый тачку, имея на них по одному труп. Он висит руками, головою и ногами вниз, туловище же покоится на середине тачки. Тут я видел на тачках трупы белых и черных, молодых и стариков и очень много женщин с распущенными волосами. Все трупы были нагие с прикрытыми половыми частями и все с смертельными ранами. Признаюсь, это зрелище приводило меня в ужас. Тела многих были уже попорчены от стоявших в эти три дня сильных жаров. Носильщики спускались к набережной и сбрасывали труп в барку, где их лежало множество, и так за одною тачкою следовала другая. Множество родителей, особенно женского пола, может быть матери или сестры, стояли у спуска и, каждый осматривал труп, подымая его голову, и старался узнать своего пропавшего родственника. Иные находили своих и кричали: «Ах, это мой Люи», или «Антоний», целовали, благословляли и плакали. У других были в руках цветы, они бросали ветку – дружину на труп своего родственника.

Когда родители после окончания революции не могли дожидаться своих взрослых сыновей или кого другого, то им советовали идти в госпиталь «Hôtel Dieu», говоря, что со всех дворов собирали убитых, вследствие того, что трупы сильно разлагались от жары. Это и были те несчастные, которых я видел на набережной у Hôtel Dieu.

Боже! благослови продолжение моих воспоминаний
и дай мне память их припомнить (1875 г.).
Ф. Иордан.

Х.

Революция в Париже в 1830 году

Париж, после этих трех дней совершенно изменился, начались разговоры об убитых и раненых. Я прошелся к ратуше, где на площади поставлена была королевская гвардия; она не последовала примеру армейских полков, которые отказались стрелять в народ. Народ с торжеством проводил эти полки в принадлежащие им казармы; королевская же гвардия исполнила свою присягу до конца, будучи окружена со всех сторон вооруженным народом, который не переставал в нее стрелять с первого дня революции, с 11 1/2 час. утра до 7 час. вечера.

Три раза народ брал ратушу, и три раза гвардия отбивала ее, наконец, народ остался победителем. При этом пало много народа и солдат, которые, оставляя свою позицию, ретировались за городом; при проходе их по узким улицам из верхних окон на них бросали ничтожную мебель и всякую нечистоту. На площади ратуши в угловых домах, в которых по-

мещаются обыкновенно в Париже продавцы вина и которые бывают всегда выкрашены красною краскою, должно быть засела большая масса либералов с оружием в руках, и у этих-то домов углы от регулярного огня гвардии были совершенно как бы срезаны. Эти пули были для швейцарцев очень губительны, судя по огромной насыпи, которая образовалась над могилою этих несчастных. Все входы на площадь ратуши были загромождены крепкими баррикадами; на крыше ратуши находились и действовали либералы художники, и многих из них, как я слышал, поранили.

Вторым местом сильной стычки была площадь Marché des Innocents. Тут стояли швейцарцы. Этот удивительный солдат, служа за плату, не изменит, хотя ему и приходится иной раз свою верность запечатлеть жизнью. Он всегда готов соблюдать присягу, данную отечеству или чужому правительству: ему все равно, его обязанность исполнить свой долг; швейцарцы и этот раз свято исполнили присягу и стойко держались на площади, будучи со всех сторон окружены домами в пять и шесть этажей, со множеством окон, которые были наполнены вооруженными либералами; их пули летели в одну точку, которая и была в взводе швейцарцев. Эти пули были для них губительны, (судя) по двум высоким насыпям, из которых одна, огромной величины, означала швейцарцам могилу их товарищей, а другая, гораздо меньшая, скрывала тела убитых либералов. Могилы этих последних были украшены наскоро сделанными крестами; над ними теплились лампадки, тогда как над насыпью павших за короля швейцарцев народ производил всякого рода нечистоту.

Перед осадой Лувра народ подступил к знаменитому Дому инвалидов¹⁶⁴, где он скоро сделался хозяином; из склада, наполненного оружием всякого рода, каждый либерал обзавелся тем, что ему было нужно, вследствие чего либералы сделались очень сильны. Говорили, что король Карл X-й пришел в отчаяние, когда услышал, что линейные полки отказались стрелять в народ. Линейные полки, как у нас в России армейские, составляют силу Франции, и эти полки взяли сторону народа.

Все старались узнать об участии Карла X-го; было известно, что в Сен-Клу он подписал пагубный для себя и для своего семейства указ о введении цензуры вопреки конституции, данной народу в 1814 году Людовиком XVIIIм. Он отрекся от престола в пользу слабоумного принца Ангулемского¹⁶⁵, который оставлял престол малолетнему Генриху V. Но

¹⁶⁴ Дом инвалидов – памятник французской архитектуры (1671–1706), автор проекта – архитектор Л. Брюан.

¹⁶⁵ Людовик (Луи-Антуан), герцог Ангулемский (1775–1844), провозглашен 2 августа 1830 года как французский король Людовик XIX, в этот же день отрекся от престола.

французы о Бурбонах и слышать не хотели и ожидали в первый же день после трехдневной уличной битвы, именно, в воскресенье, приезда в Пале-Рояль дюка Орлеанского, Луи Филиппа.

В этот день я посетил свою мастерскую; мало кто из учеников пришел работать, те же, которые пришли, были веселы и здоровы, говорили о разных эпизодах этих трех дней: как их родители пеклись о раненых, как многие дворы вмещали у себя убитых. Главным же образом разговор вертелся на том, что к обеду приедет в Париж дюк Орлеанский с семейством; высказывая его уму и добродетелям сверхъестественные похвалы, французы говорили, что к нему уже отправилась депутация из членов парламента, что он должен быть главою во время междуцарствия и что вечером он будет в Пале-Рояле. Работать не было охоты. Увидал бездну мальчишек-спекулянтов с криком: «Покупайте, господа, трехцветную кокарду, да здравствует свобода!». Увидав, что все покупают и украшают ею одну из петель верхнего платья, и я украсил ею свой пиджак. Проходя мимо кофеен, вижу в них толпу молодежи, с жаром распевавшую что-то такое, чего я понять не мог; песнь была схожа с тем, что распевали, как я уже сказал, мои товарищи в студии и что оказалось знаменитою республиканскою песнью 1791 года «La Marseillaise». Восторг молодежи трудно передать.

Продолжая свою дорогу с тем, чтобы пообедать в моем ресторане, я шел тихо, будучи весьма часто вынужден переходить баррикады, которые оставались в продолжение нескольких дней, ибо король и его министры все еще находились поблизости от Парижа. Министры надеялись, как говорили мне потом знакомые французы, что Россия вступится за династию Бурбонов, которые были ею восстановлены после ужасной республики и царствования Наполеона I-го. Все это оставляло Париж в недоумении.

Таким образом, приближаясь по улице St. Honore к ресторану м-м Chaillot и войдя в него, я увидел, что наша комната переполнена народом, и m-lle Justine, прислужница, во все стороны выкликивала вместо имен номера. Только и слышно было: «Г. № 17, что желаете?». Увидав меня и заметив, что я затрудняюсь, где сесть, она тотчас нашла и сказала: «№ 28-й, какой суп?». Это была моя личность. Зная, что я русский, она не могла удержаться, чтобы не сказать мне: «Не правда ли, французы молодцы и они не боятся ни русских, ни пруссаков?».

Отобедав, я отправился в Пале-Рояль, куда, как говорили, приехал с семейством дюк Орлеанский; при этом рассказывали, что для проезда его экипажа разбирались баррикады и затем вновь восстанавливались. В Пале-Рояле была бездна народа. В комнатах этого дворца видны были

богатые люстры, масса народа в залах, и все в партикулярных фраках; военных вовсе не было видно; огромный хор музыкантов стоял в саду и не переставая играл

«La Marseillaise», а несколько тысяч народа не переставали повторять слова этой музыки. Удивительно, что эта песня была Бурбонами строго запрещена, но народ в тайне ее знал наизусть, и это удивляло их.

В этот вечер, как скоро гимн окончился, тысяча голосов вызвали дюка Орлеанского. Он выходил на балкон с семейством и раскланивался во все стороны, а народ с неистовством кричал: «Да здравствует дюк Орлеанский!». Снимали шляпы и трясли ими в воздухе. Казалось, каждому было желательно, чтобы герцог видел его шляпу. Этим вызовам конца не было, как у нас для m-lle Patti¹⁶⁶ (1875 г.). Дюк Орлеанский был одет гражданином, в черном фраке и в белой пуховой шляпе. Уставши от шума и виденного восторга, который трудно описать, я возвратился домой.

Наши занятия в студии прерывались почти каждый день похоронами умерших от тяжелых ран. Покойника несли обыкновенно на носилках, украшенных зеленью, впереди бил барабан, несколько провожатых кричали встречному народу: «Господа, снимайте шляпы, это жертва свободы!». И все с благоговением волею-неволею останавливались и снимали шляпы. Этим покойникам конца не было по случаю обилия жертв, которые пали, защищая права конституции.

Некоторых убитых хоронили первое время поблизости от тех мест, где они пали. Таким образом случилось, что одно кладбище было в ограде Луврского дворца, и, проходя мимо, я увидел тут на могилах кресты и у могил в трауре молящихся на коленях дам; картина была трогательная. Возле могилы стоял гражданин с ружьем, ибо в это время службу отправляли граждане, военных же не было видно. Подходящим зрителям он говорил тихо: «Снимите шляпы, здесь покоятся жертвы свободы», – и всякий снимал шляпу. Все кофейни были постоянно переполнены народом, так как занятия и торговля совершенно приостановились, и народ всюду только напевал вновь сочиненный известным писателем Делавином¹⁶⁷ гимн, названный «la Parisienne», но республиканская «la Marseillaise» предпочиталась, и когда доходило до последнего куплета «Amour sacre de la patrie» и т.д., то заставляли присутствующих становиться на колена, и горе тому, кто воспротивится. Так продолжалось неделями это нерешительное время.

¹⁶⁶ Патти Аделина (1843–1919), известная итальянская оперная певица, гастролировала во многих странах мира, в т.ч. и в России.

¹⁶⁷ Делавинь Казимир Жан Франсуа (1793–1843), французский писатель, драматург, поэт, автор гимна свободы «Парижанка».

Я явился в наше посольство, имея трехцветную кокарду в петлице, узнать, что следует делать. Идя от посольства мимо дворца архиепископа, я увидел на площади ужасный беспорядок; на ней валялась бездна клочков обожженной печатной бумаги. Стараюсь узнать причину, мне говорят, что во дворце все переломано, библиотека сожжена, кажется, и церковной одежде досталось.

Трудно было узнать истину; о всех насилиях, причиненных в эти три дня, либералы старались молчать, чтобы не бесчестить народ, жертвовавший собою для достижения одной только свободы. И точно, при виде этой массы павших народ, бывший без работы, оставался, однако, спокоен; все восхищались удивительным его поведением, ожидая всеобщего грабежа, вышло же совершенно другое, а именно: равенство знати с простонародьем, богатства с бедностью. Все это время ученики лучшей в Париже школы, в коей находились дети из лучших семейств, шли на службу рядом с бедняком, получая равную с ним порцию хлеба; воткнув ее на конец своей шпаги, они шли с прочими гражданами занять свой пост. Только однажды случилось мне увидеть огромную массу простого народа, шедшего в порядке с барабанщиком впереди. Я узнал, что оставшись без работы и хлеба, они шли в главное полицейское бюро, «la Préfecture», с просьбою дать им, по крайней мере, кусок хлеба не столько для себя, как для голодного их семейства. Это навело на присутствующих страх, все боялись, что голод мастеровых и бедного класса вообще может повести к чему-либо худшему, к насилию и грабежу. Тотчас разосланы были из префектуры чиновники ко всем хлебопекам закупать весь испеченный хлеб, и так как его оказалось мало, то вновь пекли, так что некоторым раздавали горячий хлеб.

Я уведомил нашу Академию художеств о случившемся, испрашивая разрешения для дальнейшего пребывания в Париже, с которым я только что свыкся и который очень полюбил.

Посещая по временам театры после революции, народ дал обет по окончании первой пьесы, требовать от оркестра гимн «La Marsséillaise», и оркестр тотчас начинал. Занавес поднималась; на сцене видны были все актеры; затем слышался крик: «Вставайте!». Все зрители вставали, и начинался гимн; публика припевала, но при последнем куплете гимна раздавался новый крик: «На колени!» и весь театр опускался на колени. При этом всегда была история: либералы тщательно осматривали все места в театре, убеждаясь, все ли стоят на коленях, и непременно найдут кого-нибудь сидящим, тогда вся публика с угрожающим криком велит сидящему встать, но он не встает. Вновь все в один голос кричат: «Это верно англичанин». У сидящего в ложе открывается дверь, и к нему

входит французский гражданин, который ведет переговоры; оканчивается эта сцена тем, что англичанин оставляет свою ложу и уходит из театра, что и заставило меня уважать англичан прежде, нежели я с ними познакомился и начал уважать эту достойную нацию.

Только одни англичане держали себя в Париже как народ вполне независимый, и к этому достойному гордому народу французы не смели применять обидную для других наций поговорку: «Il n'y a que la France!»¹⁶⁸. Англичане на всяком шагу обижали француза своим независимым характером.

Весь народ был против духовенства, и к несчастью случилась ужасная история: один католический священник, француз, убил свою любовницу и, не зная, как скрыть преступление, изрезал ее на куски, уложил в мешок и, идя по набережной Сены, по частям бросал эти куски в реку и был застигнут полицией. Это вызвало во всех ужас и омерзение к духовенству. После революции это же духовенство начало делать сборы в пользу раненых, когда всякому французу было известно, что при падении династии Бурбонов их обуял страх, и они боялись опасных для себя последствий, вследствие чего и старались принять участие в бедствии народа. На третий день революции на углах улиц явились объявления от духовенства, в которых оно просило правительство исходатайствовать у папы дозволение французскому духовенству вступать в брак; французы, читая это объявление, смеялись, говоря: «Священство наше спешит испрашивать разрешение на брачную жизнь, а всякий из них имеет своих любовниц и, когда они им надоедают, то режут их!» – намекая на случившееся перед революцией, варварское происшествие, о котором я только что упомянул.

При погребениях не видать было сопровождающего священника; они обязаны были давать покойникам, убитым в июльские дни, лучшие места в церквях, которые в Париже подразделялись на три степени: возле алтаря, по середине церкви и, наконец, при входе в церковь. Каждое из этих мест имело свою плату. Хороня либералов, граждане без спроса духовенства ставили их на первом месте, что и утешало доброго француза, в коем мысль о равенстве вошла в плоть и кровь после ужасной республики 1793 года¹⁶⁹. Боже избави, толковать у них о том, что дочь полковника лучше дочери булочника, француз может придти в азарт за подобное предположение.

¹⁶⁸ Есть только Франция (фр.).

¹⁶⁹ Республика 1793 года – первая французская республика (1792–1804), существовала с момента свержения Людовика XVI и закончилась после объявления Наполеона себя действующим первым консулом.

Все мои думы клонились к тому, что как ни интересны были декорации, ежеминутно менявшиеся около меня в Париже, где мне пришлось видеть, как француз легко смотрит на жизнь и на смерть, но работа моя не подвигалась вперед, и я, страстно любя свое дело, с нетерпением ждал ответа от совета нашей Академии. В ожидании ответа явился указ из Петербурга: русским поданным, проживающим во Франции, оставить ее немедленно. Затем вскоре пришло и мне приказание от президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина оставить Париж и ехать в Лондон, к граверу Раймбаху¹⁷⁰. К сему приказанию было приложено письмо на имя нашего протоиерея Якова Ив. Смирнова¹⁷¹. Французов поразил полученный мною от нашей Академии приказ ехать в Англию. По их невежественному мнению об иностранцах, не зная ничего кроме своей Франции, многие из них говорили, что англичане более медведи, нежели русские.

Посетив же г-на Штейбена¹⁷², нашего земляка, человека образованного (это был сын директрисы Екатерининского института, баронессы Штейбен¹⁷³), я услышал от него совершенно другое мнение о Лондоне; он сказал мне, что Лондон изобилует множеством прекрасных вещей и что он радуется умному распоряжению нашей Академии. Г-н Штейбен, будучи вполне француз, правая рука знаменитого живописца Жерара, испугался царского указа: всем русским оставить Париж. Он не знал куда ехать. Я сказал ему, что в России все его считают французом, хотя Жерар и представил его Александру I-му как русского, и государь назначил ему содержание, кажется, на три года. Все это никому неизвестно. В это время в его студии имелась неоконченная большая картина «Мать Петра I-го защищает сына от ворвавшихся во дворец взбунтовавшихся стрельцов»¹⁷⁴. Сочинение показалось мне театральным, но мне никогда

¹⁷⁰ Раймбах (Реймбах) Абрахам (1776–1843), гравер, рисовальщик, почетный вольный общник ИАХ.

¹⁷¹ Смирнов (при рожд. фам. Линицкий) Яков Иванович (1759–1840), протоиерей при русской миссии в Лондоне, выполнял не только священнические, но и дипломатические обязанности. Особенно это проявилось в 1800 году, когда официальные отношения России с Великобританией были разорваны.

¹⁷² Штейбен Шарль (Карл Карлович) (1788–1856), барон, французский живописец, профессор, почетный вольный общник ИАХ.

¹⁷³ Штейбен Августа Вильгельмина (1765–1835), баронесса, смотрительница за классом рукоделия в Екатерининском институте.

¹⁷⁴ В 1827 году К.К. Штейбен написал картину «Эпизод из юности Петра Великого» (Царица Наталья Кирилловна защищает Петра от стрельцов, ворвавшихся в собор Троице-Сергиевой лавры), ныне полотно находится в музее города Валансьена.

не пришлось видеть эту картину оконченною; писана же она была, как казалось, для России.

Я забыл сказать, что дюк Орлеанский, желая снискать любовь своих подданных и выказать им равенство всех сословий, принял очень ласково явившуюся к нему депутацию рыночных торговцев (*de la Halle*), и это послужило поводом к тому, что все сословия начали ему представляться.

Наконец, явились к нам в студию молодые художники с известием, что в такой-то день и час следует собраться в академию. Мы с Людеритцом смеялись и говорили, что к нашей депутации пристанут все гуляющие французы, а гуляющих в Париже бездна. Так и случилось. Когда мы отправились в назначенный день в Академию, то собравшейся огромной массе народа подойти к академии не было возможности, и так как составлялся целый хвост желающих, то и мы к нему присоединились. После долгого ожидания процессия, наконец, двинулась. Путь от академии до Пале-Рояля был довольно длинный. Оглянувшись, мы увидели бесконечную цепь идущих попарно; к ней дорогою присоединялись другие жители Парижа, так что она составила не из сотен, а из тысяч народа.

Прибыв в Пале-Рояль, мы услышали, что еще рано, что дюку Орлеанскому представляется французская опера, ее певцы. Представившись, они проходили мимо нас, все во фраках; тут показали мне славившегося в то время в Париже певца m-r Nourrit¹⁷⁵, который окончил жизнь впоследствии самоубийством в Неаполе вследствие неудачного там дебюта в театре. На лестнице дворца мы видели, как работники сбивали с бурбонского герба молотком три лилии – герб Бурбонов. Мало-помалу стали мы подниматься, вошли в зал. Дюк Орлеанский был в полном мундире, в парике, сильно красный лицом, с довольно полным корпусом; возле него стояла его супруга, весьма бледная, и несколько детей, стоявших по годам и росту. Мы проходили и кланялись, дюк Орлеанский делал то же; войдя затем в другую комнату, где находились картины знаменитого живописца Жерико, прославившегося своею картиною в Лувре «Гибель корабля Медуза»¹⁷⁶, мы услышали, что нам следует отправиться в улицу Тетбу, где будет общее заседание художников для изменения штата Академии¹⁷⁷. Из любопытства и отправился: нахожу

¹⁷⁵ Нурри Адольф (1802–1839), французский певец, солист Гранд-Опера (1821–1837), во время революции 1830 года был на баррикадах и пел для восставших «Марсельезу».

¹⁷⁶ Жерико Жан Луи Андре Теодор (1791–1824), французский живописец, точное название картины «Плот «Медузы»» (1816, Лувр).

¹⁷⁷ Академия искусств была основана в 1803 году и объединила Академию живописи и скульптуры и Академию архитектуры.

большую залу, в которой места расположены амфитеатром, и на них восседает множество художников. С шумом был избран из их среды президентом м-г Charlet¹⁷⁸, известный художник мелких литографий сатирического содержания, но любимый в своей среде. Он от души смеялся своему выбору, тем более, когда ему пришлось занять президентское место с колокольчиком в правой руке. Ему дали секретаря м-г Vas, скульптора, которого художники не любили; он же и речь держал в присутствии Дюка Орлеанского, против чего художники также протестовали. Возле меня поместился мой товарищ по студии у Ришомма старик – шумила м-г Voïn, который порывался отвечать на каждое слово, но я удерживал его за фалды его толстого сюртука; он с досадою мне говорил: «Оставь меня, казак!». Сильный шум продолжается, многие кричат президенту, прося, чтобы он звонил и призывал присутствующих к порядку. Шарле с улыбкою звонит несколько раз, никто его не слушает, шум все усиливается; наконец, увидели, что толка не будет, объявили другой день для заседания; теперь же просили сделать сбор в пользу раненых. Деньги посыпались со всех сторон. Я отправился домой, видя, как напрасно я теряю тут день за днем.

Окна в магазинах разукрасились множеством карикатур на потерявшего свой престол короля Карла X; на всех гербах уничтожались три лилии; а портрет Карла X, писанный Жераром и украшавший вход в картинную галерею Лувра, был изрезан в виде лапши. Даже великое произведение Жерара «Въезд Генриха IV в Париж»¹⁷⁹ погибло бы, если бы ценители этого достойного произведения не удержали рук запальчивых либералов, а одна пуля уже попала в грудь Генриха IV¹⁸⁰. Картина сохранена потомству как редкое произведение французской школы.

Только что я ознакомился с Парижем, полюбил его веселый и добрый народ, познакомился с его языком, хотя его школа гравирования мне не нравилась и надоела своим, так сказать, деспотизмом, давая предпочтение почти одним штрихам перед самым делом, как приходилось оставить этот город. Сердце горевало, что приходится с ним расстаться и ехать в страну, о которой я имел понятие как о стране скучной и о народе самом гордом и неприступном. Следовало решиться. Я отпра-

¹⁷⁸ Шарле Никола Туссен (1792–1845), французский живописец, гравер, автор работ на темы наполеоновских войн, а также карикатур на французских дворян-эмигрантов, один из первых французских литографов.

¹⁷⁹ В 1817 году Ф. Жерар написал картину «Въезд Генриха IV в Париж в 1594 г.» (Лувр).

¹⁸⁰ Генрих IV Бурбон (1553–1610), французский король (1589–1610).

вился в посольство, дал знать в канцелярию о моем намерении, где мне ответили, что я мог оставаться в Париже после указа только две недели, но что как пенсионеру Академии, ожидавшему от Академии ответа, мне извиняют мое пребывание в Париже после указа целых шесть недель. Это замечание заставило меня торопиться. Я зашел повидаться с моим товарищем А.Я. Олещинским, и так как время было еще раннее, то я застал его в постели. Меня заинтересовал его сапог, он лежал у постели подошвою вверх, и на ней я увидел целую массу гвоздей, узорчато размещенных на подошве; рассматривая их, я увидел несколько рядов гвоздей, вбитых вокруг подошвы, а в середине ее вензель «А». Все эти гвозди имели выдающиеся вверх подошвы головки; взяв сапог в руки, я удивился его весу, Олещинский же заметил, что в Париже сапоги дороги, следственно, имея гвозди с выпуклыми головками, вы прежде ходите на головках гвоздя, когда же головки сотрутся, тогда только начинаешь изнашивать подметку. Мне чрезвычайно понравился этот экономический взгляд на ножную обувь и, отъезжая в Лондон, я заказал себе подобную пару, желая пощеголять французским шиком, который там верно заметят и будут восхищаться. Тут подумал я и о верхнем платье, зная очень хорошо, что Париж – столица вкуса. Я отправился в лучший магазин возле Пале-Рояля и просил показать мне платье английского вкуса, получил широкого покроя пару: фрак, цветной жилет и поверх всего этого желтоватого цвета пальто довольно толстого сукна. С этим готовым запасом я отправился домой; мои старички Logieux душевно грустили о моем отъезде. Во мне они находили маленького банкира, старик оставался мне должен 300 франков и плату их заменил двумя, тремя эстампами: теперь оставалось только выждать мои сапоги, наконец, они явились, и я с ужасом почувствовал их вес. Затем потребовалась осторожность, чтобы броненосные подошвы не испортили и не поранили в соседстве лежащих вещей. Благодаря Бога все уложилось. Я взял с собою рисунок св. Семейства и неоконченную малую доску портретов Рафаэля с Перуджино.

Простившись с моими сотоварищами по студии и с некоторыми друзьями, в числе коих были Олещинский и Людеритц, я собрался окончательно в путь в начале октября 1830 г., а так как я приехал в Париж также в октябре (1829 г.), следовательно, я пробыл в столице Франции ровно один год.

Вставши рано утром и взяв фиакр, или карету, мы отправились в обществе А. Олещинского и м-г Logieux к Пале-Роялю, где неподалеку находилась контора дилижансов, содержащая м-г Laffite et Gayard; с грустью посматривал я на улицы Парижа, к которым я уже привык, на

богатые магазины, на которые я так часто глазел, даже нечистота, валяющаяся возле них, казалось мне живописною. Мы подъехали к огромному двору с навесом, где стоял уже желтый тяжеловесный дилижанс, его осматривали болтливые кучер и фореитор в куртках с красною выпушкою, в лосинных натянутых панталонах с высокими ботфортами и клеенчатую шляпою с воткнутою трехцветною кокардою и судили и рядили о своем кормильце-дилижансе. В последний раз выпили мы с друзьями *café au lait*. Отъезжающие мужчины и дамы стояли уже около дилижанса: тут были – старуха англичанка, бывшая в замужестве за маркизом *le Loux*, кормилица из Пикардии¹⁸¹, статный англичанин и другие. Когда все уселись, началось сильное шелканье длинным бичом и затем наш возница тронулся. Маркиза поместилась в углу и ни слова не говорила, кормилица же, француженка, премило болтала и казалась с предобрым сердцем. До Кале¹⁸² езды было почти два дня. Дорогою, встречая пригорки, почтальон просил нас выходить из дилижанса для облегчения лошадям при подъеме в гору, тогда, идя пешком, мы познакомились. Этим путем я познакомился с статным англичанином, который, как оказалось, прожил пять лет в Германии и теперь возвращался в Англию; узнав, что я русский и могу с ним объясняться по-немецки, он обещался быть моим путеводителем до Дувра¹⁸³, а там должен расстаться со мною, так как путь его не лежал в Лондон. Он предсказывал, что мне будет очень трудно без знания английского языка, толковал о дороговизне в Англии, но утешал тем, что это будет только вначале, а затем «вы найдете наш народ не тем, коим к смеху каждого англичанина стараются описывать нас иностранцы», – говорил он, – «Вы едете на четыре года, так верно полюбите нас».

Подъезжая к Булони¹⁸⁴, я полюбопытствовал спросить у моей соседки как по-английски: «Да, нет или сколько». Она сказала: «Yes, no, how much». С этими тремя словами я вступил на независимую, свободную, богатую и ученую почву острова Великобритании. В Булони к нам явились матросы, осаждая наш дилижанс вопросами: «Кто желает быть сегодня же в Дувре?».

Мой спутник, англичанин, советовал мне идти с ним и отправиться с отходившим пароходом; заняв место, я страдал все время морскою болезнью и не знал, с кем еду и кто с нами. Подъезжая к Дувру, увидел я

¹⁸¹ Пикардия – провинция на севере Франции.

¹⁸² Кале – город во Франции, порт.

¹⁸³ Дувр – город и порт в Великобритании, знаменитый своими архитектурными памятниками XI–XII вв.

¹⁸⁴ Булонь – город и порт в западной Франции.

высокую скалу и на ней цитадель. Много англичанок в черных платьях, с продолговатыми шляпками, из-под которых выглядывали хорошенькие личики, стояли на берегу и поджидали знакомых, а многие уже встречали приехавших друзей. Мой спутник нанял мне носильщика, который и направил меня с моим чемоданом в таможеню. Надсмотрщик все подробно осмотрел, не пропустив ни малейшей части из моих вещей в чемодане. Тут досталось моей малой дощечке, на которой только что начата гравюра портретов Рафаэля с Перуджино¹⁸⁵; потребовалось оценить ее. На французском языке я объяснил ему, что она ничего не стоит, но, допрашивая меня, он заставил меня оценить ее в 25 франков, половину этой суммы я должен был заплатить пошлины. Затем он увидел сверток небольших ландкарт и оценил их вдвое против того, что они стоили, вследствие чего я их оставил в таможене, а он мне заметил: «При возвращении в Париж вы их найдете здесь в целости и можете тогда их взять с собою».

Когда я уложил все вещи вновь в чемодан, обращая особенное внимание на мои броненосные сапоги, мой носильщик, должно быть по инструкции, данной ему моим новым спутником, который на время оставил меня, когда мы сошли с парохода, привел меня в отличный французский отель, где половые были все французы; войдя в зало для посетителей, я удивился совершенно другой обстановке, нежели в Париже, несмотря на то, что меня отделяло от Франции, именно от Булони, всего несколько часов езды. Здесь было все как-то солидно. Посреди зала стоял добротного дерева большой, покрытый чистым сукном стол; на окнах висели тяжеловесные темного цвета занавеси, по стенам стояли солидные стулья, в углу как зеркало вычищенный камин с прибором. В камине симметрично были расположены куски каменного угля; они дают богатую теплоту даже в отдаленный угол комнаты. Как новичок в столь строгой и новой для меня стране я сел, выжидая моего спутника, в дальнем от камина углу, но чувствовал его теплоту. У камина сидело двое англичан, из коих одного нельзя было видеть из-за газеты, которую он читал; кроме кончиков сапога, вся его особа была скрыта от посторонних глаз огромным листом его газеты. Сидящий возле него англичанин, кажется, рассуждал или думал. Час спустя явился мой спутник; он что-то заказал камердинеру и в ожидании стал ходить взад и вперед по комнате.

Явилось чистейшее столовое белье, затем как будто серебром покрытые блюда, и когда сняли с них крышки, то показался пар и мы увидели

¹⁸⁵ В 1875 году ИАХ приобрела у Ф.И. Иордана гравировальную доску «Перуджино и Рафаэль».

отличный бифштекс с превосходным картофелем, затем был подан чай. Чувствуя себя усталыми, мы поднялись по лестнице, покрытой коврами, каждый в свою комнату для ночлега. И здесь я увидел богатство с примерно чистотою: всюду ковры, добротные занавеси и постель такого достоинства, что я не чувствовал, как уснул, и проснулся только утром.

Выйдя на улицу, я увидел небольшие дома, не оштукатуренные и все почти темные от копоти каменного угля; в окнах же чистейшие стекла. Наконец, вижу, можно сказать, царский экипаж с удивительно четверкой лошадей по две в ряд, с богатыми шорами и сбруей.

Любопытство заставило меня спросить у стоявшего возле меня камердинера: чей это экипаж, предполагая какого-нибудь лорда или богача. Мне просто отвечают, что «этот экипаж повезет вас через час в Лондон», что это почтовая карета. Можете себе представить мое удивление. В 9 час. утра, расплатившись в отеле, я сел на верхушку кареты, поджидая главного кучера. Лошади по две были прикрыты коврами; у каждой пары лошадей стоял конюх. Вижу, выходит барин в черной паре, с белым галстуком на шее, румяный и плотного сложения, садится на козлы; ему дают длинный хлыст в руку; песочного цвета шинель с многими воротниками прикрывает его ноги; он дает знак конюхам снимать ковры с лошадей, и оказывается, что этот господин и есть кучер экипажа, и лошади, едва почувствовав хлыст, тронулись с места. Мы ехали по дороге, гладкой как паркет, даже камешек не попадался под колеса; зелень же полей казалась бархатною тканью; города, которые мы проезжали, поражали своей опрятностью; стекла кажутся везде зеркалами, тротуары снежно-белые.

XI.

Мы проехали город Чатем¹⁸⁶; в гавани его было видно много кораблей, и вечером, при волшебном освещении длинных улиц газом и внутренности церквей многочисленными огнями, он произвел на меня сильное впечатление. Все это казалось мне какою-то торжественною иллюминациею. По просьбе моего бывшего спутника дилижанс высадил меня и других путешественников в улице Гей-Маркет, во французском отеле Жирардьё. Вопреки обычаям других стран размещать прежде иностранцев, хозяин хлопотал разместить англичан. Они при богатстве своем требуют удобств и охотно платят за дорогие комнаты; разместив их в лучшей части дома, остатки комнат назначают иностранцам.

¹⁸⁶ Чатем – город в графстве Кент в Великобритании.

Я попросил хозяина дать мне комнату подешевле, он преспокойно ответил: «Извините, мы это хорошо знаем» и дал мне маленькую комнату в верхнем этаже. Когда женщина пришла стлать мне постель, то я не мог понять, что она мне говорила, и мне стало ужасно грустно, думая, сколько я теряю понапрасну времени и что я теперь в Лондоне, как новорожденный, должен изучать язык, обычаи и на все это вновь терять время. И вот уже второй год, как я живу в чужих краях, а что я сделал? И я со слезами лег спать. Утром, вставши, я отправился вниз, где читают газеты, пьют пиво, завтракают и обедают.

В этой большой комнате поразил меня убийственный запах газа и каменного угля, с которым впоследствии времени я так сроднился, в начале же он мучил меня. Тут я познакомился с старым господином огромного роста, в парике с завитыми висками и с длинною косою. Одежда его, черная цветом, по покрою своему также была оригинальна. Узнав, что я иностранец, он начал со мною разговор на ломанном французском языке, заявил мне, что он североамериканец и был обрадован, услышав от меня, что я русский, называя наш народ и государя лучшими друзьями его отечества. Тут он рассказал мне, как Александр I¹⁸⁷, будучи избран судьей после последней войны Америки с Англиею, оправдал Америку¹⁸⁸. (В благодарность за это посредничество) поэтому счастливому случаю Америка готова поставить памятник нашему императору. Мы сделались друзьями, к сожалению, только на короткое время. Ему надобно было ехать, мне же искать квартиру где-нибудь в частном доме. В первый же день моего приезда я был удивлен большим стечением народа, который был так занят, что скорее бежал, нежели шел по улицам; удивился туману, столь густому, что среди светлого солнечного дня можно смело смотреть на солнце.

После веселого Парижа, с его разноцветными домами и тысячами всякого рода вывесок и украшений, я увидел здесь все небольшие кирпичные дома прескучного кирпичного цвета, без всяких вывесок и украшений; между чернью много скучной бедноты, в Париже и бедность весела. Париж как будто всегда весел, здесь же что-то тяготит вашу душу; в Париже начните только болтать, француз вас с удовольствием поддержит, здесь же спросите что-нибудь и вам, не останавливаясь, ответят: «Иди все прямо!». От всех этих замечаний первые дни моего пребывания в Лондоне я скучал и ожидал счастливого времени, когда я с ним более ознакомлюсь.

¹⁸⁷ Александр I (1777–1825), российский император.

¹⁸⁸ Независимость Америки была признана Великобританией в 1783 году.

Первый мой визит был к достопочтенному старцу православной лондонской церкви протоиерею Якову Ивановичу Смирнову. Я был принят им, можно сказать, как отцом родным, он начал знакомить меня с трудностями дорогой жизни в Лондоне и обещался выхлопотать прибавку к моей парижской пенсии, с которой, по его словам, трудно жить и заниматься в Лондоне. Про посланника, князя Ливена¹⁸⁹, он сказал, что мне его не видать, и что все дела учащихся и многих наших моряков переходят в его руки, и он им с первого же дня хлопочет о прибавке содержания, и его хлопоты не остаются безуспешны. «Надеюсь, и с вами то же будет», – прибавил он.

Я.И. Смирнов высокого роста, с акцентом малоросса Харьковской губернии, одет в черное платье старого в виде квакерского покроя; у него три почтенных лет дочери, совершенные англичанки, не пропускающие ни одной церковной службы, – и в русской церкви они стоят с книжками в руках, – и один сын, также средних лет, с подозрительным румянцем в лице и светлеющим красным носом, – кажется, любитель, как все англичане, хорошего портера, но он был ко мне, как и все его семейство, очень ласков. Смирнов обещался свести меня к Раймбаху и, когда настал этот день, Я.И. мне очень понравился, будучи одет лордом старых времен: в длинном фраке с фалдами, доходящими почти до пят, с пряжками на башмаках, в штиблетах, с низкою шляпою с большими полями и могучею большою палкою в руке с серебряным набалдашником.

Весь этот внешний вид внушал к нему искреннее почтение. Он шел тихо, описывая палкою круг, и при его почтенной наружности, с косою назад, с сильно напудренными волосами и с зачесанными висками он казался мне живым портретом голландской школы XVII века.

В Лондоне не имеется у домов ворот и дворов, как у нас, а ряд домов имеет двери на улицу с звонком в подземный этаж, куда звонит обыкновенно торговый народ. Принеся покупку, торговец звонит вниз, приходит прислуга и берет вещь; все прочие посетители, приходящие к хозяевам дома, стучат и звонят в другой звонок, который имеется у входной двери. Так и мы, пришедши к квартире г. Раймбаха, постучали и позвонили; явилась редкой красоты, с красными румяными щеками служанка и заявила нам, что г. Раймбах и все его семейство на водах в Рамсгейте¹⁹⁰ и не ранее как через месяц будут в городе.

Прискорбно было почтенному Я.И. Смирнову, особенно мне; тогда старец посоветовал мне в ожидании г. Раймбаха заняться изучением ан-

¹⁸⁹ Ливен Христофор Андреевич (1774–1838), светлейший князь, русский дипломат, генерал от инфантерии, посол в Англии (1812–1834).

¹⁹⁰ Рамсгейт – город в графстве Кент на востоке Великобритании.

глийского языка и отрекомендовал мне г. Вилькеса, некогда бывшего в России и знавшего русский язык. Не могу забыть первого его урока; поставя меня перед зеркалом, в котором я мог видеть свой язык, подпернутый к небу, он учил меня в этом виде произносить трудное английское th. После часового с ним упражнения, от трудной гимнастики произношения английских слов я устал, как после трудной работы, и у меня с час времени болел язык. Боясь получить на нем мозоль, я сократил часы уроков и тем успокоил свои опасения.

Меня удивляли нескончаемые дворцы в парке Регента (Regent Park)¹⁹¹, но, рассмотрев эти дворцы поближе, я увидел, что они состоят из многих домов, которые соединены под один общий величественный фасад. Это происходит следующим образом: лорд, владелец известного клочка земли, желает отдать его в аренду или сам строит, давая фасаду вид величественного дворца, и затем в нижнем этаже вы находите множество дверей, из коих каждая ведет в совершенно отдельную трехэтажную квартиру, составляющую частицу этого нескончаемого дворца, и это вас поражает, в этом парке, который весь окружен подобными грандиозными дворцами; в конце парка имеется превосходный зоологический сад с дикими животными, птицами, обезьянами и пр., все в здоровом виде, чисто плотно и с полным удобством содержимые; плата за вход в сад самая малая (шиллинг). Здесь вы найдете всегда избранное общество.

Ожидая приезда г. Раймбаха, я употребил с пользою это время: посетил Британский музей¹⁹², с его богатством древней скульптуры, осмотрел картинную галерею¹⁹³, в которой имеется между прочими богатствами по живописи картина Себастиано дель Пиомбо «Воскресение Лазаря», которую завистливый Микеланджело¹⁹⁴, сочинив для Себастиано дель Пьомбо¹⁹⁵, хотел противопоставить картине Рафаэля «Преображение Господне»¹⁹⁶; по моему слабому разумению обе картины составля-

¹⁹¹ Регент-парк (Риджент-парк) – один из самых популярных парков в Лондоне, создан по проекту Д. Нэша.

¹⁹² Британский музей – один из самых больших музеев мира был основан в 1753 году.

¹⁹³ Лондонская национальная галерея – основана в 1824 году, первоначально собрание галереи было крайне незначительно по количеству – около 100 картин (на 1831 год), ныне ее коллекция включает более 2000 экспонатов.

¹⁹⁴ Микеланджело Буонарроти (1475–1564), итальянский скульптор, архитектор, живописец.

¹⁹⁵ В 1517–1519 гг. С. Пьомбо создал картину «Воскрешение Лазаря», (Национальная галерея, Лондон)

¹⁹⁶ В 1517–1520 гг. Рафаэль создал картину «Преображение Господне» (Ватиканская пинакотека, Рим).

ют высшую славу итальянской школы, но Рафаэлю принадлежит, конечно, первенство.

Я восхищался Вестминстерским аббатством¹⁹⁷, где некоторые внешние и внутренние работы из камня поражают своей трудностью и вкусом и где твердый камень кажется легким узорчатым кружевом. Богатейшие памятники великим людям, оказавшим стране услуги на военном и гражданском поприще, говорят о них потомству в иссеченных из мрамора великолепных памятниках, поражающих своею громадностью и богатством. Тут лорд Чатам¹⁹⁸ и др. почивают в соседстве с Ньютоном¹⁹⁹, Шекспиром²⁰⁰, Генделем²⁰¹, Горроксом²⁰² и др. Тут почивает и Мария Стюарт²⁰³, ожидая при радостном всеобщем воскресении помириться с своею сестрою, великою Елизаветою²⁰⁴, которая ее смертью наложила неизгладимое пятно на свое славное царствование. В этом царстве холодной смерти и вечного покоя великие люди Великобритании продолжают жить, между тем как во Франции при жизни величают подвиги великих людей, а со смертью их весьма часто забывают и вам с трудом укажут иной раз их могилу. Из этого можно вывести заключение, что в живых, или при жизни, следует быть французом, а по смерти, чтобы жить в потомстве, следует быть англичанином.

Я посетил также огромный собор св. Павла, выстроенный на холме, прекрасной архитектуры Кристофера Рена²⁰⁵. Кроме строгой классической внутренности этого храма, он представляет собой Пантеон²⁰⁶ великих людей нового времени.

¹⁹⁷ Вестминстерское аббатство, точное название – Соборная церковь Св. Петра в Вестминстере, построена в 1245–1745 гг., место коронации английских монархов.

¹⁹⁸ Питт Уильям, Старший граф Чатам (1708–1778), известный английский государственный деятель.

¹⁹⁹ Ньютон Исаак (1643–1727), английский физик, астроном, механик.

²⁰⁰ Шекспир Уильям (1564–1616), английский драматург.

²⁰¹ Гендель Георг Фридрих (1685–1759), немецкий композитор, органист, значительную часть жизни работал в Лондоне.

²⁰² Точнее, Хоррокс Джереми (1618–1641), английский астроном, один из авторов теории движения Луны.

²⁰³ Мария Стюарт (1542–1587), шотландская королева (1560–1567), французская королева (1559–1560). В 1587 году была казнена в замке Фотеринтей, в 1612 году по приказу ее сына английского короля Якова I прах Марии Стюарт был перенесен в Вестминстерское аббатство.

²⁰⁴ Елизавета I (Английская) (1533–1603), английская королева (1558–1603).

²⁰⁵ Собор Св. Павла был построен архитектором К. Реном в 1675–1710 гг.

²⁰⁶ Пантеон («храм всех богов») – римский храм, построенный во II в. н. э., в 609 году был переосвящен как храм всех святых.

Тут почивают останки знаменитого адмирала Нельсона²⁰⁷, убитого при Трафальгаре; этому герою воздвигнут огромный памятник в несколько фигур, высеченных из белого мрамора. Многие другие адмиралы, как-то: Аберкромби²⁰⁸ и проч. Тут же лежат: ваятель Ноллекенс²⁰⁹ и живописцы – сэр Жосуа Рейнолдс²¹⁰, основатель английской школы живописи, сэр Томас Лоуренс²¹¹ и наш Джордж Доу²¹², написавший для Александра I-го портреты его сподвижников 1812 года под названием: «Военная галерея».

Понемногу я начал привыкать к английской кухне, которая совершенно противоположна французской. В английском ресторане комната разделена стенками вроде стойл, по бокам их находятся скамейки, прикрепленные к стенке. Является прислуга, и вы, не зная английского обычая обедать без супа, потребовав его, получаете что-то жидкое и, пропустив его в желудок, чувствуете такой огонь, что пугаетесь и ожидаете неминуемого воспаления от каенского перца, которым этот суп пропитан. Поэтому, приезжая в Лондон из Парижа, иностранцы по ошибке иной раз спросят супа, но, отведав две-три ложки, с ужасом от него отступают. Обыкновенное и вечное блюдо англичан составляет порция отличного ростбифа с чудным картофелем, поданная с большою опрятностью, и кусок честерского сыра, к ним 1/2 пинты²¹³ портера с элем. В веселый же день, и находясь при деньгах и хорошем аппетите, вы пожелаете еще яблочного пирога, также отлично испеченного и приятного на вкус. Эту роскошь позволяют себе иностранцы, англичане же изо дня в день довольствуются одним ростбифом с картофелем и полумерою пинты пива с элем. Признаюсь, этот немногосложный обед в сравнении с французскими пятью блюдами казался для меня сытнее, к тому же легкое

²⁰⁷ Нельсон Горацио (1758–1805), барон, английский флотоводец, вице-адмирал. В 1805 году был смертельно ранен при Трафальгарском морском сражении, в 1806 году его тело было погребено в соборе Св. Павла.

²⁰⁸ Аберкромби Джеймс (1706–1781), военачальник, главнокомандующий английскими войсками в Северной Америке в период Семилетней войны (1756–1763).

²⁰⁹ Ноллекенс Джозеф (1737–1823), английский скульптор, яркий представитель европейского неоклассицизма.

²¹⁰ Рейнолдс Джошуа (1723–1792), известный английский живописец, портретист.

²¹¹ Лоуренс Томас (1769–1830), английский живописец, президент Королевской Академии художеств в Лондоне.

²¹² Доу Джордж (1781–1829), английский живописец, в 1818–1829 гг. работал в России, где им были написаны портреты участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. для Военной галереи Зимнего дворца, почетный вольный общник ИАХ (1820).

²¹³ Пинта – 0,568 литра.

французское вино, будучи здесь заменено портером с элем, рождало в вас какой-то дух мужественности и силы; французский обед как поэзия, веселит вас, и вы с улыбкою и с каким-то удовольствием встаете из-за стола, английский же обед в виде тяжелой прозы, возбуждает в вас материальную, грубую силу: вы хладнокровно смотрите на окружающее, ничто вас не веселит. Встречаешь, бывало, иной раз премилых, позднего часа, девиц на главной улице Регента (Regent street), богато разодетых, с скромными манерами, коих дорогие шелка шумят на легкой фигуре. Вы смотрите на все тупым взглядом, чувства ваши вместо любви желают драки, и мне часто приходилось, возвращаясь домой, сжавши кулаки, без всякой причины бить стены домов. Придя к себе и взглянув на потолок своей комнаты, он часто казался мне не плоским, а круглым сводом.

Для иностранцев имеется здесь довольно ресторанов для всех наций. Приходилось иной раз обедать в итальянском ресторане и тут я встречал многих эмигрантов. Они, в крайней бедности и с задумчивыми скучными лицами, казалось, думали о своей обворожительной Италии, но горячие чувства молодости и плачевные последствия революции лишили их отечества, страны поэзии и искусства.

Так проходили мои первые дни в Лондоне; я встретил тут живописца, старика Боссе²¹⁴, весьма слабого по искусству, ибо он начал заниматься поздно, но он имел счастье написать портрет предобрейшей нашей императрицы Елизаветы Алексеевны; во время сеанса он высказывал ее величеству свою страсть к искусству и желание иметь поручение от правительства, разумеется, с хорошею платою, делать копии с лучших картин, рассеянных по всем галереям Европы. Боссе был добряк и говорил с каким-то увлечением. Это желание было передано императору, и по царской доброте Александр I-й дал на то свое согласие. И наш добрый ревельский уроженец Боссе очутился за границею; я забыл сказать, что встретил его еще до Лондона в Париже, где в Лувре он появлялся с шумом, разговаривал со всеми громко, как настоящий профессор, коего работами интересуется царская фамилия и которые будут служить оригиналами для академии художеств. Это счастливое для г. Боссе время длилось довольно долго. К несчастью, его копии стали прибывать в Петербург; их сначала размещали по разным казенным зданиям,

²¹⁴ Боссе Эрнст-Готгильф (1785–1862), живописец, профессор ИАХ, почетный член Академии Св. Луки в Риме, придворный живописец (1822–1832). Написал портрет императрицы Елизаветы Александровны, который был признан настолько удачным, что Э.-Г. Боссе был отправлен за границу для создания копий с картин Тициана, Гвидо Рени, Корреджо из собрания Дрезденской картинной галереи. Автор серии карикатур на Наполеона I и его армию.

наконец, князь П.М. Волконский²¹⁵ прислал их несколько в Академию, но Академия, найдя их слабыми, отказалась принять.

Это случилось именно в то время, когда Боссе был в Лондоне, куда он отправился вследствие указа, повелевавшего всем русским оставить Париж; как верноподданный, он переехал в Лондон, выжидая в качестве придворного живописца, не имеющего ничего общего с революцией, разрешения ехать обратно в Париж. К несчастью своему, он получил ответ, что правительство более не нуждается в его копиях и что он может, если пожелает, заниматься для собственного удовольствия; это крайне обескуражило его и поразило как громом, но, как умный труженик, он с малых лет умел ценить копейку, и этот отказ не застал его врасплох. Имея семейство – жену, двух сыновей и дочь²¹⁶, он дал им отличное воспитание и жил припеваючи. Иной раз он соболезнавал, что Академия лишилась его будущих копий и вместе с тем потеряла случай сделаться европейским музеем.

Я не переставал справляться в доме г. Раймбаха о его приезде: наконец, мне сказали, что он будет через два дня. Услыхав эту радостную весть, я посетил доброго Я.И. Смирнова и уведомил его о дне приезда г. Раймбаха, на что он мне сказал, что имел от него письмо и просил меня быть у него завтра утром. Числа не помню, но в назначенное утро я зашел к Я.И. Смирнову и мы отправились к Раймбаху.

Г-н Раймбах был малого роста, очень тучен и с короткою шеєю, с умными пронизательными глазами. Он принял нас очень ласково, прочел письмо от моего президента А.Н. Оленина и от Н.И. Уткина, долго разговаривал с Я.И. Смирновым. Я почти ничего не мог понять из их разговора, но старичок Я.И. перевел мне, что г. Раймбах давно не берет учеников, но благодаря тем письмам, которые он получил, и лестному обо мне отзыву как президента, так и моего профессора Уткина он принимает меня в свои ученики с платою четыре гиней в месяц, и что я буду работать возле него с 9 часов утра до 4 час. после обеда. Я с радостью поблагодарил его и просил назначить день моего поступления и начала работы. Я предполагал начать с понедельника, но он на это заметил:

²¹⁵ Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, министр Императорского Двора (1826–1852), в ведении которого тогда находилась ИАХ.

²¹⁶ Семья Э.Г. Боссе – Боссе Вильгельмина (урожденная Денемарк) (1787–1884), супруга Э.Г. Боссе, сыновья – Боссе Эдуард Эрнестович (1810–1859), живописец, сотрудник галереи Уффици, Боссе Гаральд Андреевич (Эрнестович) (1812–1894), русский архитектор, художник, профессор, Боссе Элиза Эрнестовна (1822–1877), дочь Э.Г. Боссе.

«Мы, англичане, ничего не начинаем с понедельника, сегодня пятница, так и начинайте с завтрашнего дня, с субботы». Я немедленно согласился; затем мы расстались и я проводил моего почтенного отца пропойцу до его дома в Welbeck street и искренно поблагодарил его.

На другой день, явившись в студию г. Раймбаха, я нашел ее более чем бедною; самая тесная комната, в которой стояла желтая ширмочка, вся в заплатах; на чудной его медной доске с начатой на ней гравюрою лежала всякая нечистота; слабый огонек в камине согревал его студию. Он был в длинной белой фланелевой куртке, с изношенными штанами и в туфлях. И это был наиизвестнейший гравёр, которого французы и итальянцы ставили выше всех гравёров; его умный взгляд и разговор показывал художника высшего образования. Он взглянул на приготовленную мною доску портретов и затем на мой рисунок св. Семейства, похвалил и сказал: «Доску с портретами вы оставьте у себя, начнем же с св. Семейства²¹⁷; закажите доску, может быть вы найдете ее готовую».

Я начал проводить контур, обзавелся инструментами, вообще готовился к работе, между прочим, я обратил внимание на инструменты моего профессора; все они не имели ни вида, ни достоинства, все было в его великом таланте. Взглянув на его работу, я удивился мастерству его резца, скорее живописного, нежели машинного. Открытая доска была полна пыли и грязи, на ней стоял самой простой работы деревянный шандал с двумя коротенькими, но толстыми свечами, на образец свечей, вставляемых в каретные фонари.

Раймбах познакомил меня с своими двумя сыновьями, еще детьми; старшего звали М. Девид, младшего Эммерсон. Девид был мальчик болезненный, много читал и был любимец отца. Дети объясняли мне все названия вещей на английском языке, сильно шумели в мастерской, устраивали горы, катались на них, и это очень утешало отца. В мастерской было три небольших окна; в среднем работал он сам, крайнее, по правую руку, было предоставлено мне; как мой стол, так и стол моего профессора и вся обстановка студии похожа была скорее на жилище ремесленника, нежели на студию знаменитейшего гравёра в Европе, которого (разные академии) считали честью иметь своим членом. Он был дик и ни с кем не водил знакомства, но был умнее и образованнее всех членов английской академии.

Признаюсь, я начал сомневаться, выучусь ли я чему-нибудь у сего великого художника. Мне казалось за правило, что великие люди мало

²¹⁷ Ф.И. Иордан выполнил рисунок к будущей своей гравюре с картины Рафаэля «Святая Фамилия» в конце 1830 – начале 1831 года.

имеют терпения следить за слабыми учениками, того более за иностранцами. Г-н Раймбах полюбил меня, и все часы ученья проходили в разговорах на французском языке. Он удивлял меня своей ученостью; из книжки²¹⁸, в которой он впоследствии описал вкратце свою жизнь, я узнал, что он происходил из швейцарского семейства. Отец его был содержанием ресторана в Лондоне; маленький Раймбах много миниатюрил портреты, был страстный любитель театра и помещал в журналах свои критики; он поступил в ученики к известному гравёру М. Hall²¹⁹ и женился в Париже на красавице m-lle Vestris; все семейство Vestris отличалось красотой. Я застал m-me Раймбаха еще очень красивою, но имевшею уже взрослых детей, и, несмотря на это, мой почтенный профессор, казалось мне, был еще ревнивым мужем; к сожалению, она была слаба здоровьем, и вообще, я не считал этот брак совершенно счастливым, потому что по умственному развитию она стояла гораздо ниже своего мужа, что нередко давали ей чувствовать даже дети, и это втайне огорчало меня. Продолжая заниматься, молодой Раймбах обратил на себя внимание знаменитого живописца шотландца сэра Дэвида Уилки²²⁰, который, увидав гравюры Раймбаха, был ими восхищен и дал ему гравировать свою картину «Деревенские политики»²²¹ (картина, имевшая огромный успех на выставке в Лондоне). Раймбах, гравировавший до сего времени малые гравюры для разных изданий, получив этот заказ довольно крупных размеров, должен был много над ним потрудиться. Эта гравюра представляет верх совершенства: удивительная верность экспрессии, правильность рисунка при должном эффекте поражает всякого редким исполнением и законченностью всех частей гравюры. С сей гравюры Раймбах начал заниматься гравированием с картин Уилки и продолжал до конца жизни своей, в 1840 году²²².

В начале моих у него занятий профессор советовал мне переехать поближе к его дому и заняться изучением английского языка. В улице, где жил г. Раймбах, № 10 Barren str., был пансион, называемый в Англии Board and Lodging House, где можно было жить, иметь стол и быть все-

²¹⁸ Raimbach A. Memoirs and recollections of the late Abraham Raimbach. – London, 1843.

²¹⁹ Холл Джон (1739–1797), английский гравёр.

²²⁰ Уилки Дэвид (1785–1841), шотландский живописец, автор картин на исторические и бытовые темы, портретист, член Королевской академии художеств в Лондоне.

²²¹ В 1806 году Д. Уилки написал картину «Деревенские политики» (собрание графа Мэнсфилда, замок Скоун, Петршир (Шотландия)).

²²² Раймбах умер не 1840 году, а в 1843 году.

гда в английском обществе за небольшую плату понеделно. Такой пансион с платою одну гинею или 21 шил. в неделю содержался почтенною дамою m-me Love. Он был для меня удобен, и я вскоре туда переехал. Признаюсь, я нашел там премилое общество, состоявшее большею частью из пожилых девиц; в числе их была приятельница семейства г-жи Раймбах, старая девица Сарра Смарт, лет 45-ти, дочь миниатюрного живописца²²³, который жил и работал долгое время в Индии и оставил ей пожизненной пенсии около 60 фун. стерл. Девица эта была отлично воспитана и по дружбе к семейству Раймбах была мне очень полезна в английском языке.

В пансионе время проходит очень приятно: к утреннему чаю собирается не все общество, ибо пансионеры, старые девицы, встают поздно и, не исправив следы приближающейся старости, завтракают в своей комнате, — мне же с другими пансионерами дают утром завтрак, состоящий из чашки чая с особенным теплым аладышем (он называется по-английски *mutin*), намазанным маслом, или чай просто с белым хлебом, мастерски нарезанным ломтиками толщиной в почтовый лист, подернутый маслом.

Наш земляк, г. Протопопов, бывший гувернером у детей нашего посланника в Лондоне, пришел ко мне однажды вечером на чай, сложил этих ломтиков шесть штук вместе и, перегнув их посередине, в два приема спустил их в свой желудок к удивлению всех пансионеров и пансионеров.

В 10 часов я отправился работать; Раймбах старался от меня узнать описание каждой пансионеры, ибо пансионеров у m-me Love было мало и то большею частью приехавшие на короткое время иностранцы. А пансионеры были большею частью интересны, особенно молодые иностранки, у которых были всегда знакомые мужчины и к тому же благодетели, чему Раймбах от души смеялся. В 4 часа подавался обед, являлась хозяйка m-me Love, дама 65 лет, бедновато одетая в черном и в чепце, со всеми здоровалась; она более всех боялась девицы Smart, которая строго осматривала изготовленный обед, жаркое с картофелем, особенно же доставалось от m-lle Smart сыру, который подавался обыкновенно очень старый, поэтому все брали его самый маленький кусочек, таким образом, ему конца не было; m-lle Smart, уловив минутку, когда старушка выйдет, искрошит бывало весь кусок на части по числу сидящих за столом и просит каждого взять кусок и бросить в форточку, тогда старушке приходилось покупать новый сыр. После обеда сади-

лись к камину и тут начиналось практическое обучение английскому языку; в 6 1/2 час. подавали чай и хлеб с маслом, а в 9 час. вечера легкий ужин, состоявший из куса сыра и хлеба с маслом; в 10 1/2 час. ночи все прощались и, взяв свою свечу, каждый отправлялся в свою комнату. В воскресный день за обедом являлся *gooseberry pie*²²⁴; я его очень любил, но той сладкой зелени, которою ее начиняют, в России я не видал.

Настало время конкурса для получения права по вечерам рисовать с натуры в тамошней академии художеств, *Sommerset House*²²⁵; следовало для конкурса нарисовать с гипса фигуру. С большими неудобствами и с слабого слепка гипса нарисовал я в студии у Раймбаха фигуру Атласа и был принят. Мне хотелось не столько рисовать, сколько узнать тамошние порядки и познакомиться со студентами, их характером и успехами в рисовании. Академия художеств (*Sommerset House*) отстояла от меня очень далеко и ходить в вечерние классы при ужасной слякоти, в зимнее время и при тумане, который бывает иной раз такой густой, что пред собою ничего нельзя разглядеть (было не особенно приятно). В Лондоне все закопчено и черно. Войдя в *Avantsale* академии, я встретил молодых людей скромных, одетых чисто; всюду царствовала тишина. Меня удивило, что молодые студенты, едва начавшие рисовать, имели уже заказы на картины.

Художества могут процветать только в богатых странах, в чем я убедился, прожив почти четыре года в Лондоне. Насчет рекомендательных писем я могу сказать, что в Германии и во Франции они заставляют терять много времени, не принося никакой пользы; в Англии же приобретаешь в рекомендованной вами особе, в незнакомой вам личности — друга, который все готов для вас сделать.

Так, однажды я оставил в одном доме в Лондоне привезенное мною из Парижа рекомендательное письмо, и вот не прошло и часа, как явился ко мне из этого дома господин. Удостоверившись в моей личности, он спросил меня, в чем может он быть мне полезен. Затем получаю приглашение на обед; на обеде встречаю между приятелями хозяина много художников, которые со мною познакомилась в Англии.

Продолжая заниматься у Раймбаха среди многих неудобств, причем он относился ко мне, весьма снисходительно, я учился, главным образом, смотря на его работу, и меня удивляла смелость, с которою он работал, предварительно обдумав хорошенько вещь и затем уже приступая к

²²⁴ Пирог с крыжовником (англ.).

²²⁵ *Sommerset Hall* — административное здание, построенное по проекту У. Чеймберса в 1776—1786 гг., в нем располагались государственные учреждения и научные общества, в т.ч. Королевская академия художеств.

²²³ Смарт Джон (ок 1740—1811), английский художник-миниатюрист.

работе. Кроме того, меня радовало, что на наше искусство английские граверы не смотрят как на искусство машинальное, но стараются, при крайней тщательности работы, придать ей живописные достоинства. Молодой гравер, получая работу, получает в то же время и рекомендацию к художнику и обязан, окончив свою работу, показать ее рекомендованному живописцу, а тот, как художник, ставя ни во что сделанную с большим трудом гравюру, делает по поводу нее свои замечания, мучает ими гравера долгое время, пока напишет на оттиске «approved», удовлетворительно, и тогда только, когда оттиск снабжен этою надписью, гравер получает заказную плату. Но и тут заказчик не заплатит прежде, нежели не отпечатает гравюру и не удостоверится, что представленный ему оттиск не был заправлен тушью, что так часто делают граверы других стран и чего в Англии они совершенно не знают, поэтому английские гравюры и отличаются своею оконченностью и ровностью оттисков.

Я заметил из разговора с г. Раймбахом, что он намерен остаться в Лондоне последний год, чтобы докончить только заказ от богатого дома m-г Moon, Boys and Graves гравюру с картины Уилки «Околодочный надзиратель», которою я всякий раз восхищался, рассматривая ее в студии Раймбаха: в воскресный день итальянцы — муж, жена и сын не зная английского языка, что в этот день запрещаются все представления, вышли с медведем, обезьяною и собакою, чтобы заработать себе хлеб насущный. Их поймал околодочный надзиратель, полонил и привел к тюрьме; мальчишки над ними смеются, итальянцы же, не зная ни законов, ни языка страны, с запальчивостью, пантомимою стараются доказать свою невиновность, околодочный же надзиратель, зная свой закон, преспокойно ведет их в тюрьму; таков сюжет картины, которою, как я уже сказал, я ежедневно восхищался. Окончив эту гравюру, Раймбах оставил Лондон и переселился в Гринвич²²⁶.

В Англии принято смотреть на Лондон как на город труда, выгодный для заработка капитала для предстоящей старости и обеспечения семейства. Как скоро лондонский труженик обеспечил себя и свое семейство, он оставляет город и селится или в провинции, или на окраинах города Лондона. Следуя этому обычаю, и г. Раймбах, работавший с редким прилежанием и успехом, как мне говорили, ежедневно с 6-ти час. утра до 11 час. вечера, не признавая никаких праздников, составил себе капитал около полумиллиона франков, так что его считали самым богатым гравером. Даже в первый день Рождества Христова, который почитается

²²⁶ Гринвич — предместье Лондона, где располагается известная Гринвичская астрономическая обсерватория.

великим праздником для всякого англичанина, где бы он ни жил, я заставлял Раймбаха за работою.

Предчувствуя, как я уже сказал, его скорый отъезд, я пробыл у него год и затем просил его позволить мне, работать дома, на что он с удовольствием согласился, обещая остаться моим другом, что он и исполнил. Я обедал у него всегда в первый день Рождества, что случается у англичанина в исключительных случаях, по родству или по искренней дружбе, мне же он делал, я уверен, это удовольствие как иностранному гостю; кроме того, он желал знать мои замечания о лондонской жизни.

Поселившись в своем одиночестве, я очень скучал, и Богу угодно было неожиданно обрадовать меня своею милостью, которая разом изменила мою жизнь. Имея письмо от г. Ришомма к г. Паю²²⁷, известному английскому пейзажному граверу, я совершенно забыл об этом письме. Ришомм ожидал ответа от г. Пая, он же начал разыскивать меня и, найдя, сделал мне выговор, говоря: «Если правительство прислало вас в Англию, значит, оно нашло, что ее художники могут послужить вам в пользу, а вы дичитесь и живете замкнутою жизнью. Человек создан для общества, живя среди него, вы несравненно больше научитесь, выслушивая взаимные советы, иначе вы будете походить на человека, который отыскивает улицу и, не желая спросить у проходящих, не желая ни с кем посоветоваться, будет в десяти шагах от нее, будет блуждать и терять напрасно время, спросивши же, он бы тотчас был на месте».

Мне это чрезвычайно понравилось. Он дал мне свою карточку и адрес друга своего, отличного человека и гравера Джона Гейнри Робинсона²²⁸. Г-н Робинсон жил недалеко от меня и я, отправляясь к нему, желая одеться как можно чище, надел свои парижские сапоги. Робинсон жил совершенно как английский джентльмен: отличная квартира в бельэтаже, богатая мебель, пол был покрыт превосходными коврами. Это был человек лет под сорок, с доброю наружностью. Начались разговоры о Париже, о славных трех днях революции, и я, в восторге от встречи с англичанином-гравером, с которым мог побеседовать по душе, вспомнив все виденное мною в Париже, начинаю с жаром толковать, сильно действуя ногами и руками, забыв, что у меня на ногах парижские, с большими гвоздями, сапоги; хочу передвинуть ногу и чувствую, что ноги мои сильно впились в превосходный ковер, именно в том месте, где был

²²⁷ Пай Джон (1782–1874), английский гравер, историк искусства, член Института Франции, почетный вольный общник ИАХ (1832), известен своими работами с картин Тернера.

²²⁸ Робинсон Джон Генри (1796–1871), английский гравер, автор эстампов, исполненных линейной манерой.

выткан розан. К моему счастью, г. Робинсон вышел в другую комнату; этим отсутствием я воспользовался: взяв каждую ногу обеими руками, я едва мог высвободить их из ковра; узор ковра был попорчен, а из-под сапога высовывалась разноцветная шерсть в виде бороды, которую по выходе на улицу я с трудом вырвал. Затем не помню, что случилось с этими сапогами.

Такое же происшествие случилось и с моим желтоватого цвета, пальто, которым я старался запастись при отъезде из Парижа в Лондон. Наглядевшись вдоволь во время моего путешествия на англичан как в России, так и во Франции и найдя, что ими предпочитается для верхней одежды песочный цвет, я купил в Париже, как мною уже было рассказано, пальто песочного цвета. Посещая ежедневно студию г. Раймбаха, я считал себя вполне счастливым, что являюсь к нему в довольно аристократическом виде, имея настоящее английское пальто, сшитое с французским шиком. Одевая его, вытягивая и нарочно ради хвастовства поправляя долгое время воротник, я старался выказать тем самым свое уважение к дому. Когда я был в пальто, я имел всегда самодовольный вид. Но, о Боже, как я был разочарован, когда в один прекрасный день по окончании моих занятий г. Раймбах, прощаясь со мною, покраснев, сконфуженным и тихим голосом, как другу, начинает делать мне свои замечания о моем песочного цвета пальто.

«Извините, мой друг, г. Иордан, вы должны знать, что в Англии много значит одежда и ее цвет. По платью люди замечают здесь, кто к кому ходит и какого он сословия».

Боже мой, я слушаю его и не могу предугадать, к чему идет речь.

«Видите, г. Иордан, вы ходите к нам в пальто песочного цвета, этот же цвет есть цвет верхней одежды наших извозчиков».

Можете себе представить, его последние слова были для меня сильнее громового удара. Я начинаю извиняться в столь неожиданной ошибке и радовался, что узнал причину какой-то грусти, с которою смотрел на меня г. Раймбах, когда я перед ним, можно сказать, хвастался моим чудным пальто; теперь же оказалось, что песочный цвет — цвет кучерский; в Англии всякий модный цвет держится до тех пор, пока низший класс не начнет его носить, тогда гордая аристократия тотчас его бросает, единственно потому, что средний и низший классы нашли его удобным во время путешествия во избежание пыли; тогда аристократия избирает серый цвет и т.д., что и было объяснено мне англичанами.

Как я уже сказал, г. Пай вывел меня из затворничества, ибо, посещая г. Раймбаха и видя его всегда за работою, обходившегося без знакомства, я последовал было его примеру.

Теперь же я был знаком с г. Паем, Робинсоном, через них познакомился с Самуэлем Козенсом²²⁹, знаменитым гравером с портретов сэра Томаса Лоуренса *a la mezzotinto*, с известным гравером Джорджем Доу, с Гомфрисом²³⁰, с богачом и покровителем граверов Крукшенком²³¹ и др. В это же время приехал из Парижа мой друг, пенсионер берлинской академии Густав Людеритц и пенсионер голландского правительства Демар. Жизнь моя изменилась; даже лондонский туман не казался мне более так скучен и темен, я начал узнавать короче англичан.

Тут случился годовой обед для составления капитала художников (Artist Fund Society). Подписная цена на этот обед была одна гинея, нам же, троем граверам России, Пруссии и Голландии, прислали даровые билеты. В фримесенском огромном зале обедало 250 человек. Не помню имя лорда председателя. Обед был блистательный, говорилось бездна речей, в которых и мы, гости, были упомянуты по случаю того, что иностранные державы начинают присылать своих художников для усовершенствования их в гравировальном искусстве. Когда все порядком подпили, явились печатные листы для пожертвований и я, будучи в веселом настроении при виде всего окружающего и с головою, отуманенною парами вина, особенно английского, которое сильно разбавают спиртом, советовал моим товарищам подписаться по две гинеи каждому, т.е. одну гинею за даровой обед и вторую гинею в пользу капитала художников. Они согласились, думаю, также под влиянием винных паров. Это единственный раз, что я был не в своей памяти. У англичан есть обычай, когда пьют вино за здоровье друг друга, то, приметив, что знакомый смотрит на вас, вы, держа рюмку с вином, как бы далеко он ни сидел, киваете ему и дотрагиваетесь слегка губами до рюмки с вином, он делает то же. Будучи на подобном торжественном обеде в первый раз и имея пред собою целую бутылку хереса и порядочное число знакомых, которые все присутствовали на этом обеде и, по обычаю страны, кивали головою, смотря на меня, и дотрагивались до своих рюмок, я вместо того, чтобы только коснуться губами вина, выпивал каждый раз всю рюмку. При окончании обеда, признаюсь, мне трудно было встать с места. Но все кончилось без всякой беды.

Г-н Людеритц прожил в Лондоне около трех месяцев. Он поместился

²²⁹ Скорее всего имеется в виду Коусен Джон (1804–1880), английский гравер, известен своими работами с картин Тернера.

²³⁰ Вероятно, имеется в виду Хамфрис Уильям (1794–1865), американский гравер, иллюстратор книг, который в 1823–1843 гг. жил в Англии.

²³¹ Крукшенк Джордж (1792–1878), английский иллюстратор книг, карикатурист, издатель «Комического альманаха» (1835–1853).

у m-me Love; его все полюбили. Я познакомил его с г. Раймбахом. Расставшись с Людеритцом по отъезде его в Берлин, я начал скучать, — казалось, я лишился брата, я опять одичал, не будучи охотником ходить в гости. Однажды, в столь скучный для меня день, хотя на дворе стояла прелестная октябрьская погода, поработав, я отправился в поле, в местечко, называемое Примроз Хил (Primrose Hill)²³², тут встречаю гуляющих гг. Пая и Робинсона. Они заметили мою грусть, и на их вопрос я объяснил им, что одиночество губит меня и что я желал бы, если можно, найти себе собеседника. Вдруг г. Робинсон говорит:

«Завтра я еду на три месяца в провинцию; квартира у меня большая; я человек одинокий, — чем ей стоять пустой, переезжайте ко мне и располагайтесь в ней, как вам заблагорассудится; там вы найдете женщину, которая вам будет прислуживать и, если пожелаете, будет готовить кушанье. Когда же я возвращусь домой и вы найдете квартиру удобную, то мы переговорим, и я вам предложу самые доступные условия». Не знаю, что я почувствовал при этих словах, радости моей и благодарности не мог ему довольно высказать, зная всеобщее к нему уважение; к тому же г. Робинсон имел вид вполне благородного человека с манерами настоящего джентльмена и к тому же жил в самом здоровом и спокойном квартале под названием Morninston Place, № 24 — так назывался ряд домов, стоявших между двух полей.

«Это редкий для вас случай», — сказал мне г. Пай, — «И вы старайтесь оправдать доверие к вам г. Робинсона. Мы не любим помещать в свои квартиры чужих, и вы, редкий счастливец».

Слова г-на Пая были пророческие. На другой же день я переехал на новую квартиру, которая после моего двухгодичного пребывания в Лондоне показалась мне очаровательным помещением. Г-н Робинсон занимал два этажа, первый и второй; в каждом этаже, как во всяком доме в Англии, было две комнаты: одна на улицу, другая во двор. Пред окнами на улицу находилось прелестное поле с пасущимися на нем коровами. Он нанимал часть дома от г. Вейта. В ожидании приезда г-на Робинсона, я посетил выставку картин и разных древностей, принадлежащих одному из братьев Наполеона I-го²³³, где мне понравилась картина живописца Чиголи «Божья Матерь, оплакивающая смерть Спасителя»²³⁴. Я просил позволение сделать с нее рисунок, на что смотритель, итальян-

²³² Primrose Hill — парк на севере Лондона.

²³³ Наполеон (Наполеон Бонапарт) (1769–1821), французский император.

²³⁴ Чиголи (Карди Лодовико) (1559–1613), итальянский живописец и архитектор, его картина «Плач над телом усопшего Спасителя» (1599) находится в Художественно-историческом музее (Вена).

нец, с удовольствием согласился. Картина эта состояла из двух голов: Спасителя и Богородицы, оба поясные изображения.

Я посещал также картинные галереи, оканчивал «Св. семейство» с Рафаэля²³⁵ и часто вспоминал о невозвратимой утрате моего ангела, возлюбленной моей родительницы, весть о кончине которой постигла меня неожиданно еще прошлого года; я узнал об этом горе из письма моего товарища и затем от нашего родственника А.Ф. Брейтгорна, который долго не сообщал мне о ее кончине, боясь огорчить меня. Я много плакал и, бросив работу, пошел за город и там, в одиночестве оплакивал свою потерю. Много думал я об оставшейся в полном сиротстве любимейшей моей сестре Анне, которая жила в Павловске гувернанткой у полковника Биппена. Что делать, всякой грусти бывает конец, особенно приходится примириться с утратой добродетельной матери, которая всегда была слаба здоровьем и имела уже под 70 лет. Да почиет святая твоя душа до общего радостного утра! Мир твоему праху и вечная память!

XII.

Прошли, наконец, эти желанные три месяца, и мой незабвенный друг г. Робинсон возвратился. Он был очень доволен, что я, ознакомившись с обстановкою, считал себя все время его отсутствия совершенно счастливым. Первый этаж служил нам мастерскою; взяв окно для себя, г. Робинсон другое предоставил мне. Эти две комнаты были украшены эстампами и уставлены превосходною мебелью, во всем соблюдался удивительный порядок и чистота. После мастерской Раймбаха, казавшейся мне всегда мастерской ремесленника, здесь я был всем очарован, глазам не верил происшедшей перемене. Во время работы г. Робинсон давал мне самые дельные советы, и я начал ясно видеть свои недостатки, тогда как у доброго г. Раймбаха все было хорошо, затем между нами велись и совсем отвлеченные разговоры. Попад в эту согласную с моим характером обстановку, я так полюбил работу, что не знал ни одного праздника, в которые г. Робинсон, по обычаю страны, не работал, но мне не мешал.

Наш день разделен был следующим образом: около 9-ти часов мы начинали работать; в час был легкий завтрак из хлеба, сыра и масла; в 3 часа оставляли работу и делали часовую прогулку; в 4 часа обед из куска ростбифа, телятины и т.п. с картофелем и кусок сыра. Г-н Робинсон при огне не работал, я же зажигал лампу и работал до 8 часов, затем подавали чай с хлебом и маслом, затем толковали, пили иной раз грог,

²³⁵ В 1833 году Ф.И. Иордан создал гравюру с картины Рафаэля «Святая Фамилия».

причем г. Робинсон курил всегда отличную сигару. За работою, с утра, следовало быть всегда чисто одетым; в 10 часов вечера мы ложились спать. Наша спальня состояла из двух комнат, расположенных как и (все-гда) в первом этаже. Моя спальня выходила окнами на улицу, куда являлось очень рано солнце, почему в этой комнате Робинсон не любил спать, я же очень был доволен, так как, благодаря этому, мог ранее вставать и поработать еще до 9 часов утра, к которому часу спускался в мастерскую г. Робинсон. Все, что я усвоил себе в деле гравирования, всем обязан я его добрым и правдивым советам. Оставя в стороне его практическую частную жизнь, она была так безукоризненна и благородна, что он мог смело служить примером для тех тружеников граверного искусства в его время. Я тем более был счастлив, что в мое время пребывания в Лондоне в нем жили лучшие граверы последних годов: два брата Финден²³⁶, Рид, Бернет²³⁷, Бромли²³⁸, Раймбах, лучший гравер, так же как и Робинсон, Коусенс, Доу²³⁹, Вайатт²⁴⁰ и многие другие. Некоторых не могу припомнить, но все они уважали Робинсона.

У него я кончил «Св. Семейство», также портреты Рафаэля с Перуджино, на стали выгравировал сюжет знаменитого английского живописца Хогарта «Леность и старание»²⁴¹, выгравировал малый портрет английского капитана, умершего в Индии²⁴² для г. Коузенса и почти окончил с Чиголи гравюру: «Богородица с Христом»; доску эту я потерял на Рейне. Господин же Робинсон награвировал, как истинный художник, превосходный портрет Вальтера Скотта с картины сэра Томаса Лоуренса²⁴³, — портрет, написанный для коллекции великих людей и помещенный в Виндзорском замке²⁴⁴.

²³⁶ Финден Эдвард Френсис (1792–1857), английский гравер и Финден Уильям (1787–1852), английский гравер, портретист.

²³⁷ Бернет Джон (1781 или 1784–1868), английский живописец, гравер.

²³⁸ Вероятно, Бромли Джон Чарльз (1795–1838), английский гравер, работал в технике меццо-тинто.

²³⁹ Доу Генри-Эдуард (1790–1848), английский гравер, в 1824–1827 гг. работал в России, гравировал портреты участников войны 1812 года, созданные его дядей Г. Доу, получил звание «назначенного» ИАХ.

²⁴⁰ Точнее, Уайет Генри (1794–1840), английский живописец, портретист, в 1825–1834 гг. жил в Лондоне.

²⁴¹ Имеется в виду работа У. Хогарта «Леность и старание» (1747), гравированная Ф.И. Иорданом в 1833 году.

²⁴² Портрет неизвестного капитана, гравюра Ф.И. Иордана (1833).

²⁴³ «Вальтер Скотт», портрет работы Т. Лоуренса, с которого Д.Г. Робинсон в 1833 году выполнил гравюру на стали.

²⁴⁴ Виндзорский замок — резиденция британских монархов, находится в городе Виндзоре, построен в XI веке.

В то время, когда я приехал в Лондон, парижская революция дала Лондону живой пример работать для получения реформы в его конституции²⁴⁵, существовавшей со времен Кромвеля²⁴⁶ и требовавшей изменения. Веллингтон²⁴⁷, как первый министр, удерживал короля Вильгельма IV²⁴⁸ от этого шага, но лорд Грей²⁴⁹ восторжествовал, и среди всеобщей радости и богатой иллюминации билль реформы был принят. Во время происходивших прений народ два раза разбивал чудные стекла во дворце лорда Веллингтона²⁵⁰. Много было также шума по поводу обзаведения в улицах Лондона, по мысли сэра Роберт Пиля²⁵¹, постоянной полиции, в чем народ находил стеснения своей личной свободы, со временем же оказалось, что народ благословлял эту меру, и она послужила примером для всей Европы.

Итак, блаженствуя последние два года в Лондоне, имея квартиру и общество у моего незабвенного друга и наставника, я начал готовиться к отъезду в Италию, тем более, что и г. Робинсон жаждал вкусить отдых в здоровом климате своего родного края, в Стаффордшире²⁵², где он имел влиятельных друзей. Климат Лондона, его сырость, вечный туман и убийственный запах от каменного угля и миллионов газовых рожков, которым пропитаны небо и земля в Лондоне (производят удручающее впечатление). Иной раз поедешь в Гринвич, к Раймбаху, или в Гамптон-корт²⁵³ взглянуть картины Рафаэля — в обоих загородных местах отличные

²⁴⁵ Вероятно, имеется в виду «Орудие управления» — английская конституция, принятая в 1553 году.

²⁴⁶ Кромвель Оливер (1599–1658), английский государственный деятель и военачальник.

²⁴⁷ Веллингтон Артур Уэлси (1769–1852), герцог, английский государственный и военный деятель, премьер-министр (1828–1830), события Французской революции июля 1830 г. и восшествие на престол короля Вильгельма IV способствовали его отставке с поста премьер-министра.

²⁴⁸ Вильгельм IV (1765–1837), английский король (1830–1837).

²⁴⁹ Грей Чарльз (1764–1845), граф, английский политический деятель, премьер-министр (1830–1834).

²⁵⁰ Эпсли-хаус — резиденция герцогов Веллингтонов — был построен по проекту архитектора Р. Адама в 1771–1778 гг. Ныне во дворце находится музей А.У. Веллингтона.

²⁵¹ Пиль Роберт (1788–1850), известный английский государственный деятель, премьер-министр (1834–1835 и 1841–1846).

²⁵² Стаффордшир — графство в западной части центральной Англии.

²⁵³ Правильно — Хэмптон-корт — бывшая резиденция английских монархов, созданная в 1514 году и неоднократно перестраивавшаяся вплоть до первой половины XVIII века, в ней располагалось собрание картин старых мастеров, в т.ч. и полотна Рафаэля. Королева Виктория сделала посещение дворца возможным для широкой публики.

светлые дни, а въезжая в Лондон вам кажется, что вы въехали в столицу смрада, где народ обречен не видеть никогда солнца и чувствовать какой-то невыносимый сырой холод. Сборы к отъезду очень беспокоили нервного г. Робинсона, и он просил меня приискать, до его отъезда себе квартиру ибо он сдал уже свою г. Вайту. Затем в скором времени я с ним расстался.

ХІІІ.

Между всем, виденным мною в Лондоне, восхищаясь умом англичан и их подчинению законам, меня удивляли шествия нескольких тысяч мастеровых, направлявшихся с просьбою к какому-нибудь влиятельному лицу или министру; шествия эти тянулись по улицам по несколько часов. Народ боится, а правительство, имея для поддержания порядка только известное число полицейских, расставленных с небольшими палочками, на которых имеется герб и написан закон, не прибегая к вооруженной силе, спокойно смотрит на эту страшную массу народа. Депутация идет смирно и, придя к дому министра, выслушивает, как тот прехладнокровно отказывает принять их просьбу, говоря: «С таким угрожающим числом народа я не приму. Придите завтра с должными выборными, и я приму вашу петицию».

Эти слова, как молния, облетают народ, и все преспокойно расходятся по домам.

Затем меня удивлял горячо, даже до фанатизма, верующий знаменитый пастор из Шотландии m^{re} Irving (Ирвинг²⁵⁴), человек с талантом, посвятивший себя служению пресвитерианской церкви; в жару своей фанатической веры он начал обличать в Шотландии высшее духовенство в неверии и несправедливости. Ему было сделано несколько замечаний, но он не прекращал своих проповедей, тогда были вынуждены отнять у него церковь и право в ней проповедовать. Он переселился в Лондон, здесь с ним поступили так же, как в Шотландии. Так как церковь у Ирвинга была отнята, то народ нанял для его проповедей несколько домов; разделявшие их стены были сняты и образовалось одно огромное зало с кафедрою с одной стороны. И здесь собиралась масса народа послушать его проповедь, которую он говорил с жаром и в исступлении. Он начал, наконец, учить с кафедры, что Христос может властью своею вновь сотворить чудо, что люди станут говорить на странных языках,

²⁵⁴ Ирвинг Эдвард (1792–1834), шотландский проповедник, основатель одного из течений в протестантизме – ирвингианства, существующего и сейчас, в основном в Англии и Северной Америке.

как то случилось со святыми апостолами (в Сионской горнице²⁵⁵) во время сошествия Св. Духа. «И вы, верующие, можете получить сию благодать свыше, дабы уверовали неверующие», – проповедовал он.

Лишь только эта мысль была с исступлением высказана народу, тотчас свершилось это явление. Желая быть свидетелем этого факта, столь странного в XIX веке, особенно в образованном Лондоне, я отправился на место чудес. Зало было полно народа, все одни женщины и несколько любопытствующих, как и я, мужчин. Ирвинг – высокого роста, с бледным исхудалым лицом, с косыми глазами и длинными черными волосами, ниспадающими на плечи. Он взошел на кафедру и только что начал говорить, как неожиданно послышался на передних скамьях ужасающий голос, как будто кого режут тупым орудием. Все присутствовавшие вскочили на скамьи; в отдалении виднелось что-то белое; говорили, что это женщина. Она довольно долго кричала нечеловеческим почти голосом, пока не успокоилась.

Присутствовавшие мужчины и женщины начали требовать изъяснения: «Объяснение! Объяснение!» – слышалось со всех сторон. Пастор Ирвинг, дав время шуму успокоиться, спокойным голосом сказал: «Объявляю всем, что час суда близок, и горе вам, неверующим».

Уставши от стояния и напряженного любопытства, я оставил это домашнее духовное собрание. Как ни странен был для меня этот неожиданный случай, но большое собрание молящихся в этом зале показало мне, до какой степени английский народ проникнут верою; все новое, что ни случится по духовной части, новый ли проповедник или новое явление в духовной жизни, привлекает народ, который спешит с ним ознакомиться. Однажды, в летнее время, вечером, идя гулять, я очутился на прелестном холме, отстоявшем невдалеке от моей квартиры и называемом Hampstead Hill «Емпстед Гиль»); вижу, едет коляска с четырьмя мужчинами. Надобно сказать, что на этом холме, посреди площади, стоит дуб, обнесенный вокруг скамейкою, на которой гуляющие могут днем отдохнуть под тенью листьев. Коляска остановилась у дерева: из нее вышли четверо мужчин; в одном из них я узнаю пастора Ирвинга. Он становится на скамейку, трое спутников его стоят внизу, у каждого в руках по маленькой церковной книжке, и они начинают петь из нее псалом. Я первый увидел, как они подъехали. Не прошло и часу, как вся площадь была полна народом, а за ним стояла бездна господских экипа-

²⁵⁵ Сионская горница – место, где Иисус Христос провел с учениками Тайную вечерю и Таинство святого причастия, сохранилась до сих пор и находится в Иерусалиме.

жей, обладатели которых едут на этот холм подышать свежим воздухом, и по всей склонности ко всему духовному, видя проповедника, останавливаются послушать его. Пастор Ирвинг из себя выходил, кричал, так как площадь была обширна, а ему хотелось, чтобы все могли его слышать. Текст же его проповеди был обычный: «Горе вам, неверующим, близок час, когда придет Судия судить вас грешных!» Вся эта обстановка, чудный ландшафт, большая темнеющая группа народа, иступленный крик проповедника, все это вселяло в сердца приятное и возвышенное настроение. Мне пришлось еще раз увидеть этого фанатического проповедника в улице Portland Place (Портлэнд Плэс), когда он переносил маленького своего сына через улицу, боясь, чтобы тот не замочил своих ножек, и продолжал путь, неся мальчика на плечах. Если не ошибаюсь, бедному пастору пришлось лишиться этого сына; мать в отчаянии оплакивала его смерть, а муж ее, пастор Ирвинг, надеялся теплою верою и молитвою совершить чудо, ибо в писании сказано: «Что ни попросите во имя Мое, дастся вам»; он начал упрекать жену свою в неверии, говоря, что сын их не умер, а спит. И она молилась около трупа отрока денно и ночью три дня, с полною верою, что он спит и встанет. Богу было угодно иначе. Труп начал разлагаться, должны были предать его земле; тогда муж заметил жене своей: «В тебе мало веры». Более я не видел пастора Ирвинга. Чудеса, происходившие в его молельнях, газеты сильно критиковали, и они, мало-помалу, исчезли, как исчезает все сверхъестественное ввиду цивилизации, для которой наука есть сильный рычаг опоры.

Обычай проповедовать народу на площадях и на улицах очень развит в Лондоне. Гуляя по обворожительным лондонским паркам в воскресный день, вы встретите в отдалении одна от другой группы народа. Подходя ближе, увидите в середине толпы проповедника или проповедницу, спокойно толкующих священное писание; подойдя к этой группе несколько времени спустя, вы видите, что проповедник уже кончил свое разглагольствование, нюхает табак и ведет веселый разговор со своими слушателями; эти проповедники большею частью из мастеровых и другого рода подобных людей.

Если вечер воскресного дня занимает человека разными проповедями, то раннее утро того же воскресенья доставляет иностранцу интересное зрелище кулачного боя.

В Англии существует обычай производить плату за работу, за квартиру и за все съедомое, употребленное в продолжение недели, — в конце недели, по субботам. Хозяйка дома в субботу утром накрыв стол для завтрака, подает и счет за истекшую неделю — за квартиру, стирку белья, прислугу,

молоко, хлеб, масло и проч. и по этому счету с ней расплачиваются. В субботний вечер Лондон весьма интересен. На рынках бездна продавцов мужского и женского пола, и все это кричит: «Buy, buy!», т.е. «покупай! покупай!», рекомендуя свой товар. Весь трудящийся и трудившийся народ получил плату и тысячами гуляет и покупает, запасаясь к воскресенью мясом, зеленью, детям же, сопровождающим своих родителей, покупают сласти или фрукты. Тут все можно найти: книги, карандаши, разные фигурки и т.п. У каждого продавца горит около его столика с товаром огонек, так что рынок кажется издали богато иллюминированным. Вся эта мелкая торговля помещается около больших мясных лавок. Мясники, самодовольные, жирные, царствуют в этот вечер, ибо трудно найти такого бедняка в Лондоне, если он семьянин, который не купил бы себе куска мяса на воскресный день. Вследствие этого мясные лавки бывают переполнены народом среднего и низшего классов. Повара богачей не беспокоят себя покупкою провизии; они пишут в лавки и им все доставляется на место. Пока жены мастеровых торгуют и покупают провизию для завтрашнего праздника, мужья, оставив себе большую часть заработанных денег, отправляются в портерные, где, просидев до раннего утра и пропив лучшую часть денег, затевают спор и затем кулачный бой.

Этот бой происходит у них дорогою, на пути к себе домой. Проснувшись в воскресенье утром довольно рано, слышишь на улице шум, взглянешь в окно и видишь, идет кучка народа, с трубками во рту, в середине их выступают два окровавленных бойца, которые после короткого отдыха, вновь стараются один другому выбить глаз, зуб или разбить нос. Если противнику становится невмочь, он падает, а лежачего не бьют. Отдохнув, он встает и вновь начинается бой, пока полиция не разнимет их; тогда боец возвращается домой, где в слезах встречает его жена, пострадав за него всю ночь, не зная, воротится ли он или нет, и он как дикий вол в полном отупении чувств валится как огромный сруб дерева возле своей нежной и чувствительной жены. Этот кулачный бой — принадлежность каждого англичанина. Простой народ с детства привыкает к этим боям; то и дело видишь, как мальчишки, возвращаясь из школы домой, засучив рукава, вступают между собою в драку. Иной раз видишь их избитых до крови с вырванными клочьями волос; мальчишка плачет, но драться не перестает. Воспитанные молодые англичане берут уроки кулачного боя, чтобы быть готовыми на всякий случай отразить толчок угольщика или другого невежи.

Сестры просят брата взять их в театр. Он их берет, забыв предупредить, что, сидя в театре, они должны снять шляпки. Они входят в партер в своих шляпках, которые мешают сидящим позади них видеть сцену;

начинается шум, девиц просят снять шляпки, но английская гордость не позволяет им сделать этого, брат их молчит; начинаются обидчивые замечания. Заметив главного шумилу, брат вызывает его из театра; спустя несколько минут оба возвращаются, и брат приказывает сестрам снять шляпки. Что происходило между ними вне театра – я не знаю, но я уверен, недовольные или подрались с братом или сумели уговорить его.

Говоря о театре в Лондоне, кстати, могу сказать, что места делятся в нем на места с полною платою, которые продаются на все представление, и на места с половинною платою – на половину представления или на одну пьесу. Те, которые взяли билеты на остальное представление, массою стоят у входных дверей; между ними, ради порядка, находится полицейский. Видя в толпе подозрительных лиц, он объявляет публике: «Господа, здесь имеются подозрительные лица, берегите ваши карманы!». Всякий тотчас за свой карман хватается. Умно и прилично.

Многих воришек ловят и передают полицейскому, который просит явиться завтра в полицию, но обвинитель, не желая видеть свое имя в газетах, не является; воришку выпускают и он безнаказанно продолжает свой промысел. Воровство в Лондоне, особенно мелочей: часов, платков и т.п., доведено до совершенства. Квартал бедняков St. Giles (квартал ирландцев) был знаменит своим трактиром, где вилки, ножи и ложки были прикреплены к столу цепочками. Туда собирались по вечерам все подозрительные личности дневной порочной наживы, тут происходила мена ворованных в течение дня вещей; затем посетители спрашивали хороший обед, в конце же вечера являлись шарманки, а с ними танцы. И горе, если увидят между своими чужого наблюдателя. Ему приходилось поплатиться своими боками.

Если англичанин примерно деятелен, держась пословицы, что время деньги, то воскресный день в Англии можно считать днем истинного отдыха и днем, посвященным духовной жизни. Шумные и многолюдные улицы пустеют с раннего утра; все магазины закрыты; даже лавки, торгующие хлебом и зеленью, в воскресный день не отворяют своих дверей. Даже господские экипажи, которые украшают и оживляют прелестные парки Лондона в будничные дни, и тем дается отдых ради их лошадей. Бедности не видать; весь народ одет чисто и нет или не видать руки бедняка, так часто протягивающейся в будни к прохожему за подаванием. В этот день все равны и все довольны. Все спешат в церковь; все церкви полны. И если замолкла в светской жизни в этот день страсть к наживе, то для духовной жизни она открыта в самой церкви, ибо, не имея своего годового места в церкви, при входе вы выжидаете обыкновенно старушку, которая, подойдя к вам, знает, что вам нужно, ведет вас

на свободное место, и вы кладете ей в руку один шиллинг, более или менее – это будет зависеть от вашей щедрости или от ваших средств. Театры в воскресенье закрыты и, Боже избави, если б кто решился давать уличные представления. Даже в доме m-me Love, где я жил, как сказано, на хлебах (воскресный день соблюдался с величайшей строгостью); у ней были две дочери, из коих старшая, m-lle Anne, была черно-рабочая, жила безвыходно на кухне, а если иной раз и являлась, то вся в саже, другая же младшая, хворенькая собою, была воспитана для гостинной, с хорошим знанием музыки, и та в воскресный день запирала свое фортепиано на замок до 7 часов вечера. Мне говорили, что в Шотландии в воскресный день даже не стригут себе ногти, в Соединенных же Штатах Америки в этот день даже не ходят omnibusy. Тогда как вся аристократия сидит и молится в церквях, где, главное, выслушивают проповедь, о которой идут во время обеда толки, средний класс после службы отправляется со всем семейством погулять и покушать за город, а рабочий народ выжидает открытие пивных и портерных и, засев в них, выходит оттуда полупьяным уже в поздний час ночи. Тем и оканчивается праздничный воскресный день, но, кроме его и для Рождества Христова, в Англии не имеется и не читится никакой другой праздник; работа в праздник, по словам англичан, не плодотворна и не прибыльна. Истый англичанин, если его здоровье не испорчено пребыванием в пагубном климате их отдаленных колоний, как-то: в Индии, Австралии, Африке и др. местах, – человек самый здоровый, несмотря на туман и сырость, от которых, напротив, сильно страдает женский пол. Внешний вид англичан обоого пола весьма красивый: мужской пол дышит, при отличном цвете лица, какою-то мужественностью, свободою и откровенностью; женский же, при редкой миловидности, чувствительности и редкой белизне зубов, вообще деликатен и весьма нервичен.

Во время моего пребывания в Лондоне, по желанию А.Н. Оленина, я брал уроки работать in aqua-tinta²⁵⁶; ему также было желательно, чтобы я узнал способ гравирования медалей машиною, что делается в один штрих. Наш консул г. Бенкгаузен²⁵⁷ (Беллинсгаузен?), отыскал мне изобретателя г. Лесли²⁵⁸, который обещал приготовить эту машину к понедельнику, показать ее употребление, а если нужно, то и продать. Это

²⁵⁶ Aqua-tinta (вода и оттенок) – один из видов офорта, предполагающий протравление кислотой металлической доски сквозь прилипшую к ней канифольную пыль, что способствует появлению тональных плоскостей разного объема.

²⁵⁷ Бенкгаузен Егор Карлович (?–1844), российский генеральный консул в Англии.

²⁵⁸ Лесли Джон (1766–1832), английский физик и математик, член Лондонского королевского общества, создатель дифференцированного термометра.

было в субботу, когда же я пришел к Лесли в понедельник и постучал, мне отворила дверь девушка вся в черном и в слезах рассказывает, что после нашего отъезда, в субботу, отец ее захворал через два часа холерою и умер, а вчера, в воскресенье, был уже похоронен. Время в Лондоне было холерное и я испугался подобной неприятной новости.

XIV.

Настал конец мая месяца 1834 года; изготавив все, что следовало, запасшись всем, что было необходимо для моего искусства и отправив в Россию все лишнее, чем я мог запастись в четыре с половиною года пребывания моего в Париже и Лондоне, я откланялся друзьям и, слыша много похвал Голландии как стране, которая была учительницею англичан, я взял билет на пароход в Роттердам.

Утром, в 8 часов, я был на пароходе. Общество состояло чисто из англичан. В четыре года пребывания моего в Лондоне я сделался совершенно англومانом. Все на мне было английское, начиная от сорочки или от шляпы до каблуков сапога, я говорил порядочно по-английски, и все путешественники были со мною как с своим братом. Они предвещали мне, что голландцы на них сердиты, потеряв Бельгию²⁵⁹, одну из лучших украшений Голландии, что и оказалось на деле. Познакомившись на пароходе с одним англичанином, которому нужно было по делу посетить какого-то голландца, мы пошли к нему вместе. Нашедши дом, стучим. Высовывается из окна голова; увидав, что это англичанин, с презрением и криком ответила: «Нет дома!». Тут увидел я, что мой англичанин говорил правду.

Взявши номер в гостинице под названием «Библия», я нашел в ней моего земляка полковника Устинова, что и обрадовало меня. Меня поразила здесь во всем сверхъестественная скупость или экономия; во всех вещах, которые я видел в Париже или в Лондоне, везде видно усовершенствование во вкусе, здесь же, что ни возьмешь, дышит стариною, кажется сделанным лет 500 тому назад. Быть может, 500 лет назад эти вещи и были хороши, но теперь, поживши в двух столицах, видишь во всем застой, происходящий от какой-то примерной бережливости.

Город Роттердам показался мне очень живописным. Бульвары расположены случайно, канавы входят в самый город; идя по улице, видишь кое-где мачты, которые вырастают из соседнего канала.

²⁵⁹ В 1815–1830 гг. Бельгия по решению Венского конгресса находилась в составе Нидерландов. Затем в 1830 г. в ходе революции Бельгия получила свою независимость.

Не зная, как провести вечер, мой англичанин и я последовали за нашим путеводителем, который повел нас в какое-то заведение; войдя, мы нашли тут огромный зал, в нем много моряков, капитанов и иностранцев. Спустя немного времени выходят до двадцати молодых краснощеких девиц, все одинаково одетые, и начинают ходить в круг; моряки начинают с ними разговаривать, некоторые танцевать, на хорах сидят музыканты; я же сел на одну из лавок, которые идут вокруг всех четырех стен. Мой англичанин заговорил с одною девицею и ушел. Я сижу, скучаю, проходит много времени, его нет; посылаю за ним нашего чичероне, приносит ответ, что скоро будет. Наконец, потеряв терпение и желая отдохнуть после вояжа, я узнаю от чичероне, что англичанин желает меня видеть. Вхожу в дверь с улицы и слышу его голос, который просит меня дать ему 10 шиллингов; я их посылаю ему, и он бежит с лестницы ко мне, ругая свою возлюбленную и говоря: «Вот мошенническое заведение, она меня совершенно обокрала. Я с нею в зале уговорился за должную плату, и она была все время очень ласкова. Когда же я пришел в ее комнату, то она представилась, как будто меня не знает, требует деньги вперед, затем требует бутылку дорогого вина, духов, помады, и так как у меня не было денег выплатить все непредвиденные издержки, она меня не выпускала. Я предполагал, что тут меня убьют, спасибо, что вы меня выручили».

Я узнал, что эти молодые женщины – потерянный народ. Хозяйка, содержащая их, ведет счет издержкам каждой из них, и они весь век остаются ее неоплатными должницами. Когда они состарятся, хозяйка перепродает их низшим заведениям этого рода, пока смерть не даст им свободы. Сильный швейцар стоит у входных дверей, оберегая обитателей этого дома, но американские капитаны делают на них охоту, отбрасывают швейцара в сторону, а добычу свою увозят в Америку.

На другой день я отправился каналами в крытой большой лодке в Амстердам, где та же скука; посетил картинную галерею, восхищался большою картиною Рембрандта «Ночной обзор солдат» и картиною Фандер Гельста, также большого размера, «Заседание или угощение влиятельных лиц Голландии»; эта картина высшего достоинства – по экспрессии многих заседающих лиц²⁶⁰. Здесь удивили меня дома с большим крючком у светелки. Узнаю, что к крючку прицепляется блок, на котором тянут товары, и что складом их служат чердаки домов, не то, что у нас, где для товаров имеются сараи и лавки наравне с землею. Затем

²⁶⁰ Государственный музей в Амстердаме был основан в 1808 году. В его собрании находились полотна Рембрандта «Ночной дозор» (1642) и Б. ван дер Хелста «Банкет офицеров гражданской гвардии в помещении роты св. Георгия в Амстердаме по поводу Мюнстерского мирного договора» (1648).

удивило меня здешнее кладбище, которое представляет собою огромное место, обнесенное забором, где гробы с телами стоят в виде огромной кучи, положенные один на другой и пересыпанные песком. Войдя в ворота, я шел проходом, по обе стороны которого возвышались на сажень вышиною гробы, поставленные один над другим. Из некоторых гробов торчат волосы, вообще, видишь частицу лица или другой части тела. Смерд невыносимый. Это кладбище так устроено: вследствие того, что вся Голландия, как и Амстердам, расположен ниже уровня моря и защищен со стороны его доками или земляным валом; если этот вал прорвется, то море немедленно затопляет часть города. Копать в глубину земли невозможно, тотчас явится вода; дома же строятся на сваях, вследствие чего и мертвых нельзя хоронить как у нас, выкопав могилу, а их ставят на земле для истления, что очень поразило меня. Будь этот народ неопрятен и равнодушен ко всему, как то случается у иных народов, город Амстердам мог бы подвергаться чуме и разным эпидемическим болезням, здесь же ничего подобного не бывает.

Меня удивлял прилив и отлив воды с моря. В полдень, гуляя, видишь все каналы полными воды, и на ней красуются суда, к вечеру же эти суда стоят та том же месте, только на сухом дне канала. Так и постройки у берега; тут работа идет спешная, как скоро вода начинает прибывать. Бедного народа, нищенствующего, не видать; здесь, в Амстердаме, для всякого жителя имеется работа, а именно: возить сор к докам или валу, который предохраняет город от наводнения; кроме того, всегдашнюю работу бедняка составляет: плетение канатов и расчищение льна. Когда я ехал из Роттердама в Амстердам, все поля наводнены от прилива; как люди, так и животные стояли по колена в воде, что представляло весьма странное зрелище.

По утру на рынок женщины выходят, покрывшись платками снежной белизны. У женщин нашел весьма толстые ноги, так что французы дали им название *pieds de vaches*²⁶¹. Гуляя по Амстердаму, вспоминаешь наши часы в Петропавловской крепости с курантами²⁶², здесь же слышишь их на каждом шагу; кроме того, меня удивляли мужчины, стоявшие в церквях с покрытою головою. С моим земляком, г. Устиновым, мы ездили в знаменитое селение Брук, невдалеке от Амстердама, которое славится своею неимоверною чистотою; даже некоторые двери от-

²⁶¹ Коровьи ноги (фр.).

²⁶² Имеются в виду часы и куранты на колокольне Петропавловского собора (1712–1733, арх. Д. Трезини), созданные голландским мастером Б.Ф. Оортом Крассом (1757–1760-е гг., Голландия) и установленные в 1776 году.

крываются в нем в известную эпоху семейной жизни, как-то в день свадьбы, день смерти и т.д.

Насмотревшись на все, что я мог видеть в короткое время моего пребывания в Амстердаме, осмотрев в галерее редкое собрание гравюр бессмертного голландского живописца Рембранта, я желал ехать в Бельгию, но следы войны едва начали успокаиваться, и я поехал на Дюнкерк²⁶³, в котором остановился случайно в ожидании вечернего дилижанса. Вдруг является передо мною французский офицер; он был в 1812 году у нас в плену, и доброта русских имела на него такое влияние, что он поставил себе как обет каждого русского, с которым он встретится, пригласить к себе на малое угощение, чем Бог послал; узнав, что я русский, он просил меня к себе, представил жене своей, угостил кофеем и вином и рассказывал жене, может быть, уже в сотый раз, о своем счастливом житье во времена плена. Поблагодарив его за радушное гостеприимство и признательные чувства к моим землякам, я отправился в тот же вечер в Труа²⁶⁴ и затем в Париж.

XV.

Париж после моего 4-летнего знакомства с Лондоном показался мне грязным и воздух неприятным от нечистоты, которая валялась около домов и текла среди улиц. Я остановился возле театра Одеон²⁶⁵ в гостинице «Вольтер», тотчас отыскал А.Я. Олещинского, его брата Владислава²⁶⁶ и нашел в них большую перемену по случаю бывшей революции и войны 1831 года с поляками. Хвастовству его брата не было конца; поляки всюду побеждали и пали только от измены. Затем критиковали известную картину «Последний день Помпеи», написанную К.П. Брюлловым²⁶⁷, которому брат Олещинского, как говорится, и в подметки не годится. Я все слушал и с презрением смеялся. Посетил г. Ришомма; он видел мои работы, выгравированные в Лондоне, и остался доволен. Вообще я заметил, что мои товарищи, приятели по студии у Ришомма относились к Лондону более симпатично, чем до моего отъезда. Кроме того, они не могли судить о Лондоне, не видав ничего, кроме своего Парижа.

²⁶³ Дюнкерк – город в департаменте Нор на северо-востоке Франции недалеко от границы с Бельгией.

²⁶⁴ Труа – город в исторической области Шампани во Франции.

²⁶⁵ Одеон – театр в Париже, был открыт в 1783 году, имею там состоялась первая постановка комедии П. Бомарше «Безумный день, или женитьба Фигаро» (1784).

²⁶⁶ Имеется в виду Олещинский Владислав Яковлевич (1808–1866), скульптор, гравер, в 1831–1859 гг. жил в Париже.

²⁶⁷ В 1830–1833 гг. К.П. Брюллов написал картину «Последний день Помпеи».

Во Франции наше посольство дозволило мне пробыть только две недели. Друга моего Людеритца не было; старички Logieux уехали к своему племяннику в St. Mande. К Парижу я не мог привыкнуть и вечером, гуляя в Пале-Рояле и увидав красный фонарик с № 105-м, что означал дом рулетки, посмотрев и подумав, я зашел туда. Войдя в комнаты, нашел все по-старому: тишина, около okayмленного стола сидели пресерьезные игроки, и голос крупье только и был слышен. Вынув из кармана 5-ти франковик, ставлю его на четное число; выигрываю, оставляю их с выигранным 5-ти франковиком, вновь выигрываю и вновь оставляю. Ставя только на чет и нечет, выиграл так много, что у меня все карманы были полны 5-ти франковиками. Народ, стоя за моими плечами, говорил довольно громко, что я должно быть иностранец, и что я знаю известный день в жизни – день счастья. Боясь, чтобы кто-нибудь не подметил, что у меня карманы полны денег, постояв немного у стола, я ретировался, взял кабриолет и подъехал к гостинице; отыскивая ключ от дверей, у меня выпал из жилета 5-ти франковик; боясь наклониться, я оставил его мальчишкам и вошел в свой номер. Вынув все серебро, нашел в выигрыше около 1000 р. На другой день, взяв одну треть выигрыша, я отправился вновь в № 105 в Пале-Рояль. Не прошло и четверти часа, как я все проиграл. То же случилось и в следующие два дня с тою разницею, что в последний, четвертый день, кроме остатка выигрыша, я потерял еще несколько своих денег.

Сильно страдая от жары, так как лето было несносно жаркое, и не будучи в состоянии забыть Лондон, я, проходя однажды мимо Messagerie Lafitte et Gaillard²⁶⁸, взял прямо место на Лондон. Приехав в мой возлюбленный Лондон, где шесть недель тому назад я уже со всеми простился, и не желая вновь показаться там среди друзей, я нанял себе уединенную квартиру, вынул работу и прилежно занимался, написав в Академию, что по причине жаров, которые застигли меня в Париже, я не решился ехать далее на юг, в Рим. На мое отношение я получил из Академии ответ, что она надеется, что с окончанием жаров я не премину ехать в Италию. Признаюсь, мне жаль было оставить Лондон, я даже и забыл было Рим и, чувствуя себя отлично на моей новой квартире, занимался прилежно.

Был уже конец октября 1834 года, день субботний, и я присел работать. Вдруг пришло мне на мысль, что если я останусь долее, то выкажу свою неблагодарность совету Академии. Эта мысль меня не оставляет; я решаюсь, и часа не прошло, как я бросил работу, переоделся, явился в посольство, затем в иностранную контору, достал свой паспорт, его прописали где следует; я отправился в контору пароходства, взял место на

²⁶⁸ Messagerie Lafitte et Gaillard – Почтово-пассажирская контора Лафита и Гайяра.

Антверпен, вечером отказался от квартиры, уложил чемодан и особенный ящик для большого рисунка с Чиголи «Богородица, оплакивающая смерть Спасителя»; тут же вложил в него доску и лучшие гравюры, нанял к 6-ти часам утра кабриолет и в 7 часов утра в воскресенье был уже на пароходе. В 8 часов пароход тронулся, но как-то неловко, попав при отливе на мель, и тут в виду набережной со множеством народа пароходу нашему пришлось стоять до 12 часов дня, когда настало время прилива; почувствовав под килем достаточно воды, он тронулся. Приятно было слышать орган и пение псалмов на близ стоявшем корабле, где имелась церковь для моряков. Покуда мы стояли на мели, многие из соседей путешественников, слыша происходившее богослужение, вынули свои церковные книги и начали читать, т.е. молиться.

Пострадав морскою болезнью, мы прибыли в Антверпен, отечество великих фламандских живописцев. Осмотрев их превосходные произведения в прекрасной галерее²⁶⁹, как-то: Рубенса²⁷⁰, Ван-Дейка²⁷¹ и др., осмотрев собор и даже город, весьма живописный, расположенный на краю, можно сказать, самого моря, я отправился в Брюссель. Если Антверпен знаменит стариною, то Брюссель щеголяет новизною, особенно прекрасен дворец, бывший принца Оранского²⁷², где такая чистота пола, что посетителю надевают туфли во время осмотра. Видел богатую картинную галерею, восхищался бульваром, ведущим в город, но вообще я торопился в Италию, чувствуя, что теряю много времени, и поэтому, пробыв в Брюсселе несколько дней, я отправился взглянуть на знаменитое поле Ватерлоо²⁷³. Посреди его я увидел памятник, который представляет собою огромного рычащего льва, стоящего на высоком пьедестале, заходил в часовню, где похоронены жертвы этого сражения и победы²⁷⁴.

Наконец я приехал в Кельн. Осмотрев достраивавшийся знаменитый

²⁶⁹ Королевский музей изящных искусств в Антверпене был открыт в 1810 году, его картинная галерея представлена полотнами Ван Дейка, Ганса Мемлинга, Тициана и др.

²⁷⁰ Рубенс Питер Пауль (1577–1640), фламандский живописец.

²⁷¹ Ван Дейк Антонис (1599–1641), знаменитый фламандский живописец.

²⁷² Дворец принца Оранского ранее принадлежал герцогам Барбанитским, в 1829 году стал резиденцией герцога Оранского, затем в этом здании находилась Академия наук.

²⁷³ Ватерлоо – место, где произошла 18 июня 1815 года последняя крупная битва Наполеона I.

²⁷⁴ Памятник, изображающий льва на пьедестале, был поставлен королем Нидерландов Виллемом I в память о ранении сына герцога Оранского, будущего короля Нидерландов Виллема II (скульптор Ван Геель, 1826 год). Недалеко расположен католический храм св. Иосифа.

собор, я удивился этому городу, который снабжает все пять стран света своею «кельнскою водою» (Eau-de-Cologne), коей запах услаждает обоняние населения всего земного шара; сам же город и его жители могут видеть и обонять зловоние своих улиц. Эта несоответственность поражала меня. Я обрадовался, увидав воспетый и всеми воспеваемый Рейн, где столько пролито крови немцами и французами, желавшими быть владельцами этой живописной и богатой реки, коей берега украшены виноградниками и коей вино услаждает вкус богача, а подчас и бедняка. Взяв место на пароходе, я встретил тут веселых путешественников. Тут уже не говорилось о торговых делах, все ехали для удовольствия, восхищаясь видами живописных берегов. Свой чемодан я уложил посреди парохода вместе с другими, так же как и ящик, в котором находился большой рисунок под стеклом; боясь, чтобы чемоданы не раздавили стекла, его поставили сверху. Общество на пароходе состояло из англичан. Тут же на палубе находились и экипажи путешествующих англичан. Время шло весело, я восхищался всем вокруг себя, а мысли мои были уже в Италии. Вдруг показывается вдали идущий к нам навстречу пароход. Узнаю, что Рейн к Мангейму²⁷⁵ от местечка St. Goar²⁷⁶ становится мельче и, что пароход, который идет нам на встречу, повезет нас далее, а пароход, на котором мы едем, воротится вновь в Кельн, ибо у одного киль глубже и требует более воды, другое же судно плоскодонное. Когда мы подъехали к местечку Goar, началась ужасная суматоха; нам с нашего парохода пришлось переходить на пароход, шедший нам навстречу; приехавшие же с ним торопятся на наш пароход. Некоторые англичане, ехавшие со мною, видя, что я знаю немецкий язык, и имея надобность переговорить с таможенными, просили меня отправиться с ними в таможню, что и лишило меня возможности усмотреть за своим ящиком.

Сделав все, что следовало в таможне, я продолжал восхищаться берегами Рейна, развалинами феодальных замков и местом, называемым «Эхо», где в узком месте реки Рейна, окруженном высокими береговыми утесами, выстрел из пистолета повторяется несколько раз.

Среди сих развлечений вечером приезжаем в Кобленц²⁷⁷; уходя с парохода, не могу найти своего ящика с рисунком; капитан и я ищем всюду и не можем найти. Капитан, спросив меня, куда я еду, и узнав, что я еду на Мангейм, начал меня утешать, говоря, что, вероятно, ящик ошибкою перенесли на пароход, который теперь в Кельне, что он напишет туда и что-

²⁷⁵ Мангейм – город в земле Баден-Вюртемберг в Германии.

²⁷⁶ Санкт-Гоар – город в земле Рейнланд-Пфальц в Германии.

²⁷⁷ Кобленц – город в земле Рейнланд-Пфальц в Германии, известный еще до н. э., в 1797–1813 гг. принадлежал Франции.

бы я был покоен, так как я получу его в Мангейме. Я успокоился, остановился на день в отличном отеле «Belle Vue» в Кобленце, прочел замысловатую надпись, сделанную на фонтане каким-то русским гравером по мысли русского же генерала. Этот фонтанчик воздвигли французы в честь победы, одержанной ими над русскими, но затем русские побили французов, и наш генерал в насмешку французам «подтвердил» их победу, сказав, что «русские, как хозяева этого места, подтверждают победу», т.е. что французы, полные самолюбия, думали, что их никто не победит, а вышло иначе, что и доказывает надпись, сделанная русским генералом²⁷⁸.

На другой день я отправился в Мангейм и здесь также остановился в лучшем отеле «Zu Pfalz-Hoff». Бездна англичан. Я рад, что живу в своей сфере, иду в таможню, спрашиваю свой ящик, не пришел ли из Кельна? Получаю ответ, что нет, не пришел. Так продолжается несколько дней. Кроме отличного помещения, стола и чистого воздуха, которые сделали этот город любимым местопребыванием англичан, для искусства в нем нет ничего. Перед отелем стоял какой-то темный памятник, сделанный, кажется, из бронзы. Город чистенький.

Англичане, замечая мое беспокойство и узнав причину его, желая пособить мне своими советами, уговорили меня вновь ехать в Кельн, осмотреть все береговые склады и хранящиеся в оных вещи, между которыми, может быть, найдется мой потерянный ящик. Итак, взяв с собою столько денег, сколько по соображению нашему было необходимо, остальные я оставил у хозяина отеля и пустился по Рейну, останавливаясь в каждом местечке на правом и левом берегу, но ничего не мог найти ни в Кельне, ни в Кобленце. Когда я доехал до Кобленца, то мой запас денег, взятых мною, истощился, и я тотчас написал хозяину отеля в Мангейм, с просьбою выслать мне денег. Ответа нет. Живу неделю, живу другую, пишу, ответа нет. Меня перемещают уже на другую, худшую квартиру; у меня белье все износилось, у меня нет двух копеек, чтобы перейти мост, увидеть чудную крепость Ehrenbreitenstein²⁷⁹. Одним словом, я в отчаянии; пишу, ответа нет, между тем счет моим издержкам растет. Всякий день я завтракаю, обедаю, ужинаю, комната, белье и проч. Все порвано, сапоги отказываются служить.

²⁷⁸ Французы не сомневались в исходе войны с Россией и построили в честь будущей победы фонтан в Кобленце, на котором было написано «В память о походе против России. 1812 г.». В 1814 году после освобождения Кобленца уже по приказу русского коменданта города, генерал-адъютанта Э.Ф. Сен-При, появилась добавочная надпись «Осмотрел, одобрил. Русский комендант города Кобленца. 1 января 1814 года».

²⁷⁹ Точное название – Ehrenbreitstein. Крепость Эренбрайтштайн была создана в начале XIX века, когда Кобленц стал столицей Рейнской провинции Пруссии.

В отчаянии я иду однажды после завтрака к конторке кельнера, который пишет счета издержкам путешественников, подхожу и объясняю ему причину потери мною времени, упрашиваю его, нельзя ли мне сделать кредит, обещая, что по приезде в Мангейм я ему вышлю все сполна. Кельнер изменил прежнее ласковое обхождение со мною, сделался строгим, начал уверять, что этого невозможно сделать, что много имеется путешественников, которые восхищаются Рейном, а денег в кармане не имеют. «Поживите, может быть, деньги придут», – говорил он.

Я его успокаивал тем, что я еду на казенный счет и что деньги мои верные. Наконец, он заметил мне, что хозяин отеля теперь на охоте, и что когда он приедет, то он скажет ему о моем положении. Вечером, когда я сидел за ужином, кельнер походит ко мне и говорит, что хозяин приехал, и я могу передать ему мою просьбу. Вхожу в его комнату возле нашей общей столовой, вижу, хозяин сидит, как охотники сидят на картинах фламандской школы, уставший, опершись руками на ноги, ружье между ног, сидит сторбившись, и собаки возле него усталые спят.

– «Извините, что я не встал, – устал!», – говорит он мне. Я рассказал ему о моем несчастье, что я не могу получить денег от его соседа в Мангейме.

– «Крайне сожалею, что вы прежде не сказали о вашем странном случае, который заставил вас потерять столько времени. Г. кельнер, вы дайте им счет издержек и 5 талеров деньгами, чтобы они могли доехать и заплатить за место до Мангейма. По этому счету вы заплатите хозяину отеля в Мангейме, у нас с ним есть счета, и затем завтра же утром отправляйтесь в Мангейм!».

Я не знал, как благодарить хозяина. Он был француз и не усомнился в моей честности.

XVI.

Приехав в Мангейм, нахожу весь отель полный гостями. Хозяин, увидав меня, крайне извинялся за свой поступок, но путешественники одолели его. Он тотчас рассчитался со мною, вычтя мой долг хозяину отеля в Кобленце, и на другое утро я отправился в Швейцарию через Страсбург, где все удивило меня. Оставив Германию, где все тихо, переехав длинный мост через Рейн, по одну сторону которого лежит город Киль²⁸⁰, а по другую – Страсбург, вы находите в последнем, т.е. в Страсбурге, веселую жизнь, шум, всюду огни, кафе полны народом. Я восхищался собором, подымался на колокольню и на другой день отправился в Коль-

²⁸⁰ Киль – столица земли Шлезвиг-Гольштейн в Германии.

мар²⁸¹ и оттуда вступил в самое несносное время, среди дождя и снега в живописную Швейцарию, которую видел, закутавшись в шинель и пальто; я останавливался в Берне, где у въезда в город видел яму, обделанную камнем, с полом, выложенным плитами, и среди нее сухое дерево; все это приспособлено для помещения двух медведей, самца и самки, которых содержит город, так как медведи составляют герб этого города. В Берне на платформе возле церкви, имеется ужасная глубина (обрыв?), где видна отличная дорога, и на платформе вы читаете на мраморной доске надпись, что в таком-то году такой-то упал с этой ужасной высоты вниз, сидя на лошади, и остался жив. Мне показалось это чудом из чудес.

Проезжал я и другие города среди снега и холода, пока, наконец, мы не приехали в Женеву, отличный большой город. Здесь случайно я увидел швейцарку, жившую со мною у m-me Love. Она меня узнала и мы посмеялись над ее благодетелем англичанином, который ее посещал и от благодетелей которого при ней была маленькая дочь трех лет. В мое время она была уже беременна, толковала о своем муже, которого никогда не видела, (но зато видела ее благодетеля). За столом она очень любила лососину, и я ей предсказывал, что имеющийся у нее в утробе плод верно будет любить эту рыбу, она, смеясь, говорила, что мое пророчество исполнилось, и ребенок любит лососину. Про благодетеля она говорила, что он остался в Лондоне, а муж ее скончался.

Здесь в Женеве я взял место в общей карете до Пармы²⁸² за 100 фр. со столом. В час дня, после обеда, все мы, взявшие места в карете, собрались около отеля. Тут увидел я вновь старуху англичанку и двух ирландцев, одного из них капитана, а другого молодого ирландца. В Женеве я передал свой паспорт слуге отеля, чтобы засвидетельствовать его у консулов сардинского и пармского. Будучи уверен, что все сделано, как следует, сажусь с другими в карету, и четверка лошадей по две в ряд тронула. Ознакомившись между собою, мы двинулись в благословенный край земли, в Италию. Среди крошечной темноты подъезжаем к небольшому домику. Карета останавливается и требуют наши виды. Это была граница Савойи²⁸³. Несколько минут спустя, вдруг слышу свое имя, и мне говорят: «Ваш вид не прописан, вы не можете ехать».

²⁸¹ Кольмар – город в департаменте Эльзас во Франции, известный своими архитектурными памятниками XIII–XVI вв.

²⁸² Парма – город в области Эмилия-Романья в Италии, известен со времен античности.

²⁸³ Савойя – в то время область в составе Сардинского королевства в Италии, ныне принадлежит Франции.

Я испугался, уверял, что слуге отеля было заплачено и свидетельство консула сардинского должно быть. Сколько ни толковал я со смотрителем станции, как ни упрашивал, он был непреклонен. Что делать? Ночь, страна для меня совершенно чужая; карета не будет меня ждать; спрашиваю совета: что мне делать? Мне предлагает женеvский извозчик ехать со мною в Женеvу к сардинскому консулу, дать засвидетельствовать паспорт и вновь сюда же доставить за 20 фр.

– «Здесь по приезде вы наймете почту, и она вас доставит туда, где ваша карета остановится ночевать».

Делать было нечего, других средств поправить дело не предвиделось. Был день субботний и поздний час, я опасался, что консула не застану дома, что он будет в гостях или в театре. Но Бог помог мне в это отчаянное для меня время. Еду, восхищаюсь вечерним освещением Женеvы, застаю консула дома; подпись сделана, и я еду вновь к непреклонному блюстителю пограничного дома. Он дает свободный пропуск, но женеvский извозчик, получив мои 20 фр., не соглашается ни за какие деньги переезжать границу, избегая больших пошлин и издержек.

Одно я забыл сказать про Швейцарию: народ, который я встречал, был плотный, здоровый и весьма учтивый. Как скоро вы видели поля возделанными и всюду довольство, так смело могли сказать себе: «Это, верно, протестантский кантон»; напротив того, когда встречалась вам бедность, неопрятность, поля заброшены, церкви же открыты с бездною мальчишек, играющих и валяющихся на паперти, тотчас узнаете, что это католический кантон. Эта разница благоденствия и бедности в одной и той же стране, равно плодородной, поразила меня. Еще отмечу особенность: вода в Женеvе²⁸⁴ так чиста и прозрачна, что на порядочной глубине видно все на дне ее.

Получив позволение переехать границу, я попросил совета у смотрителя: что мне делать. Несмотря на то, что была непроницаемая темнота и что все уже спало, он сказал мне: «Постучитесь в сарай и спросите почту, она вас свезет до места, это будет стоять немного». Воспользовавшись его советом, я кое-как добрался до сарая, стучу, слышу хриплый голос что-то говорит, затем отворяются огромные двери сарая, и вижу полусонную фигуру вроде нашего чухны, спрашиваю почты, он на варварском французском диалекте говорит: «Un cheval». «Да, отвечаю». Он выдвигает отчаянную телегу, кладет в нее несколько соломы, запрягает лошадь, садится, и мы пустились в дорогу; в горах раздавались легкие удары грома и сверкала молния. Страх овладел мною. Нигде не было видно ни души;

²⁸⁴ Вероятно, имеется в виду Женеvское озеро.

вдали возвышались огромные горы. Мысль, что я в Италии, в стране разбойников пугала меня; на каждом шагу при виде куста или камня мне чудились разбойники. Мой возница был безгласен, пока вдали не показался огонек и карета, стоявшая без лошадей, что и обрадовало меня, так как я полагал, что это, должно быть, наш возница; мой чухна также показывал на нее пальцем, кивая головою в знак того, что это она. Подъехав, вхожу в комнату и нахожу моих спутников-ирландцев, сидящих за столом и у каждого по стакану грога. Они поздоровались со мною и поздравили меня с успехом. Поужинав, мы расстались, а утром рано отправились в дальнейший путь. Вокруг была зима, нигде не виднелось ни листочка зелени, и вдоль дороги, по которой мы ехали, с одной стороны тянулась речонка, на которой видно было много льда. Кутаясь все более и более от холода, чрез несколько дней мы подъехали к подошве горы Mont-Cenis, чрез которую нам приходилось перебраться на другой день и быть уже в настоящей Италии, в Сардинском королевстве.

Не могу забыть, что во все время этого пути перед нашими глазами возвышались альпийские горы, на которых лепились деревни, казавшиеся, в сравнении с огромными городами – птичьими гнездами; на этих горах имеется несколько наносной земли, на которой бедный народ сеет свои овощи. Меня удивило трудолюбие человека; крестьянин, поселившийся тут, имея уделом вместо плодородной земли голый камень или гранит, в поте лица своего снискивает себе и семейству своему пропитание.

Подъехав к городу Кьюзи²⁸⁵, который стоит у самой подошвы горы Mont Cenis, извозчик просил нас пораньше лечь спать, ибо завтра нам предстоит трудный подъем на гору, для чего и нужно начать его с раннего утра. Мы исполнили его просьбу, и утром в 5 часов нас подняли на ноги; позавтракавши и сядя в карету, мы увидели запряженными в ней до пяти пар сильных волов, позади же кареты были привязаны наши четыре лошади. На дворе было очень холодно, и мы поскорее уселись в наш экипаж. Волы тронулись при громких криках и понуждениях со стороны их хозяев, которые длинными шестами понукали их то в бок, то в шею, и тем не давали им время лениться, а заставляли их тащить на весьма крутую гору этот сильный груз: карету с извозчиком и четырьмя седоками. Вокруг все было мертво: камень и снег; жизнь слышалась только в криках и понуканье погонщиков волов. Это длилось 4 или 5 часов, пока, наконец, мы не взобрались на вершину горы, где нам представилась небольшая площадка с бедным домишкой и с небольшим озером в стороне. Перед нами появилась бедная женщина, почти в лохмо-

²⁸⁵ Кьюзи – коммуна в Тоскане в Италии.

тях, с вопросом – что мы желаем кушать. Мы узнали от извозчика, что у нее, кроме яичницы, ничего не достанешь, то и заказали ей яичницу. Вокруг этой площадки во все стороны не видать было ни малейших признаков жизни; холод проникал через наши теплые одежды, и мы должны были войти в бедное жилище, чтобы согреться. Хозяйка изготовила нам яичницу, дала немного кислого вина, и при хорошем аппетите мы все съели и выпили. Наш извозчик впряг уже свою четверку лошадей, волы же стояли в стороне и отдыхали; каждый из нас дал погонщикам на чай по мелкой монете. Наш извозчик сильно скреплял колеса для предстоявшего крутого спуска с горы. Расплатившись, мы уселись на свои места, и я не предчувствовал, что с вышины Mont-Cenis я распросился с зимою на целые 15 лет.

При спуске в скором времени мы почувствовали теплоту, начали по-маленьку скидывать с себя пледы, затем шинели. Чудо перерождения представилось моему взору: всюду зелень, голубое небо, палящее солнце. Долой пальто, жарко делается в карете. Боже мой, что за прелесть! Вчера был холод, вокруг все было мертво, обнаженные деревья стояли как черные истуканы и украшали мертвую природу. Теперь же цветущее веселое лето, вся природа в зелени и солнце радуется и живит палящими своими лучами. Это перерождение дало мне понять, отчего Италия называется садом Европы. К пяти часам вечера мы были в гостинице, где почувствовали себя немного разочарованными. Народ показался мне страждущим, неопрятным и бедным после тех местностей Европы, которые я проезжал, особенно после Швейцарии, соседки Италии. Вид поселян меня пугал: они стояли кое-где в артистических позах, плащи закинута на плечи ловко, художественно, но они все изношены и в заплатах; характерные лица, с прекрасными темными волосами, но цвет лица желтый, лихорадочный – они выглядят тщедушными. Вообще мне показалось, что где природа так богата своими дарами, человек мало заботится о себе и как будто не соответствует ее прелестьям и красотам.

XVII.

Приехав в Турин²⁸⁶, столицу Сардинии, я восхищался чистотою и отличными постройками города, был в картинной галерее и вечером в богато украшенном театре. Здесь было для меня новостью: за обедом вместо хлеба дают сушеные длинненькие палочки отличной белизны, с которыми и кушают суп. Потом я удивлялся роскошным мундирам офицеров, но для этой роскоши крестьянин сильно обложен податями.

²⁸⁶ Турин – город в области Пьемонт в Италии.

Здесь также даю слуге отеля засвидетельствовать свой паспорт у папского нунция²⁸⁷, и в полной уверенности, что все сделано, как следует, уезжаю в Парму. Здесь кончилось мое условие с извозчиком, который взялся довезти меня из Женевы до Пармы, и ехал с другими седоками далее. Распростившись с моими сотоварищами по путешествию и выплатив должное извозчику, я остался в Парме, где находилась известная, единственная во всей Италии, гравировальная школа, руководимая известным профессором гравирования г. Тоски²⁸⁸, учеником г. Бервика в Париже и другом Уткина. Я познакомился с сим достойным профессором, видел его работу и работы его учеников, которые стекались к нему со всей Италии; между ними были некоторые немцы и даже французы. Он был красивый, дородный мужчина, любим и поощряем супругою Наполеона I-го, Марию Луизою²⁸⁹, держался либеральной партии в Италии, за что даже пострадал, но при жизни Марии Луизы ему все прощалось. Под ее правлением художества и науки в Парме процветали, и народ был счастлив.

Погостив в Парме, я отправился в Болонью; на дороге останавливают нашего возницу, говорят: «Это место – граница папского владения». Среди поля стоят два, три солдата, с таможенным во главе, требуют паспорта. Боже мой, со мной повторение того же случая, что было ночью на границе Савойи! Таможенный говорит: «Ваш паспорт не засвидетельствован в Турине папским нунцием». Вновь уверения с моей стороны, что мною все сделано и заплачено. К счастью, у папских чиновников нет той строгости, как у савойских: дав несколько денег одному и другому, я мог проехать, но они дали мне заметить, что в Болонье я встречу некоторые затруднения; их слова исполнились. Приехав в город поздно вечером, я узнаю, что в том же отеле, где я остановился, проживает русский художник Федоров²⁹⁰. Я с ним познакомился и узнал, что он пенсионер Демидовых,

²⁸⁷ Папский нунций – представитель дипломатической службы Папы Римского в других государствах.

²⁸⁸ Тоски Паоло (1788–1854), итальянский гравер и рисовальщик, профессор гравирования, директор Академии художеств в Парме.

²⁸⁹ Мария Луиза Австрийская (1791–1847), супруга Наполеона I, французская императрица (1810–1814), с 1816 г. по договору в Фонтенбло стала управлять Гуасталлой, Пьяченцей и Пармой с титулом императорского величества.

²⁹⁰ Федоров (Худоярков) Степан Федорович (1809 или 1810–1865), живописец, крепостной заводчиков Демидовых, воспитанник ИАХ. В 1824 году Н.Н. Демидовым отправлен в Италию для усовершенствования в области живописи, где пробыл до 1832 года, обучался у К.П. Брюллова. В 1834 году снова посетил Италию, где под руководством К. Брюллова занимался копированием работ своего педагога и произведений мастеров итальянской живописи.

ученик К.П. Брюллова, и приехал с ним из Рима, так как Брюллову заказана копия со знаменитой картины Рафаэля «Св. Цецилия»²⁹¹.

К 10 ч. утра зовут меня в полицию, где начальник этого ужасного учреждения во время владычества Италии австрийцами, встретил меня с грозным видом, так как мой паспорт показывал, что я жил и в Париже, и в Лондоне; накинулся он на меня со словами, что мне надобно немедленно оставить Болонью и Папскую область. Я начал доказывать совершенно противное, что «я послан правительством, что у меня теперь денег нет, и если вы имеете на то право, то дайте мне средства возвратиться домой и представить ваше поведение с лицом, посланным правительством».

«Очень хорошо, я вас представлю теперь к его эминенце»²⁹² кардиналу нунцию», — и с этими словами он вводит меня в богатый зал, обитый материею, на окнах тяжелые малиновые занавеси, по стенам картины и отличный ковер под ногами. Является кардинал, весь в пурпуре с косым глазом и сердитым взглядом.

— «Вы изволили у всех засвидетельствовать ваш паспорт, а на владениях св. отца папы вы не удостоили его нунция в Турине получить его подпись?».

Я ему рассказал, как обманывают и обкрадывают слуги отелей иностранцев, особенно меня, как художника, недавно окончившего свое воспитание и посланного правительством для усовершенствования. «Я этого не могу принять в оправдание», — был ответ косоглазого кардинала.

— «Тогда буду просить снабдить меня средствами для возвращения в отечество, ибо ожидаю свое содержание получить здесь или в Риме, теперь же я не имею средств возвратиться в отечество, ибо ожидаю своего содержания».

Он начал думать и решил: «Вы должны выплатить вашу пошлину, следуемую канцелярии в Турине, и затем можете оставаться, сколько вам заблагорассудится».

Я получил свой паспорт, с радостью увиделся с К.П. Брюлловым, начал рисовать в отличной галерее картин болонской школы: тут была «Св. Цецилия» Рафаэля; эта галерея называлась «La Pinacoteca»²⁹³. Ве-

²⁹¹ К.П. Брюллов начал выполнять копию с картины Рафаэля «Святая Цецилия», закончена она была его учеником Ф.П. Горецким, ныне находится в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств.

²⁹² Eminence — преосвященство (лат.).

²⁹³ Болонская картинная галерея (Национальная пинакотекка) была создана в 1796 году и включила в себя произведения изобразительного искусства, принадлежавшие Болонской академии, Институту науки, а также местным монастырям и храмам. До 1882 года находилась в ведении Болонской академии, затем стала функциониро-

вать как самостоятельное учреждение. Особую ценность ее представляют шедевры, созданные мастерами болонской художественной школы.

Федоров приискал мне отличную квартиру со столом, кажется за 1,5 скудо²⁹⁵. Болонья — преоригинальный город; все нижние этажи домов состоят из прикрытых арок, дождя нечего бояться и зонтиков не нужно, зато и неба не видать. Город украшен прекрасным фонтаном работы Жан-де-Булоня²⁹⁶. Собор, как и в других городах Италии, не окончен. К.П. Брюллова уважали в Болонье, как некогда Рафаэля в Риме; его сопровождали всегда знакомые и художники, хватали каждое его слово. Он собирался купить дворец и поселиться в Болонье. В то время в театре пела знаменитая певица Паста²⁹⁷, и Брюллов, будучи восхищен ее талантом, начал с нее портрет во весь рост, который никогда не был окончен²⁹⁸. Когда он пожелал начать писать копию с Рафаэля «Св. Цецилия», ему отвели особенный кабинет, сняли оригинал, чего не делали ни для кого другого.

Между тем Брюллов приискал мне отличную картину в церкви Madonna de la Galliera, «Св. Семейство», в рост, со славою ангелов — лучшая работа Франческо Альбани²⁹⁹. К сожалению, оригинал находился над алтарем, на котором все утро до 12 ч. дня происходила служба, и я мог работать в темные зимние дни только от 12 до 3 часов в совершенно маленькой темной церкви, где от темноты не было почти ничего не видно, а от холода руки коченели. Таким образом промучась все это время, я не мог, к сожалению, кончить рисунка.

Во время карнавала я съездил из Болоньи на несколько дней в Венецию, радовался случаю увидеть этот весьма и вполне оригинальный го-

вать как самостоятельное учреждение. Особую ценность ее представляют шедевры, созданные мастерами болонской художественной школы.

²⁹⁴ Болонская Академия — первая Академия художеств в мире, основана в 1585 году.

²⁹⁵ Скудо (итал. — scudo) — название денежной единицы ряда итальянских государств, в Папской области скудо имело хождение до 1866 года, затем было заменено лирой.

²⁹⁶ Булонь Жан де (Джамболонья) (1529–1608), итальянский скульптор, автор знаменитого фонтана Нептуна в Болонье.

²⁹⁷ Паста Джудитта (1797 или 1798–1865), известная итальянская певица (сопрано), выступала на оперных площадках Италии, Англии, Франции.

²⁹⁸ «Портрет Пасты» был начат К.П. Брюлловым в 1833 году в Болонье, но не был завершен.

²⁹⁹ Франческо Альбани создал картину «Святое семейство» в 1630–1635 гг., ныне находится в палаццо Питти во Флоренции.

род и талантливые произведения ее архитекторов, дворцы дожей и влиятельных лиц; на той же степени совершенства находилась и ее живопись, которая украшает как дворцы Венеции, так и дворцы многих европейских государей; ее каналы, площадь св. Марка и собор³⁰⁰, дворец дожей³⁰¹ и картинная галерея³⁰² производят удивление; но этот город навел на меня скуку, так как я во все время в Венеции не видал ни лошади, ни коровы, ни зелени. Осмотрев, что мог, я возвратился в Болонью.

Моими хозяевами были отставной косой бородабрей, у которого была превысокая и претолстая жена sig-га Тереза. У них была претщедушная дочь. Кормили они меня отлично: каждый день куриный суп, затем жаркое — опять курица: эти пернатые в Болонье нипочем. Вино пили отличное. Но провинциальный говор жителей Болоньи, совершенно не схожий с итальянским, рождает в вас скуку, не зная, как привыкнуть к настоящему итальянскому языку.

Относительно Брюллова я начал замечать, что Болонья, несмотря на все его похвалы здешним художникам и на его желание купить здесь дворец и совсем поселиться, начала ему надоедать, что совершенно согласовалось с его непостоянным характером, и я видел, что все это кончится мыльным пузырем. Он начал однажды поговаривать в кофейной, что ему следует съездить на неделю, на две в Рим по своим делам; я тотчас рассмеялся и сказал: «В Болонье вас не увидят более, вот и ваш дворец, который вам оставался так дешево. Хорошо еще, что не дали задатка, иначе вам бы пришлось его потерять!».

— «Ну, нет, — отвечал он, — возвращусь, — мне Болонья и болонцы очень нравятся!».

Я радовался видеть здесь каждое утро на площади знаменитого композитора Россини³⁰³, который в мое время, в 1835 году, в феврале месяце, торговал хлебом и имел карманы, полные фунтиками с пробами разного хлеба. В Болонье всех разом удивил слух, что К.П. Брюллов уезжает. Madame Pasta, желает видеть оконченным свой портрет; академия же не знает, как поступить с картиною Рафаэля «Св. Цецилия»: она снята, публике же хочется ее видеть, между тем, его друзья говорят, что Брюллов скоро воротится.

³⁰⁰ Собор Св. Марка — знаменитый памятник итальянской архитектуры IX–XV вв., кафедральный собор Венеции.

³⁰¹ Дворец дожей был построен в XIV–XVI вв. как резиденция дожей Венецианской республики.

³⁰² Венецианские картинные галереи были основаны Сенатом в 1750 г. как образовательные учреждения, в начале XIX века они приобрели статус музея — хранилища первоклассных произведений итальянского искусства.

³⁰³ Россини Джоаккино Антонио (1792–1868), итальянский композитор.

Итак, Брюллов уехал в Рим. Без него стало скучно. Федоров был крестьянин, только одетый по моде. На третьей неделе великого поста пишу в Рим покойному архитектору Н.Е. Ефимову с просьбою приискать мне меблированную комнату. Н.Е. Ефимов — архитектор-строитель Новодевичьего монастыря в Петербурге, двух домов на Исаакиевской площади, департаментов удельного ведомства и государственных имуществ, строитель Эрмитажа, который сгубил его, от непростительных взяток (он умер в 1852 году)³⁰⁴, — Н.Е. Ефимов как единственный товарищ моего пенсионерства и единственный художник, которого я знал короче других пенсионеров наших в Риме, приискал мне квартиру № 104, Via Gustina, у старушки sig-га Maddalena; получив этот адрес, я простился с Болоньей и отправился прежде во Флоренцию.

XVIII.

Флоренция, именуемая Новые Афины, — премилый город, с прелестными архитектурными зданиями, с единственными двумя картинными галереями: 1) gli Uffizi³⁰⁵ и 2) во дворце Питти³⁰⁶. Обе галереи полны превосходными произведениями живописи, скульптуры и собраниями оригинальных рисунков. Каждый шаг в Флоренции ознаменован, можно сказать, историческими воспоминаниями средних веков: дома содержатся в оригинальной чистоте; превосходные церкви полны сокровищ искусства и науки. Весь город вымощен плитой, имеет отличные набережные с перекинутыми каменными мостами.

³⁰⁴ Ефимов Николай Ефимович (1799–1851), архитектор, профессор ИАХ, почетный вольный общник ИАХ, архитектор Кабинета Его Императорского Величества, в 1827–1830 гг. посетил Австрию, Германию, Грецию, Италию. В Риме изучал и реставрировал памятники древней архитектуры, а также создал ряд акварелей с видами шедевров итальянского зодчества. В С.-Петербурге им построены — Новый Эрмитаж (1840–1852), Здание Министерства государственных имуществ (1844–1850), Дом министра государственных имуществ (1847–1853), Новодевичий монастырь (1849–1861).

³⁰⁵ Галерея Уффици (Галерея канцелярий) построена в 1560–1581 гг., находясь в ней музейное собрание начало формироваться еще в 1575 г., его основой стала коллекция семьи Медичи. В последующее время галерея пополнилась полотнами Л. да Винчи, Тициана, Боттичелли, Джотто и др.

³⁰⁶ Дворец Питти — ведет свою историю с 1458 года, первоначально служил резиденцией банкира Л. Питти, затем семьи Медичи, впоследствии итальянских монархов, памятник архитектуры эпохи Возрождения. Ныне здесь располагается целый ряд музеев — Музей серебра, Музей фарфора, Музей карет, Галерея костюма, Галерея современного искусства и знаменитая галерея Палатина — в ней широко представлены полотна Рафаэля, Тициана, Тинторетто, Караваджо, Мурильо, Рубенса.

Тут я встретил нашего земляка Ивана Ильича Великанова³⁰⁷, который, быв прежде крепостным человеком князя Трубецкого, сделался богачем чрез своих путешествующих земляков, которым он продавал русское добро втридорога, начав с курительного табака Жукова. Жена его, француженка, была ему помогию в его торговле шитьем воротничков, шемизеток и т.п., чем они составили почтенный себе капитал; затем он открыл банк для своих же земляков, наконец, снял поставку мрамора для Исаакиевского собора³⁰⁸ и для московского храма Спасителя³⁰⁹ и тем уже совершенно округлил свой изрядный капитал. Впрочем, И.И. Великанов недолго мог наслаждаться плодами своих трудов: переехав в Петербург, он купил каменный дом, но трудная болезнь, преждевременно свела его в лучших годах в могилу. В его крохотном магазине на реке Арно³¹⁰ я видался с другими личностями, ибо по вечерам в его магазине собирались и русские, и иностранцы.

Тут жил еще другой богатый человек г. Мариотти, который из повара, служившего у русского князя, сделался впоследствии банкиром и имел прекрасный каменный дом против дворца Питти. Он имел жену русскую и дочь, обе строго православные.

Осмотрев все, что касается до художества всех родов, я отправился в Рим как еврей в обетованную землю. Дорогою у нас случилось несчастье: колесо соскочило с места и карета сильно накренилась; в карете были попы, и они в один голос закричали: «S-ta Barbara, salve nos!» («Святая Варвара³¹¹, спаси нас»). Когда мы въехали в народные ворота (Porta del Popolo³¹²), то Рим поразил меня своею обширною площадью с статуями и фонтанами с обеих сторон и зеленью. С левой руки, поднимаясь

³⁰⁷ Великанов Иван Ильич (?–1874), русский предприниматель, коммерции советник, занимался оптовой торговлей.

³⁰⁸ Исаакиевский собор в Петербурге – храм был построен в 1818–1858 гг. по проекту архитектора А. Монферена, в оформлении его принимали участие – В.К. Шебуев, Ф.А. Бруни, П.К. Клодт, И.П. Витали и др.

³⁰⁹ Храм Христа Спасителя в Москве (собор Рождества Христова) был построен в 1839–1883 гг. по проекту К. Тона. Над убранством собора работали такие известные мастера, как И.Н. Крамской, В.И. Суриков, Н.А. Рамазанов и др.

³¹⁰ Арно – река в Италии, протекает от Тоскано-Эмилианских Апеннин и впадает в Лигурийское море.

³¹¹ Святая Барбара (Святая Варвара Илиопольская) (ум. в 306 г.), христианская мученица, покровительница архитекторов и ремесленников.

³¹² Порто-дель-Пополо – название ворот, произошло от находящейся рядом церкви Санта-Мария-дель-Пополо, первый вариант ворот был построен в III в. н. э., затем они перестраивались в XVII в. архитектором Бернини. Современный облик имеют с 1879 года.

вверх, приходишь в гору, именуемую Monte-Pincio, где разведен Пием VII³¹³ отличный сад, называемый La Passegiata del Monte Pincio, и где публика совершает свои вечерние прогулки, чтобы подышать свежим воздухом и развлечься. Эта площадь имеет что-то фантастическое, заставляющее сказать себе: «Вот столица искусств». Посреди стоит обелиск, у подножия его опять фонтан, итого три фонтана при первом только въезде в Рим. В конце этой площади, против народных ворот (del Popolo), имеются три улицы, которые вводят путешественника в Рим; ни вроде лучшей ведут к замечательным местам Рима, а именно, с правой руки Strada del Ripetto, улица Рипетто, ведет через мост св. Ангела³¹⁴, набережную реки Тибра³¹⁵ к св. Петру³¹⁶. Улица del Corso (Корсо), главная артерия Рима, как наш Невский проспект, оканчивается кампидолием³¹⁷ и перед ним древний Римский Foro Romano (римский форум³¹⁸), можно сказать, наш Главный штаб³¹⁹. На этом форуме заключалось все: и храмы для молитвы, и увеселения, и битвы в Колизее, и триумфальные арки для воздаяния почестей возвращавшимся победителям. Третья улица, Il Babuino (улица Бабуино) ведет к Испанской площади – местопребывание богатых путешественников. Она оканчивается Propaganda del Fede (пропаганда)³²⁰ – это строение знаменито не своею архитектурю, а как рассадник католической веры, в котором воспитываются молодые люди всех частей света кроме России; это заведение делает честь папе и его сподвижникам-иезуитам, но еще большая честь и удивление принадлежат России. Она, окруженная со всех сторон деятельным и проникательным католицизмом, могла сохранить в продолжение десяти веков свою православную веру, что и должно удивлять каждого. Затем следо-

³¹³ Пий VII (1740–1823), Папа Римский (1800–1823).

³¹⁴ Мост святого Ангела был построен в 134–139 гг. при императоре Адриане, соединяет правый и левый берега Тибра.

³¹⁵ Тибр – река в Италии, протекает на Апеннинском полуострове.

³¹⁶ Собор Святого Петра – самый большой христианский храм в Европе, был создан в XVI–XVII вв. при участии Браманте, Рафаэля, Микеланджело.

³¹⁷ Кампидолий – то же, что и Капитолий (Капитолийский холм) – один из семи холмов, на которых находится Рим, в VI в. до. н. э. на нем был возведен храм в честь Юпитера, Минервы и Юноны.

³¹⁸ Римский форум – площадь в Риме.

³¹⁹ Имеется в виду Здание Главного Штаба в Петербурге, построенное К. Росси в 1818–1829 гг.

³²⁰ Congregatio de propaganda fide – координирующий центр католического миссионерства в странах всего мира, основанный папой Григорием XV в 1622 году в Риме, в 1627 году к нему присоединили Collegium de propaganda fide, служащий подготовке миссионерских кадров для приобщения язычников к католической вере, эта организация существует и поныне.

вали два знаменитые заведения, известные каждому художнику-иностранцу, как и посетителю Рима, это: трактир Лепре³²¹ и кафе Греко³²²; в последнем вы отыщете всякого художника. Туда приходят все письма и заветный ящичек, находящийся на полочке за спиною кофейщика, которого обязанность и разливать кофе, и подавать спрашивающему ящичек, в котором находятся все заграничные письма, которые каждый художник пересмотрит. Этот ящичек был полон и радости, и неутешной скорби, в случае потери кого-либо дорогого сердцу на родине. В трактире же Лепре вы найдете жителей всех стран света; за каждым столом слышен свой язык, из коих русский царствует над всеми своим шумом и спорами.

По приезде в Рим, несмотря на его грязь и стертые стены домов, вы немедленно с ним дружитесь. Все в нем грязно (1835 г.), но великолепно!

Я отыскал и г. Ефимова, и мою скромную комнату с полом, имевшим огромную впадину посередине, которая весьма часто заставляла меня опасаться, что мы со старухой хозяйкою, с ее мебелью и всеми пожитками рано или поздно задавим нижнего продавца окороков, провалившись в его лавку. Моя хозяйка, s-ra Maddalena, едва могла передвигать ноги, имея почти 80 лет, но была добрая и попечительная хозяйка, отнюдь не строгая к посещению женского пола. Поместившись, как следует, и сторговав цену по 3 скудо в месяц, я посетил кафе Греко и первым из встретившихся мне соотечественников был Ф.Ф. Рихтер³²³ – пенсионер архитектуры, которого я сразу полюбил и мы остались друзьями до самой его смерти (1868 г.).

Тут встретил я наших знаменитостей: К.П. Брюллова и Ореста Ад. Кипренского³²⁴, затем познакомился с остальными товарищами, как-то:

³²¹ Трактир Лепре – место встреч в Риме русских художников, где обсуждались профессиональные вопросы, читались русские газеты и журналы.

³²² Кафе Греко (виа Кондотти, д. 86) – кафе известно с середины XVIII века, его владельцем в 1830-е гг. был Никола дела Маддалена. Кафе в разное время посещали Д. Казанова, И.В. Гете, К.Ф. Мориц, было оно популярно и среди иностранных и русских художников, так, например, именно на его адрес приходила корреспонденция для многих из них.

³²³ Рихтер Федор Федорович (1808–1868), архитектор, профессор ИАХ, член Миланской Академии художеств, во время своего пребывания в Италии (1834–1840) занимался реставрацией Форума Траяна, за что получил в 1839 году звание академика.

³²⁴ Кипренский Орест Адамович (1782–1836), живописец, академик ИАХ, был знаком с Батюшковым, Пушкиным, Жуковским, в 1816–1822, 1828–1836 гг. жил в Риме и Неаполе.

с двумя братьями Марковыми³²⁵, А.А. Ивановым³²⁶, П.Н. Орловым³²⁷ и другими, коих имен за давностью времени не припомню.

Невозможно описать той радости, какую я испытал при виде Форума Романо, при виде храмов, остатков великого Рима, арки Септимия Севера³²⁸, Тита³²⁹, величественного Колизея и даже римской мостовой времен императоров, составленной из больших плит с обозначившимися на них впадинами от бега колесниц. Тут вы чувствуете какое-то священное воспоминание тех школьных страниц из римской истории, изучая которую вы, как юноша, восхищались; теперь же вы гуляете на священной земле победителей всего почти известного мира, гуляете и не можете отдать себе отчета в этой радости: притом над вами простирается чудная лазурь неба и, несмотря на апрель месяц, всюду тепло и зелено. От Кампидолио мало осталось древних его строений. Невдалеке находится темница, в которой был заключен апостол Петр и выведен оттуда ангелом. Колизей же, который сохранился, как и Пантеон, лучше других остатков древности, воскрешает столько трогательных и вместе с тем ужасных воспоминаний, где каждая пядь земли омыта кровью великомучеников за веру Христа Спасителя! И сколько раз являлась мне затем мысль: «Боже, дай этим камням глас, и они поведают и бывшие торжества этим местам форума, и страдания св. мучеников и скажут нам то, что не могли передать нам летописи, ибо камни эти стоят еще в том виде, в каком были воздвигнуты торжествующим Римом».

Осмотрев Форумо Романо, я отправился в Ватикан, сокровищницу лучших произведений искусств, живописи и скульптуры. При виде богатейших остатков греческой скульптуры здесь также, как и на Форуме, рождается мысль, что Ватикан есть тот же Форум – один для архитектуры, другой для скульптуры³³⁰.

Все, что мы видели у себя в академии, с чего учились, чем восхищались, все статуи, которые были отлиты из гипса, которые часто грязни-

³²⁵ Имеются в виду Алексей Тарасович и Михаил Тарасович Марковы.

³²⁶ Иванов Александр Андреевич (1806–1858), известный русский художник, академик ИАХ, на протяжении многих лет жил и работал в Италии.

³²⁷ Орлов Пимен Никитич (1812–1863), живописец, ученик К.П. Брюллова, академик ИАХ, с 1841 года жил в Италии, пенсионер Общества поощрения художников.

³²⁸ Триумфальная арка Септимия Севера находится в северной части Римского форума, воздвигнута в 205 г. н.э. в честь победы, одержанной Септимием Севером над Парфией.

³²⁹ Триумфальная арка Тита находится к юго-востоку от Римского форума, воздвигнута в честь взятия Иерусалима в 70 г. н. э.

³³⁰ В данном случае имеется в виду Музей Кьярамонти в Ватикане, основанный в 1805–1807 гг. как музей классической скульптуры.

лись, ломались, – теперь в Ватикане вы все это встречаете в оригинале, из мрамора, над куском которого сидел некогда сам Фидиас³³¹ или Пракситель³³². Рассматривая эти чудеса искусства и переносясь мыслю в мастерские этих богов искусства, трудившихся двадцать два века тому назад, вы видите их как будто перед работою; их произведения, прожив столько веков и быв свидетелями стольких превратностей в искусстве, сохраняемые как будто богами, дошли, наконец, до наших времен, чтобы сделаться наставниками детей XIX столетия. Стоишь перед ними, вспоминаешь художников и благоговеешь перед ними. Не есть ли Божий дар видеть перед собой торс Аполлона Бельведерского³³³, Лаокоона с детьми³³⁴, Антиноя³³⁵, Клеопатру³³⁶ и множество других, которыми переполнено это дивное собрание скульптурного богатства! Преисполненный восхищением, поднимаешься наверх, где имеется собрание картин. Их немного, но всякая из них может быть перлом любого европейского собрания. Между этими картинами хранится лучшая картина по рисунку и сочинению, которую смело можно назвать бессмертною картиною Рафаэля, это – «Преображение»; по соседству помещена здесь же картина Доминикино «Приобщение св. Иеронима»³³⁷ и мн. др. Осмотрел превосходные произведения Рафаэля Санцио и капеллу Сикстинскую со страшным судом и всем плафоном работы Микеланджело³³⁸. Все эти

³³¹ Имеется в виду Фидий (ок. 490 до н. э. – ок. 430 до н. э.), знаменитый древнегреческий скульптор и архитектор.

³³² Пракситель (род. ок. 390 г. до н. э.), известный древнегреческий скульптор.

³³³ Аполлон Бельведерский – римская мраморная копия II в. н. э. греческого бронзового оригинала скульптора Леохара IV в. до н. э.; в 1511 году по приказу Папы Римского Юлия II она была помещена во двор Бельведер в Ватикане, от которого и получила свое название.

³³⁴ Лаокоон – точное название «Лаокоон и его сыновья», копия, выполненная Агесандром Родосским и его сыновьями Полидором и Афинодором во второй половине I в. до н. э., в 1506 году по приказу Папы Римского Юлия II помещена во двор Бельведер.

³³⁵ В собрании Ватикана имеется несколько скульптур Антиноя, красивого юноши, любимца императора Адриана, который утонул в Ниле, в т.ч. колоссальный бюст Антиноя и его статуя в образе Вакха (ок. 130 г. н. э., Музей Пио-Клементино). Неизвестно, какую из двух скульптур имел в виду Ф.И. Иордан.

³³⁶ Клеопатра – римский мраморный бюст середины I в. до н.э. Музей Пио-Клементино. (Ватикан).

³³⁷ Доминикино «Приобщение Св. Иеронима» (1614).

³³⁸ Сикстинская капелла создана в 1473–1481 гг. по проекту архитектора Джорджо де Дольчи, в росписи принимали участие знаменитые мастера эпохи Возрождения – Микеланджело, Боттичелли, Пинтуриккьо.

дивные произведения служили и будут служить редким образцом полного совершенства исторической живописи.

Осмотрев и познакомившись с частными галереями, я нашел в Ватикане картину «Неверие Фомы» работы Гверчино³³⁹ – поясные фигуры, но К.П. Брюллов, услышав от меня, что я остановил свой выбор на Гверчино, рассердился и начал советовать взять для гравирования то, что есть лучшее в Риме по части живописи. «Поэтому советую вам приступить прямо к рисунку с «Преображенья» Рафаэля», – говорил он. Я удивился его неуместному совету – совету даже несбыточному, что с моей стороны было бы дерзостью, «а так как около оригинала имеется масса копировальщиков, то мне придется ждать год или более», – возразил я. «Это мое дело», – отвечал К.П. Брюллов, – «Через два дня вы получите позволение».

Это время, эти два дня, я скучал, не зная, что со мною станется. Подобное грандиозное предприятие в то время, как мне оставалось всего 18 месяцев получать академическое содержание, пугало меня; а что я буду после делать? Думал, думал и, наконец, сказал себе: «Никто как Бог, буду работать, о будущем же не хочу думать, предоставляю все Провидению».

И действительно исполнилось так, как обещал мне К.П. Брюллов.

Боже, благослови продолжение моих воспоминаний
и дай мне память их припомнить (1875 г.).

Ф. Иордан.

XIX.

Через два дня я получил позволение заниматься в Ватикане, имея товарищами г. Полежини и швейцарца m-r Constantin³⁴⁰, известного французского живописца на эмали. Они оба со своими работами посторонились и по доброте своей открыли мне средину картины, что и нужно было для начала контура. Я начал хлопотать о рисунке и дал себе обет приложить все старание, чтобы превзойти, так сказать, самого себя, не оставлял рисунка почти ни на минуту, вставал утром в 6 часов, к 8 часам был на месте в Ватикане и оставался до 4х часов. Найдя, что оставаться без всякой еды столь долгое время вредно, я начал выходить в полдень в кофейную, находившуюся на площади Св. Петра и тут обыкновенно выпивал стакан кофе с молоком и булкою. Летом было невыносимо зной-

³³⁹ Д.Ф. Барбьери (Гверчино) написал «Неверие Фомы» ок. 1621 г. (Ватиканская пинакотека, Рим).

³⁴⁰ Константин Абрахам (1785 – после 1851), французский живописец, портретист, ученик Ф.П.С. Жерара.

но на этой площади; от нестерпимой жары все вокруг вас, даже скот и собаки – все спало сном усталости. Тут мне приходилось сверх шляпы набрасывать на голову свой сюртук, дабы избавить лицо от палящего солнца. Работающие со мною удивлялись моей выдержке, с какою я переносил летом жару, а зимою холод, не боясь работать с окоченевшими руками в большой зале, где нет никакой печи, кроме жаровни с мелким углем от древесных ветвей.

Решившись, после восьми месяцев колебаний, привести в исполнение задуманное мною, я успокоился и начал изыскивать себе друзей. Первым был мой друг Ф.Ф. Рихтер, человек прекрасный и честнейшей души, отличный рисовальщик, но в композициях не сильный. Он был прилежен и начитан; его беседа была для меня очень полезна. К нам присоединился А.А. Иванов, мой товарищ по Академии и по конкурсу на золотые медали, которые мы получили вместе и вместе отправились в чужие края: я – от Академии, он же – от Общества поощрения русских художников³⁴¹. Мне назначен был Париж, ему – Рим. Характера он был скрытного и всегда смеялся. Он составлял также наше общество. Я приехал после 4-летнего пребывания в Париже и затем в Лондоне в Рим в 1835 г. В это четырехлетие А.А. Иванов написал отличную картину «Христос, яко вертоградарь»³⁴². Затем, почти в одно время, начал я рисунок «Преображенья», а А. Иванов картину «Первое явление Христа народу»³⁴³. Он долго не решался начать ее в огромных размерах. Мы часто сходились в мыслях: написать ее в размере исторических картин Н. Пуссена³⁴⁴. Однажды вечером он приходит в Café Bon Gusto и объявляет, что он решился, наконец, писать ее больше, чем «Медный змий» Бруни³⁴⁵. Пожелав ему успеха, я сделал замечание, что большие наши картины будут занимать много ме-

³⁴¹ Общество поощрения русских художников (с 1875 года Общество поощрения художеств) основано в 1821 году и просуществовало до 1929 года. Общество занималось приобретением произведений изобразительного искусства, организацией выставок, в т.ч. отправляло художников в качестве пенсионеров за границу (среди них были А.А. Иванов, К.П. Брюллов и др.).

³⁴² Вероятно, имеется в виду картина А. Иванова «Явление воскресшего Христа Марии Магдалине» (1836, ГРМ).

³⁴³ Над картиной «Явление Христа народу» А. Иванов работал в течение двадцати лет (1836–1857), это привело к тому, что эскизы к этой картине впоследствии стали рассматриваться как вполне самостоятельные работы, в 1858 году она была выставлена в Петербурге для широкой публики.

³⁴⁴ Пуссен Никола (1594–1665), знаменитый французский художник, известен картинами на религиозные, исторические и мифологические темы.

³⁴⁵ Ф.А. Бруни написал картину «Медный змий» в 1840 году, впервые она была выставлена в Риме, а затем отправлена в Петербург, ныне находится в Государственном Русском музее.

ста; они очень неудобны, посему, если начать, то следует разом начать и разом кончить, не тратя время на разъезды, которые он очень любил и которые затаили и отняли у него столько времени, что и через 20 лет работы он все-таки картину не кончил. Иванов много тратил времени, выслушивая советы гостей и случайных друзей.

Я считал милым, добрым и вполне достойным себе другом Ф.А. Бруни, которого в учениках знал по виду и по фамилии; несмотря на свою молодость, он в Академии был двумя возрастами меня старше. Несмотря на то, что он был вхож в римские дома и даже породнился с домом Серни, богатым содержателем первой гостиницы в Риме³⁴⁶, женившись на его дочери³⁴⁷, он не избегал русских сотоварищей-художников. В короткое время моего с ним знакомства он мне сделал удовольствие пригласить меня с товарищами моими А.А. Ивановым и Ф.Ф. Рихтером на свою свадьбу с премилою девицею Анжеликой Серни. Эта свадьба считалась редкостью, чтобы за художника выдали дочь из богатого дома, ибо художник не может быть иначе, как бедняк и с отчаянными идеями и правилами жизни. Это сватовство морально для г. Бруни дорого стоило. К счастью, мать невесты, римлянка, умерла, а Бруни получил в это время крест св. Анны третьей степени; отец ее, француз, тотчас порешил дело и дал ему руку своей дочери. Угощение в день свадьбы при множестве гостей было превосходное, и я восхищался невестою, которая ласково говорила, обмахиваясь богатым веером из страусовых перьев. Затем молодым пришлось ехать в Петербург; получив там работу для Исаакиевского собора³⁴⁸, Бруни вскоре возвратился в Рим, и я с удовольствием вспоминаю те приятные минуты, которые я проводил в его семействе. Он жил всегда со вкусом и умною роскошью, чему и был обязан своей жене.

Я восхищался О.А. Кипренским, славным художником с предоброю душою, но его фанатическое пристрастие и увлечение своими собственными произведениями доходило до смешного и, наконец, до полоумия. Все, что ни делалось или писалось в Риме, где бы студия какого-либо художника ни находилась, где было на что взглянуть или что увидеть, и в какое бы время года ни случались, наш Кипренский там, и всегда относился благосклонно, особенно когда он замечал, что художник, которого он посетил, ценит его достоинства, ибо самолюбию Кипренского не было меры. Он всех смешил словом «ортодокс», которое он повторял

³⁴⁶ Серни Антонио, отец жены Ф.А. Бруни.

³⁴⁷ Бруни (урожденная Серни) Анжелика Антоновна (1811–1881), супруга Ф.А. Бруни.

³⁴⁸ В 1841–1845 гг. Ф.А. Бруни написал 25 картонов для фресок Исаакиевского собора на сюжеты «Всемирный потоп», «Сотворение мира» и др.

почти ежеминутно. Утром он из первых в кофейной; модель у него имела почти ежедневно. Выходя после завтрака, он запасался белым хлебом; собаки за дверьми кофейной ждали его, и будучи ими сопровождаем до студии, он бросал им куски хлеба, и их драка веселила его. Проработав день, он отправляется бывало обедать и старается отыскать хорошее вино, которое он требует по половине фульсты³⁴⁹, и к концу вечера, когда он едва может говорить от вина, перед ним стоит целая батарея этих полуфульст. Но Боже избави, если прислуга, которая знает его слабость к вину, посоветует ему взять целую фульсту, он входит в обиду, давая ей знать, что он не пьяница и что пьет по малой полуфульсте; если же де понадобится, он спросит другую полуфульсту.

Раз возвращаюсь я поздно из театра, желая что-нибудь закусить, вхожу в трактир. Все столы пусты, прислуга, облокотившись на свои руки, спит. Иду к нашему русскому столу, стоит лампочка и в полутьме вижу Кипренского с целою полубатареей полуфульст; в руках он держит приподнятый стакан красного вина перед лампочкою, восхищается его цветом. Говорил он едва внятно и язык от вина ослаб. Всего удивительнее, что этот же человек, первый из художников, завтракает на другой день веселый, шутит с прислугой и собачки ждут его за дверьми кофейной. Он был довольно красивой наружности, с красивыми выющимися волосами; в говоре слышен был у него свист; он был занят своею наружностью. О нем рассказывали ужасную историю: будто он имел на содержании одну женщину, которая его заразила, и будто болезнь и неблагодарность этой женщины привели его в исступление, так что однажды он приготовил ветошку, пропитанную скипидаром... (наложил на нее) и зажег. Она в сильных мучениях умерла.

Зная мягкий характер Кипренского, я не мог верить, чтобы он мог сделать столь бесчеловечный поступок, разве под влиянием вина, будучи не в своем виде. Однажды я воспользовался случаем и, оставшись один с Кипренским, решился спросить его об этой ужасной истории. Он прехладнокровно ответил мне, что это варварство было делом его прислуги. Она его (т.е. слугу) заразила, и, что он, этот слуга, умер от сифилиса в больнице, почему и не могли судом его (Кипренского) оправдать, а прислугу наказать.

После этого происшествия Кипренский отправился с целью рассеяться от угрызений совести в Париж; из рассказа г. Штейбена я узнал, что Кипренский, бывши в Париже, посетил его; но хотя он был его товарищем по нашей академии, Штейбен его не принял. Затем Кипренский

³⁴⁹ Фульста – мера измерения спиртных напитков.

приехал в Петербург, в 1824 г., написал портрет графа Шереметева³⁵⁰ и картину «Танцующая вакханка»³⁵¹, а возле нее пастушок, играющий на свирели, картина, писанная на лаке, была сильна колером и удивляла каждого оконченностью всех частей картины. Впоследствии от лака и разных новых приспособлений она совсем как будто слезла с холста. Краски отпадали целыми кусками.

У Кипренского была девушка³⁵²; полагают, что она была дочь той несчастной сгоревшей женщины. Он ее ласкал, она должна была читать ему, когда он занимался. Уезжая в Петербург, он поместил ее в *conservatorio*³⁵³, рекомендовав ее кардиналу – главному попечителю этого заведения. По возвращении Кипренского из Петербурга нечаянно встречаю его гуляющим по улице с молодою белокурою римлянкою, хочу поздравить его, он же толкует ортодокс – всегдашнее его слово шутки. В Риме, Боже избави, гулять с римлянкою под руку, если она вам не жена, девицы даже боятся кланяться мужчинам на улице, ибо папы бывало строго держат красивый римский женский пол... и за эти упущения их сажают в монастырь для исправления. Затем мы уже узнали, что это его жена и так как она была католичка, то и Кипренский сделался католиком, иначе в Папской области, где не принят был в то время смешанный брак, иноверца, не принявшего католическую веру, не женят на католичке.

Кипренский нанял отличную квартиру в доме Клавдия Лоррена³⁵⁴ (*Pallazzo di Claudio*) на горе Пинчио и не переставал предаваться своей страсти к вину. Молодая жена его, не желая видеть мужа в сем безобразном виде, часто не впускала его на ночь, и он ночевал под портиком своего дома. И тут, должно быть, он простудился и мы, наконец, узнали о его опасной болезни – воспалении в легких, которая через несколько дней свела его в гроб. Зайдя к нему на квартиру, жаль было видеть стоявший на полу простой гроб с теплящеюся лампадкою в головах. Стари-

³⁵⁰ Сложно определить, о каком именно портрете работы О. Кипренского идет речь в «Записках...», известны портреты Д.Н. Шереметева (1824, ГИМ) и В.С. Шереметева (1825, ГТГ).

³⁵¹ Орест Кипренский написал картину «Танцующая вакханка» в 1821 году.

³⁵² Кипренская (урожденная Фалькуччи) Анна-Мария (181[2]–?), супруга О. Кипренского, изображенная им на картине «Девочка в маковом венке с гвоздикой в руке» (1819). После смерти вдове было отказано в пенсии, поскольку О. Кипренский не находился на государственной службе.

³⁵³ *Conservatorio* – специализированное закрытое воспитательное учреждение для девочек.

³⁵⁴ Лоррен Клод (настоящая фамилия – Желле) (1600–1682), известный французский живописец и гравер.

чок священник сидел в стороне. Прискорбно было видеть это сиротство славного художника на чужбине.

Был октябрь месяц. В Риме этот месяц посвящен веселью и езде в колясках трудящихся женщин, разукрашенных цветами, с бубнами в руках, распевających свои песни; в такой веселый октябрьский день собрались на квартиру покойного свои и некоторые чужие отдать достойному труженику последний долг. Явились могильщики, взяли гроб, снесли вниз, положили на носилки, покрыли черным покровом, взвалили себе на плечи, и целая ватага капуцин, по два в ряд, затащили вслух свои молитвы. Мы же, с поникшими головами, следовали за гробом до церкви St. Andrea del Tirate, где и поставили в память покойного Кипренского на стене мраморную доску с некоторым рисунком в виде дверей. Рисунок был сочинен Н.Е. Ефимовым.

Умирая, Кипренский твердил, что оставляет жену свою беременною. И точно, по смерти его родилась у его вдовы дочь³⁵⁵, которую я с Н.И. Уткиным отыскали в 1844 г. у ее матери, которая вступила во второй брак с каким-то римским маркизом. Для дочери Кипренского Академия составила капитал, но затем как дочь, так и мать исчезли для Академии бесследно, ниже о их жизни и существовании не было известно — они, так сказать, совершенно сошли со сцены у наших благотворителей.

XX.

Главная знаменитость между русскими художниками был К.П. Брюллов — личность неотъемлемого таланта, признанного всеми художниками. Он был моим сотоварищем по Академии, отлично окончил свой учебный курс в Академии и оставил ее в 1821 году; с самых юных лет он был для всех известный и знаменитый художник и, еще будучи учеником, вызывал своими картинами восторг. В 1822 году общество поощрения русских художников, основанное перед тем, а именно в 1821 году, первыми своими пенсионерами сделало двух братьев Карла и Александра Брюлло, архитектора, переименовав их в Брюлловых. В Риме все удивлялись таланту Карла Брюллова; он работал по временам запоем: бывало, утром начнет что-нибудь трудное, вечером усталый и голодный является с папкою и жалуется, что очень устал, когда же покажет работу, то приводит в недоумение от столь огромной и так скоро оконченной работы. В мое время он был на вершине своей славы, будучи известен всей Италии своею картиною «Последний день Помпеи», которая была начата им совершенно случайно, благодаря следующему эпи-

³⁵⁵ Кипренская Клотильда Орестована (1837–?), дочь О. Кипренского.

зоду в его жизни: наш славный пейзажист и как человек весьма уважаемый Сильвестр Федорович Щедрин³⁵⁶ был красавец в полном смысле этого слова. Красотою славился в Риме в то время двое: исторический живописец Камуччини³⁵⁷ и Щедрин. Он держал временную подружку жизни, французенку Демюлень, бывшую до того экономкою в доме одной русской княгини в Риме; m-lle Демюлень страстно любила художников, в особенности Щедрина. Уезжая в Сорренто³⁵⁸, Щедрин познакомил ее с К.П. Брюлловым, который и принял ее как временную подружку..., без которой в Риме трудно жить. Долговременная дружба не была в характере Брюллова, и кто начинал ее искать в нем, скоро разочаровывался, что и случилось с легковерною девицею Демюлень. Брюллов, предчувствуя, что она ревнива, и так как его окна были против ее окон, брал часто куклу или манекен и как будто живую женщину качал его на руках и целовал. Это крайне бесило молодую французенку; она начала замечать это и делать ему выговоры, затем пошла письма.

Однажды вечером Карл Брюллов сидит за ужином, ему подают письмо, взглянув на адрес и зная, от кого оно, К.П. кладет письмо с пренебрежением в карман и забывает о нем. Как вдруг на другой день по Риму разнеслась печальная весть, что рано утром какая-то иностранка на Испанской площади наняла карету к мосту Ponte-Mobo, приехавши к берегу Тибра, расплатилась с извозчиком и, сняв с себя шляпу и шаль, бросилась в реку, причем зацепилась платьем за сучок. Утром же утопленницу вытащили из воды и узнали, что то была девица Демюлень. Когда это горестное происшествие дошло до слуха Брюллова, он только тогда опомнился и прочел вчерашнее письмо. Письмо было написано в отчаянном тоне. Припоминая ему все перенесенные ею обиды, французенка требовала от него в тот же вечер решительного ответа — желает ли он исправиться? Этим происшествием Брюллов был убит, ходил по улицам как потерянный.

В это время случилось, что графиня Самойлова³⁵⁹ была в Риме; она уважала талант Карла Брюллова и, чтобы развлечь его и заставить забыть несчастье, она пригласила его ехать вместе с нею в Неаполь. Посе-

³⁵⁶ Щедрин Сильвестр Федорович (1791–1830), живописец, пейзажист, в 1818 году был отправлен в Италию в качестве пенсионера ИАХ.

³⁵⁷ Точнее — Камуччини Винченцо (1771–1844), итальянский живописец, член Римской Академии Св. Луки, суперинтендант дворцов Папы Римского в Ватикане. Почетный вольный общник ИАХ (1822).

³⁵⁸ Сорренто — город в области Кампанья в Италии, первоначально носил название Сиреон («земля сирен»).

³⁵⁹ Самойлова Юлия Павловна (1803–1875), графиня, в 1820–1830-е гг. живет в Италии, где принимает участие в культурной жизни страны, знакомится с композитором Россини, а в 1827 году с художником К. Брюлловым, который в 1838–1840 гг.

тив Помпею и гуляя по ее развалинам среди мертвой тишины, войдя в улицу Памятников, Брюллов, расположенный к грусти, начал рассуждать о том: что могло быть в этой улице во время ужасного извержения Везувия? Тут и тогда представились ему в воображении те испуганные и спасающиеся группы народа, которые мы видим в его превосходной картине, именуемой «Последний день Помпеи». Эта картина приводила в восхищение всю Италию и всюду пожинала ему лавры.

Во время моего пребывания в Риме Карл Брюллов занимался рисованием небольших портретов со своих сотоварищей, серьезной же работы у него не видал. Был у него тогда большой портрет г. Давыдова³⁶⁰, переименованного впоследствии в графа Орлова-Давыдова³⁶¹. Карл Павлович писал для него семейный портрет: жена Давыдова с ребенком сидят на балконе, а муж подъезжает на лошади³⁶². Портрет был почти окончен, и Брюллов назначил ему последний сеанс в час дня. Между тем, чувствуя утомительный жар, сидя за завтраком у Лепре, Брюллов снял с себя сюртук, жилет и галстук и в разговоре вспоминает, что в час будет Давыдов для последнего сеанса. Только что это было высказано, является Давыдов и учтиво напоминает Брюллову его обещание. Брюллов, несколько не смутившись, отвечает:

– «Признаюсь, сегодня я не расположен работать, извините!»

Давыдов, ничего не отвечая, ушел. Брюллов Давыдова терпеть не мог, говоря: «Он глуп, а корчит из себя умного англичанина». Зато он восхищался его женою, рожденною княжною Барятинской³⁶³.

XXI.

Был у меня также приятель архитектор Томаринский³⁶⁴, скромный малый, сын нашего академического диакона Антона Осиповича³⁶⁵, кото-

написал ее портрет с приемной дочерью, ныне он находится в Государственном Русском музее.

³⁶⁰ Портрет В.П. Орлова-Давыдова был выполнен К. Брюлловым в Риме в 1834 году, его теперешнее местоположение неизвестно.

³⁶¹ Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882), граф, писатель, почетный член Академии наук, тайный советник.

³⁶² Имеется в виду полотно К. Брюллова «Орлова-Давыдова с дочерью Наталией Владимировной в замужестве кн. Долгорукой», созданное им в Риме, (1834, ГТГ).

³⁶³ Орлова-Давыдова (урожденная Барятинская) Ольга Ивановна (1814–1876), графиня, супруга В.П. Орлова-Давыдова.

³⁶⁴ Томаринский (Тамаринский) Михаил Антонович (1812–1841), архитектор, пенсионер ИАХ в Италии.

³⁶⁵ Томаринский Антон Иосифович (1788–1847), дьякон церкви Святой Екатерины при ИАХ, иконописец, автор работ на религиозные сюжеты

рый был у нас псаломщиком в 1809 г., когда я мальчишкою был принят в Академию. Отец Томаринского не убил времени даром; будучи нашим псаломщиком, он учился рисовать и писать красками. Академическая церковь имела хоругви, им написанные. К несчастью, будучи произведен в диакона, он начал сильным и принужденным голосом оканчивать Евангелие и многолетия на молебнах, надорвался, был тщедушен и детей народил тщедушных. Сын его, талантливый архитектор, предчувствуя свою грудную болезнь, унаследованную от отца, употреблял все предосторожности от грудного недуга, но болезнь взяла свое, — он не мог избежать своей горестной участи. Простудившись, Томаринский получил сильную опухоль в боку, которая была полна разлагающейся материи. Ему сделали операцию, вышло огромное количество пахучей желтой воды и чрез несколько дней его не стало.

Я душевно оплакивал его кончину и гости, бывшие у меня вечером, в день его похорон, П.В. Анненков³⁶⁶, Н.В. Гоголь³⁶⁷, А.А. Иванов, заметив это, предложили мне поехать с ними за город, чтобы развлечься. Н.В. Гоголь, любясь на чудный закат солнца, описание которого, вероятно, понадобилось ему для какого-нибудь из его произведений, не имея с собою ни пера, ни бумаги, видимо, старался запечатлеть в своей памяти представшуюся нам чудную картину.

Вечная память Томаринскому, вполне достойному молодому человеку!

Вечернее время мы часто проводили с А.А. Ивановым, иной раз и с Ф.А. Бруни в кафе «Bon Gusto», у Надзари.

Томаринский, сын нашего дьякона, был человек лет за 35, среднего роста, всегда чисто одетый; вместе с ним приехал, как я уже сказал, Александр Васильевич Логановский³⁶⁸, брат нашего академического священника, отца Михаила³⁶⁹, представлявший с ним во всех отношениях совершенную противоположность. Логановский, скульптор, был величайший добряк, и Томаринский подтрунивал над его невероятною добротою и оригинальным простодушием. Логановский жил на одной квар-

³⁶⁶ Анненков Павел Васильевич (1812 или 1813–1887), русский литературовед, литературный критик, в 1840–1843 гг. путешествовал по Италии, друг Н.В. Гоголя.

³⁶⁷ Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель, в 1837–1839 гг. жил в Италии.

³⁶⁸ Логановский Александр Васильевич (1812–1855), скульптор, яркий представитель классицизма, профессор ИАХ, пенсионер ИАХ.

³⁶⁹ Логановский Михаил Васильевич (17[9]?–1857), священник церкви Святой Екатерины при ИАХ, учитель закона Божьего в Воспитательном училище при ИАХ.

тире с живописцем Михаилом Ивановичем Скотти³⁷⁰, который, пользуясь его простотою и доверчивостью и желая выманить у него бутылку шампанского, вздумал однажды ошеломить его, сказав:

– «Ф.И. Иордан читал в английских газетах, что наши взяли Хиву». (Это было во время несчастной экспедиции гр. Перовского в 1839 году)³⁷¹. – «Ведь это дело важное, неслыханное», – продолжал Скотти, – «Стоит, брат Логановский, выпить шампанского».

Тот в изумлении на радости согласился, распили бутылку шипучего, а вечером услышали совершенно противоположные вести. Рассказ об этом эпизоде возбудил всеобщий смех, а на меня была возведена небылица – я никогда не читал подобной новости и никогда о ней не рассказывал.

Среди наших пенсионеров было два молодых красавца: скульптор А.В. Логановский и А.И. Резанов³⁷². Высокий ростом, белокурый, с красивою наружностью, дышавшей здоровьем, Логановский отличался, как я уже сказал, добрейшею душою и был весьма прилежен. В Риме он сделал мало замечательного, но его ожидала впоследствии огромная работа для московского храма Спасителя³⁷³, которой он обогатил строителя храма К.А. Тона, а себе стяжал славу и деньги. В Риме он имел четырех соперников по скульптуре: Н. Пименова³⁷⁴, А. Иванова³⁷⁵, Ставассера³⁷⁶ и Николая Александровича Рамазанова³⁷⁷. Первенство между ними принадлежало Н.С. Пименову, сыну нашего профессора С.С. Пименова³⁷⁸, человека мало кем любимого, грубого в обращении и поклон-

³⁷⁰ Скотти Михаил Иванович (1814–1861), живописец, профессор ИАХ, инспектор Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в 1839–1844 гг. находился в Италии.

³⁷¹ В 1839 году генерал В.А. Перовский возглавил поход на Хиву, который закончился неудачей русской армии.

³⁷² Резанов Александр Иванович (1817–1887), архитектор, профессор ИАХ, ректор по архитектуре ИАХ, председатель Императорского С.-Петербургского общества архитекторов.

³⁷³ В 1847–1849 гг. А.В. Логановский совместно с Н.А. Рамазановым, П.К. Клодтом и другими скульпторами создал фигуры святых и ангелов для храма Христа Спасителя в Москве.

³⁷⁴ Пименов Николай Степанович (1812–1864), скульптор, профессор ИАХ, в 1837–1843 гг. пенсионер ИАХ в Италии.

³⁷⁵ Иванов Антон Андреевич (1815–1848), скульптор, академик ИАХ, пенсионер ИАХ в Риме (1841–1846).

³⁷⁶ Ставассер Петр Александрович (1816–1850), скульптор, ученик С.И. Гальберга.

³⁷⁷ Рамазанов Николай Александрович (1817–1867), скульптор, искусствовед, профессор ИАХ, пенсионер ИАХ в Италии (1843–1846).

³⁷⁸ Пименов Степан Степанович (1784–1833), скульптор, профессор ИАХ, ученик М.И. Козловского.

ника Бахуса. Его работы «Св. Владимир»³⁷⁹, отлитый из бронзы украшает Казанский собор и находится у входных дверей этого храма, а группа «Геркулес и Итак, которого он давит в своих объятиях»³⁸⁰, стоит у Горного корпуса. О С.С. Пименове рассказывали много неприятных историй.

Его сын, наш сотоварищ по Риму, был выдающийся художник; его «Нищий» стяжал похвалу всего художественного мира в Риме; им восхищались лучшие иностранные художники, которые ставили его наравне с древнегреческими статуями.

В то время, как Пименов работал над этой статуей, мы совершенно потеряли его из вида; многие говорили, что он познакомился с Аделаидою, известною анконитанкою, дочерью французского консула в Анконе³⁸¹, которая поселилась в Риме и не будучи хороша собою, увлекала, однако, многих своим кокетством. Сперва она зналась с французами, а под конец полонила увлекавшегося и талантливого Пименова, держала его в руках и заставляла работать; плодом ее строгости было появление отличной статуи «Нищий»³⁸², которая обессмертила русскую школу и ее ученика.

Антон Иванов был человек с талантом, но мужиковат и мало образован; не находя себе подходящего общества, он часто засиживался в кабачках, где чрезвычайно пристрастился к вину. Не без таланта вылепил он молодого «Ломоносова, задумавшегося во время работы над сетью»³⁸³, фигуру «Негра»³⁸⁴ и, кажется, «Париса с яблоком»³⁸⁵. По возвращении в Петербург, он скоро умер от холеры.

Петр Ставассер был скульптор весьма талантливый и добрый, но слабый характером и до крайности чувствительный. Сделанные им женские фигуры отличаются нежностью и грацией; лучшая его работа, над которою он умер в 1848 г.³⁸⁶, находится в Эрмитаже, – это группа «Са-

³⁷⁹ В 1807 году С.С. Пименов за статую «Святого Владимира» для Казанского собора был удостоен звания академика.

³⁸⁰ Точное название скульптуры С.С. Пименова «Геркулес и Антей» (1811).

³⁸¹ Анкона – город и порт в области Марке в Италии, известный еще со времени античности, основан ок. 390 г. д.н.э.

³⁸² Имеется виду мраморная скульптура Н.С. Пименова «Мальчик, просящий милостыню» (1842, ГРМ).

³⁸³ Скульптура А.А. Иванова «Юноша Ломоносов на Родине» (1845, ГРМ).

³⁸⁴ Имеется в виду мраморная скульптура А.А. Иванова «Негр, убивающий камнем змею».

³⁸⁵ За скульптуру «Парис и яблоко» А.А. Иванов в 1844 году получил звание академика, теперь она находится в Русском музее в Петербурге.

³⁸⁶ П.А. Ставассер умер не в 1848 году, а в 1850 году.

тир, восхищаясь нимфою, подвязывает ей сандалий»³⁸⁷, сделанная из мрамора; там же находится его «Русалка»³⁸⁸, высеченная также из мрамора. Он свел дружбу с молодым пенсионером Рамазановым, талантливым художником-скульптором, но который под влиянием чересчур полной чары вина становился весел и шумлив до буйства; как человек с умом и приятный собеседник, он привлек к себе Ставассера и другого пенсионера-скульптора, Климченко, который также оставил несколько скульптурных произведений, как, например, «Нарцисс смотрящийся в воду», который украшает один из фонтанов в Петергофе³⁸⁹. Оба эти достойные молодые художника погибли жертвою своей неводержанности, не быв в состоянии вынести того, что вынес Рамазанов; оба они скончались в Риме; Ставассер от чахотки, а Климченко – от лечения посредством методы Leroi, коего сильные лекарства годны были только для лошадей, а отнюдь не для людей.

Грустно мне было слышать брань народа, когда мы везли Климченко на Monte Testaccio, чтобы предать его земле. Его друг, псаломщик П.И. - Зотиков³⁹⁰, строгий последователь правил нашей церкви, игнорируя здешний климат, вследствие которого тело умершего начинает быстро разлагаться и его приходится хоронить в самый день смерти, решил, что его друга следует предать земле, по нашему северному обычаю, на третий день. Время стояло жаркое; я явился отдать последний долг товарищу и только что хотел подняться (в комнату покойного), как меня поразил ужасный смрад; едва поставили мы гроб на дроги, и они тронулись, кучер немедленно заткнул себе нос, и римлянки, сидящие по обыкновению на улице, особенно торговки, которые сидят постоянно у дверей своих лавок, пораженные этим ужасным зловонием, поносили невинного покойника самыми неприличными словами. Я никак не мог следовать за покойным и оставил труп Климченко на полдороге.

Что касается до кончины Ставассера, она была для меня неожиданностью. Встретив его однажды по пути на Monte Pincio³⁹¹ и поздоровавшись с ним, спрашиваю его о здоровье.

³⁸⁷ Скульптура «Сатир и нимфа» П.А. Ставассера (1845 ГРМ и ГТГ) была воспеана А. Фетом в одном из его стихотворений.

³⁸⁸ Скульптура П.А. Ставассера «Русалка» находится в ГРМ.

³⁸⁹ Климченко (Климченков) Константин Михайлович (1816–1849), скульптор, в 1842–1849 гг. пенсионер ИАХ в Риме, автор мраморной скульптуры «Нарцисса», созданного для фонтанного бассейна Колонистского парка в Петергофе в 1849 году. Его захоронение на римском кладбище Тестаччо не сохранилось.

³⁹⁰ Зотиков Петр Иванович (1814 или 1815–1855), псаломщик российской посольской Свято-Николаевской церкви в Риме.

³⁹¹ Monte Pincho (Гора Пинчо) – холм в северо-восточной части Рима, находя-

– «Оно не худо, только я сильно потею и по утрам чувствую лихорадку», – был его ответ.

Недели через две приходит ко мне товарищ и просит на похороны Ставассера, который скончался в тот день по утрам, а вечером надобно было уже свести его на Monte Pincio.

Время после 1848 года было бурное³⁹²; папа бежал из Рима, с ним вместе уехали все посланники, в том числе и наш Бутенев³⁹³ с православною церковью и ее священником. Ставассера хоронить было некому, мы отправились к католическому священнику, тот отказался; отправились к протестантскому пастору, тот немедленно согласился, спросив: на каком языке ему лучше читать молитвы? Ему сказали, что так как Ставассер был скульптор и, работая из мрамора, имел много мастеровых, которые все желают проводить его, да и земляки товарищи покойного более понимают итальянский язык, нежели немецкий, то мы просим его, пастора, отслужить на итальянском языке.

В назначенное время мы привезли тело Ставассера на кладбище и опустили его в могилу; туда же приехал и пастор Папет. Он начал читать молитвы на итальянском языке, с сильным акцентом; итальянцы было улыбнулись, но прекрасные, чувствительные слова молитвы заставили их слушать с благоговением; чтение «Отче наш» и троекратное благословение, произнесенное над умершим, произвело на итальянцев такое впечатление, что глубоко растроганные молитвою, они с прискорбием бросили горсть земли в открытую могилу на труп столь рано отошедшего друга и сотоварища нашего. Многие римляне заметили при этом: «Вы более христиане, нежели мы, католики».

Н.А. Рамазанов ничего не произвел в Риме и, наконец, вследствие жалоб папского правительства, вызванных его неводержанностью и буйным характером, он был выслан оттуда нашим посольством с фельдьегерем в Петербург. По возвращении в Россию Рамазанов получил место профессора в Москве, в школе живописи и ваяния, был любим учениками и москвичами, сделался мужем и отцом семейства. По временам, от излишнего употребления алкоголя, он производил скандалы в

щийся внутри aureалинских стен (III в. н. э.). В древнем Риме на его склоне располагались сады и виллы знатных особ. Современный облик садово-парковой зоны принял в 1809–1814 гг. (арх. Дж. Валадье).

³⁹² В марте 1848 года в Италии происходила первая война с Австрией за независимость, которая завершилась поражением итальянцев.

³⁹³ Бутенев Аполлинарий Петрович (1787–1866), российский дипломат, член Государственного совета, действительный тайный советник, русский посол в Риме.

публичных местах и скончался в Москве в зрелых годах вследствие своей неводержанной жизни.

В наше время восхищали нас молодой пенсионер Академии художеств Михаил Иванович Лебедев³⁹⁴ и Штернберг³⁹⁵, бывший одних лет с ним.

М.И. Лебедев по простоте своей был сердцем совершенный младенец, по художеству же, как ландшафтный живописец, это был великан. Несмотря на свои юные годы, он пользовался уважением не только своих сотоварищей, но и иностранных художников. М.И. Лебедев почти ежегодно учился под чудными деревьями в известной галерее, ведущей из Альбано в Кастель Гандольеро³⁹⁶. Картины этой местности, написанные им, остались его лучшими произведениями, но их очень мало. Неисповедимая судьба увлекла его в 1837 году на лето в Неаполь, как вдруг там появился неожиданно бич Божий – холера. Через несколько дней после его отъезда, получаем мы от него письмо, в котором он пишет, что смерть похищает вокруг него и знакомых, и друзей, и что он не надеется остаться в живых, увидеть Рим и товарищей. Мы испугались за него, увидав из его письма, что он предался отчаянию; а страх и боязнь представляют, как известно, самую благоприятную почву для развития этой неумолимой болезни. Наше предчувствие, к прискорбию, оправдалось, и Михаил Иванович Лебедев скончался вместе с другом моим и товарищем по Академии, П.И. Пниным³⁹⁷, который поехал в Неаполь, чтобы пожить с ним вместе; один за другим сошли они в преждевременную могилу.

М.И. Лебедев, как писали нам потом из Неаполя, заразился холерою единственно из боязни ею заразиться. Все сожалели о столь ранней потере.

Недолго пришлось нам ожидать другой потери – не менее талантливого молодого художника, каким был Штернберг, отличавшийся редким дарованием в изображении народных сцен в веселом духе, которыми он был известен в России; особенно удавалось ему изображение мелких подробностей; к сожалению, он приехал в Рим, чтобы слечь в раннюю

³⁹⁴ Лебедев Михаил Иванович (1811–1837), живописец, пенсионер ИАХ в Италии (1834–1837), где занимался пейзажной живописью.

³⁹⁵ Штернберг Василий Иванович (1818–1845), живописец, пенсионер ИАХ в Италии, друг Т.Г. Шевченко.

³⁹⁶ Точнее, Кастель Гандольфо – город в Италии недалеко от Рима, расположенный над озером Альбано.

³⁹⁷ Пнин Петр Иванович (1803–1837), живописец, портретист, выпущен из ИАХ с аттестатом 1-ой степени, служил в Департаменте народного просвещения. Сын русского писателя и философа И.П. Пнина.

могилу. Познакомившись с ним, я был поражен его скромною и болезненно наружностью, и мне тотчас представилось, что этот талантливый молодой человек не сложит костей своих на родине. Он это предчувствовал и старался жить в здоровой местности с хорошим воздухом, не замечая, что зло гнездится в организме, и это зло – чахотка которая уложила его в мать сырую землю в лучших годах. Все его любили, сожалели о нем и знали его неизлечимую болезнь. Его любил и уважал как родного сына Апполон Николаевич Мокрицкий³⁹⁸. Штернберг умер, можно сказать, на его руках.

XXII.

Между тем я продолжал прилежно заниматься начатым мною рисунком; к удовольствию моему, когда я его окончил, многие из русских и иностранных художников остались им довольны. Его увидал даже знаменитость Италии – гравер Тоски, который не побрезгал зайти ко мне и тем оказал мне большую честь. В то время, когда я рисовал копию с «Преображения», некоторые приезжие иностранцы желали приобрести этот рисунок. Итальянцы не могли разгадать цели моей работы, отнюдь не предполагая, что я буду гравировать этот рисунок, особенно будучи русским гравером. Из Петербурга же В.И. Григорович то и дело напоминал мне, что, сделав копию, я должен буду начать гравировать.

Окончив рисунок, как я уже сказал, я простился с Ватиканом. Скучно было отвыкать от здоровой привычки – ходить каждое утро за полторы версты от моего дома, т.е. от улицы Via Sixtina, 104-й, до св. Петра. Эта прогулка и ежедневный моцион отлично действовали на мой аппетит. Желая отдохнуть по окончании рисунка, я собрался ехать в Неаполь.

Был май месяц. Поговаривали, что на границе римской области были случаи холеры. Этот слух пронесся в субботу, а в воскресенье утром мы выехали, имея в карете четырех пассажиров и двух впереди, в купе; погода была прелестна, и мы проезжали очаровательные места: Витербо³⁹⁹, Загороло⁴⁰⁰ и, наконец, приехали в Террачино⁴⁰¹, живописное местечко, лежащее в конце папских болот, известных гнилым лихорадочным воз-

³⁹⁸ Мокрицкий Аполлон Николаевич (1810–1870), живописец, академик ИАХ, ученик К. Брюллова, преподаватель Московского училища живописи и ваяния, в 1841–1849 гг. жил и работал в Италии. Оставил свои воспоминания о встречах с А.С. Пушкиным в 1835–1836 гг.

³⁹⁹ Витербо – город в области Лацио в Италии.

⁴⁰⁰ Загороло – небольшой город в Италии недалеко от Рима.

⁴⁰¹ Террачино – точнее Террачина – город в области Лацио в Италии.

духом. Горе, если проезжающий тут вздумает дорогою заснуть, он получит немедленно *la terzana* – трехдневную или перемежающуюся лихорадку. Вы видите здесь по сторонам дороги пасущийся отличный скот и пьете превосходное вино; вся местность изрезана канавами для осушки болот, и эта-то стоячая вода и заражает воздух. Попадающиеся изредка жители этой местности – тщедушные, все с огромным животом и желтым цветом лица – следствие худого воздуха и дурной воды. Всюду царствует смертная тишина и безлюдье; виднеются заброшенные монастыри и церкви. Ни духовный, ни светский человек здесь жить не может; поселившись тут, всякий умирает от климата или бежит от этих пагубных мест. Эта нездоровая местность, которая тянется на 25, на 30 верст, начинается у Загороло и оканчивается у города Террачино; тут бывают сильные жары, от которых вся растительность высыхает, а как скоро выпадет дождь, то поднимаются испарения в виде тумана; эти-то испарения и порождают лихорадку. В этой же местности возвышается живописная скала, на которой уцелели развалины дворца Теодориха⁴⁰².

Когда мы приехали в Террачино и остановились в гостинице, нас начали страшать, что не пустят через границу, которая отстоит от Террачино всего на полчаса езды. Мы же утешали себя тем, что выехали из Рима здоровыми и там не было холеры, зачем же нас удерживать? Однако мы начали торопить хозяина с обедом; карета была готова, и мы уселись, наконец, в нее с смутным предчувствием, что вряд ли нам быть в Неаполе, ибо в Террачино нам сказали, что рано утром с бешеной скоростью проехал в Неаполь курьер от неаполитанского посла в Риме.

При выезде из ворот Террачино вам представляется обворожительный пейзаж; пред вами перспектива как будто серебряных гор; по левую руку возвышаются стеною обросшие зеленью скалы: по левую [правую], у самого берега голубого моря, идет почтовая дорога, которая приводит вас к желтым воротам, упирающимся в скалу с одной стороны и в море с другой; вдали виднеется стража.

Увидав нашу карету, подъезжавшую к ним, солдаты замахали руками, чтобы мы остановились и кричали нам издали: «Нельзя». Мы же кричим, что мы здоровы и выехали, когда в Папской области ничего не было. Наконец, несут жаровню и щипцы, мы бросаем наши виды; их подняли щипцами, окурили над жаровнею и понесли в гауптвахту. Там наши фамилии были записаны и нам посоветовали выждать ответа в Террачино, ибо за разрешением для нас пропуска будет послано в Неаполь. Наше предчувствие сбылось, нам пришлось поместиться в гостинице.

⁴⁰² Имеется в виду дворец Теодориха Великого (454–526), короля остготов.

Со мною в одной комнате остановился молодой архитектор из Женеви.

Вид из окон на море при лунном свете был восхитительный. На берегу рыбаки закидывали сети и ловили рыбу. Здесь вся эта работа производится ночью, так как днем от жары даже рыба не всплывает вверх. Швейцарец был вне себя от чудной картины, рисовавшейся перед нами: тихое море, луна, серебристые горы вдали и рыбаки на первом плане. Прохлада в воздухе после дневного жара услаждала нас. Так жили мы изо дня в день, выжидая ответа. Вся компания, и я в том числе, совершили, под палящим солнцем, в карете по берегу небольшую поездку; утопая в глубоком горячем песке, (измучившись) не менее наших бедных лошадей, изнемогая от жары, мы кое-как добрались до большого острова на Средиземном море, *San-Felice* (Сан-Феличе)⁴⁰³, известного в древние времена под именем Сциллы и Харибды, где путешественники, прельщаясь сиренами, пропадали в глубине морской. Наградой за это утомительное путешествие были усталость и издержки; на острове мы ничего не нашли замечательного.

На восьмой день нашей праздной жизни в Террачино, мы получили ответ, что в Неаполь ехать нельзя. Получив это неприятное известие, мы немедленно собрались ехать обратно в Рим; пришлось ехать только ночью, днем же мы спали от невыносимой жары.

Я возвратился к моей хозяйке, у которой прожил все время, пока я работал в Ватикане над рисунком «Преображенье»⁴⁰⁴. Моя квартира помещалась внизу, над лавкою продавца окороков, откуда шел неприятный запах; к тому же у стенки поместился еще продавец арбузов. Арбуз, разрезанный на ломтики, привлекал бездну мух: вдобавок пол моей комнаты, с ямою посередине, не был надежен (поэтому я решил переехать в другую квартиру).

Возвратившись из неудачной поездки в Неаполь, я вознамерился начать гравировать; купил доску английской меди, которая обошлась 50 скудо, и пюпитр для нее, стоивший 30 скудо, и с остальными 50-тью скудо принялся за десятилетнюю работу, в продолжение которой я не знал праздников. Моя хозяйка видела, что я не могу у нее остаться, и очень сожалела об этом. Вскоре по моем возвращении в Рим посетила меня нежданная гостья, римская лихорадка, которую я получил в Террачино, отворяя по вечерам окно в угождение моему соседу, архитектору-

⁴⁰³ Сан Феличе, точнее Сан-Феличе-Чирчео – коммуна в области Лацио в Италии.

⁴⁰⁴ Ф.И. Иордан начал гравировать «Преображение Господне» с оригинала Рафаэля в сентябре 1836 года. См. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 174.

швейцарцу. Добрая старушка Магдалена, несмотря на то, что я не думал остаться ее жильцом, в продолжение почти трех недель ходила за мною как родная мать. Меня лечил доктор Риккарди и, увидав, что у меня римская лихорадка (перемежающаяся, т.е. через день в третий), сказал мне:

– Теперь вы, гражданин Рима, познакомьтесь с нашею хиною.

Я измучился лихорадкою до того, что получил желтуху; но с Божьею помощью оправился, наконец, от нее. Теперь надобно было искать квартиру.

Взглянув как-то раз на входные двери нашего дома, вижу билетик, гласивший, что на моей же лестнице, в третьем этаже, отдается комната и спальня. Не теряя времени, я поднялся туда, звоню, мне открывает толстая старуха, хромая, вежливо показывает мне комнаты, бедно, но чисто обставленные простою мебелью, с отличною постелью; к тому эти две комнаты составляли третий этаж, а хозяева жили в надстройке в виде 4-го этажа. Квартира мне очень понравилась, и я тотчас нанял ее за 6 скудо в месяц; спускаюсь к своей Магдалене и говорю ей, что нанял квартиру в третьем этаже у г. Ченчи. «Боже мой, что вы сделали!» – воскликнула она, – «У них никто не может жить: муж вроде иезуита бичует себя; к ним не может никто ходить. В 9 часов вы должны быть дома, а если вы забыли взять с собою ключ от квартиры, то придется ночевать хоть на улице». Я утешил мою старушку, сказав: «Всему вами сказанному я рад; мне предстоит много работы, и чем я буду спокойнее, тем более буду доволен».

Я расплатился с нею, поблагодарив ее особенно подарком за ее попечения обо мне во время моей болезни, тотчас начал укладывать свои вещи и к вечеру был уже на новой квартире; вскоре явился ко мне мой новый хозяин, тщедушный и хромой, с большим носом и желтого цвета лицом; он поздоровался со мною, держа за руку маленького, очень красивого мальчика лет десяти. Это был единственный его сын. Хозяин оказался гравером, по имени сер Филиппо Ченчи, жену его звали сера Мария Джузеппе, а мальчика, их сына, Джованни.

Хозяин робким голосом начал перечислять мне правила, которые соблюдались в его жилище, так как жилище это, при малом их семействе, было тихо и имело свои порядки: «Мы рано встаем и рано ложимся», – говорил он, – «жильцу даем ключ от его квартиры; до девяти часов вечера мы сами отворяем двери, но позже жилец отворяет их своим ключом; в 9 часов мы в постели и просим не забывать ключ, иначе можете остаться на улице. Женский пол у нас не вхож в дом; белье стираем дешево городских прачек; прислуга у нас также домашняя, моя хозяйка будет наблюдать за чистотою».

Все эти правила мне очень понравились, и я, не медля, нанял эту квартиру на год, установил свой стол с пюпитром, перевел контур, вставил рисунок за стекло, и когда я увидел мою огромную медную доску совершенно чистою и подумал, сколько предстоит на ней работы и что мне придется не раз подымать ее при ее сорокафунтовой тяжести, а главное, что мне предстоит жить, не имея никаких средств в кармане, то, признаюсь, мне пришло в голову, что для этого надобно иметь характер, который я однажды выказал: будучи в учениках первым шалуном и ленивцем, я переродился в самого прилежного, сделавшись в то же время самым скромным молодым человеком.

Этому характеру и этой решимости во что бы то ни стало начать и окончить эту огромную работу и счастливому исходу ее, т.е. окончанию этой работы, никто верить не мог. Многие из римских граверов предполагали, что я очень богат и приглашу для этой большой работы других граверов: одного для пейзажа, другого – для драпировок, третьего – для выгравирования воздуха и т.д., себе же оставлю одни головы. На это я многим отвечал: «Я сам начну гравировать и сам кончу без малейшей помощи. Во-первых, я не имею средств, во-вторых, эти помощники снимут с моего труда сливки, а мне оставят снятое молоко».

Итак, к удивлению всех художников, русский гравер начал гравировать «Преображение» Рафаэля, гравюру такой величины, какой с этой картины еще не существовало.

Я написал о своем решении в Петербург; радовался хорошей квартире; у меня был балкон с цветами, с которого открывался вид до известной церкви Santa Maria Maggior⁴⁰⁵. Этот балкон составлял тупой угол дома, вследствие чего я постоянно пользовался солнцем, которое зимою согревало мою комнату, летом же закрытые ставни предохраняли меня от жары. Благодаря этой счастливой обстановке, я принялся с величайшею охотою за дело и в самое короткое время подготовил верх гравюры, отпечатал ее и послал в академию.

Несколько времени спустя, я получил из Академии лестный отзыв о моей работе и узнал, что Академия, будучи довольна ею, выхлопотала мне двухгодовой пенсион или казенное содержание, так что я оказался богачом.

⁴⁰⁵ Санта-Мария-Маджоре – одна из четырех базилик и единственная, которая сохранила свою оригинальную структуру, строительство началось в V в. н. э., современный фасад создан архитектором Ф. де Фугой в 1740 году.

Зимой 1836 года посетил Рим великий князь Михаил Павлович⁴⁰⁶. Погода стояла холодная, иной день шел даже снег. Наши художники с дозволения добрейшего нашего посланника графа Гурьева⁴⁰⁷ устроили выставку в доме посольства; жена Гурьева⁴⁰⁸, кажется, дочь знаменитой Марии Антоновны Нарышкиной⁴⁰⁹, была очень легкомысленна и являла особое внимание к банкиру Алесандро Торлони⁴¹⁰, который по ночам пробирался тайком в их дворец.

На этой выставке меня поразил успех в живописи, сделанном г. Нефф[ом]⁴¹¹, с которым я познакомился в Ватикане в то время, как я работал над рисунком «Преображения».

Он писал в Ватикане копию с фигуры «Св. Екатерины» с картины Тициана, известной под названием «Пять святых». Эта копия была замечательна по колориту. На выставке, устроенной русскими художниками, была его картина малого размера: «Молодая и старая крестьянки, спускающиеся с лестницы»⁴¹², которую тотчас купил великий князь. На этой же выставке находился и мой рисунок, и когда великому князю было доложено, что он сделан для гравирования, то, зная, что граверы употребляют латинское слово *senplsit*, его высочество говорит мне: «Это для *senplsit*».

Великий князь заказал Каневскому⁴¹³ сделать акварелью его портрет⁴¹⁴. В Риме вел. кн. Михаил Павлович ходил в партикулярном платье,

⁴⁰⁶ Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, генерал-фельдцейхмейстер, главнокомандующий гвардейскими и гренадерским корпусами, в воспоминаниях современников отличался большой любовью к порядку и дисциплине.

⁴⁰⁷ Гурьев Николай Дмитриевич (1789–1849), граф, российский дипломат, тайный советник, статс-секретарь Министерства иностранных дел, российский посол в Риме (1832–1837), Неаполе (1837–1841). Во время своего пребывания в Италии был знаком со многими русскими художниками.

⁴⁰⁸ Гурьева (урожденная Нарышкина) Марина Дмитриевна (1798–1871), графиня, супруга Н.Д. Гурьева.

⁴⁰⁹ Нарышкина (урожденная Святополк-Четвертинская) Мария Антоновна (1779–1854), супруга Д.Л. Нарышкина, неофициальная жена Александра I, отличалась особенной красотой, воспетой Г.Р. Державиным.

⁴¹⁰ Торлони Алесандро (1800–1886), князь, банкир.

⁴¹¹ Нефф Тимофей Андреевич (1805–1876), живописец, профессор ИАХ, хранитель картинной галереи Эрмитажа, в 1835–1837 гг. жил в Италии.

⁴¹² Имеется в виду работа Т.А. Неффа «Две итальянки» (1835, Петергоф).

⁴¹³ Каневский (Каниевский) Ксаверий Ян (Иван-Ксаверий Ксавериевич) (1805–1867), польский живописец, литограф, академик ИАХ, в 1833–1842 гг. пенсионер Министерства народного просвещения, в т.ч. жил и работал в Италии.

⁴¹⁴ К. Каневский написал акварельный портрет вел. кн. Михаила Павловича в 1837 году, ныне находится в Государственном Русском музее.

именно, в синем сюртуке и серых брюках, поэтому Каневский хотел изобразить его в этом костюме; увидав это, великий князь с презрением сказал: «Что это ты сделал? Я кажусь борообреем, сделай меня в должном виде!» Каневский написал его в мундире. Великий князь вскоре оставил Рим, приказав мне выгравировать его портрет.

Пришлось снять с пюпитра мою огромную доску, на которой я готовился приступить к гравированию нижней части «Преображения»⁴¹⁵, и заняться гравюрой в крупном виде, ибо портрет⁴¹⁶, как голова, так и все остальное, следовало сделать гораздо большего размера против фигур «Преображения». Пришлось переменить манер с мелкого на крупный.

Настал замечательный для Рима 1837 г. В России кончилась холера, побывала в Германии и, наконец, во Франции; но эти страны не проникнуты святостью католической веры, подобно Риму со святым отцом Григорием XVI⁴¹⁷, где, как говорили набожные римляне, Матерь Божия не допустит ужасной болезни коснуться святой земли, где каждая пядь освящена жизнью и страданиями святых мужей единой святой католической церкви. Народ ходил, пожимая плечами; иные поговаривали, что бояться появления жаров в июле и августе месяцах. Я же боялся не столько холеры, сколько суеверия римлян, и у меня рождалась мысль, как скоро появится холера в папских владениях, оставить Рим и ехать во Флоренцию.

Портрет великого князя уже порядочно подвинулся, как появилось известие, что холера поблизости Рима и даже в самом Риме. Встретив в кафе Греко моего друга, англичанина скульптора Берлоу, здорового и красивого молодого человека, я начал описывать ему опасность пребывания в Риме во время холеры и сообщил ему, что я намереваюсь уехать отсюда во Флоренцию. Он посмеялся над моим страхом, заметив, что страшиться надобно римлянам, которые едят Бог знает что, но нам, иностранцам, с нашим бифштеком, бояться нечего. Несмотря на его увещания, я не был спокоен.

⁴¹⁵ В апреле 1837 года Ф.И. Иордан отправил в Академию художеств пробный оттиск верхней части гравюры «Преображение Господне» и получил положительный отзыв Совета ИАХ. См. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 185, 186.

⁴¹⁶ Ф.И. Иордан создал гравюру – портрет вел. кн. Михаила Павловича по акварели К. Каневского в 1838 году.

⁴¹⁷ Григорий XVI (1765–1846), Папа Римский (1831–1846), проводил реакционную политику в папской области, при нем произошел финансовый кризис, процветали коррупция и судебный произвол, по его инициативе папская область была оккупирована австрийскими войсками (1830–1838) с целью недопущения развития движения карбонариев – борцов за единую и свободную Италию.

Во время обеда мы получили письмо из Неаполя о смерти М.И. Лебедева и П.И. Пнина. Это испугало меня. Вечером, выйдя гулять на Корсо, вижу, народ стоит кучками и у всех скучные лица; на мои вопросы мне отвечают, что в больницу св. Иакова привезли двух солдат из пограничной стражи, что их привезли утром, а к вечеру они уже умерли. Услышав это, я поспешил взять место во Флоренцию у извозчика Перетти. К счастью моему, хотя карета была полна седоками, но оставалось еще одно место пустое; заплатив семь скудо, я занял его, затем отправился на свою квартиру и объявил, что завтра утром еду во Флоренцию. Хозяйка мои испугались, а старушка, мать хозяина, говорит мне: «Мать Пресвятая Богородица не попустит и не даст нам испытать это зло. Cholera постигла не верующих в святого отца папу, его молитвами Господь сохранит нас. Напрасно вы уезжаете». Я ее утешал, говоря, что Бог сохранит их, я же еду во Флоренцию. Бедная старушка не предчувствовала, что она одна во всем нашем доме будет жертвою (этой ужасной болезни).

Я был душевно рад и спокоен, когда наша карета тронулась, и мы выехали, наконец, из Porto del Popolo (Народные ворота). Мы проезжали по восхитительной местности Viterbo; особенно любопытен пограничный город папской области, Ра-ди-Гофани⁴¹⁸, который стоит на такой высоте, что кажется, будто он поднялся под самые небеса. Видя эту возвышенность с церквями и домами, бывало удивляешься, когда извозчик говорит вам, что завтра вы будете там ночевать.

В последующие годы в летнее время, во избежание римской лихорадки, мне приходилось не раз проезжать этою дорогою в июле и августе месяцах и я всегда удивлялся этому чудному городу.

XXIV.

Во Флоренции я нанял квартиру, весьма удобную для моих занятий – гравирования портрета великого князя Михаила Павловича.

Флоренция в полном смысле слова заслуживает названия Новых Афин. Всяду чистота, чудные собрания картин; народ добродушный, все гораздо дешевле, нежели в Риме, кофейни образцовые, только вода нехороша, ибо тут нет (1837 г.) акведуков, подобно тому, как в Риме, проходя по которым вода очищается; здесь же ее накачивают из колодца в дом в известный сосуд большого размера, именуемый la cisterna, и тут она стоит в жару. Наливая эту воду в стакан, видишь как в ней ныряют во все стороны, в виде белых точек, (инфузории); это показывает, что вода нечиста, поэтому ее всегда пьют, подбавляя вино. Обеды вкусные и

⁴¹⁸ Имеется в виду город Радикопани в области Тоскана в Италии.

сытные обходились во Флоренции по самой сходной цене, к тому же вы получаете здесь отличное вино. На улицах встречаешь очень много продавцов книг и мелких эстампов. Флорентинцы народ опрятный, образованный, крайне экономный и копейку берегут, где могут; у них не случается ни убийств, ни краж.

Приехав из Рима во Флоренцию, при виде чудной природы и порядка, вам кажется, будто вы очутились в Германии, это вполне, можно сказать, благословенный город!

Мне здесь передавали странный обычай: будто все замужние женщины имеют поклонников. Это происходит таким образом: муж достигает богатства весьма часто уже в престарелых годах и вместе с тем не имеет времени угождать своей жене; тогда она выбирает себе cavalier servente, т.е. покорного слугу, который сопровождает ее всюду и довольно близок к ней. Муж этому рад, ибо в молодости он занимал у влиятельного лица ту же должность и старается знакомить молодого друга своей жены, так же как и она, со своими знакомыми и родными, вводить его в хорошее общество. Молодой человек исполняет эту обязанность до тех пор, пока может встать на ноги или получить независимость, тогда он оставляет свою даму и делается ее другом, а сам, поистершись порядком, становится мужем и дает своей жене право искать поклонника, каковым сам был в молодости. Меня удивляло, что когда во Флоренции говорили о какой-либо даме, то всегда упоминали имя ее поклонника. Но так как флорентинцы народ самый образованный в Италии, то все это передавалось так осторожно, что подобные рассказы вас отнюдь не оскорбляли и, казалось, что так должно быть по уставу самой природы.

Из Рима получались, между тем, самые печальные вести: холера уносила по несколько сотен жертв. Во Флоренции же о ней и не думали, и я мог прилежно заниматься, посещая по временам ее живописные окрестности, как, например, Фьезоли⁴¹⁹, с остатками циклопических стен, которые состоят из огромных камней, нагроможденных один на другой и не связанных цементом. Фьезоли – отечество знаменитого Доменико-де-Фьезоли⁴²⁰, неподражаемого по святости, с кою написаны его образа или картины, столь ценимые знатоками искусства. Я видел в Фьезоли также превосходной архитектуры церковь San Miniato⁴²¹, украшенную

⁴¹⁹ Точнее Фьезоле – город в области Тоскана в Италии, возможно, основан в IX в. до н. э., был важным членом конфедерации этруских городов.

⁴²⁰ Имеется в виду Фра-Джованни Фьезолский (1377–1455), известный итальянский живописец, монах доминиканского монастыря.

⁴²¹ Скорее всего, церковь Сан-Миниато аль Монте – церковь во Флоренции, памятник архитектуры XII века.

живописью средних веков. Тут существует и крепость⁴²², над которою трудились по инженерной части Леонардо да Винчи⁴²³ и Микеланджело Буонарроти – оба известные живописцы.

Флоренция лежит как будто в котловине, будучи окружена со всех сторон горами; на их высотах построены: San Miniato, Фьезоле, Белосгардо⁴²⁴, вилла Кварто⁴²⁵, имение великой княгини Марии Николаевны⁴²⁶ (1837 г.). Из этих мест вид на Флоренцию восхитительный. Она видна как на ладони; ее дворцы, церкви и башни придают ей с этой высоты обворожительный вид.

XXV.

К сентябрю месяцу из Рима начали получаться более утешительные вести. Я решил ехать домой. По приезде в Рим, на квартиру, я был поражен неприятным запахом: все замки, задвижки у окон и дверей оказались сильно заржавленными и хозяева с поникшими головами сообщили мне прискорбную весть, что их старушка, мать Ченчи, которая удерживала меня от поездки во Флоренцию, была одною из первых жертв холеры. После ее смерти явилась комиссия с разными травами, обладающими самым едким запахом, и окурила ими всю квартиру. Испарения от этих трав были столь едки и сильны, что все, что было в комнатах металлического, заржавело; хозяева старались к моему приезду все очистить и освежить воздух, но не могли успеть в этом. Боясь потерять во мне исправного жильца, они просили меня иметь терпение, уверяя, что все придет со временем в порядок. Оставленный мною на квартире лишний инструмент я должен был выбросить, так как от ржавчины он никуда не годился.

Освободив свой чемодан и разместив все по местам и комодам, я принялся слушать рассказы моих хозяев о случившемся во время моего отсутствия и узнал, что суеверие народа дало первый толчок к развитию губительной и смертельной болезни – холеры.

⁴²² В 1530 г. Микеланджело превратил в крепость находившийся здесь Бенедиктинский монастырь.

⁴²³ Леонардо да Винчи (1452–1519), известный итальянский живописец, ученый.

⁴²⁴ Точнее Бело Гуардо – холм под Флоренцией, сохранивший свой облик со времен эпохи Возрождения, на котором располагались виллы.

⁴²⁵ Вилла Кварто – построена в XV веке, в XIX веке принадлежала Жерому Бонапарту, королю Вестфалии, затем великой княгине Марии Николаевне.

⁴²⁶ Мария Николаевна (1819–1876), великая княгиня, президент ИАХ (1852–1876), в 1862 году Мария Николаевна поселилась на Вилле Кварто и стала собирать произведения изобразительного искусства, пользуясь советами художника и коллекционера Карла Лифара.

В начале августа (1837 года) были редкие случаи заболевания, но 15-го августа в Риме бывает большой праздник в церкви San Giovanni Laterano⁴²⁷, на который сам папа отправляется ежегодно с большим церемониалом, дабы присутствовать при службе и затем с балкона дает свое благословение народу и, как говорится, всей вселенной. В этой церкви имеется чудотворная икона Пресвятой Девы, и эту икону было решено нести после обеда, т.е. после вечерни, с торжеством в церковь Santa Maria Maggiore для избавления города от страшного бича – холеры. День был невыносимо жаркий; народу, более всего черни, собралось несметное количество; все молились с усердием, слышны были стенания, фанатические возгласы о помиловании города. «Никогда вы не увидите такого исступления народа, – говорил хозяин, – каковое было в этот день. Смотря на икону, народ молил ее с криком, обливаясь горячими слезами; разувшись, все шли за процессией босыми ногами, обливаясь потом от невыносимой жары. Вся эта масса народа в экстазе, сопровождаемая множеством священников и монашествующих, казалось, звала Пресвятую Богородицу с небес быть заступницею от ожидаемого несчастья. Процессия кончилась и все спокойно разошлись по домам, уверенные, что молитвы их услышаны. Но судьбы Господни неисповедимы. На другой день разнеслась ужасная весть: во всех концах Рима появилась холера, люди умирали среди ужасных конвульсий в самое короткое время; в один день, 16-го августа умерло до 400 человек! Тут обуял всех ужас: не выходя со двора, все готовились к смерти у себя дома. Процессии были запрещены; гробов не доставало, и правительство соорудило огромную повозку (il carelone), которая разъезжала за трупами по ночам, окруженная жандармами с горящими факелами. Как скоро эта повозка появилась в начале улицы, звонок давал знать тому несчастному семейству, у которого имелся покойник или покойница, что его следует вынести на улицу и положить у входной двери в гробу или завернутого в простыне, все равно. Погребальная компания брала труп, вбрасывала к прочим, часто просто втискивала в повозку, желая поскорее окончить свое печальное шествие. Так и нам пришлось снести вниз нашу старушку и видеть, как ее втокнули в повозку без священника и гроба. Не говоря уже о народе, из коих многие ожидали смерти, многие римляне бросали своих родных, когда замечали в них первые признаки холеры;

⁴²⁷ Базилика Сан-Джованни Латерано, или собор Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме – кафедральный собор Рима (базилика датируется 324 годом), в его строительстве в разное время принимали участие многие архитекторы, в т.ч. Д. Фонтана и Ф. Борромини, окончательно все работы по его устройству были завершены только в 1735 году.

но жившие тут иностранцы, оставив всякую боязнь, являлись в дома, оттирали страдавших конвульсиями и многих через то спасали. Священники, любя жизнь, с трудом шли исполнять свой долг над умирающим; они исповедовали и приобщали, стараясь не прикасаться к больному, во многих же случаях не являлись вовсе, боясь холеры и смерти».

Но кто отличился в это время ужаса и крайней беспомощности бедного класса, так это были иезуиты⁴²⁸, которых всегда римляне презирали за их вкрадчивое обращение с молодыми людьми; но во время этой холеры иезуиты без всякой боязни и с редкою готовностью исполняли христианскую требу, наделяли пищею и бельем беднейший класс населения и переносили на своих плащах, вместо носилок, умирающих в госпитали, если того требовала болезнь. Их карманы были полны медикаментами, и в иных случаях они сидели у умирающего до последней минуты его жизни. Все это я слышал весьма часто от протестантов, конечно, с саркастическим замечанием, что иезуиты всегда готовы пожертвовать тем или другим из своих собратьев, зато потерю их они приобретают тысячи новых прозелитов для своего ордена. Так можно судить, когда ужасное зло кончилось, но что чувствовал несчастный больной, когда при первых признаках страшной болезни, все его бросали, и вдруг являлась к нему помощь. В беспомощности больной не знал, кем она ему оказана, но, выздоровев, он чувствовал признательность и не знал, как оценить то благодетельное существо, которое явилось его ангелом избавителем, будь то протестант, католик, иезуит или капуцин – ему все равно; помощь, оказанная, быть может, в минуту смерти, или пища, поданная в час голода, неоценимы! Память об этой неожиданной помощи будет жить в его сердце до конца жизни.

В это время случился потрясающий факт, показывающий, до чего могут дойти люди, несмотря на то, что все римляне крайне мнительны и благочестивы.

Холера сразила трех монахинь французского ордена «Святого сердца Христа»; монахини этого ордена славились отличным образованием и пением, так как многие из них владели хорошими голосами, и так как монастырь Della Santa Trinita (святой Троицы)⁴²⁹, в котором они помещаются, находится на самом видном месте Рима, на горе Пинчио, где

⁴²⁸ Иезуиты – монашеский орден, основанный в XVI в., отличавшейся особой жесткой дисциплиной.

⁴²⁹ Монастырь Санта-Тринита был основан в 1494 году Франциском из Паолы, затем появилась Церковь Санта-Тринита дел Монти – францисканская церковь в Риме, построена в 1503 году на средства Людовика XII, которая потом перестраивалась архитектором К. Мадерной.

начинается гулянье, носящее имя (la Porosgiata del Monte Pincio) «гулянье на горе Пинчио», то этот монастырь известен всему Риму. Провидению угодно было посетить и это святое жилище смертоносным недугом – холерою, от которой умерло три монахини. Их ожидала общая участь, тела их были положены на общую повозку, и когда они были привезены на кладбище, то отчаянный народ – могильщики, не имевшие, конечно, ни веры, ни совести, при виде полных еще жизни трех дев, надругались над ними, не боясь ни холеры, ни ее заразительности... Зная строгую девственность монахинь, они опорочили их трупы... Этот поступок привел в ужас и негодование весь Рим. Неизвестно, какая участь постигла могильщиков. Говорили, что некоторые из них умерли.

Следует заметить, что в эти дни всеобщего ужаса те несчастные, которые боялись холеры, шли навстречу смерти. Друг мой, англичанин Берноу, который не советовал мне уезжать из Рима и отличался, как истый англичанин, твердым, самостоятельным характером, увидав вокруг себя все ужасы холеры и слыша ежедневно, как люди умирали от нее в несколько часов, до того растерялся, что М-ме Кольер, в доме которой он был принят как хороший знакомый, желая излечить его от этого страха, возила его в своем экипаже по главным улицам Рима, дабы он мог более привыкнуть к воздуху, которого он так боялся, и мог бы видеть народ, гуляющих возле тех домов, где были случаи холеры.

Однако ничто не помогло; страх навлек на него холеру; многие из иностранцев, знавшие и любившие его, поспешили к нему на помощь; а он, лежа на смертном одре, просил их не приближаться, говоря с мольбою:

– «Пусть я один умру, я не желаю, чтобы моя смерть была причиною смерти моих друзей».

И этому талантливому портретисту и скульптору, одному из лучших художников по этой части пришлось умереть; он один из столь великого числа живущих в Риме художников сделался жертвою холеры. Вечная память тебе, милый Берноу, и благодарность как человеку с прекрасною душою и добрым сердцем, коими я всегда восхищался.

В конце того же 1837-го года я кончил работу портрета его имп. высочества вел. кн. Михаила Павловича. Им были довольны граверы Рима. Из дома я получил похвальный отзыв, и меня сделали академиком.

По окончании этой работы я принялся вновь за гравирование «Преображения», но, проработав над крупною гравюрою, каковым был портрет великого князя, я начал прокладывать нижнюю часть доски, вследствие этого, несоразмерно крупными штрихами, что причинило мне много труда и работы при окончании гравюры.

Итак, я принялся за работу, которую предстояло окончить не ранее 1850-го года; а так как я нахожусь теперь в 1838 году, то я и расскажу то, что случилось мне видеть, делать и знать в эти 12 лет.

XXVI.

Начинаю с друзей моих, из коих на первом плане стоял мой искренний друг, американский скульптор Томас Кроуфорд⁴³⁰. Он приехал в Рим почти в одно время со мною, и мы с первого взгляда как сошлись, что прожили вместе пятнадцать лет, как говорится, душу в душу. Кроуфорд, красивый молодой скульптор, благороднейших правил, учился в Нью-Йорке у одного из наших скульпторов, ученика Торвальдсена⁴³¹; слышавшись о богатстве северной Америки, он переселился туда; его профессор часто рассказывал ему о Риме и о России, пел ему русские песни и военные марши; сам Кроуфорд играл на фортепиано; наслушавшись этих рассказов, он мечтал об Италии, но будучи бедняком, не имел средств до нее добраться; услышав однажды, что из Нью-Йорка отправляется в Ливорно⁴³² купеческий корабль, он поступил на него юнгою и, претерпев все трудности переезда морем, добрался благополучно до Ливорно и, наконец, в Рим. Между тем, в Рим приехал один богатый американец, узнав о Кроуфорде, о его положении и о желании учиться, он дал ему хорошие заказы и тем сделал его сразу человеком независимым.

Кроуфорд был другом американского консула, к которому была откомендована одна девица – дочь богатого банкира, девушка весьма красивой наружности, с огромным состоянием. Их было три сестры; две старшие вышли за поэтов. Будучи богаты, они желали выйти замуж за даровитых молодых людей, избегая богатых – недалеких по уму. Мой друг Кроуфорд познакомился с этой барышней и вдруг стал пропадать; пронесся слух, будто консул сватает ему красавицу и богачку⁴³³. Однажды я встречаю его на улице, он показывает мне богатое кольцо на левой руке и описывает достоинства своей невесты, эксцентричность ее сестер, их взгляды при выборе мужей, вследствие чего и она решилась от-

⁴³⁰ Кроуфорд Томас (1813–1857), американский скульптор, в 1835 году приезжает в Рим для усовершенствования своего искусства.

⁴³¹ Торвальдсен Бертель (1768 или 1770–1844), знаменитый датский скульптор, запечатлел в своих работах известных деятелей науки, писателей, в т.ч. представителей русского дворянства, известна его скульптура «Александр I», почетный вольный общник ИАХ, в 1797–1838 гг. жил и работал в Италии.

⁴³² Ливорно – город в регионе Тоскана в Италии, впервые упоминающийся в начале XI века.

⁴³³ Т. Кроуфорд женился на Луизе Катлер Вард в 1844 году.

дать ему сердце и руку. Я дружески поздравил его и искренно порадовался за него; он же сказал, что богатые и влиятельные родные его невесты приглашают их отпраздновать свадьбу в Америке и что он скоро туда уезжает. По приезде он обещался навестить меня, говоря, что я тогда увижу какое богатство ума и сердца он приобрел в своей невесте и что она имеет свыше 500 тыс. скудо или 600 тыс. руб. серебром и будет получать с этого капитала свыше 30 тыс. руб. дохода. Кроуфорд с улыбкою прибавил: «Теперь можно забыть всю мою предыдущую бедность и нужду, которые никому так хорошо не известны, как вам, мой милый Иордан».

Затем я его более не видал; но через год мы с ним встретились вновь. Он нанял прелестную виллу «Негрони»⁴³⁴, с прекрасным садом, познакомил меня с прелестнейшим существом – своею женою. Мы были все те же друзья, только беззаботная веселость холостяка в нем исчезла. Он получил огромный заказ на 500 тыс. скудо, памятник Вашингтону⁴³⁵, кажется, в Филадельфию, который был отлит из бронзы в Мюнхене.

Я расстался с Кроуфордом в 1850 году, уезжая в Петербург. Возвратившись в 1853 году вновь в Италию, я остановился во Флоренции; Кроуфорд приехал навестить меня со всем своим семейством; он был уже отцом трех дочерей. В то время у нас в России происходила война с англичанами. Он удивлялся нашей политике: Россия выстроила себе флот, не выпустила из него ни одного ядра и затопила свои суда. «Мы бы, американцы, прежде подрались, – говорил он, – и таким образом могли бы поучиться, как впредь следует драться, а уже затем начали бы топить флот». Впоследствии я узнал, что Кроуфорд получил от простуды рак в глазу, ужасно страдал, ездил в Париж лечиться и там умер. Тело его было отвезено в Нью-Йорк, где его встретили с большим торжеством депутаты и художники и предали земле.

Его друг американец, художник по части исторической живописи, женился на его вдове.

Упокой тебя, Господь, до радостного утра, мой искренний друг!

XXVII.

Во время моего пребывания в Риме туда приехал наша знаменитость Николай Васильевич Гоголь; люди, знавшие его и читавшие его сочине-

⁴³⁴ Вилла Негрони построена архитектором Д. Фонтаной для Папы Сикста V.

⁴³⁵ Конный памятник Д. Вашингтону работы скульптора Т. Кроуфорда, находится в Ричмонде, штате Вирджиния, известна дата получения заказа на эту скульптуру – 1849 год.

ния, были вне себя от восторга и искали случая увидеть его за обедом или за ужином, но его несообщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этот восторг. Только мы трое: Александр Андреевич Иванов, гораздо позже Федор Антонович Моллер⁴³⁶ и я остались вечерними посетителями Гоголя, которые были обречены на этих ежедневных вечерах сидеть и смотреть на него, как на оракула и ожидать, когда отверзнутся его уста. Иной раз они и отверзались, но не изрекали ничего особенно интересного.

Доброта Гоголя была беспримерна, особенно ко мне и к моему большому труду «Преображение». Он рекомендовал меня, где мог. Благодаря его огромному знакомству, это служило мне поощрением и придавало новую силу моему желанию окончить гравюру. Гоголь сидел обыкновенно опершись руками о колени, зачастую имея перед собою какие-нибудь мелкие покупки: они развлекали его. Часто встретишь его, бывало, в белых перчатках, щегольском пиджаке и синего бархата жилете; он всегда замечал шутя: «Вы – Рафаэль первого манера», и мы расходились, смеясь. Гоголь многим делал добро рекомендациями, благодаря которым художники получали новые заказы. Его портрет⁴³⁷, писанный Моллером, – верх сходства; мне пришлось два раза гравировать с него.

В это же время приехал в Рим Ф.А. Моллер, пенсионер академии художеств, красивый молодой дворянин и художник с блестящим талантом и хорошими средствами, всегда веселый и крайне старательный. Его картина, известная под названием «Поцелуй»⁴³⁸, заставила говорить о нем весь Рим; «Русалка»⁴³⁹, по стихотворению Пушкина, была менее удачна; наконец, он написал в Риме еще портрет Гоголя.

После одной весьма неприятной истории, случившейся с Моллером, в нем произошла резкая перемена. Невдалеке от моей квартиры жила горбатая баба, имевшая трех дочерей, из которых средняя была очень симпатична. Старуха-мать хотела извлекать из дочери средства к жизни... Средняя дочь, прелестная собою, служила моделью для живописцев, и многие художники пользовались ею. Молодой Моллер, человек впечатлительный и весьма добрый, начал писать с нее «Обручаль-

ное кольцо»⁴⁴⁰, картину, находящуюся ныне (1875 г.) в Александрии⁴⁴¹ в Петергофе; имея хорошие средства, Моллер, сошелся с этой девушкой, и они оба исчезли. Всех интересовало узнать, что стало с Моллером. Узнаем, наконец, что семейство горбатой бабы решительно завербовало его, все живут на его счет, и что средняя дочь даже беременна от Моллера и что заставит его жениться на ней. Друзья начали хлопотать о том, чтобы освободить его, и успели в этом; ему пришлось только заплатить деньгами. Девушка эта родила сына, на которого вновь пришлось положить известную сумму. Затем свершилось настоящее перерождение Моллера; он предложил у себя квартиру и стол одному бедному живописцу-остзейцу, который некогда отравился грибами, и хотя был спасен, но страдал по временам болью в желудке и, наконец, от этой болезни скончался на руках Моллера. Крайне опечаленный этим неожиданным случаем, Моллер сам ходил звать нас на его похороны. В воскресенье утром мы приехали на Monte Testaccio⁴⁴², куда явился вскоре пастор и совершил обряд погребения. Моллер был очень скучен и взволнован; зная его характер – характер настоящего художника, которого живописный вид, встреча красивой девушки и тому подобное приводит в восторг и заставляет забывать всякую грусть, я предложил ему ехать с нами в Альбано, но он мне отвечал на это: «Мне понравилось слово, сказанное над моим другом, пойду еще помолиться за него в церковь». Итак, все мы, провожавшие его, отправились по домам.

Два дня спустя встречаю Моллера на улице; он рассказывает мне, как он был доволен, посетив церковь, где он познакомился с пастором, пил у него вчера чай, и нашел, что пастор Папет – преумный и преученый священник; этот пастор воспитывал у какого-то герцога детей и по причине слабого здоровья переселился в Рим. Моллер сделался его искренним другом. Папет был, действительно, отличный проповедник. Между тем в Рим приехала из Германии одна богатая вдова, на которой этот пастор решил жениться. В это время случился в Риме английский архиерей, который их обвенчал после воскресной службы, и Моллер был главным распорядителем на свадьбе; в числе приглашенных был и

⁴³⁶ Моллер Федор Антонович (1812–1874), живописец, портретист, профессор ИАХ, в 1838–1841, 1843–1847, 1850–1856-гг. жил в Италии.

⁴³⁷ В 1840–1841 гг. Ф.А. Моллером было создано пять портретов Н.В. Гоголя, какой именно имел в виду – Ф.И. Иордан неизвестно.

⁴³⁸ Ф.А. Моллер написал картину «Поцелуй» в 1839 году, теперь она находится в Государственном Русском музее.

⁴³⁹ Ф.А. Моллер создал полотно «Русалка» в 1841 году, долгое время оно находилось во дворце «Коттедж» в Петергофе, теперь в частном собрании.

⁴⁴⁰ Точное название работы Ф.А. Моллера «Девушка с кольцом» (1841, Музей-заповедник «Петергоф»).

⁴⁴¹ Александрия – резиденция российских монархов в Петергофе (1830–1917), названа в честь супруги императора Николая I Александры Федоровны. Вероятно, картина Ф.А. Моллера находилась во дворце, построенном там в 1829 году архитектором А. Менеласом, получившим затем название «коттедж».

⁴⁴² Monte Testaccio – кладбище в Риме, где свое упокоение нашли многие русские, жившие в Италии.

я. Мне кажется, что все угощение на свадьбе было подарком Моллера. Здесь следует заметить, что, переродившись нравственно, Моллер переродился и в своем искусстве: его горячая живопись и яркий колорит исчезли, что и было заметно в последующих его работах, в которых видна сухость и отсутствие колорита. В это время он начал свою большую картину «Иоанн на острове Патмосе»⁴⁴³, которая не имела большого успеха, и профессорство дано было ему с трудом. Следует заметить, что он получил в это время прискорбное известие. Та молодая девушка, о которой я упомянул выше, привыкнув к обществу умного и доброго художника, как скоро лишилась Моллера и осталась при злой и горбатой своей матери, зачахла и скоро умерла. Нельзя было не любить Моллера. Впрочем, его не полюбила графиня Чернышева-Кругликова⁴⁴⁴, в которую он влюбился, но не получил ее согласия на брак; она вышла впоследствии замуж за генерала Черткова⁴⁴⁵.

Моллер был очень трудолюбив и написал много картин, из коих его большая картина «Проповедь Иоанна на остров Патмосе» находится в Академии, в собрании картин русской школы. Она была куплена государем за 10 тысяч рублей и за неимением места в Эрмитаже подарена Академии. Другая его картина – «Несение креста»⁴⁴⁶ – находится в Эрмитаже в собрании русской школы, но обе эти картины не имеют достоинств его первых работ, как-то: «Поцелуй», «Русалка», «Обручальное кольцо» и «Таня» из Пушкина⁴⁴⁷.

Моллер был богатый дворянин, будучи сыном морского министра⁴⁴⁸. Получая пенсию около 1000 руб. как пенсионер Академии художеств, он пользовался еще доходом с большого каменного дома, что в Почтамтской⁴⁴⁹. По приезде в Петербург Моллер женился на красавице m-lle Гиль-

⁴⁴³ Точное название картины Ф.А. Моллера «Апостол Иоанн Богослов, проповедующий на острове Патмос во время вакханалий» (1856), изначально она находилась в ИАХ, с 1897 года в Государственном Русском музее.

⁴⁴⁴ Черткова (урожденная Чернышева-Кругликова) Елизавета Ивановна (1832–1922), графиня, супруга Г.И. Черткова.

⁴⁴⁵ Чертков Григорий Иванович (1828–1884), генерал от инфантерии, генерал-адъютант.

⁴⁴⁶ Работа Ф.А. Моллера «Несение креста» (1869) находилась в Эрмитаже, затем была в 1897 году передана в Государственный Русский музей.

⁴⁴⁷ Точное название полотна Ф.А. Моллера «Татьяна, запечатывающая письмо» (1846, Музей-заповедник «Петергоф»).

⁴⁴⁸ Моллер Антон Васильевич (1764–1848), вице-адмирал, морской министр (1829–1836).

⁴⁴⁹ Современный адрес дома Моллера в Петербурге (ул. Почтамтская, д. 8). Здание было возведено в XVIII веке, а в 1831 г. перестроено архитектором Е.Т. Цолликофером.

денштауббе⁴⁵⁰, имел много детей. Он работал для московского дворца сюжеты из истории св. Александра Невского⁴⁵¹ и написал несколько сюжетов из священной истории. Последним его трудом была картина большого размера «Распятие»⁴⁵² для какой-то остзейской церкви.

Моллер приобрел отличное имение на острове Эзель⁴⁵³, где выстроил себе прекрасную мастерскую, чтобы работать еще многие годы, но Провидение определило иначе. Приехав на короткое время в Петербург в 1875 году⁴⁵⁴ в июле месяце, Моллер простудился и, спустя короткое время, скончался от воспаления в легких. Неожданная смерть его поразила всех. Последнее время он сделался завзятым остзейцем. О смерти его никого не уведомили, мало, кто мог проститься с ним и помолиться за него.

Моллер был высокого роста, красив собою, говорил присасывая, имел большой нарост на руке, которая всегда была у него в черной перчатке.

Об Александре Андреевиче Иванове я, кажется, уже говорил. Это была странная личность; он всегда улыбался и в Н.В. Гоголе видел какого-то пророка. Гоголь давал ему наставления, которые Иванов рабски слушал. Я и Моллер, всегдашние вечерние посетители Гоголя, были в его глазах ничто перед Гоголем, и я душевно смеялся над его увлечением.

XXVIII.

Затем следует мой товарищ Алексей Тарасович Марков; я прожил с ним в Академии целых 15 лет; человек честнейших правил, с юных лет занимавшийся искусством, Марков был ужасно туп на изучение иностранных языков; в учениках он отличался композициями эскизов, но был ленив. В Риме он встретил брата своего Михаила⁴⁵⁵, который за эскиз большого размера «Наводнение в 1824 г., во время которого Бенкендорф в лодке спасает утопающих»⁴⁵⁶, нарисованный черным карандашом, удо-

⁴⁵⁰ Моллер Доротея Фридрика Леонида (урожденная Гильденштауббе) (1839–1908), супруга Ф.А. Моллера.

⁴⁵¹ В 1860–1866 гг. Ф.А. Моллер создает для Большого Кремлевского дворца живописный цикл, посвященный Александру Невскому.

⁴⁵² Работа Ф.А. Моллера «Распятие Христа» (1872) была выполнена для Яновской церкви в Харьку-Яани, находившейся недалеко от Таллинна.

⁴⁵³ В 1859 году Ф.А. Моллер приобретает имение Кали на острове Эзель в Балтийском море.

⁴⁵⁴ Ф.А. Моллер умер не в 1875 году, а в 1874 году.

⁴⁵⁵ Марков Михаил Тарасович (1802–1836), живописец, автор работ на исторические и мифологические темы, был отправлен ИАХ в качестве пенсионера в Италию в 1825 году.

⁴⁵⁶ Судя по описанию, автор путает работу М.Т. Маркова с полотном В.К. Шебуева («Наводнение 7 ноября 1824 года»). На нем действительно был изображен

стоен был посылки в чужие края для усовершенствования. Этот братец дорого стоил Алексею, ибо пенсия Михаила кончилась, но он домой не возвращался и жил вместе с братом на его иждивении; он страдал умопомешательством и вскоре скончался.

Алексей Тарасович долго скучал о потере брата, даже написал картину с довольно странным сюжетом, именно: «Сельское русское кладбище»⁴⁵⁷; на нем изображена девушка и ребенок, девушка оплакивает отца или мать, ребенок же, сидя на траве, играет и на что-то смотрит. Первая мысль его была представить посреди холста умершего брата стоящим в задумчивости, в плаще, со сложенными на груди руками. Когда А.Т. Марков был еще учеником, мы смеялись над ним, как над философом, и точно, он всю жизнь свою остался философом, любил более гулять, задумавшись, т.е. философствовать, нежели работать. Во время своего пенсионерства в Риме он выбрал для своей картины престранный сюжет – «Фортуна и нищий»⁴⁵⁸, одну из басен бессмертного Крылова⁴⁵⁹. Писал долго, очень долго, и эта картина, имеющая, впрочем, большие достоинства, была наиболее важным его трудом за все время его пенсионерства. К этому следует прибавить копию с фрески Рафаэля «Пожар в Ватикане»⁴⁶⁰, не особенно удачную.

Кончив эти работы, Алексей Тарасович отправился в Петербург, где царствовал тогда в Академии художеств его друг, инспектор Академии Андрей Иванович Крутов. С помощью его, графа Федора Петровича Толстого⁴⁶¹ и архитектора К.А. Тона Марков поместился в Академии и, не написав ничего на профессорское звание, был самым влиятельным

А.Х. Бенкендорф, спасающий на лодке утопающих. Картина была создана в конце 1830- начале 1840-х гг. и хранилась в Гатчинском дворце, ныне утрачена. Известно, что небольшой эскиз к этой картине находился в коллекции чл.-кор. АН Д.А. Ольдерогге. Кроме того, В.К. Шебуев создал на ту же тему рисунок пером с заливкой тушью, который демонстрировался на академической выставке в 1836 году и также не сохранился. Упоминаемое полотно М.Т. Маркова на аналогичный сюжет с использованием аллегорий, но без изображения А.Х. Бенкендорфа в специальной литературе традиционно приписывается А.Т. Маркову, однако, личное дело художника (см. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 21-М), где перечислены его работы, этого не подтверждает. Сейчас картина хранится в НИМ РАХ.

⁴⁵⁷ В 1839 году А.Т. Марков написал картину «Сироты на кладбище».

⁴⁵⁸ За картину «Фортуна и нищий» А.Т. Марков в 1836 году получил звание академика.

⁴⁵⁹ Крылов Иван Андреевич (1769–1844), русский писатель.

⁴⁶⁰ Копия с фрески Рафаэля «Пожар в Борго» была создана А.Т. Марковым в 1834–1836 гг., сейчас - в НИМ РАХ.

⁴⁶¹ Толстой Федор Петрович (1783–1873), граф, скульптор, живописец, медальер, профессор, вице-президент ИАХ (1828–1859).

профессором и имел бездну учеников; желая написать программу на звание профессора, он сделал эскиз «Мучение первых христиан в Колизее»⁴⁶² и заказал огромный холст, который долгое время служил для разделения комнаты в виде огромной временной стены.

При мне приехали, как я уже сказал, пенсионеры, два красавца А.И. Резанов и А.В. Логановский, а с ними их товарищи А.И. Кракау⁴⁶³ и Н.Л. Бенуа⁴⁶⁴. В то же время приехали Андрей Андреевич Пищалкин⁴⁶⁵, Бейне⁴⁶⁶, М.И. Скотти, А.Н. Мокрицкий, два брата Эльсона,⁴⁶⁷ два брата Никитина⁴⁶⁸ и друг[ие]. В Риме же проживал славный старичок, миниатюрный живописец г. Соболевский⁴⁶⁹. Его акварельные работы славились силою колера, не уступавшего живописи масляными красками. Молодые архитекторы Резанов, Кракау и Бенуа принялись в Орвието снимать рисунки с замечательной кафедральной церкви⁴⁷⁰ этого города и, владея редким знанием рисунка, сделали удивительной оконченности раскрашенные виды этого храма, которыми восхищались в 1862 году на лондонской всемирной выставке⁴⁷¹ все, их видевшие, хотя по тесноте

⁴⁶² За эскиз к картине «Христианские мученики в Колизее» А.Т. Марков получил в 1842 году звание профессора 2-й степени.

⁴⁶³ Кракау Александр Иванович (1817–1888), архитектор, профессор ИАХ, член-учредитель Петербургского общества архитекторов, в 1842–1850 гг. находился в качестве пенсионера ИАХ в ряде европейских стран.

⁴⁶⁴ Бенуа Николай Леонтьевич (1813–1898), архитектор, профессор ИАХ, председатель Петербургского общества архитекторов.

⁴⁶⁵ Пищалкин Андрей Андреевич (1817–1892), гравер, профессор, ученик Н.И. Уткина, в 1841–1853 гг. пенсионер ИАХ в Италии.

⁴⁶⁶ Бейне Карл (Карл-Август) Андреевич (1816–1858), архитектор, профессор, в 1841–1848 гг. – пенсионер ИАХ в Риме.

⁴⁶⁷ Эльсон Михаил Иванович (Григорьевич) (1816–1857), живописец, профессор ИАХ, в 1840–1850 гг. жил и работал в Италии и Эльсон Григорий Григорьевич (1818–?), архитектор, в 1839 году получил звание художника XIV класса, а также малую золотую медаль.

⁴⁶⁸ Никитин Николай Степанович (1811–1881), живописец, пенсионер ИАХ в Италии, участвовал в оформлении Исаакиевского собора и Никитин Александр Степанович (1809–1880), архитектор, пенсионер ИАХ в Италии, в 1840 году получил звание академика за участие в реставрации римского Форума, член Московской комиссии для строений, почетный вольный общник ИАХ.

⁴⁶⁹ Вероятно, Соболевский Андрей Петрович (1798–1867), акварелист, копиист.

⁴⁷⁰ Кафедральный собор (Дuomo) в Орвието – один из самых замечательных памятников готического стиля в Италии – был построен в 1290–1600 гг.

⁴⁷¹ Всемирную выставку в Лондоне в 1862 году посетило свыше 6000000 человек, на ней, в т.ч. можно было проследить развитие мирового изобразительного искусства за 100 лет. Ф.И. Иордану была поручена организация русского художественного отдела выставки. В 1863 году за свое успешное участие во Всемирной выставке он был награжден орденом Св. Анны II степени.

помещения, отведенного для России, им пришлось занимать на этой выставке обидное место, вовсе не соответствовавшее их достоинству.

М.И. Скотти, ученик Егорова⁴⁷², был художник старательный, несомненно, талантливый, писал до сухой оконченности и грешил в своих картинах колером; он был учителем в школе живописи и ваяния, где был любим всеми учениками, имея дар передавать свои познания. В молодых еще годах он получил ужасную болезнь – рак на языке, и несмотря на то, что, благодаря своей деятельности, он нажил состояние для независимой жизни, которое позволило ему отправиться в Париж для исцеления от этой болезни, – одна смерть могла прекратить его страдания; при нем находился во время его болезни наш земляк архитектор Нотбек⁴⁷³, который и схоронил его в Париже. Вечная память тебе, мой добрый и деятельный друг! В Риме он жил вместе с Логановским, Томаринским и А.А. Пищалкиным.

Последний из них, А.А. Пищалкин, достойный гравер, был родом из Перми. Он сделался гравером вопреки своему желанию по совету инспектора Академии Крутова; наружность имел самую непривлекательную, мало говорил и страдал глазами от золотухи. Он привез из-за границы отличную гравюру «Святое семейство» с картины Рафаэля⁴⁷⁴, за которую получил большую золотую медаль; кроме того, ему же принадлежит прекрасно оконченный рисунок с картины К.П. Брюллова «Взятие на небо Богородицы»⁴⁷⁵, написанный для Казанского собора; картина эта находится в алтаре собора по сей день; с этого рисунка он начал гравюру.

Станный характер Пищалкина был причиною того, что я не мог с ним сойтись ни в Риме, ни в Петербурге.

Страдая глазами, Пищалкин каждое лето ездил на воды Acqua-Santa, которые мало ему помогали. При всей своей невзрачной наружности он влюбился в премилую дочь содержателя гостиницы. К счастью его наш конференц-секретарь В.И. Григорович отсоветовал ему жениться, когда Пищалкин спросил по этому поводу его мнение. Гравиюре его конца не

было, она составляет pendant⁴⁷⁶ картине Иванова⁴⁷⁷, которой также конца не было и которая стоит теперь (1875 г.) в Москве неоконченною. По слабости зрения Пищалкин ничего более не сделал, получил, наконец, пожизненную пенсию в 500 руб. и живет (1875 г.) в крайней бедности. В Риме товарищи прозвали его «нет дома». Когда, случалось, зайдет к нему кто-нибудь, то хотя он и сидит в другой комнате, но на вопрос: «Пищалкин дома?» – ответ бывает от его же товарищей: «Нет дома», – ибо сколько ни говори с ним, он остается безответным.

XXIX.

Интересная была личность Аполлон Николаевич Мокрицкий – малоросс, болтливый и горячий поклонник искусства. Он был сначала на службе чиновником и не обнаруживал никаких талантов, но, наслышавшись об удивительных дарованиях и славе К.П. Брюллова, бросил службу и сделался покорнейшим учеником своего профессора Брюллова. Как его ученик он получал некоторые отличия, т.е. медали. Профессор посвящал его во все свои тайны, ему пришлось быть свидетелем некоторых случаев из жизни Брюллова, именно, по делу о его разводе с его красавицею и умною женою, рожденною девицею Тимм⁴⁷⁸. Мокрицкий рассказывал мне по этому поводу следующее: «Сию я вечером в мастерской, входит К.П. Брюллов, погруженный в какую-то сверхъестественную скорбь. – «Я более не женат», – говорит Брюллов. «Жена меня оставила. Я прилег, встаю, ищу жену, мне говорят, что она наскоро оделась и ушла!» Я начал его утешать, но Брюллов, зная, вероятно, ее характер и свое обращение с нею, был уверен, что она ему сказала: «Прости навсегда». Затем Мокрицкий передал мне, что в тот вечер посетил г-жу Брюллову ее отец; она сидела скучная, придерживая рукою щеку (щека была красна), из чего отец заключил, что тут случилась неприятная семейная сцена. По этому поводу произошло объяснение между Брюлловым и отцом его жены; когда же отец ушел, г-жа Брюллова выждала, пока муж ее ляжет отдыхать и решила уйти от него; они никогда более

⁴⁷² Егоров Алексей Егорович (1776–1851), живописец, гравер, профессор ИАХ.

⁴⁷³ Нотбек Павел Карлович (1824–1877), архитектор, академик, почетный вольный общник, в 1850 году был отправлен ИАХ в качестве пенсионера за границу.

⁴⁷⁴ А.А. Пищалкин за гравюру «Святое семейство» с оригинала Рафаэля получил в 1839 году большую золотую медаль.

⁴⁷⁵ А.А. Пищалкин выполнил гравюру с картины К.П. Брюллова «Вознесение Богородицы» (1842), представленную в 1846 году Николаю I во время его пребывания в Риме. Только в 1855 году А.А. Пищалкин смог закончить ее полностью и получить за «Вознесение ...» звание академика, а затем в 1862 году и профессора ИАХ.

⁴⁷⁶ Соответствие (фр.).

⁴⁷⁷ Здесь Ф.И. Иордан сравнивает работу А.А. Пищалкина над гравюрой «Вознесение Богородицы», начатую им еще в 1840-х гг. и впоследствии завершенную только в 1855 г., с шедевром А.А. Иванова «Явление Христа народу», над которым художник трудился двадцать лет, не окончив полотна.

⁴⁷⁸ Брюллова (урожденная Тимм) Эмилия-Катарина-Шарлотта Федоровна (1821–1877), супруга К.П. Брюллова, после развода с ним в 1844 году вышла замуж за А.Н. Греча. Факт последнего ее замужества, указанный Ф.И. Иорданом, своего подтверждения не нашел.

не видались. Они были разведены законным образом, и Брюллов должен был выплатить известную сумму денег за обиду и худое с нею обращение. Его жена была прелестна собою и весьма образована; она прельстилась талантом, обманчивым обхождением и разговорами Брюллова и, зная его ошибки и старые грехи, все же решилась выйти за него замуж. С первых дней замужества он начал ревновать ее ко всем, даже к N.N. Говорили, будто поводом к неприятностям, начавшимся с первого дня свадьбы, послужило печальное недоразумение... Брюллов лишил жену общества, в котором она привыкла блистать, и у себя не принимал никого из ее приятельниц; супружество сделалось для нее каторгою. Оставя Брюллова, она вышла замуж за моряка Греча⁴⁷⁹, сына известного составителя грамматики Н.И. Греча⁴⁸⁰, но недолго жила с ним, он умер в чахотке во время плавания и был похоронен в море. Вдовою m-me Греч переселилась в Германию и там вышла в третий раз замуж за иностранца – военного человека.

Разведенный К.П. Брюллов вскоре утешился, имел какую-то любовную историю с сестрою одного своего ученика, вновь поплатился деньгами и затем предался работе, остальное время проводил в кругу друзей... пока не получил большую работу от архитектора Монферана⁴⁸¹ – написать в куполе Исаакиевского собора четырех евангелистов и четыре пандантива⁴⁸²; занимаясь в летнее время в куполе собора, в который пекло солнце, и желая освежиться, он отворял окна, и от сквозного ветра простудился; страдая ранее биением сердца, он долго мучился. Прежняя разгульная жизнь напомнила о себе во время болезни. В это время он написал с себя отличный портрет⁴⁸³, который был превосходно награвирован моим учеником (Иваном Петровичем) Пожалостиным⁴⁸⁴ в Париже.

⁴⁷⁹ Греч Алексей Николаевич (1814–1850), литератор, переводчик, журналист, в 1830–1840-е гг. – сотрудник «Северной пчелы». Погиб в марте 1850 года в Атлантическом океане во время путешествия к месту своего лечения на острове Мадейра.

⁴⁸⁰ Греч Николай Иванович (1787–1867), литератор, писатель, редактор, филолог, журналист, издатель журнала «Сын Отечества», автор трудов по российской грамматике, в доме которого бывал и К.П. Брюллов.

⁴⁸¹ Монферан (Огюст-Рикар) Август Августович (1786–1858), известный архитектор.

⁴⁸² В 1843–1847 гг. К.П. Брюллов трудился над созданием фресок большого купола и парусов Исаакиевского собора, из-за его болезни эта работа не была завершена, по эскизам К.П. Брюллова ее заканчивал П.В. Басин.

⁴⁸³ Автопортрет К.П. Брюлловым был написан в 1848 году, с него И.П. Пожалостин выполнил гравюру.

⁴⁸⁴ Пожалостин Иван Петрович (1837–1909), гравер, ученик Ф.И. Иордана, академик ИАХ, почетный вольный общник ИАХ.

Желая поправить свое здоровье в южном климате, Карл Павлович Брюллов отправился в Рим, но скоропостижно скончался там на даче своего друга, богатого римского помещика, от аневризма и похоронен на Monte Testaccio.

Наследником его довольно значительного состояния был его родной брат – известный архитектор Александр Павлович Брюллов. Младший брат их, Иван, умер, бывши еще учеником Академии. У них был старший брат, Федор, от первого брака отца их, – живописец, исполнял работы для Исаакиевского собора.

Кончилась замечательная жизнь К.П. Брюллова. Он с малых лет удивлял всех и каждого редкими своими способностями к живописи во всех родах: исторической, жанр животных, карикатуры, но он был враг самому себе, ведя безалаберную и весьма часто беспутную жизнь.

Баталический живописец Зауервейд⁴⁸⁵, несмотря на иностранную фамилию, был истый патриот. В бытность свою в Париже, в 1812 году, где он рисовал для Наполеона I-го его лошадей, Зауервейд вдруг слышит пальбу из пушек, возвещавшую народу, что Москва взята французами; на глазах у друга своего, француза m-r Lorieux, он бросает кисть, плачет, уходит из мастерской и не работает целых два дня. Это рассказывал мне в Париже в 1829 году сам старик Lorieux. Зауервейд, уважая редкий талант Брюллова, постарался доставить ему случай представиться государю, и так как император Николай I-й был редкий покровитель всего прекрасного, то он приказал Брюллову быть в понедельник в 10 час. утра в Царском Селе причем изъявил желание позволить ему написать его величества портрет. Брюллову было приказано изготовить все необходимое к этому дню и часу. Друзья Брюллова все были обрадованы, что русскому художнику представляется случай выказать свои способности. Все было приготовлено к назначенному дню и часу; пунктуально, в назначенное время, является государь и спрашивает:

– «Где Брюллов?» – и, не найдя его, сказал уходя: «Д...!»

Что же случилось с Брюлловым? Когда Мокрицкий стал торопить его в то утро отъездом в Царское Село, то Брюллов, подумав немного, сказал: «Скучно, не поеду. Сегодня надобно ставить натуру ученикам», – взял шляпу и ушел в классы.

Подобный поступок мог случиться только в России (?) и то только с Брюлловым. Затем о нем не было более разговора при дворе. Как я уже сказал, Брюллов был враг самому себе.

⁴⁸⁵ Зауервейд Александр Иванович (1783–1844), живописец, гравер, профессор ИАХ, с 1831 года руководил классом батальной живописи ИАХ, почетный вольный общник ИАХ.

С нами еще жил в Риме чистенький, смиренный Пимен Никитич Орлов, малоросс, почти самоучка, малого роста, блондин, всегда щеголевато одетый, с кольцами на пальцах и цепочками у часов. В трактире он угощался дорогими блюдами, а вечером посещал кофейню Надзари «Bon Gusto», где обыкновенно оканчивал день хорошою порцией мороженого. Газеты и, вообще, чтение его не занимали, он искал красивых натурщиц и писал с крестьянок, не умеющих ни читать, ни писать и одетых весьма часто в одном рубище. У Орлова они выходили на его картинах какими-то княжнами, богато одетыми и с преумными лицами, что очень нравилось нашим путешественникам, особенно их женам, и за эту красивую живопись он умел брать хорошие цены. Он редко был без работы; между прочим, написал портрет великой княжны Ольги Николаевны⁴⁸⁶ в бытность ее высочества невестою, и заработок свой тратил на украшение своей внешности. Орлов был мешковат, но очень трудолюбив; он кончил жизнь в сумасшедшем доме в Риме от любви; у содержателя кофейни Надзари, куда мы ходили по вечерам, была прелестная дочь, которая пленила Орлова. Он старался щеголять и тратиться у ее отца, но когда родители узнали о его желании сделаться супругом их дочери, то, рассмеявшись, ему отказали, зная, что он не богат, а просто художник, — у римлян же богатство есть главная добродетель, а художник в их мнении — последняя спица в колеснице. Орлов в отчаянии начал пить, валялся по улицам пьяный, наконец, сошел с ума и в этом состоянии умер в доме умалишенных, имея более 50 лет от роду.

Между мелкими нашими живописцами по части жанра и портретов находились пенсионерами нашей Академии два художника по исторической живописи — гг. Завьялов⁴⁸⁷ и Ш***⁴⁸⁸. Завьялов — худощавый юноша с длинным острым носом, всегда осторожный в разговоре, но чрезвычайно желчный и никогда не довольный ни самим собой, ни другими. Мы почти все свыклись с его характером, с его натурой, вечно искавшей чего-то, но не находившей нигде предмета своих желаний. Он считался отличным художником по рисованию и композиции, занимался очень долгое время картоном на сюжет из поэмы «Лалла-Рук»: «Абадонна,

⁴⁸⁶ П.Н. Орлов написал портрет великой княгини Ольги Николаевны в 1846 году, в период, когда она жила в итальянском городе Палермо.

⁴⁸⁷ Завьялов Федор Семенович (1810-1856), живописец, портретист, профессор ИАХ, в 1837–1843 гг. пенсионер ИАХ в Италии.

⁴⁸⁸ Имеется в виду под инициалом «Ш» — Шамшин Петр Михайлович (1811–1895), живописец, профессор ИАХ, в 1883 году после смерти Ф.И. Иордана стал ректором живописи и ваяния ИАХ.

низверженный с неба»⁴⁸⁹, который занял все время его пенсионерства, но не был окончен, так как Завьялов все изыскивал чего-то лучшего.

Возвратившись в Петербург, он женился на премилей девице m-lle Brullo, дочери⁴⁹⁰ старшего брата братьев Брюлловых, Ф.П. Брюлло. Завьялов расписал превосходно в Москве стены царских теремов⁴⁹¹, а в Петербурге написал образ св. Александра Невского для часовни на Николаевском мосту⁴⁹²; на звание профессора им написано «Положение во гроб»⁴⁹³, и с этим званием он получил при академии профессорскую должность. С получением этого места, казалось, ему следовало успокоиться, но неумолимая холера свела его в несколько часов в могилу в лучшей поре его жизни. Это случилось в июле месяце 1856 года⁴⁹⁴; он заболел от апельсина, которым хотел утолить жажду во время сильной жары. Его вдова, оставшаяся с малолетней дочерью, до выхода своего замуж за Завьялова, имела другого жениха, но предпочла в то время отдать руку и сердце Завьялову, по смерти же его вновь явился первый жених и этот раз имел полный успех.

Товарищ Завьялова, Ш***, был совершенно противоположного с ним характера; я не видал, чтобы они сходились, да и трудно было этого ожидать. Первый был прост в обращении, но в то же время умел язвительно подсмеяться, Ш***, напротив, отличался каким-то напыщенным благородством, говорил всегда рассчитанно, так что, слушая его внимательно, двух слов не узнаешь правды. Начав с ним говорить, с первых же слов перестаешь, бывало, его слушать, смотришь в сторону и думаешь, как бы проститься и уйти. Он был видный мужчина, одевался изысканно, держался всегда прямо, как говорится, точно аршин проглотил. При его щеголеватой наружности ему подобало только гулять и отдыхать на главной улице Корсо, но по воскресным дням, когда богатые

⁴⁸⁹ Точное название работы Ф.С. Завьялова «Аббадона и ангелы» (1844, ГТГ) на сюжет из поэмы «Мессиада» Ф.-Г. Клопштока.

⁴⁹⁰ Мочалина (урожденная Брюлло, в первом браке — Завьялова) Аделаида Федоровна (18?–1884), вдова Ф.С. Завьялова, вышла замуж второй раз — за статского советника Мочалина.

⁴⁹¹ В 1844–1848 гг. специально для Большого Кремлевского дворца в Москве Ф.С. Завьялов создал росписи «Святое семейство», «Авраам и три ангела», «Видение царя Константина», «Явление ангела Иисусу Навину».

⁴⁹² Образ Св. Александра Невского Ф.С. Завьяловым был создан в начале 1850-х гг. для наружных стен часовни Св. Николая Чудотворца (арх. А.И. Штакеншнейдер, 1854 г.), находившейся на Николаевском мосту.

⁴⁹³ В 1853 году Ф.С. Завьялов написал картину «Положение во гроб Христа Спасителя», за которую получил звание профессора.

⁴⁹⁴ Умер Ф.С. Завьялов не в июне 1856 года, а в июле 1856 года.

римляне имеют обыкновение являться в своих экипажах на этой главной улице, ему приходилось выжидать подолгу между множеством карет экипаж одной итальянской помещицы, которая разъезжала вдвоем со своим мужем, и эта-то помещица, если верить его словам, была его Джоконда⁴⁹⁵.

В то же время его товарищ Завьялов пользовался благосклонностью одной пожилой дамы, матери взрослых детей, имевшей пожилого мужа, француза, которую Завьялов посещал в то время, когда муж ее, усталый от работы в конторе банкира Торлония, где он служил, вкушал ночной отдых от дневной работы.

Завьялов с простодушием художника рассказывал все опасности, которые он встречал в своих ночных похождениях.

Ш*** занимался более Завьялова, но мне пришлось видеть только одну его картину на площади народной выставки в Риме. Она изображала «Петра, спасающего утопающих»⁴⁹⁶. Мужики и бабы на этой картине какие-то господа и княжны. Правды ни на волос. Ни на Петре, ни на спасаемых им не видать ни капли воды, все сухо в картине, несмотря на бурю; эта картина, как и многие его произведения, писаны как будто для украшения собственных его комнат или мастерской, а отнюдь не для продажи; нашлись ли охотники на них, не знаю.

Г-н Ш*** по приезде в Петербург был сделан в Академии учителем рисования, много работал для разных церквей и для собора св. Исаакия⁴⁹⁷. За картину «Воскресение Христово»⁴⁹⁸, которая находится в академической церкви, он произведен в профессора. Теперь (1875 г.) он получил работу для московского храма Спасителя⁴⁹⁹, и одним из его эскизов для этой церкви наш вице-президент⁵⁰⁰ остался очень доволен.

⁴⁹⁵ Имеется в виду шедевр Л. да Винчи «Джоконда» (1505 г.), моделью для нее была Лиза Герардини, супруга флорентийского купца Франческо дель Джокондо.

⁴⁹⁶ В 1844 году за картину «Петр Великий на Лахте» П.М. Шамшин получил звание академика.

⁴⁹⁷ В 1850-е гг. П.М. Шамшин создал ряд фресок для Исаакиевского собора, кроме того участвовал в оформлении петербургских храмов – церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, церкви Св. Великомученика Дмитрия Солунского, церкви Священномученика Мiroна и др.

⁴⁹⁸ В 1853 году П.М. Шамшин за образ «Воскресение Христово» для церкви Св. Екатерины при ИАХ был удостоен звания профессора.

⁴⁹⁹ В Храме Христа Спасителя в Москве П.М. Шамшин расписал стены придела святого Николая Чудотворца, а также создал для этого храма большое полотно «Сретение Господне».

⁵⁰⁰ Имеется в виду вице-президент Академии художеств Г.Г. Гагарин.

Нашим товарищем был также весьма молодой по годам пенсионер Сократ Максимович Воробьев⁵⁰¹ по пейзажной части, ученик отца своего Максима Никифоровича Воробьева⁵⁰², любимый всеми, только занимавшийся не особенно много. Он отлично рисовал и чертил, но в красках был слаб; однако, успел написать хороший «Вид гор при закате солнца»⁵⁰³. Картину эту купил государь, а отец Воробьева сделал для Академии с нее копию⁵⁰⁴ для собрания картин русской школы.

Сократ был любимым сыном Воробьева, который приезжал в Рим навестить его и был свидетелем всеобщей к нему любви. Старик сказал мне однажды, что он оставит все заработанное им этому сыну, желая сделать его независимым. По возвращении в Россию Сократ Воробьев был принят преподавателем ландшафтной живописи. К несчастью, он ездил на лето в Привислянск⁵⁰⁵ и там сошелся с одною замужнею полькою, в искусстве же начал падать. У отца его дела пошли также хуже. Написав две, три картины, которые всегда покупал у него государь, старик Воробьев вдруг назначил за них большую цену; узнав об этом, государь сказал: «Воробьев не мой более живописец», – и перестал приобретать его картины, что убило старика. С ним сделался вскоре удар; любимца его, сына Сократа, не было при нем; он находился в то время у своей возлюбленной в Привислянском крае, а его родственники, которые ухаживали за умирающим стариком, добились завещания в свою пользу, и любимый сын по возвращении домой нашел бумажник и комоды пустыми; обеспеченная будущность для него исчезла. Между тем, выставленные им картины не встречали одобрения публики, и он получил, наконец, от Академии полную отставку, уехал из Петербурга и поселился около Вильны.

С нами жил в это (в конце 1830-х годов) время весьма добрый молодой доктор Розенберг⁵⁰⁶, приехавший в Рим домашним врачом с г-жею

⁵⁰¹ Воробьев Сократ Максимович (1817–1888), живописец, пейзажист, профессор ИАХ, в 1840–1846, 1847–1849 гг. жил в Италии.

⁵⁰² Воробьев Максим Никифорович (1787–1855), живописец, профессор ИАХ, яркий представитель отечественной пейзажной школы, отец С.М. Воробьева.

⁵⁰³ Имеется в виду работа С.М. Воробьева «Вид Сан Вито в окрестностях Рима» (1841, Павловский дворец-музей).

⁵⁰⁴ М.Н. Воробьев в 1844 году выполнил копию картины своего сына С.М. Воробьева «Вид Сан Вито в окрестностях Рима», которая до 1931 года была в коллекции музея Академии художеств, а ныне находится в Государственном Русском музее

⁵⁰⁵ Привислянск – название 10 губерний Царства Польского в 1867–1917 гг.

⁵⁰⁶ Вероятно, Розенберг Мориц Богданович (1819–1901), доктор медицины, тайный советник.

Раевскую, у которой было два сына⁵⁰⁷. Свободное время он проводил в обществе художников, лечил их, большею частью, от (юношеских) недугов. По приезде в Петербург я вел с ним шапочное знакомство. Теперь (1875 г.) он женат, счастлив, но бездетен и держит экипаж, о чем я процествовал ему еще в Риме.

В одно время с нами в Риме находился также Федор Васильевич Чижов⁵⁰⁸, ревностный поклонник искусства, содействовавший художникам посредством печати как корреспондент разных газет и рекомендациями; он был малого роста, сутуловат, много делал добра, особенно бедным художникам. Мы посетили с ним малороссийских богачей Галаган⁵⁰⁹, с которыми Ф.В. Чижов познакомил меня. С семейством Галаган приехала молодая парочка: граф Комаровский⁵¹⁰, только что женившейся на девице Галаган⁵¹¹; они прибыли в Рим для крестин младенца⁵¹², которого им Бог дал. Семейство Галаган состояло из престарелого Галагана⁵¹³, его племянника Григория Павловича Галаган⁵¹⁴, которого воспитал Ф.В. Чижов, вселив в нем любовь и уважение к художеству и его деятелям, и матери его, Екат. Алекс. Галаган⁵¹⁵. Григорий Павлович Галаган сделал первую покупку в Риме, купив на народной выставке картину И.К. Айвазовского «Морской вид».

⁵⁰⁷ Вероятно, Раевская (урожденная Константинова) Софья Алексеевна (1769–1844), внучка М.В. Ломоносова, вдова героя Отечественной войны 1812 года, генерала от кавалерии Н.Н. Раевского и двое ее сыновей – Раевский Александр Николаевич (1795–1868), полковник, участник Отечественной войны 1812 года и Раевский Николай Николаевич (1801–1843), полковник Харьковского драгунского полка, друг А.С. Пушкина, который посвятил ему стихотворения «Кавказский пленник» и «Андрей Шенье».

⁵⁰⁸ Чижов Федор Васильевич (1811–1877), профессор математики Петербургского университета, писатель, издатель, редактор, автор публикаций, связанных с отечественным и зарубежным искусством, в т.ч. о русских художниках в Риме.

⁵⁰⁹ Галаганы – малороссийский дворянский род, ведущий свое начало с XVIII столетия.

⁵¹⁰ Комаровский Павел Евграфович (1812–1873), граф.

⁵¹¹ Комаровская (урожденная Галаган) Мария Павловна (1822–1876), графиня, супруга П.Е. Комаровского.

⁵¹² Комаровский Евграф Павлович (1841–1875), граф, предводитель Тульского дворянского собрания.

⁵¹³ Галаган Павел Павлович, дворянин.

⁵¹⁴ Галаган Григорий Павлович (1819–1888), государственный деятель, этнограф, коллекционер, оказывал помощь русским художникам в Риме.

⁵¹⁵ Галаган Екатерина Алексеевна, супруга П.П. Галагана.

XXXII.

Иван Константинович Айвазовский⁵¹⁶, вполне еще молодой художник, с приятно наружностью, был поклонником танцовщицы Тальони⁵¹⁷, коей башмачок возил с собою как реликвию. Едва приехав в Рим, он написал две картины: «Штиль на море»⁵¹⁸ и меньшего размера «Буря»⁵¹⁹; потом явилась третья картина: «Морской берег»⁵²⁰. Эти три картины возбудили всеобщее внимание Рима и гостей его. Одну из них немедленно купил римский банкир Торлониа, другую – Г.П. Галаган, а третью – не помню кто. Множество художников начали подражать Айвазовскому; до его приезда в Рим не была известна морская живопись, а после него в каждой лавчонке красовались виды моря «à la Айвазовский». Его слава прогремела по всей Европе и принесла обильную жатву талантливого артисту. Даже самонадеянный Париж восхищался его картинами и одна из них, изображавшая восход или закат солнца, была написана до того живо и верно, что французы сомневались, нет ли тут фокуса и нет ли за картиною свечи или лампы.

Между нашими художниками И.К. Айвазовский составляет исключение. Его картины подвергались в России сильной критике, иной раз даже прямо не одобрялись; между тем нет страны и любителей искусства, которые не имели бы работ И.К. Айвазовского. Я говорю это по личному наблюдению; на всемирной выставке в Лондоне из большого числа картин, выставленных в нашем русском отделе, я имел удовольствие продать за хорошую цену только две картины Айвазовского. Какие картины он ни выставлял и какие выставки ни устраивались, почти все его работы раскупались, из чего можно вывести заключение, что Айвазовский действительно обладает редким талантом к изображению морских видов. Имея немногим более пятидесяти лет (в 1875 г.), Айвазовский написал уже до 2000 картин, обладает до сего дня отличным здоровьем и владеет прекрасным именем в Крыму⁵²¹, на которое употреблено им все нажитое им состояние.

Боже, благослови продолжение моих воспоминаний
и дай мне память их припомнить (1875 г.). Ф. Иордан.

⁵¹⁶ Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), живописец-маринист, профессор ИАХ, почетный член ИАХ, в 1840–1844 гг. – пенсионер ИАХ в Италии.

⁵¹⁷ Тальони Мария (1804–1884), итальянская балерина, в 1837–1842 гг. гастролировала в Петербурге.

⁵¹⁸ Вероятно, картина И.К. Айвазовского «Берег моря. Штиль» (1843, ГРМ).

⁵¹⁹ Картина И.К. Айвазовского «Буря» экспонировалась в 1843 году на выставке в Париже.

⁵²⁰ В 1840 году И.К. Айвазовский написал полотно «Морской берег».

⁵²¹ С 1845 года И.К. Айвазовский жил в Феодосии, всего было им написано более 6000 работ.

На короткое время (в конце 1830-х годов) приезжал в Рим Штакеншнейдер⁵²², наш архитектор, строитель дворцов и царских дач, которых им построено очень много по дороге в Петергоф, именуемой «бабий гон». Им же построены дворцы великой княгини Марии Николаевны⁵²³ и великих князей Николая⁵²⁴ и Михаила⁵²⁵ Николаевичей. Он удивил меня успехами, сделанными им по выходе из Академии, в которой, будучи учеником, был одним из самых слабых. По окончании курса он определился к архитектору Исаакиевского собора Монферану, и там в чертежной, служа вместе с А.Х. Пелем⁵²⁶ и Ф.Ф. Рихтером, сделал такие успехи, что построенные им здания могут служить образцами вкуса и удобства. Штакеншнейдер был женат и оставил большое семейство, которое не поддержало славу трудолюбивого отца. Один из его сыновей был актером⁵²⁷ на провинциальных сценах.

По случаю бракосочетания е. и. в. великой княжны Марии Максимилиановны⁵²⁸ ее матерью, великою княгинею Мариею Николаевною, был дан бал, на который были приглашены наши профессора, в том числе и я. Архитектура бальной залы была обворожительна; посередине залы, на некоторой высоте, был устроен род балкона, на котором помещалась музыка; никому не мешая, она была слышна во всех концах залы, и для танцующих это было верх совершенства. Великая княгиня Мария Николаевна, в восторге от этой удачной мысли, встретив нашего профессора скульптуры Н.С. Пименова, обратилась к нему со словами: «Ты мне,

⁵²² Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865), архитектор, профессор ИАХ, почетный вольный общник ИАХ, автор проектов петербургских дворцов представителей русской императорской фамилии.

⁵²³ В 1839–1844 гг. А.И. Штакеншнейдер построил дворец для вел. кн. Марии Николаевны, получивший затем название Мариинский дворец.

⁵²⁴ В 1853–1861 гг. А.И. Штакеншнейдер построил дворец для вел. кн. Николая Николаевича, названный Николаевским дворцом, после революции в нем разместился Дворец труда – комплекс учреждений профсоюзов.

⁵²⁵ В 1857–1861 гг. А.И. Штакеншнейдер построил дворец для вел. кн. Михаила Николаевича, известный как Ново-Михайловский дворец, в оформлении интерьеров которого принимал участие художник М.А. Зичи. Теперь в здании находится Институт восточных рукописей и Институт истории материальной культуры РАН.

⁵²⁶ Пель Александр Христофорович (1809–1902), архитектор, академик и почетный вольный общник ИАХ.

⁵²⁷ Штакеншнейдер Александр Андреевич (1842–1901), драматический актер, работал в Александринском театре.

⁵²⁸ Мария Максимилиановна (1841–1914), герцогиня Лейхтенбергская, в 1863 году стала супругой принца Вильгельма Людвига Августа Баденского.

Пименов, должен сделать бюст Штакеншнейдера, он достоин красоваться в этой зале». Я слышал, что бюст его действительно был поставлен во дворце великой княгини⁵²⁹.

Меня удивил Штакеншнейдер, когда мы показывали ему достопримечательности Рима; во дворце Коренни ему понравилась лестница; он тотчас вынул свой бумажник и складной аршин, вымерил высоту ступеней и отметил ее на записном листе. Эта аккуратность мне очень понравилась.

Нас обрадовал приезд е. и. выс-ва наследника цесаревича Александра Николаевича⁵³⁰. День был чудный. Для встречи великого князя наехало много наших соотечественников; я был на Народной площади, когда около 6-ти час. вечера появились почтовые экипажи, из коих в первом сидел наследник; за ним следовала масса экипажей, встретивших его высочество у Ponte Moby. Вся эта масса карет остановилась у дворца Одескальки⁵³¹, где жил тогда наш посол г. Потемкин⁵³², и где было приготовлено помещение для его высочества. Великий князь был худенький белокурый юноша; с первых дней своего пребывания в Риме он привязал к себе сердца всех иностранцев и римлян. Ему представлялись школы и разные общества, и все выходили от него с радостными лицами. С великим князем наехали профессора, которые должны были сопровождать его и помочь ему изучать на месте все достопримечательное, но занятия гг. руководителей остались втайне. Профессора проводили время в кофейнях; мне приходилось часто видеть их в моем излюбленном кафе «Bon Gusto» у Надзари. Любимым препровождением времени наследника было гулять на обворожительный Monte-Pinco, где богачи англичане красуются обыкновенно со своими прелестными дочерьми. Папа Григорий XVI был восхищен цесаревичем и назвал его ангелом симпатии. В числе наставников Александра Николаевича был и наш бессмертный поэт В.А. Жуковский⁵³³, человек добрейшего сердца, которого я знал еще в Петербурге и травил крепкою водкою его контуры гравюр на меди швейцарских видов. Н.В. Гоголь говорил с ним о нача-

⁵²⁹ К сожалению, бюст архитектора А.А. Штакеншнейдера так и не был выполнен Н.С. Пименовым.

⁵³⁰ Александр II (1818–1881), российский император.

⁵³¹ Имеется в виду Дворец Одескальки, построенный Д.Л. Бернини в XVII веке для Бенедетто Одескальки (1611–1689), будущего Папы Римского Иннокентия XI.

⁵³² Потемкин Иван Алексеевич (1780–1849), российский дипломат, тайный советник, русский посланник в Риме (1837–1843), камергер.

⁵³³ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), русский писатель.

том мною большим трудом: гравюре «Преображения», спрашивая его совета, как бы приискать мне средства к продолжению этого труда; было решено, по случаю большого съезда наших вельмож, сделать подписку на приобретение оконченных оттисков. В.А. Жуковский пригласил меня к себе и объяснил мне свою мысль, которой я обрадовался; я получил на 5000 скудо подписчиков, которые, при окончании мною доски в 1850 г., получили оттиски в полной исправности. Затем е. и. в. наследник цесаревич ездил в Неаполь, где его встретили с тем же энтузиазмом, но ко времени римской масленицы (*il carnevale*) он возвратился в Рим, и римляне постарались отпраздновать и без того веселое время блестящим образом. Веселию и шуму конца не было. В это время домохозяева, отдавая внаймы окна на улице Корсо, собирают огромные деньги. У наследника и всей его свиты был нанят большой балкон на лучшем месте этой улицы, в доме Валенти, свояка покойного Ф.А. Бруни. Около этого балкона толпился народ всех сословий. Тут бросали конфеты по тамошнему обычаю в знакомых и вообще в народ, все старались выказать свою радость по поводу приезда августейшего наследника великой державы. В толпе являлись и оборвыши, принадлежащие к низшему слою населения Рима, которые целый год ожидают этого веселого времени, чтобы замаскироваться богатыми маркизами, сделав себе из каких-нибудь лоскутьев кафтан, достигающий до пят; шитье на нем давно выцветшее, бока кафтана украшены орденами из моркови, редисок и т.п.; звезда, без которой эта челядь не может обойтись, изображается репою; все остальные украшения, как-то: кокарды, пряжки на башлыках сделаны из зелени салата. Эта компания оборванцев, состоящая из нескольких лиц, вооруженных деревянными шпагами, метлами и щетками, производит ужасный шум; они останавливаются перед домами богачей или иностранных гостей, с шумом заявляют свои права и готовность быть благодетелями всякого; эта комедия повторилась и перед балконом наследника. Оборванцы, изображая богачей, обладающих будто бы несметным богатством, стоя перед балконом его высочества, сожалели о нем, как о бедняке и заявляли, что они готовы ему помочь, пусть только он придет по указанному адресу, и они выведут его из плачевного состояния. Разумеется, при этих словах раздается общий смех. Трудно себе представить – веселье и оживление, которые царствуют здесь ежедневно с 3 часов дня до 6-7 часов вечера. Экипажей с наряженными и с обыкновенной публикой такая масса на всем протяжении длинной улицы Корсо, что пешеходы едва могут двигаться. Существует обычай бросать конфеты, Бог весть из чего сделанные, главное же – обсыпанные елико возможно мукою, – чем более выбелят друг друга этою мукою, тем бо-

лее радости. Шум происходит оттого, что ряженые кричат не ряженым: «*Senza Maschera! Senza Maschera!*», т.е. без маски! без маски! И этот гул несется по всему Корсо. Вы встречаете тут всевозможных ряженных и докторов, и поэтов, и все они отлично исполняют свои роли, предлагают рецепты, декламируют стихи, и все это обращено к хорошеньким личикам. Многих вводят в обман мужчины, наряженные в богатое женское платье. Эти господа гуляют без масок, всегда декольте, крепко зашнурованные, и строго исполняют свою роль благопристойных барынь; всегда найдется какой-нибудь англичанин с туго набитым кошельком, который пленяется мнимою дамою, следит за нею, дарит ее конфетами, поит шоколадом... интрига кончается полным разочарованием увлекшегося англичанина. Вообще, во время карнавала бывает много забавного.

За час до заката солнца раздаются выстрелы; экипажи тотчас сворачивают в боковые улицы, куда придется: через пять минут на Корсо не остается ни одного экипажа; тут делается простор гуляющим, начинается беготня во все стороны; затем раздается второй выстрел, и полиция сгоняет народ на тротуар, очищая средину улицы для бега лошадей; этот бег не заставляет себя долго ждать, вскоре слышится стук копыт и крик народа. Народ раздается, и мимо вас пролетают, подобно молнии, шесть или семь лошадей без седока и упряжи; на боках у этих коней наклеены разные погремуски, как-то: фольга, золотая бумага; все это оглушает лошадей, которые несутся как ошеломленные от одного конца Корсо, т.е. от Народной площади, до Веницианского дворца, где их поджидают конюхи и бегут им навстречу, хватая их за гриву, и накидывают на них попоны. Та лошадь, которая прибежала к цели первую, получает в виде знамени большой кусок хорошей шелковой материи, которая жертвуется затем, большею частью, в церковь. Последние два дня карнавала раздаются знамена из золотой и серебряной парчи. Лошадь, получившую приз, ведут с барабанным боем до конюшни; затем начинается, как водится, попойка.

Материи для призов доставляют в виде повинности евреи, ибо папа не дает позволения устраивать в его святом городе подобные сатурналии, но и не запрещает их, а только терпит. Карнавал может праздноваться подобным образом только в Риме; этому способствует его теплый климат и самая улица Корсо – узкая, но украшенная прекрасными зданиями. Народ гуляет тут как у себя дома. Дамы прохаживаются по этой улице в летнее время с непокрытою головою, не боясь ни холода, ни ветра.

По окончании бега народ долго еще гуляет: многие отправляются в кофейни, другие обедают, затем идут в маскарад, куда собирается средний и высший класс иностранцев и римлян. Тут вновь шум, говор и писк

ряженных женщин, которые, будучи в масках, кричат: «Te conosco, *saга maschera*» (знаю тебя, милая маска). Здесь царит общее веселье и теснота. Римские аристократки поражают во время карнавала обилием своих драгоценных камней и вообще украшениями своих костюмов.

Однажды я встретил на маскараде наследника цесаревича, окруженного свитой; он был в черной паре, очень бледен и худощав; женские маски так и толпились около него, вскрикивая: «*Senza Maschera! Senza Maschera!*». Его теснили со всех сторон, он улыбался, и публика восхищалась им, его простотою в обхождении и доступностью. В последний день карнавала, перед окончанием лошадиного бега компания ряженных при громких криках и пляске сжигают чучело паяца, а затем, по окончании бега, зажигают небольшие свечи, вроде наших пятикопеечных свечей, держа их в руке или воткнув на палочку. В иных дворцах из окон высовывают палки, на которых прилеплено до десяти подобных свечей, и всякий старается погасить их друг у друга, крича: «*Senza moccolo, Senza moccolo!*», что значит по-русски: «без огарка! без огарка!». Этот знаменитый вечер называется «*Gli Moccoletti*» (т.е. вечер огарков). Эффект получается очаровательный: Корсо во всю длину освещен миллионами огней, все кричат, машут платками, стараясь потушить свечу один у другого. Как скоро весь этот шум стихнет, на сердце делается как-то скучно; подобного удовольствия, какое испытываешь во время карнавала в Риме, ни одна страна света не дает иностранцу. По окончании его невольно скажешь в душе: «Повеселился!» – и можешь ехать – вполне довольный отдыхать в другом городе, ибо в Риме после этих дней бешеного веселья начинается пост; в первый же день, в среду, в церквах по окончании службы посыпают молящимся лоб пеплом, приговаривая: «Ты еси из пепла; и в пепел обратишься». Затем являются в церквах проповедники, карающие народ за его грехи и собирающие хороший доход. Иностранцы же уезжают на весь великий пост в Неаполь и возвращаются в Рим к Страстной неделе.

Наследник цесаревич с окончанием карнавала также уехал во Флоренцию, при этом случился казус с нашим послом Потемкиным. Сопровождая великого князя во Флоренцию, он забыл взять с собою мундир, поэтому его секретарю Скарятину⁵³⁴ пришлось представить наследника великому герцогу Тосканскому⁵³⁵. После этого случая Потемкин исчез из Рима; на его место прибыл новый посол в лице г. Бутенева.

⁵³⁴ Скарятин Александр Яковлевич (1815–1884), российский дипломат, действительный статский советник, секретарь русского посольства в Риме в 1840–1850-е гг., музыковед, коллекционер.

⁵³⁵ Леопольд II (1797–1869), герцог Тосканский (1824–1859), известен своими демократическими преобразованиями в своем государстве.

Потемкина русские художники вовсе не знали, – это был человек, состарившийся раньше времени; он был женат на ирландке. В его комнатах красовались статуи Венер и богинь, поставленные около зеркал, в которых можно было также любоваться их изображениями. Потемкин занимал отличную квартиру во дворце Одескальки: брат хозяина этого дворца, знаменитый кардинал Одескальки⁵³⁶, славился святостью и щедростью милостынею. С ним случилось знаменательное происшествие, вследствие которого из наследника папского престола (все кардиналы в Риме суть наследники папского престола, так как это правление избирательное из кардиналов, а не наследственное) он превратился в послушника иезуитского дома в Вероне⁵³⁷. Однажды является к нему с просьбою вдова, которая объясняет, что по смерти мужа своего, жандармского офицера, ей следует получить пенсию, но что докладчик папы, прославившийся в царствование папы Григория XVI своими взятками и сделавшийся из бородобрея первою личностью, на ее просьбу дал ей понять, что все будет сделано, если она даст ему 50 цехин (500 руб.). Сам папа поощрял его к взяточничеству, повторяя ему: «Пока я жив, наживайся! Со дня моей смерти ты потеряешь и место и доходы!». Этому совету святого отца докладчик Гайданино⁵³⁸ строго придерживался. Когда вдова, обратившаяся к Гайданино с просьбою, ссылаясь на свою бедность, заявила ему о том, что она не имеет возможности исполнить его требование, то он отвечал ей: «Очень хорошо, я приму вашу просьбу; выжидайте решения». Несчастливая ходила к нему несколько раз, но решения не выходило. Наконец, она обратилась к кардиналу Одескальки с просьбою исходатайствовать ей пенсию, которая дала бы ей и детям ее кусок хлеба. Кардинал велел ей сказать докладчику Гайданино, чтобы он от его имени исполнил ее просьбу, иначе он доложит самому папе. Вдова передала Гайданино приказ кардинала, но дело не подвинулось; наконец, кардинал сам доложил ее просьбу папе, но и это не помогло. Явившись к кардиналу, вдова передала ему слова Гайданино: «Напрасно ты беспокоишься ходить ко мне, – сказал он, – и в свое дело вмешиваешь кардинала, – без 50 цехин дело твое не подвинется вперед!». Взбешенный этим рассказом и низостью бородобрея кардинал подошел к своему столу, отпер ящик и отсчитал ей 50 цехин, сказав: «Пойди, отдай ему», – что она и сделала.

⁵³⁶ Одескальки Карло, кардинал, папский викарий.

⁵³⁷ Верона – город в области Венето в Италии, основанный в I в. до н. э., в 1815–1866 гг. находился под властью Австрии.

⁵³⁸ Гайданино Морони, парикмахер Папы Римского Григория XVI.

На другой день она явилась к кардиналу и со слезами благодарила его; пенсия была ею получена, у нее в руках находилась бумага, подписанная папою. Кардинал попросил папу созвать собрание, в котором он рассказал свою обиду, что бородобрей Гайданино сделал или мог сделать более, нежели он, римский князь и кардинал, вследствие чего он снимает с себя кардинальское звание (при этих словах он положил на стол свою кардинальскую шляпу и митру) и удаляется в общество иезуитов простым послушником. Многие из кардиналов плакали, но безответное повиновение папе не позволило ни одному из них открыть св. отцу постыдный поступок его бородобрея. Гайданино Морони остался при папе Григории XVI до дня его кончины, со смертью же папы тотчас удалился во Флоренцию как богатый гражданин Италии. А кардинал Одескальки, человек самой святой жизни, всеми католиками уважаемый, был принят иезуитами и получил обязанность простого послушника. Он вскоре умер, и тело его ожидает будущей канонизации.

В первое время, когда я посещал Ватикан, начав мой рисунок «Преображения», вижу, подходит ко мне однажды ксендз в фиолетовых чулках и в одеянии, принятом католическим священством, смотрит на меня и говорит совершенно чисто по-русски: «Здравствуйте!». Я удивился, каким образом мог быть в Риме русский католический священник. Начинаю с ним разговаривать по-русски, но вижу, что он уклоняется от ответов, только, увидав мой рисунок, он мне сказал опять совершенно чисто: «Хорошо», – и затем мы простились. Заметив, что ему было трудно следить за моим разговором, я полюбопытствовал узнать о нем, и мне сказали, что это замечательный лингвист, монсиньор Меццофан-ти⁵³⁹, бывший в то время библиотекарем богатой ватиканской библиотеки; место это давалось будущим кардиналам, чем и был впоследствии Меццофан-ти; он умер при мне в 1849 году. Все удивлялись, что он не оставил грамматики как результата сравнительного изучения языков, и, таким образом, от его усидчивых занятий, кроме индивидуальной памяти и терпения к изучению языков, не осталось никаких плодов. Я видел у г-жи Васильчиковой⁵⁴⁰ стихи, написанные для нее кардиналом Мец-

⁵³⁹ Меццофан-ти Джузеппе (1774–1849), кардинал, филолог, профессор Болонского университета, поэт, в 1833 году стал главным хранителем Ватиканской библиотеки, в 1835 году его поэтические произведения были опубликованы на русском языке А.И. Тургеневым.

⁵⁴⁰ Васильчикова Александра Ивановна (урожденная Архарова) (1795–1855), супруга А.В. Васильчикова, тетка В.А. Соллогуба, знакомая А.С. Пушкина.

цофан-ти, и удивлялся их силе. Они были взяты из псалтыря, т.е. из одного псалма, и написаны вроде стихов Ломоносова⁵⁴¹.

У г-жи Васильчиковой я проводил весьма приятные вечера, восхищаясь ее детьми. При ней находилась недавно овдовевшая, сентиментальная m-me Карлгоф⁵⁴², казавшаяся неутешною; она искала забвения в вере, но я слышал, что впоследствии она вышла вновь замуж. Женская скорбь скоротечна!

XXXIV.

Приезд наследника цесаревича⁵⁴³ привлек в Рим множество гостей, особенно русских; Н.В. Гоголь, воспользовавшись этим, как известный писатель, желая помочь одному земляку своему, малороссу, весьма посредственному художнику Шаповаленко⁵⁴⁴ объявил, что будет читать комедию «Ревизор» в пользу этого живописца по 5 скудо за билет. Как приезжие русские, так и приятели художника все бросились брать билеты. Говорили, что Гоголь имеет необыкновенный дар читать, особенно «Ревизора»⁵⁴⁵, – комедию, обессмертившую его. Княгиня Зинаида Волконская⁵⁴⁶ дала ему в своем дворце Palazzo Poli⁵⁴⁷ большое зало с обещанием дарового угощения. Съезд был огромный. Я был восхищен появлением в числе гостей двух сестриц Олферьевых, из коих младшая была ангелом красоты, скромности и несказанной доброты; я все время любовался ею.

⁵⁴¹ Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), русский ученый, писатель, автор трудов по филологии.

⁵⁴² Вероятно, имеется в виду вдова Карлгофа Вильгельма Ивановича (1796–1841), писателя, переводчика, хозяина литературного салона, где бывали Н. Кукольник и В. Бенедиктов.

⁵⁴³ Великий князь Александр Николаевич приехал в Рим в конце 1838 года.

⁵⁴⁴ Шаповаленков (Шаповаленко) Иван Савельевич (1817–1890), художник-мозаичист, ученик А. Иванова, пенсионер Общества поощрения художников в Италии, в 1847–1851 гг. работал в мозаичной мастерской М. Барбери в Риме, друг Н.В. Гоголя.

⁵⁴⁵ Комедия «Ревизор» была написана Н.В. Гоголем в 1836 году, ее чтение на вилле З.А. Волконской происходило в декабре 1838 года. Все полученные деньги за вечер должны были пойти И.С. Шаповаленко, поскольку он был лишен Обществом поощрения русских художников своего пенсионера.

⁵⁴⁶ Волконская (урожденная Белосельская-Белозерская) Зинаида Александровна (1789–1862), княгиня, русская писательница, организатор литературно-музыкального салона, была знакома с А. Пушкиным, Е. Баратынским, И. Козловым.

⁵⁴⁷ Palazzo Poli (Палаццо Поли) – место, где жила З.А. Волконская в Риме, там она устраивала вечера, на которых присутствовали В. Жуковский, Ф. Тютчев, Н. Гоголь и др. Теперь в здании располагается одна из самых больших коллекций гравюры.

В зале водворилась тишина; впереди полукругом стояло три ряда стульев, и все они были заняты лицами высшего круга. Посередине залы стоял стол, на нем графин с водою и лежала тетрадь; видим, Н.В. Гоголь с довольно пасмурным лицом раскрывает тетрадь, садится и начинает читать вяло, с большими расстановками, монотонно. Публика, по-видимому, была мало заинтересована, скорее скучала, нежели слушала внимательно; Гоголь время от времени прихлебывал воду; в зале царствовала тишина. Окончилось чтение первого действия без всякого со стороны гостей одобрения; гости поднялись со своих мест, а Гоголь присоединился к своим друзьям. Явились официанты с подносами, на них чашки с отличным чаем и всякого рода печением. Я все посматривал на свой предмет, Олферьеву⁵⁴⁸; увидел, что с нею были какая-то молодая бойкая дама, высокого роста мужчина, средних лет женщина и старушка.

Во время чтения второго действия многие кресла оказались пустыми. Я слышал, как многие, выходя, говорили: «Этою пошлостью он кормил нас в Петербурге, теперь он перенес ее в Рим».

Доброе намерение Н.В. Гоголя оказалось для него совершенно проигранным. Несмотря на яркое освещение зала и на щедрое угощение, на княжеский лад, чаем и мороженым, чтение прошло сухо и принужденно, не вызвав ни малейшего аплодисмента, и к концу вечера зало оказалось пустым; остались только мы и его друзья, которые окружили его, выражая нашу признательность за его великодушное намерение устроить вечер в пользу неимущего художника.

Гоголь с растерянным видом молчал; с этого вечера характер его совершенно изменился: он предался строгой аскетической жизни, начал чаще и чаще посещать православную церковь, стал собирать разные реликвии, стал собираться в Иерусалим, сделался своенравным. Во время обеда, спросив какое-нибудь блюдо, он едва бывало дотронется до него, как уже зовет поваров и требует переменить кушанье по два, по три раза, так что поваровой трактира «Сокол» (il Falcone) Луиджи почти бросал ему блюда, говоря: «Сэр Николо, лучше не ходите к нам обедать, на вас никто не может угодить. Забракованные вами блюда хозяин ставит на наш счет».

Мы же трое: Иванов, Моллер и я каждый вечер сидели у Гоголя и скучали, особенно я. Часто, бывало, говорил я ему: «Мы ведь мастера-вые; потрудившись целый день, идем к вам послушать что-нибудь весе-

⁵⁴⁸ Маслова (урожденная Олферьева) Екатерина Павловна (1824–1856), была замужем за полковником Лейб-гвардии гусарского его величества полка М.Д. Масловым.

лое или назидательное, вы молчите и желаете, чтобы мы вас занимали. Вы думаете: не стану расточать перед вами мои слова, вы их найдете в печати; но ваши книги дороги, и вы, как будто из скупости, говорите: Покупайте их, даром не дам».

Гоголь сделался скрытен, уехал вскоре в Иерусалим, оттуда, кажется, в Москву, и я услышал потом об его праведной кончине, яко истинного христианина; слышал от друга моего Рихтера о похоронах Гоголя, на которые собралась вся Москва.

Вечная память достойному труженику и христианину! Не мне молиться о твоей душе, ты сам себе изготовил место злачно, место покойно!

Вскоре после вечера у княгини Зинаиды Волконской, на котором Гоголь читал «Ревизора», я познакомился с семейством Обуховых, состоявшим из старушки матери, Марии Алексеевны⁵⁴⁹, ее сына, Обухова Василия Васильевича⁵⁵⁰, отставного ротмистра уланского полка, его жены Екатерины Васильевны Обуховой, рожденной Обрезковой⁵⁵¹, и двух племянниц со стороны Василия В., детей его сестры⁵⁵², – Марии⁵⁵³ и Екатерины Павловны Олферьевых. Екатерина Павловна была предметом моей любви; ее дядя и тетушка принимали меня весьма ласково, но, видя, что я необдуманно хотел связать свою жизнь с девушкой, совершенно неравною мне ни по состоянию, ни по годам, старались деликатно, без всякой для меня обиды, удалить меня от их племянницы. Равномерно и Екатерина Павловна относилась ко мне в полном смысле несочувственно, что меня очень успокаивало, ибо не мог же я, имея 38–39 лет на плечах, притом не имея обеспеченных средств, не думать, в какую бездну хлопот и издержек ввергаю я себя, и, зная, что предстоящая бедность вместо любви может родить во мне холодность к жене и отчаяние; между тем, эта прелестная девица могла составить себе блестящую партию, а я лишил бы ее всего. Однако, как ни урезонивал я себя умными размышлениями, но при виде ее все исчезало и все забывалось. Наконец, настало время отъезда Обуховых. Наш пенсионер архитектуры Кудинов⁵⁵⁴, их домашний учитель и приятель, сообщил мне, что вече-

⁵⁴⁹ Обухова Мария Алексеевна, мать В.В. Обухова.

⁵⁵⁰ Обухов Василий Васильевич (1806–1879), коллежский асессор, знакомый Н.В. Гоголя.

⁵⁵¹ Обухова (урожденная Обрезкова) Екатерина Васильевна, супруга В.В. Обухова.

⁵⁵² Олферьева, мать Е.П. и М.П. Олферьевых.

⁵⁵³ Олферьева Мария Павловна, сестра Е.П. Олферьевой.

⁵⁵⁴ Кудинов Александр Семенович (1810–[187?]), архитектор, профессор ИАХ, в 1837–1843 гг. пенсионер ИАХ за границей.

ром, накануне их отъезда, я могу объясниться, ибо в семействе у них, особенно старушка-мать В.В. Обухова, совершенно на моей стороне, а родители Екатерины Павловны, хотя очень небогаты, но бабушка желает ее наделить. Я согласился быть вечером у них; пришел к чаю, старался вести разговоры, совершенно отвлеченные от предмета, бывшего главной целью моего посещения, и я видел, что умная ее тетка, знавшая хорошо мои средства и предвидевшая, что, связав себя женитьбою, я не кончу своего труда, помогала мне в этом. Настало время идти домой; я простился с семейством Обуховых и, взглянув на предмет моей двухгодовой любви, я увидел, что лицо ее при прощании со мною повеселело.

Прошло лето, на зиму семейство любезных Обуховых вновь возвратилось в Рим, и я к искренней моей радости узнал, что Екатерина Павловна помолвлена за красавца гусара, к тому же богатого, г. Маслова⁵⁵⁵. Тем и окончились все мои мечты.

По возвращении моем в Петербург, в 1850-х годах я был однажды, у Екатерины Павловны в богатом доме ее тестя г. Маслова⁵⁵⁶. Она была уже матерью нескольких детей, и в семействе все ее боготворили, особенно свекор. Неудачные роды низвели ее в цветущих годах в могилу, и останки сей прелестной женщины почивают ныне под богатым памятником в Сергиевой пустыни⁵⁵⁷. Со святыми упокой, Господи, бывший предмет моей любви и дай покой и небесное царство праведной ее душе!

XXXV.

Посещение Рима е.и. выс-вом наследником было благодеянием для бедного населения Рима, на которое сыпались ее царские щедроты. И нашим художникам, наиболее слабым, которым трудно было иметь работы от частных лиц, были сделаны заказы копий за хорошую плату. Живописец Каневский написал с наследника акварельный портрет, менее удачный, нежели портрет Михаила Павловича, с которого мне была заказана гравюра, оконченная мною несколько месяцев спустя⁵⁵⁸.

Вскоре Рим был осчастливлен приездом молодой царской четы: великой княгини Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейх-

⁵⁵⁵ Маслов Михаил Дмитриевич (18?–18?), полковник Лейб-гвардии гусарского его величества полка.

⁵⁵⁶ Точнее – свекра. Маслов Дмитрий Николаевич (1796–1856), тайный советник, отец М.Д. Маслова.

⁵⁵⁷ Имеется в виду Троице-Сергиева пустынь в Стрельне под Петербургом.

⁵⁵⁸ Живописец К.Я. Каневский создал портрет вел. кн. Александра Николаевича (будущего имп. Александра II) в 1839 году, в том же 1839 году Ф.И. Иордан выполнил с него гравюру.

тенбергским⁵⁵⁹. Они видели мой труд и пожелали быть подписчиками на мою гравюру. Не могу забыть доброту их секретаря г. Мюссара⁵⁶⁰. Он сказал мне, чтобы в случае какой-либо просьбы я обращался к нему. Я не имел случая воспользоваться его обещанием, но его слова врезались в моем сердце.

Великокняжеская молодая чета сделала вечер для ученых и художников. Немецкий художник Флор⁵⁶¹ составил любопытную живую картину, изображавшую знаменитый фреск Рафаэля «Афинская школа». Все русские художники, имевшие фраки (их было очень мало), воспользовались приглашением явиться на этот вечер. Здесь мы имели случай видеть принца Гессен-Кассельского⁵⁶², брүнета, небольшого роста, брата нынешней датской королевы⁵⁶³ (1875 г.), который предназначался в женихи великой княжне Александре Николаевне⁵⁶⁴. Бал был великолепный, все были восхищены красотой, доступностью и простотой царственной четы, которая вскоре оставила Рим, сдав папе за хорошую плату богатое имение, принадлежавшее герцогу Лейхтенбергскому. Мне предлагали награвировать портрет великой княгини Марии Николаевны, но я отказался.

В это время приехал в Рим наш писатель П.В. Анненков, с которым я познакомился. Он остановился у Гоголя, с которым был дружен, несмотря на все несходство их характеров. Анненков был характера веселого, открытого, что Гоголю не очень-то нравилось. Спустя несколько времени, я увидел приехавшего к Гоголю известного поэта Н.М. Языкова⁵⁶⁵. Лицо его было в высшей степени страдальческое, он не мог ходить, страдая болезнью станового хребта – последствие крайне невоздержанной его жизни. Он собирался, должно быть, долго пробыть в Риме, ибо я видел

⁵⁵⁹ Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон (1817–1852), герцог Лейхтенбергский, князь Венецианский, президент ИАХ, главноуправляющий Институтом корпуса горных инженеров.

⁵⁶⁰ Мюссар Евгений Иванович (1814–1896), тайный советник, личный секретарь вел. кн. Марии Николаевны, организатор благотворительного общества «Мюссаровские понедельники», в задачу которого входила помощь нуждающемуся художникам и их семействам.

⁵⁶¹ Вероятно, Флор Фердинанд (1793–1881), немецкий живописец.

⁵⁶² Фридрих Вильгельм Гессен-Кассельский (1820–1884), принц, брат датской королевы Луизы Гессен-Кассельской.

⁵⁶³ Луиза Гессен-Кассельская (1811–1898), датская королева, супруга датского короля Кристиана IX.

⁵⁶⁴ Александра Николаевна (1825–1844), великая княгиня, с 1844 года супруга Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского.

⁵⁶⁵ Языков Николай Михайлович (1803–1846/47), русский поэт, славянофил.

огромный сундук с книгами, который привезли из таможни к Гоголю, но болезнь заставила его поспешить обратно в Россию. Несколько времени спустя, я получил через Ф.В. Чижова заказ выгравировать его портрет в малом виде и свободным манером⁵⁶⁶.

XXXVI.

Между тем я продолжал жить аскетическою жизнью у Ченчи; расположение моей квартиры и местоположение ее, Via Sistina, № 104, восхищали меня. В доме царствовала абсолютная тишина, и я много обязан успехом моей работы этой строгой обстановке. Здесь посетил меня наш знаменитый труженик, писатель Михаил Петрович Погодин⁵⁶⁷. Он удивлялся грандиозности моего замысла и, видя эту массу меди и ее тяжесть, он заметил, что даже кирпичи под моими ногами образовали яму, ибо мне приходилось большую часть работы гравировать стоя. В это время мой хозяин Ченчи начал сильно кашлять и, видимо, хилеть; он был сух, как спичка, богомолен, как примерный аскет или отшельник и строг в соблюдении своих правил по отношению ко мне. Однажды я забыл как-то ключ от входной двери; сидя в театре, во время действия, вспоминаю о нем, ищу его во всех карманах и, не находя злополучного ключа, зная порядок нашего дома, наперед обрекаю себя ночевать на улице. В театре я был с моим другом американцем Кроуфордом, которому я высказал свое горе. Он удивился, как я мог жить в подобном невольничестве. Делать нечего, подхожу к дому, стучу, звоню во входные двери с улицы, нет ответа. Это продолжалось с час. Наконец, вижу, к нашему дому приближается какая-то сгорбленная фигура и узнаю, что это моя старушка Маддалена, бывшая моя хозяйка нижнего этажа. Она начинает хохотать, говоря, что ее пророчество о моем немилосердном хозяине сбылось: «он принадлежит к самому строгому обществу иезуитов, под названием Общество Каравита (Caravita)⁵⁶⁸, которые хлещут себя нагайками, составленными из семи концов, читая при этом псалом “Помилуй мя, Боже”. И вы от него ищите снисхождения за то, что случайно забыли ключ; пойдемте ко мне, задняя комната у меня свободна, вы переночуете в ней».

Я так и сделал; когда я возвратился на свою квартиру, хозяева с изумлением встретили меня, извиняясь, что не слышали моего звонка. Не

⁵⁶⁶ Портрет Н.М. Языкова был исполнен Ф.И. Иорданом в 1849 году по заказу А.С. Хомякова и И.В. Киреевского.

⁵⁶⁷ Погодин Михаил Петрович (1800–1875), писатель, историк, славянофил, академик Петербургской Академии наук, издатель журнала «Москвитянин».

⁵⁶⁸ Общество Каравита (Caravita) – одно из течений ордена иезуитов.

обращая внимания на их слова, я начал мыться, завтракать, работать, и время пошло своим порядком. Только на беду, не прошло и двух месяцев, как со мною повторилась та же неосторожность. Опять в театре, в 11 час. ночи, сидя в партере, я вспомнил: «Боже мой, ключа я не взял»; опять ишу – опять его нет; опять стучу и звоню. На этот раз я не встретил старушки Маддалены, да и комнаты у нее все были заняты. Что делать? Иду на площадь Колонны (Piazza Colonna); здесь возле почтамта есть кофейная, которая не закрывается всю ночь и где посетители могут сидеть сколько угодно, только не засыпать; как скоро половой заметит, что глаза их начинают закрываться, он просит их выйти. Во избежание сна, какой-нибудь забулдыга выпивает здесь в течение ночи до 8-ми или 10-ти чашек самого невинного римского кофе, который состоит большей частью из жареных бобов. Эта участь постигла и меня. Я беспрестанно угощал себя кофеем до 7 час. утра и возвратился домой весьма раздраженный и озлобленный. Хозяева вновь были удивлены, и так как до срока моей квартиры оставалось всего несколько дней, то я объявил им, что я более не жилец у них и что в конце недели я выеду. Они перепугались, но не решились изменить принятый ими обычай. Я начал искать квартиру и нашел отличную и недорогую на Испанской площади, лучшей во всем Риме; в этом доме лучшие квартиры стоят летом пустые, а зимой отдаются по май месяц за баснословную цену англичанам. Я занял верх; внизу жил скульптор г. Бранденбург. Привыкнув жить возле хозяев в совершенной безопасности, я должен был теперь жить вполне одиноким, что оказалось крайне скучным и небезопасным. Не привыкший завтракать и обедать вне дома, отвыкнув от еды в кафе и от трактирных обедов, я часто вспоминал моих затворников Ченчи и восхищался их строгим правилом, которое доставляло мне спокойствие. Живя у них, я варил кофе на машинке, обед же мой состоял из бульона и хорошего куска вареной говядины, к которой прибавлялись овощи и затем фрукты, смотря по времени года, и все это запивалось стаканом белого фрасскатинского вина⁵⁶⁹. Переехав на новую квартиру, я посещал трактир Габбоне (Gabbione) «Клетка». И точно, он походил на клетку: надобно было спускаться в комнаты подвального этажа, где все было чисто, кушанья подавались вполне римские, свежие, без всяких прикрас. Не могу забыть блюдо il stuffatino (стуффатино), которое состоит из мяса, запеченного с разными сортами зелени; мясо это кладут в горшок в сыром виде с кореньями, затем крышка горшка герметично замазывается,

⁵⁶⁹ Название этого напитка связано с местечком Фрасскати под Римом, известным своим виноделием.

и он ставится на горячую плиту; все это преет по несколько часов, пока мясо сварится или совершенно упреет; кушая его, просто пальчики себе оближешь. В трактире Габиионе это блюдо приготавливалось *pes plus ultra* (хорошо), вино же подавалось из собственных виноградников хозяина.

Посетители трактира были большею частью иностранные художники и мастеровой итальянский народ, которые строже судили о качестве пищи, нежели посетители известных в Риме трактиров *Lepre* (Заяц) или *Scalinata* (Лестница), названный так потому, что он находился возле чудной лестницы, ведущей с Испанской площади на гору Пинчио⁵⁷⁰. На новой аристократической квартире работалось очень мало; прожив на ней около шести месяцев, однажды рано утром иду завтракать. Против моего дома находился римский банк и возле него гауптвахта; вижу, солдат, стоя у гауптвахты, делает рукою знак, подзывая меня. Я подхожу к нему, и он говорит, что, стоя на часах в эту ночь, он заметил, когда луна вышла из-за туч, что несколько человек стояло на улице перед моим домом и что один из них лез на балкон по закинутой веревке. «Когда я остановился и начал смотреть на них», — продолжал часовой, — «человек, влезавший по веревке, бросился вниз, и все они разбежались. Почему советую вам быть осторожными, иначе вас убьют и ограбят».

Услыхав эту утешительную весть, к вечеру я отправляюсь к моим старым хозяевам, ибо моя квартира, как до меня, так и после, все время стояла пустая, — я один во всем Риме мог согласиться на их строгие условия. Звоню, хозяйка, отворив мне дверь, едва не со слезами встретила меня, описывая свою бедность, так как никто не хотел жить у них. «Кажется, я довольно вас наказал, теперь переезжаю к вам вновь», — сказал я старушке, — «И немедленно уплачу вам за шесть месяцев вперед». Старушка заплакала и обещалась каждый вечер при уходе моем со двора напоминать мне о ключе. Боже мой, как я был рад, очутившись на старом пепелище!

До переезда моего вторично к Ченчи со мною приключился один курьезный случай, о котором я не могу вспомнить без смеха; я имел обыкновение приходить в кофейню после обеда ранее других немцев, чтобы достать газету «*Allgemeine Zeitung*»⁵⁷¹ и прочесть те выдумки, которые

⁵⁷⁰ Имеется виду, знаменитая Испанская лестница, соединяющая Испанскую площадь и церковь Тринита-деи-Монти, она была создана в 1725 году по проекту архитектора Ф. де Санктиса.

⁵⁷¹ *Allgemeine Zeitung* — известный немецкий политический журнал, основанный в 1798 году, в 1807–1882 гг. издавался в Аугсбурге, с 1831 года публиковал на своих страницах материалы, связанные с музыкой и изобразительным искусством.

писались в ней о России. Мне приходилось обыкновенно сидеть в кофейне одному. Однажды входит какой-то посетитель и спрашивает вполголоса у кофейщика, кто я такой? Тот отвечает ему потихоньку, что я русский; тогда он подходит ко мне и, извиняясь, что беспокоит меня, спрашивает: «Правда ли, что в Риме есть русский гравер, который гравировал “Преображение” Рафаэля?».

Я чуть не рассмеялся, но удержался и тотчас нашелся ответить ему: «Вы правы, но он умер».

«Если так, то слава Богу!» — был его ответ, и он тотчас исчез.

Кофейщик же, держа в руках свой кофейник, от души хохотал, зная из ежедневных моих разговоров, чем я занимаюсь. Надобно заметить, что в Италии общее правило: проводить вечера в кофейне, и для сего у каждого итальянца имеется в кофейной свое место, свои друзья, своя компания, и если в его доме что случится или кто-нибудь его спрашивает, то посылают за ним в его кофейню, где он непременно заседает. Следуя этому обычаю, мы, иностранцы, также выбирали себе для вечернего пребывания какую-нибудь кофейню и становились ее неизменными посетителями. Моею излюбленною кофейнею днем была кофейня Лунджи, в улице *Felice* (Феличе). Здесь-то я и встретил того господина, который предложил мне столь странный вопрос о моей гравюре; в тот же день вечером, в 8 час., я опять был у Лунджи и мой любопытный незнакомец обратился ко мне с извинением за свой неосторожный вопрос, а я извинился за данный мною ложный ответ. Мы сделались затем друзьями. Это был Каппорали, художник, писавший преимущественно виды, и в то же время гравер.

Вечера я проводил на Испанской площади, в кофейне Бон Густо (*Bon Gusto*) у кофейщика Надзари; тут собирался *beau monde*⁵⁷² Рима и англичане. Приятно было побеседовать здесь с английским скульптором Гибсоном⁵⁷³, живописцем Вильямсом⁵⁷⁴, Кольманом и др. Из русских верными посетителями этой кофейни были: Ф.А. Бруни, я, Томаринский, Орлов и др. Из римлян неизменным гостем был Пиетро Валати — художник, несколько десятков лет изображавший все одних и тех же кабанов. И я должен признаться, что я один забавлял это общество своими рассказами.

Как я уже сказал, я был рад, что перешел на мою прежнюю квартиру и получил работу сперва от г. Классовского для украшения его книги

⁵⁷² *Bea mond* (фр.) — высшее общество.

⁵⁷³ Вероятно, Гибсон Джон (1790–1866), известный английский скульптор.

⁵⁷⁴ Вильямс [Г]енри (1798–1885), английский живописец, в 1827 г. уехал в Рим, где создал ряд работ на итальянские сюжеты.

«Помпея»⁵⁷⁵, куда требовалось много досок с гравюр известного издания отлично исполненными копиями с древней помпейской живописи под названием «il museo Borbonico» (Бурбонский музей); с этих гравюр мне было заказано сделать несколько досок. Имея небольшие средства, я не мог отказаться от этой работы, к тому же всегдашняя моя страсть была обзаводиться на лишние деньги книгами и гравюрами. Мало кто из моих товарищей, кроме Ф.Ф. Рихтера, были богаче меня этим необходимым пособием для науки и искусства.

Меня восхищали здешние католические праздники; из них самые интересные суть: Страстная неделя, начиная с Вербного воскресенья. В этот день я отправлялся в церковь S-ta Maria in Aracoeli⁵⁷⁶; это одна из древнейших церквей, в которую приходится подниматься по мучительной лестнице, начинающейся у лестницы Капитолия. Меня восхищало здесь чтение евангелия, которое происходило на двух боковых мраморных балконах и называлось «il Passione», т.е. страдание. Для сего избирались отличные три голоса: бас, тенор и альт. Все, что относится в Евангелии до народа, читалось басом; все то, что относится до первосвященников, осуждавших по Евангелию Спасителя, читалось, или почти выкрикивалось, тенором; слова же Спасителя читал другой священник – альт. Эти чтецы – мастера своего дела: как начнется у них перестрелка между народом и первосвященниками, или сильный тенор первосвященника вопрошал Спасителя, который отвечал ему альтом, так просто, бывало, заслушаешься; выходил какой-то трагический речитатив, мастерски выполняемый. Эта церковь меня восхищала еще тем, что пол ее весь покрыт надписями и изображениями в контурах разных лиц, здесь схороненных. Даже крестовосцы изображены тут со скрещенными одна на другую ногами, при этом вполне верно соблюден рисунок и костюмы того времени. Что за богатство в Риме для желающего с пользою провести время!

Со страстной среды начинаются уже атрибуты папской службы в Сикстинской капелле, где папские певчие поют знаменитое «Помилуй мя, Боже». В это время, как и в следующие два дня, эта небольшая сравнительно церковь бывает переполнена путешественниками, которых наезжает в это время в Рим до 30000, чтобы взглянуть на церемониал пап-

⁵⁷⁵ Ф.И. Иорданом были выполнены 6 гравюр к изданию В. Классовского «Помпея и открытые в ней древности» (СПб., 1848) и второе издание (СПб., 1849) – «Танцовщицы» (фреска), «Картины, найденные в сукновальне», «Виноделы, цедающие вино из меха», «Картина, найденная в Помпейской харчевне», «Мозаика, найденная в доме поэта», «Мозаика, изображающая сражение при Иссе».

⁵⁷⁶ Базилика Santa Maria in Aracoeli – памятник архитектуры XIII века в Риме.

ской службы. Вся эта масса народа спешит вечером в 5 часов в Сикстинскую капеллу, где в двух комнатах едва могло бы поместиться 200 человек; но тут теснятся, среди нестерпимой жары, несколько тысяч человек. В капелле стоит шандал, оканчивающийся треугольником, на котором воткнуто по шести свечей с каждой стороны, а на самом вершине шандала зажигается 13-я свеча; на троне сидит папа, по сторонам же его сидят кардиналы, с правой стороны стоят папские певчие. Начинается служба; ничего не понимая по-латыни, иностранцы то и дело отирают пот с лица и посматривают на шандал и его 13 свечей, которые поменьше гасятся. Промучившись целых два часа, уставши донельзя, видишь, наконец, что все свечи загашены; тогда все присутствующие кардиналы начинают речитативом псалом «Помилуй мя, Боже»; когда они окончат первый стих, начинается, можно смело сказать, божественное пение певчих. Затем кардиналы поют речитативом второй стих, вслед за ними повторяют его певчие, и так далее до конца псалма. Тем и оканчивается служба. Как бы человек ни был уставши, это пение вознаграждает его, и надобно сказать, что ни одна нация не в состоянии исполнить его в таком совершенстве. Палестрина⁵⁷⁷, переложивший этот псалом на музыку, должно быть, был вдохновлен самим Богом, а папские певчие, имея в среде своей кастратов, которые всю жизнь сохраняют свой контральтовый голос, так превосходно знают свои партии, что этого нельзя ожидать от обыкновенных певчих. Голос мальчика спадает, у кастрата же он сохраняется всю жизнь и совершенствуется в чудном климате Рима и среди народа, одаренного вкусом к музыке и пению. Следственно, псалом «Miserere mi Domini» можно слышать только в Риме; папское правительство очень хорошо знает, что эта служба – главная приманка для иностранцев, съезжающихся в Рим, который они обогащают; поэтому папа озабочен тем, чтобы певчие поддерживали свою славу.

Выйдя из Сикстинской капеллы, вы чувствуете страшную усталость; извозчиков, кроме карет, в Риме не имеется, а собор св. Петра отстоит от квартала, населенного средним классом, очень далеко; дойдя с невероятным трудом до дома и сбросив с себя одежду, я дал себе слово, несмотря на испытанное наслаждение, не ходить более в капеллу и, прожив в Риме 15 лет, я был в ней всего один только раз.

В страстной четверг бывает церемония перенесения остии или просфоры в капеллу св. Павла, где она, закрытая воздухом, ставится на возвышение среди 1000 зажженных свечей. Затем папу вносят на балкон,

⁵⁷⁷ Палестрина Джованни Пьерлуиджи (ок. 1525–1594), итальянский композитор, автор известной «Мессы папы Марчелло» (1555).

находящийся выше карнизов св. Петра, и он дает свое благословение народу при звуках военной музыки и пушечной пальбы с замка св. Ангела; обширная площадь перед храмом св. Петра кажется в эту минуту большим черным пятном от массы войска и бесчисленного множества народа, который стекается взглянуть на эту церемонию; затем папу несут вниз, в церковь св. Петра, где ожидают 12 священников, выбираемых из ксендзов всех стран католического мира, отличившихся хорошим поведением и благочестием. Они изображают собою 12 апостолов, все они одеты в белых саванах с высокою белою шапкою на голове. Папа приближается к ним, опоясанный полотенцем, перед ним держат большой серебряный таз. Подойдя к первому священнику, который сидит с обнаженною ногою, папа моет ее, вытирает и затем целует; то же самое совершает он по очереди с остальными 11-тью священниками. Это называется – омовение ног. Затем эти 12 священников отправляются наверх, где накрыт стол, за которым сам папа им прислуживает; при конце обеда каждый из них получает весь прибор, т.е. ложку, вилку и ножик, и серебряную медаль на память этого дня.

В этот день многие благочестивые дамы высшего римского общества моют ноги бедным странникам, пришедшим на поклонение св. Петру, чтобы получить благословение папы и посетить семь церквей, так как верующие католики считают, что тем прощаются после исповеди и причащения все грехи. Церковь, лучше сказать храм св. Петра, в дни страстной недели представляет зрелище весьма назидательное: туда стекается масса странников или пилигримов; у всех у них на голове надела шляпа с большими полями, плечи покрыты ниспадающим воротником из клеенки с пришитыми к нему раковинами, в руках они имеют большой шест с крестом на оконечности. Все эти богомольцы, стоя на коленях у разных приделов храма, усердно молятся и представляют собою картину, которая так и просится на холст. Тут видны и странницы, хотя крайне бедно одетые, но в живописных костюмах и также с шестами в руках; эти странницы, подобно странникам, могли бы быть украшением любой картины. Все эти пилигримы приходят большей частью из горных местностей Неаполитанского королевства. Их одежда и лица очень типичны, из них многие появляются теперь во Франции, Англии, Германии и доходят даже до Петербурга. Этим пришельцам папа кормит, поит и дает им квартиру в продолжение всей страстной недели. В храме св. Петра в эти дни встречается много иностранцев, рассматривающих его изящные сокровища. В страстной четверг все духовенство приобщается так же, как и монашествующие; в одном из приделов храма совершается освящение мира на потребу римских и других церквей папской области.

Я забыл сказать, что в Вербное воскресенье⁵⁷⁸ папа раздает отлично вырезанные и со вкусом украшенные (ветви) в виде вербы, которые совершенно не сходны с вербами восточной церкви. Он их дает кардиналам, католическим посланникам и первым лицам высшего римского дворянства. Для принятия этой вербы получающий ее становится на колена перед папою, сидящим на троне, и целует папскую туфлю в том месте, на котором выткан золотой крест. После обедни в страстной четверг в католических церквях, особенно в Риме, убираются все украшения, свечи более не зажигаются, шандалы стоят опрокинутыми, в колокола не звонят, дарохранительница открыта и в ней не видать св. даров. Все это производит большое впечатление; более всего действует на воображение отсутствие колокольного звона; даже городские часы не бьют – словно вся улица замирает; тем более это поражает вас в Риме, где имеется столько колоколов и бывает столько церковных праздников. В течение двух последних дней страстной недели от 11 часов четверга до 11 часов субботы в городе царствует мертвая тишина. Взамен колокольного звона придуманы трещотки, с которыми церковная прислуга ходит по улицам своего прихода каждый час, производя ими неприятный шум; рабочий народ считает с помощью этих трещоток свои рабочие часы.

Вечер страстного четверга весьма любопытен в храме св. Петра. По окончании вечерней службы все духовенство этого храма попарно приближается к алтарю, имея в руках вместо губок отлично сделанные широкие и короткие метелки. Алтарь стоит обнаженный, и на нем ставят семь кувшинчиков с ручками из зеленого стекла, наполненные святою водою; главный каноник св. Петра выливает на алтарь всю воду из семи кувшинчиков, и первый начинает, как будто, мыть его, проводя своею метелкою по поверхности алтаря; за ним делают то же прочие ксендзы, проводя губкою по поверхности мраморной доски алтаря; это длится довольно долго, так как духовенства в храме св. Петра очень много. Все это совершается в тишине; в это время не слышать ни молитвы, ни звуков органа; в соборе царствует почти полная темнота. На левой стороне храма, на огромный вышине, имеется мраморный балкон; на нем ставят несколько горящих свечей; на этот балкон входит каноник, держа в руках осыпанные камнями реликвии, как-то: полотенце св. Вероники с изображением лика Спасителя, гвоздь от креста Спасителя и еще третью реликвию; среди мертвой тишины он благословляет ими с этой высоты народ, что и составляет великолепную картину, которою я любо-

⁵⁷⁸ Вербное воскресенье (религиозный праздник) – день, когда Иисус Христос вступил в Иерусалим для принятия мученического подвига.

вался во все время моего пребывания в Риме. Тем страстной четверг и оканчивается.

Вечером все приезжие отдыхают, ибо нет гостя, который, проводя вечер в кофейной, не жаловался бы на усталость, замечая, что всем им виденным он восхищен, но что эти обряды восхитительны для юга Европы, но для севера они не могут быть назидательны: северянам нужна живая молитва, не запрещающая им по временам пофилософствовать, поэтому безответная католическая религия для них неудобопонятна.

Настает страстная пятница, все церкви моются, службы нет, только в приделе Креста Господня крест лежит на полу при зажженных свечах; народ молится и кладет деньги.

Иностранцы обходят в этот день мастерские художников, покупают и делают заказы. Это самый бойкий, деловой день, ибо, увидав все, что вызывает любопытство, — карнавал и церемонии страстной недели, — путешественники в понедельник на Пасхе уезжают из Рима.

Поотдохнув в совершенной тишине, Рим готовится проснуться в страстную субботу. С утра разезжают тележки с букетами цветов и разносчики кричат: «Цветы! Цветы!». В римских ресторанах существует обычай украшать в Пасху столы цветами; у половых же в этот день — обычай угощать своих посетителей куском ветчины и красным яичком, а посетитель дарит его монетою, смотря по средствам.

В 11 часов дня в страстную субботу начинается в церквях служба за закрытыми церковными дверями. Все свечи в храмах вновь зажигаются и народ, входя в открытые двери церкви, поет победоносную песнь «Слава в Вышних Богу»; вместе с тем начинается всюду торжественный звон, с замка св. Ангела слышится пушечная пальба, и, несмотря на запрещение правительства, все жители Рима, до последнего бедняка, стреляют из ружей. Невольно радуешься, видя это торжество, которое невозможно описать, а надобно быть его очевидцем.

Итак, Рим оживает с днем Светлого Христова Воскресения Спасителя. В светлый праздник спешишь к обедне в храм св. Петра; дорогою встречаешь множество экипажей и кардинальские кареты, в которых в пурпуре сидят кардиналы — все большею частью седые, как лунь, — имея возле себя своего исповедника, или кавалера, поддерживающего полу, или шлейф кардинальской пурпуровой мантии. Тучные, как смоль черные, лошади, разукрашенные богатою блестящею сбруею, шорами и кистями на голове и по бокам, тихо везут духовного наследника престола, царство которого не от мира сего. Высоко сидит на козлах кучер с длинным хлыстом в руках, и три тучных лакея стоят на запятках. Все они одеты в богатые ливреи и самая карета вызолочена и украшена ху-

дожественно расписанным на ней гербом. Все это тянется в великолепный храм св. Петра, куда торжественно вносят самого папу на малиновом бархатном стуле и такого же цвета носилках; их несут на плечах восемь носильщиков в богатых платьях, т.е. куртках с коротенькими штанами и в пунцовых чулках; они искусно поддерживают носилки, на которых сидит папа. По бокам, с обеих сторон, несут опахала, украшенные страусовыми перьями, как бы защищая ими папу от ветра; этот обычай заимствован, как говорят, от индийских моголов. До внесения папы в церковь идет церемониальным шествием весь его придворный штат; каждый из служителей несет что-либо, кто корону, кто другое какое украшение: тиару и т.д. Вся эта слава, все это богатство принадлежит наместнику св. Петра, которого скромное занятие была рыбная ловля. Святой отец во время церемонии сидит в тиаре и покрыт серебряною глазетовою мантиею, эффектно распущенною у его ног; он держит глаза закрытыми, благословляя народ правою рукою. Папу приносят к богато украшенному малиновым дамаском алтарю, где, помолившись, начинают облачать его. Самый интересный момент папской службы: когда папа возносит остию, тогда трубачи, помещающиеся на балконе над входною дверью в соборе св. Петра, играют гимн, поразительный по своей гармонии. Для посетителей устраиваются места и, хотя билеты на эти места должны быть даровые, но они обходятся гостям весьма дорого. По окончании обедни папа тем же порядком возвращается в свои покои. Остается увидеть вечером того же дня иллюминацию св. Петра. Она в высшей степени эффектна. Вначале площадки и шкалики прикрыты белую бумагою, поэтому они проливают мягкий свет, обрисовывая контур великолепного купола — чудо искусства Микеланджело. По истечении часа светлый огонек сбегает с оконечности креста, и купол в один момент весь горит блестящим огнем. Я никак не мог себе представить, как это делается, пока мне не объяснили, что это делается самым простым образом, именно: у каждого шкалика, прикрытого бумагою, находится незажженная большая площадка, наполненная салом, сверху соломою и сеном; невдалеке от нее сидит с фитилем служитель и в данный момент зажигает солому, от которой загорается большая светильня, пропитанная салом. Эти площадки горят сильным светом, так что свет шкаликов становится совершенно незаметным, и купол освещается ярким огнем.

Служители собора св. Петра представляют собою совершенно особый класс людей; они весь год живут в церкви св. Петра, имея квартиры где-то на высоте этого огромного здания. Служитель, находящийся на самой вышине креста, зная опасность, которой он подвергается от ветра

и других случайностей, в страстную субботу, накануне иллюминации, ежегодно исповедуется и приобщается.

За иллюминацию следует фейерверк в замке св. Ангела⁵⁷⁹ на берегу реки Тибра. Местоположение замка придает этому зрелищу волшебный вид: этот фейерверк называется ля Жирондола (la Girondola). Трудно описать, какую прелестную картину представляет эта масса, отражаясь на темном фоне замка; всевозможные огни взлетают на воздух при страшной трескотне, производимой бураками и пушечной пальбою, и все они отражаются в воде. Как скоро кончается этот фейерверк, с ним кончается и все достойное внимания в Риме до следующего ноября месяца, когда в святом городе вновь начнут появляться как перелетные птички англичане и русские; блажен тот художник и вообще всякий трудящийся человек, который за лето успеет к этому времени скопить что-нибудь, ибо от римлян и, вообще, от итальянцев по пословице, «как от козла, ни шерсти, ни молока».

XXXVI.

Рассказав о церемониях Страстной недели в Риме в храме св. Петра, нельзя умолчать о торжественной процессии «Corpus Domini» (тела Господня). Праздник этот бывает десять дней спустя после Св. Троицы и приходится, как праздник Вознесения, в четверг. В этот день более, нежели в день Светлого праздника, римляне и иностранные художники спешат с утра занять где-нибудь место около храма св. Петра, откуда в 10 часов утра начинается процессия. Сперва идут в бедных одеждах капуцины⁵⁸⁰, францисканцы⁵⁸¹ и др. За ними следуют монахи, получше одетые, как-то: августинцы,⁵⁸² доминиканцы⁵⁸³, григорианцы⁵⁸⁴ и множество других. Затем следует духовенство: каноники с богатыми мехами, за ними

⁵⁷⁹ Замок Св. Ангела (Кастель Сант-Анджело) – памятник итальянской архитектуры, на протяжении многих веков использовался как гробница, резиденция пап, тюрьма, ныне музей. Первоначально был задуман как мавзолей императора Адриана и его семьи (135 г.), затем замок неоднократно перестраивался.

⁵⁸⁰ Капуцины – католический монашеский орден, ветвь францисканцев, был основан в Италии в 1525 году.

⁵⁸¹ Францисканцы – монашеский орден, основанный Франциском Ассизским в Италии в начале XIII века, ему была поручена инквизиция.

⁵⁸² Августинцы – католический орден в Италии, основанный в середине XIII века, устав которого составлен блаженным Августином.

⁵⁸³ Доминиканцы – монашеский орден, основанный монахом Домиником в 1215 году, в их ведении с 1232 года находилась инквизиция.

⁵⁸⁴ Григорианцы – в католической церкви отсутствует монашеский орден с таким названием, что имел в виду Ф.И. Иордан – неизвестно.

«вескови» (епископы), наконец, кардиналы в митрах, все в золоте, с огромными восковыми свечами. Все они окружены своим штатом. Наконец, приближается главное лицо всей процессии – папа. Он виден издали, несомый своими носильщиками; перед ним находится аналой, на котором он держит, стоя на коленях, святую остию, или же она вставлена в дорогую раму, украшенную драгоценными камнями, которая называется Exponsorio; эта рама ставится на аналой и перед нею находится папа, простертый на коленях и, по-видимому, глубоко вдохновенный молитвою. Над ним несут балдахин. Вся одежда папы состоит из длинной мантии, сшитой, так же как и балдахин, из белой серебряной парчи. По сторонам балдахина несут множество свечей и несколько кадил, коих фимиами возносится к небу. Весь это живописный кортеж окружен швейцарскою гвардиею.

На поверку выходит, что папа сидит на табурете, к нему приделаны фальшивые ноги, а Exponsorio прикреплено к аналою; папа, в свою очередь, покрыт огромною мантиею, скрывающею всю его фигуру, вследствие чего и кажется, будто он стоит на коленях и держит Exponsorio. Иначе и быть не могло: папы большею частью люди престарелые, процессия тянется вокруг всей колоннады св. Петра и длится около 40 минут, поэтому папа может выдержать шествие процессии только сидя на носилках.

Подобные процессии происходят в Риме в разных приходах всю неделю. В это же время года бывает и другое, весьма интересное, торжество в местечке Grassano⁵⁸⁵, близ Рима. Местечко это славится своими винами, красивыми деревенскими девушками и обилием цветов, из коих делают для этой процессии ковер самого прелестного рисунка во всю главную улицу; этот праздник называется Li Infiorata (цветник). Множество гостей наезжает из Рима полюбоваться чудным цветником, поглазеть на красивых девушек и выпить стакан хорошего, но крепкого вина.

XXXVIII.

Мне пришлось познакомиться с княгиней Голицыной, рожденной Корсаковой⁵⁸⁶. Она тратила очень много денег на покупку разных картин старой и новой школы; княгине несли картины со всех концов Рима, и все это покупалось ею без всякой цели. Смотря на все приобретенное ею, мне было жаль русских денег. С княгиней Голицыной вояжировал и

⁵⁸⁵ Grassano (Грассано) – коммуна в области Базиликата на юге Италии.

⁵⁸⁶ Голицына (урожденная Корсакова) София Алексеевна (1808–1858), княгиня, русская писательница, художница, издатель альманаха «Молодик».

имел у нее стол и квартиру г. Берже. Это был миниатюрный живописец, друг и приятель Н.И. Уткина, который выгравировал с его миниатюры портрет музыканта Мюллера⁵⁸⁷, отца Соколовой⁵⁸⁸. Потеряв глаза от мелкой работы, г. Берже писал в Риме большие сюжеты масляными красками. Он описывал мне ужасное положение крестьян княгини Голицыной, говоря, что она здесь не знает, как истратить деньги, а крестьяне не в состоянии выплатить ей вовремя подати и у них отбирают последнюю корову, лошадь и т.п.

Ко мне княгиня была очень добра. Она имела двух сыновей⁵⁸⁹ и примерно о них пеклась; жила открыто, была характера веселого и добродушного.

Совершенно неожиданно приехал в Рим ее муж⁵⁹⁰, также любивший пожить широко и сделавший массу долгов. Я явился к нему утром в день его приезда в Рим. Он сидел у камина, по-американски положив ноги на карниз камина. Мы начали разговор о крепостном сословии и, когда г. Берже заметил, что рано или поздно это сословие должно быть уничтожено, т.е. крестьяне будут освобождены, то князь Голицын возразил: «Это событие так же далеко, как если бы огромное тело удалить на расстояние, что оно обратилось бы в точку, которая едва приметна за дальностью расстояния».

Однако князю пришлось дожить до того дня, когда был обнародован акт освобождения крестьян. Семейство этого князя Голицына окончательно разорилось: дом и картины, принадлежавшие княгине, были проданы с молотка; она умерла, а князь сошел с ума; участь их детей мне неизвестна.

С приездом мужа княгиня утратила свою обычную веселость, сделалась молчалива, что удивило меня, зная, что она принесла мужу богатое состояние, а он, кроме княжеского титула, со своей стороны ничего не принес ей.

⁵⁸⁷ В 1822 году Н.И. Уткин с миниатюры Ф. Берже выполнил портрет Мюллера (Миллера) Иоганна Генриха (1781–1826), композитора, музыканта, педагога.

⁵⁸⁸ Соколова (урожденная Мюллер) Августина Ивановна (1811–1889), певица, воспитанница Н.И. Уткина, супруга родственника Н.И. Уткина, служащего ИАХ Н.А. Соколова, участвовала в музыкальных вечерах, устраиваемых В.Ф. Одоевским.

⁵⁸⁹ Сыновья С. А. Голицыной – Голицын Алексей Васильевич (1832–1901), князь, статский советник и Голицын Виктор Васильевич (1835–1885), князь, ротмистр Лейб-Гвардии гусарского полка, вице-инспектор Корпуса лесничих.

⁵⁹⁰ Голицын Василий Петрович (1800–1863), князь, камергер, действительный статский советник, знаток музыки, друг М.И. Глинки.

Я имел удовольствие видеть княгиню однажды в Петербурге; она сама показывала мне богато отстроенный ею дом⁵⁹¹, с фонтаном в саду, возле которого стояла статуя наяды, сделанная по ее заказу г. Гаяси. В комнатах висели отличные картины К.П. Брюллова, Калама⁵⁹² и др. Еще при жизни княгини ее осаждали со всех сторон кредиторы, а по смерти ее молодые князья Голицыны, сыновья ее, покончили с богатством своей матушки. Один из них, желая поскорее все спустить и не зная цены вещам, продал за 25 р. дорогой *tête-à-tête*⁵⁹³ северского фарфора, подаренный некогда Людовиком XVI великому князю Павлу Петровичу и его супруге Марии Федоровне при посещении ими Парижа. Эта драгоценность очутилась у молодого князя Голицына; в то время, как он распродал вещи, к нему явился однажды купец из Апраксина рынка, который скромно рассматривал вещи, назначенные в продажу, и, обратив внимание на этот *tkte-v-ktke*, тотчас понял его ценность; князь, не имея в вещах ни малейшего понятия, видя, что торговец рассматривает сервиз, начал торопить его, говоря: «Ну, покупай!», и спросил за сервиз сто рублей. Апраксинец жалобным тоном отвечает, что у него таких денег нет.

Желая получить, хотя что-нибудь, князь уступил ему эту драгоценную вещь за 25 рублей; затем сервиз перешел в Париж и был куплен за 100 т. франков императрицей Евгенией⁵⁹⁴, которая скупала за большие деньги все вещи, некогда принадлежавшие несчастной королеве Марии-Антуанетте⁵⁹⁵.

XXXIX.

Семья русских художников была обрадована приездом в Рим нашего конференц-секретаря В.И. Григоровича, человека всеми любимого, особенно художниками, которым он всегда был искренним другом. Он относился к ученикам Академии, как к своим детям; это был человек редкой честности. Он с ранних лет сроднился с Академией, женившись на

⁵⁹¹ Дом Голицыной в Петербурге (современный адрес – Владимирский пр., д. 12) – построен в 1826–1828 гг. архитектором А.А. Михайловым 2-м, в 1840-е гг. здание было перестроено: появился зимний сад и фонтан, с 1860-х гг. в нем располагался Купеческий клуб, в советское время – разные клубно-театральные учреждения, с 1945 года – Театр им. Ленсовета.

⁵⁹² Калам Александр (1810–1864), известный швейцарский художник-пейзажист.

⁵⁹³ *tête-à-tête* – здесь: сервиз на две персоны (фр.).

⁵⁹⁴ Евгения де Монтихо (1826–1920), императрица Франции, супруга Наполеона III.

⁵⁹⁵ Мария-Антуанетта (1755–1793), французская королева, супруга Людовика XVI (с 1770 года).

дочери⁵⁹⁶ известного русского скульптора Ивана Петровича Мартоса⁵⁹⁷, неусыпного труженика по своей части; работы Мартоса рассеяны по всей России. Свояками В.И. Григоровича были наши профессора: Алексей Егорович Егоров, Авраам Ив. Мельников⁵⁹⁸ – строитель старообрядческой церкви и Глинка⁵⁹⁹ – строитель бывшего Румянцевского музея⁶⁰⁰, ныне (1875 г.) дома Шумахера⁶⁰¹.

Григорович остановился в семействе Ф.А. Бруни; в Рим приехала на короткое время и М-те Бруни, которую он уважал, и она приложила все старания к тому, чтобы сделать Григоровичу пребывание в Риме приятным. Художники также старались со своей стороны быть ему полезными и приятными и дали в честь его товарищеский обед. Одним словом, все смотрели на В.И. Григоровича не как на начальника, а как на доброго отца. Его очень занимала моя работа; он ценил мой труд и чувствовал себя передо мною виновным, ибо в то время, как я делал рисунок, он настаивал неоднократно, чтобы по окончании его я приступил к гравированию такого колоссального труда; теперь же он радовался, увидав, что моя гравюра значительно подвинулась. Трудолюбивые братья Чернецовы⁶⁰² написали ему на память картину, где все художники изображены вместе, имея во главе В.И. Григоровича: иные сидят, другие гуляют во внутренности Колизея, и каждая фигура довольна, сходна⁶⁰³. Григорович пробыл с нами около месяца, затем мы расстались.

⁵⁹⁶ Григорович (урожденная Мартос) Софья Ивановна (1798–1856), супруга В.И. Григоровича.

⁵⁹⁷ Мартос Иван Петрович (1754–1835), скульптор, профессор и ректор живописи и скульптуры ИАХ.

⁵⁹⁸ Мельников Авраам Иванович (1784–1854), архитектор, профессор, ректор ИАХ. Автором проекта церкви Пресвятой Богородицы на Волковом кладбище (1813–1818) был архитектор В.И. Беретти, в 1835–1836 гг. она была перестроена Авраамом Мельниковым.

⁵⁹⁹ Глинка Василий Алексеевич (1790–1831), архитектор, профессор ИАХ.

⁶⁰⁰ В 1820-е гг. В.А. Глинка перестроил особняк Н.П. Румянцева в Петербурге (современный адрес – Английская наб., д. 44).

⁶⁰¹ В 1831–1861 гг. здесь располагался Румянцевский музей, переведенный затем в Москву и ставший основой нынешней Российской государственной библиотеки. В 1868–1870 гг. дом принадлежал купцу И.Ф. Шумахеру.

⁶⁰² Чернецов Григорий Григорьевич (1802–1865), живописец, рисовальщик, литограф, портретист, академик ИАХ, автор портретов А. Пушкина, В. Жуковского, И. Крылова, а также знаменитой картины «Парад на Царицыном лугу 6 окт. 1831» (1837); Чернецов Никанор Григорьевич (1805–1879), живописец, рисовальщик, литограф, академик ИАХ.

⁶⁰³ Имеется в виду работа Г.Г. Чернецова «Русские художники в Риме в 1842 году» (1842), на которой изображены И.К. Айвазовский, Ф.А. Бруни, А.В. Тыранов,

Несколько времени спустя приехал мой незабвенный профессор, благодетель и второй отец Н.И. Уткин, и я с сердечною радостью встретил его и поместил у себя. Не могу описать тех чувств, которыми было преисполнено мое сердце при виде этого добрейшего человека, который с малых лет вселил во мне любовь к занятиям, прилагая неусыпные попечения обо мне, и которому я был всем обязан до конца моей жизни. Мое трудолюбивое было всегда оценено им по справедливости. Он изыскивал средства при крайней моей бедности поставить меня ноги; в доме его я встречал искреннее радушное гостеприимство, даже бедных моих родителей он не забывал. Теперь святая его душа витает в лучшем мире, где я надеюсь ее встретить и там излить ей признательность, которая живет во мне по сейчас. Упокой, Господи, праведную душу моего профессора, благодетеля и друга!

Я начал показывать Н.И. Уткину достопримечательности Рима под палящим августовским солнцем. Даже мои бедные хозяева влюбились в него и сожалели о том, что он, по их понятию, «не христианин», то есть не католик. Не раз Уткин удивлялся простоте моей жизни и обстановки. Все мои товарищи художники были им восхищены и завидовали мне, что я имел профессора примерной доброты, тогда как их профессора о них и знать не хотели. Мы дали старику отличный обед, но он был крайне удивлен, когда Ставассер и Пименов неожиданно вышли из другой комнаты полунагие и начали представлять римских борцов. Старик испугался, я же успокоил его, объяснив, что подобные импровизации у нас часто случаются. Живя, под вечно синим небом, получая за обедом всегда стакан хорошего вина, здесь все веселы, все смеются.

Н.И. Уткин дал мне много полезных наставлений касательно моей работы, чтобы ускорить ее окончание. Старичок желал после Рима осмотреть Неаполь и просил меня ему сопутствовать, на что я с удовольствием согласился, так как в его годы и не зная итальянского языка, ему было бы трудно и даже опасно совершить это путешествие одному, вследствие чего мы и отправились вместе. Дорога в Неаполь, как я уже говорил, самая живописная, особенно в Гаэте⁶⁰⁴, где гостиница стоит на бе-

А.А. Иванов, А.Н. Мокрицкий и другие (всего 43 портрета) на фоне Римского Форума, сейчас картина находится в Национальном художественном музее Беларуси (Минск). Более подробно см.: Серый Г. Неизвестная картина Г.Г. Чернецова (1842 г.). «Вид Форума-Романо с портретами всех русских художников, находящихся в Риме» // Звенья : сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли 14-20 вв. / Гос. лит. музей. – М. : Госкультпросветиздат, 1951. – Т. 9. – С. 496–515.

⁶⁰⁴ Гаэте, точнее Гаэта – город-крепость в области Лацио в Италии. Папа Римский Пий IX вынужденно жил в Гаэте (с 25 ноября 1848 – по 4 сентября 1849 гг.).

регу моря, и вид из нее открывается, можно сказать, божественный; эта гостиница была некогда виллою Цицерона⁶⁰⁵.

По приезде в Неаполь, мы остановились также в прелестной гостинице под названием «Ville de Rome»; она стоит на берегу моря и вид из нее открывается великолепный. Впереди виднелся дымящийся Везувий, а позади находится Помпея. Старичок Уткин был вне себя от восторга от всего виденного им в Неаполе.

Полутру, гуляя по Santa Lucia, он попросил меня зайти в цирюльню, чтобы выбриться. Бородобрей старательно намылил ему бороду, обрил его и затем вымыл его так, как матери моют детей, т.е., взяв на ладонь воду, обмыл ему все лицо, что крайне не понравилось моему профессору.

Осмотрев все достопримечательное в Неаполе и выкупавшись в голубом Средиземном море, мы отправились в Помпею, где восхищались городом, который с лишком 1000 лет тому назад был засыпан пеплом, теперь же вы гуляете по его улицам, видите следы колес, оставленные некогда колесницами, видите колодцы с впадинами, истертыми веревками, на которых подымались ведра, читаете вывески, высеченные из камня, одним словом, видите город, только без жителей и без крыш на домах. Мы любовались также Геркуланумом⁶⁰⁶, хотя он не весь открыт, ибо Помпея была засыпана пеплом, а Геркуланум залит лавою, от которой очистить город несравненно труднее, нежели от мягкого пепла, так как лава обращается при охлаждении в твердый камень. Кроме того, над Помпеей, т.е. над ее поверхностью, находится открытое поле, а над Геркуланумом стоит богатый город Портичи с прекрасным дворцом⁶⁰⁷ неаполитанского короля; следственно, чтобы открыть Геркуланум надобно уничтожить город Портичи. В Геркулануме погребены замечательные сокровища изящных искусств; все открытое в нем до сего времени превосходит по достоинству вещи, найденные в Помпее. Нагулявшись вдоволь в том и другом городе, мы отправились в очаровательной Сорренто – отечество бессмертного Тассо⁶⁰⁸, певца освобожденного Иерусалима, который лишился ума вследствие несчастной любви к Эле-

⁶⁰⁵ Цицерон Марк Туллий (106 до н.э. – 43 до н.э.), древнеримский философ, оратор, политик.

⁶⁰⁶ Геркуланум – древнеримский город, который по преданию создал Геркулес, исторически он был основан в VI в. до н. э. В 79 г. н.э. Геркуланум был уничтожен вместе с Помпеями при извержении вулкана Везувий.

⁶⁰⁷ Портичи – город в области Кампанья в Италии. Дворец был построен в 1741 году по приказу Карла Бурбона, ныне в нем находится университет.

⁶⁰⁸ Тассо Торкватто (1544–1595), знаменитый итальянский поэт.

оноре Эсте⁶⁰⁹ и сошел в преждевременную могилу. Кто из путешественников, посещавших эти места, не помнит дороги от Помпеи до Сорренто, где, не доезжая этого городка, вы встречаете сады, обнесенные стенами, из-за коих красуются большие деревья с темною зеленью и золотистыми плодами, – это апельсиновые деревья. Кто не радовался, увидав, быть может, первый раз в жизни эти деревья, коих листья так густы и темны и сучья так раскидисты, что они кажутся, издали целым лесом.

Отдохнув от утомительной езды на ослах, на которых приходится ехать в Сорренто и заняв хорошие комнаты с живописным видом, мы взяли из гостиницы провожатого, или чичероне, как их здесь называют, и, выйдя с ним на улицу, случайно спросили его, не знал ли он Щедрина. Наши художники, жившие в мое время в Риме, все знали имя нашего достойного пейзажиста – Щедрина, коего картины служат до сего времени украшением русской школы. Услышав это имя, чичероне остановился, с вдохновенным видом сбросил с головы шапку и заговорил:

– «Как сера Сильвестра (имя Щедрина, – здесь в обычае не упоминать фамилию, а только имя) не знать! Здесь нет человека, который бы не знал его. Как Сильвестра не знать! Да это грех не знать его, он умер на моих руках».

И пошли рассказы о том, как все уважали его, что это был Рафаэль по искусству. «Мерзкие наши патеры не хотели даже хоронить этого истинного христианина», – продолжал итальянец, – «Но когда нашли крест у него на шее, тогда только и схоронили. Теперь же он исцеляет от болезни и творит чудеса».

Старичка Уткина этот рассказ удивил, и он просил меня сказать чичероне, чтобы он показал нам могилу Щедрина.

– «Туда я вас и веду, неужели я мог вас оставить, не показав ее вам!»

Мы спустились с горы и увидели небольшую речку, залив Средиземного моря, коей берега поросли деревьями; вдали виднелась часовня или небольшая церковь. На лесенке у этой часовни сидели крестьянки с выразительными лицами, бедно одетые и с детьми на руках. Когда мы подошли к ним, дверь в часовню оказалась уже отпертою, и нам представилась довольно бедная внутренность часовенки, в которой воздух был сырой и холодный, что очень чувствительно в этих странах, где воздух часто бывает душлив. Крестьянки, с детьми на руках, прямо отправились к какой-то темной доске, прикрепленной к стене, пали перед нею

⁶⁰⁹ Эсте Элеонора ‘д (1537–1581), сестра Альфонса II, герцога Феррары, Т. Тассо посвятил ей свои стихи.

на колена, крестились и молились. Я спрашиваю моего чичероне: «Где же лежит сер Сильвестро?».

Он таинственно указал на темную доску, у которой молились крестьянки, и шепнул мне на ухо: «Сер Сильвестро – святой человек».

Мой старичок пришел в умиление, услышав это. Мы подошли к памятнику и увидели, что эта доска отлита из бронзы, на которой изваян барельеф: Щедрин, сидя в плаще, с кистью в руках, засыпает сном смерти. Голова его опустилась, равно как и рука, в которой он держит палитру.

Внизу барельефа находится скромная надпись: «Здесь лежит Щедрин». От темноты и сырости надпись попортилась, так что трудно было ее прочесть. Увидав, что невдалеке от могилы стоял послушник иезуитского ордена и возле него сторож этой часовни, я спросил послушника, каким образом случилось, что могила нашего земляка так уважается здешними поселянами? С удивительною кротостью, делающей честь его ордену и которой я неоднократно был свидетелем, послушник тихим голосом отвечал мне: «Могила вашего земляка весьма чтится окрестными поселянами, но как это случилось, я не могу вам объяснить. Говорят, что он был очень добрый человек, помогал бедным, и что его могила и сотворенная над нею молитва исцеляют страждущих детей. Вы найдете здесь ежедневно матерей с грудными детьми и они уверяют, что получают тут исцеление. Об одном буду вас просить: памятник приходит в ветхость, и так как он служит предметом поклонения для народа, то нельзя ли будет его возобновить?».

Мы его успокоили, сказав, что у Щедрина есть брат⁶¹⁰, профессор, к тому же архитектор, что мы передадим ему эту просьбу и все будет исполнено. Мы поклонились праху, помолились и вполне довольные вышли из часовни. Мой профессор не столько восхищался видами, сколько был занят этою неожиданною новостью и внес все слышанное в свою записную книжку. По приезде в Петербург Н.Ив. Уткин передал просьбу иезуита брату Щедрина, Аполлону Федосеевичу и тот с радостью выслал потребную на починку памятника сумму денег.

Гуляя по Сорренто, мы видели дом Торквато Тассо, выстроенный на самом видном месте, где теперь помещается гостиница, носящая его имя, которая считается лучшею в городе. Когда мы пожелали в ней остановиться, наш мальчишка-погонщик ослов сказал, что гостиница эта очень дорогая и что в нее приезжают в экипажах, а не на ослах, как мы.

⁶¹⁰ Щедрин Аполлон Федосеевич (1796–1847), архитектор, профессор, с 1826 по 1835 гг. находился в должности архитектора-строителя при Императорской Публичной библиотеке.

Возвратившись в гостиницу, название которой не припомню, и, видя, что для нас накрыт стол, Уткин попросил меня сказать хозяину гостиницы, чтобы он угостил нас свежими апельсинами, которыми мы восхищались дорогою, на что хозяин с удовольствием согласился, сказав, что прикажет снять их со своего дерева. Нам подали несколько совершенно свежих крупных апельсинов золотистого цвета, и когда мы очистили с них кожу, то сильный аромат и особенный острый запах наполнили всю комнату. Ни я, ни мой профессор не знали, что значит скушать апельсин в августе месяце, притом сорванный прямо с дерева. Не знаю даже с чем сравнить это наслаждение, я же не в состоянии его описать.

Затем мы долго гуляли, любуясь видами, которые влекут в Сорренто каждого путешественника, тем более художника. Ложась спать, мы позавтракали спросить об одном весьма необходимом месте; довольные нашим посещением Сорренто, где мы нашли место вечного упокоения нашего собрата художника, и, насладившись прелестными апельсинами, беззаботно предались мы ночному отдохновению, как вдруг я почувствовал прискорбные последствия моей невожатанности. Бегаю по комнате, по коридору, в темноте наталкиваюсь на моего старичка, оба в отчаянии, бегаем, отыскивая то, о чем по забывчивости не спросили с вечера; но все наши поиски были напрасны... так прошла вся ночь; к утру, усталые и ослабевшие, мы едва имели силу позвать прислугу, чтобы привести в нашей комнате все в порядок и освежить воздух, открыв окна.

Только что успели мы немного оправиться, как слышим стук в двери. Полагая, что это слуга, отворяем, и к нам входит господин, щегольски одетый, с палочкою в руке и заявляет, что он священник посольской церкви в Неаполе, проживает здесь во время жаров и, услышав о нашем приезде от нашего вчерашнего чичероне, пришел познакомиться.

Мой старичок был очень обрадован его приходом, попросил у него благословения и рассказал ему историю апельсинов и несчастные от них последствия.

Напившись кофе, мы поспешили отправиться в лодке в Лазуревый грот. Этот грот с моря совершенно незаметен, так как он находится в скале и вход в него виден только в то время, когда волна отходит от берега, вследствие чего гребец подвозит вас к скале и выжидает момента, когда волна отхлынет; тогда он ставит лодку так, чтобы волна, ударяясь в скалу, могла бы вместе с тем внести в грот и его лодку. Гребцы делают это весьма ловко, предупреждая сидящих в лодке, чтобы они несколько наклонили голову, так как вход в Лазуревый грот весьма низок. Въехав в него, вы поражены лазуревым цветом, как воды, так и всей внутренности грота. Вода тиха и прозрачна в нем, как зеркало.

Тем же порядком и выплывают оттуда: гребец выжидает момента, когда волна, отходя от скалы, открывает отверстие и, воспользовавшись этой минутой, он ловко выплывает в открытое море. Мы посетили также Амальфи⁶¹¹; вид этого городка с моря обворожительный. К сожалению, в Неаполитанском королевстве часто случается, что города, с моря кажущиеся обворожительными, не отвечают вашим ожиданиям, когда вы сойдете на берег. Вы находите здесь зачастую грязные, неопрятные и узкие улицы, даже зловоние, что случилось и в Амальфи. Город стоит на высоком берегу моря; поднявшись в Амальфи, крайне усталые, мы мало нашли интересного в сравнении с тем, что можно было ожидать, видя этот городок с моря.

Мы видели собачий грот, наполненный удушливым газом; сторож, находящийся при этом гроте, имеет при себе собаку, которую он вталкивает в этот грот, отворив в него дверь; с собакою делаются тотчас конвульсии и сторож вытаскивает ее за веревку на свежий воздух, где она оправляется.

Мы съездили также в Салерно⁶¹², который отличается сырым воздухом; жители его страдают лихорадкою от болотистой местности.

Наконец, мы возвратились в Рим и, осмотрев все в нем достопримечательное, должны были расстаться, ибо время уходило и мне пора было приняться за работу.

XL.

В 1845 году Рим был почтен приездом императора Николая Павловича, который посетил Италию с целью навестить императрицу Александру Федоровну⁶¹³, жившую на острове Сицилии, в Палермо. Император остановился у нашего посла Бутенева, жившего возле Пантеона во дворце Джустиани⁶¹⁴. Этот дворец находился в одном из густонаселенных кварталов Рима, возле Мясного ряда, что и заметил император Бутеневу, сказав, что его сын, наследник цесаревич, помещался в Риме в отличном дворце: «Ты же поместился в несоответствующем твоему посту месте», — продолжал император. И точно, наследник жил у нашего посла Потемкина во дворце Одескальки. Этот дворец стоит на площади Святых Апостолов, на одной из лучших улиц Рима.

⁶¹¹ Амальфи — город в области Кампания в Италии, основанный в IV в.н.э.

⁶¹² Салерно — город и порт в области Кампания на юге Италии.

⁶¹³ Александра Федоровна (1798–1860), российская императрица, супруга Николая I.

⁶¹⁴ Дворец Джустиани был построен в 1524 году для Луиджи Корнаро веронским живописцем Джованни Мария Фальконетто.

При посещении Ватикана и осмотре его драгоценных коллекций государь велел, чтобы мы, художники, сопровождали его; таким образом, мы имели случай видеть то, что иначе никогда не пришлось бы увидеть. И точно, мы видели тут собрание византийских образов, о которых мы не имели никакого понятия. В. Висконти должен был служить путеводителем государя и объяснять статуи и картины, на которые государь обращал, впрочем, мало внимания. Когда император был недалеко от картины «Преображение» Рафаэля, ко мне подошел кн. П.М. Волконский, сказав:

— «Ты не отходи; как скоро государь подойдет к твоей картине, я представлю тебя».

Я следил за его величеством. Наконец, он подошел к картине, и Висконти начал говорить обо мне. Государь мельком взглянул на меня и обратился к другой картине.

И часа не было употреблено на осмотр всего Ватикана. Государь был в сюртуке темно-кофейного цвета; по величественной осанке, красоте и твердой поступи он походил, в полном смысле слова, на красавца Аполлона⁶¹⁵. Коляска его была запряжена парой серых лошадей.

Из Ватикана все поехали в Колизей; художники старались поспеть за государем на своих извозничьих лошадях, только наши клячи далеко отставали от его борзых коней, но мы все-таки подоспели вовремя.

Государь осмотрел Колизей, дворцы римских царей и оттуда отправился вновь к св. Петру, чтобы осмотреть внутренность храма. Служба была окончена, и народу в церкви было мало; государь восхищался этим удивительным зданием и, если не ошибаюсь, спросил у нашего пенсионера А.И. Резанова о высоте храма и заметил:

— «Я желал бы, чтобы мои архитекторы могли выстроить мне подобный храм».

Затем он уехал, и многие из наших художников отправились по домам. Один вечер был назначен для осмотра богатой галереи античных статуй Ватикана при факельном освещении, при котором только и можно оценить достоинства этих скульптурных произведений. При свете факела можно каждую фигуру рассмотреть отдельно, освещая ее по своему желанию; днем же статуи, стоящие против окон, будучи в полном свете, без теней, теряют все свое изящество. Это освещение обыкновенно дорого стоит и им пользуются богатые англичане.

⁶¹⁵ Аполлон — древнегреческий бог, покровитель наук и искусств, образец мужской красоты.

Григорий XVI дал императору Николаю Павловичу право располагать свободно античною галереею и выбрать те антики, с которых он пожелает иметь формы, на что папа очень редко дает позволение. И если бы государю пришла счастливая мысль воспользоваться советами графа Ф.П. Толстого, который сопровождал его при осмотре Колизея, то наша Академия в Петербурге могла бы получить свежие формы с главных статуй Ватикана: с Аполлона, Торса, Лаокоона и друг., но государь положился на свой выбор, и, к несчастью, этот выбор был самый неудачный. К отформованию были предназначены такие статуи, которых не стоило бы и перевозить в Петербург, если бы св. отец пожелал подарить императору самые мраморные оригиналы. Что делать, выбор был сделан, римляне взялись формовать их, и формы обошлись России дороже, чем если бы статуи были сделаны из мрамора, а не из алебаstra, что и было замечено мне г. Килем⁶¹⁶, занимавшим тогда место секретаря художников вместо г. Сомова⁶¹⁷, племянника П.И. Кривцова.

Затем государь Николай Павлович сделал дорогие покупки мраморных статуй у скульпторов, платя за них по-царски. Более всех посчастливилось порядочному скульптору г. Биенеме⁶¹⁸, коего статуи украшают теперь коллекцию статуй Эрмитажа, таковы: «Вакханка, лежащая с чашею в руках», «Девственная Диана» и др.; у почтенного английского скульптора Гибсона была куплена «Хлоя, несомая амурами»⁶¹⁹; у нашего скульптора Ставассера – «Сатир, подвязывающий нимфе сандалии», «Русалка» и проч. Иностранные художники устроили для императора выставку, и на ней слабые вещи были предпочтены хорошим. Камердинер государя, добрейший старичок Гримм позволил нашим русским художникам выставить их произведения в кабинете государя во время отсутствия его величества. Возвратившись в свой кабинет, государь увидел нашу выставку и, не взглянув ни на одну картину, приказал убрать их.

Когда же государь опять выехал куда-то из дворца, то растерянный г. Гримм просил нас, как можно поскорее убрать картины, что мы тотчас и исполнили. Одно желание было у нас узнать: не обратил ли его величество милостивый взор на чей-нибудь труд? Старичок ничего нам не отвечал, но другие нам сказали в утешение, что государь вовсе не рас-

⁶¹⁶ Киль Лев Иванович (1795–1851), генерал-майор, один из создателей Общества поощрения художников, с 1844 года был ответственным от правительства за русских художников, находящихся в Риме.

⁶¹⁷ Сомов Алексей Владимирович (?–?), секретарь русского посольства в Риме, родственник П.И. Кривцова.

⁶¹⁸ Биенеме Луиджи (1795–1879), итальянский скульптор.

⁶¹⁹ Вероятно, имеется в виду работа Д. Гибсона «Психея, несомая зephyрами».

сматривал картин, а прямо приказал их убрать. Вообще, иностранные художники удивлялись Николаю Павловичу, расходовавшему во все время царствования огромные деньги на изящные искусства, предполагали встретить в нем вкус и знание папы Льва X⁶²⁰ или Людовика XIV⁶²¹, теперь же совершенно растерялись в своих суждениях о нем и решили тем, что государь Николай Павлович о своем знании не позволял судить кому-либо, вследствие чего не только дело, но одна мысль его – была и есть совершенство. Это никем не оспоримое его деспотическое суждение и было причиною при всей рыцарской его душе многих сделанных им ошибок, которые всюду давали повод к строгой о нем критике. Нам, русским, было грустно их слышать. На то, что было мною сказано, я могу привести пример. Когда государь осматривал в Ватикане картинную галерею, то, как знаток своего дела, г. Висконти старался передавать ему свои ученые мнения, но государь не обращал на оные никакого внимания, равномерно и его спутники: князь П.М. Волконский и князь, тогда граф, А.Ф. Орлов⁶²² шли за ним в полном безмолвии. На них государь не обращал никакого внимания, что и казалось мне очень странным, ибо этим высшим сановникам государства, должно быть, было в присутствии других, как высокопоставленным членам государства, очень обидно. Будучи приглашен в этот день на обед к княгине Голицыной, я рассказал это странное обхождение Николая Павловича со своими приближенными. Она преспокойно разъяснила мне это (невнимание).

Я был очень рад познакомиться с князем П.М. Волконским. Он любил Россию и знал ее экономическое положение. Мне говорили, что итальянская группа получает в Петербурге баснословное содержание; к тому же бенефицианток наделяют богатыми подарками в день их бенефиса. Наша мнимо-богатая молодежь не воображает, что эти певицы смеются над ними, видя, как эти юноши наделяют их деньгами и подарками, которых они никогда не получают в Англии или Франции – странах, в сравнении с которыми Россия не так богата.

Мне говорили, что министр двора, хорошо зная состояние русских финансов, при назначении подарков певцам и певицам старался сокращать ценность этих подарков, иной раз наполовину.

Я должен был обедать у князя Волконского по его приглашению, но, за неимением фрака, остался дома, за что и поплатился позже по возвра-

⁶²⁰ Лев X (1475–1521), Папа Римский (1513–1521), знаток искусства.

⁶²¹ Людовик XIV (1638–1715), французский король (1643–1715), известный покровитель искусства и литературы.

⁶²² Орлов Алексей Федорович (1786–1861), князь, генерал от кавалерии, председатель Государственного совета, входил в «ближний круг» Николая I.

щении моем в Петербург с окончанным оттиском моего долголетнего труда, о чем будет сказано в свое время.

Пребывание Николая Павловича в Риме продолжалось несколько дней. В день своего ангела, 6-го (18-го) декабря, государь отслушал раннюю обедню с молебствием в посольской церкви, помогая пением здешнему псаломщику, и в 6 часов утра оставил Рим.

Во Флоренции он купил чудную группу из мрамора: «Каин и Авель» работы Дюпре⁶²³ и его же «Девушку».

Величественная красота нашего императора, его рыцарская осанка и щедрость надолго сохранятся в памяти жителей Рима.

Вслед за тем все пенсионеры и своекоштные художники, жившие в Риме, были обрадованы приездом нашего вице-президента гр. Федора Петровича Толстого⁶²⁴, каковой приезд совпал с приездом императора. Как скоро его величество уехал, все русские художники старались быть полезными графу и графине⁶²⁵. Доброе сердце графа и гостеприимство графини давали на то право. Они старались все осмотреть, причем граф вносил в записную книжку свои заметки пером и карандашом. Мы пожелали угостить эту искренно уважаемую нами чету и дали в честь их обед, но граф и его супруга не пожелали остаться в долгу у художников, и мы, зная их небольшие средства, к общему нашему сожалению, должны были принять их приглашение на обед, в коем сказалось истинно русское гостеприимство. Приглашенных было много, все веселились и радовались, видя, что Италия не изменила доброго сердца графа и графини.

В день их отъезда, когда художники собрались проститься с дорогими гостями и пожелать им доброго пути, мы застали графа за окончанием рисунка римской двухколесной повозки трастеверинцев, служащей им для перевозки вина; мы восхищались графом, который и последние минуты своего пребывания в Риме старался употребить с пользою.

Около этого времени приехала в Рим молодая, красивая парочка: С.Л. Левицкий⁶²⁶ со своею женою Анною Антоновною⁶²⁷. Трудно было

⁶²³ Дюпре Джованни (1817–1882), итальянский скульптор, вероятно, имеются в виду его работы «Каин» (1844) и «Виноградница».

⁶²⁴ О поездке графа Федора Петровича Толстого в Рим см.: Пассек Т.П. Из дальних мест: воспоминания: в 2 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. – Т. 2. – С. 394–433.

⁶²⁵ Толстая (урожденная Иванова) Анастасия Ивановна (1816–1889), графиня, вторая жена Ф.П. Толстого.

⁶²⁶ Левицкий Сергей Львович (1819–1898), известный русский фотограф, основатель фотографического заведения «Светопись», выполнил целый ряд портретов известных деятелей науки и писателей.

⁶²⁷ Вероятно, Левицкая Анна Ивановна (?–1884), супруга С.Л. Левицкого.

решить, которому из них дать предпочтение. Красивый, молодой, бойкий Сергей Львович очаровывал всех, а возле него красовалась в высшей степени миловидная, кроткая и благородная в обращении жена его Анна Антоновна. С первых дней их приезда в Рим я сделался их приятелем и остался таковым до сего дня (1880 г.). Левицкий имел независимое состояние; посещая Париж, он полюбил этот город и, оставшись в нем на более продолжительное время, усовершенствовался в фотографии, которою он занимался еще в Риме.

Потеряв значительную часть своего состояния во время февральской революции 1848 года, С.Л. прибегнул к помощи фотографии, которая дала ему средства к существованию и упрочила за ним славу одного из лучших фотографов не только в России, но и в целой Европе.

Не могу забыть одного случая: в то время, когда приехал Сергей Львович Левицкий, в Рим появился только что начинавший художник г. Сверчков⁶²⁸ по прозванию глухой; он был офицером, но так полюбил искусство, что оставил службу и с небольшими деньгами отправился учиться в Италию. Истратив все свои деньги, он существовал на гроши, перепавшие ему от товарищей, пока его не увидела в чужих краях, в каком именно городе не помню, баронесса Штиглиц⁶²⁹. Она увидела его рисующим на улице, заинтересовалась им и помогла ему доехать в Рим. Из него вышел впоследствии самый усердный и пылкий молодой художник.

Шампанское лилось рекою на обеде, который мы давали в честь приехавшего в Рим нашего ректора К.А. Тона; с ним вместе приехали два молодые архитектора: пенсионер П.К. Нотбек и красавец и добрый малый г. Бравура⁶³⁰. Среди хаоса речей и шума молодой Сверчков говорил, говорил, но его мало кто слушал; тогда он вскакивает на стол, что было для нас неожиданно новинкою, и начинает декламировать всякий вздор; он сумел заинтересовать нас и обратить на себя внимание, и добрый Ф.А. Моллер взял его под свое покровительство; Сверчков стал делать успехи, затем приехал в Петербург, конкурировал на большую золотую медаль и был отправлен пенсионером в Рим. Он женился в Мюнхене, но скоро овдовел и начал заниматься живописью на стекле, завел около Мюнхена свою фабрику; изготовленные на этой фабрике расписан-

⁶²⁸ Сверчков Николай Егорович (1817–1898), живописец, художник-анималист, портретист, профессор ИАХ, автор ряда работ на сюжеты из произведений Н.А. Некрасова.

⁶²⁹ Вероятно, Штиглиц Каролина Павловна (?–1873), баронесса, супруга А.Л. Штиглица.

⁶³⁰ Бравура Александр Александрович (1823–1890), архитектор, академик ИАХ.

ные стекла украшают наш конференц-зал, а Сверчков в настоящее время (1880 г.) достаточный человек.

Обеда, подобного вышеупомянутому, я не запомню; красавец С.Л. Левицкий обедал с нами, также много говорил и шумел; я восхищался его прекрасным, вполне здоровым румяным лицом. В честь К.А. Тона давались обеды ежедневно; ему я крайне обязан тем, что, благодаря его рекомендации я получил из Академии годовое содержание, в котором я в то время очень нуждался.

XLI.

Я занимался очень прилежно своею работою, и это обстоятельство спасло меня однажды от большой неприятности. Римское правительство, желая поправить свои финансы, вздумало разыграть в лотерею каменный дом. В папской области почти все жители живут надеждою, купив лотерейный билет, выиграть рано или поздно за несколько копеек несколько тысяч скудо. Чтобы угадать счастливый номер предстоящего тиража, римляне обращают внимание на всевозможные суеверные приметы; если кто-нибудь пришел в гости да нечаянно зевнул, то его приятель, желающий взять билет в лотерею, берет номер 90, если чихнул, то нужно брать номер 18, зашел человек, давно не бывавший в доме, то берут 91-й номер и т.д.

Римляне, особенно бедный класс народа, наяву и во сне мечтают о том, как бы угадать счастливые номера и приобрести их. Заплатив 20 коп., они могут выиграть 10000 ассиг., хотя выиграть их очень трудно, ибо из числа девяти-десяти номеров вынимается только пять выигрышных и угадать их очень трудно. Многие всю жизнь берут билеты в лотерею и до глубокой старости мечтают о выигрыше, но ничего не выигрывают; поэтому, можно себе представить, какую радость произвело известие о пущенном в лотерею каменном доме. Все бросились брать билеты. Розыгрыш должен был происходить в обворожительной вилле Боргезе⁶³¹.

Настал воскресный день; погода была божественная; все жильцы нашего дома запаслись билетами и после обеда весь Рим потянулся в виллу Боргезе. Я же, из предосторожности и не желая терять времени, остался дома. Выглянув в окно, я увидел, что только одни собаки спали, утомленные жарою, среди улицы; кроме них не видать было ни одной живой души. Немного спустя у входной двери моей квартиры раздался звонок; а возле

⁶³¹ Вилла Боргезе построена в 1619 г. по проекту архитекторов Ф. Понцио и Д. Вазанцио, принадлежала Ш. Боргезе, коллекционеру изобразительного искусства, в 1902 г. приобретена государством, ныне музей.

этой двери, хозяевами была проделана маленькая щель, из которой можно было видеть лестницу. На первый звонок я не отворил; слышу второй звонок, смотрю в щелку и вижу здорового мужчину, который, судя по его истасканной плисовой куртке, показался мне отъявленным вором; он тщательно рассматривал замочное отверстие. Не зная, что делать, ибо я был один в доме, я решился повелительным голосом закричать:

– «Кто ты такой?»

Он остановился, как громом пораженный, не зная откуда его видят; а я, желая показать, что я не один в доме, крикнул, как будто моим хозяевам: «Господа, я тотчас приду», и, отворив дверь, спросил: «Что вам надобно?». Притворяясь больным, человек говорит, что недавно вышел из лазарета и просит помощи.

Я возразил на эти слова голосом, полным негодования: «Как, вы приходите за помощью в то время, когда весь город пуст; ваше намерение я понимаю, поэтому прошу тотчас оставить наш дом, иначе я и хозяева позовем жандарма и передадим вас в руки полиции. Вы явились не с просьбою, а со злым умыслом, поэтому идите скорее вон».

Опустив голову, он вышел. Я же, взглянув в окно, увидел, что на улице стоял его товарищ, которому он, вероятно, сообщил о неудаче, встретив осторожного жильца. Не будь я дома, мы были бы все обокрадены. Хозяева, которым я предсказывал, что в этот день воры хорошо поживятся, очень благодарили меня и удивлялись моей предусмотрительности, благодаря которой уцелело их небольшое имущество.

Говоря о вилле Боргезе, нельзя не упомянуть об ее очаровательных садах, находящихся за Народными воротами, о ее чудных деревьях, о ее прекрасных полянах, куда жители Рима спешат, чтобы насладиться по вечерам чистым воздухом и прохлагою; кто не чувствовал себя счастливым, находясь в этой вилле, и кто может забыть ее? Всякий иностранец, осмотрев древности Рима, отдыхает в вилле Боргезе.

Но с этою виллою связано и одно темное воспоминание: папа Павел V⁶³² из дома Боргезе желал расширить эту виллу, присоединив к ней близлежащую виллу Ченчи; владелец этой виллы, Ченчи⁶³³, человек богатый (он управлял дворцом папы), имел прелестную дочь⁶³⁴; но он был тираном всего семейства. Родные решились избавиться от него и убили

⁶³² Павел V (Камилло Боргезе) (1552–1621), Папа Римский (1605–1621).

⁶³³ Ченчи Франческо (1527–1598), римский аристократ.

⁶³⁴ Вероятно, речь идет о Беатриче Ченчи (1577–1599), которая вместе со своей мачехой и братом решили убить Франческо Ченчи, поскольку тот совершил с Б. Ченчи инцест. Она и ее родственники, участвовавшие в преступлении, были казнены. Причиной столь сурового приговора стало желание Папы Римского конфис-

его ночью, во время сна вколов ему гвоздь в ухо, а труп его выбросили во двор, заявив народу и судьям, что он упал с балкона, будучи не в своем виде, и убится. Толки об этом преступлении уже смолкли, когда, на свою беду, семейство Ченчи отдало в стирку окровавленное белье, которое вначале было тщательно спрятано. Прачка обратила внимание на подозрительные кровавые пятна и донесла в суд. Вся семья Ченчи, с матерью, была взята под стражу, их всех судили и приговорили к смертной казни.

Прелестная дочь Ченчи, прозванная *la bella* Ченчи, кокетливо оделась, зная, что она красива и вызовет слезы сострадания у всего Рима; всю дорогу, до места казни, она усердно молилась и этим надолго запечатлела свой образ в сердцах римлян.

Корыстолюбивый папа, желая истребить все семейство Ченчи, чтобы завладеть виллой, встретил помеху своему намерению в лице младшего сына Ченчи, невинного мальчика, который один из всего семейства остался жив. Чтобы избавиться от него, папа приказал его оскотить. Таким образом, вилла Ченчи присоединена была к вилле Боргезе и в ней сохранился еще маленький загородный дом Ченчи и над дверью его герб, на котором изображено несколько яблок на чистом поле. Кто только не гуляет в этом отдаленном уголке виллы Боргезе, все повторяют эту ужасную легенду о корыстолюбии папы Павла V, не пожалевшего даже малолетнего наследника Ченчи. Говорят, что сохранившийся портрет Беатриче Ченчи⁶³⁵ был написан с нее Гвидо Рени в то время, когда она содержалась в тюрьме.

Замечателен и монастырь Сан-Онофрио, где скончался Торквато Тассо накануне торжества, которое готовил ему Рим. В саду этого монастыря находился чудный красивый дуб, который был виден со всех концов Рима, так как монастырь стоит на возвышенном месте; сильная буря сломила однажды это чудное дерево. Друг мой, пейзажист, англичанин мистер Струтт⁶³⁶, сделал с него гравюру.

В церкви монастыря Сант-Онофрио⁶³⁷, где схоронен Тассо, находить все имущество подсудимых, что и было сделано. Указанные события происходили не при папе Павле V, а при Клименте VIII, (Папа Римский с 1592 – по 1605 гг.). Эта история послужила материалом для создания произведений искусства и литературных сочинений.

⁶³⁵ Не все исследователи считают автором портрета Б. Ченчи (1599) Гвидо Рени.

⁶³⁶ Струтт Якоб Георг (1819–1858), английский пейзажный живописец, в 1830–1850-е гг. жил в Риме.

⁶³⁷ Сант-Онофрио – монастырский комплекс, возникший в XV столетии в Риме, в одной из капелл которого находится надгробие Т. Тассо (скульптор Д. Фаббрис, 1857 г.). В монастыре хранится рукописное наследие поэта, прижизненные издания Т. Тассо, а также его посмертная маска.

ся скромный памятник с надписью и портретом поэта. С площади перед этим монастырем, открывается лучший вид на Рим, ибо Сант-Онофрио стоит на одном из семи холмов, на которых построен вечный город.

Упомянув о вилле Боргезе, я должен сказать несколько слов и о семействе богатого и славного князя Боргезе. Фамилия Боргезе ведет свое происхождение от шляпного мастера, но, несмотря на это, не из одной римской фамилии не избирались так часто папы, как из семейства Боргезе. Всякий папа имел обыкновение обогащать своих племянников; этот обычай известен под названием непотизма «племянничества». Благодаря этому счастливому обстоятельству в доме князей Боргезе скопилось огромное богатство. К чести фамилии Боргезе следует сказать, что при своем богатстве папы из этого дома не забывали украшать Рим превосходными церквями и были меценатами искусств.

Наполеон I, в апогее своей славы и могущества отдал любимую свою сестру Паулину⁶³⁸ за дядю⁶³⁹ нынешнего (1875 г.) представителя дома Боргезе. Последний Боргезе⁶⁴⁰ прославил свое имя, вступив в брак с ангелом добродетели, леди Шрюссбери⁶⁴¹. Она пленяла всех своею красотою, а состраданием к страждущему человечеству привязала к себе в Риме все сердца, но Провидение не дало ей долговременной жизни, как будто сонм ангелов и святых с нетерпением хотел иметь ее в своей среде. В веселое время для Рима, в его октобрате, т.е. в октябре месяце 1840 г., когда все восхищались, видя княгиню среди ее семьи на балконе виллы Боргезе, она простудилась, получила неизлечимую в Риме болезнь-жабу (*Angina*) и в несколько часов скончалась. Весь Рим, услышав об ее кончине, горевал; бедные проливали слезы, вспоминая с признательностью ее несчетные благодеяния. При выносе ее тела из дворца Боргезе все улицы были полны народа, который отпряг лошадей из кареты, в которой стоял гроб, и на своих плечах довез его до церкви *Santa Maria Maggiore* (Санта Мария Маджоре). В Риме существует обычай перевозить тела высокопоставленных лиц в карете, особо для сего имеющейся. В ней стоит гроб, и возле него сидит только один духовник покойного. Так отошла в вечность святая и незабвенная красавица, жена Марко Антонио Боргезе, урожденная Шрюссбери, принесяшая своему мужу огромное богатство.

⁶³⁸ Боргезе Паулина (Бонапарт Мария Полина) (1780–1825), сестра Наполеона I Бонапарта, с 1803 года – супруга К.-Ф.-Л. Боргезе.

⁶³⁹ Боргезе Камилло-Филиппо-Людовико (1775–1832), князь Сульмона и Россано, герцог Гуасталлы.

⁶⁴⁰ Также Маркантонио V (Боргезе) (1814–1886), князь.

⁶⁴¹ Боргезе (урожденная Шрюссбери) (18[1?]-1840), супруга Маркантонио V.

Другая дочь⁶⁴² лорда Шрюссбери вышла за потомка знаменитых в истории Италии генуэзских князей Дориа⁶⁴³. Она была известна только своим именем, как княгиня Дориа, не наследовав ангельских добродетелей сестры своей.

Только что схоронили княгиню Боргезе, как умирает князь Пиомбино⁶⁴⁴, известный своим богатством и примерной скупостью, имевший подвалы, полные золота и серебра. Не было богача в Риме, у которого капитал заключался бы в таком количестве звонкой монеты. Будучи очень стар и чувствуя приближение смерти, он приказал верной и преданной ему прислуге свести себя в подвал, велел вскрыть свои сокровища и, взглянув на них в последний раз, на другой день скончался. Не успело еще остыть его тело, как стучатся в ворота его дома. Отворив, слуги видят, что приехали роспуски и люди, занимающиеся очищением города от падали, говорят: «Нас прислали к вам, у вас околел осел».

Их прогнали, и вечером в тот день были назначены похороны князя. Все улицы, начиная от его дворца, были полны народа, и только что появилась траурная карета с гробом, как послышался пронзительный свист, ругательства и крик: «В реку! в реку!». Это у римлян самое позорное слово: в реку бросают всякую падаль, и покойного князя желали почтить именем падали. С ужасом смотрели иные на это поругание над телом римского князя, но большая часть народа, стоя на улицах сплошной массой и наполняя все окна, кричала, свистела, давая покойному самые обидные названия. Многие говорили, что едва ли найдется в римской истории другой пример подобного поругания.

Богатство князя Пиомбино наследовал его сын, женатый на весьма красивой княжне Массино; молодой князь начал немедленно возобновлять старый дворец, чтобы дать заработок бедному народу, присоединился к либеральной партии римской молодежи и был назначен генералом образовавшейся в 1848 году национальной гвардии. Во время бегства папы в Неаполь он принимал деятельное участие во всех переменах и случайностях тогдашнего триумvirата. По восстановлении папского престола в 1848 г. князь Пиомбино должен был эмигрировать.

⁶⁴² Дориа (урожденная Шрюссбери) Мэри Тэлбот (1815–?), супруга Филиппа Дориа-Памфили-Ланди с 1839 года.

⁶⁴³ Точнее, Филипп Дориа-Памфили-Ланди (1813–?), князь.

⁶⁴⁴ Вероятно, Бачиокки Феликс Паскаль (1762–1841), князь Пиомбино и Лукки, дивизионный генерал.

Иной раз вечером, после усидчивой работы и вместо кофейни, где встречались одни и те же личности, я отправлялся для развлечения в театр, большею частью в театр Валле⁶⁴⁵, где места были дешевы и актеры, большею частью хорошие. Смотря комедии Гольдони⁶⁴⁶, я от души смеялся игре неподражаемого в ролях отцов г. Тадси. В этом же театре давались и оперы. В памяти моей сохранился облик скромной певицы Фонтана; она была слаба здоровьем и вскоре умерла от чахотки.

В театре Валле производила фурор m-lle Ристори⁶⁴⁷; игра ее возбуждала в сердцах римлян какой-то особенный восторг. В нее влюбился молодой маркиз Капранака и, несмотря на свое дворянство, он женился на ней, как на женщине, обладавшей редким талантом. Подобный же фурор Ристори произвела в Париже; наконец, она побывала и в нашей северной столице. Театр Валле был очень удобен; он находился почти в самом центре Рима. Бывало, за один папетто (papetto – 20 к. сер.) вдоволь насмеешься и от души насладишься хорошим пением и прелестною музыкою Беллини⁶⁴⁸ или Доницетти⁶⁴⁹. Иной раз у меня являлось желание достать во время карнавала билет на первое представление в большом театре Аполлона⁶⁵⁰, в котором даются оперы только во время карнавала; остальное время года этот театр бывает закрыт; карнавал начинается со второго дня Рождества и кончается во вторник на первой неделе великого поста (mardi gras). Достать билет на первое представле-

⁶⁴⁵ «Валле» («Valle») – театр в Риме, был основан в 1726 г. К. ди Джулиано Капраникой, который в том же году сдал его в аренду Д. Валле. На его сцене ставились драматические и оперные спектакли известных итальянских писателей и композиторов, театр существует и поныне.

⁶⁴⁶ Гольдони Карло (1707–1793), итальянский писатель, создатель национальной комедии.

⁶⁴⁷ Ристори Адelaide (1822–1906), итальянская драматическая актриса, расцвет творчества которой приходится на 1850–1860-е гг. и связан с национально-освободительным движением в Италии.

⁶⁴⁸ Беллини Винченцо (1801–1835), итальянский композитор, представитель романтического направления в музыке.

⁶⁴⁹ Доницетти Гаэтано (1797–1848), итальянский композитор, с его творчеством связан расцвет бельканто.

⁶⁵⁰ Театр Аполлона в Риме был перестроен из средневековой башни в 1667 г., покровителем этого театра была шведская королева Кристина. Театр несколько раз подвергался пожарам и перестраивался, в 1888 году окончательно исчез. В 1925 году на его месте был построен фонтан, украшенный театральными масками. Театр Аполлона с конца XVIII века известен как крупнейший оперный театр Рима, на его подмостках впервые был поставлен «Трубадур» Верди.

ние оперы трудно, так как этот вечер решает участь антрепренера оперы, т.е. понравятся ли римской публике ангажированные им певцы и певицы. Это первое представление еще тем любопытно, что сидящие в ложах бельэтажа угощаются в этот вечер на счет правительства мороженым. По окончании первого действия, едва успевают опустить занавес, как, словно по волшебству, отворяются во всех ложах двери и официанты разом являются с серебряными подносами, на которых художественно расставлены порции мороженого. Ловкость, с какою это делается, забавляет всех зрителей, особенно молодежь партера.

Если оперная труппа бывала удачная, то меня часто влекло в театр Аполлона, где однажды я увидел в бельэтаже полную даму в черном бархатном платье; она вся горела дорогими камнями.

Многие взоры были устремлены на нее, любопытство подстрекнуло и меня узнать, из какой страны прилетела эта птичка, заинтересовавшая корыстолюбивых римлян. И что же? Узнаю, что это моя землячка, богатая девица Закацатова⁶⁵¹ из Одессы. И я тотчас решил, что она попадет в сети какого-нибудь римлянина. Так и случилось: в Риме жил князь Корсини⁶⁵², богач, имевший отличный дворец с прекрасною картинною галереєю, по рассказам римлян, когда князь ездил в Вену, то ему не было надобности останавливаться по пути в гостиницах, так как по всей этой дороге были разбросаны его дворцы, в которых он мог останавливаться. Несмотря на свое богатство и на почтенные года (ему было около 80 лет), он явился претендентом на руку и сердце одесской богачки. Весь подкрашенный, в парике, с фальшивыми бакенбардами, с икрами, подбитыми разными подкладками, но ловкий в обхождении, проворный на ходьбе, с легкостью выскакивавший из кабриолета, к тому же богатый и обладатель княжеского титула, он получил согласие девицы Закацатовой, о состоянии которой он разузнал от ее банкира. Все смеялись и восхищались успехом восьмидесятилетнего старца, сумевшего победить молодую дебелую девицу с туго набитым кошельком. Но можно себе представить изумление новобрачной, когда ее молодой супруг начал снимать прикрасы своего старческого тела. Голова, прикрытая отлично сделанным париком, оказалась лысиною; затем были сняты бакенбарды, смыта краска со щек, исчезли прикрепленные фальшивые брови и вместо круглых икр на ногах остались одни кости... Разочарованная супруга начала скучать и от безделья располнела до невероятия, так что

⁶⁵¹ Корсини (урожденная Закацатова), состоятельная жительница Одессы, супруга Т. Корсини.

⁶⁵² Корсини Томазо (1765–1856), князь Симиоено.

ее мужу пришлось устроить машину, которая подымала ее в верхние покои.

В царствование императора Николая I, по установленному правилу, все наши путешественники обязаны были по прошествии пяти лет возвращаться в Россию для возобновления своего паспорта; так и княгине Закацатовой-Корсини пришлось ехать домой, может быть и не за паспортом, а для того, чтобы, по совету мужа, забрать с собою остальные деньги. Она собралась в путь, но дальновидный супруг ее, будучи умен, как итальянец, и предвидя могущие быть последствия от ее тучности, говорит ей:

– «Знаешь ли, душечка, твои брильянты грязны, я их отдам вычистить, и, приехав, ты будешь в них гореть, как солнышко».

Она думать много не привыкла, оставила брильянты и уехала. Недолго пришлось новой княгине пожить в Петербурге; вскоре по приезде она без страданий умерла от удара. Обобранные ее родные знать не хотели об ее итальянской прислуге, которую она привезла с собою. Эту прислугу, голодную и недовольную, итальянское посольство отправило обратно в Рим или во Флоренцию.

XLIII.

Во время посещения Рима императором Николаем I при нем находился князь П.М. Волконский, и меня тогда же познакомили с Прасковьею Николаевною Жеребцовой⁶⁵³, которая была в дружеских отношениях с ним. Теперь их обоих нет на свете, но я не могу забыть в высшей степени любезного обхождения и симпатичной наружности г-жи Жеребцовой, в которой не было ни малейшей натянутости. Не скажу, чтобы черты ее лица были особенно красивы, но она понравилась мне с первого раза, и я не удивлялся тому, что она пленила князя и победила всех его поклонниц, искавших его расположения из-за материальных выгод. Князь остался ей верен до последнего часа жизни. Для меня Прасковья Николаевна казалась женщиною, в полном смысле слова, симпатичною.

В Риме была дорогая наша *madame* Кавос⁶⁵⁴, коей муж⁶⁵⁵, известный строитель московского и др. театров., овдовев⁶⁵⁶, женился вторично. Мне

⁶⁵³ Жеребцова (урожденная Толстая) Прасковья Николаевна (1789–1867), вдова коллежского асессора.

⁶⁵⁴ Кавос Ксения Ивановна (1819–1903 или 1905), вторая супруга А.К. Кавоса.

⁶⁵⁵ Кавос Альберт Катаринович (1800–1863), архитектор, академик ИАХ, главный архитектор императорских театров, в 1853–1856 гг. руководил восстановлением Большого театра в Москве.

⁶⁵⁶ Первый раз А.К. Кавос был женат на Кавос (урожденной Carobio) (?–1830).

пришлось обедать в ее обществе у Ф.А. Бруни. Он жил в то время у Рипетто, в большом здании, выстроенном на средства папы Григория XVI, и жил роскошно, так как его жена обладала редким умением всякого занять и угостить. Ее маленькая дочь Тереза⁶⁵⁷ была очень резва и забавна.

Нашим товарищем по архитектуре был молодой пенсионер, сын⁶⁵⁸ честнейшего архитектора Росси, который мог бы оставить своим детям миллионы, так как им построены в Петербурге огромные здания, как-то: Главный штаб, Михайловский дворец, Александринский театр, театральное училище⁶⁵⁹ и произведено множество других колоссальных работ, но он оставил им одно доброе имя. Мы имели несчастье потерять его во цвете лет от грудной болезни.

Затем и хозяин мой, Филиппо Ченчи, как я уже сказал, начал хилеть. Мне казалось, что у него чахотка, болезнь, опасная для прочих жильцов: он исхудал, кашлял, и доктор также подозревал в нем эту неумолимую болезнь. Наконец, он слег в постель, чтобы более с нее не вставать. Его причастили и соборовали, и после соборования священник накрыл его чем-то вроде ораря, который католические священники носят на шее; я видел это в первый раз в жизни. В июне и июле месяце в маленькой комнатке больного, под крышею, жара была невыносимая. Мне часто приходилось переворачивать больного, так как у старушки, жены его, прислуги не было, и я находил, что бедный Ченчи до того высох, что стал похож на мешок с костями; он не мог принимать никакой пищи, так что бедняга часто жаловался, говоря: «За что Бог меня так наказывает, что я должен так страдать и умереть, наконец, с голода». Иной раз старушка спускалась ко мне и просила сходить в приход позвать священника прочесть отходную, которая в папской области считается главной молитвою. Например, когда во время драки пылкие римляне пускают в ход ножи и один из них окажется опасно раненым, тотчас идут за священником, и первый попавшийся на дороге ксендз читает над раненым отходную. Римские священники имеют большой навык узнавать по пульсу больного, много ли ему остается жить. В первый раз, когда я пошел

⁶⁵⁷ Бентковская (урожденная Бруни) Тереза Федоровна (1837–1910), вдова тайного советника, инженера путей сообщений.

⁶⁵⁸ Росси Александр Карлович (1816–1846), архитектор, ученик К.А. Тона, принимал участие в проектировании Большого Кремлевского дворца. В 1842–1846 гг. пенсионер ИАХ в Италии.

⁶⁵⁹ Росси Карл Иванович (1775–1849), известный русский архитектор, построил Главный штаб (1818–1829), Михайловский дворец (1819–1825), Александринский театр и театральное училище (1827–1832).

за священником, он тотчас явился и, приветствуя больного, как бы желая поздороваться с ним, взял его руку и незаметно ощупал его пульс, затем, выйдя к нам, он сказал старушке:

– «Будьте покойны, он проживет еще неделю».

Между тем, доктор, лечивший Ченчи, зашел ко мне и сообщил, что он узнал его болезнь: это не чахотка, а рак в желудке. «В удостоверение чего», – продолжал врач, – «как скоро он умрет, я возьму карету, и мы свезем его в госпиталь Della consolazione (утешение), где я при вас вскрыю его». Прошло семь дней и вновь, как теперь припоминаю, в субботу, около полудня, старушка, встревоженная – просила меня сходить в монастырь св. Андрея del Frate⁶⁶⁰ (это был наш приход) и позвать священника. Иду, звоню в большие монастырские двери, мне отворяют, и я говорю служанке: «Филиппо Ченчи умирает, хозяйка просит священника для отходной».

«Тотчас придет», – был ответ. Спустя j часа священник явился и, побывав у больного, сказал: «Эту ночь надобно ожидать его кончины; в 7 часов вечера я буду у вас, приготовьте что-нибудь, чтобы я мог прилечь в ожидании».

Старушка все приготовила; в 7 часов явился священник и прилег. Я же спустился в свою комнату и просил разбудить меня, когда начнется служба отходной. Было около 12 час. ночи, когда хозяйка со слезами позвала меня к умирающему. Читались молитвы по-латыни, которые умирающий повторял, в них упоминалось имя Марии и Иосифа, и когда отходная окончилась, умирающий внятным голосом сказал: «аминь», после чего голова его закатилась, он испустил сильный вздох и скончался. Тут находился племянник хозяйки и его мать, которая увела мою старушку к себе. Племянник же обмыл тело своего дяди, и его отнесли вниз в мою комнату. Гроб был готов, но доктор приехал и сказал мне, что получил позволение вскрыть тело. Он надел на труп летний рабочий сюртук, нахлобучил ему на голову какую-то фуражку, и взял покойного под руки, мы свели его с лестницы и посадили в карету, закрыв ему лицо. В госпитале все было готово: стол и инструменты. Доктор сделал Ченчи крестообразный разрез над животом, и я увидал, что в главной кишке образовался, как будто, клубок, который приходилось раздирать; это доказывало, что пища не могла достигать своего назначения и, что больной умер от голода. Чувствуя сердечную грусть вследствие всего

⁶⁶⁰ Монастырь Santa Andrea del Frate – памятник архитектуры XII века, в начале XVII века перестроен архитектором Ф. Борромини, национальная церковь шотландцев в Риме (до 1585 г.).

виденного мною, я простился с доктором и с телом моего хозяина, которого искренно уважал за его живую веру, строгость и порядок, соблюдавшийся в его доме. Чтобы разогнать грустные мысли, я отправился в Альбано, и на другой день возвратился домой, найдя в моей комнате полный порядок. У старушки остался сын Антоний. Он был музыкантом в полку у папы; к сожалению, он сбился впоследствии с толку, растратив то малое, что было у его матери, которая умерла после моего отъезда из Рима в крайней бедности. У нее был еще племянник Михеле, простоватый малый; он знал наизусть названия всех церквей, различал даже звон их колоколов. В дни больших праздников он стоит, бывало, у открытого окна и наблюдает, который колокол начнет звонить ранее других. Он аккуратно посещал церковные службы, знал, в какой день празднуется какой из святых. Покойный Ченчи, мой хозяин, старался чрез своих знакомых каноников и духовных лиц ввести его в орден иезуитов. Иезуиты просили Ченчи привести своего племянника. Когда Ченчи явились в монастырь, генерал ордена спросил: знает ли он науки, имеет ли дар слова? Дядя отвечал, что юноша очень смирного характера, послушен и т.п.: «Нам нужно хорошего богослова, а добрых людей мы всюду найдем», — был ответ иезуита.

Когда образовалось новое братство — маркиза del Bufolo, оставившего для этой цели известную сумму денег, то Михеле пожелал вступить в это общество и был принят.

XLIV.

Настал знаменательный, исторический для Италии 1846-й год, когда она из страны разрозненной соединилась в одно целое⁶⁶¹. Началом всех этих перемен послужила кончина папы Григория XVI и возведение на престол Пия IX; это событие произошло следующим образом.

Наступал день праздника San Filippo Neri⁶⁶², в честь которого построена в Риме отличная церковь⁶⁶³, и папа ежегодно совершает в ней богослужение. В церемониале самую интересную личность составляет крестоносец, который открывает процессию, сидя верхом на ослике с большим крестом в руках. Папа едет в церковь в золотой карете, которая вся

⁶⁶¹ Окончательное объединение Италии произошло только в 1870 году с присоединением Папской области.

⁶⁶² Святой Филиппо Нери (1515–1595), католический священник, основатель движения ораторианцев.

⁶⁶³ Скорее всего, имеется в виду Оратория Филиппа Нери, построенная архитектором Ф. Борромини (1637–1650).

в стеклах, а народ, стоя на коленях по всему пути, получает папское благословение. Здесь следует заметить, что на козлах этой кареты не сидит кучер, а лошадей ведут под уздцы папские конюхи, чтобы кучер не сидел спиной к святому отцу.

И вот во время богослужения разнесся слух, что папа не присутствовал в церкви San Filippo Neri, потому что он заболел и у него закрылась фонтанель⁶⁶⁴. Несколько лет перед тем папа захворал полипом в носу, который не давал ему иной раз дышать носом. Нашелся доктор, немец, приехавший с Рейна, который открыл ему фонтанель, и папа выздоровел. Святой отец наградил его приличным подарком, а именно, дал ему все медали, выбитые в честь работ, произведенных в его долголетнее царствование. Эти медали были даны доктору в двух экземплярах, т.е. по одной золотой и серебряной; возвращаясь на Рейн, доктор был обокраден и потерял все подаренное ему папою.

Два дня спустя после вышеупомянутого церковного праздника, слышим, что папа скончался, так что в городе ранее узнали об его смерти, нежели об его опасной болезни. Немедленно начались толки о том, что станет с Римом? Время было трудное. А когда стало известно, что папа при смерти и более не встанет, то все его бросили, даже его бравобрей Ганданино и тот скрылся, так что больному некому было подать воды. Говорили также, что даже тело его набальзамировали небрежно.

На другой день после обеда я отправился к храму св. Петра. Пронесся слух, что вечером тело папы будет перенесено в эту церковь. На улицах толпился народ. Чудная июньская погода и блестящее солнце скорее радовали, нежели печалили воображение и ум. Дорогою я встретил весь взвод швейцарцев в шинелях и с багажом за плечами. Они шли к кардиналу-камерленгу⁶⁶⁵, на котором лежала обязанность в случае кончины папы управлять папскою областью до избрания нового папы.

В это время кардинал имеет право даже чеканить монету со своим гербом. У швейцарцев существует обычай, в случае смерти папы, идти к кардиналу, заступающему его место, со своими пожитками и семьями, как будто отправляясь, домой. Пришедши к кардиналу, они спрашивают:

«Кто нам будет платить?»

— «Мы платим», — отвечает кардинал.

Тогда швейцарцы вновь идут на службу и водворяются со своими пожитками и семействами в принадлежащих им казармах. Этим поступком швейцарской гвардии оправдывается французская поговорка:

⁶⁶⁴ fontanelle — родничок (фр.).

⁶⁶⁵ Кардинал-камерленго — лицо при папском дворе, ведающее казной. В периоды, когда папский престол вакантен, он замещает Папу Римского.

«Point d'argent, point de Suisses»⁶⁶⁶.

У главного входа св. Петра толпился народ, выжидая чего-то; говорили, что скоро понесут из дворца тело папы. Несколько минут спустя вижу проходит небольшая процессия: в середине ее шли кардиналы, придерживая большую доску, покрытую серебряным глазетом, с прикрепленными к ней десятью большими кольцами, на которой в полном облачении лежало тело папы Григория XVI; держась за кольца, кардиналы внесли тело в церковь св. Петра.

На другой день происходили похороны, а так как они не представляют, по словам римлян, ничего особенного, то я остался дома за работою. Интересный обряд совершается вечером, когда при должных свидетелях тело покойного папы кладут в свинцовый гроб и туда же опускают монеты и медали, выбитые в его царствование, в двух экземплярах; в гроб кладут также копии со всех булл, разосланных в его царствование в разные страны католического мира.

Как скоро все это уложено, свинцовый гроб запаивается, к нему прикладываются правительственные печати, и его ставят в присутствии тех же свидетелей в дубовый гроб, который стоит временно, до кончины следующего папы, над дверьми одной из капелл св. Петра, в особо для того сделанном каменном гробе, из коего его вынимают при кончине другого папы, и тогда уже хоронят окончательно в подвале церкви св. Петра, а вновь скончавшийся папа точно таким же образом ставится в каменный гроб и ожидает окончательного погребения до кончины своего преемника. С погребением папы Григория XVI память о нем совершенно умерла в народе; о нем перестали говорить, как будто его никогда не существовало.

В кофейнях посетители всех сословий толковали и старались угадать, кто будет избран новым папою. Все боялись тайных обществ, распускавших среди народа мысль о соединении всей Италии в одно государство и о том, что пора освободить Италию от чужеземного гнета австрийцев; многие говорили, что все будет зависеть от вновь избранного папы. Затем начинались суждения о кардиналах, их достоинствах и о том, насколько они расположены поддержать желание народа. Более всего смеялись и шутили над знаменитым лингвистом, кардиналом Меццофанти; уподобляя собрание кардиналов вавилонской башне, говорили, что он один будет в состоянии понимать все наречия представителей католического мира. Пока шли эти толки, кардиналы съехались и были введены в длинное одноэтажное здание, примыкающее к Квириналу⁶⁶⁷,

разделенное на несколько небольших комнат. Это собрание кардиналов называется конклавом, который иной раз длится очень долго; кардиналы во время конклава совершенно бывают отрешены от своего дома, имея при себе только одного слугу. Даже когда им привозят пищу в их каретах, то всякое блюдо тщательно осматривается из опасения, нет ли в дичи или пирожке какой-либо записочки. Римляне из любопытства долгом считают каждый вечер гулять на горе Пинчио, откуда можно видеть, избран ли папа или нет. Если он избран, то из здания конклава не видать дыма, если же не избран, то виден дым. Это происходит от следующей причины: каждый кардинал идет утром в капеллу совершать обедню; при окончании ее, он кладет в общую урну для собирания голосов билет с именем избираемого им кардинала. После обеда производится счет голосов в присутствии высокопоставленной личности, и если ни один кардинал не получил должное число голосов, то билетики сжигаются, и дым, видимый с горы Пинчио, извещает любопытствующих о том, что папа еще не избран.

На этот раз после самого короткого заседания кардиналов в конклаве, разнесся вечером слух, что папа избран, ибо дыма не видали. Здесь следует заметить, что при избрании нового папы три первенствующие католические державы: Франция, Австрия и Испания имеют право одобрить или отвергнуть сделанный кардиналами выбор, поэтому имя избранного кардинала сообщается предварительно послам вышеупомянутых держав, у коих имеются списки с замечаниями на этот случай. Как скоро с их стороны не встретится препятствия, то новому папе объявляют об его избрании, отдергивая, как говорят, с этой целью занавес, находящийся вверху над его комнатою; говорили, будто с кардиналом Мастаи сделалось дурно, когда он увидел свой занавес отодвинутым.

В тот вечер, когда разнеслась весть об избрании нового папы, зайдя в кофейню Луиджи, я услышал там оживленные толки об избранном кардинале, как об отъявленном либерале; фамилии его не припомню, только это был отнюдь не кардинал Мастаи, которого все знали.

Имя нового папы делается известным только на другой день его избрания и объявляется с балкона папского дворца⁶⁶⁸ на Monte Cavallo (Лошадиная гора, названная так от двух колоссальных лошадиных групп, украшающих фонтан, который находится на этой площади). Этот дво-

⁶⁶⁶ Нет денег, нет швейцарцев (фр.).

⁶⁶⁷ Квиринал — один из семи холмов, на которых находится Рим.

⁶⁶⁸ Папский дворец на Монте Кавалло (Квиринальский дворец) — в его строительстве принимали участие Д. Фонтана, К. Мадерна, резиденция римских пап, начиная с Климента XII и до 1870 года, затем он становится дворцом итальянских королей, с 1947 года — президентский дворец.

рец стоит на одном из семи холмов Рима. По принятому обычаю, когда кардиналы заседают в конклаве, то все двери дворца Monte Cavallo заделываются наглухо кирпичом, чтобы совещающиеся не могли получить каких-либо сообщений из города. Вследствие этого, когда несметная толпа народа собралась на следующий день к 10 часам утра на площадь перед дворцом, чтобы увидеть нового папу, то в виду всех начали ломать заложенную дверь, выходившую на балкон, и когда эта работа была окончена, на перила балкона был послан бархатный ковер и поставлены две большие зажженные восковые свечи. Тогда появился новый папа, бывший кардинал Мастаи; народ громко приветствовал его. Он благословил толпу и ушел в свои покои.

На всех улицах начался говор и шум; как молния, облетело весь город имя вновь избранного папы, тем более, что с вечера народу была известна совсем другая фамилия, и вдруг избранным оказался кардинал Мастаи, всем известный как честнейший и самый справедливый из всех кардиналов. Беспечность покойного Григория XVI была всем известна, все над ним смеялись и порицали его, говоря: «Теперь папская область, а может быть и вся Италия воскреснут». Народ строил всевозможные предположения; Рим радовался сделанному кардиналами выбору. Тотчас стало известно, что кардинал Мастаи (Ферретти) из благодарности к памяти папы Пия VII⁶⁶⁹ примет его имя и будет именоваться Пием IX⁶⁷⁰.

Дворянин Мастаи по бедности своей поступил в молодости на службу в дворянскую гвардию, которая причисляется к коннице и сопровождает всюду папу верхом, одетая в красивый синий мундир. Так как Мастаи страдал припадками падучей болезни, то папа Пий VII советовал ему оставить кавалерийскую службу, сопряженную с опасностью, так как он мог лишиться жизни в случае неожиданного припадка. Мастаи согласился и вступил в духовное братство миссионеров. Исполняя обязанности миссионера в Южной Америке, он имел счастье спастись однажды от убийц, которые умертвили всех его товарищей. По возвращении в Рим он окончательно вступил в духовное звание; своею справедливостью снискал любовь подчиненных и достиг высшей в духовном звании чести – папского престола. Все это он приписывал молитвам Пия VII, которого память для него была священна.

⁶⁶⁹ Пий VII (1740–1823), Папа Римский (1800–1823), представитель просвещенного абсолютизма.

⁶⁷⁰ Пий IX (1792–1878), Папа Римский (1846–1878), первоначально проводил либеральную политику, объявил амнистию для более чем 10000 политзаключенных, затем занял консервативную позицию и боролся с проявлениями либерализма в итальянском обществе.

Все недоумевали, как могло случиться, что был избран Мастаи, когда он, как либерал, находился в числе лиц, исключенных из списка австрийцев. Это политическое недоразумение приписывали французскому послу де-Росси⁶⁷¹, давшему совет сообщить австрийскому послу имя другого кардинала, который вполне соответствовал желаниям Австрии. Благодаря этому все устроилось, как нельзя лучше, и кардинал Мастаи вступил на престол.

У нового папы было два брата⁶⁷², один из них находился в тюрьме за свои либеральные идеи, а другой по той же причине должен был эмигрировать. Будучи делегатом папы Григория XVI в Романье⁶⁷³, в стране свободомыслящей, где нет дома, в котором бы не оплакивали того или другого члена семейства, как изгнанника или томящегося в тюрьме, будущий папа, Мастаи, сумел привязать к себе этот талантливый, красивый и здоровый народ, составлявший красу папского войска. Делегат понял хорошие свойства этого народа и относился к нему с уважением. Однажды явился к делегату жандармский начальник с радостным известием, что он открыл заговор, что имена заговорщиков у него записаны, и он ожидает за усердие свое хорошее вознаграждение от правительства. Мастаи потребовал у него этот список. Жандарм колебался, зная сострадательное сердце делегата, но послушаться его не смел. Прочитав имена заговорщиков, Мастаи разорвал список и бросил его в камин.

– «Что вы делаете, ваше преосвященство (Vostra Emminenza)», – воскликнул начальник жандармов.

– «Будьте покойны», – отвечал делегат, – «Вы не лишитесь награды, а я прочел имена виновных, я их всех знаю и дам им должное наставление и предостережение. Довольно сынам Италии томиться в тюрьмах и блуждать по чужим странам без крова и куска хлеба. Пора осушить слезы престарелых матерей, лишенных сыновей, пора возвратить женам их мужей и детям их отцов. Не будем умножать число несчастных!».

Подобный великодушный поступок не мог остаться втайне.

В 1830 и 1831 годах, когда вся Италия была потрясена революцией, только в Романье все было спокойно, что и доставило делегату Мастаи Ферретти кардинальскую шапку. Все это я описываю со слов итальян-

⁶⁷¹ Де Росси Пеллегрини-Луиджи-Одоардо (1787–1848), граф, итальянский политический деятель, с 1845 года посол Франции при Папском государстве, в сентябре 1848 года по просьбе Пия IX сформировал правительство, которое и возглавил, был убит 15 ноября 1848 года.

⁶⁷² Один из братьев Пия IX – Ферретти Пиетро (1790–1858), итальянский политический деятель.

⁶⁷³ Эмилия-Романья – область в центральной Италии.

цев, и последующие действия папы Пия IX придают этому рассказу правдоподобие.

Избрание нового папы было радостным событием для всего народа; Рим как будто воспрянул, начались разные приготовления к предстоящему празднику 8-го сентября в церкви Santa Maria del Popolo⁶⁷⁴. На Народной площади начали воздвигать по подписке роскошную триумфальную арку. Художники, даже иностранные, допускались к целованию руки у папы; народные школы и те были им приняты в аудиенции. Благонамеренные люди опасались, чтобы не пришлось папе поплатиться рано или поздно за такие нововведения, и сожалели о том, что он мало знает римлян.

Тогдашний французский посланник де-Росси пострадал в свое время за свои либеральные идеи, должен был бежать из Италии и сделался профессором прав сперва в Париже, затем в Женеве. Король Людовик-Филипп, оценив его способности, привлек его к себе на службу и назначил посланником к папе Пию IX. Эти два великих мужа поняли друг друга. Де Росси, будучи итальянец и видя в папе Пие IX залог возрождения Италии, выпросил у французского короля отставку, сделался министром святого отца и в этом звании начал хлопотать об упразднении ордена иезуитов. Папа долго колебался, но уступил, наконец, просьбам своего министра; орден иезуитов был уничтожен, им было дозволено остаться в Риме с условием, чтобы они изменили одежду свою, которая ненавистна всякому, знающему их прошлое, и носили бы обыкновенное платье католического священника. Иезуиты смеялись над этою мерою, говоря:

«Не бойтесь и не стыдитесь покроя нашего платья, бойтесь скорее нашего ума!».

Многие обскуранты⁶⁷⁵ находили, что иезуиты правы, либералы же с презрением, при встрече с ними отворачивались и плевали.

На Народной площади к 8-му сентября 1846 г. построена была великолепная арка с самыми вдохновенными надписями. Улица Корсо с раннего утра была полна народом, из всех окон свешивались дамаск и богатейшие ковры. Погода стояла превосходная; в окнах красовались дамы и девицы, щеголявшие головными уборами и нарядами; все они имели

⁶⁷⁴ Церковь Санта-Мария дел Пополо в Риме была построена в XI веке, в 1472–1477 гг. перестроена Б. Понтелли и А. Бредно, в 1655–1660 гг. фасад реконструирован Бернини.

⁶⁷⁵ Обскуранты – люди, настроенные недоброжелательно к науке, просвещению, прогрессу.

букеты цветов в руках. У триумфальной арки стояла депутация и сам строитель; в 10 1/2 час. пушечный залп возвестил Риму начало поезда из дворца папы на Monte Cavallo. Все восторженно встрепенулось на Корсо, народ с радостью заговорил: «Папа едет». Дамские головки начали высовываться из окон, посматривая вдаль и любопытствуя увидеть начало процессии. Отдаленный крик народа возвестил, что папа въехал в главную улицу Рима – Корсо. Эти возгласы становились явственнее по мере того, как процессия подвигалась к Народной площади. Вдали виден был целый дождь цветов, летевших из окон, откуда публика не менее усердно махала платками. Процессия была уже вблизи; был виден высокий крест в руках крестоносца, за которым шла свита папы, дворянская гвардия, и, наконец, молодцы драгуны. Все это блесло при лучах палящего солнца.

Наконец, показался всеми в то время боготворимый седовласый папа Пий IX, сидевший в своей золотой карете с радушною улыбкою на устах. Отовсюду слышались крики: «Св. отец, благословение!» – и он благословлял крестом стоявший на коленях народ. Подъехав к арке, где воздух был пропитан ароматом цветов, которыми была усеяна вся дорога, золотая карета по данному папою знаку неожиданно миновала арку, проехав мимо нее с правой стороны, в то время как все присутствовавшие думали, что карета въедет под арку. Депутация чувствовала себя обиженною, другие же восхищались скромностью папы, не хотевшего принять подобную честь, будучи на троне всего около двух месяцев. Триумфальная же арка – есть почесть, воздаваемая за многолетний труд на пользу отечества. Таково было в то время общее мнение образованного класса. Строители и жертвователи остались в совершенном разочаровании и подверглись народным насмешкам.

Народ, видя беспримерную любовь св. отца к своим подданным, желал почти ежедневно получать от него благословение, вследствие чего папе приходилось по несколько раз в неделю выходить на балкон своего дворца на Monte Cavallo, который украшали, как уже было сказано, по этому случаю бархатным ковром; держа в руках две зажженные свечи, папа благословлял с этого балкона народ, с криком просивший у св. отца благословения. Этою добротою и снисходительностью его многие были недовольны, так как торжественное благословение было прежде преимуществом исторических базилик и совершалось три раза в год, именно: в Великий четверг – с балкона Церкви святого Петра, в праздник Успения – с балкона церкви Иоанна Латеранского и в праздник Благовещения – с балкона церкви св. Марии Старшей (Maria Maggiore). Теперь же, по милости всякого сброда, это благословение сделалось чуть ли не шуточным представлением, оскорблявшим сан первосвященника. Эта

снисходительность папы заставила тайные общества стремиться к достижению давно задуманных целей, и все надежды свои они возложили на те буйные головы, которые за свои либеральные идеи должны были некогда покинуть Италию и, проживая в Англии и Америке, сроднились со свободой, не рассчитывая, созрел ли для этого итальянский народ. Под влиянием этих идей, печать стала намекать на амнистию, которую может даровать только глава церкви, а за ним последуют все остальные правители Италии. Но на деле было иначе, напротив, все боялись либерализма папы и везде принимали строгие меры против подданных папской области. Как скоро амнистия была провозглашена, все эмигранты возвратились в Рим, где разом оказалось огромное количество горячего материала, способного воспламенить всю Италию. Возвратившиеся эмигранты еще до изгнания своего считались народом беспокойным, теперь же, испытав бедность и нужду, а главное, прожив несколько лет в конституционных государствах, люди эти старались ниспровергнуть существующий порядок.

Приютив у себя эти буйные головы, папе следовало обеспечить их существование: доставить им работу, занятия и места, тем более, что это были люди талантливые и способные; но об этом, к сожалению, не позаботились. Сперва они терпеливо переносили свое тяжелое положение, но бедность взяла верх, и в их пользу стали собирать милостыню по кофейням и по церквям. А они сами стали волноваться и хлопотать о конституции. Свободная печать громила министерство папы и под ее давлением была торжественно провозглашена конституция; затем для заседаний представителей итальянского народа было отведено известное по своей прекрасной архитектуре здание «la Cancelleria»⁶⁷⁶. На эти заседания явились замечательные писатели и ораторы, одушевленные одною мыслью низвергнуть существующий порядок и учредить республику. После всего дарованного папою, как то: амнистия, свободная печать и конституция, оставалось только учредить национальную гвардию. Добрый Пий IX и на это согласился.

Когда был обнародован строгий указ о том, что все жители Рима, не исключая иностранцев, проживших в нем более 10 лет и получивших вследствие этого право гражданства, должны нести службу в национальной гвардии, то смирные и благомыслящие римляне призадумались, увидев, что либералы забрали власть в свои руки, и что папа связан, как говорится, по рукам и ногам, ибо, давши противнику своему оружие в руки,

⁶⁷⁶ La Cancelleria (Дворец Кончелерия) – построен в 1483–1513 гг. для кардинала Рафаэля Риарио, сейчас там находится канцелярия Папы Римского.

он должен неминуемо сделаться его жертвою; время доказало истину этих слов: не прошло и месяца, как папа убедился в этом на горьком опыте.

Не могу забыть разговора, который я имел вечером в тот день, когда либеральная партия ликовала по случаю обнародования указа об учреждении национальной гвардии.

Я стоял на горе Пинчио, восхищаясь видом на Рим при вечернем освещении; возле меня стоял молодой патер, и когда я заговорил с ним о новом указе, то он заметил, что папа, дав народу оружие, сам себе готовит гибель.

Между иностранцами, особенно между немцами, которые приехав в Рим, жили там зачастую по несколько лет, этот указ, призывавший многих из них на службу, вызвал оживленные толки. Мои товарищи привыкли кочевать из одного квартала в другой и, прожив более 10 лет в Риме, жили в разных частях города всего по несколько месяцев. Попы кураторы, по-нашему частные пристава, коим было поручено составить списки римлян и иностранцев, получивших права римского гражданства, не трудились подвести итог годам, проведенным этими художниками в Риме, – им до этого и дела не было. Со мною же случилось совершенно противоположное.

Я прожил на квартире Ченчи безвыездно почти 12 лет, и куратор моей части знал меня хорошо и всегда называл римлянином, вследствие чего мне и прислали билет о том, что я зачислен в национальную гвардию. Зная хорошо, что хотя эта служба не сопряжена с трудностями и опасностями, но влечет за собою потерю времени, я начал хлопотать о своем увольнении. Прежде всего, я обратился к нашему посланнику Бутеневу. Он мне заметил, что так как я пользуюсь правами гражданина города Рима, будучи освобожден от платежей за паспорт и т.п., то я обязан нести и тяжести страны.

– «Впрочем, я буду писать об этом в Петербург, вам же советую исполнять обязанность, возложенную папою на национальную гвардию».

Мне посоветовали пойти к начальнику национальной гвардии, князю Альдобрандини⁶⁷⁷, высказать ему, что я слабого здоровья и иностранец; вследствие чего я отправился во дворец Боргезе, где в приемной князя нашел много военных, и по происходившей суете мне показалось, что тут решаются важные дела. Меня допустили к князю. Он принял меня вежливо и на мою просьбу отвечал: «Как? вы чувствуете себя слабым? Мне кажется, вы здоровы, как наш римский монах; вам следует служить».

⁶⁷⁷ Альдобрандини Камилло (1816–1902), князь, министр вооружений, начальник национальной гвардии в Папской области.

Это сравнение здорового человека с монахом – общепринятое сравнение; здоровью монахов римляне смеются и в то же время завидуют.

Как скоро римляне получили оружие, они стали помышлять об освобождении Италии от австрийского ига в Ломбардии⁶⁷⁸ и Венеции и начали прилагать все старание к тому, чтобы папа объявил Австрии войну, несмотря на то, что союзников не имели и не были подготовлены в военном деле. Все здравомыслящие люди удивлялись легкомыслию коноводов либеральной партии. Папа удивлялся этому сумасбродству и не мог решиться объявить войну лучшему своему союзнику без всякой к тому причины. Неподатливость его огорчала их и злила. Тогда только папа увидал, что его доброта и либерализм перешли границы, и что несчастные обманутые его подданные падут жертвою выказанной им слабости характера.

Между тем из разных провинций папской области толпами стекались волонтеры. Как свои, так и иностранцы смотрели на них с сожалением, видя в них мясо для австрийских пушек. В Риме им устраивались пышные встречи, их щедро угощали, стараясь возбуждать их храбрость изысканными речами: римляне же исподтишка смеялись над ними, сожалели об их участи, говоря, что Наполеону I с его отличными солдатами было трудно покорить австрийцев, здесь же молодежь, едва умеющая носить оружие, горсть ребятишек, не знающая военной жизни, не быв никогда на войне, идет сражаться против Австрии, одной из первых военных держав Европы.

В это смутное, беспокойное время золото и серебро, которыми прежде изобилывал Рим, исчезли, появились в неимоверном количестве ассигнации. Римляне говорили: «Рим стоит на золотом и серебряном фундаменте», – намекая на то, что эти фундаменты сохранены или спрятаны в подземельях дворцов и домов. В Риме появились в это время две совершенно противоположные партии, получившие названия либералов и отсталых обскурантов. К числу последних принадлежало все высшее сословие Рима, иностранцы и художники.

Либералы, рассеянные во всех концах Италии во главе бедняков энтузиастов, воспользовались амнистиею папы Пия IX и наполнили Рим; к ним принадлежал молодой римский князь Пиомбино, который, будучи проучен поруганием над телом его отца, присоединился к либеральной партии.

Всюду шла подписка для составления капитала на покупку ружей и на обмундирование национальной гвардии. От аристократов и духовенства требовались деньги. Мундир националов был простой по рисунку,

но весьма красивый: синего цвета пара с красным воротником, с белыми широкими перевязями для темляка⁶⁷⁹ и жаберны. Обмундировка подвигалась быстро, либералы были бедны, но сильны, аристократы же и духовенство были богаты, но бессильны и страха ради щедро жертвовали деньгами, боясь все потерять, так как бедняки были многочисленны, вооружены и грозно смотрели на богатых.

Господствующею мыслию либералов было выгнать австрийцев из Италией – мысль смелая; новобранцев и всю национальную армию начали приучать к трудностям военной службы, к ружейным приемам, меткой стрельбе, начали утруждать их дальними прогулками по несколько верст вне Рима.

Времени потеряно было много. Ассигнации, сделанные сперва ценою в одно скудо (1 ¼ руб.), в провинциях делались стоимостью в гривенник и копейку, они переполняли карманы, терялись и рвались очень легко, что вызывало частые жалобы.

Знаменитые римские вина начали разбавлять водою, и когда делали по этому поводу замечания виноторговцу, он доказывал причину этого самым наглядным образом, взяв 50 скудо серебряною монетою, которые, будучи положены одна на другую, стояли твердо, он брал затем ассигнацию и ставил ее ребром на стол, отчего она гнулась и падала, и выводил из этого заключение, что прежняя монета, будучи из серебра, была тверда, и вино было крепкое, не разбавленное, теперешняя же бумажная ассигнация стойкости не имеет; так и вино за нее получается слабое и неудовлетворительное. Однажды у часового, стоящего у римского банка, спросили от кого он бережет богатства – от вора или огня?

– «Вору здесь нечего воровать, я берегу ассигнации от огня», – отвечал он.

При платежах ни правительство, ни банкиры не имели времени резать или отделять одну ассигнацию от другой и давали деньги в виде длинной бумажной ленты, на которой было напечатано 20 или 30 скудо; пришедши домой, приходилось отделять одно скудо от другого. Фальшивых монетчиков явилась бездна. Однажды на улице во время сильного ветра полетели с крыши в виде бумажного дождя мелкие листочки; прохожие увидали их и убедились, что это серые, только что отпечатанные ассигнации, которые сушились на крыше; они были унесены ветром и, летая в воздухе, наконец упали на землю. Подобных тружеников было много; они ловили, как говорится, рыбу в мутном омуте. У либералов были свои затаенные мысли; разбирать подобные проделки им не

⁶⁷⁸ Ломбардия – область в северной Италии.

⁶⁷⁹ Темляк – шнур на холодном оружии.

было времени. Особенно невыносимо и пагубно было это время для воров и мошенников. Всюду жили люди, числившиеся в гвардии, все дома ими были полны. Боже избави, ежели раздавался крик: «Здесь вор или мошенник». В один миг сбегались десятки вооруженных палашами и творили с пойманным расправу на месте. За то это сословие легкой наживы терпеть не могло национальную гвардию.

XLV.

Не могу и теперь, по прошествии стольких лет, забыть чудного климата Италии, ярко горящего солнца и вечно голубого неба, которое так редко бывает покрыто тучами, что я иногда желал темных дождливых дней, в которые мог бы отдохнуть от работы; в ясную же погоду не хотелось проводить праздну ни одного часа. Иной раз, бывало, встретишь на Корсо приятеля, итальянца художника, обращаешь его внимание на прелесть дня и блестящее солнце, а он вместо того, чтобы восхищаться со мною, говорит: «Да, это правда, чудное светлое солнышко, но оно ничего нам не дает и в кошельке у вас пусто, а у нас хоть и нет ясных дней, но зато светит в кармане». В этой классической стране чуть ли не всякий дом был некогда жилищем какой-нибудь знаменитости по части наук и искусств. Так, в моей улице, Via Sistina, жил некогда Флакسمан⁶⁸⁰, скульптор Бернини⁶⁸¹, бессмертный Торвальдсен и в конце улицы, по направлению к францисканскому монастырю Св. Троицы, находились дома Клавдия Лоррена, Пуссена и Сальватора Розы⁶⁸². И вот, гуляя по улицам среди классических остатков некогда победоносного Рима и слыша постоянно имена великих художников, является невольное желание и самому составить себе имя между своими соотечественниками. И действительно, никакая другая страна не может быть так полезна молодому художнику, желающему усовершенствоваться в своем искусстве, как Италия. Здесь на каждом шагу встречаешь классические лица и костюмы, художественно наброшенные на плечо плащи, живописную одежду духовенства, капуцин и кардиналов, не менее живописны и наездники, гонящие быков, оригинальная одежда трастеверинцев⁶⁸³, их игры

⁶⁸⁰ Флакسمан Джон (1755–1826), известный английский скульптор и гравер, автор эскизов рисунков для росписи фаянсовой посуды.

⁶⁸¹ Вероятно, Бернини Джованни Лоренцо (1598–1680), итальянский скульптор и архитектор или его отец - Бернини Пьетро (1562–1629), итальянский скульптор.

⁶⁸² Роза Сальватор (1615–1673), известный итальянский поэт, живописец, гравер, музыкант.

⁶⁸³ Трастеверинцы – жители Трастевере – части города, заселенной беднотой в XIX веке.

del-moro⁶⁸⁴, имеющие зачастую трагический конец. Тут следует прибавить, что итальянец при малейшей обиде хватается за нож, и рабочий-римлянин, уходя утром на дневной труд, не может поручиться, вернется ли он вечером домой. Даже уличные мальчишки до того вспыльчивы, что, поссорившись между собою из-за безделицы, хватают что-нибудь с земли и показывают вид, что, не имея ножа, они готовы хоть камешком расплатиться за обиду.

Однажды, в воскресный день, в трактир Гальонэ, где я обедал, явилась целая партия трастеверинцев с выразительными физиономиями, в своем красивом национальном костюме: бархатных куртках, наброшенных на одно плечо, пестрых жилетах, коротеньких панталонах, синих чулках и башмаках с серебряными пряжками. Они вошли с веселыми лицами, с шумным говором уселись за стол и первым делом начали вытирать весь прибор чистою салфеткою (это общий обычай у всех римлян), заказали обед, поели и затем начались попойка... и вдруг из-за какого-то пустяка или мнимо нанесенной обиды, все вскочили со своих мест и вмиг похватались за ножи: двое упали раненые, а другие исчезли, быть может, для того, чтобы покончить распрю на свободе. Не желая быть свидетелем, когда явится полиция, я расплатился и ушел; но позже слышал, что один из раненых умер. В другой раз сижу в кофейной, также в воскресный день, вечером, когда народ возвращался толпою с загородного гулянья, как вдруг, точно молния, вбегает какой-то человек, летит стрелою и исчезает через кухню во двор, вслед за ним с неимоверною быстротою вбегает другой, чтобы нагнать его и хватить сзади ножом, но, промахнувшись, ударяет мраморный столик с такою силою, что лезвие ножа разлетается на две части; озлобленный своею неудачею, он преспокойно вышел из кофейни. Подобные случаи часто повторяются в Риме, особенно в воскресные и праздничные дни. А как живописен этот народ, особенно женский рабочий класс, который, неустанно трудясь целый год, считает долгом повеселиться в октябре! Женщины эти нанимают коляску, одевают на голову род мужской шляпы, украшенной цветами, и в этом живописном костюме садятся по 8 и 9 человек в экипаж с бубнами в руках и, распевая песни, катаются по всем улицам. После этого у них бывает заказан обед в загородном трактире, где, исправно покушав и выпивши хорошо, они начинают танцевать вечно один и тот же танец «il saltarello». К обеду и к танцам присоединяются их мужья,

⁶⁸⁴ Итальянская игра мора заключается в том, что один из участников протягивает руки с загнутыми пальцами, а другой должен угадать сколько пальцев было загнуто первым.

женихи и друзья. Да и вообще римляне любят круглый год обедать в праздничные дни за городом, где они на открытом воздухе играют в шары, а молодежь, окруженная толпою, импровизирует на гитаре какую-нибудь песню.

В высшей степени интересны в Риме церковные празднества. Не говоря о торжественных богослужениях Страстной и Пасхальной недель, в ноябре месяце, 1-го числа праздник «Всех Святых»; затем следуют дни поминовения усопших, начиная с пап, в последний же день недели поминают всех казненных. Во многих церквах выставляют фигуры библейского содержания, но самая интересная церковь – это Св. Исидора⁶⁸⁵, принадлежащая капуцинам. Монахи эти носят одежду из грубого сукна светло-кирпичного цвета, ходят босые в сандалиях и на теле не носят никакого белья. Но вообще они отличаются добрым сердцем и строгих правил придерживаются только для себя. Знаменитая картина Гвидо Рени «Михаил Архангел, поражающий сатану»⁶⁸⁶ находится в их монастырской церкви, подвал которой поражает своим своеобразным назначением и отделкою: он служит усыпальницею умерших капуцинов.

Большая подземная капелла украшена люстрою, по бокам ее разные украшения, богатые карнизы и все составлены из костей умерших капуцинов, а по углам, словно стражи подземного царства, стоят скелеты капуцинов со свечами в руках. В середине подземелья возвышается насыпь из светло-коричневого песка, по преданию, привезенного из Иерусалима и имеющего свойство иссушать труп; в этой-то насыпи хоронят монахов. Как только что труп достаточно высохнет, его вынимают, и если умерший отличался святостью жизни, то скелет его скрепляют, одевают в монашескую одежду и ставят около стены, дав ему свечу в руку; таким образом, он становится стражем этой единственной в христианском мире погребальной капеллы.

XLVI.

Разговорившись о незабвенном Риме, которому я столько обязан, я прервал рассказ свой о моем пребывании в этом городе. Благодаря спокойной квартире, которую я занимал у Филиппа Ченчи, труд мой подви-

⁶⁸⁵ Церковь Св. Исидора в Риме – национальная церковь ирландцев, основана в 1622 году испанскими францисканцами, во время наполеоновских войн в монастыре при церкви жили художники-назарейцы (представители романтического направления в изобразительном искусстве).

⁶⁸⁶ Гвидо Рени написал картину «Михаил Архангел, поражающий сатану» в 1636 году, она находится в Риме в церкви Санта-Мария-делла-Кончеционе.

гался вперед; но с кончиною моего хозяина явились разные препятствия: так, занимаемый им этаж достался ему в уплату долга и в пожизненное владение, с его же смертью, этаж этот переходит законным наследникам, которые и предъявили моей старушке свои права, так что ей пришлось искать новую квартиру. Это меня крайне опечалило, и в то же время я получил повестку явиться чрез 6 дней на гауптвахту 4-го квартала, как солдат национальной гвардии.

В назначенный день я был к 7 час. вечера на площади Nicosia (Никосия). Гауптвахта содержалась во дворце известного в то время живописца Камуччини. В 7 час. скомандовали отслужившей гвардии, они положили ружья в сошки и пошли по домам. Вновь же собравшиеся мои товарищи, из коих я никого не знал, бросились почти взапуски к назначенной нам гауптвахте брать ружья, а главное – примерить ремни с палашом и жаберною, я же шел тихим шагом, как на чужой пир, думая – что попался как кур во щи. Рассуждая таким образом, я пришел на гауптвахту и нашел всех уже с перевязями, палашом и жаберною; начинаю отыскивать мои воинские доспехи, и вижу, что осталась только одна пара: примеряю ее и убеждаюсь, что перевязи эти, должно быть, украшали некогда гиганта или толстяка: длина была ужасная, палаш тащился по земле, а жаберна висела почти до заднего сгиба колена. Начали искать что-нибудь подходящее к моему росту.

– Более нет ничего, – был ответ. В углу я увидел ружье, спрашиваю: «Чье это ружье?» Мне вежливо отвечают: «Оно ваше», – беру его в руки, и, понятно, что после карандаша и резца оно показалось мне страшилищем. Вижу, наш унтер-офицер в хлопотах считает нас, делает переключку, наконец, командует нам становиться. Мы выстроились. Он начал расставлять нас по росту и приступил к ученью, выкрикивая команду взыскательным, строгим голосом. Мне очень было трудно в мои 48 лет делать все ружейные приемы чисто и бодро. Впрочем, унтер-офицер не был ко мне строг и, поправляя мне пальцы на руках и сдвигая мои пятки, улыбался и хвалил мои успехи. Эта похвала меня так ободрила, что я долго еще после окончания учения твердил показанные приемы, чтобы к утру знать их в совершенстве. Мой палаш и жаберна сильно меня беспокоили; палаш попадал между ног, и я падал, возбуждая общий смех; жаберна моя валялась по земле; вставая и забыв о ней, я тащил за собою и стул, за который она зацеплялась. В камере был сделан род нар, где можно было спать один возле другого; только все сидели на свежем воздухе.

Стемнело; я хотел прилечь; вхожу и вижу нашего барабанщика, спящего крепким сном; думаю: «Прилягу и я». Не прошло и пяти минут,

как я почувствовал по всему телу кусанье и зуд. Тотчас вскочил и рассказал мой испуг сотоварищам-солдатам: «Боже избави лечь на нары» – отвечали они, – «вас заедят насекомые, на барабанщика не смотрите – он бессменный!».

Мы начали по двое проситься ужинать; нас отпускали на час и на полтора. К 12-ти часам ночи пришла моя очередь. Дорогою, путаясь в моем палаше, который волочился за мною и попадал между ног, я раза два падал, наконец, пришел домой. Старушка отворяет и с ужасом смотрит на меня. «Боже мой, что стало с вами и с нашим Римом, до чего Мать Пресвятая Богородица довела и оставила нас!» – приговаривала она, – я же военным голосом, желая попугать старушку, говорю: «Ужинать хочу; есть ужин?» – все это повелительно, шумя своими воинскими доспехами.

«Только и есть овечий творог» (la ricotta), – был ответ. Она забыла взять нож; вспомнив, что при мне есть палаш, который, благодаря длинной перевязи, лежал возле меня на полу, как верный пес, я схватываю его, обнажаю, к стыду моему убеждаюсь, что он не режет даже творог. Старушка улыбнулась, я же досадовал на то, что мой творог весь искрошился; осматриваю острие палаша и нахожу его толщиной в полпальца.

Возвратившись к назначенному времени на гауптвахту, я был отправлен с другими в дозор с шуточным паролем: «Старых баб по домам, молодых же к нам».

Мы шли дружно, без разговора. На улицах было тихо: запоздалых не встречали, кроме влюбленной четы кошек, и их дуэты показались мне несносны. Когда я вернулся с дозора, меня позвал унтер-офицер и говорит: «Ваша очередь быть на часах у дворца Боргезе, у сохранной казны». Иду с ружьем, подхожу к часовому, мы меняемся с ним ружьями, и он сообщает мне, что ружье его заряжено. «Вот тебе и бабушка», – думаю я, – «И с простым ружьем не знаю что делать». Унтер-офицер начал читать мне наставления, передав, прежде всего, пароль, затем, что следует говорить, когда явится патруль жандармов. Тут я увидел, что я действительно солдат. Унтер-офицер просил меня повторить его приказания. Помню, что я очень ошибался, и он повторял и поправлял меня. Уходя, он заметил: «Будьте осторожны, здесь вы храните деньги граждан».

При этих словах холодный пот пробежал у меня по телу, и я остался один среди кромешной тьмы у спуска к набережной il Ripetto; главное, я боялся своего заряженного ружья, придерживая его как можно дальше от тела и держа пальцы как можно дальше от курка. Что будет, думалось мне, если в темноте узкого переулочка подкрадется кто-нибудь, да даст мне туза в затылок, я и покачусь вниз со спуска; вдруг слышу: идут;

кажется, жандармы; они получили мой ответ, по правилам, в исправности и пошли далее. Я благодарил Бога, что это сошло с рук. Опять слышу легкий шум, прислушиваюсь и громко кричу: «Chi viva?» (кто живет). Ответа нет. Прислушиваюсь еще, – все тот же шум, кричу вновь: «Кто живет?». Тут я призадумался: гауптвахта далеко, с ружьем не знаю что делать, но я успокаивал себя, что, верно, после моего второго вопроса мошенник испугался и ушел. Постоявши и вновь почесав в ухе, стараюсь прислушаться. Боже мой, все тот же шепот и легкий шум. Я кричу третий раз: «Кто живет?». Ответа нет, мошенник не удаляется. Делать нечего, я осторожно спустил ружье на левую руку, машинально, делая вид, что готовлюсь стрелять, но, к несчастью, и среди белого дня я не умел стрелять, а тем более теперь, ночью, среди кромешной темноты. Я не знал, что делать. Явилась благая мысль – идти навстречу мошеннику и постараться поймать его. Иду, подхожу к тому месту, откуда слышался шум, и нахожу фонтанчик, который находится в стене дворца Боргезе и бьет в небольшую чашу. Боже мой, как сильно было мое разочарование и, как я был рад, что я так дешево отделался от страха.

Рассвело; явилось наше начальство, которое отлично выспалось. Некоторые замечали, смотря на них: «Бедняжки поутомились, выспавшись хорошо; посмотрели бы на нас, которые не сомкнули глаз ни на минуту: на гауптвахте мешают спать блохи и насекомые, на улице спать опасно, чтобы не схватить лихорадку!». Мы ходили по очереди завтракать в близлежащие кофейни. Дела никакого не было. Я был одет весь в сером: в серой шляпе, серой паре, с синими очками на носу. Скуки ради я рассматривал свою жаберную, которая оказалась полна паутины, а на ружье нашел заповедь Господню: «Не убий», – четко выгравированную. Увидав ее, я рассмеялся, сказав себе: «Вот невинная страна! Оружие, которое губит тысячи и убивает людей, здесь дано только страха ради». Пока я рассматривал это опасное украшение воина, курок выпал со своего места; все ружье, по словам солдат национальной гвардии, было сущая дрянь и принадлежало ко времени папы Сикста V-го; все они от души смеялись, осматривая его.

После обеда соотечественники-художники, узнав, что я на службе, просили позволения посетить меня, и вместе с ними пришел друг русских художников, скульптор Гаяси. Увидав меня в военных доспехах, с палахом, который тащился по земле, с жаберною, спущенною почти до икр, и в синих очках, все хохотали; некоторые достали из боковых карманов записные книжечки, чтобы набросать кроки на память, – так живописна была моя наружность. Посмеявшись, художники распростились со мной.

Вежливость и приветливость составляют отличительную черту жителей этой счастливой страны.

Сидя с незнакомыми мне национальными гвардейцами, я старался узнать, кто из них, к какому сословию принадлежит: если который – либо из них толковал много о коже, то я взглядывал на его ногти, и если они были в трауре, т.е. под ногтями было черно, то я угадывал, что это происходило от вара и драгвы, и смело говорил ему: «Вы, верно, занимаетесь сапожным мастерством!». Утвердительный ответ убеждал меня в том, что я не ошибся; в тщедушном я узнавал портного и т.д. Однако меня удивляло, что эти бедные люди, не получившие образования, были весьма приятными собеседниками так щедро наделила их природа.

Весь день просиживали мы на гауптвахте в бездействии; глаза мои страдали от сильного света, ибо мы сидели на открытом воздухе, где ничто не заслоняло солнечных лучей. Отдавать честь никому не случилось, потому что папа, кардиналы и римские князья сидели дома в своих дворцах, как взаперти. Следующий случай заставил нас от души посмеяться: подъезжает к гауптвахте экипаж, из него выходит дама с сыном, беленьким и нежненьким, которому следовало отбывать воинскую повинность вместе с нами, и просит нашего старшего не давать ему сидеть возле ружья, чтобы оно не разрядилось и не убило бы его, так как он об огнестрельном оружии понятия не имеет. Ее успокоили, сказав, что будут беречь ее сына. Довольная, села дама в карету и втянула туда и своего агнца. Оставшиеся же националы хохотали от души, говоря: «Хорошо иметь подобного защитника отечества».

Пришедши домой после службы и взяв в руки мой гравировальный инструмент, я почувствовал себя обиженным заниматься после ружья такую дрянью, как мой резец; он показался мне самым ничтожным.

XLVII.

Приближалось время открытия палат. В то время финансы Италии были в большом упадке, и все боялись, что министр двора де Росси обнаружит это. В числе депутатов находился некто Стербини⁶⁸⁷, поэт и человек весьма талантливый, но своим нравственным обликом напоминавший Робеспьера⁶⁸⁸; его все боялись. Он был долгое время эмигрантом, и только амнистия доброго Пия IX дала ему возможность возвратиться в Италию.

⁶⁸⁷ Стербини Пьетро (1795–1863), итальянский революционер, писатель, врач.

⁶⁸⁸ Робеспьер Максимилиан Мари Изидор де (1758–1794), французский политический деятель.

Из многих периодических изданий, выходивших в то время в Риме, первое место занимал «Il Contemporaneo»⁶⁸⁹, т.е. «Современник». Он держался крайнего республиканского направления, сильно нападал на министра де Росси за то, что он будто бы часто менял свои политические убеждения, служил и Италии, и Франции, а теперь вновь служит папе.

Дело в том, что республиканцы не были чисты: управляя страной и предвидя свое падение, устраивали дела в свою пользу, чтобы обеспечить себя. Де Росси как министр двора мог при открытии палат обнаружить народу их действия и разъяснить угрожающую стране опасность, вследствие чего вся печать изображала его самыми мрачными красками. В среду должно было состояться открытие палат, а за три дня до этого читаем в газете «Современник» статью Стербини, написанную, можно сказать, не чернилами, а кровью, в которой высказывалось, что дни де Росси сочтены и что его ожидает смерть. Все ждали с ужасом среды и были уверены, что де Росси будет изменнически убит; к несчастью, так и случилось. Настала среда; день был дождливый и скучный. Утром я говорю своему человеку: «Сегодня услышим что-нибудь страшное, предупреждаю вас!».

«Да», – отвечает он, – «что-то худо говорят об открытии палат, которые откроет де Росси».

Тем и кончился наш разговор. Час спустя он в испуге входит в мою комнату и говорит: «Де Росси убит кинжалом». Я не в состоянии был долее работать; любопытство влекло меня туда же, чтобы удостовериться в ужасном злодеянии, совершившемся в правление доброго Пия IX, который дал все своему народу, приютил даже чужих. И вот за все благодарность!

Наскоро одевшись, я вышел на улицу, пробираясь среди толпы, стоявшей с тревожными лицами; я дошел до здания «la Cancellaria» и у ворот увидел толпу народа, пробиравшуюся во двор; пройдя туда вместе с толпою, вижу небольшой двор и по левую руку площадку, ведущую на широкую парадную лестницу, и внизу маленькую дверь в швейцарскую, над которой виднелась запекшаяся на стене струя крови. Все смотрели на эту дверь, ибо в швейцарской покоем прах убитого министра. И затем вот что я узнал из рассказов народа.

В церковь Santa Maria Maggiore в среду утром явился на исповедь некто, сообщил, что в этот день будет убит де Росси и просил исповедника довести это до сведения папы. Немедленно дав кающемуся разрешение, ксендз отправился к папе и просил его позволить ему открыть

⁶⁸⁹ Il Contemporaneo – газета, издававшаяся в Риме в 1846–1849 гг.

исповедь своего духовного сына. Получив разрешение, духовник сообщил о предполагаемом убийстве министра. Спустя немного времени, явился сам де Росси в полном мундире, другие же говорили, что он был просто в черной паре, с портфелем в руках; при нем находился г. Регетти, его секретарь. Папа начал умолять своего министра не ездить, а вручить бумаги другому: «Вы едете на погибель, на явную смерть», – говорил папа.

– «Если я должен умереть за вас», – отвечал де Росси, – «я всегда готов. Ваше дело свято, а за святое дело я готов жертвовать собою».

Въехав на площадь перед зданием Della Cancelleria, министр удивился, увидав, что на ней не было ни одного солдата националки и даже в воротах здания не видать было жандармов. Когда его карета въезжала в ворота, послышался легкий свист. Прибыв на площадку двора, он вышел из кареты с маленькою тросточкою в руках; за ним, с портфелем, следил его секретарь г. Регетти; министра обступила молодежь, все в черных платьях. Приближаясь к лестнице, он почувствовал, как будто кто-то тронул его зонтиком, повернул шею в ту сторону, чем и обнажил ее. В это время ему был нанесен удар кинжалом, который проник глубоко – до самого сердца. Де Росси хотел сделать несколько шагов вперед, покачнувшись и упав на руки своего секретаря; из раны его била фонтаном кровь, на которую с ужасом смотрел народ. Министра тотчас отнесли в швейцарскую, где он оставался до ночи. Что с ним стало – неизвестно.

Когда эта весть достигла папы, он ушел в свою капеллу и, обняв распятие, сильно плакал, видя в Росси жертву своей неосторожности. К вечеру весь Корсо был иллюминирован; по нему расхаживал хор, распевая песни и величая руку, поразившую врага отечества. Ужас объел страну, все призадумалось. Торжества на Корсо продолжались с иллюминацией и пением еще несколько дней. Из боязни жители делали все, что желали республиканцы: хвалили убийцу, радовались ужасной смерти министра; одни только обскуранты, к коим принадлежал и я, да почти все иностранцы, не могли простить этого варварского убийства, тем более, что при конституционном правлении министр только излагает свой будущий образ действий депутатам, и если не встретит сочувствия и будет забаллотирован, то на его место может быть избран другой. Но изменчески убить министра, не дав ему высказать плана его будущих действий, доказывало, что коноводы боялись его разоблачений, тем более что найденная у него речь заслужила общее одобрение, но она осталась в тайне, даже напечатать ее боялись.

Смерть де Росси развязала руки республиканцам: была объявлена война Австрии; к этим крестоносцам новейшего времени присоединился и

наш князь Голицын⁶⁹⁰, принявший католицизм еще при Григории XVI. Будучи слаб умом, но очень богат, князь пожертвовал большую часть богатства, чтобы освободить Италию от ига австрийцев; но ему, как иностранцу, было более чем смешно и нелепо вмешиваться в это дело. Итальянцы были рады увидеть в рядах своего войска русского князя. Эта весть разглашалась повсюду. Князь Голицын обещался, мало того, что служить, но нести наравне с другими всю тягость военной службы. Он даже отправился пешком с войском, но, сделав несколько верст, захворал, и ему пришлось доехать в своем экипаже до Болоньи хворым, после чего он вскоре скончался и похоронен в Болонской чертозе⁶⁹¹. Над прахом его воздвигнут один из лучших памятников этой знаменитой усыпальни.

В Риме с поля сражения получались известия об одних только победах. Обскуранты или здравомыслящие недоверчиво относились к реляциям, по которым выходило, что у итальянцев убито 6 человек, у австрийцев же 200; они говорили, смеясь, что у итальянцев верно пули свинцовые, у австрийцев же бумажные. Однажды вечером разнеслась радостная весть, что австрийцы, сражавшиеся под предводительством генерала Радецкого⁶⁹², разбиты на голову при Кустоцце. В тот же вечер пришло другое известие, и на деле оказалось, что бедные итальянцы совершенно разбиты, выгнаны из Венецианской области и идут домой, в Рим⁶⁹³. Чрез две недели возвратились эти войска исхудалые, с сильно поношенной амунициею; они рассказывали чудеса насчет порядка и стойкости австрийских войск и очень сожалели о том, что необдуманно начали действовать.

Варварский поступок с министром де Росси обнаружил существование в Риме двух противоположных партий: республиканцев и обскурантов; как я уже сказал к последней партии принадлежал и я и часто довольно неосторожно высказывал итальянцам всю гнусность поступка их коноводов: лишив жизни министра конституционного государства,

⁶⁹⁰ Голицын Федор Александрович (1805–1848), князь, камер-юнкер, перешел в католичество, волонтер Папской армии (1848), решением Госсювета от 14.09.1845 лишен всех прав состояния и приговорен к каторжным работам «за невозвращение в отечество по неоднократным вызовам правительства».

⁶⁹¹ Чертозы – монастыри, основанные монахами картезианского ордена. Болонская чертоза – создана в середине XIV века, в конце XVIII века монастырь был закрыт и превращен в городское кладбище – ныне одно из самых известных в Европе.

⁶⁹² Радецкий Йозеф фон Радец (1766–1858), австрийский военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал.

⁶⁹³ События, описываемые Ф.И. Иорданом, относятся к началу августа 1848 года.

они тем самым доказали свою незрелость и непонимание конституционного образа правления. Должен признаться, что я говорил по-итальянски, как порядочный итальянец, любил приобретать книги и эстампы, чему научился, прожив несколько времени в Париже и затем почти 4 года в Лондоне. Мои воззрения не нравились республиканцам, которые однажды, после выхода моего из кафе, сказали: «С Фридериком Жордани надобно разделаться; пора закрыть ему рот».

На другой день талантливый молодой пейзажист, немец, Франц Дербер передал мне эти слова. Не зная, как отучить себя от разговора с республиканцами, с которыми я привык беседовать в кофейне и которые привыкли меня слушать, я думал, думал и решился начать курить, чтобы рот мой был чем-нибудь занят. Раньше я не курил. Как мне ни было тошно от первой сигары, делать нечего, я сидел и курил молча; республиканцы смотрят на меня и ждут разговора, я же молчу. Один из них замечает мне, почему я не говорю.

«Я курю», — был мой ответ, и таким образом, благодаря совету Франца Дербера, я сделался молчалив. Я старался играть в домино и шашки, охотников было немало, и в числе игроков был наш земляк, архитектор-скульптор г. Щурупов⁶⁹⁴. Он жил в Риме; следуя притче евангельской, смотрел на птиц небесных, которые не сеют и не жнут, а сыты бывают: всегда веселый, всегда довольный, он жил недалеко от меня; встречая его каждый вечер в кафе Луиджи и глядя на довольную его физиономию, трудно было понять, как мог он просуществовать в Риме столь долгое время, не окончив ни одной работы. Возвратившись в Петербург, он получил звание профессора архитектуры. Построенные им дом Кистера по 7-й линии⁶⁹⁵ и церковь у Калашниковской пристани оказались неудачными; церковь даже не была им окончена и перешла в ведение дельного нашего архитектора, А.И. Резанова⁶⁹⁶. Щурупов женился на милой немочке и имеет большое семейство.

⁶⁹⁴ Щурупов Михаил Арефьевич (1815–1901), архитектор, скульптор, профессор ИАХ, заведовал скульптурным и рисовальным классом при Императорском фарфоровом заводе.

⁶⁹⁵ Доходный дом Н.В. Кистера (В.О., 7-я линия, д. 6) построен М.А. Щуруповым в 1859 году.

⁶⁹⁶ Церковь святых Бориса и Глеба построена в 1869–1882 гг. на средства купцов-хлеботорговцев Калашниковской биржи в честь неудавшегося покушения на Александра II в 1866 году. Автором проекта был М.А. Щурупов, а А.И. Резанов руководил всеми строительными работами.

Теперь скажу несколько слов о моей квартире. По смерти моего хозяина, занимаемый им 3-й этаж, как я раньше упоминал, был отнят наследниками дома. Прожив столько лет в семействе г. Ченчи и не желая бросить старушку, вдову Марию Джузеппе, я просил ее приискать такую квартиру, в которой было бы и мне удобно поместиться, чтобы дом был чистый и светлый. В Риме очень трудно найти не меблированную квартиру, так как все квартиры занимают жители для отдачи лишних комнат художникам и путешественникам. Моя хозяйка с трудом нашла свободную квартиру в неопрятном переулке Della Purificazione, с вонючим входом и неудобным для меня освещением, так что, при всем ее желании иметь меня своим жильцом, я не мог согласиться переехать в эту квартиру, но обещал, что буду ходить к ней обедать. Расставшись с нею, я нашел отличную квартиру против бывшего моего дома, у полковника национальной гвардии Борба. Вход был отличный, свет вполне удовлетворительный; и тут я прожил до моего отъезда в Россию.

Убийство де Росси и неблагодарность итальянцев к доброму Пию IX не выходили из памяти обскурантов. О приготовлении к этому убийству рассказывали так: в то время в Риме существовал казино или клуб под названием «Casino di Roma» (римский клуб), где решалась участь многих лиц. Когда задумали лишить жизни де Росси, в этом клубе была сделана кукла, или манекен; набрав должное число отчаянных молодых людей из мастеровых, занимавшихся обделкою мрамора, вследствие чего рука у них была верная и глаз меткий, члены клуба приказали этим молодым мастерам каждый вечер являться в казино и упражняться с кинжалом в руках над куклою, нанося ей удары в шею, в известное место, указанное докторами, членами того же клуба. Опыт показал, что удар был нанесен убийцею так метко, что он проник до самого сердца. С убийцами были заключены следующие условия: они должны собраться к известному времени во дворе Della Cancellara, и когда де Росси выйдет из кареты, они окружают его, один из них зонтиком тронет его в бок так, чтобы, оглянувшись, он обнажил шею. Если удар оказался бы неудачным, то другой товарищ должен был повторить его. В случае же удачи убийца получит деньги на вояж и паспорт, чтобы бежать немедленно в Англию, а остальным его товарищам была обещана награда. Об этом убийце я узнал в Лондоне в 1862 году, где он занимался скульптурою и держал мастерскую; фамилия его Трентанове (Trintanove), в Риме же он был простой мастеровой и высекал мрамор.

В Риме в это бурное время появился простолюдин, продавец дров и сена, прозванный Чичеровакхио; это был мужик огромного роста, отчаянный фанатик и приверженец всех либеральных действий Пия IX. Его фанатизм не имел границ; во всех празднествах, устраиваемых в честь Пия IX-го, Чичеровакхио был первый. Он поставлял сено князю Григорию Петровичу Волконскому⁶⁹⁷, и я имел удовольствие увидеть у князя эту знаменитость, он показался мне колоссом; на нем была плисовая куртка, короткие штаны; одним словом, он был одет трастевринцем. Коноводы видели в нем фанатика без образования, которым можно управлять по своему желанию. Его фанатическая любовь к св. отцу длилась до тех пор, пока коноводы воздавали папе должную честь, но, наконец, их терпение истощилось, тогда и Чичеровакхио повернулся спиной к боготворимому им Пию IX.

Вскоре после убийства де Росси коноводы пожелали покончить с самодержавием папы и действовали самовольно, принялись за его министров и требовали их смены. Для этого была собрана национальная гвардия, которая, заняв площадь перед дворцом Monte Cavallo, требовала смены министров и послала во дворец своих депутатов. Пока происходила эта аудиенция, дворцовая полиция заперла все входы и выходы из дворца, оберегая несчастного папу, который с горем видел, до чего может дойти неблагодарность ослепленного им народа. Конечно, народ был тут ни при чем, в этом случае действовали одни ожесточенные республиканцы или либералы. Многие из коноводов, найдя дворец закрытым, разместились по колокольням; с одной из них был убит добрейший Монсиньор, который, не подозревая злых умыслов вышел из дворца погулять. Его подметил с колокольни один из коноводов, прицелился и убил на месте. Все ужасались и молчали. Между тем, депутаты обходились с папою дерзко, но он не потерял своего достоинства, остался непреклонным. Солдаты национальной гвардии пытались вторгнуться во дворец и зажгли одни из входных ворот, но пожар удалось, впрочем, довольно скоро потушить. Город был напуган этим происшествием; все говорили, что папа скроется, и тогда возгорится война. На другой день во дворец Monte Cavallo съехались все послы. Они выражали папе свое соболезнование и успокаивали его, говоря, что их правительства будут его защищать, и что они не чувствуют себя в безопасности и советуют папе удалиться из Рима. Дня два прошли в нерешительности, не знали,

⁶⁹⁷ Волконский Григорий Петрович (1808–1882), российский дипломат, светлейший князь, действительный статский советник, музыкант, певец, был знаком с В.Ф. Одоевским и А.С. Пушкиным.

чем все это кончится. На второй день после описанного происшествия, поздно вечером, когда папа ложился уже спать, является к нему баварский посол со своим егерем, у которого был портфель в руках, и требует аудиенции у папы по важным делам. Весь аванзал был полон солдатами национальной гвардии; коноводы боялись побега папы; все двери и все выходы из комнат, садов и потаенных мест оберегались часовыми. С дозволения папы мажордом впустил посла с егерем; пробыв некоторое время в покоях папы, посол вышел, сопровождаемый своим егерем. На другой день, рано утром, как молния облетела из уст в уста весть: «Папа бежал».

Утром его не могли нигде найти. И как это могло случиться, когда все знали, что он был совершенно в руках республиканцев? Этот вопрос обсуждался всеми; всюду стояли кучки народа, и все объясняли это событие на свой лад. Одно было несомненно, что папу спас баварский посол. В портфеле у егеря была священническая верхняя одежда, сутана, в которую оделся егерь, папа же надел форменную одежду егеря и с нахлобученною на лоб его форменною треугольною шляпою с зеленым пером прошел мимо толпившихся в аванзале националов и вышел с послом, никем не будучи замечен. Тотчас было объявлено временное правление и назначены лица, которые должны были стать во главе его; имена их не припомню. С побегом папы удалились кардиналы, послы и дворянство, так что Рим опустел. Все ожидали, что Франция не оставит папу; Италия есть, была и будет под покровительством Франции; почему все боялись, что Франция в скором времени объявит войну Римской области, чтобы добиться восстановления Пия IX на папский престол.

Бедное римское духовенство перепугалось, притаилось; их мало было видно на улицах. Многие жили у своих друзей, спрятавшись на сеновале или в каком-нибудь чуланчике; их скрывали от прислуги, которая могла выдать и хозяина, и ксендза. Боялись повсеместного истребления духовенства. Тут начались всякого рода бесчинства и даже убийства. В это время я познакомился с приехавшим из Петербурга Н.И. Розановым⁶⁹⁸. Ему, как новичку в Риме, я отрекомендовал квартиру у Марии Джузеппе, где мы встречались с ним за приготовленным мне старушкою обедом, состоявшим почти ежедневно из супа с вермишелью, куска говядины, фрукта и стакана вина, что и сохраняло мое здоровье, ему же трудно было привыкнуть к этому однообразному обеду.

⁶⁹⁸ Вероятно, Розанов Николай Иванович (1801–1867), писатель, член Мануфактурного совета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли, автор трудов историко-экономического характера, друг Н.А. Полевого.

В это время мне приходилось оканчивать мою доску, и я сидел дома, прилежно занимаясь. Розанов, посещая меня иной раз вечером, рассказывал все случившееся в городе за день. Одновременно с бегством папы было падение Орлеанской династии и объявлена республика во Франции⁶⁹⁹; папская область также объявила республику. Итальянцы, раздраженные против Австрии, напали на венецианский дворец, местопребывание австрийского посла, сорвали с него герб и, привязав к хвосту осла, с торжеством возили его по Корсо и, наконец, разломав, сожгли. Затем французская республика объявила Риму войну. К этому времени приехал давно ожидаемый славный вождь, генерал Гарибальди⁷⁰⁰; ему было вручено командование войском. Приступ французов был назначен на 30-е апреля 1849 г. Римляне, ожидая, что Гарибальди явится с войском из провинций, начали готовить для солдат квартиры, освобождая монастыри; из соседнего с нами богатого монастыря San Silvestro⁷⁰¹ также были переведены все монахи в другие монастыри. Итак, ожидаемое 20-ти тысячное французское войско под предводительством генерала Удино⁷⁰² было отправлено осаждать Рим, восстановить папу и освободить его от преступных республиканцев. Рим готовился дать отпор этой бессовестной экспедиции республиканского государства, посланной для того, чтобы подавить малую республику, которую Франции следовало бы поддерживать. Войско, под начальством генерала Удино подошло к стенам Рима и расположилось от Ворот Ангела, «Porta Angelica», до стен ватиканского, или папского сада, который расположен на довольно большой возвышенности. Все пространство от Porta Angelica до Ватикана представляет плоскую местность. Здесь расположился генерал Удино с намерением 30-го апреля 1849 года сделать приступ. 29-го апреля, довольно поздно вечером пришел Гарибальди со своими новобранцами из Риети⁷⁰³; усталых солдат поместили переночевать на соломе в монастыре San Silverstro, а ранним утром их всех отправили на высоты Римских стен, которые они должны были оборонять. В 10 часов утра началась

⁶⁹⁹ 24 февраля 1848 король Луи-Филипп I отрекся от престола и была провозглашена Вторая республика во Франции.

⁷⁰⁰ Гарибальди Джузеппе (1807–1882), итальянский революционер, генерал, активный участник борьбы за независимость Италии.

⁷⁰¹ Скорее всего имеется в виду монастырь Сан-Сильвестро аль Квиринале, построенный в XI в. и затем переданный папой Юлием II доминиканскому монашескому ордену.

⁷⁰² Удино Никола-Шарль Виктор (1791–1863), французский политический деятель, генерал.

⁷⁰³ Риети – коммуна в области Лацио в Италии.

пальба, продолжавшаяся до 7 часов вечера. Все радовались тому, что итальянцы отстаивали свое дело, и французы потерпели большой урон убитыми и ранеными, даже часть их была взята в плен.

В кафе Bongusto явился наш всегдашний собеседник г. Valati, живописец бессменных картин «Охота на кабанов». Он был страстный охотник. По его рассказам, все лучшие римские охотники с отличными ружьями поместились в стенах папского сада, и оттуда, не будучи видимы неприятелем, метко убивали их одного за другим. В числе их попался адъютант генерала Удино, молодой, богатый дворянин; мать этого юноши, желая открыть ему дорогу к почестям и славе, упросила генерала Удино взять его к себе в адъютанты. Разъезжая по полю, передавая приказы, молодой офицер видел, как падали солдаты, будучи подстрелены с высоты стен. Он чувствовал, что в него метят, старался лавировать на своем отличном коне, но сраженный пулей, упал на землю. Говорили, будто его мать была в стане войск, сопровождая его, как единственного сына. Что было с нею, когда она потеряла его в первом сражении, это может понять всякий и не переживавший такого горя.

В этот вечер торжеству и ликованию не было конца; по улицам провели несколько пленных солдат и одного французского офицера. Разместив их на ночь, как следовало, им дали отличный ужин; пленный же офицер ничего не хотел есть, ругаясь, что ему пришлось воевать с изменниками, он рассказывал, что Гарибальди, желая начать переговоры, выкинул белое знамя, когда же этот офицер приблизился, то Гарибальди, будто бы, ловко переменял знамя на красное, взял его в плен. После этого сражения была масса оаций, особенно генералу Галлатти⁷⁰⁴, который гордо возвращался с взводом жандармов; народ встречал его с восторгом, он сидел на отличном коне.

Французы отступили. В ночь, следовавшую за сражением, стоны раненых, которым ничем нельзя было помочь, раздирали душу. Римляне боялись подойти к французам, французы же боялись римлян, так что раненые, мучаясь после жаркого дня жаждою, просили помощи и не могли получить ее; многие из них умерли среди ужасных страданий; ночью, несмотря на страх, внушаемый убитыми и ранеными, нашлись безжалостные и смелые воры, которые, пользуясь темнотою, обокрали всех мертвых и тяжело раненых. Утром, когда увидели, что все поле чисто и свободно от французов, началась уборка тел; их нашли всех обранными и как итальянцев, так и французов схоронили около стен Рима, именно, у стены папского сада.

⁷⁰⁴ Галлатти Джузеппе (1798–1873), министр полиции в Риме.

Первого мая 1849 г., на другой день битвы, услышав, что французы отступили, я отправился к воротам Портезе⁷⁰⁵; это самое высокое место или высший холм, откуда весь Рим виден как на ладони или на блюдечке. День был чудесный: подхожу к церкви San Pietro in Montorio, для которой Рафаэль написал свою бессмертную картину «Преображение»⁷⁰⁶; возле нее возвышается гора, где были поставлены пушки; швейцарцы артиллеристы лежали на траве усталые, с потемневшими от пороха лицами и смотрели на проходивших мимо неприязненно. Я подошел к воротам Портезе; посреди их стояла пушка, и артиллеристы направляли дуло орудия на виллу Четырех Ветров (i quattro Venti), где находились французы, которые преспокойно там расхаживали. Другие из пришедших смотрели в амбразуры стены, как вдруг нам крикнули, что мы стоим на опасном месте и что нас могут убить. Я тотчас отправился к спуску и, проходя мимо швейцарцев, которые все в пыли валялись на земле, я понял, что значит военная жизнь. Мне казалось, что на их физиономии можно было прочесть, что эта попытка римлян против французов гибельна для бедной Италии.

Несколько времени спустя, желая узнать намерения итальянцев и прекратить кровопролитие, французы начали со своей стороны переговоры, и парламентаром был г. Лессепс⁷⁰⁷, который приезжал в Рим несколько дней подряд со всеми предосторожностями военного времени, с завязанными глазами, в карете, окруженной жандармами, и вечером возвращался обратно в лагерь генерала Удино. В это время мы ходили на возвышенные места Рима, откуда можно было видеть лагерь французов; там у них висело белье, около него играли солдаты, а некоторые даже танцевали.

Рим находился в осадном положении: все дворцы были пусты и заперты, их богатейшие сокровища были в руках коноводов республиканской партии и массы недоброжелательного народа, который желал им воспользоваться. Жители боялись грабежа, но честность Гарибальди все спасла. Он мог бы поживиться в Риме богатой добычей, в особенности для своих приверженцев, но он этого не сделал.

⁷⁰⁵ Порта Портезе – ворота в Риме, известные еще с античных времен, были снесены, затем в 1644 г. на их месте сооружены новые.

⁷⁰⁶ Храмовый комплекс Сан-Пьетро ин Монторио – памятник эпохи Возрождения, построен в 1480-е гг. архитектором Б. Понтелли, возведен на месте, где был распят апостол Петр. В его дворе находится Темпьетто («храмик»), (арх. Д. Браманте, 1502 г.), который ранее украшала работа Рафаэля «Преображение», в 1797 году она была перенесена в Ватикан.

⁷⁰⁷ Лессепс Фердинанд Мари де (1805–1894), французский дипломат, предприниматель, автор проекта и руководитель строительства Суэцкого канала.

В это трудное и опасное время республиканцы спасли эти богатства, прибыв к воротам всех оставленных дворцов надпись: «Собственность республики». Эта умная мера вызвала всеобщее сочувствие римского народа, никто не осмелился прикоснуться к республиканской собственности. Появились обмундированные гарибальдийцы: в красных рубашках, шляпах с широкими полями и с воткнутыми в них красными перьями; на офицерах было чудное сукно кардинальского достоинства. Между ними были красавцы: дровяник Чичеровакхио с тем же фанатизмом, с каким он действовал некогда в пользу папы Пия IX, теперь перешел на сторону коноводов республиканской партии и вмешивался во все преступные действия, которых было немало в это смутное время. Чтобы ксендзы не имели влияния на народ чрез исповедь, в один прекрасный день все будочки (i confessionale), у которых прихожане исповедуются, были вынесены на улицу и во многих местах сожжены. Это было дело рук Чичеровакхио.

Подходя однажды к храму св. Петра, я увидел на площади перед храмом толпу народа и узнал, что во избежание палящего солнца генерал Гарибальди осматривал под колоннадою св. Петра солдат-новобранцев, которые должны были идти на защиту Рима и отправиться в тот же вечер к его стенам.

Гарибальди был небольшого роста, белокурый, с длинными курчавыми волосами; он сидел на большой гнедой лошади; к седлу была привязана пара сапог. Он объехал собравшуюся молодежь; все они были в зеленых полукафтанах, очень бедно одеты, в изорванной обуви, с усталыми лицами, и каждый имел при себе огромную порцию хлеба. У Гарибальди был адъютант-мулат, огромного роста, страшный лицом; его звали ser Andrea (сер Андреа⁷⁰⁸); на нем была такая же одежда, и пара огромных сапог, как и у генерала Гарибальди, была прикреплена сзади к седлу его лошади. Это страшилище очень любило маленьких детей; когда он хотел пошутить с ними, а они боялись его и плакали, то он приближался к ним, закрывая лицо рукою, и давал им гостинца, играл с ними. Говорили, что Гарибальди привез его из Мексики; а при бомбардировании Рима его убило осколком лопнувшей бомбы. Первого июня был сделан французами второй приступ, так как переговоры с Лессепсом не привели к желаемому французами результату. После вторичного, столь же неудачного приступа генерал Удино решился во избежание кровопролития взять Рим посредством траншей. А коноводы со своей

⁷⁰⁸ Агуяр Андреа, адъютант Гарибальди, негр, сражался вместе с ним еще в Уругвае.

стороны хотели уничтожить вокруг Рима на расстоянии одной мили все виллы и дачи из опасения, чтобы французы под их прикрытием не подошли к Риму. Эту пагубную мысль предложил в палате депутатов Чернусский⁷⁰⁹, кажется, поляк; таким образом были скрыты отличные здания, в том числе живописный домик Рафаэля⁷¹⁰ в вилле Боргезе, где были срублены также прекрасные деревья. Эта варварская предосторожность, кроме убытка, ничего не принесла. Молодой князь Пиомбино принадлежал, как я уже сказал, к республиканской партии, но его вилла была пощажена.

Приняли все меры к продовольствию жителей Рима: скот пригнали в Рим, у каждой мясной лавки стояли живые ягнята, козлята и проч. скот. Все ворота города были заперты, – ни своим, ни римлянам выход и вход не дозволялся; между тем, порядок соблюдался удивительный; обманывать боялись, так как всюду стояла национальная гвардия. Однажды в субботу когда работники получают задельную плату, дозор встретил одного рабочего чуть не в слезах. Оказалось, что он, получив заработанные им деньги, зашел в булочную купить хлеба и, дав крупную ассигнацию, просил сдачи, а булочник не дал ее, говоря: «Сдачи нет, забирай у меня хлеб на твою крупную ассигнацию, таким образом мы сквитаемся».

«Я ему отвечаю, что, кроме хлеба, мне нужно купить мясо, зелень, заплатить за квартиру», – объяснил рабочий, он же повторяет, что сдачи нет!

Тогда старший солдат дозора вошел со своими солдатами в булочную и велел дать работнику сдачу; булочник отвечал: «Сдачи нет!».

Тогда дозорный велит закрыть двери лавки, идет за прилавок, открывает крайний ящик, находит в нем крупное серебро, во втором ящике мелкое серебро и медь, в третьем – мелкия ассигнации и строго говорит булочнику: «Бессовестный, как сдачи у тебя нет?».

Вынув все мелкое и крупное серебро, также ассигнации, он дал сдачу серебром работнику, затем спросил стоявших тут солдат и прохожих: «Не желает ли кто разменять свои ассигнации?». Немедленно появилась масса ассигнаций, он их все разменял, и сдав булочнику по счету разменные ассигнации, заметил: «Как те, так и другие деньги суть правительственные, вы должны это знать. На первый раз я вас прощаю, другой же раз закроют вашу торговлю и подвергнут ответственности».

⁷⁰⁹ Чернусский, редактор одной из либеральных итальянских газет.

⁷¹⁰ Имеется в виду павильон Casa Raffaello на вилле Боргезе, ныне в нем располагается детский развлекательный центр.

Бомбардировки все страшились. Церковь San Pietro in Montorio подверглась разрушительному огню; купол и потолок ее были совершенно уничтожены. Со стороны ворот Портезе французы начали подводить траншеи, поэтому эта церковь по своему соседству с воротами и была доступна неприятельскому огню. Карикатуры на бежавшего папу наводняли Рим. Этого святого добряка представляли во всех видах. Одна из карикатур изображала большое сердце на маленьких ногах с надписью: «Одно сердце, только без головы». Были и такие фанатики, которые говорили: «Следует подвести мину под храм св. Петра и Ватикан и взорвать их на воздух. Они привлекают иностранцев, но когда их не будет, то и папы и попов не станет. Эти богатства искусств – наше несчастие! Вы же, иностранцы, все почти обскуранты и смеетесь над нашей борьбою; мы смотрим на вас хладнокровно и молчим до тех пор, пока мы еще боремся с неприятелем, но горе вам, если мы будем побеждены, тогда мы всех вас истребим». Разумеется, я им отвечал: «Этим вы ничего не выиграете, потому что вы кормитесь иностранцами».

Я полюбопытствовал взглянуть, как французы делали брешь в стене. Она подвигалась с математическою верностью, каждый выстрел ядром сбивал ряд кирпичей. Брешь была довольно большая и доходила до земли. Говорили, что и траншеи уже кончены. Предполагали, что в Петров день, ночью, будет сделан приступ. В этот знаменательный день, когда бывала торжественная служба в великолепной церкви св. Петра, когда зажигались две иллюминации и великолепный фейерверк (la girandola), в 1849 г. все ходили с поникшею головою, не зная, чем окончится этот день. Погода была пасмурная, ожидали дождя, который после обеда, полил, как говорится, из ведра, и длился несколько часов. Все предполагали, что он зальет в траншеях все боевые припасы французов. Оказалось противное. Около 9-ти часов вечера у Понте Моло (Ponte Molo) французы открыли сильнейший огонь, и одно ядро попало на Народную площадь. Это была военная хитрость, чтобы отвлечь войско, которое стояло у бреши у ворот Портезе. Римское военное начальство должно было отделить отряд от ворот Портезе к Понте Моло, и тем ослабить ту часть войска, которая стояла у бреши. Как скоро войско отошло, французы вошли через брешь в Рим, встретив слабое сопротивление, ибо итальянцы, которые оберегали это место, повернулись к ним спиною и, как смеялись обскурантисты: «Все они были ранены в спину». Итак, Рим был взят, но французы заняли только его окраины, так как Удино не желал входить в населенную часть города, избегая кровопролитного столкновения с горячим и отчаянным народом. Он известил республиканское начальство, что предоставляет жителям, которые чувствуют себя

виновными против законного правительства, беспрепятственно в три дня оставить Рим. 3-го июля, в 1 час дня, он войдет с войском и займет город.

Эти три дня были самые опасные для Рима. Несчастные солдаты, пришедшие из всех частей Италии и сражавшиеся на стенах города, были большею частью убиты или перемерли от лихорадок. Оставшиеся в живых спустились в город, ибо стены далеко отстоят от населенной части Рима, и явились в качестве нищих, потерявших свой родной угол и средства к жизни, ибо многие из них были до войны мастеровые и зарабатывали хорошие деньги. Мирные жители Рима опасались: не бросились бы эти отчаянные люди на грабеж? Благодаря Богу, усилиями честнейшего Гарибальди все шло тихо и спокойно. Нашу кофейную посетил молодой, красивый миланец, один из несчастных защитников Рима. Нижнее платье его состояло почти из одних лохмотьев, которые он прикрывал верхнею одеждою. Он чистосердечно описал свое положение: «Я переплетчик», – говорил он, – «В Милане зарабатывал хорошие деньги. Услышав, что папа хочет освободить Италию, я с опасностью бежал из дома. Где я найду теперь отечество? Всюду восстановлен порядок. Куда я ни явлюсь, во Флоренцию или в Неаполь, меня ожидает всюду заключение в крепости или каторга; только одно для меня возможно – это идти с нашим генералом, а куда он нас поведет – одному Богу известно».

Говорили, будто правительство наделило этих бедняков деньгами, и на третий день целая толпа этих защитников отечества шла по Корсо, захватывая дорогою, что попадало: то ослика, то лошадиную сбрую и много чего другого. Разумеется, при этом не обошлось без шума и спора между солдатами и народом, но труженики войны оставались победителями и все захваченное уносили с собою.

Гарибальди объявил всем, желавшим за ним следовать, что «они должны быть готовы на всякие лишения, и что радостей он им не обещает!».

Все они вышли в ворота Иоанна Латеранского, направляясь в горы, чтобы дойти до Анконы. Дорогою они сильно пострадали от болезней. Чичероваккио потерял свою жену, а сам был, как говорили, расстрелян австрийцами. Вообще, окончательная участь этих несчастных осталась тайною. Настало 3-е июля; день был невыносимо жаркий; Удино разослал несколько пикетов, а сам стоял с 5-ю солдатами на площадке монастыря Santa Trinita. Солнце их ужасно пекло: никто не смел к ним приблизиться; все мы находились под страхом. Я вышел из дому довольно поздно. Удино вошел уже с войском в Рим через Народные ворота, и от

бывших на месте я услышал следующее: у его адъютанта была карта Рима, но один ксендз, стоявший у ворот, услышав, что войску, т.е. кавалерии, нужно знать, где дворец князя Барберини⁷¹¹, взялся их провести; коноводы, уходя с Гарибальди, приказали, чтобы никто не смел показывать дорогу французам под опасением лишиться жизни, и только патер с довольным видом взялся быть их проводником. Удино с блестящим генералитетом, с распущенными знаменами и оглушающею музыкою шел вдоль всего Корсо, все окна и тротуары которого были переполнены народом; вся эта толпа смотрела на французов, не выказывая ни удовольствия, ни озлобления. Я уверен, что хотя они и радовались тому, что нерешительное и вместе с тем опасное время прошло, но Боже избави было выказать свою радость!

Для войска были заранее отведены квартиры.

Итак, ксендз привел кавалерию ко дворцу князя Барберини. Начальник поблагодарил его. Отправляясь довольный домой, он не успел дойти до середины площади del Tritone, как был окружен незнакомыми лицами, которые нанесли ему ножами и кинжалом несколько смертельных ударов, затем истоптали его труп, так что вся внутренность вышла наружу. Когда вечером я видел его, то нельзя было его распознать, что это человек. Подобный этому случай произошел во время шествия французского войска по Корсо, на котором имеется отличная кофейная под названием Cafe Nuovo (Кафе Нуово); один из ее посетителей при виде французского войска неосторожно выказал свою радость, сказав: «Пришли наши избавители». После этого он немедленно получил сзади смертельный удар кинжалом.

Затем наступила довольно спокойная жизнь. Французы-офицеры, идя вечером в кофейни, сильно брэнчали саблями, давая знать, что они вооружены; солдаты же удивляли нас избытком денег; все харчевни, все кофейни были битком набиты ими с раннего утра до позднего вечера; там они утоляли свою жажду вином и, напившись вдоволь, по поданному трактирщиком или кофейщиком счету платили чистою, звонкою монетою, о которой мы, римляне, совершенно забыли. В это смутное время все боялись, что при восстановлении папы он не признает выданные республиканцами ассигнации, но французские менялы догадались, что так как Франция восстановила папу, то он не захочет ее обидеть, причинив чувствительный урон ее подданным. Мне пришлось тогда зарабо-

⁷¹¹ Палаццо Барберини в Риме был построен по заказу М. Барберини архитекторами К. Мадерна, Ф. Борромини, Д.Л. Бернини в 1627–1633 гг., теперь в нем Национальная галерея старого искусства.

танные от знаменитого английского скульптора Гибсона ассигнации разменять на звонкую монету с 45% потери.

XLIX.

Когда Рим успокоился, я пожелал отдохнуть после страха, испытанного во время республиканского правления, и познакомиться с холодом и снегом, так как я совершенно отвык от северного климата, а в будущем, 1850 году я собирался оставить Рим и возвратиться после 20-ти лет отсутствия домой; в виду этого я начал советоваться с большим любителем охоты г. Валати, прося его указать мне на окраинах Рима какое-либо селение, которое, находясь на высокой горе, имело бы более холодный климат. Недолго думая, он отрекомендовал мне город San Vito, говоря: «Там вы все найдете, место это очень холодное!».

Г-н Гибсон дал мне небольшой заказ, который совершенно согласовался с моим намерением. Без работы я скоро соскучился бы и уехал, имея же работу, я мог долее прожить в этом городке и привыкнуть к холоду. Взяв с собою работу, я отправился в назначенное мне San Vito, отстоящее от Рима в 50-ти верстах. Здесь я поместился у почтенной старушки синьоры Maria, на полном содержании и за недорогую цену получил хорошую, очень светлую комнату и опрятную постель.

Местоположение было восхитительное. Город стоял, так сказать, на маковке горы. Здоровый воздух укреплял мои силы и возбуждал отличный аппетит. Я работал прилежно и гулял с удовольствием. Всюду лежал снег белый, нежный, и из-под этого снежного девственного покрова выглядывали красивые полевые цветы. Я восхищался и в тоже время смеялся над этою девственною зимою. К обеду собирались в наш дом к синьоре Марии нахлебники — чиновники тамошнего правления, которые обладали ужасным аппетитом при самой скромной плате за обед; это были совершенные дети. Один из них, в оборванной шинели, ел за троих, — это был секретарь правления. Бывало, наестся и уйдет, а синьора Мария жалуется, что дня нет, чтобы он не пришел и вечно с волчьим аппетитом, и что она, кроме убытка, от него ничего не видит. Так как синьора Мария была любима и уважаема всеми жителями этого городка, которые часто ее посещали и знали, что она обречена кормить секретаря, который вскоре ее разорит, то и придумали, нельзя ли его накормить блюдом фритто, в которое вместо всякой зелени запечь куски старой подошвы, изрезав ее на мелкие кусочки. Она согласилась и сделала к обеду это блюдо, отложив в сторону ту часть фритто, которая была сделана для секретаря. Откушав суп, старушка наделила нас фритто; секретарь получил свою порцию. Не попробовав еще, он говорит: «Вот

любимое наше кушанье, его нигде так хорошо не готовят, как у нас в Италии!». Запустив первый кусок свою вилку, он с трудом мог проколоть его, однако, кусок попал на вилку, а затем в рот. Сильно мнет он его между своими драконовскими зубами, вертит его во рту, опять кусок попадает между его зубами, и он начинает сердиться. Тут другие не могли долее удержаться от смеха, все общество разразилось хохотом. Он вынул измятый кусок подошвы и прехладнокровно говорит: «Нет, не обманете!». За это он разом истребил все фритто, исключая испеченной подошвы.

Несколько дней спустя по приезде моем в это восхитительное место, приходит ко мне губернатор San Vito⁷¹² и просит меня, чтобы я занялся завтра с капитаном французской армии, который придет обезоруживать народ. «Здесь не с кем будет ему заняться, никто не знает французского языка, поэтому я и решился поставить его у синьоры Марии, надеясь, что вы им займетесь».

Я изъявил свое согласие. На другой день явился прелюбезный молодой капитан, рассказывал неприятности, которые ему пришлось испытать от своих солдат в эту ночь. Солдаты, вступив ночью в город, начали стучать и ломать двери у первой лавки с вином, где они перепились, шумели и перепугали жителей. Теперь пьяницы сидят под арестом. Побывши с нами с час времени, капитан с солдатами отправился в другое село, обещая к обеду возвратиться к нам. Возвратившись, он не мог успокоиться, вспоминая очаровательную хозяйку, у которой он останавливался в том селе, и те прелестные ручки, которые резали ему к супу вермишель. Его не занимали ни ружья, ни пистолеты, которые жители ему приносили, и если эта женщина говорила в пользу владельца ружья или пистолета, он тотчас возвращал ему оружие. Обедая с нами, он все вспоминал эту милую женщину.

Разговорившись о французских солдатах, капитан с прискорбием упомянул об их пьянстве, говоря, что из них мало кто достигает сорокалетнего возраста, потому что у них выжжена от вина вся внутренность. Несмотря на то, что все французы начинают службу с простого солдата, школы установлены во всех казармах: выдержав в них экзамен, простой солдат при старании может дослужиться до генерала. Будучи достаточны, они все свое состояние пропивают на вино и водку и вскоре умирают от страшной неводержанности.

Окончив мою работу для г. Гибсона, я начал собираться в Рим. Мой капитан распростился со мною на другой день; в последний час своего

⁷¹² Сан Вито — коммуна в области Сардиния в Италии.

пребывания в San Vito он рассказал мне о редкой доброте короля Людовика-Филиппа, который был бы по сей день королем, если бы во время Февральской революции в Париже он захотел пожертвовать своим народом, дозволив войску защитить его от буйной черни. Его слова были: «Проливать кровь своих подданных я не желаю». Все просьбы генералов остались тщетны. Он удалился, оставя о себе воспоминание как о добрейшем короле.

Собравшись в путь и простившись с доброю старушкою, я отправился в Рим, где начал хлопотать об окончании моей доски и о печатной бумаге; я достал ее от г. Тоски, у которого ее осталось немного от печатания его чудной работы: фрески Корреджо в кафедральной церкви в Парме⁷¹³. Это огромное издание, превосходно выполненное и награвированное, которое он боялся не кончить; так и случилось: в 1853 г. он скончался от лихорадки⁷¹⁴. Единственную дочь ему пришлось выдать за австрийского офицера. Я предоставил печатание моей гравюры печатнику Буяни, который печатал мою доску ранее, во время моей работы.

В Риме восстановился порядок; говорили, будто папа вскоре вернется, что и не замедлило оправдаться. Папа въехал через ворота Иоанна Латеранского, сопровождаемый генералом Удино и французскими войсками, среди всеобщего молчания, ибо народ знал, что папа испытал над собою горький пример неблагодарности народа за его доверие и любовь и что их восклицаниям не будет дано веры.

К февралю 1850 года доска моя, с гравюрою на ней «Преображения» была готова, и я приступил к печатанию. Сначала оно шло туго; в первый день было отпечатано всего пять экземпляров, по полскудо за оттиск. С утра я отправлялся в печатню и оставался там до 4-х часов после обеда: уходя, я прятал доску в изготовленный ящик под замок. Прошло, по крайней мере, три недели, пока я получил первую сотню оттисков *avant les lettres*⁷¹⁵, затем велел словорезу *del Prete* выгравировать небольшую подпись и с этою подписью сделал вторую сотню. Этими 200 оттисками я окончил в Риме печатание доски «Преображения». Получив сухие оттиски, пришлось их приводить в порядок и исправлять недопечатки или *les retouches*. В этом деле помогал мне гравер Готтафави. Я не желал выставить гравюру, ибо не хотел пустить оттиски в продажу, не посвятив мою гравюру императору Николаю Павловичу или не показав

⁷¹³ Гравюры Тоски к изданию фресок Корреджо были опубликованы в издании: *Di quattro affresco del Parmigianino e di tutti qualli del Correggio disegnati ed intagliati in ramedo Paolo Toschie dalla sua scuola. Parme, 1846.*

⁷¹⁴ Тоски умер не в 1853 году, а 30 июля 1854 года.

⁷¹⁵ Пробный тираж (фр.).

ее государю, что и сделал очень худо. Но г. Готтафави посоветовал мне выставить мою гравюру в лучшем магазине эстампов, на углу *Via Condotti* и *Corso*, у г. Фрецца. Она имела в Риме успех; перед эстампом каждый вечер собиралось много художников, и они удивлялись тому, что я окончил эту огромную работу без посторонней помощи. Было довольно много покупателей, но я не продавал гравюру, кроме нескольких экземпляров, купленных англичанами. Многие из иностранных друзей художников полагали, что этою доскою я составил себе капитал и не буду нуждаться в работе. Вышло иначе: страсть к работе не оставила меня до сегодня, хотя мне минуло уже семьдесят пять лет (1875 г.).

В мае месяце 1850 года я назначил мой отъезд в Петербург. После столь долгого пребывания в чужих краях меня пугала наша строгая таможня; многое я уничтожил, особенно мне жаль было моего журнала, который я вел с пребывания моего в Лондоне в 1833 году почти целых 17 лет. Я осмотрел все галереи, особенно Ватикан, где с таким удовольствием провел время в 1835 и 1836 годах.

Желательно мне было видеть, насколько подвинулась оконченная картина Александра Андреевича Иванова «Первое явление Спасителя народу». Накануне моего отъезда я попросил его показать мне картину, зная, что он никому ее не показывает вот уже три года; я его не беспокоил ранее, но, отъезжая, хотел ее видеть, чтобы сказать о ней тем, кто будет спрашивать. Он обещался. Я пришел в назначенный час, звонил, звонил долго, но ответа не было. Не увидав картины, я так и ушел.

В день моего отъезда утро было чудное. На площади собрались мои товарищи: А.А. Иванов и другие. Расцеловавшись со всеми, я простился с вечным Римом, посетив по пути Флоренцию, Болонью, Венецию и Триест⁷¹⁶. Приехав в Триест, я застал там большой торжественный праздник в честь молодого императора австрийского⁷¹⁷, который посетил его, будучи тогда еще юношей; к приезду его была выстроена временная арка. Во время смут 1848 года ожидали, что Триест присоединится к Италии, но он остался верен Австрии, и город радовался теперь приезду своего императора. На арке была надпись: «*La Fidellissima*» (верный). Я не мог достать комнаты в отеле, но меня свели в частный дом; я не знал, что хозяева евреи. Всю ночь звонили в этой квартире, отворят дверь, пришедший проболтает что-то, тотчас раздастся другой звонок, также пробормочут что-нибудь, это продолжалось до 12 часов ночи, когда настало

⁷¹⁶ Триест – город в области Фриули-Венеция Джулия в Италии, в XIX веке принадлежал Австрии.

⁷¹⁷ Франц Иосиф I (1830–1916), австрийский император, король Богемии, король Венгрии.

время ехать в Вену. Гуляя по роскошной иллюминации, я любовался чистыми стаканами, наполненными белейшим воском; вонь нашей петербургской иллюминации здесь, в Триесте, заменялась ароматным воздухом. В кофейнях я увидел здешних славян и славянок; оклад лица, румянец и одежда у них совершенно русские, только они гораздо чище и самостоятельнее наших. В Вене дрожь брала меня при мысли, что скоро придется переступить нашу границу. Не доехав границы, на последней станции я увидел наших таможенных солдат, или надсмотрщиков. Это тоже здоровый народ, но беднее и грубее одетый, нежели иностранные таможенные служители. Издали я увидел большой желтый дом; мне сказали, что это граница и таможня. Вышли двое или трое таможенных в зеленых сюртуках, с бляхою на левой стороне груди; эти дюжие молодцы, взяв мои чемоданы, все повыбросили из них. Тут был сверток, несколько эстампов, в числе их и оттиск моей гравюры. Увидав сверток, чиновники сказали: «Это пойдет в Петербург на рассмотрение». Я их просил, чтобы они потрудились посмотреть, так как тут моя работа, на которой показал им свою фамилию. Они с терпением рассмотрели эстамп и, увидя мое имя, сходное с означенным в паспорте, учтиво сказали: «Она вам делает честь», – и тотчас начали бережно складывать гравюру, сказав: «Вы можете ее взять с собою».

Великан, стоявший за мною все это время, услышав, что я могу взять с собою сверток, тотчас пошел укладывать выброшенные им из чемодана мои вещи, платье и белье. Этот невежа не обращал ни малейшего внимания на то, что сапоги втискивал в чистое белье и т.п. Я закричал на него, оттолкнул от чемодана и начал сам укладывать. Интересно было слышать разговор чиновников, которые верно были поляки; их заинтересовала моя работа, и один другому сказал: «Русские также начинают работать!».

L.

В Варшаве меня удивило в отеле, что кроме предложения комнаты, путешествующего спрашивают: нужна ли ему постель, за что полагается особая плата. В день Троицы я был еще в дороге; полы комнаты, в которой я остановился, были усеяны луком. Наконец, в чудный день около 3-х часов пополудни я приехал в Петербург; это было в субботу. Я удивился Петербургу, когда из почтамта⁷¹⁸ вышел на улицу. Просто не знал, где я нахожусь. Где был корпус (юнкерская школа у Синего моста), там

⁷¹⁸ Почтамт в Петербурге был построен в 1782–1789 гг. по проекту Н.А. Львова, в 1859–1861 гг. была сооружена висячая арка, соединившая помещения этого учреждения, находившиеся по обе стороны улицы (арх. А.К. Кавос).

стоит дворец принца Лейхтенбергского⁷¹⁹; Синего моста не нахожу; все дома изменили свой фасад, всюду полукруглые окна. Наконец, беру извозчика и приезжаю к Н.И. Уткину. Тот принимает меня как сына, также и сестра его Пелагея Ивановна⁷²⁰ (Марины и Дарьи Ивановны⁷²¹ я не нашел, они скончались). Н.И. Уткин уделил мне комнату, мы выпили чаю, и он предложил мне ехать завтра в Царское Село к сестре моей, Анне Ивановне Савельевой. Проезжая по улицам на вокзал, я не мог узнать Петербурга, он показался мне каким-то красавцем. Прибыв в Царское Село, мы подъехали к дому, занимаемому С.Н. Савельевым⁷²²; спрашиваем: «Дома ли?» – лакей говорит: «Барыня в церкви, а барин в саду».

Николай Иванович Уткин знал уже С.Н. В саду мы нашли его, сидящим в беседке, с длинным чубуком, с блестящими глазами и красным носом. Мы тотчас расцеловались, и мне показалось, что он поклонник Бахуса⁷²³. Немного спустя, вбегает сестра с дочерью Аненькою⁷²⁴ и в слезах бросается меня целовать. Она говорила, что, находясь в церкви, усердно молилась о том, чтобы Бог дал мне счастье в дороге, и она могла бы, наконец, после 20-тилетней разлуки, увидеть меня; она долго не могла успокоиться.

Поблизнавшись, я начал осматривать чудное убранство их квартиры. Мы сели за обед. Вся обстановка изобличала достаток; хорошие вина и, наконец, шампанское довершили наш обед. Разговаривая с сестрою, когда встали из-за стола, я заметил, что мой С.Н. Савельев совсем посоловел. Стало грустно на сердце, видя ангела сестру с таким мужем; будь он добряк, но под влиянием вина всякий перерождается...

После обеда мы поехали в Павловск, прямо на вокзал⁷²⁵. Боже мой, какая разница после тихой Италии! Шум, говор, веселье, везде столы

⁷¹⁹ Имеется в виду Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Школа юнкеров), которая находилась на месте, где ныне – Маринский дворец, построенный в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера специально для вел. кн. Марии Николаевны, супруги герцога Максимилиана Лейхтенбергского. В 1842–1844 гг. Синий мост был значительно расширен и стал частью Исаакиевской площади.

⁷²⁰ Уткина Пелагея Ивановна (? – ок. 1856), сестра Н.И. Уткина.

⁷²¹ Савельева (урожденная Уткина) Дарья Ивановна (?–?), сестра Н.И. Уткина.

⁷²² Савельев Сергей Н. (?–?), подполковник, супруг А.И. Савельевой (Иордан).

⁷²³ Бахус – в античной мифологии бог вина и виноделия.

⁷²⁴ Савельева Анна Сергеевна (?–?), племянница Ф.И. Иордана.

⁷²⁵ Рядом с Павловским вокзалом было построено по проекту А.И. Штакеншнейдера в 1838 году концертно-развлекательное сооружение, где выступали ведущие отечественные и зарубежные артисты, музыканты – И. Штраус, Л. Собинов, Ф. Шаляпин и другие.

украшены и заставлены стаканчиками с мороженым, кофейничками, бутылками с вином и пивом, и над этим хаосом царит веселая музыка. Это очень поразило меня.

Оставя некогда мой родной городок Павловск со скромными домиками и скромными жителями, нахожу теперь роскошные дома, твердое шоссе вместо пыльных улиц; но, несмотря на все перемены, он мне показался все тем же милым, привлекательным городом; по всем улицам у домов сохранились деревья с распустившеюся зеленью. Тот же сад с столетними дубами и липами!

В вокзале встретил графа М. Виельгорского⁷²⁶. Он, казалось, был рад видеть меня, познакомившись со мною еще в Риме. Тут же, в вокзале, познакомил меня мой профессор Уткин с Н.И. Гречем. С.Н. Савельев в вокзале еще более подвыпил, как говорится, совсем был готов. Затем мы начали думать о возвращении в город. Мы с сестрою порешили, что мы будем часто видеться; когда же я заговорил об ее муже, то она сказала: «Он редкий человек, но друзья его сгубили, пользуясь его добротою и деньгами; он многих благодетельствовал».

Получив отличную работу, постройку для полка казарм, которая по словам его начальника г. Биппена могла его сделать человеком вполне обеспеченным, мой зять имел неприятность из-за доски на престоле полковой церкви – будучи сырая, она лопнула; он подлежал за это ответственности, но дело кончилось тем, что ему дали чин подполковника с перемещением из Царского Села в Кременчуг Полтавской губернии. Это перемещение крайне меня опечалило, ибо разлучало меня с искренно любимую мною сестрою Анною Ивановною, с которою я только что свиделся после 20-тилетнего моего отсутствия и должен вновь расстаться. Я восхищался отличным хозяйством сестры, всюду видно было изобилие; у них был хороший экипаж, довольно много прислуги, которая содержалась весьма опрятно. Часто старался я бывать у них и всякий раз был опечален, когда приходилось видеть доброго моего родственника Сергея Н. Савельева не в своем виде. Все, знавшие мою сестру, любили ее и все знали, с каким нетерпением она ожидала моего возвращения, но, по воле судьбы, приехавши из Италии в конце мая, в начале июля, именно, в день Казанской Божьей Матери⁷²⁷, мне пришлось с нею проститься и даже навсегда, ибо в 1855 году ее не стало: она скончалась в Кременчуге от холеры.

⁷²⁶ Вероятно, Виельгорский Матвей Юрьевич (1794–1866), граф, музыкант-виолончелист, композитор, один из учредителей русского музыкального общества.

⁷²⁷ День Казанской Божьей Матери отмечается 4 ноября по новому стилю.

Между тем, прибыли мои оттиски «Преображения» из Рима. Все дела (в области русского искусства) зависели в то время от доброго слова князя П.М. Волконского, и когда я явился к нему, то сразу мог заметить его нерасположение ко мне. Мой поступок с ним меня не оправдывал; помоему неведению я не был в Риме к нему довольно почтителен, не зная, какою он пользовался силою при дворе. Он принял меня холодно, велел привезти оттиск в Петергоф и выставить в тамошнем дворце. Пришлось выставить его в сильно освещенной зале, среди картин и золота, которые совершенно убивали гравюру; она казалась ничтожною, несмотря на ее величину, заслужившую одобрение всюду, и несмотря на положенный на нее долголетний труд. Видя мою работу среди окружающего богатства, мне было совестно смотреть на нее.

Государь Николай Павлович явился, и князь П.М. Волконский не дозволил мне даже присутствовать при представлении. Я слышал издали громкий голос монарха, по уходе которого узнал, что он нашел работу мою очень крупною, что не удивило меня, припоминая его суждения об искусстве в Риме.

Всякий может представить, что было у меня на сердце после тех ожиданий, которыми утешали меня знатоки и любители искусства, особенно те, которые были свидетелями этого трудного и, можно сказать, необыкновенного по величине своей подвига. В эту минуту я был совершенно убит и даже хотел посягнуть на свою жизнь: возвращаясь на пароходе, я хотел броситься с палубы под колеса парохода. Однако Провидение не оставило меня, и я не знаю, как излить мою благодарность к Его неисповедимой милости и благодати.

Находясь у Н.И. Уткина, я разыскал старого моего друга А.М. Горайнова⁷²⁸. В доме у его родителя Мих. Ал.⁷²⁹ и у его родственников и знакомых я проводил весело дни моей первой молодости. Несмотря на 20-тилетнюю разлуку, та же любовь и дружба соединила нас, и всех братьев Горайновых я нашел уже женатыми людьми и некоторых семейными.

Искренняя дружба связывала меня с Александром Михайловичем до его кончины; дружески относилась ко мне и его милая жена Александра Дионисиевна⁷³⁰, замечательно красивая и добрая женщина, которой не суждено было дожить до старости. Она скончалась 14-го августа 1854 г. в молодых годах, получив от многих неприятностей чахотку. Чрез

⁷²⁸ Горайнов Александр Михайлович (1808–1871), царскосельский купец.

⁷²⁹ Горайнов Михаил Алексеевич (1766–1833), отец А.М. Горайнова.

⁷³⁰ Точнее, Горайнова Александра Даниловна (1823–1854), супруга А.М. Горайнова.

А.М. Горяйнова я снискал дружбу искренне любимого мною дома гг. Плешановых, двух братьев – Н.Ф. Плешанова⁷³¹ и достойного нашего профессора П.Ф. Плешанова⁷³². Они были моими друзьями в то время, когда они жили в богатстве и довольстве, но и превратности судьбы несколько не изменили их доброты и привязанности ко мне; потеряв все свое состояние вследствие неудачных коммерческих операций, они, как истинные христиане, живут теперь (1875 г.), более счастливые среди своей скромной обстановки, нежели в былое время среди блеска и богатства.

По приезде моем в Петербург, живя у Н.И. Уткина, как бывший пенсионер академии художеств, я представил совету академии мой оттиск «Преображения» на его благоусмотрение и получил от совета за мой труд звание профессора.

В.И. Григорович как конференц-секретарь Академии, просил меня, по желанию совета, заняться первое время в Петербурге гравированием для академии диплома, даваемого избираемым академией ее почетным членам; до того времени диплом этот был самый простой. Не имея какой-либо иной работы, я согласился взять этот заказ, тем более, что имел намерение пожить летнее время в Павловске в семействе гг. Бесценных⁷³³ на половинных с ними издержках по найму квартиры, поэтому деньги и были мне нужны.

Живя в Павловске, я прилежно работал днем, вечером же слушал музыку в вокзале и гулял в тенистом парке. После этой работы я получил от академии большой заказ: сделать рисунок и выгравировать весьма известную некогда картину А.Е. Егорова «Бичевание Спасителя»⁷³⁴.

В это время мой добрый Н.И. Уткин познакомил меня с семейством П.А. Плетнева⁷³⁵. Отправляясь в этот всеми уважаемый дом, мог ли я предполагать, что его семейство будет источником моего будущего счастья? Входим; при первом знакомстве с П.А. Плетневым, которого я совсем не знал, я был поражен простотою его обращения, какое часто встречаешь в чужих краях, знакомясь с именитыми учеными или художника-

ми. Не прошло и часа, как я был влюблен в этого именитого мужа. Когда же явилась его супруга⁷³⁶, когда я увидел ее улыбку, живой блеск ее глаз, ее очаровательную манеру говорить и рассказывать, то я был совершенно побежден. Эти глазки, опущенные соболями ресницами и бровями, приводили меня в трепет. Прошло немного времени в беседе, но под влиянием их доброты мне казалось, что я был знаком с ними уже несколько лет. Затем, по обычному в России гостеприимству, нас пригласили откусать чай. Вхожу в столовую, очарованный столь неожиданным знакомством, и вижу двух милых девиц в полном цвете лет, дышащих здоровьем и прелестных, как майский день. Едва слышным голоском они приветствовали меня, делая маленький реверанс. Когда добрые хозяева пригласили Н.И. Уткина и меня к столу словами: «Прошу садиться», – тогда только эти милые девушки подняли на нас глаза и взглянули на меня. Боже мой, что я чувствовал!

Мне казалось, что я, подобно холодному куску извести, который закипает, будучи брошен в воду, весь кипел внутри, стараясь казаться хладнокровным. Старшая из двух сестриц, которой очаровательная М-те Плетнева представила меня, дышала здоровьем, и во всей ее фигуре было что-то решительное. Я не мог, как художник, не рисовать ее в своем воображении...

Другая сестрица, на вид моложе первой, была какою-то детски-откровенною и начала осторожно, как будто издали, расспрашивать о моем вояже. Но меня неотразимо привлекала старшая. В младшей все было еще так молодо, а старшая, при всей ее красоте, казалась девицею уже вполне созревшей; мог ли я в то время думать, что это прелестное создание будет моею подругою в жизни. Вся обстановка дома, доброта хозяев и прелесть невинных двух сестриц – все приводило меня в какой-то неописанный восторг, и хотя я едва успел с ними познакомиться, но когда мы вновь перешли в зал, я не помнил себя и с жаром начал описывать жизнь в Италии, восхищаясь в то же время моими прелестными слушательницами, так мило воспитанными, которые с участием слушали каждое слово моего рассказа. Время было уже позднее и как ни было жаль, но следовало проститься. Выйдя на улицу, я сердечно благодарил Н.И. за столь приятное знакомство; я был в восторге от их милой обстановки, от доброго П.А. Плетнева, от его жены и от ее двух сестриц, из которых старшая, говорил я моему старичку, совершенная «Таня Пушки-

⁷³¹ Плешанов Николай Федорович (?–1880), брат П.Ф. Плешанова.

⁷³² Плешанов Павел Федорович (1829–1882), живописец, профессор ИАХ, с 1878 года помощник заведующего мозаичным отделением ИАХ, автор портретов и работ на исторические темы.

⁷³³ Бесценные – семья русских предпринимателей, знакомых Ф.И. Иордана.

⁷³⁴ Гравюра с оригинала А.Е. Егорова «Истязание Спасителя» (1814) была окончена Ф.И. Иорданом в 1867 году, известна также гравюра Ф. Вендрамини, выполненная с этой картины.

⁷³⁵ Плетнев Петр Александрович (1792–1866), русский писатель, ректор Петербургского университета, редактор и издатель журнала «Современник».

⁷³⁶ Плетнева Александра Васильевна (урожденная Щетинина-Ростовская) (1826–1901), супруга П.А. Плетнева, была знакома с Ф. Тютчевым, который ей посвятил стихотворение.

кина»⁷³⁷. Сбросив с себя брентную одежду и улегшись на диван, я долго ворочался во все стороны, пока Морфей⁷³⁸ не сомкнул моих глаз.

Картину Егорова перенесли на квартиру Н.И. Уткина, и я занялся рисунком, который взял довольно много времени. Я познакомился в это время с редким любителем гравюр москвичом Дмитрием Александровичем Ровинским⁷³⁹, который был моим благодетелем, устроив продажу моего рисунка г. Лихачеву⁷⁴⁰, обладавшему в Москве отличным собранием гравюр. Лихачев уступил мой рисунок «Преображение» московской школе живописи и ваяния, где она находится по сей час (1875 г.).

Забыл сказать, что в 1851 году я посетил в первый раз Москву, желая повидаться с другом моими Рихтером, и уже собрался обратно в Петербург, как вдруг приходит к Рихтеру Мих. Петр. Погодин⁷⁴¹ и просит меня повременить два или три дня, так как москвичи желают дать Айвазовскому и мне обед⁷⁴². И что за торжественный был дан обед! Нас встретили с музыкою, всюду стояли цветы, обед был роскошный и сопровождался обильными тостами; многие из гостей подписались на мой эстамп. Одним словом, я ожил. В Москве я встретил также радужное хлебосольство у г. Лорис-Меликова⁷⁴³ и возвратился в Петербург – тронутый почестями и московским хлебосольством. Особенно почтил меня известный М.П. Погодин, подробно описав в брошюре все происходившее на обеде в школе живописи и ваяния⁷⁴⁴. Этот обед послужил мне лучшею наградою за долготелный труд мой.

⁷³⁷ Имеется в виду Татьяна Ларина – героиня романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

⁷³⁸ Морфей – бог сновидений в мифологии древней Греции.

⁷³⁹ Ровинский Дмитрий Александрович (1824–1895), сенатор, историк искусств, составитель капитальных трудов по русской гравюре, коллекционер, почетный член ИАХ.

⁷⁴⁰ Лихачев Андрей Федорович (1832–1890), нумизмат, археолог, коллекционер произведений изобразительного искусства, в 1895 году на основе его коллекции в Казани был открыт «Музей Лихачева», просуществовавший до 1919 года.

⁷⁴¹ Погодин Михаил Петрович (1800–1875), писатель, историк, журналист, академик Петербургской АН.

⁷⁴² Более подробно см.: Погодин М.П. Обед в честь Айвазовского и Иордана 1851 года, 19 марта в Москве в художественном классе [Училища живописи и ваяния]. – [М., 1851]. – 14 с.

⁷⁴³ Лорис-Меликов Михаил Таризлович (1825–1888), государственный деятель, член Госсовета, генерал-адъютант.

⁷⁴⁴ Имеется в виду Московское училище живописи, ваяния и зодчества, в то время – Училище живописи и ваяния Московского художественного общества, затем на его базе возникли Московский художественный институт имени В.И. Сурикова и Московский архитектурный институт.

С удовольствием вспоминаю я также, что в Петергофе при представлении моей гравюры государю Николаю Павловичу я увидел в первый раз обер-гофмейстера, графа А.П. Шувалова⁷⁴⁵. Он, должно быть, оценил мой труд и удивлялся хладнокровию государя. Шувалов сказал мне: «Если пожелаете вступить на службу в Эрмитаж, то место для вас готово!». Я поблагодарил его, сказав, что вновь предполагаю ехать в Италию.

Пробыв в Петербурге почти два года, я окончил рисунок «Бичевание Спасителя» и начал гравировать. Условия были следующие: шесть лет пенсионерское содержание и сто оттисков в мою пользу.

LI.

Настал новый, 1853 год, и в конце февраля месяца, не имея в виду никакой работы, я решился просить позволения ехать вновь в Италию. В те времена было трудно получить это разрешение, так как император Николай Павлович не любил празднующихся. Однако я получил позволение уехать за границу и 13-го марта отправился во Флоренцию. Дорогою я вспомнил те приятные минуты, которые я проводил у А.П. Брюллова на его превосходной даче в Павловске⁷⁴⁶. Однажды он устроил прелестный вечер: на 10-е июня, когда бывает самая короткая ночь, в час ночи подали ужин. После ужина мы легли отдохнуть, в два часа утра встали и поднялись на выстроенную на даче Брюллова башню и там с часами на руках ожидали восхода солнца, которое в назначенный час осветило верхушки башен, колоколен, деревьев и пр.; а птички своим щебетаньем как будто воссылали к небу утреннюю молитву. Затем солнце явилось в полном блеске. Эта приятная ночь, проведенная у А.П. Брюллова, осталась у меня на долгое время в памяти. Много приятных дней и вечеров провел я в этом семействе. Его гостеприимство было, можно сказать, образцовое. Бывало, сядем в 5 часов за стол в прекрасно устроенной в саду столовой и просидим до 11 часов ночи; время проходило незаметно среди веселых и шумных разговоров. Не менее приятно проводил я у них время и в городе.

По смерти старшего брата Карла, А.П. Брюллов наследовал от него большое состояние. У Брюлловых был еще старший брат Федор Брюл-

⁷⁴⁵ Шувалов Андрей Петрович (1802–1873), граф, обер-гофмаршал, член Госсовета.

⁷⁴⁶ Проект собственной дачи в Павловске А.П. Брюллов разработал самостоятельно в 1837 году (по плану к двухэтажному зданию была пристроена четырехэтажная башня), в 1839 году ее строительство было завершено.

ло (настоящая фамилия их отца была Брюлло⁷⁴⁷, но общество поощрения русских художников переименовало эту иностранную фамилию на русскую, прибавив к слову Брюлло две буквы «в», и обоих братьев стали звать Брюлловы), он также рассчитывал получить свою долю наследства, но оказалось, что он как сын от первой жены не мог претендовать на наследство. Александр и Иван (умерший еще будучи учеником в Академии) Брюлловы были от одной матери с покойным Карлом Брюлловым и потому были его прямыми и законными наследниками. Говорят, что у Карла Павловича Брюллова осталось одними деньгами до 100 тыс. рублей, кроме вещей, картин и рисунков. Эти 100 тысяч он носил на шее в мешочке. Когда с ним случился припадок аневризма, зная, что если пустить кровь, то он будет спасен, Брюллов все время показывал на руку, желая, чтобы ему открыли кровь. Он был в это время на даче у друга своего римлянина, хозяина не было дома, и присутствующие не могли понять, что Брюллов хотел сказать, и он скончался. Брат Александр поставил ему на Monte Testaccio приличный памятник работы Щурупова.

Все остальные вечера я проводил у А.М. Горяинова, играя до позднего вечера в самую невинную игру – мушку⁷⁴⁸.

При отъезде моем за границу меня проводили мой профессор Н.И. Уткин и А.М. Горяинов. Я выехал в почтовой бричке на полозьях, снега было еще довольно; нас пугали, что на половине дороги до Варшавы мы уже не увидим более снега, но почтамт распорядился отпустить бричку на полозьях. Со мною ехал пожилых лет француз, бывший гувернер, вдовец, оставивший единственную свою дочь в Анненской школе⁷⁴⁹. Он боготворил Наполеона III⁷⁵⁰ и удивлялся, что в России ему не симпатизируют, насмеваются над ним и даже осуждают его за его варварский *coup d'état*⁷⁵¹. По мере того, как мы отъезжали от Петербурга, снега становилось все меньше и меньше, наконец, бедные лошади с большим трудом дотащили нашу бричку до станции. Тут нашли мы бездну ямщиков на большом дворе; все они в один голос говорили, что далее на по-

⁷⁴⁷ Брюлло Павел Иванович (1760–1833), резчик по дереву, академик ИАХ, отец К.П. Брюллова.

⁷⁴⁸ Мушка – вид карточный игры.

⁷⁴⁹ Имеется в виду Анненшule (Училище Святой Анны), основанное в 1736 году для детей немцев, живших в Петербурге, оно имело два отделения мужское и женское, с 1852 года получило статус гимназии, дававший право его воспитанникам поступать в университет.

⁷⁵⁰ Наполеон III Бонапарт (Шарль Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873), президент Французской республики (1848–1852), император Франции (1852–1870).

⁷⁵¹ *Coup d'état* (фр.) – государственный переворот.

лозьях ехать нельзя. Я говорю нашему кондуктору: «Отыщи почтовый бриг на почтовом дворе». Он пошел и, возвратясь, к ужасу моему говорит, что ни одной почтовой кареты нет, а придется ехать в открытой телеге. Я начал шуметь и уверять, что я заплатил за карету и в телеге не поеду. Во время двухлетнего моего пребывания в Петербурге я шубою не обзавелся, предполагая скоро уехать в Италию, а сшил себе на зиму огромное из толстого драпа пальто с пудовою ватною подкладкою, которое как я, так и друзья мои прозвали «чуланом», и эту непомерную тяжесть я носил две зимы. Уезжая из Петербурга, я подарил это пальто и остался с итальянскою шинелью синего цвета, которой, как я предполагал, достаточно в дороге, уезжая в теплый климат и зная, что до Варшавы буду ехать в закрытой карете. Теперь же, в пронизывающую холодную погоду я должен был сесть в открытую со всех сторон телегу! У моего француза была поношенная шуба, я же в своей холодной шинели продрог, стоя на открытом воздухе только пока запрягали лошадей. Делать нечего, я выпил хорошую рюмку водки и сел, обрекая себя на всякого рода недуги.

По дороге не было ни снежинки. Мою шинель я ворочал во все стороны и согревался на всякой станции водкою. Француз хотя бы слово высказал сожаления, закутанный в свой плешивый енот, и молчал. Так проехали мы всю ночь и к 10-ти часам утра увидели вдали брошенный бриг на колесах. Я тотчас обратился с радостным вопросом к кондуктору: «Не можем ли мы взять его?». – «Это наш бриг», – был ответ. Я благодарил Бога, что моим испытаниям настал конец. Подъехав к сараю, кондуктор выпряг лошадей, изготовил брошенный бриг, и мы уехали вновь с теми удобствами, которые имели при отъезде из Петербурга. Меня удивили эти патриархальные порядки, этот сарай, в котором стоят брошенные экипажи. Никакого сторожа при нем не было, мы подъехали, взяли бриг, а свой бросили, не беспокоясь о том, что его могут оборвать или украсть колеса и т.п. Признаюсь, мне показалось, что я не в Европе, а в степях Азии или Африки, где редко можно встретить человека; здесь же, в Европе, между двумя столицами, Петербургом и Варшавою, экипажи валялись под открытым небом! Благодаря Бога, я приехал в Варшаву без всяких недугов.

Все путешествие до самой Флоренции было несносно по причине дождя и холода. Я остановился во Флоренции, так как Рим я уже изучил хорошо, проживши в нем целых 15 лет; печатника моего Буяни в Риме уже не было, Флоренцию же, этот прелестный город – столицу Тосканского герцогства, я знал мало, к тому же там находилась хорошая печатная с печатным мастером из Парижа французом г. Парисом.

Во Флоренции я застал также холод и дождливую погоду. На первое время я остановился в скромном отеле возле Pallazzo Vecchio (палаццо Веккьо)⁷⁵², затем начал искать себе квартиру где-нибудь на площади с хорошим светом. Войдя на площадь Santa Maria Novella⁷⁵³, я рассматривал писанные объявления об отдающихся квартирах; подхожу к одному дому, очень высокому, читаю объявление; в это время приблизился ко мне старичок, скромно одетый, и спрашивает: «Вы ищете квартиру? Если желаете иметь здоровую, светлую и веселую квартиру, я вам сейчас покажу в этом доме, где хозяин отличный человек».

Услышав эту рекомендацию, я подумал: «Боже мой, да это все, чего я желаю. Пойдемте!». Старичок, поднимаясь по лестнице, говорил, что воздух в нижних этажах во Флоренции вреден, что эта площадь лучшая в городе, и что если я прилежен и мне дорого время, то в этом доме я все найду. Мы все идем, идем, конца не вижу. Меня интересовал разговор старичка, так что я неприменно очутился у дверей. Он позвонил, мы вошли в прекрасную квартиру, устланную коврами; стены были увешаны литографиями, изображавшими войны греков с турками; опрятная мебель, высокая постель, чудный вид из окна — все мне понравилось. Я был поражен. Мне казалось, что я в Англии. Является хозяин в парике, говорит со мною изысканным итальянским языком. Вижу, что он священник, значит без жены и детей, думаю, чего же лучше — и цена оказывается подходящая. Не торгуясь, нанимаю квартиру, но вдруг вспоминаю о моем вонючем чемодане, несколько недель тому назад купленном на Апраксином рынке; так как он не успел еще выдохнуться дорогою, во всех отелях по его запаху узнавали, что я русский. Видя столь опрятную и даже роскошную квартиру, я заявил хозяину об этом недостатке моего чемодана. Он с улыбкою отвечал, что запах русской кожи здоров и многими любим. «Впрочем, — говорит он, — теперь я пойду в церковь служить обедню, которая у нас длится недолго. Вы пойдете со мною. Пока я буду совершать ее, вы можете осмотреть богатства церкви, затем вы меня проводите в ваш отель, и я посмотрю насколько силен запах вашего чемодана».

Он оделся, я же восхищался видом из окна, затем мы спустились в церковь Santa Maria Novella. Войдя в эту сокровищницу изящных искусств эпохи Возрождения, я восхищался всем виденным мною. Мой

⁷⁵² Палаццо Веккьо — известный памятник итальянской архитектуры XIII века, в XIII–XVII вв. служил резиденцией правительства Флоренции.

⁷⁵³ Церковь Санта Мария Новелла во Флоренции создана в XIII–XV вв., в ее строительстве и в оформлении принимали участие Л.Б. Альберти, Д. Вазари, П. Уччелло и др.

же хозяин, Дон Гаetano, облекшись в священнические одежды, стоял уже у алтаря и не спускал с меня глаз, боясь, чтобы я не ушел как-нибудь, ибо я порешил с наймом его квартиры очень скоро. Его мальчик-прислужник во время службы звонил, а он, совершая св. тайны, все рассматривал на меня, почему я старался быть недалеко от него. Он кончил свою обедню, можно сказать, молодецки, через 5 минут явился ко мне в своем черном платье с тросточкою в руке и веселый пошел со мною в отель; войдя, он начал нюхать чемодан и восхищаться запахом, утешая меня тем, что хотя его квартира и здоровая, но с моим чемоданом она будет еще здоровее. Видя, что дело пошло на лад, мы условились, и в этот же вечер я переехал к нему и ночевал уже на новоселье. Устроив все как следует и прикрепив мою доску «Бичевание Спасителя» к пюпитру, я начал заниматься. Меня одно пугало: спальня моя находилась поблизости от колокольни церкви Santa Maria Novella, а при ней был монастырь доминиканцев, в котором совершалась в два часа утра ночная служба со звоном; впрочем, этот звон будил меня только первые дни, но затем я успокоился, так как я спал так хорошо, что перестал даже слышать колокол. Меня беспокоила еще неимоверная высота моей квартиры; при спуске завтракать и обедать и при подъеме домой у меня захватывало дыхание. После двух-трех недель моего пребывания в этой поднебесной квартире я привык и к этому.

После ежедневных прогулок в Cascini (Касшини) я проводил вечернее время в кофейной, где сходились все профессора флорентийской академии. Признаюсь, в два года моего пребывания во Флоренции я не пропускал ни одного вечера, чтобы не быть в среде их. Сюда заходил иной раз В.В. Стасов⁷⁵⁴, служивший тогда секретарем у Анатолия Николаевича Демидова⁷⁵⁵; он всегда рассказывал нам что-нибудь на русском языке с таким криком, что все удивлялись его крепкой груди. Владимиру Васильевичу Стасову я останусь навсегда истинно благодарным за те приятные минуты, которые я провел в его обществе. Он познакомил меня с Демидовым, у которого я раза два обедал; изысканность его лукулловских обедов⁷⁵⁶ изумляла меня. Сам же Анатолий Николаевич Демидов

⁷⁵⁴ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906), известный историк искусства, художественный критик, археолог.

⁷⁵⁵ Демидов Анатолий Николаевич (1812–1870), князь Сан-Дonato, русский благотворитель, жертвовал значительные суммы на богоугодные заведения, на научные экспедиции, в Петербурге основал «Демидовский дом призрения трудящихся».

⁷⁵⁶ Лукулловский обед — словесное выражение, связанное с Лукуллом (род. в II в. до н. э.), римским военачальником, его богатство и роскошный образ жизни вошли в поговорку.

ничего не ел, но всякое блюдо подносимо было ему для пробы. У него жила в то время и заведовала хозяйством какая-то благородная австрийка, и к столу всегда являлось несколько австрийских офицеров, которыми я восхищался, как скромными молодыми людьми.

Однажды был назначен у А.Н. Демидова бал-маскарад. Эта весть разнеслась по всей Флоренции; зная роскошь и хлебосольство русского богача, все усердно готовились к балу. В.В. Стасов, не зная какой избрать костюм, решил одеться рыцарем в самые тяжеловесные латы, которые находились в собрании военных доспехов Демидова. Получив чрез В.В. приглашение на этот бал, я явился к нему в черной паре, чтобы взглянуть на него, заcostюмированного в латы, и ужаснулся их весу. Когда эту тяжесть одели на него, он едва мог поворотиться, ему было трудно сесть или встать. Мне казалось очень странным, что человек ради приятного препровождения времени подвергал себя такому ужасному испытанию. Все, видевшие его, сожалели этого добровольного мученика, который вместо легких картонных лат, употребляемых обыкновенно в театрах и маскарадах, изнемогает под тяжестью железа и стали. Спустя короткое время он уехал с бала или разделся – не знаю, я потерял его из вида.

Роскошные брильянты блестели во всех концах залы. На первом плане блистала графиня Воронцова-Дашкова⁷⁵⁷ и ее дочь⁷⁵⁸, вышедшая впоследствии замуж за князя Паскевича⁷⁵⁹. Во время бала разнесся слух, что русские войска перешли Дунай и приблизились к Силистрии⁷⁶⁰; это означало объявление войны. Анатолий Ник. Демидов при этом высказал, что Россия проиграет и будет побеждена, что и оправдалось в 1855 г.⁷⁶¹

Угощение, музыка и гости соответствовали богатству и вкусу нашего богача. Демидов всеми мерами старался походить на Петра I-го⁷⁶², полагая, что он некоторым образом происходит от него, так как прапраба-

⁷⁵⁷ Воронцова-Дашкова (урожденная Нарышкина) Александра Кирилловна (1818–1856), мать И.И. Паскевича.

⁷⁵⁸ Паскевич (Воронцова-Дашкова) Ирина Ивановна (1835–1925), супруга Ф.И. Паскевича.

⁷⁵⁹ Паскевич Федор Иванович (1823–1903), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, князь Варшавский, граф Эриванский, один из авторов крестьянской реформы 1861 года.

⁷⁶⁰ Силистрия – город и порт на северо-востоке Болгарии.

⁷⁶¹ Крымская война (1853–1856) происходила между Россией и Британией, Францией, Османской империей, состояние вооружения русских войск и неудачные действия русского командования с первого этапа войны поставили нашу армию под угрозу поражения, что, собственно, и произошло.

⁷⁶² Петр I (1672–1725), российский император.

бушка Демидова⁷⁶³, угощая великого императора водочкою, пользовалась его вниманием. Демидов одевался и чесался в *la Pierre le Grand*⁷⁶⁴.

Я довольно поздно вернулся с бала домой. Живя и занимаясь у Дона Гаетано, я был совершенно счастлив: свет для моих занятий был отличный, воздух на этой баснословной высоте был здоровый, отличная обстановка приводила меня в восхищение; кроме того, мой хозяин был философ. Я занялся также моею доскою «Преображение», которую мне необходимо было печатать, и условился с французским печатником г. – Парисом. Он отпечатал очень порядочно одну сотню оттисков, затем приискал мне словорезца, который, не зная русского языка и работая у меня на квартире, по присланной мне Н.И. Уткиным печатной азбуке подрезал очень хорошо, разве несколько черنو.

Меня посетили во Флоренции мои собраты художники и архитекторы Н.Ф. Брюлло⁷⁶⁵, Р.А. Гедике⁷⁶⁶ и другие и они дали мне при отъезде дружеский обед. Я отыскал здесь старого моего друга г. Боссе, с которым мы виделись в Париже и в Лондоне. Старичок Боссе жил с своею старушкою женою и с дочерью. Во время моих частных вечерних бесед с его семейством он всегда выхвалял своего сына Гарольда, известного нашего архитектора, украсившего Петербург отличными зданиями и построившего, между прочим, дачу в.к. Михаила Николаевича⁷⁶⁷.

Как скоро моя доска была подрезана, г. Парис отпечатал мне еще одну сотню оттисков. Итак, с доски «Преображения» было отпечатано всего 400 экзмп. Затем явилась фотография, гравюра упала в цене, и спустя много лет я продал ее нашей академии за 2000 руб.⁷⁶⁸ Цена дешевая до смешного, но лучше же ей быть в Академии, нежели, Бог весть, в каких руках.

В Иванов день⁷⁶⁹, день праздника города Флоренции, на моей площадке «*Santa Maria Novella*» устраивались по принятому издревле обычаю

⁷⁶³ Вероятно, имеется в виду Демидова (урожденная Коробкова) Авдотья Тарасовна (16?–1728), первая супруга горнозаводчика А.Н. Демидова.

⁷⁶⁴ Петр Великий (фр.).

⁷⁶⁵ Брюлло Николай Федорович (1826–1885), архитектор, профессор ИАХ.

⁷⁶⁶ Гедике Роберт Андреевич (1829–1910), архитектор, профессор ИАХ, ректор архитектуры ИАХ.

⁷⁶⁷ По первоначальному проекту А.И. Штакеншнейдера (1850 г.) Г. Боссе и И. Шарлемань в 1857–1862 гг. построили на Петергофской дороге дворец вел. кн. Михаила Николаевича, получивший затем название «Михайловская дача».

⁷⁶⁸ В 1871 году ИАХ приобрела гравированную доску Ф.И. Иордана «Преображение Господне». (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 28-и. Л. 59, 62).

⁷⁶⁹ Иванов день отмечается 23 июня, до 1770 года был официальным праздником в России.

ристалища на колесницах самой чопорной работы и рисунка; они напоминали древние римские ристалища. В этот день собирались ко мне гости, наши земляки, в том числе и мой старичок Боссе, который говаривал каждый раз: «Идти на Везувий высоко, к вам же подняться еще выше, вы живете на такой высоте с намерением избавиться от посетителей!». Я же отвечал: «Живу на этой высоте потому, что хорошо живется: тут светло и здорово».

Во Флоренции все были заняты магнетизмом, о нем рассказывали чудеса. Главный магнетизер был богатый адвокат г. Пеллегрини. Говорили, что он не только вылечивает, но даже делает подарки выздоровевшим. Тайная обстановка магнетизера и его щедрые подарки исцелившимся от его манипуляций меня крайне заинтересовали. Говорили вообще, что г. адвокат берется лечить магнетизмом только тех лиц, к которым чувствует симпатию, без чего ему трудно получить успех.

Возвратившись однажды поздно вечером из театра, я слышу в нашей квартире ужасный голос, как будто кого-то душат. Узнаю от хозяина, что у нашей прислуги сделался припадок весьма распространенной во Флоренции болезни, при которой в горле делаются спазмы; страшно бывает взглянуть на такую больную: лицо у ней становится сине-багровым. Мне было очень жаль нашу прислугу и я просил хозяина уговорить гипнотизера Пеллегрини, не возьмется ли он ее вылечить. Signor Гаetano сообщил мне, что Пеллегрини лечит одну даму, живущую в нашем доме в первом этаже, что он зайдет к больной и попросит отрекомендовать его магнетизеру. Г-н Пеллегрини согласился исполнить просьбу моего хозяина, позвал нашу прислугу, расспросил о болезни, долго всматривался в ее черты и согласился начать свои манипуляции чрез три дня. К назначенному дню к 5-ти час. вечера были приготовлены два кресла, одно против другого. Я душевно радовался случаю увидеть чудотворную силу магнетизма, под влиянием которого человек может сделаться врачом, начинает прописывать себе лекарства, отыскивает даже аптеки и те полки, на которых стоят должные склянки с лекарством, безграмотные делаются грамотными, и нет вещи, которой усыпленная личность не могла бы указать или разъяснить.

В назначенный день и час явился наш чудотворец, магнетизер, г. Пеллегрини, мужчина довольно пожилой, дородный, с здоровым румяным лицом; он был благопристойно одет, а пальцы его были унизаны богатыми кольцами и перстнями, по обычаю итальянцев. Все мы смотрели на него, как на чудотворца, он же с довольно веселым лицом и самоуверенностью смотрел на свою жертву, которая, выздоровев, увеличит его славу. Он сел против нее, так что их колена упирались одно в другое, и

начал водить руками перед нею от головы до колен; это продолжалось минут с десять. Затем он открыл ее глаза и, будто не видя зрачков, объявил, что она спит, и что можно кричать, хлопать дверьми, она ничего не услышит. На втором, третьем сеансе больная могла уже сказать, сколько времени ей необходимо будет для излечения, затем она начала ходить за ним всюду, куда он шел, узнавать карты, узнала свою болезнь, сказав, что у нее имеется какой-то червячок, который ее душит, и что он выйдет в такой-то день и проч.

Я заподозрил, что тут кроется обман, что все, что ей дают угадывать, говорится вслух, и что она не спит и не спала. Я решился высказать мое сомнение хозяину дону Гаetano. Он удивился моему подозрению, находя все виденное непроницаемою тайною магнетизма. Я упрасивал его согласиться со мною и, обещая хороший подарок женщине, просить ее признаться в обмане. После долгих увещаний и при виде нескольких франческанов (1 р. 75 к.) она призналась, наконец, что никогда не спала; червячка же она сделала из хлеба, а угадывала то, что ее спрашивали, потому, что задачи и отгадки говорились вслух. Мой хозяин растерялся и удивлялся моей проницательности.

По предсказанию больной магнетизеру оставалось еще проделать над нею десять сеансов с манипуляциями. В день открытия нам своего обмана девушка сказала г. Пеллегрини, что она здорова и завтра будет спать в последний раз. Магнетизер, не зная, что мы поняли его надувательство, был восхищен тем, что мог так скоро восстановить ее здоровье, и долго толковал о случающихся ежедневно чудесах от манипуляций его учеников. Мы слушали и молчали. Наша больная с утра твердила: «Сегодня вечером я дам дураку почувствовать, что его магнетизм и лечение — обман». И точно, вечером, когда начался сеанс, на обычный вопрос магнетизера: «Спишь?», — больная отвечает: «Нет», и наша прислуга, желая открыть обман, давала ясный и положительный ответ: «Нет, не сплю». Это его бесило, он выходил из себя, работал до пота лица своими руками, производя манипуляции и спрашивая: «Спишь ли?». Но получал все один и тот же ответ: «Не сплю». Увидав, что обман открыт, он вскочил с своего места, бросил кресла и ушел.

То же было и с другою деревенскою девушкою, прислугою ученика г. Пеллигрини, также адвоката. Он производил над нею свои испытания, и на все вопросы, деланные вслух, она отвечала как следует. Весь обман заключается в том, что все бывают уверены, что магнетизируемая особа спит, и поэтому задают вопросы вслух. Разговаривайте тихо в другой комнате и явитесь к ней с вопросами, она будет врать от начала до конца.

Не могу забыть Флоренции, города также приветливого, как и его жители. Несмотря на то, что Рим так близок от Флоренции, образованием он далеко отстоит от нее. Склад речи у тосканцев так превосходен, что писатели других городов и провинций Италии долгом считают пожить во Флоренции, где каждая фраза, сказанная простолюдином, поражает своим изяществом. Буква *c*, которая выговаривается всеми итальянцами как *k*, например: *saгоzza* (кароцца), произносится тосканцами мягко, как *x* – хороцца, и т.д. Лучший выговор итальянского языка – римский, поэтому у итальянцев есть известная пословица: «*La lingua toscana nella bocca romana*», т.е. язык тосканца в устах римлянина.

Исторических средневековых воспоминаний во Флоренции бездна. Рим богат памятниками древней истории, Тоскана же средневековыми. Нет места и дома, с которыми не связано было бы какое-либо историческое воспоминание; этот город бился до конца за свободу, пока богатый торговый дом Медичи⁷⁷⁰ не упрочил наследственного правления за своим домом⁷⁷¹. Все лучшие таланты в области политики, науки и художеств родились в этом благодатном уголке Италии!..

Жизнь во Флоренции в то время была не дорога и полна удобств; тут не слышать о ворах и смертоубийствах, все веселы; цветочницы с улыбкою встречают вас и сами прикалывают вам свежий душистый цветок. Дадите ей за это денег – хорошо, нет – она с улыбкою вам скажет: «Прощайте!». И все это делается просто, радушно. Я крайне сожалел о том, что 15 лет прожил в Риме и благодарил Бога, что, приехав вторично в Италию, я поселился во Флоренции, где и прожил целых два года до получения известия о смерти ландшафтного гравера нашей петербургской академии – Степана Филипповича Галактионова.

Е. и. в. великая княгиня Мария Николаевна, президент нашей Академии художеств, изволила назначить меня на место Галактионова. Я отвечал согласием и обещал возвратиться в 1855 году, в мае месяце.

ЛП.

За два месяца до моего отъезда из Флоренции, именно в феврале 1855 г. вот что случилось: вставши рано утром и отворив окно (во Флоренции и в Риме я открывал окно каждое утро в продолжение всего года), я увидел у гауптвахты, которую занимали тогда австрийцы, массу стол-

⁷⁷⁰ Торговый дом Медичи – крупнейшая в Европе торгово-банковская компания, основанная в XV веке.

⁷⁷¹ Представители фамилии Медичи носили в XVI–XVIII вв. титул герцогов Тосканских.

пившихся австрийских офицеров. Зову моего донна Гаетано и говорю: «Верно что-нибудь случилось, посмотрите на эту массу офицеров!».

– «Верно происходит наказание над солдатом, у них в полках очень строго», – отвечал мой хозяин.

Тем и кончился наш разговор. Не прошло и часу, ко мне входит князь Щербатов и говорит: «Слышали ли вы горестную новость?».

– «Нет», – отвечаю я.

«Император Николай Павлович скончался»⁷⁷².

– «Боже мой», – вскрикиваю я, – «Боже мой, неужели это правда? Вот несчастье, постигшее нас среди войны и злобы почти всей Европы против России».

Я пошел за газетою в кофейню и точно вижу, что вчерашний день в Петербурге скончался император Николай Павлович. Как могуче было его имя: всюду были видны смущенные лица, и все как будто спрашивали друг у друга: «Чем-то кончится теперь эта война?». А мы, русские, спешили повидаться и обменяться мыслями. Много было толков, я же молил Бога, как бы скорее уехать и начать жить дома спокойною жизнью, и, если можно, семейною, о которой я давно мечтал. Я мысленно переносился к тому очаровательному существу, которое я встретил в бытность в Петербурге у П.А. Плетнева, где я так приятно провел вечер. Я укладывал поменьку свои вещи, и в это время как будто для того, чтобы проститься со мною навсегда, приехал из Рима мой искренний друг, американец Томас Кроуфорд с прелестною своею женою и дочерью. Мы много толковали с ним о крымской войне, которая была тогда в полном разгаре...

На его критику действий России я преспокойно отвечал Кроуфорду: «Это не мое дело, у нас есть люди, знающие свое дело, на них и лежит вся ответственность».

Он сообщил мне приятную и вместе с тем прискорбную весть, что оставленные мною в Риме в магазине Фрецца оттиски «Преображения» проданы, но что нет расписки, данной г. Фрецу от г. Каппело, который умер; у его жены не могут ее найти и денег без нее не могут заплатить. Не думал я тогда, что взятые г. Кроуфордом оттиски постигнет та же участь. Он также скончался, и его вдова тоже не могла найти расписку. Тем и кончилась моя заграничная продажа. Мою гравюру в то время покупали любители: некоторым знатокам я подарил ее на память и, как мне говорили, им также удалось продать ее. Некоторые оттиски были куплены одним и тем же лицом в двух экземплярах.

⁷⁷² Николай I скончался 18 февраля по старому стилю, или 2 марта по новому стилю 1855 года.

Собираясь в дорогу и на службу в Академию художеств, я с прискорбием вспоминал о кончине бывшего нашего президента герцога Максимилиана Лейхтенбергского, который при приезде моем в Петербург в 1850 году оказывал мне свое милостивое благорасположение. Всякая встреча с герцогом, его ласковое слово придавали мне, так сказать, новую бодрость. С каким удовольствием почтил он меня в 1851 г. за обедом после акта, предложил тост за мое здоровье, поздравил меня с окончанием большого труда и с лестным званием профессора, в которое я был только что возведен. Боже мой, думал я, если бы Провидение дало мне хотя один год прослужить под его начальством!

Я не мог забыть и той минуты, когда Я.И. Ростовцев⁷⁷³ представил меня наследнику цесаревичу Александру Николаевичу с просьбою поощрить мой труд покупкою оттисков «Преображения» во все военные корпуса по одному экземпляру, что не могло быть обременительно для заведений, а мне чрез эту милость было бы большое вспомоществование, на что цесаревич Александр Николаевич дал свое согласие, и я мог разом продать в то время 20 слишком оттисков, разумеется, по уменьшенной цене.

Эти счастливые воспоминания преследовали меня на обратном пути в Россию. Доехав без особых приключений в Петербург, я вновь поместился у доброго моего профессора Н.И. Уткина. Продолжая жить у моего благодетеля, я был утвержден в конце мая месяца 1855 г. профессором гравирования, на место умершего профессора Галактионова с правом получить его квартиру, в которой еще жили его три дочери⁷⁷⁴, из коих одна была уже вдовою; она была замужем за профессором по медальерной части Уткиным⁷⁷⁵.

Покойный Галактионов был женат на дочери⁷⁷⁶ отца Егора⁷⁷⁷, извест-

⁷⁷³ Ростовцев Яков Иванович (1804–1860), граф, генерал-адъютант, член Госсовета, занимался военно-учебными заведениями, один из авторов проекта крестьянской реформы 1861 года.

⁷⁷⁴ Галактионова Екатерина Степановна (181[6]–?), дочь С.Ф. Галактионова, Галактионова Александра Степановна (181[3]–?), дочь С.Ф. Галактионова, Уткина (урожденная Галактионова) Анна Степановна (180[9]–?), супруга П.П. Уткина.

⁷⁷⁵ Уткин Павел Петрович (1808–1852), медальер, профессор ИАХ.

⁷⁷⁶ Галактионова (урожденная Петрова) Мария Георгиевна (17?–18?), супруга С.Ф. Галактионова.

⁷⁷⁷ Отец Егор (Петров Георгий Петрович) (1742–1825), протоиерей кладбищенской церкви Смоленской Божией Матери в Петербурге, похоронен под алтарем этой церкви, известен своими благими делами: за три года смог собрать деньги на строительство новой церкви, расширил территорию кладбища, создал «траурное заведение».

ного протоиерея Смоленского кладбища, которое в мое время было золотым дном. Этот старец, в бытность свою старшим священником кладбища, своею примерною деятельностью и бережливостью на скопленные деньги вместо деревянной церкви соорудил просторную каменную церковь⁷⁷⁸, которая существует и по сей день (1875 г.) и под которою, в склепе, покоится его прах. Будучи слепым, отец Егор выходил на отпевание и искал кутьи, с которой собирал куски сахара (?). Его дочь, Марья Егоровна, будущая супруга нашего профессора, была красивая женщина, но не особенно далекая, все достоинство мужчин заключалось для нее в чине и ордене; так, например, однажды, когда явился к ней доктор, то она, взглянув на петлицу его сюртука и не увидав ордена, сказала: «Мне не вас нужно, мне нужен доктор с крестом».

Я часто бывал у почтенного и достойного ее мужа, но он имел тот недостаток, что хотя сам много знал, но никому не передавал своих познаний. С прискорбием замечал я, что его три взрослые дочери не могли похвастать ни умом, ни красотою и были дурно воспитаны. Бывало, мать вызовет их, они присядут, потупив глаза, затем опрометью и с хохотом бегут в другую комнату. Однажды один из их родственников сообщил мне, что я считаюсь у них женихом. Я так испугался, что бросил знакомство, несмотря на то, что отца их искренно уважал. Старшая из этих барышень, Анна Степановна, сделалась женою профессора Уткина, но не доставила ему семейного счастья.

Другие две дочери, особенно же средняя, Александра, была лучше других, и мне было очень жаль, что ее жизнь сложилась неудачно; последняя, Екатерина, сошлась с мужиком; обе они умерли, только вдова осталась жива и вышла впоследствии замуж за своего дворника. Квартиру, после выезда из нее семейства покойного профессора Галактионова предоставленную мне, я нашел в самом безобразном виде.

Несколько времени спустя в чудный июньский день, пообедав у Н.И. Уткина, мы по обыкновению отправились пить кофе в сад, прилежащий его квартире. Чувствуя себя в веселом настроении духа, я завел с ним разговор об упоминаемой в его письме награде, которая меня ожидает дома. Смущаясь, он мне отвечает: «Верно, вы сами догадаетесь?». Разумеется, я не задумался ответить, что моею женою будет милая «Таня» Пушкина или никто. Услыхав, что почтеннейшее семейство Плетнева

⁷⁷⁸ Церковь Смоленской Божией Матери на Смоленском кладбище была построена архитектором А.А. Ивановым в 1786–1790-х гг., в оформлении храма принимали участие И.А. Акимов, который выполнил список с образа Смоленской Божией Матери, и Г.И. Козлов – написал образа для иконостаса.

живет в Лесном⁷⁷⁹, я просил Н.И. Уткина посетить его в следующее воскресенье; старичок улыбнулся и немедленно согласился. Разумеется, я предупредил его, сказав: «Если можно иметь надежду, я рад, если же нет, то незачем тратить время, чтобы не навлечь на себя в мои годы каких-нибудь неприятностей, вроде шуток и насмешек, которые меня страшили, когда я думал о ней еще во Флоренции; но припоминая ее годы и ее обстановку, мне кажется, голубчик Н.И., что оно неисполнимо». Старичок улыбался и потирал руки. «Дождитесь воскресенья, тогда вы ее увидите и сами поговорите».

Из слов Н.И. я увидел, что это факт решенный, дождусь воскресенья и, увидав голубку Варю, буду действовать решительно. Так и случилось. Настало воскресенье, день был отличный, после обеда мы взяли извозчика и отправились в Лесной. Хотя я ехал этою дорогою первый раз, но я не обращал внимания на выстроенные по сторонам ее дачи. Я был весь поглощен мыслию о предстоявшем мне свидании. Наконец, я увидел холмик, на котором стояла небольшая деревянная часовня и порядочно большой дом. Тут мы остановились. Я постарался молодецки соскочить с дрожжек, стряхнуть с плеч пыль и повзбешить волосы на висках. Почтенный г. Плетнев с редкою приветливостью встретил нас вместе со своею красавицею женою; оба радовались нашему неожиданному приезду. Немного погодя, моя «Таня» с сестрицею приветствовали нас в один голос: «Вы опять были в Италии. Ах, как вы счастливы!».

Я невольно выдал чувства, волновавшие меня при этой встрече, и, заикаясь, отвечал на их вопросы. Милые хозяева предложили покатасть нас в коляске, которая скоро была подана. По возвращении с прогулки я пошел с предметом моей страсти в палисадник, сорвал белую астру и начал выдергивать ее листочки, приговаривая: «Люблю тебя всем сердцем, всею душою» и т.д. Последний белый листок был: «Люблю тебя всею душою». Она приняла это приветствие невинного цветка довольно холодно. Мне она показалась как будто гордою. Я видел по первому визиту, что дело может устроиться, только потребуется много терпения, и боялся, что не выдержу. Более всего меня беспокоило, когда я случайно видел в зеркале свое изображение. За границу, в небольших зеркалах я привык видеть только часть своей фигуры, которая не особенно была подходящая для претендента красивой, молодой и отлично воспитанной девицы Варвары Александровны Пушиной; имя и фамилию ее я теперь выучил.

⁷⁷⁹ Лесное – район Петербурга, где находился Лесной институт, недалеко от которого в середине XIX века возник дачный поселок.

Нас пригласили к столу, на котором красовалась простокваша с толчеными черными сухарями и сахаром. Ручки милой В.А. наделили каждого из нас; затем был подан вкусный чай; наконец, настала пора собираться в путь. Прощаясь, я чуть-чуть пожал ручку милой В.А., но она с ледяной холодностью вынула свою руку из моей и на мою страстную улыбку отвечала принужденно: «Прощайте!».

Простившись со всеми с улыбкою на устах, я чуть не упал на дрожки, такое отчаяние овладело мною. Н.И. Уткин скоро заметил мое грустное настроение; выхваляя до небес это прекрасное семейство, он любопытствовал узнать, как я провел время с (единоутробною) сестрицею Александры Васильевны. Он хвалил Варвару Александровну, говоря: «Какая образованная девушка, не правда ли?». Я отвечал нерешительно.

После этого визита я посещал Плетневых почти каждое воскресенье. В.А. стала любезнее со мною, я же кипел, как кратер Везувия. Дело подвигалось вперед. Настало 28-е июля 1855 г.; утром приехал П.А. Плетнев, приглашая меня быть в университете к трем часам и затем ехать к нему обедать; «Вероятно, вы услышите у нас для себя приятное», – сказал он. При этом я тотчас согласился. Утром у нас в Академии был совет; по окончании его, я подошел к Ф.А. Бруни и говорю ему: «Сегодня, должно быть, кончится мое дело». Он с радостью пожелал мне успеха, сказав, что немедленно передаст эту новость Анжелике. Я просил его не считать это дело решенным и обещал сообщить ему на следующий день все то, что случится со мною. В три часа я был у П.А. Плетнева, где в первый раз увидел явившегося к нему с бумагами его секретаря с безволосою круглою головою. Это был впоследствии нами сердечно любимый Дмит. Ник. Умнов⁷⁸⁰; с его семейством мы, так сказать, совершенно сроднились. Доброго старичка недавно (1875 г.) схоронили.

Погода в тот памятный для меня день была отличная. Всевозможные мысли занимали и страшили меня, когда я вспоминал о цели моей поездки. За неделю до этого я попросил моего профессора Н.И. Уткина узнать мнение обо мне Александры Васильевны Плетневой, заменявшей Варваре Александровне родную мать, и на какое я могу рассчитывать приданое; это был вопрос первой важности, так как на получаемое мною содержание и на мой заработок я не мог доставить В.А. тот комфорт, к которому она привыкла; а годы мои не давали мне права сделать столь важный шаг необдуманно, подобно какому-нибудь юноше. Профессор привез ответ самый удовлетворительный: невеста имела порядочное состояние, была примерно трудолюбива, наука и хозяйство – ее первые

⁷⁸⁰ Умнов Дмитрий Никитич (?–1875), секретарь П.А. Плетнева.

занятия, встает Варвара Александровна в 5 час. утра, гостей терпеть не может, в гости ходить не любит и всю свою жизнь посвятит своему избранному. Боже избави, чтобы она решилась прекословить своему мужу. Смирение, кротость и живая молитва к Богу – вот девиз ее будущей жизни – и быть агнцем покорности и кротости перед мужем, во всем его слушать и беспрекословно во всем ему повиноваться.

Ответ из Лесного душевно меня обрадовал и хотя было некоторое раздумье, но я ехал с надеждою встретить милую мою невесту во всей ее красоте, в чем и не ошибся. Варвара Александровна была одета вся в белом; лицо ее казалось мне несколько опухшим и глаза красными, и я узнал, что она была у обедни, которую простояла на коленях, не переставая усердно молиться со слезами на глазах, отчего глаза ее и были красны. Сели за стол; разговор шел об отвлеченных предметах; невеста мало кушала. Вставши из-за стола, я уллучил минуту и, оставшись с В.А. наедине, я высказал свои чувства любви к ней, и она едва внятным голосом дала на мое предложение свое согласие. Мы поцеловались и приняли поздравление со стороны глубоко уважаемых ее родных. У меня точно гора свалилась с плеч. Пошли веселые разговоры. Возвратившись домой, я все передал Н.И. Уткину и тем обрадовал моего почтенного профессора, который в этом деле оказался сватом.

Всем знакомым было объявлено, что В.А. Пуцина невеста. Я приезжал очень часто для свиданий с нею и мне всегда было совестно, когда случившиеся тут гости любопытствовали увидеть жениха и, познакомившись со мною, выражали своею улыбкою как бы недоумение, невеста же и ее родственники относились ко мне отлично. Я каждое воскресенье запасался подарком из фунта конфект. Они давали мне много хлопот, ибо я выбирал конфекты с художественной точки зрения, в виде ягод и других плодов, и старался, сидя на извозчике, беречь их, чтобы от тряски не потеряли они своего вида. По приезде я с осторожностью и с улыбкою влюбленного вручал мой подарок невесте, вполне уверенный получить благодарность от нее. Она же довольно холодно передавала его своей горничной Маше. Хотя меня это и обижало, но любовь забывчива, и каждое воскресенье, отправляясь в Лесной, я заходил на угол 4-й линии и Большого проспекта к старинному кондитеру Милениусу и запасался у него разукрашенною сластью. Наконец, моя невеста, увидав, что я не знаю толку в конфектах, совершенно хладнокровно объяснила мне, что она их не кушает, а отдает своей прислуге. Это заявление поразило меня.

Как скоро знакомые Плетневых узнали, что В.А. Пуцина сделалась невестою, я стал встречать у них много гостей, которых все внимание

было обращено на меня, и вместо ласкового взгляда посетители, которым меня представляли, все очень серьезно протягивали мне руку, говоря принужденно: «Поздравляем вас». Замечая, что я много теряю не столько от годов, как от своих седых волос, хотя их и приписывали многолетнему моему труду, я чувствовал, что этой беде следует помочь. Однажды, когда я сидел у себя в кабинете за работою, приходит ко мне племянник моего профессора Н.И. Уткина – г. Глухов⁷⁸¹ и, разговорившись о моей молодой невесте, о несоответствии моих лет и моей седины, он начал утешать меня, говоря, что этому горю можно помочь; спросив у меня денег, он сказал: «Через полтора часа вы будете 25-ти летним молодцом».

Принесли какое-то снадобье, он развел его водою, вымазал мне волосы и обложил голову капустными листьями, от которых я испытывал неприятное ощущение сырости и холода. Через час Глухов все снял, вымыл мне волосы, и я ужаснулся, увидав себя в зеркале: волосы из белых преобразились в черные как смоль, но притом сухие, безжизненные волосы.

Я не знал, что делать, мне было совестно самого себя, видя до какой глупости может довести неподходящая моему возрасту любовь. Но дело было сделано. К обеду я спустился в нижний этаж; мой старичок-профессор и его 90-то летняя сестрица, Пелагея Ивановна, разговаривали со мною, ничего не замечая.

«Надобно уведомить мою невесту», подумал я, а то «молодой глаз тотчас заметит». Я описал свой поступок в самых осторожных выражениях, объяснив происшедшую в моей наружности перемену тем, что я и по внешности желал быть вполне достойным ее любви. Затем я начал радоваться моему решительному поступку, как вдруг получаю громозносный ответ, порицающий мой необдуманный поступок, который ее крайне опечалил и обидел, как будто она может любить меня более с черными, нежели с седыми волосами. В.А. писала, что она горько плакала, прочитав мое письмо, и что с этими волосами она меня не примет. В том же духе получил я письмо и от достопочтенного П.А. Плетнева. Делать было нечего, надо было отправиться к парикмахеру и обрить волосы, что я и сделал, получив от него для прикрытия голой головы самый безобразный старый парик, о чем я и уведомил мою невесту. Моею решимостью В.А. осталась очень довольна и на мое желание не являться в ее дом ранее, нежели вырастут мои природные волосы, она согласилась, обещая смягчить нашу разлуку своим собственным посещением,

⁷⁸¹ Глухов П. Савельевич, племянник Н.И. Уткина.

что очень обрадовало меня, так как моя привязанность к моей невесте росла с каждым днем она навещала меня в сопровождении своей прислуги Афросиньи почти ежедневно в отделяваемой для нас квартире. Волоса мои, наконец, подросли, квартира как ремонтом, так и меблировкой приходила к концу; парик был отдан его владельцу парикмахеру, и мы начали помышлять о назначении свадьбы на 30-е октября 1855 года.

После неудачи, постигшей меня с конфетами, я не потерял, однако, любви к подношению подарков и по переезде моей невесты из Лесного в город зачастую являлся к ней с корзиною винограда, участь которого была счастливее конфет. Но иной раз, по моей забывчивости, Варваре Александровне не приходилось отвесть его: войдешь бывало к ней и от радости свидания начнешь болтать с нею и с ее родными, пройдет полчаса и вдруг чувствуешь, что в кармане лежит что-то мокрое; тут только и вспомнишь о принесенном винограде, который уже успел между тем обратиться в лепешку.

Однажды подобная забывчивость была вызвана непростительною дерзостью перевозчика, которая меня чрезвычайно расстроила. Я шел по набережной Невы и, подойдя к перевозу, бывшему недалеко от университета, остановился и, опершись на перила, смотрел на реку. Перевозчики предполагали, что я спущусь к пристани и сяду в одну из лодок, чтобы переехать через Неву, поэтому каждый из них наперерыв предлагал свою лодку. Я же, постояв немного, преспокойно отправился далее; вдруг слышу голос одного из них: «Экий старый черт, обманул нас!».

Боже мой, в эту минуту я света Божьего не взвидел! Через две недели свадьба, а тут я простоял две минуты в темноте, и мужик обозвал уже меня стариком! Я направился совершенно растерянный к университету; невеста, встретив меня, заметила мое смущение и тоненьким голоском спрашивает меня: «Верно с вами что-нибудь случилось?».

«Ничего сударыня, я немного оступился у пристани», — отвечал я.

— «Боже мой, не получили ли вы ушиба?».

«Нет, ничего, только я почувствовал боль!», — был мой ответ.

Все время я старался держать себя на выдержке, и сев на стул с шиком, разом почувствовал в кармане холод и сырость. Все время я был очень разговорчив, так что милая В.А. осталась мною очень довольна, не предполагая, что 1 ½ фунта винограда были жертвою разыгрываемой мною веселости. Как ни старался я выбросить из головы роковое слово перевозчика, оно глубоко засело в моей памяти.

Со мною случилось еще одно происшествие в этом роде: 29-го октября 1855 г., за день до свадьбы, я пошел в баню; беру парильщика,

чтобы он вымыл меня как можно старательнее. Желая сообщить ему цель моего омовения, я объявил ему, что завтра, если Бог велит, моя свадьба.

— «Ну, барин, кажется позднечко!», — заметил он. Это было как бы подтверждение слов перевозчика. Вымыв лицо холодной водою, мне вновь стало грустно.

Самое приятное время было для меня, когда при переезде с дачи родственников моей невесты нам назначили особую небольшую комнату, где мы могли разговаривать, будучи совершенно одни. Невеста моя была прелестна.

Тогда же в первый раз я познакомился с подругою моей жены, Марию Н. Беккер⁷⁸², которая по уму и прекрасному своему сердцу была нам искренним другом, а впоследствии сделалась даже нашею родственницею.

Настало утро 30-го октября 1855 г. Я просил заранее графиню Анастасию Ивановну Толстую, жену нашего вице-президента графа Ф.П. Толстого, быть моею посаженною матерью, Н.И. Уткина — моим посаженным отцом. Г.Г. Ухтомский⁷⁸³ и В.В. Стасов взялись быть моими шаферами. Старый мой друг А.М. Горяинов был все время мне воистину другом и остался таковым до конца своей жизни мне, Варе и моей дочери Шуре⁷⁸⁴: все хлопоты лежали на нем; он, как вдовец, был знаком с трудностями этого хлопотливого дня. Мой родственник В.Б. Лакиер⁷⁸⁵ взял на себя хлопоты насчет церкви и певчих, незабвенный же Петр Александрович Плетнев и добрейшая сестрица моей невесты его жена Александра Васильевна взяли на себя издержки по угощению и обеду на другой день, за что и приносили мы оба искреннюю нашу благодарность.

Утром в день свадьбы явился ко мне псаломщик университетской церкви⁷⁸⁶, где должно было совершиться наше бракосочетание, с книгою и с установленными правилами для лиц иностранного вероисповедания, вступающих в брак с православными. Я должен был подписать, что не буду противоречить обрядам православной церкви, что дети мои

⁷⁸² Беккер Мария Николаевна (?–1910), главная надзирательница Коломенской женской гимназии в Петербурге.

⁷⁸³ Ухтомский Константин Андреевич (1818–1879), архитектор, академик и почетный вольный общник ИАХ, хранитель музея ИАХ.

⁷⁸⁴ Мельникова (Иордан) Александра Федоровна (1859–?), дочь Ф.И. Иордана.

⁷⁸⁵ Лакиер В. Б., родственник Ф.И. Иордана со стороны его жены В.А. Пушиной.

⁷⁸⁶ Церковь Святых Петра и Павла при Петербургском университете была построена в 1837 году по проекту А.Ф. Щедрина.

должны быть православными и т.д. Желая для милой моей невесты сделать этот великий день в жизни более торжественным, я просил приглашенных быть в мундирах, и все, по доброте своей, исполнили мою просьбу.

К семи часам вечера все было готово; добрый мой Н.И. Уткин, по совету А.М. Горяинова купил богатый образ Спасителя в великолепной ризе, которым и благословил меня; затем Н.И. Уткин, А.М. Горяинов и я сели в карету и поехали к графине Ан. Ив. Толстой. Она, как посаженная мать, вновь благословила меня образом и хлебом с солью, и мы отправились в университетскую церковь, где полковые певчие встретили меня шумным концертом.

А.М. Горяинов нанял отличную карету, лошади были превосходные и неслись во весь дух. На углу у Кадетского корпуса и набережной так повернули, что чуть не убили седоков, но Бог нас спас, и мы, как говорится, шикарно подъехали к университетской церкви. Здесь мне пришлось очень долго ждать моей невесты. Вдруг я слышу какое-то смещение: входная дверь в церковь запирается, певчие задают тон, а я думаю: «Ну, слава Богу, приехала». Начинается концерт, оглядываюсь и вижу седовласую *m-me Bruloff*, всю в брильянтах и разодетую. Дверь вновь отворяется; на первом плане достопочтенный П.А. Плетнев ведет мою невесту под руку и за ними тянется целая процессия лент и звезд. Моя невеста была в богатом подвенечном платье, но с красными распухшими от слез глазами. Ведут меня, раба Божия, на середину, и начинается служба. Чудные молитвы на сей случай читались университетским священником едва внятным голосом, зато отец дьякон нашей академической церкви, Влад. П. Постников⁷⁸⁷, своим сильным голосом возвестил собравшимся гостям, что венчается раб Божий Федор рабе Божьей Варваре. По окончании службы начались поцелуи и поздравления. Я стал человеком семейным...

Мое занятие в то время состояло в гравировании портрета Н.В. Гоголя⁷⁸⁸, завещанного самим Гоголем. Ко мне явился г. П. Кулиш⁷⁸⁹ с оригиналом Моллера – портретом весьма схожим и хорошо написанным. Мне хотелось было выгравировать его строгим манером, но, в силу некоторых личных соображений, я решил выгравировать его рисовальным

⁷⁸⁷ Вероятно, Постников Владимир Петрович (?–1895), законоучитель женской гимназии кн. Оболенской, дьякон церкви Св. Екатерины при ИАХ.

⁷⁸⁸ Ф.И. Иордан выполнил портрет Н.В. Гоголя с оригинала Ф.А. Моллера в 1856–1857 гг. для издания: Гоголь Н.В. Сочинения и письма. СПб., 1857.

⁷⁸⁹ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897), украинский писатель, издатель, ученый.

манером, чему многие удивлялись. Жена моя уехала в 1856 году в Париж и там прожила до марта 1857 г.

Мы с нею свыкались все более и более, и время показало после 21 года нашего супружества⁷⁹⁰, что она обладала наидобреем сердцем и была супругою поистине безупречною, несмотря на многие искушения, которые готовила ей жизнь.

LIV.

Здесь я и оканчиваю описание моей жизни, ибо с 1856 года по сей день, 8-ое марта 1876 года, имеется мой дневник⁷⁹¹, в котором записаны день за днем все события нашей жизни, занятия и все, что относится до нашей семейной жизни.

Теперь мне остается сделать несколько отрывочных заметок. Во-первых, я должен сказать, что я делал с самого поступления моего в граверы.

В граверы я поступил, будучи прельщен наружностью будущего моего профессора Н.И. Уткина. Его наружность внушала к нему не только уважение, но какое-то благоговение; эти чувства я питал к нему до конца своей жизни. Я поступил в граверы в 1818 году. Прежде всего, Уткин занял меня рисованием с эстампа Вольпато⁷⁹², афинская школа, пером. Сделав небольшую частичку эстампа пером, пришлось знакомиться с медною доскою и грабштихелем, начать прескучное дело – тянуть штрихи. Мне пришлось истянуть две доски, пока рука привыкла к ним. Третья доска была уже серьезным делом: пришлось гравировать части тела, глазки и т.п., затем гравировать спинку купидона с оригинала немецкого гравера Герца. Окончив эту работу, я приступил к гравированию с знаменитой гравюры Эделинка «Портрет кардинала»⁷⁹³ и, наконец, начал гравировать, по крепкой водке «Испанского музыканта, играющего на мандолине»⁷⁹⁴. Тем и окончилась моя школа – изучением копирования с гравюр.

Теперь предстояло сделать рисунок с картины и начать самому располагать штрихи, что для гравера почти так же трудно, как ученику живописцу сочинить эскиз. Мне всегда нравилась картина П. Соколова:

⁷⁹⁰ Писано в 1876 году. Примечание Ф.И. Иордана.

⁷⁹¹ Дневник Ф.И. Иордана, отражающий события 1850–1880-х гг., обнаружен не был.

⁷⁹² Вольпато Джованни (1733–1803), итальянский гравер.

⁷⁹³ Вероятно, имеется в виду гравюра Ж. Эделинка «Кардинал Ларошфуко».

⁷⁹⁴ Ф.И. Иордан, вероятно, не завершил гравюру «Испанский музыкант, играющий на мандолине».

«Меркурий усыпляет Аргуса», не по колеру, но по рисунку. Этот рисунок я начал только для рисования, отнюдь не предполагая, что мне придется его гравировать. По окончании его я подал этот рисунок на экзамен, где всем советом было решено, что мне следует его выгравировать в виде программы на малую золотую медаль. Я ужаснулся этой задаче, так как оставалось мало времени до экзамена, к тому же я не был подготовлен гравировать с рисунка. С убийственным трудом окончил я, однако, заданную мне программу и получил в 1824 году малую золотую медаль, после чего я сделался настоящим гравером.

В то время как я гравировал на 2-ую золотую медаль, у меня был товарищ, гравер по ландшафтной части А.Ф. Брейтгорн, который не уступал мне в прилежании, гравировав на 2-ю золотую медаль с картины Дитриха «Тивольский водопад». Желая окончить наши программы, мы чуть не удушили себя, и у нас стала болеть грудь, поэтому мы и купили горшочек дегтя и ночью плотали его по большой ложке, желая этим сбросить свою грудь, на которой лежали работали по целым дням; нам говорили, будто деготь укрепляет грудь. Дурнота от него мучила нас весь день.

В 1824 году, т.е. в последний год нашего учения в Академии, мы вставали летом в два часа утра, если же не вставалось, то, по взаимному условию, обливали друг друга холодной водою. Благодаря такому прилежанию, мы окончили наши программы и получили награду – малую золотую медаль.

По выпуске из Академии первую мою работою был портрет (за 300 р.) известной танцовщицы Истоминой для альманаха «Русская Галлея», издаваемого Ф. Булгариным. Эта работа при всей ее слабости понравилась нашему деятельному президенту Алексею Николаевичу Оленину. Он отрекомендовал меня издателю басен знаменитого баснописца И.А. Крылова И.В. Сленину, и я получил от него заказ выгравировать для этого издания «Собачью дружбу»; затем я выгравировал портрет знаменитого актера Каратыгина для альбома г. Аладьина. После этих работ для профессора Френа выгравировал массу досок, снимки с древних восточных монет. Тем и окончились мои занятия в Петербурге, с 1818 года, т.е. с поступления моего в граверный класс по 1829 год моего отъезда, в августе месяце, в чужие края.

По приезде в Париж и по вступлении в ученики к г-ну Ришомму я начал рисовать с его рисунка портреты Рафаэля с Перуджино. Окончив рисунок, начал гравировать. С наступлением тепла, так как зимою в галерее Лувра холодно, я избрал картину Рафаэля «Просыпающийся младенец Иисус. Матерь Божия Мария поднимает флер»; тут находятся в тени и святые. Я начал делать с нее рисунок, и, окончив его, едва начал

гравировать, как в Париже возгорелась революция, в конце июля месяца 1830 года. Последствием этого несчастного события было то, что наше правительство отправило меня в Лондон с неоконченными гравюрами «Святое семейство» и двух портретов.

По приезде в Лондон я поступил в ученики к г. Раймбаху, у которого был обязан начать снова доску «Святое семейство». Г-н Раймбах желал начать гравировать сперва по крепкой водке, в l'eau forte. Позанявшись у него с год, я перешел к г-ну Робинсону, превосходному человеку и как граверу – одному из лучших в Лондоне, переселился жить к нему и в два года моего жительства у него окончил начатые мною в Париже гравюры портретов Рафаэля с Перуджино и гравюру «Святое семейство» с Рафаэля. Я выгравировал у Робинсона небольшой портрет английского военного и сделал гравюру на стали для издания произведений известного английского живописца Хогарта.

Затем в 1833 г. я отправился в Италию, пробыл долгое время в Болонье, делая рисунок, по рекомендации К.П. Брюллова, в церкви Madonna della Galiera с Франческа Альбани. По приезде в Рим, по желанию опять-таки К.П. Брюллова, я начал рисунок с картины «Преображение» Рафаэля, затем выгравировал с нее доску к 1850-му году. В это же время я выгравировал портрет в.к. Михаила Павловича, небольшой портрет поэта Н.М. Языкова, много контуров для русского издания «Помпея» и английского издания поэмы «Душенька», написанной для m-me Струт Гибсоном.

По приезде в Петербург я выгравировал доску: «Диплом для почетных членов Академии художеств»⁷⁹⁵, сделал три рисунка с картин профессора Угрюмова⁷⁹⁶. Затем совет Академии художеств предоставил мне заказ от академии: сделать рисунок с картины проф. Егорова «Истязание Спасителя»; окончив этот заказ, я получил право выгравировать его с назначением мне пенсионерского содержания по 60 руб. в течение шести лет; эту гравюру я окончил в 1867 году, исполнив в течение этого времени и другие работы, как-то: портреты Н.В. Гоголя, Лермонтова⁷⁹⁷ и Белинского⁷⁹⁸.

⁷⁹⁵ В [1851 году] Ф.И. Иордан выгравировал Академический диплом на звание академика и почетного вольного общника.

⁷⁹⁶ Угрюмов Григорий Иванович (1764–1823), живописец, профессор ИАХ, ректор ИАХ.

⁷⁹⁷ В 1859 году Ф.И. Иордан выгравировал портрет М.Ю. Лермонтова с оригинала К.А. Горбунова для собрания сочинений поэта (Лермонтов М.Ю. Сочинения. СПб., 1860 и 1863).

⁷⁹⁸ В 1859 году Ф.И. Иордан выгравировал портрет В.Г. Белинского с оригинальной литографии К.А. Горбунова для издания: Белинский В.Г. Сочинения. М., 1860 и 1870.

Когда я окончил мою большую доску «Истязание Спасителя»⁷⁹⁹, мне было уже в то время 67 лет от роду, я хотел начать с своего рисунка, привезенного из Рима, гравюру «Христос у позорного столба, оплакиваемый Ангелами», но так как доска, контур и грунтовка доски оказались неудачными, и вдобавок я не мог в мои годы рассчитывать на то, что мне удастся довести эту работу до конца, то я и решился оставить ее и подарил как доску, так и рисунок любимому моему ученику П.К. Константинову⁸⁰⁰, который в 1882 г. окончил с нее весьма тщательно исполненную гравюру⁸⁰¹; я же начал заниматься мелкими работами, разными портретами, из коих первым выгравировал свой собственный⁸⁰² с отличной фотографии Дениера⁸⁰³, затем портрет государя Александра II-го⁸⁰⁴, наследника цесаревича Александра Александровича⁸⁰⁵, и президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича⁸⁰⁶, основателя нашей Академии графа И.И. Шувалова⁸⁰⁷, графа А.П. Шувалова⁸⁰⁸, ректора С.-Петербургского университета П.А. Плетнева⁸⁰⁹, сена-

⁷⁹⁹ Гравюра «Истязание Спасителя» с оригинала А.Е. Егорова была выполнена Ф.И. Иорданом в 1861–1867 гг.

⁸⁰⁰ Константинов Петр Константинович (1830–1890), гравер, ученик Ф.И. Иордана, академик и почетный вольный общник ИАХ, известны его гравировальные портреты А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Е.А. Баратынского и др.

⁸⁰¹ В 1878–1886 гг. П.К. Константинов создал гравюру на меди «Христос оплакиваемый ангелами» с оригинала Ф. Альбани по рисунку Ф.И. Иордана.

⁸⁰² Автопортрет был выгравирован Ф.И. Иорданом в 1871 году, оригинальная доска находилась в ИАХ, а отпечатки с нее продавались.

⁸⁰³ Точнее, Деньер (Генрих) Андрей Иванович (1820–1892), фотограф Их Величеств, живописец, владелец дагерротипного заведения в петербургском Пассаже, сделал многое, чтобы примирить представителей традиционных видов изобразительного искусства с фотографией.

⁸⁰⁴ В 1875 году Ф.И. Иордан выполнил портрет Александра II, который не понравился императору, руководство ИАХ решило скрыть от него этот факт, справедливо полагая, что «Высочайшая резолюция в тех же выражениях убьет старика и найдутся люди, которые воспользуются этим фактом для печатных порицаний над Академией». (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 28-и. Л. 155.).

⁸⁰⁵ Портрет вел. кн. Александра Александровича (Александра III) был выполнен Ф.И. Иорданом в 1877 году.

⁸⁰⁶ Портрет Великого князя Владимира Александровича, президента ИАХ был выполнен Иорданом в 1880 году и заслужил положительные отклики художественной критики того времени.

⁸⁰⁷ Портрет И.И. Шувалова – основателя ИАХ с оригинала Г.-Ф. Дуайена был выполнен Ф.И. Иорданом в 1881 году и считался одной из самых удачных работ гравера.

⁸⁰⁸ Портрет А.П. Шувалова был выгравирован Ф.И. Иорданом в 1873 году (гравированная доска в начале XX в. находилась в ИАХ).

⁸⁰⁹ Портрет П.А. Плетнева был выгравирован Ф.И. Иорданом в 1870 году, гравированная доска и отпечатки с нее хранились в Императорской Академии наук.

тора Дмитрия Алек. Ровинского⁸¹⁰, поэта Державина⁸¹¹, игумена Валаамского монастыря Дамаскина⁸¹², гравера Скородумова⁸¹³ и шесть досок для археологического общества⁸¹⁴.

Перед отъездом из Рима в 1849 году я сделал для известного английского скульптора Гибсона пунктирным манером две доски с его двух рисунков.

Во время гравирования доски «Истязание Спасителя» я провел два года (1853 и 1854 гг.) во Флоренции. Во время всемирной выставки в Лондоне в 1862 г. был назначен экспертом на эту выставку, и пробыл в Лондоне почти весь 1862-й год.

Окончив доску «Истязание» в 1867 году, ездил печатать ее сперва в Берлин, затем в Париж, где она и была окончательно отпечатана в двухстах экземплярах.

Тем и кончилась моя деятельность по любимому мною искусству гравирования на меди и стали до 1882 года, когда я начал мою теперешнюю работу, новую доску с тремя портретами Левицкого, Шебуева и

⁸¹⁰ Портрет Д.А. Ровинского был исполнен Ф.И. Иорданом в 1879 году. Препровождая этот лист Д.А. Ровинскому, Ф.И. Иордан пишет: «Несмотря на мою болезнь, многоуважаемый Дмитрий Александрович, не могу выразить благодарных чувств, которые жили и живут во мне, преисполненным признательности и уважения. И если успел в моем предприятии, то душевно радуюсь, если же нет, то надеюсь на Ваше снисхождение. Гравер Ф. Иордан 20 сент. 1879». (Иордан Ф.И. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. М., 1918. С. 359).

⁸¹¹ Портрет Г.Р. Державина был выгравирован Ф.И. Иорданом в 1861 году специально для знаменитого издания под редакцией Я.К. Грота (Державин Г.Р. Сочинения : в 9 т. – СПб., 1864–1883).

⁸¹² Портрет игумена Дамаскина (Даниила Кононова) был выгравирован Ф.И. Иорданом в 1878 году и по мнению М.И. Семевского считался одной из лучших его работ. Посылая портрет Дамаскина Ровинскому Ф.И. Иордан пишет: «Многоуважаемый Дмитрий Александрович! Вновь спешу познакомить Вас с моими последними грехами, которые состоят в дерзости – не устать, а продолжать любезное мое искусство гравирования. То и прошу Вас, многоуважаемый Д.А., примите отклик последнего моего труда – портрета отца Игумена Дамаскина, к которой личности чувствовал и чувствую глубокое уважение, и как всегда Вам признательный остаюсь душевно Вас уважающий Ф. Иордан. 7 октября 1878». (Иордан Ф.И. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. М., 1918. С. 354–355).

⁸¹³ Автопортрет Г.И. Скородумова был награвирован Ф.И. Иорданом в 1882 году.

⁸¹⁴ Имеются в виду изображения (таблицы), выполненные Ф.И. Иорданом в технике гравюры к отчетам Императорской археологической комиссии за 1867–1871 гг.

Егорова, и имея уже 82 ½ года от рождения. Одному Богу известно, буду ли я иметь силы оный труд окончить!⁸¹⁵ Предоставляю его Промыслу Всевышнего! Аминь.

Писано в 1875–1882 гг.

Ф.И. Иордан.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Публикуемые ниже приложения дополняют воспоминания Ф.И. Иордана новыми ценными сведениями, связанными с биографией гравера и отсутствующими в его мемуарах. Большинство документов, представленных в них, не публиковались вовсе или издавались во фрагментах. Так, Н.П. Собко в своей статье «Жизнь и произведения Ф.И. Иордана» (Вестн. изящн. искусств. – 1884. – Вып. 1. – С.65-85; Вып. 3. – С. 208-227; Вып. 4. – С. 264-280.) использовал отрывки из переписки Ф.И. Иордана с Академией художеств.

Первая часть приложений может быть условно названа «официальной». Она включает служебную переписку, рапорты, отчеты, определения решений Совета Императорской Академии художеств и т.д. за 1829-1854 гг. Вторая часть включает письма художника А.А. Иванова к разным лицам, где есть материалы о Ф.И. Иордане начала 1850-х гг., воспоминания самого Ф.И. Иордана об А.А. Иванове, отрывок завещания Н.В. Гоголя, адресованного граверу, и в завершении, деловое письмо В.А. Иордан к редактору М.И. Семевскому – первому публикатору настоящих воспоминаний. Приложения призваны дополнить воспоминания Ф.И. Иордана новыми ценными сведениями, связанными с биографией гравера и отсутствующими в его мемуарах. Большинство документов, представленных в них, не публиковались вовсе или издавались во фрагментах. Так, Н.П. Собко в своей статье «Жизнь и произведения Ф.И. Иордана» (Вестн. изящн. искусств. – 1884. – Вып. 1. – С.65-85; Вып. 3. – С. 208-227; Вып. 4. – С. 264-280.) использовал отрывки из переписки Ф.И. Иордана с Академией художеств.

Первая часть приложений может быть условно названа «официальной». Она включает служебную переписку, рапорты, отчеты, определения решений Совета Императорской Академии художеств и т.д. за 1829-1854-е гг. Вторая часть включает письма художника А.А. Иванова к разным лицам, где есть материалы о Ф.И. Иордане начала 1850-х гг., воспоминания самого Ф.И. Иордана об А.А. Иванове, отрывок завещания Н.В. Гоголя, адресованного граверу, и в завершение, деловое письмо вдовы В.А. Иордан к редактору М.И. Семевскому – первому публи-

⁸¹⁵ Групповой портрет художников А.Е. Егорова, Д.Г. Левицкого и В.К. Шебуева не был Ф.И. Иорданом завершен, т.к. в 1883 году он скончался.

катору настоящих воспоминаний. В подстрочных примечаниях к приложениям отмечены первая или первая полная публикация документа.

Выписка из журнала Совета Императорской Академии художеств от 20 апреля 1829 года⁸¹⁶

Пункт 1. Г-н советник Уткин словесно представил сему Собранию, что как оставленный при Академии для совершенствования в гравировальном искусстве пенсионер Иордан заданные ему для упражнения его работы ныне привел к совершенному окончанию, то не благоугодно ли будет Совету Императорской Академии художеств отправить его, Иордана, в чужие края для вящего усовершенствования в гравировании на меди.

Определено: Согласно с сим представлением г. советника Уткина отправить пенсионера Иордана в Париж для дальнейшего усовершенствования в гравировальном искусстве на меди нынешним летом на счет суммы, по штату Академии на таковой предмет положенной, и при отправлении снабдить его инструкцией.

Определение Совета Академии художеств от 2 июля 1829 года⁸¹⁷

Пункт 4. Ныне рассуждение о назначении времени для определения времени для отправления во Францию пенсионера Федора Иордана. При чем читан был предварительно составленный конференц-секретарем для него, Иордана, проект инструкции.

Определено: Пенсионера Иордана отправить в Париж морем в нынешнем июле месяце, не ожидая его журнала, дабы не потерять благоприятного времени к морскому путешествию. Проект инструкции, для него составленный г. конференц-секретарем, утвердить и за подписанием г. президента и конференц-секретаря ему выдать, снабдив притом его, Иордана, письмами к послу российскому в Париже графу Поццо ди Борго и члену Французского Института по части гравирования г. Тардьё, о чем всем, доведя до сведения г. министра Императорского двора, просит: не благоугодно ли будет Его Сиятельству и от себя поручить Иордана в покровительство графа Поццо ди Борго.

Инструкция Пенсионеру Императорской Академии художеств Федору Иордану⁸¹⁸

Императорская Академия художеств, удостоив вас к отправлению в чужие края для усовершенствования в гравировальном искусстве и

назначив пенсию на все время пребывания вашего в качестве пенсионера Академии за границею по 300 червонцев в год, сею отличною милостью вознаграждает вас за ваши успехи в искусстве и дает вам средства приобрести новые к пользе вашей и пользе общей.

Умея оценить такую милость [по получении 1-й золотой медали] и ожидая оной, вы, конечно, могли приготовиться частично к тому, каким образом должно будет вам вести себя и как учиться вне отечества, но тем не менее Совет Академии признал нужным дать вам некоторые необходимые наставления и предписать обязанности, коих исполнение во всей точности поставляется вам в неприменный долг. Они заключаются в следующем.

1. Время пребывания вашего в чужих краях назначается три года, и вы отправитесь в Париж из Кронштадта морем.

2. По прибытии в Париж вы тотчас явитесь к пребывающему там графу Поццо ди Борго и предъявите ему письмо президента Академии художеств, в коем просит он Его Сиятельство принять вас в свое покровительство. В то же время вы постараетесь сделаться известным и главным чиновникам посольства, дабы в случае надобности иметь свободный доступ к графу.

3. Затем посредством письма, которое получите к находящемуся в Париже члену Королевского института г-ну Тардьё, вы познакомитесь с сим отличным из талантливейших художников. Он может быть для вас весьма полезен как профессор того самого искусства, коему вы себя посвятили. Постарайтесь приобрести благорасположение сего почтенного мужа, его доверенность и уважение. К немалой выгоде вашей послужило бы, если бы г. Тардьё мог дать вам помещение в своей квартире, где пользуясь беспристрастным надзором его, советами и имея обхождение с людьми, могущими подать пример в соревновании, вы тем удобнее и тем успешнее могли бы заниматься своим искусством.

4. Вы должны стараться по части механического искусства замечать все, достойное внимания и подражания в гравировании, как, например, есть способы расположения штрихов при травлении крепкою водкою, составлении грунта, разные нужные материалы и их употребление; также осмотреть в целом и частях известную для параллельных штрихов машину (признанную необходимою для многих работ к облегчению и скорости дела) и поучиться управлять ею.

5. Что касается до собственно художественной, существеннейшей и важнейшей части гравирования, состоящей в верном соблюдении красок оригиналов, копируемых посредством гравировки, то Академия предоставляет собственному вкусу вашему, предположительно избрав для

⁸¹⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 1. Первая публикация.

⁸¹⁷ Там же. Л. 2. Первая публикация.

⁸¹⁸ Там же. Л. 3–7. Документ был составлен В.И. Григоровичем. Первая публикация.

себя того манера и способов, какие будут для вас удобнейшими, постав-
ляет вам на вид, что из всех гравиров, до сем бывших те наиболее про-
славились успехами, которые были лучшими рисовальщиками, вникали
в качество вещей изображаемых и умели выполнить с точностью харак-
тер лиц, предметов и общее действие света и тени. Чистота, нежность,
мягкость и проч. придают прелесть гравировке (ими пренебрегать не
должно), но рисунки, характеры, свет и тень составляют главное. Ис-
кусство гравирования в новейшее время сделало большие успехи – на-
блюдайте ход его, но избегайте той сухости и холодности, в которую
впадают граверы, ищущие одной чистоты, не заботясь о преимуществен-
нейших частях сего прекрасного и трудного искусства.

6. С сею целью предписывается вам постоянно заниматься по вече-
рам рисованием с натуры антиков. Лучшие рисунки ваши вы непременно
имеете доставлять на усмотрение Академии, дабы она могла судить о
дальнейших ваших успехах в сем искусстве, служащем основанием для
всех художников.

7. Обзорев художественные музеи и галереи в Париже, вы обязаны
будете избрать картину школы итальянской или французской, нарисо-
вать с оной рисунок окончательный, такой величины, чтобы в течение
трех лет или менее непременно можно было оный выгравировать, и за-
тем заняться сим делом с прилежанием; по окончании же гравирования
прислать доску и рисунок в Академию. В выборе картины вы можете
сообразоваться с советом г. Тардье. Посторонними работами занимать-
ся Вам воспрещается, исключая тех только случаев, кои могут принести
вам не достояние, но послужат к науке в строгом смысле этого слова, и
притом, если не отвлекут вас от дела, Академией вам предоставляемого.

8. Вы должны всеми мерами искать знакомства славных художников,
нравственными качествами, искусством и познаниями могущими слу-
жить вам примером. От знакомств же, которые не приносят пользы, слу-
жат к одному рассеянию, сколь можно удаляться.

9. В каждую треть года имеете вы непременно доносить Академии, в
чем вы будете упражняться, равно и о тех наблюдениях и замечаниях,
кои при обозрении достопамятных вещей сделаются, а также об искус-
ных художниках с объяснением, кто в каком роде и какими именно дос-
тоинствами отличается. Главным образом вы поставите Академию в
известность и насчет картины, которую изберете для гравирования, при-
слав прочих ваших рисунков.

10. Все письма ваши на имя Академии доставлять банкиру, которому
Академия адресует вас для получения денег, на содержание определен-
ных, равно через банкира же посылать и работы на имя Академии.

11. Академия, надеясь в полной мере, что единственной целью трудов,
занятий и попечений ваших вне отечества вы поставите достижение воз-
можного совершенства в своем искусстве и потщитесь будущим поведе-
нием, нравственными качествами и усугублением ваших познаний оправ-
дывать надежды, которые полагали на вас доселе – может впоследствии
дать вам по-своему благоприобретением средства к дальнейшему путе-
шествию для вящего усовершенствования в Лондон, где процветает ис-
кусство гравирования, и другие места, изобилующие классическими па-
мятниками художеств и просвещением; но помните, что сию милость вы
должны заслужить, и что даже и ныне назначенный срок, в случае ежели
против всякого чаяния поступками своими или нерадением вы соделае-
тесь [то лишитесь] права достойным внимания и покровительства Ака-
демии, [пенсия – Н.С.] будет прекращен и вы лишитесь тех лестных ви-
дов в отечестве, которые ожидают при нынешнем положении художества
в оном отличного художника и доброго верноподданного.

12 ию[н]я 1829 [года].

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии худо- жеств от 30 сентября 1829 года⁸¹⁹

Имею честь донести Императорской Академии художеств, что я,
отправляясь 13 августа из Кронштадта и находясь 17 дней на море, при-
был 31 августа в прусский порт Свинемюнде, откуда немедленно отпра-
вился через Штетин в Берлин. В Берлине пробыл три дня, старался сколь-
ко возможно осмотреть художественные произведения, посетил Иусти-
анову картинную галерею, новый музей, строящийся по проекту Шин-
келя⁸²⁰; осмотрел монументы, воздвигнутые в честь генералов Шарн-
горста, Бюлову из мрамора и Блюхера из меди, трудов г-на Рауха⁸²¹, имел
вход в натурный кабинет, Бранденбургские ворота⁸²², в Шарлоттенбурге
старался увидеть мавзолей, воздвигнутый в честь Ее Величества Луизы,
покойной королевы прусской⁸²³. Из Берлина отправился в Дрезден.

⁸¹⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 22. Письмо было зачитано на заседании
Совета ИАХ 18 октября 1829 года. Полностью публикуется впервые.

⁸²⁰ Вероятно, имеется в виду т.н. Старый музей, построенный архитектором
К.Ф. Шинкелем в 1822–1830 гг. для художественного собрания прусских королей.

⁸²¹ Раух Христиан-Даниель (1777–1857), известный немецкий скульптор, рабо-
тал в Италии, Англии, Швейцарии, России, автор бюстов Г.-Л. Блюхеру (1815), Шар-
нгорсту (1831), Бюлову (1815–1822).

⁸²² Бранденбургские ворота в Берлине созданы в 1789–1791 гг. архитектором
К.Г. Ланггансом.

⁸²³ Имеется в виду мавзолей Луизы Августы Вильгельмины Амалии (1776–1810),
прусской королевы, мраморные скульптуры для него были созданы немецким скульп-
тором Х. Раухом.

В Дрездене посетил галерею покойного графа Хонякова, предназначенную в скором времени к продаже. В королевской публичной выставке находились произведения многих профессоров: г-на Гартмана «Похищение Прозерпины»⁸²⁴, г-на Похнана сцена из Оберона «Гюон находит Рецию»⁸²⁵, г-на Керстена «Фауст»⁸²⁶ и многих других. Но увидавши неоцененные сокровища Дрезденской галереи: Рафаэля Мадонну⁸²⁷, Священную ночь Корреджо⁸²⁸, Искушение Спасителя монетою Тициана⁸²⁹ и множество отличных произведений Карраччи⁸³⁰, Рубенса, Гвидо Рени и других, я остался преисполнен искренних чувств благодарности к моему начальству, доставившему мне случай оные видеть. В Галерее эстампов имел честь познакомиться с г-ном Францелем, инспектором оного заведения и отличным гравером по пейзажной части, доставившим мне случай видеть рисунки Карла Маратти⁸³¹ и картины Корреджо, рисунков Альберта Дюрера, рисунок Рафаэля Менгса⁸³². Из Дрездена отправился через Лейпциг в Франкфурт на Майне, где в Бетмановом саду видел произведение г-на Данокера Ариадну из белого мрамора, имел вход в Анатомичный и Натуральный кабинеты. Из Франкфурта отправился через Майнц⁸³³ в Париж, куда и прибыл 22 сентября.

В Париже явился к г-ну Тардьё, который по прочтению писем от Вашего превосходительства был крайне обрадован и просил изъявить свою признательность как Вам, так и Всему Совету Императорской Академии художеств за столь лестное и давно ожидаемое звание.

Явившись к его сиятельству графу Поццо ди Борго и по прочтении данных мною писем, Его Сиятельство обещал мне находить в нем во всякое время покровителя и дать случай познакомиться с г-ом Жераром и знаменитым гравером г-м Ришоммом, которого школа в новые времена признана тамошними мастерами за самую лучшую.

Придавая себя во всегдашнее покровительство Императорской Акаде-

⁸²⁴ Вероятно, имеется в виду работа Фердинанда Гартмана (1774–1842), немецкого художника.

⁸²⁵ Картина написана на сюжет поэмы Х.М. Виланда «Оберон» (1780).

⁸²⁶ Вероятно, имеется в виду работа Джона Даниеля Керстена (1758– ок 1810), немецкого художника.

⁸²⁷ Вероятно, имеется в виду «Сикстинская мадонна» Рафаэля (1515–1519).

⁸²⁸ Корреджо создал картину «Священная ночь» около 1530 года.

⁸²⁹ Точное название картины Тициана «Динарий Кесаря» (1516).

⁸³⁰ Карраччи – семья итальянских художников XVI–XVII вв.

⁸³¹ Маратти Карло (1625–1713), известный итальянский художник.

⁸³² Менгс Антон Рафаэль (1728–1779), известный немецкий живописец, историк искусства.

⁸³³ Майнц – город в земле Рейнланд-Пфальц в Германии.

мии художеств, имею честь быть с глубочайшим почтением покорнейший слуга пенсионер Федор Иордан. Жительство имею Rue du Faganke, № 7. Париж. 30 сентября 1829.

Определение Временного правления Императорской Академии художеств от 31 декабря 1829 года⁸³⁴

Статья 32. Определено: записать в журнал, что по предстоящему сроку к отправлению следующих на содержание находящемуся в Париже художнику 14 класса Федору Иордану с 22 января по 22 мая будущего 1830 года ста червонных поручено казначею Академии доставить к банкиру барону Ралю ассигнациями по курсу 18 сего декабря тысячу семьдесят пять рублей, каковые деньги и записать в расход на счет сумм, определенных по штату на содержание пенсионеров в чужих краях. А дабы пенсионеры Императорской Академии художеств не терпели нужд от невременного получения пенсионов своих, отправлять им вперед оные за месяц до истечения трети, для исполнения чего и должно наблюдения передать с статьи сей списки казначею и бухгалтеру.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 13(26) апреля 1830 года⁸³⁵

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что по правилам данной мне инструкции относился первым моим рапортом от января месяца через контору г. Лафита, но по известиям, дошедшим из С.-Петербурга с прискорбием мне усмотреть, что Совет Императорской Академии художеств, не получивший оный, находится в неудовольствии, почитая сие нерадением к предписанным правилам. И не находя средств к оправданию, не имея свидетельства на получение оного, осмелюсь возложить труд справиться в конторе г. Лафита, находящейся в С.-Петербурге.

В рапорте от января месяца я старался уведомить Совет Императорской Академии художеств, что по приезде моем в Париж осмотрел античные и картинные галереи в Лувре и Люксембурге, по письмам, данным мне от советника Императорской Академии художеств Н.И. Уткина, имел удобства познакомиться с г. Жераром, [Стебе], Ришоммом, Денуайе, равномерно просить позволение вступить в ателье г. Ришомма по причине маститой старости г. Тардьё, не упуская заниматься в продолжение всего времени рисованием с натуры в частной Академии.

Холодная и ненастная погода не позволяла заняться немедленно предложенным мне делом в ателье г. Ришомма – гравированием двух голов: Рафаэля и Перуджино – отрывок из Афинской школы, ныне же при на-

⁸³⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 23. Первая публикация.

⁸³⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 29 в. Первая публикация.

ставшей весне избрал в Королевском музее картину Тициана, изображающую Спасителя в мученической одежде, представляемого народу, состоящая из трех [неразб.] фигур⁸³⁶. По окончании рисунка не премину представить на благоусмотрение Совета оной прорись. В марте месяце конкурровал для рисования в Королевской Академии художеств и был принят в число рисуемых, при сем осмелюсь прибегнуть с просьбою о доставлении свидетельства рождения, ибо все учащиеся могут конкуррировать только до 30 лет. При благодарности получен мною произведенный пенсион за две трети года.

Предая себя во всегдашнее покровительство Совета Императорской Академии художеств. Имею честь быть покорнейший слуга пенсионер Федор Иордан.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 9 августа 1830 года⁸³⁷

Имею честь донести Императорской Академии художеств, что я в продолжение сего времени старался привести к окончанию мой рисунок для гравирования, коего прорись я имею честь представить ныне на благоусмотрение Совета Императорской Академии художеств, от сего времени все старания будут приложены мною к совершенному выполнению одного на меди.

Ныне отличные произведения по гравировальному искусству вступили здесь в частные выставки новых произведений Ришомма «Дафнис и Хлоя» с г. Жерара⁸³⁸, г. Денуайе «Святая Фамилия»⁸³⁹, г. Дюпона «Густав Ваза» с г. Герхана⁸⁴⁰ и др.

Несчастные следствия трехдневной революции, бывшей здесь 28, 29, 30 июля месяца послужили потерей отличного произведения г. Жерара, картины, изображающей коронование Карла X, которая была истреблена народом во время взятия Тюильринского дворца⁸⁴¹, той же участи подвержены были все королевские портреты сего же мастера. Картина,

⁸³⁶ Имеется в виду поздний вариант полотна Тициана «Коронование терновым венцом» (1540-е гг.), ныне находящийся в Лувре. Ф.И. Иордану не удалось исполнить гравюру по рисунку с этой картины.

⁸³⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 32.

⁸³⁸ Гравюра И. Ришомма была выполнена с оригинала французского художника Жерара (1824, Лувр).

⁸³⁹ О.Г.Л. Денуайе известен как автор целого ряда гравюр с картин Рафаэля.

⁸⁴⁰ Гравюра «Густав Ваза» была выполнена в 1831 году Генрекелем-Дюпон Луи Пьером (1797–1892), французским гравером, членом Французского Института.

⁸⁴¹ Тюильрийский дворец – резиденция французских королей, памятник архитектуры XVI–XVII вв., неоднократно перестраивался, в 1871 году большая часть его сгорела, на месте дворца теперь находится парк.

представляющая въезд Генриха IV в Париж, повреждена пролетевшей пулей. От 31 июля народ находится в полном спокойствии и в общей радости: 7 августа Дюк Орлеанский наименован королем Франции.

Присланный вексель из конторы банкира г. Штиглица⁸⁴² в С.-Петербурге получен мною в мае месяце через банкира г. Гонтарда в Париже, при чем предавая себя во всегдашнее покровительство Императорской Академии художеств, имею честь быть всепокорнейший и всенижайший слуга, пенсионер Федор Иордан. Париж.

Докладная записка А.Н. Оленина [министру императорского двора] о пребывании ныне в Париже пенсионера Императорской Академии художеств гравера Иордана от 9 августа 1830 года⁸⁴³

В недавнем времени отправлен был в Париж для усовершенствования в гравировальном искусстве пенсионером художник 14-го класса Иордан. Сего дня я получил от него донесение, в котором он испрашивает от меня разрешение: в каком месте назначено ему будет усовершенствоваться в его искусстве, если политические обстоятельства, возникшие в Париже с такою жестокостью, не позволят ему там остаться! Считая долгом донести о сем обстоятельстве без замедления, я полагаю с моей стороны, что в случае если повелено ему будет оставить город Париж, то можно ему с большею пользою для его художества оставаться в Лондоне, где гравировка на меди достигла высочайшего совершенства; но тогда на содержание его должно сделать некоторую прибавку по общей в Англии дороговизне. Донеся о сем обстоятельстве, я буду ожидать начальнического от Вашего сиятельства разрешения.

Президент А. Оленин.

**Письмо Ф.И. Иордана к А.Н. Оленину.
Лондон 11(23) октября 1830 года⁸⁴⁴**

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Алексей Николаевич!

Непрерывным долгом поставляю уведомить ваше высокопревосходительство, что по получению мною Вашего предписания от 15(27) ав-

⁸⁴² Штиглиц Людвиг Иванович (1777–1842), барон, придворный банкир, создатель банковского дома «Штиглиц и К^о».

⁸⁴³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1015. Л. 37. Затем последовало разрешение из Министерства Императорского Двора на жительство Ф. Иордана в Лондоне. Л. 38. Первая публикация.

⁸⁴⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 48. Первая публикация. 7 ноября 1830 года Совет ИАХ принял решение о добавлении Ф. Иордану 100 червонцев. См.: там же. Л. 49.

густа месяца о немедленном оставлении Парижа: причем Ваше высокопревосходительство изволили исходатайствовать мне милость в денежном пособии на путевые издержки, снабдив рекомендательными письмами на имя Его высокопреподобия Я.И. Смирнова и знатного гравера Раймбаха, я не преминул оное исполнить, оставив Париж и находясь 11 (30) сентября в Лондоне.

По приезде моем в Лондоне явился в дом российского посольства, но не имея чести видеть Его Сиятельство графа Матушевича⁸⁴⁵, который находился в сие время у короля в Виндзоре, Его же Высокопреподобием Я.И. Смирновым по Вашей милостивой рекомендации был принят отличным образом. Г. Раймбах с своим семейством находится на некоторое время вне Лондона для посещения загородных мест, по приезде его я премину отнестись рапортом в Совет Императорской Академии художеств.

Находясь столь малое время в Лондоне и притом познание английского языка не дают мне случая известить Ваше превосходительство о богатых собраниях по художественной части, находящихся здесь большею частью во владении частных особ, притом все галереи в сие время года находятся закрытыми до ноября месяца. В частной выставке я имел удовольствие видеть вазу отличной работы, которая будет поднесена королю 9 ноября мэром города Сити⁸⁴⁶. Сие произведение, единственное в своем роде, украшено многими мифологическими фигурами, ценится в 250000 франков, будучи сделано из чистейшего серебра и выполненное с превосходным вкусом.

При окончании моего донесения осмелюсь прибегнуть к Вашему высокопревосходительству и Совету Императорской Академии художеств с просьбою о испрошении себе достаточного пенсионера для моего пребывания и учения в Лондоне по причине существующей чрезвычайной во всем дороговизны. Имея счастье ознакомиться несколько с здешними художествами, я с прискорбием был предупрежден, что за одно ученье платится здесь г. профессору около 100 ф. стерл., которое составляет почти весь мой годовой пенсион, невозможно иметь стоящей комнаты, не заплатив 1 фунт стерл. в [неделю], пища же несравненно дороже против Парижа, при том невозможно видеть ни одно здание, заключающее в себе какие-либо сокровища по художественной части, не заплатив назначенной суммы денег, в оном случае прибегаю к щедротам

⁸⁴⁵ Матушевич Адам Фаддеевич (1791–1842), российский посол в Великобритании в 1830 году.

⁸⁴⁶ Сити – район, находящийся в центре Большого Лондона, имеющий статус церемониального графства.

Всемиловейшего нашего монарха и к покровительству Вашего Высокопревосходительства.

Удостоите принять мое искреннее высокопочтение и всенижайшую преданность, с сим имею честь [быть] Вашего превосходительства Милостивого государя всепокорнейший и всенижайший слуга, пенсионер Ф. Иордан.

48. Hay Market г. London.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 3 ноября (22 октября) 1830 года⁸⁴⁷

Имею честь донести Императорской Академии художеств, что по получении мною предписания от президента Императорской Академии художеств Его Высокопревосходительства Алексея Николаевича Оленина о немедленном оставлении Парижа с пожалованием на то милостью господней в 50 червонцев на нужные издержки, я не преминул оное немедленно исполнить и прибыл в Лондон 29 сент. (10 окт.), где и имел честь явиться в дом российского посольства.

В полученном мною предписании мне назначено явиться в Лондон к знаменитому граверу г. Раймбаху, на имя кого я имел честь получить два письма: одно от Его Превосходительства Алексея Николаевича Оленина, президента Императорской Академии художеств и другое от Н.И. Уткина, советника оной Академии художеств, но в день коего был извещен, что оной находится на некоторое время вне Лондона по причине болезненного состояния его семейства.

Я имел удовольствие видеть здешнюю Национальную галерею, которая заключает в себе весьма малое собрание картин, числом около 50 и в коей для занятия художников назначены только два дня в неделю; здесь кроме отличных произведений итальянской школы находятся картины английских мастеров Веста⁸⁴⁸ и Уилки, из коих г. Уилки весьма славен в изображении домашних сцен.

Гравировальное искусство по удивительному своему эффекту, приятию работы и верности изображаемых лиц доведено здесь до высшей степени совершенства: к несчастью, по словам здешних артистов, особенный вкус публики к домашним сценам не позволяет граверам производить исторические эстампы.

По истинной надобности нахожу себя принужденным прибегнуть к Совету Императорской Академии художеств с прошением о доставле-

⁸⁴⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 54.

⁸⁴⁸ Вест Бенджамин (1738–1820), английский живописец, его работы находились в Национальной галерее в Лондоне.

нии средств для моего пребывания и учения в Лондоне по причине существующей здесь чрезвычайной дороговизны, и доселе получаемый мною пенсион весьма недостаточен для здешнего пребывания, о чем Совет Императорской Академии художеств может справиться у посольства Российского Двора в Лондоне.

Предая себя во всегдашнее покровительство Императорской Академии художеств, остаюсь с глубочайшим почтением и со всеижайшею преданностью всепокорный слуга. Пенсионер Федор Иордан.

48. Hay Market г. London.

**Письмо протоиерея Якова Смирнова к А.Н. Оленину
от 11 (23) ноября 1830 года⁸⁴⁹**

Милостивый Государь, Алексей Николаевич!

Прошедшего октября 5/17 числа г. Иордан вручил мне почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства от 15/27 августа, о чем, конечно, он вам донести не оставил, равно как и о том, что г. Раймбаха в то время по причине болезни своей был у морских бань и возвратился токмо дней за 6 до сего. По прибытии его я был у него с г. Иорданом, чтобы узнать, согласится ли он принять г. Иордана к себе или нет. Сначала он очень мало расположен был им заняться, наконец, однако ж, мы успели по крайней мере в том, что он берет г. Иордана в свое призрение, позволяет ему приходить в свою мастерскую и работать у него с 9 часов утра до 4-х часов пополудни и за сие требует по три фунта стерлинга в месяц, что я считаю весьма умеренным, но он не может дать ему у себя ни квартиры, ни стола. Г. Иордан начал свою работу у г. Раймбаха с нынешнего утра; квартиру и стол должно будет приискать где-нибудь в соседстве.

До приезда г. Раймбаха я советовал г. Иордану заняться английским языком, что он и сделал, и я приискал ему порядочного учителя для уроков, которые, надеюсь, он в состоянии будет продолжить в свободные часы. Хотя наверно сказать еще не могу, но полагаю, что квартира и стол и прислуга будут стоить около двух гиней в неделю или близ «110» фунтов ст. в год, да 36 ф. с. г. Раймбаху, кои две суммы, кажется, и превышают уже жалование г. Иордана, состоящее, как слышу, в 300 червонцев, как считаю по нынешнему курсу 9 шиллингов 2 пенса за червонец составит 137.10.0 или около того; для английского языка и на другие его необходимости у него не остается ни копейки.

Я не сомневаюсь, что Ваше Превосходительство, приняв сие в рассуж-

⁸⁴⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 56–57. Полностью публикуется впервые. ИАХ решила добавить необходимую сумму Ф.И. Иордану на проживание и обучение, доведя ее до 366 червонцев в год. См.: там же. Л. 58.

дение, изволит увидеть надобность сделать прибавку к его жалованию. Считаю, что если 300 червонцев велите производить ему на лондонское его пребывание по 200 фунтов. стерлингов, то сего будет довольно. Такую сумму Адмиралтейство наше дает в жалование ежегодно чиновникам, обучающимся ныне здесь кораблестроению под моим призрением. Окончив свою работу днем у г. Раймбаха, по вечерам он будет ходить по рекомендации г. Раймбаха в Королевскую академию художеств, где и академики и ученики занимаются рисовкой, как с чертежей, так и с натуры, что, по словам Раймбаха, будет очень полезно для г. Иордана.

Прилагаю копии с письма г. Раймбаха, которое содержит его условие, на кои я заверно согласился на три месяца, т.е. до получения вашего ответа, изволите ли оных одобрить или нет. Мне очень было лестно видеть, что Ваше Превосходительство доселе и имя мое помните, и не лишается вашего благорасположения и доверенности, что я почитаю весьма драгоценным и предлагая навсегда мои охоту и готовность к вашим услугам, честь имею быть с отличным истинным почтением и совершенной преданности покорнейший слуга. Протоиерей Яков Смирнов.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 11 мая 1831 года⁸⁵⁰**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что нынешним моим занятием в Лондоне служит продолжение гравирования моего рисунка, коего лофорт и некоторые недельные рисунки с натуры имею честь представить ныне на милостивое Ваше благоусмотрение, вечерние же часы посвящаю рисованию с натуры.

В Лондоне имеются ныне многие публичные выставки художественным произведениям, из коих лучшие находятся в Королевской Академии художеств, вмещающей в себя огромное собрание художественных произведений всех родов числом 1,234, между коими заслуживают особенное внимание по скульптурной части: труды Чентри⁸⁵¹ и резьба на камне г. Пиструччи⁸⁵²; по исторической живописи картины гг. профессоров Этти⁸⁵³ и Гильтона⁸⁵⁴, по портретной живописи, составляющей

⁸⁵⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 66, 67. Полностью публикуется впервые.

⁸⁵¹ Чентри Фрэнсис Легатт (1781–1842), английский скульптор, член Лондонской королевской академии.

⁸⁵² Пиструччи Бенедетто (1783–1855), гравер по камню, медальер Монетного двора в Лондоне.

⁸⁵³ Этти Уильям (1787–1849), английский живописец, действительный член Королевской Академии художеств.

⁸⁵⁴ Имеется в виду Хильтон Вильям (1786–1839), английский исторический живописец, академик.

главную часть выставки, отличаются труды гг. профессоров Уилки, Филиппса⁸⁵⁵ и Пикерсгилла⁸⁵⁶; в изображении домашних сцен: труды г. Лансира⁸⁵⁷; по пейзажной живописи: труды Тернера⁸⁵⁸ и Каллькотта⁸⁵⁹; по гравировальному искусству многие отличные виньеты Хиса⁸⁶⁰ и Финдена, некоторые, будучи требуемы здесь в большом количестве, служат ныне общим занятием всех гравиров. В сем открытии находится также большое собрание лепной работы из воска, множество отличных моделей, предполагаемых строениям, как-то модель Великобританского Сената⁸⁶¹, модель надгробной покойному королю Георгу IV⁸⁶² и проч. Накануне открытия оной Академии король удостоил ее своим присутствием.

Осмелюсь принести чувствительную свою благодарность Совету Императорской Академии художеств в исходатайствовании мне монаршей милости, состоящей в прибавлении к получаемому мною доселе пенсиону, которую милость буду стараться оправдывать своим поведением и возможными успехами.

Имея желание усовершенствоваться далее в приготовлении по крепкой водке и в особенности, находясь под смотрением г. Раймбаха, столь известного в сем роде гравирования, мною сделаны два лофорта с одного рисунка, из коих, первый, хотя весьма слабый, но для живописи с последним представляю ныне на милостивое Ваше благоусмотрение.

Препровожденные деньги через контору г. банкира Штиглица, состоящие из 30 ф. с., мною получены в конторе Гарман и К. Предая себя во всегдашнее покровительство Совета Императорской Академии художеств, имею честь быть всепокорнейший слуга, пенсионер Федор Иордан. 61. Warren Str. Fitzroy square. London.

Письмо гравера А. Раймбаха к А.Н. Оленину от 26 мая 1831 года⁸⁶³

Г. президент, спешу воспользоваться случаем, чтобы сообщить вашему превосходительству некоторые сведения относительно г. Иордана,

⁸⁵⁵ Филиппс Томас (1770–1845), английский живописец, портретист, профессор, действительный член Королевской Академии художеств.

⁸⁵⁶ Пикерсгилл Генри Вильям (1782–1875), английский живописец, портретист.

⁸⁵⁷ Ландсир (Лансир) Эдвин Генри (1802–1873), английский живописец-анималист.

⁸⁵⁸ Тернер Джозеф Мэллорд Уильям (1775–1851), известный английский живописец-пейзажист, маринист.

⁸⁵⁹ Каллькотт Август Уолл (1779–1844), английский живописец, пейзажист, маринист.

⁸⁶⁰ Вероятно, Хикс Роберт, гравер первой трети XIX в.

⁸⁶¹ Здание Британского парламента было построено по проекту Чарльза Бэрри.

⁸⁶² Георг IV (1762–1830), английский король (1820–1830).

⁸⁶³ Перевод письма с французского языка печатается по изданию: Иордан Ф.И. Записки ректора и профессора Академии художеств. – М., 1918. – С. 334.

пенсионера Императорской Академии, который был рекомендован мне вашим прев[осходительство]м прошлой осенью.

С особенным удовольствием считаю долгом своим выразить вашему прев[осходитель]ству мое полнейшее одобрение, как относительно нравственности и безупречного поведения г. Иордана, так и в отношении его таланта, прилежания и выдержки по его специальности. Трудно встретить в одной и той же личности столько добрых качеств, как в этом молодом человеке. Смею надеяться, что в[аше] пр[евосходитель]ство не откажете в поощрении и одобрении за его успех в трудной отрасли гравирования по крепкой водке. Пробные оттиски прилагаю с сим письмом на ваше благоусмотрение.

Авраам Раймбах.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 1(13) сентября 1831 года⁸⁶⁴

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что нынешним моим занятием в Лондоне служит оканчивание мною гравюра, которое по методе г. Раймбаха начинается с главной части тела, по окончании коим следует избрать крепчайшую тень в картине и сыскать настоящий тон ее на меди грабштихом или иголкой, должно приближаться мало-помалу к легким теням, стараясь придавать каждой материи или каждому цвету в картине особенного рода работу в гравюре, через это эстамп при окончании получит полный эффект оригинала.

Притравливание гравировальных работ крепкою водкою г-ом Раймбахом вовсе не употребляется, которое лишает гравера получения должного числа хороших оттисков, ибо из опытов им найдено, что все места, притравленные крепкою водкою, скорее испечатываются против мест, выгравированных грабштихелем или иголкой; по его словам, даже сам Вуллет (Woollet)⁸⁶⁵, известный гравер пейзажей, весьма редко пользовался сим средством в своих произведениях.

По механической части для приготовления грунтов в портретах, воздуха в пейзажах, равномерно и во всех частях первого лофорта английские граверы употребляют для сего искусства простые линейки, о чем я уже старался известить г. президента ИАХ, Его высокопревосходительство Алексея Николаевича Оленина.

Подогревание медных досок в печатных палатах посредством паров изобретено в Лондоне единственно для сохранения здоровья мастеров

⁸⁶⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 70, 71. Полностью публикуется впервые.

⁸⁶⁵ Вуллетт Уильям (1735–1785), английский гравер, член Объединенного общества художников.

сего искусства, ибо жар от угольев имеет большое влияние на глаза и грудь, что я имел удовольствие слышать от самого г. Диксона, изобретателя сего употребления.

Между множеством отличных произведений по гравировальному художеству, вступивших здесь в продажу, лучшими считаются: гравюр г. Бернета с картины г. Уилки, представляющий: Чельские пенсионеры, читающие газеты о одержанной победе англичан над французами при Ватерлоо⁸⁶⁶. Картина сия писана по заказу дюка Веллингтона. Г-м Раймбахом кончен гравюр, изображающий церковного старосту (The Parish Bidle) с картины г. Уилки, писанная для коллекции Сира Роберта Пиля (J.R. Peel) и мн. др. Г-н Уилки занят оканчиванием картины Джон Нокс⁸⁶⁷ по заказу Сира Роберта Пиля, который имеет большое собрание картин сего знаменитого художника.

В недавнем времени открыт в Лондоне на Ганноверской площади (Hanover square) монумент сэру Уильяму Питу из бронзы трудов первого здешнего скульптора г. Чентри. При окончании моего всепокорнейшего донесения поставляю уведомить Совет Императорской Академии художеств, что известный гравер пейзажей в Лондоне г. Пай (Pye) изъявляет согласие на получение местного звания Почетного члена Императорской Академии художеств в С.-Петербурге, на получение коего права он не преминет представить на благоусмотрение Совета отличной работы оттиск своих трудов, выгравированный им с картины г. Тернера (Turner), изображающей храм Юпитера (The Temple of Jupiter)⁸⁶⁸.

Предая себя в всегдашнее покровительство Императорской Академии художеств, имею честь быть с глубочайшим почтением, всепокорнейший и всепреданный слуга, пенсионер Федор Иордан. 61. Warren Str. Fitzroy square. London. Деньги, препровожденные чрез контору г. барона Штиглица, 67.16.11 мною получены в Лондоне в конторе Harman и С⁰.

Письмо Ф.И. Иордана А.Н. Оленину от 6(18) января 1832 года⁸⁶⁹

Имею честь поздравить Ваше Высокопревосходительство с наступающим Новым годом при искреннем желании Вам всякого благополучия и донести, что по получении Вашего предписания в изучении мною способа гравирования, именуемого in aqua-tinta и при исходатайствовании Вами на то суммы, требуемой г. Бентелем, я не преминул приступить к

⁸⁶⁶ Имеется в виду работа Д. Уилки «Отставники из Челси, читающие о победе при Ватерлоо», созданная в 1822 г. (Эшди-хаус, Музей Веллингтона, Лондон).

⁸⁶⁷ Имеется в виду работа Д. Уилки «Проповедь Джона Нокса» (1832).

⁸⁶⁸ Гравюра была выполнена Д. Паем с оригинала Тернера «Храм Юпитера Пэнэллинского» (1816).

⁸⁶⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 86. Первая публикация.

немедленному его исполнению. Находясь некоторое время под введением сего мастера в изучении сего способа гравирования и стараясь замечать все употребляемые им средства, мною сделаны были некоторые опыты в сем искусстве, коих слабые успехи с описанием и имею честь представить ныне на милостивое Ваше благоусмотрение. Удостоите, Ваше Высокопревосходительство, мое глубочайшее высокопочтение и всеижайшую преданность, с коим имею честь быть Вашего превосходительства Милостивого Государя всепокорнейший и всеижайший слуга, пенсионер Федор Иордан. Лондон.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 7(19) января 1832 года⁸⁷⁰

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что я не перестаю заниматься окончанием мною гравюры с картины Рафаэля, кроме одного по полученному предписанию от г. президента Императорской Академии художеств Его Высокопревосходительства Алексея Николаевича Оленина в изучении способов гравирования, именуемого aqua tinta, с пожалованием на то суммы, требуемой г. Бентелем⁸⁷¹, сие предписание мною было со всевозможною точностью исполнено и сделанные опыты в сем роде гравирования с списанием средств, употребляемых при произведении одного, я имею честь представить на благосклонное внимание Его Высокопревосходительства. Предая себя во всегдашнее покровительство Совету Императорской Академии художеств, имею честь быть всепокорнейший и всеижайший слуга, пенсионер Федор Иордан. Адрес: London. M-r Walton. Pitt street. Charlotte street.

Выписка из журнала Совета Императорской Академии художеств от 4 марта 1832 года⁸⁷²

5. По донесению пенсионера Иордана, в Лондоне находящегося, коим донося о его занятиях по части гравирования in aqua tinta, представляет описание способа гравирования сего рода.

Определено: принять сие донесение к сведению, и между тем, буде кто из гг. профессоров пожелает списать копию с присланного пенсионером Иорданом описания, дать таковому оную.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 76. Первая публикация. В дополнение к рапорту Ф.И. Иордан прилагает «Способ гравирования, именуемый aqua-tinta». Там же. Л. 77–79.

⁸⁷¹ Бентли Джозеф Клайтон (1809–1851), английский гравер, с 1832 года жил в Лондоне.

⁸⁷² Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 275.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 10 мая 1832 года⁸⁷³

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что имея желание представить с сим рапортом окончательный оттиск моего гравюра, но не успев привести оный к совершенному окончанию, надеюсь в скором времени представить оный на ваше благоусмотрение вместе с опытом, сделанными мною *in aqua-tinta*, которые доставлены были в контору банкира Гармана для отправления в С.-Петербург еще в январе месяце, но по не имеющейся навигации оные находятся у него еще до сего времени.

Равномерным долгом поставляю уведомить Совет Императорской Академии художеств о употребляемом здесь способе подтравливания гравировального художества на меди, которое средство г. Раймбахом от удивительного его навыка резания грабштихелем, хотя вовсе не употребляется, но всеми прочими английскими граверами повторяется в продолжение нескольких раз прежде, нежели гравюра приведена будет к совершенному окончанию; в сем случае они употребляют плоский тампон или грунтовальную подушку, заключающую весьма малое количество хлопчатой бумаги или шерсти; поверхность сей подушки обтягивают вместо шелковой материи нежного сорта лайкою, коей поры или скважины были бы весьма мелки; медную доску требуется вымыть как можно чище мылом с поташною водою, дабы в штрихах оной не оставалось каких-либо жирных частиц деревянного масла и т.п.; потом нагревать оную (доску) умеренным образом и разведя по сторонам ее грунт, поступая как при обыкновенном грунтовании доски. Втирание мела в штрихи здесь весьма редко употребляется. Состав кислоты для подтравливания должен состоять из одной трети кислоты, разведенной с двумя третями воды. Время для подтравливания употребляется англичанами самое короткое от 2 до 5 минут, за оным работают некоторое время инструментом и потом вновь подтравливают. По словам известного гравера пейзажей г. Пая (Pye), все его произведения прежде окончания подтравливаются от 8 до 15 раз.

Королевская академия художеств в Лондоне открыта ныне на три месяца для публики, в которой между 1229 новыми художественными произведениями отличается превосходная историческая картина средней величины Давида Уилки, представляющая проповедь Джона Нокса. Сие произведение служит главным любопытством публики, посещаю-

⁸⁷³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 86, 87. Полностью публикуется впервые.

щей сию выставку, на коей большая часть выставленных произведений суть портреты, несколько предметов из домашних сцен и весьма малое количество слабых исторических сюжетов, которая часть живописи здесь вовсе не требуется и не поощряется публикою.

За основною выставкою лучшею считается выставка картин, написанных водяными красками (*Exhibition in water colours*), которая часть живописи доведена до большой степени совершенства, и эффектом своим и окончанием вовсе не уступающая картинам, писанным масляными красками; в сем роде живописи отличаются произведения по исторической части: девицы Луизы Шарп⁸⁷⁴, младшего Степанова⁸⁷⁵, живописца Е. К. В., и мн. др.; по ландшафтной части – произведения копии Филдинга, Робсона⁸⁷⁶ и проч. Предая себя во всегдашнее покровительство Совету Императорской Академии художеств, имею честь быть всепокорнейший и всенижайший слуга, пенсионер Федор Иордан. 24 Pill street Fitzroy Ignow. London.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 10 июля 1832 года⁸⁷⁷

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый государь!

Имею честь донести Вашему высокопревосходительству, что я имел честь относиться [к] Вам рапортом еще в январе месяце о представлении моих опытов в делании аква-тинты, но по [воле] имеющейся в оное время навигации сии опыты были задержаны в Лондоне до мая месяца, к которому времени я надеялся привести к окончанию и гравюр мой с Рафаэля. При наступившем сем месяце по советам здешних артистов я нашел вынужденным сделать большие перемены в моем гравюре *in taille-douce*, которые надеюсь исправить в короткое время, отлагая вместе и отправление моих опытов *in aqua-tinta*; но сверх всякого ожидания мой гравюр находится в неокончателном виде еще и до сего времени; почему я решаюсь ныне представить единственно труды мои первоначального опыта в делании аква-тинты с назначением всех замечаний, сделанных моим наставником сего искусства г. Бе[нтлея], на милостивое благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

⁸⁷⁴ Шарп Луиза (1800–1843), английская художница-миниатюрист, акварелист, член Общества художников-акварелистов.

⁸⁷⁵ Степанов Франциск Филипп (1788–1860), английский живописец русского происхождения, акварелист, автор портретов, посвященных коронации Георга IV.

⁸⁷⁶ Робсон Георг Феннел (1790–1833), английский ландшафтный живописец и акварелист.

⁸⁷⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 93. Первая публикация.

Равным образом имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что получив весьма лестное для меня знакомство здешнего известного гравера г. Пая (Pye) и видя достойные его произведения, я не мог остаться хладнокровным, дабы не сделать талант его известным, как Вашему Высокопревосходительству, так и совету Императорской Академии художеств, коего труды с письмом на имя Ваше я имею честь представить на Ваше благоусмотрение.

Удостоите принять, Ваше Высокопревосходительство, мое всеглубочайшее высокопочитание и всенижайшую преданность с коими имею честь быть.

Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя всепокорнейший и всенижайший слуга, пенсионер Федор Иордан. 24 Morninton Place. Hamstead Road. London.

Объявление от 27 июля 1832 года⁸⁷⁸

Сим объявляю Императорской Академии художеств, что мною отправлена через Российское консульство в Лондоне посылка, состоящая из гравюр in taille-douce и in aqua-tinta в Императорскую Академию художеств в С.-Петербурге; оная посылка будет находиться в Иностранной коллегии и откуда Императорская Академия художеств принять труд оную вытребовать. Федор Иордан, пенсионер ИАХ. Лондон.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 10 сентября 1832 года⁸⁷⁹

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что начатый мною в Лондоне гравюр с картины Рафаэля, представляющий Святую Фамилию, приведен ныне к окончанию, коего оттиски и имею честь представить на благосклонное оною внимание. Имея честь препроводить при сем случае единственно одни оттиски без рисунка и доски, коим намерением и желанием есть получение от Совета Императорской Академии художеств замечаний на недостатки, находящемся в сем слабом произведении, кои исправив, доколе поставлю оные доставить в Императорскую Академию художеств.

Если произведения моего искусства оправдают ожидание Совета Императорской Академии художеств, то осмелюсь прибегнуть к оному с усердною просьбою на получение права печатания сей доски в Лондоне, копию оттиска я надеюсь с большим удовольствием доставить через Российское консульство в Императорскую Академию художеств. Издер-

жки, печатанию служащие: оттисках на китайской бумаге, включая издержки бумаги за 100 экземпляров 4 фунта, оттисках же на простой бумаге 3 фунта.

Равномерным образом имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что будущим моим занятием в Лондоне будет изображение оригинальной картины для гравирования in taille-douce, гравирование in aqua-tinta и в опыте гравирования мелких виньетов на стали. Предая себя во всегдашнее покровительство Совета Императорской Академии художеств имею честь быть с глубочайшим почтением всепокорнейший слуга, пенсионер Федор Иордан. Адрес: 24 Mornington Place Hampstead road. London.

Выписка из журнала Совета Академии художеств 13 сентября 1832 года⁸⁸⁰

Ст. 7. По двум донесениям пенсионера Иордана, в Лондоне находящегося (№1068 и 1084). Определено: о гравере Пай (Pau) доложить в предварительном собрании академического совета для принятия его в почетные вольные общники, а пенсионеру Иордану объявить удовольствие Академии за труды его, постоянно продолжаемые им в Лондоне к всеобщему себя усовершенствованию по части гравировального искусства.

Выписка из журнала Совета Академии художеств 13 сентября 1832 года⁸⁸¹

16. По донесению находящегося в Лондоне пенсионера Иордана, при коем представляя на благоусмотрение Академии оттиски гравюры трудов его, с картины Рафаэля, изображающей Святую Фамилию, просит сделать на недостатки в сем произведении его замечания, кои он, исправив, доставит в Академию, если же сие произведение оправдает ожидание Совета, то дозволить ему печатание сей доски в Лондоне. При чем известил о предпринятом им гравировании in aqua-tinta оригинальной картины in taille-douce и мелких виньетов на стали.

Определено: уведомить пенсионера Иордана, что Академия весьма довольна трудом его и имеет причину быть убежденною, что в нем она будет иметь художника в полном смысле отличного, что же касается до сделания замечаний на гравюры трудов его с картины Рафаэля Св. фамилии, то Совет Академии, не имея в виду оригинальной картины, не

⁸⁸⁰ Там же. Л. 94. Первая публикация.

⁸⁸¹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 287–288.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 92.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 95. Первая публикация.

может сделать оных с надлежащею подробностью, а потому ограничивается только советом поверить руки Богоматери, правую руку Спасителя, облегчить драпировку в тени, что под рукою Богоматери и вообще в теле младенца поверить постепенность света и тени, причем предписать г. Иордану по довершении своего эстампа отпечатать *avant les lettres* 100 экземпляров, в числе 25 собственно для себя; прочих же эстампов *avec les lettres*, сколько выйдет хороших оттисков, дозволив ему из сих последних взять то ж для себя 75 экземпляров.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 3 февраля 1833 года⁸⁸²**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что с истинным удовольствием и благодарностью я имею честь получить письмо от г. конференц-секретаря В.И. Григоровича с объявлением мне там лестных отзывов и милостью, которыми удостоили меня Совет Императорской Академии художеств за оконченный мною эстамп Святой Фамилии с Рафаэля, все найденные в оном недостатки будут исправлены и с открывающейся навигацией буду иметь честь доставить как доску, так и оттиски с оной в Императорскую Академию художеств, что мною приведен к окончанию гравюр с Рафаэля, представляющий собственный его портрет с портретом своего профессора Перуджино, которым произведением я занимался единственно для получения совета в гравировании портретов и коего слабые успехи буду иметь честь доставить на рассмотрение Совета Императорской Академии художеств.

Я имел уже честь уведомить совет Императорской Академии художеств о способах, употребляемых здешними граверами в подтравливании досок крепкою водкою (*nitric acid*), которое средство доведено было ими до большего совершенства, но, несмотря на то, находили большие затруднения в подтравливании легких теней гравюры; г. Гудолл (*m-r Goodall*)⁸⁸³, известный гравер пейзажей для избежания сих неудобств изобрел новое средство в подтравливании, а именно, когда доска приготовлена к грунтованию, т.е. будет вымыта скипидаром и поташною водою, которую, втерев в штрихи и стараясь за оным втереть поверхность доски ветошкою, так, чтобы магnezия могла остаться только в штрихах, гравер приступает к грунтованию доски обыкновенным образом. Сие новое изобретение оправдало полное ожидание здешних граверов и принесло общую благодарность г. Гудоллу.

⁸⁸² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л.103, 104. Полностью публикуется впервые.

⁸⁸³ Гудолл Эдвард (1795–1870), английский гравер, топограф.

Исправив недостатки моего эстампа Святой Фамилии, надеюсь приступить к гравированию на стали и о способах, употребляемых в сем искусстве, неперменным долгом поставляю себе уведомить Совет Императорской Академии художеств. Предая себя во всегдашнее покровительство Совета Императорской Академии художеств, имею честь быть всепокорнейший и всенижайший слуга, пенсионер Федор Иордан. Адрес: 24 Mornington Place Hampstead road. London.

**Выписка из журнала Совета Академии художеств
23 февраля 1833 года⁸⁸⁴**

3. По донесению пенсионера в Лондоне находящегося Иордана, коим уведомляет о получении им последнего отзыва Академии с изложением признательности членов Совета оной за присланные от него слепки с гравированного им эстампа, изображающего Св. Фамилию с Рафаэля, что он не преминет исправить замеченные Советом недостатки и по открытии навигации доставить в Академию самую сию доску с оттисками и что сверх того он кончил гравюр с Рафаэля, представляющий собственный его портрет с портретом Перуджино и проч., донося при том о способах, употребляемых английскими граверами в подтравлении досок крепкою водкою.

Определено: сие донесение, приняв к сведению, приложить к делу. По объяснении же г. профессора Брюллова о новом способе вырезывать штемпели для книжных заставок, потребовать от пенсионера Иордана, дабы он постарался узнать каким средством сие производится в Лондоне?

**Фрагмент письма Ф.И. Иордана к Н.И. Уткину
от 1 августа 1833 года⁸⁸⁵**

Обращаясь к Вам, Милостивый Государь, с полною доверенностью, будучи убежден всегда добрым Вашим расположением, что потрудитесь поговорить со мною в будущем письме о моем намерении, которое состоит в надежде увидеть в следующий год, весною, отечество изящных искусств, сад Европы, одним словом, обворожительную страну Италию, если только одобрит мое желание Совет Императорской Академии художеств и даст свое согласие – я Вам буду благодарен, если Вы напишете Ваше мнение о сем предмете. В Италии я мог бы заняться с тою же пользою как и в Англии, и даже более, ибо видя знаменитейшие произ-

⁸⁸⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. Ч. 2. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1865. – С. 293.

⁸⁸⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 117.

ведения великих художников приготовил бы несколько рисунков для будущего времени в моих занятиях, как то делают французские гравёры. Надеюсь, что работа моя с картины Чиголи будет окончена к отправлению, переезд же мой предприиму за свои издержки, следовательно пенсioen будет сбережен по прибытии в Италию.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 15 августа 1833 года⁸⁸⁶**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что имея желание узнать способ гравирования на стали, мною сделаны были в оном некоторые опыты; выгравировав (на стали) одну из композиций Хогарта (Hogarth), нынешним моим занятием служит гравирование на меди Божьей Матери, оплакивающей смерть Спасителя с картины Чиголи (Cigoli).

Равномерным долгом имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что по получении предписания об узнании нового способа гравирования книжных заглавий, т.е. штемпелей для оных, мною употреблены были для сего все старания, но которые, к несчастью, остались тщетными, ибо общий употребляемый в Англии для сего способ есть гравирование оных на стали, с коей доски можно иметь до 30000 экземпляров – количество, весьма редко требуемое; в рассуждении же банковых штемпелей, с коих печатается почти бесконечное число оттисков, то здесь изобретено г. Перкинсом (Perkins), американцем, средство повторять однажды выгравированный штемпель посредством печатания со стали на сталь. В сем случае заказывают гравёру выгравировать на толстой, крепко закаленной стальной доске требуемый предмет, потом, взяв подобную доску мягкой стали посредством сильного пресса получают на оной отпечаток выгравированного предмета в выпуклом виде, которую закалив, отпечатывают на другую доску мягкой стали, таким образом получают новый штемпель. Впрочем, сей способ удобен большею частью для простой и механической работы, нежная же и окончательная гравюра не будет соответствовать сему роду перепечатывания. Способ гравирования на стали отличается от способа гравирования на меди разницей употребляемых при вытравливании кислот. Для выгравирования на стали требуется составить следующий состав: на две равные части кислот, именуемых *Paralygne Neitric acid*, влить четыре части кипящей воды, держать оное закупоренным, и как скоро остынет, то способен будет для употребления. Занимаясь работою по грунту, гра-

веру должно избегать, дабы пот отдохновения не показывался на поверхности нагрунтованной доски, в особенности на выгравированных местах, отчего сталь будет ржаветь и во время вытравливания кислота не будет иметь своего действия на сии места. Время для теней – одна минута, для следующих за оными теней – две минуты, после одного – три, и т.д., не превышая пяти минут в один раз. При слитии кислоты каждый раз мыть поверхность доски в трех переменах холодной воды. Занимаясь окончанием гравюры грабштихелем или сухою иглою, для избегания ежеминутной или, вернее сказать, ежесекундной их ломки, следует исправлять как конец иглы, так и жало грабштихеля несколько туповатым, равномерно и стороны шарапора не должны быть остры. Для полирования меди употребляется березовый уголь, для полирования же стали, на которую уголь не будет иметь действия, здесь полируют ее бумагою, натертою наждаком, именуемою на английском языке *emmeru raret*, которая бумага необходима для гравирования на стали, ибо все места на поверхности стали, где гравёр будет употреблять шарапор, должно после одного полировать оные сею бумагою. [Чтобы] подтравливать сталь, должно употреблять тот же состав, который был употреблен при первом вытравливании, прибавляя [на] одну часть более горячей воды; не травить два раза тою же кислотою, но сливая оную, уничтожать каждый раз. Стараться держать поверхность стальной доски в большей опрятности, вытирая оную от времени чистою ветошкою, напитанною деревянным маслом, ибо ржавчина на стали гораздо опаснее, нежели на меди. Сии суть замечания, данные мне здешними гравёрами по сей части во время гравирования моего на стали, и в истинной пользе коих я удостоверен на практике.

По случаю отъезжающих из Лондона в С.-Петербург гг. Райта⁸⁸⁷ и Матвеева, я старался отправить с первым оттиски выгравированной мною доски «Рафаэль с Перуджино», со вторым же – 25 экземпляров «Святой Фамии» с Рафаэля и медную доску, адресованные на имя г. профессора Н.И. Уткина, чрез коих (Райта и Матвеева) приношу оные на благосклонное воззрение Совета Императорской Академии художеств. Предая себя во всегдашнее покровительство Совету Императорской Академии художеств, имею честь быть с глубочайшим почтением всепокорнейший и всенижайший слуга Федор Иордан, пенсионер ИАХ. Адрес: 24 Mornington Place Hampstead road. London.

⁸⁸⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 114, 115.

⁸⁸⁷ Райт Томас (1792–1849), английский гравёр, почетный вольный общник и академик ИАХ, в 1830–1845 гг. жил в России, автор гравированных портретов представителей русских дворянских фамилий.

**Выписка из журнала Совета Академии художеств
14 октября 1833 года⁸⁸⁸**

12. По донесению находящегося в Лондоне пенсионера Иордана о выгравированной им на стали одной из композиций Хогарта и о производимом им гравировании на меди картины Чиголи, представляющей Божью Матерь, оплакивающую смерть Спасителя, причем уведомляет также и об отправленных в Академию 25 экземплярах Св. фамилии, гравированной им с Рафаэля, а также и первого оттиска эстампа его трудов, представляющего Рафаэля с Перуджино, донося при том и о приобретенных им сведениях на счет гравирования книжных заглавий, т.е. штемпелей и проч.

Определено: благодарить г. Иордана за извещение и точность в ответе на предписание, а между тем предоставить г. президенту поднести несколько экземпляров его эстампа Св. семейства императорской фамилии и испросить Иордану всемиловитейшее награждение за отличные успехи в гравировании.

**Выписка из журнала Совета Академии художеств
24 октября 1833 года⁸⁸⁹**

5. По рассуждении о присланном от пенсионера Иордана и бывшем на выставке Академии эстампе с картины Рафаэля, отлично им выгравированном и доказывающем, что г. Иордан, как художник с истинным дарованием сделал в своем искусстве успехи, обещающие видеть в нем одного из замечательнейших граверов в Европе.

Определено: представить г. министру Императорского Двора несколько экземпляров сего эстампа и просить Его Сиятельство поднести оные государю императору на высочайшее Его Величества воззрение, причем просить г. министра, дабы он в уважение отличных успехов пенсионера Иордана в гравировальном искусстве благоволил употребить начальническое свое содействие к исходатайствованию г. Иордану к поощрению его вящему усовершенствованию себя всемиловитейшего подарка.

**Выписка из журнала Совета Академии художеств
16 декабря 1833 года⁸⁹⁰**

34. Записать в журнал, что находящийся в Лондоне пенсионер Федор Иордан испрашивает чрез г. профессора Уткина от Совета Академии

⁸⁸⁸ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 306–307.

⁸⁸⁹ Там же. С. 309.

⁸⁹⁰ Там же. С. 311–312.

разрешения отправиться ему из Лондона в Италию на остающееся время пребывания его в чужих краях, т.е. по 22 сентября 1835 года.

Совет Академии по рассуждении о сем предмете, приняв во уважение, что пенсионер Иордан может заняться в Италии, если не с большею, то по крайней мере, не с меньшею пользою по части своего искусства, как и в Лондоне, ибо увидев в Италии знаменитейшие произведения великих художников, он может приготовить с них несколько рисунков для занятий по его искусству на будущее время, положил: изъяснить на такое желание и прошение пенсионера Иордана согласие с тем, чтобы он из производимого ему на содержание по 400 черв. в год сделал переезд в Италию и там объехал важнейшие города для обозрения собрания лучших картин и других памятников искусств, не требуя от казны особого пособия по той причине, что он по случаю дороговизны в Лондоне получает ныне сверх 300 ч. обыкновенного оклада пенсионеров по 100 прибавочных на счет кабинета Его Величества.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 2 января 1834 года⁸⁹¹**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что я занимался в продолжение сего времени приготовлением моего гравюра как по крепкой водке, так и в прохождении одного грабштихелем с картины Чиголи (Cigoli), имеющей предметом Божью Матерь, оплакивающую смерть Спасителя. Имея представить Совету Императорской Академии художеств композицию сей картины, равномерно и величину во сие время года навигации, включить с сим рапортом один оттиск на индейской бумаге, прося всепокорнейше удостоить меня своими полезными замечаниями, как за выбор мой сей картины, так и на недостатки, находящиеся в сем приготовленном гравюре. Кроме одного занятия мною делан был л'офор (l'eau-forte) на стали портрета покойного члена парламента г. Вильберфорса (Wilberforce M.P.)⁸⁹².

Надеясь в новом 1834 году долгом поставляю принести как Его Высочайшему Императорскому г. президенту, так и всему Совету Императорской Академии художеств мои сердечные поздравления с наступившим Новым годом при душевном желании всех благополучий, с которыми имею честь быть Совету Императорской Академии художеств всепокорнейший слуга Ф. Иордан, пенсионер ИАХ. 24 Mornington Place Hampstead road. London.

⁸⁹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 135. Полностью публикуется впервые.

⁸⁹² Портрет Уильяма Вильберфорса был начат Ф.И. Иорданом пунктиром в 1833 году и закончен Джоном Коусеном в технике меццо-тинто.

**Письмо А.Н. Оленина Министру Императорского Двора
от 16 января 1834 года⁸⁹³**

Императорской Академии художеств пенсионер Федор Иордан, находясь с 19 сентября 1830 года в Лондоне для усовершенствования в гравировальном методе художеств, просит дозволить отправиться ему в Италию на остающееся время пребывания его в чужих краях, т.е. по 22 сентября будущего 1835 года.

Совет Академии по рассмотрении о сем предмете, приняв во уважение, что пенсионер Иордан может заняться в Италии, если не с большею, то по крайней мере не с меньшею пользою по части своего художества, как и в Лондоне, ибо увидев в Италии знаменитейшие произведения великих художников, он может приготовить с оных несколько рисунков для занятий по своему художеству на будущее время положенных, изъявить на таковое прошение г. Иордана согласие с тем, чтобы из производимого ныне ему содержания по 400 [червонцев] в год он сделал переезд в Италию и там объехал важнейшие города для обозрения лучших собраний картин и других памятников искусства, не требуя особенно от казны пособия, по той причине, что получает ныне по случаю дороговизны содержание в Лондоне сверх 300 [червонцев] обыкновенного оклада пенсионеров по 100 [червонцев] прибавочных на счет Кабинета Его Императорского Величества.

На приведение в исполнение означенного положения академического совета испрашиваю согласия Вашего Сиятельства и буду ждать об оном уведомления.

Президент.

Письмо А.Н. Оленина к Ф.И. Иордану от 24 января 1834 года⁸⁹⁴

Его Императорское Величество, удостоив принять выгравированный Вами эстамп с картины Рафаэля, изображающий Св. Фамилию, всемиловейше пожаловать вам соизволил брильянтовый перстень, каковой знак монаршей милости послужит вам к дальнейшим успехам, в чем я никак не сомневаюсь по прилежанию и любви вашей к избранному вами искусству.

По искреннему желанию видеть вас на высшей степени гравировального искусства в Европе, истинно радуясь вашими успехами, любуясь вашими произведениями, я обязан, однако ж, по званию президента

⁸⁹³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 120. 18 марта 1834 года последовало разрешение министра императорского двора на поездку Иордана в Италию. Там же Л. 122. Первая публикация.

⁸⁹⁴ Там же. Л. 125, 126. К письму прилагался конверт с перстнем.

Императорской Академии художеств сообщить вам при сем случае некоторые замечания, кои, может быть, послужат вам в пользу. Они будут, если не основательны, то по крайней мере искренни, ибо я не могу с вами местничаться по части гравирования и потому еще, что ваша собственная слава по мне откликается, как голос бывшего питомца Императорской Академии художеств к ее президенту!..

Итак, про работы ваши скажу следующее. Первый труд Ваш с Рафаэля достоин всякой похвалы, приятность крепкой водки, грабштихеля, расположение штрихов для выражения тела, платья и принадлежностей, отделяющихся в живописном подлиннике красками, светом и тенью (*chiagoscuro*), все это заслуживает истинную похвалу. И если б сокращение правой (*gascoursi*) руки было явственнее выражено посредством постепенности теней и света, то ваш эстамп приблизился бы к совершенству. Второй ваш труд в гравировании лависом⁸⁹⁵ по присланным вами пробам и по описанию производства сих работ – весьма уважителен и вам много спасибо за исполнение моей просьбы по сему предмету. Третий труд ваш начинается прекрасно, а именно «Матерь Божья, плачущая над телом Спасителя». Прокладка штрихов по крепкой водке весьма искусно расположена, но в рассуждении правильности очерков (*contours*) должно быть осторожным, ибо правая половина лица Спасителя совсем не отвечает левой стороне, и особенно правый висок и глаз; впрочем, все это и другие недостатки дополнятся и исправятся грабштихелем.

В заключение сего скажу вам, что мне бы и всей Академии весьма желательно было видеть успехи ваши в гравировке на стали, и вообще весьма бы полезно было для Академии иметь по несколько оттисков, или, по крайней мере, по одному оттиску всех вами произведенных работ в Англии и в других землях Европы, и особенно в Италии, куда вы получили дозволение отправиться. Я уверен, что сие путешествие будет для вас очень полезно. Затем, прощайте, до свидания в России, если я до того времени доживу. Оленин.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 2(14) мая 1834 года⁸⁹⁶**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что с истинным благоволением и признательностью я имел честь получить предписание от г. конференц-секретаря о разрешении высшим начальством позволения отправиться мне в Италию с пожалованием на то полного ок-

⁸⁹⁵ Лавис – разновидность граверной техники *aqua-tinta*.

⁸⁹⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 140-141. Полностью публикуется впервые.

лада, получаемого ныне в Англии, равномерно в исходатайствовании мне всемилостивейшей монаршей милости в пожаловании бриллиантового перстня как милости и награды, буду стараться оправдывать всевозможным прилежанием и дальнейшими успехами в моем художестве.

Мои занятия со времени последнего рапорта состояли в продолжении гравирования с картины Чиголи и в опыте гравирования портрета пунктирным способом на стали, коего оттиск, как и последнее состояние гравюры с Чиголи имею честь представить через г. профессора Н.И. Уткина на благосклонное ваше внимание.

Равномерным образом имею честь донести совету императорской Академии художеств, что не могши оставить Лондон прежде получения всемилостивейшего монаршего подарка, которое воспоследовало не ранее 22 апреля (4 мая) при личном о том поздравлении его светлейшества кн. Ливена, ныне, по получении оного, сопровождаемого самыми лестными строками от его высокопревосходительства, надеюсь отправиться 4 (16) мая из Лондона в Италию, через Голландию, Бельгию, Францию и Швейцарию, стараясь во время путешествия моего осматривать все публичные и частные галереи сих стран и изыскивать знакомство отличных художников, особенно в Италии: г. Тоски, Андерлони⁸⁹⁷ и др. Надеюсь в Риме быть не ранее сентября месяца по причине желания остаться некоторое время в Парме и Флоренции, осмелюсь прибегнуть к Совету императорской Академии художеств с усердною просьбою о переведении моего пенсионера нынешней трети года в Парму, в коем городе надеюсь окончить мою гравюру с Чиголи, уведомив чрез пребывающего в оном месте рос[сийского] императорского посольства chargé d'affaires о имени банкира, к коему вы соизволите препроводить оный и из коего места буду иметь честь относиться Вам рапортом. При засвидетельствовании моего глубочайшего высокопочитания и искренней признательности, имею честь быть г. президента и Совета Императорской Академии художеств всепочтеннейший слуга, пенсионер Ф. Иордан. Лондон.

Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии художеств от 1 июля 1834 года⁸⁹⁸

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что по отношению к вам последнего моего рапорта, я отправился из Лондо-

⁸⁹⁷ Известны два гравера, носящие фамилию Андерлони, - Андерлони Фаустино (1766–1847), итальянский гравер и Андерлони Пьетро (1784–1849), итальянский гравер, автор гравюр с оригиналов Тициана, Рафаэля, Пуссена. Кого именно из них имел в виду Ф.И. Иордан, неизвестно.

⁸⁹⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 200–201. Первая публикация.

на в Голландию, где, остановившись около двух недель, желал видеть Бельгию, но по причине военных обстоятельств между сими странами не мог получить на то паспорта от голландского правительства, почему и отправился во Францию.

В бытность мою в Париже от чрезвычайных в оное время жаров имел несчастье простудиться, получив воспаление в глазах. Находясь в сем положении и не имея права оставаться в Париже, кроме оного мнения г. Ришомма, было уمدлить мое путешествие в Италию до октября или ноября месяцев во избежание знойного ее лета и к которому времени я равномерно мог бы окончить мой гравюр, освободив себя от пошлин, налагаемых при каждой границе на гравировальную доску, и которые я уже испытал при въезде в Голландию и Францию, – решил, наконец, вопреки моему желанию отправиться обратно в Лондон, где ныне, поправившись здоровьем, продолжаю заниматься окончанием моего гравюра.

Во время путешествия моего по Голландии я старался посетить картинные галереи как в Гааге⁸⁹⁹, так и Амстердаме, восхищаясь произведениями Рембрандта, Пауля Поттера⁹⁰⁰, Ван дер Хелста и др., особенно в Гааге, известными картинами Пауля Поттера «Бык»⁹⁰¹ и Рембрандта «Лекция анатомии»⁹⁰²; в Амстердаме же «Солдаты, отправляющиеся в поход» Рембрандта и «Пирующие бургомистры» Ван дер Хелста, две картины огромной величины, заключающие все достоинства живописи, кроме коих в оной галерее имеется отличное произведение Жерарда Дова «Школа при огненном освещении»⁹⁰³, что касается до новейших произведений голландской школы, судя по лучшим произведениям, находящимся в оных галереях, то оное есть совершенное подражание французской, как и гравировальное художество, некогда столь знаменитое произведениями Рембрандта, Больсверта⁹⁰⁴, Ворстермана⁹⁰⁵, находится в слабом состоянии – все лучшие выставки, магазины гравюр наполнены дешево-французскою литографией и весьма посредственными виньетами.

⁸⁹⁹ Гаага – город в Нидерландах, известный с XII века.

⁹⁰⁰ Поттер Пауль (1625–1654), голландский художник.

⁹⁰¹ Имеется в виду картина П. Поттера «Молодой бык» (1647).

⁹⁰² Имеется в виду работа Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа» (1632).

⁹⁰³ Имеется в виду картина голландского живописца Доу Жерарда (1613–1675), «Ночная школа».

⁹⁰⁴ Неизвестно, кого здесь точно имеет в виду Ф.И. Иордан: Больсверта Бозция (ок. 1580 – ок. 1633), голландского гравера или его брата, гравера, Больсверта Скельте (1586–1659). Оба известны своими гравюрами с работ Рубенса.

⁹⁰⁵ Ворстерман Лука старший (1578–1656), фламандский гравер, гравировал пейзажи, портреты, картины на исторические темы.

Г-н директор Музея удостоил меня показанием богатейшей коллекции гравюр Рембрандта, которая по его мнению, есть одна из лучших в Европе. Кроме картинных галерей я старался осмотреть некоторые дворцы, как в Гааге, так и в Амстердаме, наполненные богатствами всех стран. Находясь в городе Заандаме, не преминул посетить Великую в Мале хижину Петра Великого⁹⁰⁶, которая будучи в самом ветхом состоянии обнесена ныне по приказанию Ее Высочества Анны Павловны⁹⁰⁷ новым зданием.

В бытность мою в Париже неоднократно посещал картинные галереи, как в Лувре, так и в Люксембурге, новую выставку мануфактурных изделий, Библиотеку⁹⁰⁸. Кроме одного пользовался советами бывшего моего профессора г. Ришомма, который нашел весьма полезным мое пребывание в Лондоне, имея желание посетить оный в скором времени для узнания таинств английского гравировального искусства, и которое состоит единственно в правильности теней и света.

При окончании моего рапорта усерднейше прошу как у Его Высочествопревосходительства г. президента, так и у совета Императорской Академии художеств извинений, если мой возвратный путь в Англию найден будет ослушанием, коему причиною были вышеупомянутые непредвиденные обстоятельства, испрашивая равномерно всепокорнейше средства на пребывание мое в Лондоне до ноября месяца, к коему времени надеюсь привести мой гравюр по Чиголи к совершенному окончанию. При глубочайшем высокопочитании и совершенной преданности имею честь быть Его Высочествопревосходительства г. президента и Совета Императорской Академии художеств всепокорный слуга Федор Иордан, пансионер И.А.Х. Адрес: 37 Graften str. East near University. London.

Рапорт Ф.И. Иордана в Правление Императорской Академии художеств от 29 (17) августа 1834 года⁹⁰⁹

Имею честь донести Правлению Императорской Академии художеств,

⁹⁰⁶ В 1818 году великая княгиня Анна Павловна, будущая королева Нидерландов, получила домик Петра I от нидерландского короля Вильгельма I в качестве подарка в связи с рождением у нее второго сына. По ее приказанию домик Петра I был одет в каменный футляр. Затем он принадлежал поочередно всем российским императорам, а затем великим князьям. Ныне Домик Петра I имеет статус государственного музея.

⁹⁰⁷ Анна Павловна (1795-1865), великая княгиня, королева Нидерландов (1840–1849).

⁹⁰⁸ Скорее всего, имеется в виду Национальная библиотека Люксембурга, основанная в 1798 году.

⁹⁰⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 149-150.

что я имел удовольствие получить через канцелярию Российского Императорского посольства при Великобританском дворе ответ г. конференц-секретаря на последнее мое донесение, равномерно и вексель в 100 черв. за предыдущую треть года с 22-го сентября по 22 января текущего года. Принести мою наичувствительнейшую благодарность Правлению Императорской Академии художеств за обеспечение моего пребывания в Лондоне и переводение одной трети моего пенсионера в Парму, долгом поставляю уведомить, что гравюра с Чиголи, хотя и требует еще больших перемен, как в рисунке, так и в тенях, но употребив всевозможное старание, надеюсь окончить оную к назначенному Вами сроку моего отъезда в Италию; ныне же решаюсь включить в сем донесении последний пробный оттиск с оной, который с оттиском первого опыта гравирования на стали имею честь представить на благосклонное Ваше внимание.

Сей малый гравюр с картины Хогарта (Hogarth) выгравирован был мною для английского издания и принадлежит к числу двенадцати драматических картин сего мастера, имеющих предметом историю трудолюбия и праздности, которая изображена им следующим образом: два мальчика обучаются прядильному мастерству – 1-й один трудится, другой спит за станком; во 2-й картине трудолюбивый, проработав шесть дней, седьмой посвящает Богу, находясь в церкви, тогда как ленивый в 3-й представлен презирающим субботу Господню и играющим в карты; в 4-й трудолюбивый снискивает полную доверенность своего мастера, тогда как ленивому в 5-й отказано от места, и выслан из своего отечества для исправления; в 6-й трудолюбивый достигает высшей степени счастья, женись на дочери своего мастера, через что сделывается сотоварищем в его торговле, тогда как ленивый, в 7-й, отнюдь не исправясь в своем поведении, после возвращения делается грабителем больших дорог и связывается с пагубной женщиною; в 8-й трудолюбивый почтен званием шерифа Лондона, ленивый же в 9-й картине пойман в воровстве и смертоубийстве; в 10-й, как и в 1-й картине, сии два главные лица находятся вместе – один главным судьей, другой же, которому некогда был открыт тот же путь к чести и богатству, обременен ныне цепями и с ужасом ожидающий приговора смерти из уст бывшего ему сотоварищем; в 11-й трудолюбивый достигает высшей степени в Англии, будучи избран в лорд-мэры, несчастный же в 12-й влечен на место казни.

Г. Пай (Pay) с нетерпением ожидает от Императорской Академии художеств ее диплома. При засвидетельствовании моего глубочайшего высокопочитания и совершенной преданности Его Высочествопревосходительству г. Президенту [и] Правлению Императорской Академии худо-

жеств, имею честь быть всепокорнейший слуга, пенсионер Федор Иордан. 37 Gra[f]ton Str. East near University.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 17 (5) ноября 1834 года⁹¹⁰**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что в исходе сентября месяца я отправился из Лондона в Италию, взяв с собою гравюру с Чиголи, которая во время путешествия по Рейну при перекладке вещей пассажиров при Сан-Гоаре с одного парового судна на другое имела несчастье затеряться и для отыскания коей принужден был сделать тройное путешествие по Рейну от Кельна до Мангейма, и к несчастью, без малейшего успеха; впрочем, компания Рейнских пароходов обещалась приложить старание к отысканию и доставлению оной в Императорскую Академию художеств. Сей гравюр приведен был почти к окончанию, но позднее и дождливое время и желание заниматься некоторое время под ведением г. Тоски принудили меня оставить Англию прежде совершения оног⁹¹¹.

Оставив Лондон, я имел удовольствие отправиться на паровом судне в Антверпен, из коего места – в Брюссель, восхищаясь превосходными творениями Рубенса, Ван Дейка и др., в особенности «Снятием Спасителя со креста»⁹¹² в соборе антверпенском, кисти первого; из Брюсселя в Аахен⁹¹³; по Рейну – от Кельна до Мангейма – Дармштадт⁹¹⁴ – Карлсруэ⁹¹⁵ – Страсбург⁹¹⁶; по Швейцарии чрез Берн – Лозань⁹¹⁷, Женеву; по Савойе чрез Шамбери⁹¹⁸ и Турин, в Парму.

В Парме имел удовольствие познакомиться с г. Тоски, видеть его мастерскую и печатную. В здешней галерее, богатой произведениями Корреджо, хотя и желал заниматься, но по причине холода принужден был

⁹¹⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 156.

⁹¹¹ В семье В.А. Обухова находился единственный оттиск с этой работы, у самого Ф.И. Иордана была только его фотография.

⁹¹² Точное название работы П.П. Рубенса – «Снятие с креста» (ок. 1611–1614), находится в соборе Антверпенской Богоматери.

⁹¹³ Аахен – город в земле Северный Рейн-Вестфалия в Германии, в то время находился на территории Пруссии.

⁹¹⁴ Дармштадт – город в земле Гессен в Германии.

⁹¹⁵ Карлсруэ – город в земле Баден-Вюртемберг в Германии.

⁹¹⁶ Страсбург – город во Франции, известный своим Кафедральным собором.

⁹¹⁷ Имеется в виду Лозанна – город в Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера.

⁹¹⁸ Шамбери – ныне город во Франции, до 1792 года и после 1860 года принадлежал герцогству Савойскому.

отправиться чрез Модену⁹¹⁹ в Болонью, где, встретившись с нашим знаменитым художником и кавалером К.П. Брюлловым, начал заниматься приготовлением рисунков: «Преображения Господня» с Людовика Карраччи⁹²⁰ и «Святой Троицы» с Франческа Альбани – с картины, находящейся в церкви, именуемой Мария-ди-Галлиери (Maria di Gallieri)⁹²¹, по окончании коих будут иметь честь отнестись рапортом. При засвидетельствовании моего глубочайшего высокопочитания и преданности Его Высокопревосходительству г. президенту и Совету Императорской Академии художеств имею честь быть всепокорнейший слуга Федор Иордан. Болонья. Адрес: 3041 Strada Peliani Boulogna.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 30 апреля 1835 года⁹²²**

Имею честь донести господину президенту и Совету Императорской Академии художеств, что по окончании моих рисунков в Болонье: «Преображения Господня» с Людовика Карраччи и «Св. Троицы» с Франческа Альбани, я отправился в Рим, где по осмотрении всех частных галерей, начал ныне заниматься приготовлением рисунка с известной картины Рафаэля «Преображение Господне», которая, как по окончательности своей, так и по множеству фигур будет требовать более оставшегося мне времени пребывания в чужих краях, то и осмелюсь прибегнуть с усерднейшей просьбою о продолжении моего срока в Италии и, в случае возможности, испрошении всемилостивейшей монаршей милости к получению средств для моего в оной содержания, которую милость буду стараться оправдывать вящим старанием и, по силе возможности, успехами. Преисполненный глубочайшего почтения и совершенной преданности к г. президенту и Совету Императорской Академии художеств, имею честь быть всепокорнейший слуга, пенсионер Ф. Иордан.

NB. Следующий пенсион с 22 января по 22 мая до сего времени еще мною не был получен, потому и прошу Совет Императорской Академии художеств в случае пересылки адресовать оный на канцелярию российского императорского посольства при Римском дворе.

⁹¹⁹ Модена – город в области Эмилия-Романья в Италии, известный со II в. до н. э., в городе располагался один из первых университетов в Европе.

⁹²⁰ Карраччи Лодовико (1555–1619), итальянский художник, скульптор, гравер.

⁹²¹ Мария ди Галлиери (Santa Maria di Galliera) – собор в Болонье.

⁹²² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 158. Полностью публикуется впервые.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 17 мая нового стиля 1836 года⁹²³**

Имею честь донести г. президенту и Совету Императорской Академии художеств, что занимаясь ныне окончанием рисунка Преображения Господня с картины Рафаэля, по совершении коего намерен приступить к гравированию оною, и имея желание пользоваться оригиналом во время приготовления гравюра по крепкой водке для получения верного и тщательного контура равномерно и для соблюдения верности характера лиц, столь трудных в сем единственном произведении, осмелюсь прибегнуть к г. президенту и Совету Императорской Академии художеств с усердною просьбою в исходатайствовании на то милостивого соизволения.

Прося удостоить принять мое глубочайшее высокопочитание и совершенную преданность, имея честь быть г. президента и Совета Императорской Академии художеств всепокорнейший и всепреданный слуга Ф. Иордан, пенсионер И.А.Х.

**Письмо Ф.И. Иордана к А.Н. Оленину
от 1 декабря 1836 года⁹²⁴**

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь, имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что я имел честь получить 30-го ноября из канцелярии российского посольства в Риме Ваше предписание от 14 июля на всепоследовавшее 11-го июля высочайшее разрешение возвратиться мне нынешнего года в Россию. Осмелюсь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что после изъявления Вам и Совету Императорской Академии художеств в мае месяце моего желания приступить к гравированию картины Рафаэля «Преображение Господне» и выпрашивая на то всемилостивейшего позволения приготовить оный гравюр по крепкой водке в Риме, я находился долгое время в нерешимости от получения ответа, которое время желал употребить с пользою, решил в сентябре месяце приступить к гравированию сей картины – ныне после потерпения больших издержек, потребных для начала сего гравюра и имея некоторую часть оною, приготовленного по грунту, принужден оставить сей труд недоконченным, почему и решаюсь прибегнуть к Вашему Высокопревосходительству с усердною просьбою в исходатайствовании всемилостивейшего позволения привести к окончанию сей печатной труд, которое надеюсь исполнить в июне или июле будущего года и после коего времени не премину немедленно возвратиться в свое отечество. Удостоите, Ваше Высокопревосходительство,

⁹²³ Там же. Л. 167. Полностью публикуется впервые.

⁹²⁴ Там же. Л. 174. Первая публикация.

принять мое глубочайшее высокопочитание и совершенную преданность, с коими имею честь быть Вашего Высокопревосходительства, Милостивого Государя, всепокорнейший и всенижайший слуга, пенсионер Ф. Иордан. 104. Via Sestina 3 piano Roma.

**Письмо Ф.И. Иордана к А.Н. Оленину
от 18 апреля нового стиля 1837 года⁹²⁵**

Осмелюсь представить на благословенное внимание Вашего Высокопревосходительства первый пробный оттиск верхней части гравюемой мною ныне доски «Преображение Господне» с картины Рафаэля, прося всепокорнейше удостоить сию начинаемую гравюру полезными Вашими замечаниями; равномерно имею честь уведомить Вас, что нынешним моим занятием служит приготовление по крепкой водке нижней части сей гравюры.

Не имея навыка в приготовлении больших досок, я весьма обманулся в назначении срока для окончания л'офорта к июню месяцу, ныне же из опыта нашел, что на оное потребно будет гораздо более времени; почему, вполне надеясь на благосклонность Вашего Высокопревосходительства, решаюсь повторить усерднейшую мою к Вам просьбу об исходатайствовании всемилостивейшей монаршей милости на получение отсрочки для окончания начатого л'офорта с назначением хотя малых средств на произведение оною. Удостоите Ваше Превосходительство принять мое глубочайшее высокопочитание и совершенную преданность, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя всепокорнейший и всенижайший слуга, Федор Иордан. 104 Via Sestina altezza piano a Roma.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской
Академии художеств от 14 (27) мая 1837 года⁹²⁶**

Осмелюсь изъяснить Его высокопревосходительству г-ну президенту и Совету Императорской Академии художеств мою наичувствительнейшую благодарность за исходатайствование монаршей милости пожалованием мне 300 червонцев, которую царскую милость и имел честь получить от г. секретаря Императорского посольства в Риме П.И. Кривцова, вследствие чего имею честь уведомить Его Высокопревосходительство

⁹²⁵ Там же. Л. 185. На письме резолюция А.Н. Оленина: «Передать в Правление ИАХ для хранения оттиска при делах академии. Г-на Иордана известить, что о продолжении его пребывания представлять не можно, но что Академия постарается его желание исполнить, т.е. невозможно продлить его пребывание, но не более как с октября сего года. Президент Оленин.»

⁹²⁶ Там же. Л. 188. Первая публикация.

г-на президента и Совет Императорской Академии художеств, что Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Павловичу угодно было возложить на меня лестный труд выгравирования на меди своей высочайшей особы с портрета, сделанного г. пенсионером Каневским, почему, оставив на время гравирование Преображения Господня, приступил ныне к исполнению гравюры портрета коего долгом поставляю уведомить Императорскую Академию художеств.

Осмелюсь изъявить Его высокопревосходительству г-ну президенту и Совету Императорской Академии художеств мое глубочайшее высокопочитание и совершенную преданность, с коими имею честь быть всепокорнейший и всепреданный пенсионер И.А.Х. Федор Иордан. Рим. 104 Via Sestina al torso piano a Roma.

**Выписка из журнала Совета Академии
от 11 мая 1837 года⁹²⁷**

Ст. 10. По донесению пенсионера Федора Иордана (№ 677) определено: по рассмотрению оттиска Совет был того мнения, что труд Иордана важный и начатый с отличным вниманием и искусством обещает эстамп необыкновенных достоинств и потому не дать ему средства окончить гравирование по крайней мере а l'eau forte в Риме было бы противно и пользе самого дела, и обязанности, лежащей на Академии ободрять дарования, превосходные для славы Отечества, но как Иордану последняя отсрочка и содержание были получены окончательно и с сим Академия ходатайствовать о новом назначении ему содержания не может, то положено в пособие пенсионеру Иордану для окончания гравюры а l'eau forte назначить из собственных сумм Академии 3000 р. и выслать ему из оных в июле месяце сего года 1500 р., а остальные – в январе будущего 1838 года. Г. Иордану предписать в сентябре месяце доставить в Академию новый оттиск его гравюры.

Выписка из журнала Совета Академии от 3 августа 1837 года⁹²⁸

5. По донесению находящегося в Риме пенсионера художника 14 класса Иордана (по вх. кн. №1132), коим доносит, что великому князю Михаилу Павловичу угодно было поручить ему выгравировать портрет Его Высочества с портрета, сделанного пенсионером Каневским, почему оставив ныне на время гравирование картины Преображение Господне,

он приступил к исполнению сего гравюра – портрета Его Высочества, об окончании коего не оставит он уведомить Академию.

6. Определено: <...> Совет позволяет ему продлить время своего пребывания в Риме.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 14 марта 1838 года⁹²⁹**

Имею честь донести Совету Императорской Академии художеств, что, пользуясь отъездом из Рима Павла Ивановича Кривцова, старался przeprowadить с ним оконченный оттиск выгравированного мною на меди портрета Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича, который труд и имею честь предоставить на благосклонное Ваше рассмотрение, равномерно спешу принести совету Императорской Академии художеств мою наичувствительнейшую благодарность в пожаловании мне полугодового содержания из экономической суммы Императорской Академии художеств, которую милость стараться буду оправдывать посильными успехами в моем художестве. При засвидетельствовании Совету Императорской Академии художеств моего глубочайшего высокопочитания и совершенной преданности, имею честь быть всепокорнейший и всенижайший слуга, Ф. Иордан, пенсионер И.А.Х. Адрес: 63 Piazza di Spagna al terzo piano. Roma.

**Рапорт Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств от 10 августа 1838 года.**

Имею честь донести Императорской Академии художеств, что с глубочайшим почтением и признательностью имел честь получить за подписанием г. конференц-секретаря Василия Ивановича уведомление на воследовавшее в Правление Императорской Академии художеств и Его Высокопревосходительства г. президентом утвержденное от 2 мая текущего года милостивое разрешение в выдаче на произведение предпринятого мною гравирования картины Преображения Господня Рафаэля Санцио (5000), которая сумма имеется быть выплачена мною окончательными оттисками, гравюра с вышеупомянутой картины с предписанием: отнюдь не заниматься в оное время посторонними работами, стараться присылать по крайней мере два раза в год пробные оттиски и назначить срок времени, потребного для окончания вышеупомянутого гравюра Преображение Господне, вследствие коего уведомления имею честь донести Императорской Академии художеств, что первым и неотъемлемым долгом поставляю изъявить Императорской Академии

⁹²⁷ Там же. Л.186. Первая публикация.

⁹²⁸ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 361-362.

⁹²⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1015. Л. 191. Полностью публикуется впервые.

художеств мою наичувствительнейшую благодарность за столь лестное поощрение и усерднейше донести, что особенным удовольствием поставлю себе исполнение всех вышеозначенных обязанностей, исключая назначения положительного времени окончанию гравюра, которое не ранее в состоянии буду назначить, как по вытравлению нижней части гравюра, об изъявленном же желании Императорской Академии художеств в какие сроки должно будет высылать оные деньги (5.000), то осмелюсь всепокорнейшее просить разделить оную сумму на два года, т.е. с ноября 1838 по ноябрь 1840 года.

При изъявлении Его Высочайшему г. президенту и Совету Императорской Академии художеств моего глубочайшего высокопочитания и совершенной преданности, всепокорный и всенижайший слуга, пенсионер И.А.Х. Федор Иордан. Адрес: 63 Piazza di Spagna al terzo piano. Roma⁹³⁰.

**Фрагмент отчета П.И. Кривцова
о положении русских художников в Риме
для Волконского, министра Императорского Двора
от [октября] 1842 года⁹³¹**

Огромный труд, предпринятый сим художником, выгравировать на меди в самом большом размере известную картину Рафаэля «Преображение Спасителя» подвигается с непостижимым терпением и докажет со временем, что может произвести любовь к искусству, соединенная с чрезвычайными дарованиями. Вот уж пять лет, как г. Иордан занялся своим произведением и с малыми промежутками, в течение которых он награвировал портреты Его Императорского Высочества государя наследника и Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича, он ежедневно почти занимается около одиннадцати часов своею работою и по сделанным им пробным оттискам можно ожидать чрезвычайного. Чтобы понять вполне все достоинство г. Иордана, надо знать, что он совершенно один должен выполнять все детали огромной картины, между тем как обыкновенно все граверы занимаются сами главными предметами, т.е. фигурами и пейзажем, а воздух и все прочие второстепенные части картин предоставляют ученикам своим или художникам, которых нанимают и кои занимаются единственно таковыми второклассными и менее значащими работами, на каковые нужно употребить огромное время без всякой пользы для художника. Труд г. Иорда-

на столь прекрасен, что я первейшим долгом поставлю себе в особенности обратить ваше, Милостивый Государь, благосклонное внимание на сего нашего отличного художника и просить милостивого ходатайства вашей светлости для оказания ему всемилостивейшего вспомоществования, хотя единовременного, дабы он мог привести к окончанию начатый им труд, для чего нужно еще по крайней мере три или четыре года при чрезвычайном его прилежании. В бытность свою здесь г. конференц-секретарь Императорской Академии художеств удостоверялся лично в занятиях г. Иордана и, отдавая полную справедливость необыкновенному таланту и терпению сего художника, обещал обратить на него равномерно внимание Академии и представить ей необходимость придти на помощь г. Иордану, дабы доставить ему средства к окончанию гравюры.

**Фрагмент протокола заседания
Совета Императорской Академии художеств
от 17–19 ноября 1842 года⁹³²**

По прочтении извещения г. Кривцова о необыкновенно важном и многотрудном деле гравирования Иорданом картины Рафаэля «Преображение», конференц-секретарь представил к сведению Совета, что труд г. Иордана в том состоянии, в котором он ныне находится, обещает творение, может быть, единственное в своем роде, что никогда еще эта, во многих отношениях первая картина в свете не была выгравирована с полным успехом, хотя между прочими и лучшие граверы, как известно Совету, Дорины⁹³³, Огран и Морген⁹³⁴ посвящали этому труду свои дарования и искусство, что Иордан трудится с постоянством беспримерным, и что надобно было иметь его любовь к искусству, познания, силу и твердость характера, чтобы предпринять и так успешно продолжать этот, можно сказать, единственный образцовый труд; но, что взор монарха не оживит его и не ободрит дарованием средств для довершения этого важного дела. Конечно, и Академия могла бы временно поддерживать его некоторым вспоможением, но это поддержание не может быть значительно и достаточно, чтобы дать ему возможность жить и трудить-

⁹³² Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 441–442.

⁹³³ Дорины Никола (1658–1746), французский гравер, автор гравюры с картины Рафаэля «Преображение» (1705).

⁹³⁴ Морген Рафаэль (1758–1833), итальянский гравер, в 1810 году был издан каталог его работ, где среди прочих числилось и «Преображение» с картины Рафаэля.

⁹³⁰ Там же. Л. 195. Первая публикация.

⁹³¹ Собко Н.П. Жизнь и произведения Ф.И. Иордана // Вестн. изящн. искусств. – 1884. – Вып. 3. – С. 217.

ся покойно, и притом не столько ободрит художника, как милость монаршая, как уверенность, что государь император одобряет его начинание и ценит решимость его принести свои познания, труд и лучшие годы жизни в жертву славе отечественной. При сем г. профессор Карл Брюллов объявил Совету, что он не видел гравюры, но видел рисунок для этой гравюры, приготовленный Иорданом, и долгом считает засвидетельствовать, что он сделан с таким совершенством, с каким едва ли в состоянии сделать другой какой-либо гравер в Европе.

Совет положил единогласно просить его светлость г. министра Императорского Двора исходатайствовать г. Иордану: или на три года содержание по 400 черв. в год или всю сумму 1200 черв. единовременно, с тем чтобы Иордан обязался непременно привести свой труд к окончанию в течение трех лет.

**Выписка из журнала Совета Академии
от 9 декабря 1842 года⁹³⁵**

15. Слушали предписание г. министра Императорского Двора, что по всеподданнейшему докладу отчета г. Кривцова и заключения Совета Академии государь император повелеть изволил: <...> 2. Художнику Иордану для продолжения начатой им гравюры с картины Рафаэля «Преображение» из кабинета же чрез Академию художеств с 1 января 1843 года в течение 3 лет по триста червонных в год, с тем однако ж, чтобы он окончил сию гравюру непременно в три года, по истечении коих содержание сие прекратится.

**Выписка из журнала Совета Академии
от 2 июня 1850 года⁹³⁶**

22. Рассматривая представленный г. академиком Федором Иорданом эстамп гравюры его, изображающий знаменитую картину Рафаэля Санцио Преображение Господне, и общее единогласное мнение Совета Академии об этом творении было следующее: г. Иордан посвятил лучшие годы жизни своей на выгравирование Преображения Господня, знаменитой картины Рафаэля; труд сей исполнен им с таким художественным достоинством, что в эстампе видно все то понятны, выраженным и воспроизведенным, что находится в самой картине; гравюры, произведенные с этой знаменитой картины, неоднократно и известнейшими в свое время граверами (довольно назвать Дориньи, Рафаэля и Антония Мор-

⁹³⁵ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. — СПб., 1865. — Ч. 2. — С. 445.

⁹³⁶ Там же. СПб., 1866. — Ч. 3. — С. 134–135.

генов⁹³⁷ и весьма недавно Денуайе и проч. как превосходнейших), но ни одна столь достойно и верно не передает важнейшее творение бессмертного Рафаэля Санцио, как творение г-на Иордана. А потому полагая, что Иордан приобрел право на отличное внимание и уважение Академии и достоин ходатайства в особенном его одобрении со стороны благотворного правительства как русский, принесший трудом своим честь художеству и славу образовавшей его Императорской Академии художеств, определено г. академика Иордана удостоить по сему столь важному труду (заменяющую всякую программу, самую сложную по гравированию), звания профессора сего искусства и представить о сем господину министру Императорского Двора для испрошения всемилостивейшего на то государя императора соизволения и объявления Академии, прежде имеющего быть в сентябре месяце сего года общего ее собрания. Сверх того, Совет Академии, принимая во внимание: а) что г. Иордан во время труда своего, продолжающегося много лет, не мог заниматься посторонними работами и несколько лет не получая как пенсионер содержания от правительства, вынужден был сделать издержки на счет суммы, ожидаемой к получению за эстамп, да и самый эстамп по ценности своей и потому, что существует несколько гравюр, другими произведенных с этой картины, успешно разойтись не может, а, следовательно, Иордан не может выручить скоро суммы, достаточной для обеспечения себя при другом важном предприятии, если бы он решился на то без заказа, то Совет Академии почитает справедливым ходатайствовать у государя императора о постоянном г. Иордану пожаловании содержания от щедрот монарших, с тем условием, чтобы он немедленно предпринял рисование и гравирование какой-либо картины по собственному чувству и выбору из русской школы. И б) если государь император соизволил признать заключение Совета Академии о труде г. Иордана и искусстве его справедливым и в ознаменование того всемилостивейше соизволил осчастливить его особенною своею милостью, то это высочайшее внимание и одобрение художнику славному послужит справедливым ему возмездием и с тем вместе одобрением для тех, кто из художников граверов пошел бы по его пути, и произвести может соревнование столь необходимое, особенно в важнейшем роде гравирования *au bugin*, чтобы возвысить это искусство, к сожалению, обращаемое на предметы, не столь важные, и возвратит к тем, которые величием содержания и изящностью стиля и выражения будут вечно почитаться классическими.

⁹³⁷ Морген Антоний, младший брат Р. Моргена, автор гравюры с картины Рафаэля «Преображение Господне».

**[Письмо Ф.И. Иордана в Совет Императорской Академии
художеств] от 6 августа 1850 года⁹³⁸**

В исполнение воли Его Императорского Высочества Президента Императорской Академии художеств имею честь объявить, что я, употребив много трудов и времени на изучение гравирования и выгравировав кроме меньшей важности нескольких досок в бытность мою в чужих краях, произвел гравюры.

а. Св. Семейства, с картины Рафаэля Санцио, находящейся в Лувре и б. Преображения Господня с картины его же, почитаемой первейшим творением живописи, находящейся в Ватикане.

Пламенно любя мое искусство и желая продолжать трудиться на избранном мною поприще, не останавливаясь и занимаясь таким делом, которое требовало бы всех моих усилий к большему и большему успеху для окончательной гравюры нового моего важного труда, избираю известную картину профессора Егорова, изображающую истязание Спасителя по той причине, что картина эта по рисунку и стилю принадлежит вообще к замечательнейшим новым творениям искусства в Европе, особенно же в русской школе она доселе может почитаться единственной.

Не предпринять ее гравирование без средств верных я не могу. На счет гравюры «Преображения» я сделал долги. Когда же выручу такую сумму, которая бы дала мне возможность уплатить их и обеспечить будущность свою, определительно предположить нельзя.

Поэтому я осмеливаюсь всепокорнейше просить Его Императорское Высочество президента заказать мне от Академии гравирование картины Егорова «Истязание Спасителя» на следующих условиях.

1. Здесь в Петербурге я приступаю к рисовке этой картины безотлагательно. Цену за рисунок я назначаю сто червонцев.

2. Гравирование с этого рисунка доски может продолжаться не менее пяти и не более шести лет.

3. За труд сей, который я постараюсь исполнить добросовестно, имея в виду честь школы и мою собственную, я желал бы получить тысячу восемьсот червонцев, которых выдачу разделить на шесть лет, отпуская мне по 300 ежегодно со времени изготовления рисунка.

4. По выгравировании доски рисунок, мною сделанный для гравирования, предоставляю в собственность Академии.

5. Доска выгравированная и право собственности на эстампы с нее также имеют принадлежность Академии навсегда.

Но, как обыкновенно, граверы выговаривают себе некоторое количество эстампных досок, им заказываемых, то и я желал бы получить в мою собственность пятьдесят эстампов без слов (*avant les lettres*) и пятьдесят эстампов по вырезке слов (*après les letters*).

Условия сии я имею честь повергнуть на благоусмотрение Его Императорского Высочества президента и Совета Академии, присовокупляя, что если бы я был столь счастливым, что Правительство соблаговолило бы назначить мне постоянное содержание, какое получал я в качестве пенсионера, то в таком случае выгравировал бы «Истязание Спасителя» в пользу Академии без заказа и желал бы получить только цену рисунка и в свое время сто эстампов, как выше мною упомянуто.

Академик Федор Иордан.

Выписка из журнала Совета Академии от 13 сентября 1850 года⁹³⁹

6. Слушали записку академика Иордана (№1289), в которой во исполнение воли Его Императорского Высочества президента Академии объясняет, что он, употребив много трудов и времени на изучение гравирования и кроме меньшей важности нескольких досок в бытность его в чужих краях произвел гравюры: а. Св. Семейство с картины Рафаэля Санцио, находящейся в Лувре и б. Преображения Господня с картины его же, почитаемой первейшим творением живописи и находящейся в Ватикане, пламенно любя искусство и желая продолжать трудиться на избранном им поприще, не останавливаясь и занимаясь таким делом, которое требовало бы всех усилий его к большему и большему успеху, он, Иордан, для окончательной гравюры нового его важного труда избирает известную картину профессора Егорова, изображающую «истязание Спасителя» по той причине, что картина эта по рисунку и стилю принадлежит вообще к замечательным творениям искусства в Европе, особенно же в русской школе она доселе может почитаться единственной, но предпринять ее гравирование без средств верных он, Иордан, не может. На счет гравюры Преображения сделаны им долги, когда же выручит такую сумму, которая бы дала ему возможность уплатить их и обеспечить будущность свою определительно предположить нельзя. Потому он осмеливается просить Его Императорское Высочество президента заказать ему от Академии гравирование картины Егорова «истязание Спасителя» на следующих условиях: 1) здесь, в С.-Петербурге, он приступит к рисовке означенной картины безотлагательно, цену за

⁹³⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 28-и. Л. 5–6. Первая публикация.

⁹³⁹ Сборник материалов по истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования : в 3 ч. / сост. П.Н. Петров. – СПб., 1866. – Ч. 3. – С. 139–140.

рисунок назначает сто червонцев; 2) гравирование с рисунка доски может продолжаться не менее пяти и не более шести лет; 3) за труд сей, который он постарается исполнить добросовестно, имея в виду честь школы и его собственную, он желал бы получить тысячу восемьсот червонцев, которых выдачу разделить на шесть лет, отпуская ему по 300 ежегодно, со времени изготовления рисунка; 4) по wygrавировании доски рисунок, им сделанный для гравирования, предоставляет в собственность Академии; и 5) доска wygrавированная и право собственности на эстампы с нее также имеют принадлежать Академии навсегда. Но как обыкновенно граверы выговаривают себе некоторое количество эстампов с досок, им заказываемых, то и он, Иордан, желал бы получить в его собственность пятьдесят эстампов без слов (*avant les lettres*) и пятьдесят экземпляров по вырезке слов (*après les lettres*); каковы условия он, Иордан, повергает на благоусмотрение Его Императорского Высочества президента и Совета Академии, присовокупляя, что если бы он был столь счастлив, что правительство сооблаговолило бы назначить ему постоянное содержание, какое получал он в качестве пенсионера, то в таком случае он wygrавировал бы «истязание Спасителя» в пользу Академии, без заказа и желал бы получить только цену за рисунок и в свое время сто эстампов, как выше упомянуто.

Определено: объявить г. Иордану, что Его Императорское Высочество президент и Совет Академии совершенно согласны на условия, предлагаемые касательно гравирования картины Егорова «истязание Христа Спасителя», почему и заказывается ему от Академии wygrавировать эстамп оной картины, к рисованию которой он может приступить немедленно для чего и сдать ему картину в квартиру профессора Уткина.

Выписка из журнала Совета Академии от 25 сентября 1850 года

Слушали предложение Его Императорского Высочества президента Академии следующего содержания: журналом Совета Академии 2 июня сего года в статье 22 положено: г. академика Федора Иордана по представленному им эстампу Преображения Господня, в исполненной им в гравюре картины Рафаэля Санцио, как заменяющую всякую программу, удостоить звания профессора сего искусства и представить о сем господину министру Императорского Двора для испрошения высочайшего на то соизволения. Поелику же ныне государь император изволит находиться в отсутствии из столицы и притом: 1. Г. Иордан признан академиком в 1844 году. 2. Он произвел гравюру «Преображения» будучи уже в звании академика 6 лет, и представил Академии сей труд окончанным и исполненным таких достоинств, которые ставят Иордана в ряд первостепенных знаменитых своими творениями граверов.

3. Всякая самая сложная программа для получения звания профессора по гравированию не могла бы быть предложена ни Иордану, и никому другому такой важности и объема, как гравюра, им произведенная, «Преображение Господне» с картины Рафаэля Санцио, то Его Императорское Высочество находит, что по сим причинам в принятии этого необыкновенно важного труда г. Иордана за программу Академия затрудниться и не должна и не может и вследствие того предлагает Совету Академии об удостоении г. Иордана звания профессора по гравированию, состоявшемся 2 июня сего года и внесенном в журнал Совета, того числа бывшего, представить к утверждению общего собрания Академии и в свое время внести в журнал оного. Определено: исполнить по предложению Его Императорского Высочества президента и о признании Советом Академии 2 июня сего года академика Федора Иордана профессором гравирования на меди по исполненной им гравюре с картины Рафаэля Санцио «Преображение Господне», заменяющей самую сложную программу, представить на утверждение общего собрания Академии⁹⁴⁰.

Выписка из журнала Совета Академии от 22 ноября 1854 года⁹⁴¹

5. По представлению г. заслуженного ректора Шебуева⁹⁴² (№ 1427), в котором прописывает, что по смерти заслуженного профессора по части гравирования на меди Галактионова, который также обучал рисованию с гипсовых фигур, место это остается вакантным, но как ныне состоит в Академии не служащий профессор гравирования Федор Иордан, то по известным его достоинствам и таланту он полагал бы весьма полезным поместить г. Иордана на означенную вакансию, Совет Академии, признавая представление г. заслуженного ректора В.К. Шебуева заслуживающим уважения, положил: повергнуть оное на благоуважение Ее Императорского Высочества президента и просит соизволения на определение г. Иордана в Академию, если он по сношению с ними возвратиться может в отечество безотлагательно.

Письмо А.А. Иванова к Н.В. Гоголю, весна 1850 г. Рим.⁹⁴³

Завтра отправится отсюда Ф.И. Иордан с оконченной своей гравюрой. Он отправил теперь ящик с оттисками и доску, которую, конечно,

⁹⁴⁰ Там же. С. 142–143.

⁹⁴¹ Там же. С. 227.

⁹⁴² Шебуев Василий Кузьмич (1777–1855), живописец, профессор ИАХ, ректор.

⁹⁴³ Александр Андреевич Иванов : его жизнь и переписка / изд. М. Боткин. – СПб., 1880. – С. 262–263.

он гораздо после получит в Петербурге, и в таком случае, может быть, лучше бы было и не представлять труд Государю, прежде получения ящика с сотнею экземпляров. Публика, особливо наша, горяча. Она пожелает вдруг иметь оттиски, если его величество примет Иордана и труд его благосклонно, как то можно ожидать, опираясь на внутреннее достоинство дела. Посудите и дайте ему совет, а мне кажется, хорошо ему представиться накануне 25-тилетнего юбилея царствования, так что и труд его мог бы быть ознаменован и великим днем.

Он скоро по приезде в Петербург думает побывать к вам в Москву. Вы будете иметь время обсудить весь этот план и посоветовать, как найдете лучше.

В первые дни выставки «Преображения» я очень на его роптал (я это вам говорю, как великую тайну): мне досадно было, что оно не только не лучше Моргена и Павона⁹⁴⁴, гравировавших тоже с этой картины, (но) и не лучше всех гравюр, какие находятся в свете. Но я замирился внутренне с Иорданом на том, что он не коренной русский. Этих слов моих прошу никому не сообщать. Время – великий целитель; он (Иордан) нам вскоре приготовит «Мадонну Фолиньо» Рафаэля⁹⁴⁵ и тогда мы порадуемся с вами еще более, чем настоящему успеху Иордана. Говоря об успехе двух наших гравюров⁹⁴⁶, нельзя не вспомнить об их великом учителе, Уткине: старик еще живет, или, лучше сказать, отживает век слез, печали и горя. Куда бы хорошо было, если бы при этом случае был бы удостоен первостепенного отличия! Это бы совершенно разрушило подлую мысль, будто бы новоприезжие удушают и давят своих прошедших наставников. Сам я об себе ничего не скажу. Спросите Иордана, он вам многое что может рассказать.

Письмо А.А. Иванова к М.П. Погодину, апрель 1852 г. Рим.⁹⁴⁷

В захолустье от русской литературы услышал весьма порицательные отзывы Гоголю за то, что он напечатал при жизни «Завещание». Теперь смерть совершилась. Я, услышав о сей важной утрате, сейчас же, вследствие его «Завещания», написал к В.А. Жуковскому, как к старшине литераторов русских просьбу исполнить завещание покойного – одолжить портрет, с него мною писанный, для гравирования – Ф.И. Иордану. Пись-

⁹⁴⁴ Павон Игнатиус (?–1858), гравер, копировал гравюру Р. Моргена с «Преображения» Рафаэля.

⁹⁴⁵ «Мадонна Фолиньо» была создана Рафаэлем ок. 1511–1512 гг.

⁹⁴⁶ Одним из гравюров, несомненно, является Федор Иордан.

⁹⁴⁷ Александр Андреевич Иванов : его жизнь и переписка / изд. М. Боткин. – СПб., 1880. – С. 275.

мо мое, как видно, застало на столе самого Василия Андреевича⁹⁴⁸. Несколько строк сестры вдовы⁹⁴⁹, присланных мне на обороте печатного траурного билета, дают знать, что она хотя и с удовольствием дает портрет для гравирования, но не знает, где он⁹⁵⁰?

В таком трудном положении я решился писать вам, ибо, по словам покойного, другой такой же портрет⁹⁵¹ с него, мною писанный, подарен Вам, что уже теперь не может быть тайной, как того желал всегда при жизни наш знаменитый покойник. Посему теперь прошу Вас покорнейше во имя памяти общего нашего друга портрет, Вам принадлежащий, выслать в Петербург, в Академию художеств для профессора Ф.И. Иордана и вместе с тем напечатать во всех журналах воззвание к друзьям Гоголя о его желании, напомнив им его «Завещание», чтобы составить таким образом достаточную подписку для отличного нашего гравера, столь мало у нас оцененного. Надеюсь, что Степан Петрович Шевырев⁹⁵² тоже тут примет немалое участие.

Письмо А.А. Иванова к Ф.И. Иордану, июнь 1852 г. Рим.⁹⁵³

<...> Тотчас же послал письмо к Н.П. Боткину⁹⁵⁴ обо всем этом, прося совета, на что получил ответ, что друзей много и что дело гравюры его портрета, вашей рукой исполненного, еще не потеряно. Но Ваше письмо меня приводит в крайнее сокрушение, ибо там слышится отказ награвировать портрет Жуковского, что тоже нисколько не унизило бы Вашего искусства в ожидании окончательной подписки на портрет Гоголя.

У нас еще прибавился знаменитый покойник – Карл Павлович Брюлло, и это может быть делом Вашего бенефиса. Но вот беда: Вы сами, как будто, в последнем письме проситесь на кладбище, именно в соседи к

⁹⁴⁸ В.А. Жуковский скончался 12 (24) апреля 1852 года в Баден-Бадене.

⁹⁴⁹ Имеется в виду Рейтерн Шарлота (в замужестве фон Вульф) (1827–1904), младшая дочь Герхарда Рейтерна, тестя В.А. Жуковского.

⁹⁵⁰ Портрет Н.В. Гоголя работы А.А. Иванова (1841) первоначально находился в семье В.А. Жуковского, в 1898 году поступил в Русский музей императора Александра III.

⁹⁵¹ Авторское повторение портрета Н.В. Гоголя, осуществленное А.А. Ивановым, находится в Литературном музее Пушкинского Дома.

⁹⁵² Шевырев Степан Петрович (1806–1864), русский писатель, литературный критик, профессор Московского университета.

⁹⁵³ Александр Андреевич Иванов : его жизнь и переписка / изд. М. Боткин. – СПб., 1880. – С. 276.

⁹⁵⁴ Боткин Николай Петрович (1813–1869), московский купец, много путешествовал за границей, друг Н.В. Гоголя.

нашему Карлу Павловичу. Полагаю, что минуты ваших писем ко мне всегда минуты скорби, и потому что посылаются в место, где провели Вы лучшие Ваши годы, и потому что пишете к лицу, к которому больше имеете доверенность – изливать сердечные чувства... Но все-таки, однако ж, я той мысли, что сил Ваших все еще достает, чтобы сражаться с препятствиями, какие Вам случается претерпевать и в нравственной, и в художественной жизни. И потому мой ответ: если не поздно, не отказывайтесь от портрета Жуковского, особенно, если ваш вопрос о законных деньгах за труд крепко и прочно обставится; я же с своей стороны попытаюсь все сделать, что будет можно, чтобы доставить вам портрет Гоголя с денежной его обстановкой.

Воспоминания Ф.И. Иордана об А.А. Иванове⁹⁵⁵

Мы с Ивановым в одно время воспитывались в Академии. Он, сколько я припомню, вступил в 1815 году, я же несколько раньше. Я живо помню, как он в первый раз пришел в класс, где мы все сидели и рисовали. Это был мальчик небольшого роста, коренастый, широкоплечий, с прекрасно-вьющимися русыми волосами и голубыми глазами; румяный, в курточке и с большим отложным воротничком рубашки, широко лежавшим на шее и на груди. Мы, мальчики, с некоторую завистью смотрели на маленького нового товарища, пришедшего к нам, беднякам, из семейства, более достаточного, чем наши. Этот достаток выражался не только в костюме, но и во всей обстановке Иванова: так, например, у него была прекрасная папка и рисовальная бумага в изобилии; у него было гораздо более, чем у нас всех, карандашей и т.д. Иванов был еще дома подготовлен к рисованию своим отцом⁹⁵⁶, профессором, очень любимым и уважаемым всею Академиею. Маленький Иванов уже и тогда прекрасно рисовал, конечно, по летам своим, и стал делать быстрые успехи, и даже в такой мере, что, как это видно тоже и из его писем, академические профессора нередко заподозревали его в том, что отец поправляет ему дома его рисунки, впоследствии и композиции. Но это было совершенно несправедливо: Иванов всегда работал сам. Со своими товарищами он был постоянно ласков и обходителен, но не отличался никакою резвостью, ни шаловливостью, и никогда не участвовал в общих проказах – он был всегда очень серьезен и сосредоточен. Я с ним скоро сошелся: его добрая, тихая и симпатичная натура привлекала меня к нему

⁹⁵⁵ Александр Андреевич Иванов : его жизнь и переписка / изд. М. Боткин. – СПб., 1880. – С. 397–401.

⁹⁵⁶ Иванов Андрей Иванович (1775–1848), живописец, профессор ИАХ, был уволен в 1831 г. из ИАХ по приказу Николая I.

и искренно привязывала меня к нему уже в этих ранних годах. Впоследствии, когда мы снова встретились в Италии молодыми людьми и пенсионерами Академии, старинная привязанность превратилась в дружбу, продлившуюся до самой кончины Иванова.

В Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников. К этому кружку принадлежали: Иванов, Моллер и я; центром же и душой всего был Гоголь, которого мы все уважали и любили. Иванов же к Гоголю относился не только с еще большим почтением, чем мы все, но даже (особенно в 30-х и в начале 40-х годов) с каким-то подобоострастием. Мы все собирались всякий вечер на квартире у Гоголя, по итальянскому выражению «alle ventitre» (в 23-м часу, т.е. около 7.30 часов вечера), обыкновенно пили русский хороший чай и оставались тут часов до 9 или 9.30 – не дольше, потому что для своей работы мы все вставали рано, значит и ложились не поздно. В первые годы Гоголь всех оживлял и занимал, но скоро исчезло прежнее светлое его расположение духа. Сколько припомню, эта перемена совершилась с ним около того времени, когда произошло его неудачное публичное чтение в Риме летом 1841 г. Желая помочь художнику Шаповаленко, сильно бедствовавшему от безденежья, Гоголь объявил, что прочтет в его пользу своего «Ревизора». Княгиня Зинаида Волконская дала залу в своем Palazzo Poli; собирались все русские, находившиеся тогда в Риме. Плата была громадная 5 скуд; мы, художники, были все налицо. Иванов рассказывал нам заранее: «Вот вы увидите-с, как Николай Васильевич прочтет. Это просто чудесно-с! Никто так не может-с!». Поставили Гоголю стол на эстраде, а на нем – две свечи и стакан с сахарной водой. Но Гоголь стал читать так вяло, так невыносимо скучно, что нагнал тоску на всех. Уже с самого почти начала и тотчас после 1-го акта гости стали один за другим расходиться. Гоголь был жестоко оскорблен и обижен. Его самолюбие, столь всегда щекоотливое, неизменно страдало, и он этого случая никогда потом не мог забыть. С тех-то пор, бывало, он иногда в целый вечер, не промолвит ни единого слова. Сидит себе, опустив голову на грудь и запустив руки в карманы шаровар, и молчит. Не раз я ему говаривал: «Николай Васильевич, что вы как экономны с нами на свою собственную особу? Поговорите же хоть что-нибудь». Молчит. Я продолжаю: «Николай Васильевич, мы вот все, труженики, работаем целый день; идем к вам вечером, надеемся отдохнуть, расеяться, а вот вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать вас из печати?». Молчит и ухмыляется. Изредка только оживится, расскажет что-нибудь. Признаться сказать, на этих наших собраниях была ужаснейшая скука. Мы сходились, кажется, толь-

ко потому, что так было уже раз заведено, да и ходить-то более было некуда. С прочими же пенсионерами водить знакомство мы не желали, потому что там только и было, что вечное вино, да карты, да шум, да крик, да всякие шалости. Много ли разговаривал Иванов с Гоголем вне этих наших собраний и был ли у них живой, важный обмен мыслей, того я не знаю, но что касается до наших вечеров на квартире у Гоголя, то Иванов очень мало говорил, а все более прислушивался к другим, когда мы толковали о художественных новостях в Риме, о работах русских и иностранных пенсионеров, о прочитанном в газетах (мы одно время в складчину подписывались на русские газеты), а иногда, изредка, вспоминали тоже про Россию, про петербургское наше житье. Если Иванов иной раз вдруг и решался что-нибудь рассказать из увиденного на улице или из услышанного, он обыкновенно начинал смехом: «Ха-ха-ха, а вот сегодня...». Потом он, занимаясь и спутываясь, тянул и кончал частот тем, что бывало вовсе ничего так и не расскажет. Про свои работы ни Гоголь, ни Иванов, эта неразлучная парочка, никогда не разговаривали с нами. Впрочем, может быть, они про них рассуждали друг с дружкой наедине, когда нас там не было.

Встречались мы с Ивановым не всегда только у Гоголя. Мы иной раз проводили вечером часок в «Café del bon Gusto», особенно, когда Гоголя не было в Риме. Я живо помню тот вечер, когда сойдясь однажды в этом Café, как-то мы вдруг сказали друг другу: «Ну, я решил: начинаю завтра свою гравюру с “Преображения” Рафаэля». — «Ну, и я тоже решил: на днях начинаю свое “Появление Мессии”». Дело в том, что мы оба долго мечтали о предприятии большого труда, и оба равно не решались. Приехав в Рим из Англии, я долго не знал, на каком именно сюжете остановиться, и совсем было решался взять оригиналом картину Гверчино «Неверие Фомы», но против этого изо всех сил восстал Карл Брюллов, в то время еще не успевший уехать из Рима после окончания своего «Последнего дня Помпеи»: он стал решительно с меня требовать со всегдашнею своею горячностью и настойчивым деспотизмом, чтоб я принимался за «Преображение» и ни о чем другом и думать бы не смел. Напрасно я отказывался, выставлял на вид громадность работы и трудность воспроизвести достойным образом столь знаменитую в целом мире картину, Брюллов ничего слушать не хотел и стоял на своем. Как последний способ сопротивления я указывал на то, что даже добиться очереди работать с «Преображения» чересчур трудно, так много всегда кандидатов, задолго вперед записавшихся, и эта отговорка тоже не помогла. Карл Брюллов, в то время ставший знаменитостью в Риме, был в знакомстве со всею римскою знатью и без малейшего труда выхлопотал

мне у тогдашнего первого министра кардинала разрешение работать с «Преображения» помимо очереди. Полтора года я делал свой рисунок карандашом и все еще твердо не решался на страшную для меня работу, но, наконец, в мае 1837 года заказал медную доску в 1,25 пуда, приведшую в ужас моего хозяина, и, когда все было готово, сообщил Иванову, что принимаюсь. Каково же было мое удивление, когда в ту же самую минуту Иванов, столько лет пробовавший себя на эскизах и все не решавшийся окончательно приступить к давно задуманной картине, торжественно объявил мне, что и у него заказан холст в 7,5 аршин вышины и 10,5 ширины. Тут мы принялись ревностно за работу. Но годы шли, а картина Иванова мало продвигалась вперед. Он слишком был нерешителен, слишком много времени употреблял на этюды. Сколько раз я ему говорил: «Как это вы можете, Александр Андреевич, терять понапрасну самое дорогое время в году? Придет лето — тут только бы и работать; смотришь, а вы как раз тотчас уезжаете: то в Венецию, то в Неаполь, то в Субакио, то в Перуджию! Как это можно? Этак вы и в сто лет не кончите картину». «А как же-с, нельзя-с так», — отвечает Иванов. — «Этюды, этюды, мне прежде всего-с нужны этюды с натуры, мне без них-с никак нельзя с моей картиной». Что с ним поделаешь? Так и отступишься. Упрям и своеобычен был он сильно.

Лучший портрет Иванова⁹⁵⁷ был сделан им самим в Риме карандашом и послан в 1846 году отцу. Приехав в Петербург в 1850 году, я навещил племянницу Александра Андреевича — красавицу Екатерину Андреевну⁹⁵⁸, дочь его родной сестры, тоже Екатерины Андреевны⁹⁵⁹, бывшей замужем за академиком Сухих⁹⁶⁰ и жившей в то время в Севастополе. В квартире этой-то племянницы я случайно и увидел тот самый портрет Иванова, который так понравился мне еще в Риме и по чрезвычайному сходству и по превосходному рисунку и тушевке. Я сильно желал его награвировать. Отца Ивановых уже не было в живых, и портрет взяла к себе Екатерина Андреевна вместе с другим имуществом покойного. Но тщетно я упрасивал ее отослать его к ее дядям в Рим⁹⁶¹ — она ни за что

⁹⁵⁷ Автопортрет А.А. Иванова, выполненный карандашом в 1846 году, находится в Государственной Третьяковской галерее.

⁹⁵⁸ Сухих Екатерина Андреевна (18?–?), дочь А.А. Сухих.

⁹⁵⁹ Сухих (урожденная Иванова) Екатерина Андреевна (1803–?), супруга А.А. Сухих.

⁹⁶⁰ Сухих Андрей Акимович (1798–1843), живописец, академик ИАХ.

⁹⁶¹ Имеется в виду, А.А. Иванов и его младший брат — Иванов Сергей Андреевич (1822–1877), архитектор, академик, в 1846 году был отправлен в качестве пенсионера ИАХ в Рим.

не соглашалась и все только отвечала: «После, после как-нибудь. Я подумаю, соберусь». Так этот превосходный портрет и исчез вместе с нею, и все мои разведки впоследствии ни к чему не привели. Иванов был представлен на этом портрете по грудь, но без рук, в сюртуке, с отросшей бородою.

Наш римский кружок не распадался и во время довольно частых отъездов то того, то другого из нашей среды из Рима летом: одни из нас уезжали в Неаполь или куда-нибудь в другое приморское место на воды, другие в Германию или Россию, третьи (как, например, Иванов) отправлялись делать этюды в различных местностях Италии. Тогда мы принимались переписываться друг с другом. У меня было вследствие того немало писем от Гоголя и Иванова. К несчастью, они не сохранились, и потому я считаю большою радостью для себя, что могу теперь перечитать после 25 или 30 лет, хотя некоторые из писем Иванова ко мне, уцелевшие в виде черновых набросков в его записных тетрадах: они мне напоминают дорогое и незабвенное для меня время.

Завещание Н.В. Гоголя⁹⁶²

VII. Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого, не продавал никому права на его публичное издание и отказывал всем книгопродавцам, доселе приступавшим ко мне с предложениями и только в таком случае предполагал себе это позволить, если бы мог, чтобы всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил свое дело, и даже пожелали бы узнать черты лица того человека, который до времени работал в тишине и не хотел пользоваться незаслуженной известностью. С этим соединилось другое обстоятельство: портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику, который должен был гравировать его. Художник этот уже несколько лет трудится в Риме над гравированием бессмертной картины Рафаэля «Преображение Господне». Он всем пожертвовал для труда своего — труда убийственного, пожирающего годы и здоровье, и с таким совершенством исполнил свое дело, подходящее ныне к концу, с каким не исполнял еще ни один из гравиров. Но по причине цены и малого числа знатоков эстамп его не может разойтись в таком количестве, что-

⁹⁶² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. — Л., 1952. — Т. 8. — С. 222–223.

бы вознаградить его за все; мой портрет ему помог бы. Теперь план мой разрушен: раз опубликованное изображение кого бы то ни было делается уже собственностью каждого, занимающегося изданиями гравюр и литографий. Но если бы случилось так, что после моей смерти письма, после меня изданные, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хотя бы даже одним только чистосердечным стремлением ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидеть и портрет мой, то я прошу всех таковых издателей благородно отказаться от своего права; тех же моих читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется известностью, завели у себя какой-нибудь портрет мой, прошу уничтожить его тут же, по прочтении сих строк, тем более, что он сделан дурно и без сходства, и покупать только тот, на котором будет выставлено: «Гравировал Иорданов». Сим будет сделано, по крайней мере, справедливое дело. А еще будет справедливей, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать сам эстамп «Преображения Господня», который, по признанию даже чужеземцев, есть венец гравировального дела и составляет славу русскую.

Письмо В.А. Иордан к М.И. Семевскому⁹⁶³ от 4 ноября [1891 года]⁹⁶⁴

Многоуважаемый и добрейший Михаил Иванович!

Сегодня утром отправила Вам корректуру; с трудом могла заняться ею, потому что все болею, даже не могу выйти в другую комнату. У меня, как я Вам, кажется, писала острое воспаление гортани: делаю все предписанное докторами, а настоящего улучшения не чувствую. Пожалуй, придется отказаться от утешения крестить мою новорожденную внучку⁹⁶⁵ и просить сестру мою Плетневу заменить меня.

Вы очень обяжете, дорогой Михаил Иванович, если пришлете мне еще раз прочесть сегодняшнюю корректуру. Невозможно, чтобы не проскользнули ошибки, так много помарок, а без этого нельзя; дело шло гораздо глаже, когда рассказ был об итальянских событиях. На днях получила письмо из Афин с просьбою прислать туда один экземпляр, когда будут отпечатаны оттиски записок Ф.И.

⁹⁶³ Семевский Михаил Иванович (1837–1892), историк, литературовед, писатель, член Археографической комиссии, редактор журнала «Русская старина», где впервые публиковались «Записки...» Ф.И. Иордана.

⁹⁶⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 184. Л. 3–4. Первая публикация.

⁹⁶⁵ Мельникова Варвара Николаевна (1891–?), дочь архитектора Н.А. Мельникова, автора ряда проектов доходных домов в Петербурге.

К корректуре я приложила отзывы о гравюре Ф.И. «Преображение», они как раз подходят к этой статье. Что же касается его дневника, то Вы мне задали трудную задачу, с которой мне, пожалуй, не справиться.

Во-первых, дневник Ф.И. имеет главным образом интерес для Академии и для семьи, а не как для читающей публики, которая только критикует и над всем насмехается. Вот разве выбрать 62-ой год, когда он провел 9 месяцев в Лондоне, где был нашим представителем на выставке. Все писано по-английски, но это можно перевести на русский язык. Мне бы только хотелось знать, когда Вы находите более своевременным напечатать выдержки из дневника Ф.И. — сейчас же после записок или после. Мне необходимо это знать, чтобы заняться этим, так как переводить с английского возьмет довольно времени. Пользуюсь okazjiей в город, чтобы послать письмо по городской почте.

Искренно Вас уважающая В. Иордан. Мой привет Анне Николаевне⁹⁶⁶.

⁹⁶⁶ Вероятно, Водовозова (урожденная Цевловская, по второму мужу — Семейская) Елизавета Николаевна (1844—1923), писательница, автор книг для детей и мемуаров, педагог.

Ф. Иордан

Ф.И. Иордан. Автопортрет.
Гравюра с фотографии А.И. Денъера. 1871 г.

Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордан.
М., 1918. Обложка издания.

Зарянко СК. «Портрет В.А. Иордан (Пушиной)».
Холст, масло. Около 1855 г.

Ф.И. Иордан «Преображение Господне».
Гравюра с картины Рафаэля. 1850 г.

Ф.И. Иордан «Рафаэль и Перуджино».
Гравюра и рисунок Ф.И. Иордана.

Ф.И. Иордан «Н.В. Гоголь».
Гравюра с картины Ф. Моллера.

Гавриил Державин.

Ф.И. Иордан «Г.Р. Державин».
Гравюра с картины С. Тончи. 1861 г.

Ф.И. Иордан «М.Ю. Лермонтов».
Гравюра с картины К.А. Горбунова. 1859 г.

- Аббас-мирза, шах 37
 Аберда Н.Н. 27
 Аберкромби Д. 99
 Августин, св. 210
 Агесандр Родосский 142
 Агуяр Андреа 265
 Адам Р. 113
 Адлерберг В.Ф. 10
 Адриан, имп. 139, 142, 210
 Айвазовский И.К. 10, 186, 187, 214, 280
 Акимов И.А. 293
 Аладьин Е.В. 44, 302
 Александр II 189, 195, 198, 258, 292, 304
 Александр Невский 175, 183
 Александр I 13, 88, 95, 100, 162, 170
 Александр III 304
 Александра Николаевна, вел. кн. 199
 Александра Федоровна, имп. 173, 220
 Алексеев Г. 32, 33
 Альбани Ф. 135, 303, 304, 341
 Альберти Л.Б. 284
 Альдобрандини К. 245
 Альфонс II, герц. Феррары 217
 Андерлони П. 336
 Андерлони Ф. 336
 Анна Павловна, вел. кн. 338
 Анненков П.В. 151, 199
 Антиной 142
 Апраксин Ф.А. 38
 Архарова А.И. *см.* Васильчикова А.И.
 Афинодор 142
 Балеман 35
 Баратынский Е.А. 195, 304
 Барбери М. 195
 Барберини 269
 Барбьери Д.Ф. *см.* Гверчино Д.Ф.
 Барятинская О.И. *см.* Орлова-Давыдова
 О.И.
 Басин П.В. 45, 180
 Батюшков К.Н. 9, 10, 140
 Бачиокки Феликс Паскаль, князь Пиом-
 бино 230
 Безценная М.М. 46
 Безценные 278
 Безценный П.А. 46
 Бейне К.А. 177
 Беккер М.Н. 299
 Белинский В.Г. 4, 303
 Беллини В. 231
 Беллинсгаузен 119
 Белосельская-Белозерская З.А. *см.* Вол-
 конская З.А.
 Белоусов 35
 Бельский 35
 Белютин Э.М. 24
 Беляев 13
 Беляев Н.С. 11
 Бенедиктов В.Г. 195
 Бенкгаузен Е.К. 119
 Бенкендорф А.Х. 175, 176
 Бентковская Т.Ф. 234
 Бентлей *см.* Бентли Д.К.
 Бентли Д.К. 323
 Бенуа Н.Л. 177
 Бервик Ш.К. 57, 64, 133
 Беретти В.И. 214
 Берже Ф. 212
 Берлоу 163, 169
 Бернет Д. 112, 129, 322
 Бернини Д.Л. 189, 242, 248, 269
 Бернини П. 138, 248
 Берноу *см.* Берлоу
 Берсенев И.А. 56
 Бестужев-Марлинский А.А. 40, 43
 Бецкой И.И. 22, 29
 Биенеме Л. 222
 Биппен 111, 276
 Блюмерт 14

- Блюхер Г.-Л. 311
 Больсверт Б. 337
 Больсверт С. 337
 Бомарше П. 123
 Бонапарт Ж. 166
 Бонапарт М.П. *см.* Боргезе П.
 Борба 259
 Боргезе *см.* Маркантонио V
 Боргезе Ш. 226-229, 245, 252, 253, 266
 Боргезе К. *см.* Павел V, Папа Рим.
 Боргезе К.-Ф.-Л. 229
 Боргезе П. 229
 Боргезе (урожденная Шрусбери) 229, 230
 Борромини Ф. 167, 235, 236, 269
 Боссе В. 101, 287
 Боссе Г.Э. 101
 Боссе Э.Э. 101
 Боссе Эл. Э. 101, 287
 Боссе Э.-Г. 100, 101, 287, 288
 Боткин М.П. 9, 353-356
 Боткин Н.П. 355
 Боттичелли С. 137, 142
 Бравура А.А. 225
 Браманте Д. 139
 Бранденбург 201
 Бредно А. 242
 Брейтгорн А.Ф. 27-29, 46, 111, 302
 Брейтгорн Ю.Ф. *см.* Иордан Ю.Ф.
 Бромли Д.Ч. 112
 Бруни А.А. 145, 225
 Бруни Т.Ф. *см.* Бентковская Т.Ф.
 Бруни Ф.А. 10, 45, 138, 144, 145, 151, 190, 203, 214, 234, 295
 Брюан Л. 83
 Брюлло А.Ф. *см.* Завьялова А.Ф.
 Брюлло И.П. 181, 282
 Брюлло К.П. *см.* Брюллов К.П.
 Брюлло Н.Ф. 287
 Брюлло П.И. 181, 282
 Брюллов А.П. 16, 31, 148, 181, 281, 282
 Брюллов К.П. 8, 10, 16, 22, 31, 123, 133–137, 140, 141, 143, 144, 148–150, 157, 178–181, 213, 282, 303, 329, 341, 348, 356, 358
 Брюллов Ф.П. 16, 81, 183, 281
 Брюллова Э.-К.Ш.Ф. 179, 180
 Брюлловы 148, 183, 281, 282
 Брянская А.М. 27
 Брянский Я.Г. 27
 Булгарин Ф.В. 37, 38, 302
 Булонь Ж. де (Джамболонья) 135
 Бурбоны 69, 74, 75, 77, 84, 85, 87, 89
 Бутенев А.П. 155, 192, 220, 245
 Буяни 272, 283
 Быков 35
 Бэрри Ч. 320
 Бюлов Б.Г.К.М. 311
 Вазанцио Д. 226
 Вазари Д. 284
 Вайатт *см.* Уайет Г.
 Валадые Д. 155
 Валати П. 203, 263, 270
 Валенти 190
 Валле Д. 231
 Ван Геель 125
 Ван Дейк А. 125, 340
 Варнек А.Г. 37
 Васильев Т.А. 24–26, 29, 32, 35, 36
 Васильчиков А.В. 194
 Васильчикова А.И. 194, 195
 Вашингтон Д. 171
 Великанов И.И. 138
 Веллингтон А.У. 113, 322
 Веллингтоны 113
 Вендрамини Ф. 278
 Верди Д.Ф.Ф. 231
 Вест Б. 317
 Виельгорский М.Ю. 276
 Виктория, кор. 113
 Виланд Х.М. 312
 Виллем II, кор. 125
 Виллем I, кор. 125
 Вильберфорс У. 333
 Вильгельм Баденский 188
 Вильгельм I, кор. 338
 Вильгельм IV, кор. 113
 Вильде 80
 Вилькес 97
 Вильямс [Г.] 203
 Виноградов С.П. 4
 Висконти В. 221, 223
 Витали И.П. 138
 Владимир Александрович, вел. кн. 304
 Воинов И.Ф. 21
 Воинов М.Ф. 19, 20
 Водовозова Е.Н. 362
 Волконская З.А. 8, 195, 197, 357
 Волконский Г.П. 260
 Волконский П.М. 101, 221, 223, 233, 277, 346
 Вольпато Д. 301
 Ворстерман Л., старш. 337
 Воробьев М.Н. 185
 Воробьев С.М. 185
 Воронцова-Дашкова А.К. 286
 Воронцова-Дашкова И.И. *см.* Паскевич И.И.
 Вуллетт У. 321
 Вульф Ш. *см.* Рейтерн Ш.
 Гагарин Г.Г. 10, 184
 Гагарин П.Г. 45
 Гаетано 285, 287–289, 291
 Гайданино М. 193, 194
 Гайяр 91, 124
 Галаган Г.П. 186, 187
 Галаган Е.А. 186
 Галаган М.П. *см.* Комаровская М.П.
 Галаган П.П. 186
 Галаганы 186
 Галактионов С.Ф. 6, 27, 290, 292, 353
 Галактионова Ал.С. 292, 293
 Галактионова А.С. *см.* Уткина А.С.
 Галактионова Е.С. 292
 Галактионова М.Г. 292, 293
 Галиндо К.О. 16, 17
 Галлатти Д. 263
 Гальберг С.И. 152
 Гальонэ 249
 Гарибальди Д. 262–265, 268, 269
 Гарман 324
 Гартман Ф. 312
 Гаяси 213, 253
 Гверчино 143
 Гедике Р.А. 287
 Гендель Г.Ф. 98
 Генрекель-Дюпон Л.П. 314
 Генрих V, кор. 83
 Генрих IV, кор. 90, 315
 Георг IV, кор. 320, 325
 Герардини Л. 184
 Герц 301
 Герцен А.И. 68
 Гете И.В. 140
 Гибсон Д. 203, 222, 270, 271, 303, 305
 Гильденштауббе Д.Ф.Л. *см.* Моллер Д.Ф.Л.
 Глинка В.А. 214
 Глинка М.И. 10, 212
 Глинский А. 31, 32
 Глухов П.С. 297
 Гоголь Н.В. 4, 8, 10, 151, 171, 172, 175, 189, 195–197, 199, 200, 300, 303, 307, 353–355, 357, 358, 360, 369, 381
 Голицын А.Н. 25
 Голицын А.В. 212
 Голицын В.П. 212
 Голицын В.В. 212
 Голицын Ф.А. 257
 Голицына С.А. 8, 24, 211–213, 223
 Голицыны 213
 Головачевский К.И. 20, 24, 32
 Гольдони К. 231
 Гомфрис *см.* Хамфрис У.
 Гондуэн Ж. 62
 Гонтард 315
 Горбунов К.А. 303, 370, 381
 Горрокс *см.* Хоррокс Д.
 Горский *см.* Гурский В.
 Горяинов А.М. 277, 278, 282, 299, 300
 Горяинов М.А. 277
 Горяинова А.Д. 277
 Горяинова М.М. *см.* Безценная М.М.
 Горяиновы 277
 Готтафави 272, 273
 Грей Ч. 113
 Греч А.Н. 179, 180
 Греч Н.И. 180, 276
 Греч Э.-К.-Ш.Ф. *см.* Брюллова Э.-К.-Ш.Ф.
 Грибоедов А.С. 38, 43, 304
 Григорий XV, Папа Рим. 139
 Григорий XVI, Папа Рим. 163, 189, 193, 194, 222, 234, 236, 238, 240, 241, 257
 Григорович В.И. 35, 45, 157, 178, 213, 214, 278, 308, 328
 Григорович С.И. 214
 Гримм 222

Грот Я.К. 305
 Грязнов 35
 Гудолл Э. 328
 Гурский В. 32
 Гурьев Н.Д. 162
 Гурьева М.Д. 162
 Густав Ваза 314
 Давид П.Ж. 56
 Давыдов В.П. *см.* Орлов-Давыдов В.П.
 Дамаскин (Кононов Даниил) 305
 Данилов 35
 Данокер 312
 Дантон Ж.Ж. 74
 Делавинь К.Ж.Ф. 85
 Дельвиг А.А. 43
 Делюсто 35
 Демар 109
 Демидов А.Н. 287
 Демидов Анат.Н. 285–287
 Демидов Н.Н. 133
 Демидова А.Т. 287
 Демидовы 133
 Демюлень 149
 Денемарк В. *см.* Боссе В.
 Дениер *см.* Деньер (Г.) А.И.
 Денуайе О.Г.Л. 55, 313, 314, 349
 Деньер (Г.) А.И. 304, 363, 381
 Дербер Ф. 258
 Державин Г.Р. 4, 162, 305, 369, 381
 Джафар М. 37
 Джованни Фьезолский 165
 Джокондо Ф. дель 184
 Джотто ди Бондоне 137
 Джулиано Капраника К. ди 231
 Джустиани 220
 Диксон 322
 Димитрий, свящ. 14
 Дитрих Х. 28, 302
 Добрынин В.Я. 37
 Дов Ж. *см.* Доу Г.
 Долгорукая Н.В. 150
 Дольчи Д. де 142
 Доменико-де-Фьезоли *см.* Джованни Фьезолский
 Доминик, св. 210
 Доминикино Ц. 142
 Доницетти Г. 231

Дориа М.Т. 230
 Дориньи Н. 347, 348
 Доу Г.-Э. 112
 Доу Г. 337
 Доу Д. 99, 109, 112
 Душинский Я.И. 18
 Дюпре Д. 224
 Евгения де Монтихо, имп. 213
 Егор, свящ. 292, 293
 Егоров А.Е. 9, 10, 178, 214, 278, 280, 303, 304, 306, 350–352
 Елизавета Алексеевна, имп. 100
 Елизавета I (Английская), кор. 98
 Елизавета Петровна, имп. 20
 Ермолаев А.И. 33
 Ефимов Н.Е. 137, 140, 148
 Жандр А.А. 38
 Жей А.Ф.Б. 63
 Жерар Ф.П.С. 55, 69, 88, 90, 143, 312–314
 Жеребцова П.Н. 233
 Жерико Ж.Л.А.Т. 89
 Жирардые 94
 Жордани Ф. 258
 Жуков И.А. *см.* Жуков Н.А.
 Жуков Н.А. 25, 25, 138
 Жуковский В.А. 4, 140, 189, 190, 195, 214, 354–356
 Завьялов Ф.С. 182–184
 Завьялова А.Ф. 183
 Закацатова *см.* Корсини (урожденная Закацатова)
 Зауервейд А.И. 181
 Збруев А.А. 26
 Зейдер Ф.(Ф.С.)Н. 13
 Зичи М.А. 188
 Зотиков П.И. 154
 Иванов Ал.Андр. 8–10, 141, 144, 145, 151, 172, 175, 179, 195, 196, 215, 273, 293, 307, 353–360
 Иванов Алекс.Алекс. 293
 Иванов А.И. 356
 Иванов Ант.А. 152, 153
 Иванов И.А. 6
 Иванов С.А. 359
 Иванова А.И. *см.* Толстая А.И.
 Иванова Е.А. *см.* Сухих Е.А.

Иннокентий XI, Папа Рим. *см.* Одескаль-ки Б.
 Иордан Ал.И. 14, 36, 46, 47
 Иордан А.Ф. 299
 Иордан А.И. 7, 14, 36, 46, 111, 275
 Иордан В.А. 4, 9, 12, 294–296, 298, 299, 307, 362, 365, 381
 Иордан И.Ф. 12, 14
 Иордан К.Р. 12–14, 16, 36, 38, 46–48, 213
 Иордан Ю.Ф. 46
 Ирвинг Э. 114–116
 Истомина А.И. 37, 40
 Кавос (урожденная Carobio) 233
 Кавос А.К. 233, 274
 Кавос К.А. 37
 Кавос К.И. 233
 Кадес Д. 13
 Казанова Д. 140
 Калам А. 213
 Каллькотт А.У. 320
 Камерон Ч. 13
 Камуччини В. 149, 251
 Каневский (Каниевский) К.Я. (И.-К.К.) 162, 163, 198, 344
 Каппело 291
 Каппорали 203
 Каракалпаков (Каракалпак) В.(Г.)Г. 34, 35
 Карамзин Н.М. 40
 Каратыгин В.А. 44, 302
 Карраччи 312
 Карраччи Л. 341
 Карл Бурбон 216
 Карл X 69, 73–75, 80, 81, 83, 90, 314
 Карлгоф 195
 Карлгоф В.И. 195
 Катенин П.А. 38
 Катлер Вард Л. 170
 Каховский П.Г. 42
 Кваренги Д. 13
 Керстен Д.Д. 312
 Киль Л.И. 222
 Кипренская А.-М. 147
 Кипренская К.О. 148
 Кипренский О.А. 140, 145–148
 Киреевский И.В. 200
 Кистер Н.В. 258

Классовский В. 203, 204
 Клаубер (Клаобер) И.-С. (И.С.) 73
 Клеопатра, цар. 142
 Климент XII, Пап Рим. 239
 Климент VIII, Пап Рим. 228
 Климченко (Климченков) К.М. 154
 Клодт П.К. 138
 Клопшток Ф.-Г. 183
 Козенс С. *см.* Коусен Д.
 Козлов Г.И. 293
 Козлов И.И. 195
 Козловский М.И. 152
 Кок П.Ш. де 73
 Кокоринов А.Ф. 26, 27
 Кольер 169
 Кольман 203
 Комаровская М.П. 186
 Комаровский Е.П. 186
 Комаровский П.Е. 186
 Конде Л. де 56
 Кондратьев А.С. 15, 34
 Кононов Д. *см.* Дамаскин
 Константин А. 143
 Константин Павлович 41
 Константинов П.К. 304
 Константинова С.А. *см.* Раевская С.А.
 Корнаро Л. 220
 Коробкова А.Т. *см.* Демидова А.Т.
 Корреджо (Аллегри А.) 100, 272, 312, 340
 Корсакова С.А. *см.* Голицына С.А.
 Корсини (урожденная Закацатова) 232, 233
 Корсини Т. 232
 Косолапов 35
 Коусен Д. 109, 112, 333
 Кракау А.И. 177
 Крамской И.Н. 138
 Кривцов П.И. 222, 343, 345–348
 Кристина, кор. 231
 Кромвель О. 113
 Кроуфорд Т. 170, 171, 200, 291
 Крузе Р.И. 13
 Крукшенк Д. 109
 Крутов А.И. 35, 176, 178
 Крылов И.А. 6, 40, 43, 176, 214, 302
 Кудинов А.С. 197

Кукольник Н.В. 195
 Кулиш П.А. 300
 Кутузов М.И. 33
 Лакиер В.Б. 299
 Лангганс К.Г. 311
 Лангтуа Л. 62, 63, 73
 Ландсир (Лансир) Э.Г. 320
 Лафит 91, 124, 313
 Ле *см.* Леу П.Ф.
 Лебедев М.И. 156, 164
 Лев X, Папа Рим. 223
 Левицкая А.И. 224
 Левицкий Д.Г. 19, 20, 26, 27, 305, 306
 Левицкий С.Л. 224–226
 Леонардо да Винчи 137, 166, 184
 Леопольд II, герц. Тосканский 192
 Леохар 142
 Лепер Ж.Б. 62
 Лепре 140, 150
 Лермонтов М.Ю. 4, 303, 370, 381
 Лесли Д. 119, 120
 Лессепс Ф.М. де 264, 265
 Леу П.Ф. 61
 Ливен Х.А. 96, 336
 Лифар К. 166
 Лихачев А.Ф. 280
 Логановский А.В. 151, 152, 177, 178
 Логановский М.В. 151
 Ломоносов М.В. 153, 186, 195
 Лорис-Меликов М.Т. 280
 Лоррен (Желле) К. 147, 248
 Лорье 73–75, 77
 Лосенко А.П. 6, 20, 36
 Лоуренс Т. 99, 109, 112
 Луи-Филипп, кор. 71, 84, 242, 262
 Луиза Августа Вильгельмина Амалии 311
 Луиза Гессен-Кассельская, кор. 199
 Лукулл 285
 Львов Н.А. 274
 Людеритц Г. 60, 62, 64, 66, 71, 74, 75, 89, 91, 109, 110, 124
 Людовик (Луи-Антуан), герц. Англуемский 83
 Людовик XVIII, кор. 75
 Людовик XII, кор. 168
 Людовик XV, кор. 56

Людовик XIV, кор. 223
 Людовик XVI, кор. 87, 213
 Лялин А.П. 30
 Мадалена 137, 140, 200, 201
 Мадалена Н. дела 140
 Мадерна К. 168, 239, 269
 Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон, герц. Лейхтенбергский 198, 199, 275
 Мало 12
 Мало К.Р. *см.* Иордан К.Р.
 Маратти К. 312
 Мариотти 138
 Мария-Антуанетта, кор. 213
 Мария Каролина Бурбон-Сицилийская, герц. Беррийская 78
 Мария Луиза Австрийская, имп. 133
 Мария Максимилиановна, герц. Лейхтенбергская 188
 Мария Николаевна, вел. кн. 166, 188, 198, 199, 275, 290
 Мария Стюарт, кор. 98
 Мария Федоровна, имп. 12–15, 213
 Маркантонио V (Боргезе), кн. 229
 Марков А.Т. 6, 37, 141, 175–177
 Марков М.Т. 141, 175, 176
 Мармон О.В. де 74
 Мартос И.П. 214
 Мартос С.И. *см.* Григорович С.И.
 Маслов Д.Н. 198
 Маслов М.Д. 196, 198
 Маслова Е.П. *см.* Олферьева Е.П.
 Массино *см.* Пиомбино
 Мастаи-Ферретти *см.* Пий IX
 Матвеев 331
 Матушевич А.Ф. 316
 Медичи 137, 290
 Межаков П.А. 6
 Мельников Ав.И. 214
 Мельников А.К. 27, 28
 Мельников Н.А. 361
 Мельникова А.Ф. *см.* Иордан А.Ф.
 Мельникова В.Н. 361
 Мемлинг Г. 125
 Менгс А.Р. 312
 Менелас А. 173
 Мертенс И.И. 15
 Мертенс К.Р. *см.* Иордан К.Р.

Меццофанти Д. 194, 195
 Микеланджело Б. 97, 139, 142, 166, 209
 Милениус 296
 Милорадович М.А. 42
 Михаил Николаевич, вел. кн. 188, 287
 Михаил Павлович, вел. кн. 162–164, 169, 198, 303, 344–346
 Михайлов А.А., 2-й 35, 213
 Мокрицкий А.Н. 157, 177, 179, 181, 215
 Молева Н.М. 24
 Моллер А.В. 174
 Моллер Д.Ф.Л. 175
 Моллер Ф.А. 172–175, 196, 225, 300, 357, 368, 381
 Монферан (О.-Р) А.А. 180, 188
 Морген А. 349
 Морген Р. 347, 354
 Мориц К.Ф. 140
 Мочалин 183
 Мочалина А.Ф. *см.* Завьялова А.Ф.
 Мурильо Б.Э. 137
 Мэнсфилд 103
 Мюллер (Миллер) И.Г. 212
 Мюллер А.И. *см.* Соколова А.И.
 Мюссар Е.И. 199
 Надзари 151, 182, 189, 203
 Наполеон I 62, 84, 100, 110, 125, 133, 181, 229, 246
 Наполеон III 282
 Нарышкин Д.Л. 162
 Нарышкина А.К. *см.* Воронцова-Дашкова А.К.
 Нарышкина М.А. 162
 Нарышкина М.Д. *см.* Гурьева М.Д.
 Наталья Кирилловна, цар. 88
 Невиль Д. 21, 53
 Некрасов Н.А. 225
 Нельсон Г. 99
 Нестеров М.В. 10, 11
 Нефф Т.А. 162
 Никитин А.С. 177
 Никитин Н.С. 177
 Николаевский 35
 Николай Николаевич, вел. кн. 188
 Николай I, имп. 9, 42, 70, 173, 178, 181, 220, 222–224, 233, 272, 277, 281, 291, 356

Нокс Д. 322, 324
 Ноллекенс Д. 99
 Нотбек А.(И.-В.)В. 31, 34, 35, 37
 Нотбек П.К. 178, 225
 Нурри А. 89
 Ньютон И. 98
 Нэш Д. 97
 Обрезкова Е.В. *см.* Обухова Е.В.
 Обухов В.А. 340
 Обухов В.В. 197, 198
 Обухова Е.В. 197
 Обухова М.А. 197
 Обуховы 197, 198
 Одескальки Б. 189, 193, 194, 220
 Одескальки К. 193
 Одоевский В.Ф. 260
 Одрен 347
 Озеров В.А. 12
 Оленин А.Н. 8, 22, 24, 25, 32, 34, 35, 44, 45, 55, 56, 58, 88, 101, 119, 302, 315, 317, 318, 320–323, 334, 343
 Олещинский А.Я. 26, 27, 57, 58, 63, 70, 72, 91, 123
 Олещинский В.Я. 123
 Олферьева 197
 Олферьева Е.П. 196, 197
 Олферьева М.П. 197
 Олферьевы 195
 Ольга Николаевна, вел. кн. 182
 Ольдерогге Д.А. 176
 Оорт Красс Б.Ф. 122
 Орлов А.Ф. 223
 Орлов П.Н. 141, 182, 203
 Орлов-Давыдов В.П. 150
 Орлова-Давыдова Н.В. *см.* Долгорукая Н.В.
 Орлова-Давыдова О.И. 150
 Павел I, имп. 13, 15, 213
 Павел V, Папа Рим. 227, 228
 Павон И. 354
 Пай Д. 107–110, 322
 Палестрина Д.П. 205
 Папет 155, 179
 Парис 283, 287
 Паскевич И.И. 286
 Паскевич Ф.И. 286
 Пассек Т.П. 224

- Паста Д. 135
 Патти А. 85
 Пеллегрини 288, 289
 Пель А.Х. 188
 Пенни Ф. 69
 Перетти 164
 Перкинс 330
 Перовский В.А. 152
 Перуджино П. 7, 59, 64, 91, 93, 112, 302, 303, 314, 328, 329, 331, 332, 359, 367, 381
 Петр I, имп. 41, 88, 184, 286, 287, 338
 Петров Г.П. *см.* Егор, свящ.
 Петров П.Н. 5, 29, 323, 327, 329, 332, 344, 347, 348, 351
 Петрова М.Г. *см.* Галактионова М.Г.
 Пий IX, Папа Рим. 215, 239–244, 259, 260
 Пий VII, Папа Рим. 139, 240
 Пикерсгилл Г.В. 320
 Пиль Р. 113
 Пилязев М. 22
 Пименов Н.С. 152, 153, 188, 189, 215
 Пименов С.С. 152, 153
 Пинтурикьо (Б. ди Бетто (или ди Бенедетто) ди Бьяджо) 142
 Пиомбино, кн. 230, 246, 266
 Пиомбино, урожденная Массино 230
 Пиструччи Б. 319
 Питт У. 98
 Питти Л. 137
 Пищалкин А.А. 177–179
 Плетнев П.А. 9, 278, 279, 291, 293–295, 297, 299, 300, 304
 Плетнева А.В. 279, 295, 299, 361
 Плетневы 296
 Плешанов Н.Ф. 278
 Плешанов П.Ф. 278
 Пнин И.П. 156
 Пнин П.И. 156, 164
 Погодин М.П. 200, 280, 354
 Пожалостин И.П. 180
 Полевой Н.А. 261
 Полежини 143
 Полидор 142
 Полиньяк О.Ж.А. 75, 80
 Понтелли Б. 242, 264
 Понцио Ф. 226
 Постников В.П. 300
 Потапов *см.* Чернов И.П.
 Потемкин И.А. 189, 192, 193
 Поттер П. 337
 Похнан 312
 Поццо ди Борго К.(К.-А.)О. 55, 56, 308, 309, 312
 Пракситель 142
 Предтеченский Е.М. 17, 18, 33
 Протопопов 104
 Пуссен Н. 144, 248, 336
 Пушкин А.С. 10, 40, 43, 140, 157, 172, 174, 186, 194, 195, 214, 260, 280, 293, 304
 Пущина В.А. *см.* Иордан В.А.
 Пьер Г.Д.Л. 314
 Пьомбо С. 97
 Радецкий Й. фон Радец 257
 Раевская С.А. 186
 Раевский А.Н. 186
 Раевский Ник. Ник., млад. 186
 Раевский Ник.Ник, старш. 186
 Раймбах А. 7, 64, 88, 96, 97, 101–108, 110–113, 303, 316–322, 324
 Раймбах Д. 102
 Раймбах Э. 102
 Райт Т. 331
 Рамазанов Н.А. 138, 152, 154, 155
 Раух Х.-Д. 311
 Рафаэль Санти 7–10, 45, 59, 64, 69, 91, 93, 97, 98, 102, 111–113, 134–137, 139, 142, 143, 159, 161, 172, 176, 178, 199, 203, 217, 221, 244, 264, 266, 302, 303, 312, 314, 325–329, 331, 332, 334–336, 341–343, 345–354, 358, 360, 366, 367, 381
 Регетти 256
 Резанов А.И. 152, 177, 221, 258
 Рей 14
 Рейнолдс Д. 99
 Рейтерн Г. 355
 Рейтерн Ш. 355
 Рембрандт Х. ван Р. 121, 123, 337, 338
 Рен К. 98
 Рени Г. 100, 228, 250, 312
 Риарио Р. 244
 Рид 112
 Риккарди 160
 Рипетто 139, 234
 Ристори А. 231
 Рихтер Ф.Ф. 140, 144, 145, 188, 197, 204, 280
 Ришомм И.Т. 7, 58–61, 63, 64, 69, 73, 75, 77, 90, 107, 123, 302, 312–314, 337, 338
 Робеспьер М.М.И. 74, 254
 Робинсон Д.Г. 107–114, 303
 Робсон Г.Ф. 325
 Ровинский Д.А. 280, 305
 Родчев И.И. 19, 20
 Роза С. 248
 Розанов Н.И. 261, 262
 Розенберг М.Б. 185
 Росси А.К. 234
 Росси К.И. 139, 234
 Росси П.-Л.-О. де 241, 242, 254–257, 259, 260
 Россини Д.А. 136, 149
 Ростовцев Я.И. 292
 Ротчев *см.* Родчев И.И.
 Рубенс П.П. 125, 137, 312, 337, 340
 Румянцев Н.П. 214
 Русакова А.А. 5, 11
 Рылеев К.Ф. 40, 43
 Савельев С.Н. 275, 276
 Савельева А.И. *см.* Иордан А.И.
 Савельева А.С. 275
 Савельева Д.И. 275
 Самойлова Ю.П. 149
 Санктис Ф. де 202
 Сбруев А.А. *см.* Збруев А.А.
 Сверчков Н.Е. 225, 226
 Святополк-Четвертинская М.А. *см.* Нарышкина М.А.
 Селиванов 35
 Семевская Е.Н. *см.* Водовозова Е.Н.
 Семевский М.И. 305, 307, 361
 Сен-При Э.Ф. 127
 Септимий Север, имп. 141
 Серни А.А. *см.* Бруни А.А.
 Серни А. 145
 Серый Г. 215
 Сикст V, Папа Рим. 171, 253
 Скарятин А.Я. 192
 Скородумов Г.И. 305
 Скотт В. 112
 Скотти И.П. 29, 37
 Скотти М.И. 152, 177, 178
 Слезенцов И. 34, 35
 Сленин И.В. 40, 41, 302
 Смарт Д. 104
 Смарт С. 104
 Смирнов (Линицкий) Я.И. 88, 96, 101
 Собинов Л.В. 275
 Собко Н.П. 5, 307, 346
 Соболевский А.П. 177
 Соколов Н.А. 212
 Соколов П.И. 6, 28, 301
 Соколова А.И. 212
 Соллогуб В.А. 194
 Солнцев Ф.Г. 37
 Сомов А.В. 222
 Ставассер П.А. 152–155, 215, 222
 Стасов В.В. 285, 286, 299
 Стебе *см.* Штейбен Ш. (К.К.)
 Степанов И.М. 26, 27
 Степанов Ф.Ф. 325
 Степанова А.М. *см.* Брянская А.М.
 Стербини П. 255
 Струтт Я.Г. 228
 Сумароков А.П. 12
 Суриков В.И. 138
 Сухих А.А. 359
 Сухих Е.А. 359
 Сухих Е.А., младш. 359
 Сыченев 40
 Тадси 231
 Тальони М. 187
 Тардые П.-А. 55–59, 308–310, 312, 313
 Тассо Т. 216–218, 228
 Тверской М.И. 17
 Тверской Н.М. 34, 35
 Теодорих Великий 158
 Теребенев М.И. 44
 Тернер Д.М.У. 107, 109, 320, 322
 Тимм Э.-К.-Ш.Ф. *см.* Брюллова Э.-К.Ш.Ф.
 Тинторетто (Робусти Я.) 137
 Тит, имп. 141
 Тициан В. 56, 100, 137, 162, 312, 314, 336
 Толстая А.И. 224, 299, 300

Толстая П.Н. *см.* Жеребцова П.Н.
Толстой Ф.П. 176, 222, 224, 299
Томаринский А.И. 150, 151
Томаринский (Тамаринский) М.А. 150, 151, 178, 203
Тон А.А. 70, 76, 77
Тон К.А. 70, 138, 152, 176, 225, 226, 234
Тончи С. 369, 381
Торвальдсен Б. 170, 248
Торлони А. 162, 184, 187
Тоски П. 133, 157, 272, 336, 340
Трезини Д. 122
Трентанове 259
Трубецкой 138
Тулльп Н. 337
Тургенев А.И. 194
Тыранов А.В. 214
Тьер А. 75
Тютчев Ф.И. 195, 279
Уайет Г. 112
Угрюмов Г.И. 303
Удино Н.-Ш. 262–265, 267–269, 272
Уилки Д. 103, 106, 317, 320, 322, 324
Умнов Д.Н. 295
Устинов 120, 122
Уткин Н.И. 6, 7, 24, 26, 27, 38, 40, 41, 44, 45, 48, 53, 55–58, 64, 74, 101, 133, 177, 212, 215–219, 275–280, 282, 287, 292–297, 299–301, 308, 313, 317, 329, 331, 332, 336, 352, 354
Уткин П.П. 292
Уткина А.С. 275
Уткина Д.И. *см.* Савельева Д.И.
Уткина М.И. 38, 40
Уткина П.И. 275
Ухтомский А.Г. 6
Ухтомский К.А. 299
Уччелло П. 284
Ушаков Д.М. 18
Фаббрис Д. 228
Файбисович В.М. 24
Фальконетто Д.М. 220
Фалькуччи А.-М. *см.* Кипренская А.-М.
Федоров (Худоярков) С.Ф. 133, 135, 137
Федотов П.А. 34
Ферретти *см.* Пий IX
Ферретти П. 241

Фет А.А. 154
Фидиас *см.* Фидий
Фидий 142
Филдинг 325
Филипп Дориа-Памфили-Ланди, кн. 230
Филиппо Нери, св. 236
Филипс Т. 320
Финден У. 112
Финден Э.Ф. 112
Флаксман Д. 248
Флор Ф. 199
Фонтана 231
Фонтана Д. 167, 239
Фоняев Н.Н. 19
Франц Иосиф I, имп. 273
Франциск Ассизский 210
Франциск из Паолы 168
Френ Х.Д. 44, 302
Френцель Д.Г.А. 53
Фреци 273, 291
Фридрих Вильгельм Гессен-Кассельский, принц 199
Фридрих Людвиг Мекленбург-Шверинский, принц 12
Фуга Ф. де 161
Хамфрис У. 109
Хелст ван дер Б. 121, 337
Херасков М.М. 12
Хикс Р. 320
Хильтон В. 319
Хогарт У. 112, 303, 330, 332, 339
Холл Д. 103
Хомяков А.С. 200
Хоррокс Д. 98
Цевловская Е.Н. *см.* Водовозова Е.Н.
Цицерон Марк Туллий 216
Цолликофер Е.Т. 174
Чеймберс У. 105
Чентри Ф.Л. 319, 322
Ченчи 201, 202, 228, 245, 259
Ченчи А. 236
Ченчи Б. 227, 228
Ченчи Д. 160, 166
Ченчи М.Д. 160, 166, 259, 261
Ченчи Ф. 160, 166, 234–236, 250, 259
Ченчи Фр. 227
Чернецов Г.Г. 214

Чернецов Н.Г. 214
Чернов И.П. 19, 20
Чернуцкий 266
Чернышева-Кругликова Е.И. *см.* Черткова Е.И.
Чертков Г.И. 174
Черткова Е.И. 174
Чиголи (Карди Л.) 8, 110, 112, 125, 330, 332, 333, 336, 338–340
Чижев Ф.В. 186, 200
Чичеровакхио 260, 265, 268
Шаляпин Ф.И. 275
Шампань Ф. *см.* Шампень Ф. де
Шампень Ф. де 26, 27
Шамшин П.М. 6, 182–184
Шаповаленко *см.* Шаповаленков (Шаповаленко) И.С.
Шаповаленков (Шаповаленко) И.С. 195
Шарле Н.Т. 90
Шарлемань И. 287
Шарль-Фердинанд, герц. Беррийский 78
Шарнгорст Г.И.Д. 311
Шарп Л. 325
Шаховской А.А. 38
Шашин 35
Шебуев В.К. 138, 176, 305, 306, 353
Шевырев С.П. 355
Шекспир У. 98
Шелковников И.А. 33
Шереметев В.С. 147
Шереметев Д.Н. 147
Шинкель К.Ф. 311
Шишков А.С. 37
Шишмарев С.И. 16
Шрусбери *см.* Боргезе (урожденная Шрусбери)
Шрусбери М.Т. *см.* Дориа М.Т.
Штакеншнейдер А.А. 188
Штакеншнейдер А.И. 183, 188, 189, 275, 287
Штейбен А.В. 88
Штейбен III. (К.К.) 88, 146
Штернберг В.И. 156, 157
Штиглиц А.Л. 225
Штиглиц К.П. 225
Штиглиц Л.И. 315, 320, 322
Штраус И. 275

Шувалов А.П. 281, 304
Шувалов И.И. 304
Щедрин А.Ф. 218, 299
Щедрин С.Ф. 149, 217, 218
Щербатов 291
Щетинина-Ростовская А.В. *см.* Плетнева А.В.
Щурупов М.А. 258, 282
Эделинк Ж. 26, 27, 301
Эльсон Г.Г. 177
Эльсон М.И.(Г.) 177
Эсте Э. 217
Этти У. 319
Юлий II, Папа Рим. 142, 262
Языков Н.М. 199, 200, 303
Яков I, кор. 98
Яковлев И.А. 68

Bas 90
Boin 63, 90
Boudin 64, 65
Bruloff, m-me 300
Bufolo 236
Carobio *см.* Кавос (урожденная Carobio)
Chaillot 66, 84
Charlet *см.* Шарле Н.Т.
Constantin *см.* Константин А.
Fraehn Ch. *см.* Френ Х.Д.
Geil *см.* Жей А.Ф.Б.
Hall *см.* Холл Д.
Leroi 154
Lourieux, m-me 78
Lorieux, m-g *см.* Лорье
le Loux 92
Love 104, 110, 119, 129
Maddalena *см.* Маддалена
Nourrit *см.* Нурри А.
Patti *см.* Патти А.
Prete del 272
Raimbach, A. *см.* Раймбаха А.
Smart *см.* Смарт С.
Toschi *см.* Тоски П.
Trintanove *см.* Трентанове
Valati *см.* Валати П.
Vestris 103

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Ф.И. Иордан. Автопортрет. Гравюра с фотографии А.И. Денъера. 1871 г. С. 363.
2. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордан. М., 1918. Обложка издания. С. 364.
3. Зарянко С.К. «Портрет В.А. Иордан (Пушиной)». Холст, масло. Около 1855 г. С. 365.
4. Ф.И. Иордан «Преображение Господне». Гравюра с картины Рафаэля. 1850 г. С. 366.
5. Ф.И. Иордан «Рафаэль и Перуджино». Гравюра и рисунок Ф.И. Иордана. С. 367.
6. Ф.И. Иордан «Н.В. Гоголь». Гравюра с картины Ф. Моллера. С. 368.
7. Ф.И. Иордан «Г.Р. Державин». Гравюра с картины С. Тончи. 1861 г. С. 369.
8. Ф.И. Иордан «М.Ю. Лермонтов». Гравюра с картины К.А. Горбунова. 1859 г. С. 370.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Н.С. Беляев)	3
Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана	12
Приложения	307
Именной указатель	371
Список иллюстраций	382

**ЗАПИСКИ
РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ИОРДАНА**

Редактор О. Г. Юдахина
Оригинал-макет О. Н. Орлова

Подписано к печати 12.12.2012. Формат 60х90/24.

Печ. л. 1,25.

Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОПП

Библиотеки Российской АН

(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)